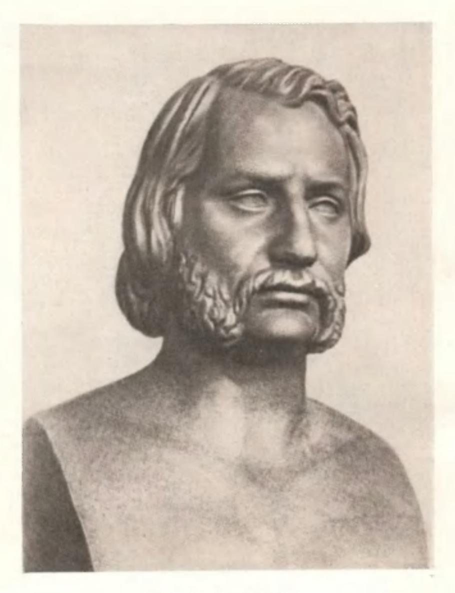
И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

2

Ив. Тургенев

И. С. ТУРГЕНЕВ
Бюст работы А. Н. Беляева, 1851 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

♦

Издание второе,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1987

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том второй

1850 — 1854

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1987

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета Академии наук СССР

*

Редакционная коллегия:

М. П. Алексеев (главный редактор),
В. Н. Баскаков (зам. главного редактора),
А. С. Бушмин, Н. В. Измайлов, Н. С. Никитина

Тексты подготовили и примечания составили:

А. И. Батюто, К. Ф. Бикбулатова, Н. П. Генералова, Т. П. Голованова, Р. М. Горохова, Т. П. Ден, А. Звигильский, Н. В. Измайлов, Л. И. Кузьмина, Ю. Д. Левин, Л. Н. Назарова, Н. С. Никитина, А. С. Розанов, Е. В. Свиясов, А. В. Соболев, Т. Б. Трофимова

Редакторы второго тома писем

П. Р. Заборов и *Н. С. Никитина*

*

Редактор издательства *М. Б. Покровская*. Оформление художника *М. В. Большакова*. Художественный редактор *С. А. Литвак*. Технический редактор *Н. П. Кузнецова*. Корректоры *Н. И. Казарина*, *Е. Л. Сысоева*

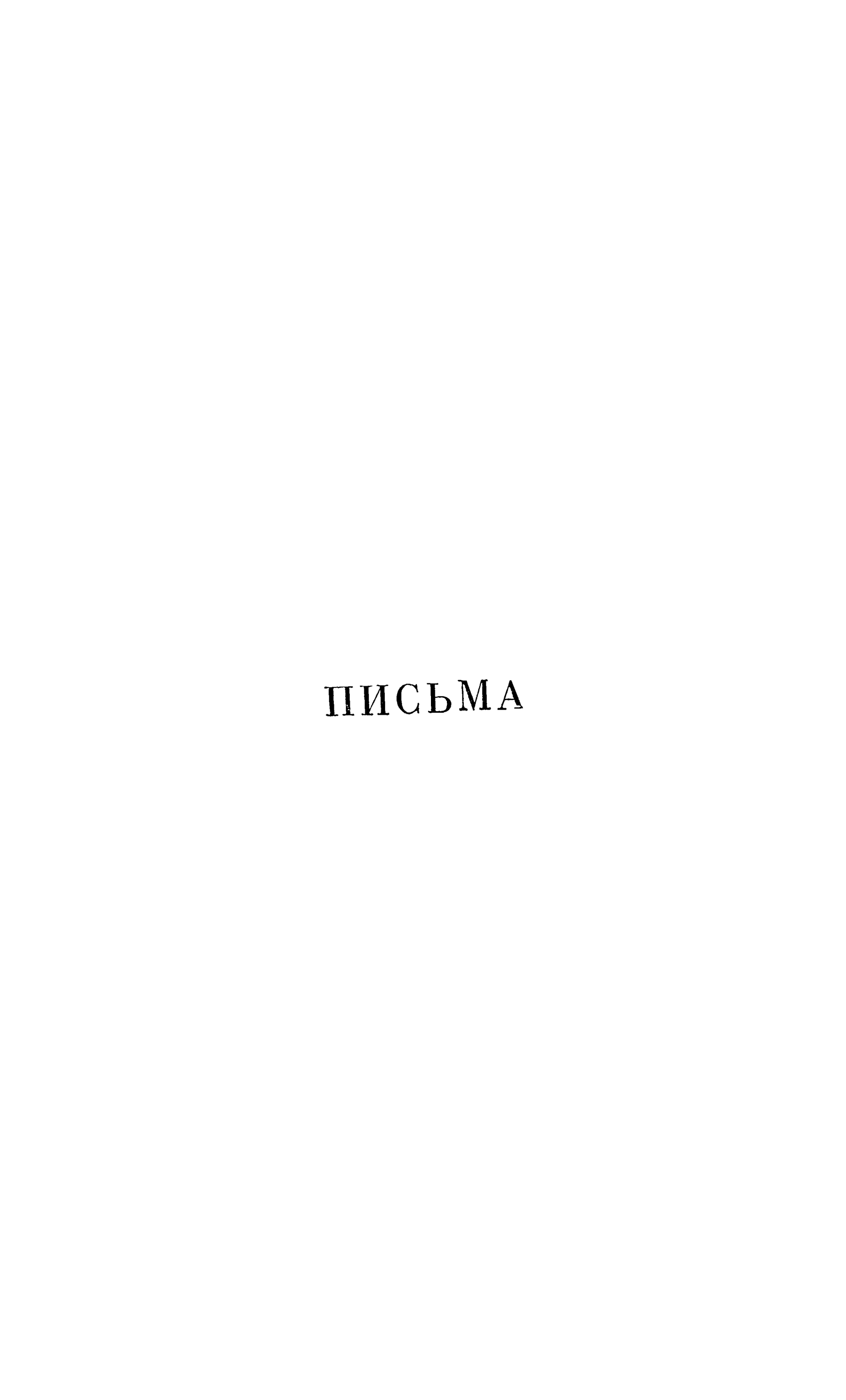
ИБ № 28602

Сдано в набор 05.11.83. Подписано к печати 07.12.84. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 32,86. Уч.-изд. л. 40,9. Усл. кр. отт. 32,86. Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 3165. Цена 4 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99 Шубинский пер., 6

Т $\frac{4702010200-011}{042(02)-87}$ Подписное

ПИСЬМА

1850

131. А. А. КРАЕВСКОМУ
10 (22) января 1850. Париж

Париж.
22-го/10-го января 1850.

Вот Вам, любезный Андрей Александрович, остальная часть «Дневника лишнего человека». Вы получите ее поздней, чем я обещал, но, я надеюсь, всё еще вовремя для напечатания в февральской книжке «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩» [1]. Кстати позвольте мне попросить Вас:

во-1-х) позаботиться о том, чтобы не было опечаток; во-2-х) по напечатании прислать мне sous bande (как посылаются журналы) *2* экземпляра «Дневника» на мой счет; в-3-х) я, кажется, в одном месте назвал Лизиного отца Кирилой Афанасьевичем; следует напечатать: Кирило Матвеич; в-4-х) слова, отмеченные « », не печатать курсивом, а с теми же знаками [2].

Извините мелочность этих замечаний; я почему-то воображаю, что «Дневник» хорошая вещь, и желал бы видеть ее — выставленную лицом, как говорится.

Я продолжаю работать над моей «Гувернанткой»; но так как я не буду в состояньи окончить ее ранее 6-и недель или 2-х месяцев — то я пока намерен просмотреть «Вечеринку» — и, выкинув из нее неудобные места, тотчас перепишу и пошлю к Вам [3]. То есть, если будет возможность сохранить ее после операции... Увидим. Во всяком случае Вы можете рассчитывать на лихорадочную деятельность с моей стороны.— Голод не тетка — и я имею свирепые намеренья на Ваш карман.

А впрочем, будьте здоровы и благоденствуйте. Крепко жму Вам руку — и желаю Вам всех благ. До свиданья в мае.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Если «Вечеринку» можно будет переделать — Вы ее получите — в половине февраля — к мартовской книжке. Addio. За мною, стало быть, две вещи: коме-

дия в 5-ти ак⟨тах⟩ и другая в 1-м ак⟨те⟩. Кстати, говорил я Вам об одной небольшой вещице под названьем «Переписка»? — Я Вам и ее могу выслать [4].

132. А. А. КРАЕВСКОМУ

23 марта (4 апреля). 1850. Париж

Париж.

4-го апреля нов. ст. / 24-го марта ст. ст.[a] 1850.

Вы, может быть, не забыли, любезный Краевский, что я имел намерение вернуться в Россию в мае месяце; я более, чем когда-нибудь, желаю теперь вернуться; для этого мне недостает одного: денег. Мне совестно говорить об этом Вам, которому я уже без того много должен; но я прошу немного: 200 р. сер. Зато я Вам предлагаю, кроме моей благодарности — во-1-х) «Нахлебника», который наконец *позволен* в Москве (сколько мне известно из письма оттуда) [1]; во-2-х) мою небольшую одноактную комедию «Завтрак у предводителя», которую г-да редакторы «Современника» вручат Вам — (их цензор почему-то заартачился — хотя ее позволили на театре) [2]; в-3-х) статью, под названьем «Переписка», которую я либо вышлю Вам до отъезда, либо привезу сам [3] — и, наконец, в-4-х) мою большую комедию — «Гувернантка»— которую я окончу в России. Я намерен выехать отсюда в половине мая — а с первым пароходом из Штеттина поплыву в Петербург. Париж я покидаю на днях и до окончательного отъезда буду жить в Брюсселе [4]. Если Вы намерены помочь мне — то вышлите мне эти 200 р. в Брюссель, poste restante — *до* 10-го мая нового стиля [5]. По приезде в Петербург мы сочтемся — и я могу Вам даже тогда возвратить Ваши деньги — если б они Вам понадобились, потому что мое семейство, которое вот уже полтора года мне не высылает ни гроша, вероятно, не поскупится, когда узнает о моем возвращеньи. Моя просьба очень важная — и Вы можете меня обязать весьма сильно. И потому, в надежде на Вас, остаюсь преданный Вам

И. Тургенев.

P. S. От Вас будет зависеть, в скором ли времени я Вам лично пожму руку. Не забудьте (*до* 10-го мая н. ст.) мой адресс — Bruxelles, poste restante.

---

[a] *Так в подлиннике.*

133. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29, 30, 31 марта, 1 апреля (10, 11, 12, 13 апреля) 1850. Париж

Paris.
Mercredi, 10 avril 1850.

Bonjour, Madame. Guten Morgen, theuerstes, liebstes Wesen.

Que vous avez été donc bonne de nous dire de si douces paroles dans votre lettre [1] — vraiment — ce serait à consoler de l'absence. Si l'absence n'était une si vilaine chose. Ah! vous êtes bien chérie et vous vous faites bien regretter! La nouvelle de la mort de ce pauvre frère de Gounod a dû vous affliger beaucoup [2]; je n'ai cessé d'y penser tout ce temps-ci; à l'heure qu'il est, vous lui écrivez probablement. Je le vois tous les jours. Il va assez bien. Seulement je prévois une chose: c'est qu'il va vouloir s'enchaîner aux côtés de sa mère et je n'ai pas besoin de vous dire les désavantages qui en résulteront pour lui. Enfin, nous verrons. Vous lui parliez dans votre lettre de la pauvre Mme Beer, qui elle aussi, vient de perdre son fils [3]: vous pouvez vous imaginer combien ce que vous lui disiez a dû l'émouvoir et le frapper en même temps. Par une coïncidence non moins étrange nous avons eu avec lui vendredi passé — la veille même de la mort de son frère — une longue conversation sur l'immortalité de l'âme... Le lendemain, je vais chez lui, sans me douter de rien: une femme, que je ne connais pas, vient m'ouvrir la porte d'un air effaré. Un mauvais pressentiment m'a saisi aussitôt; elle m'introduit dans la petite chambre. Gounod entre et me dit: Ah! mon ami — mon frère n'existe plus!.. Nous sommes restés longtemps ensemble: il se levait de temps en temps pour aller voir sa mère. Un vieux prêtre à figure vénérable est venu; il s'est efforcé de le consoler en lui parlant de la félicité à laquelle, selon toute probabilité, le défunt avait été appelé. Car il avait communié quelques jours auparavant. Eh bien! je vous assure que, malgré les excellentes intentions de ce bon vieillard, cela sonnait faux et surtout cela ne diminuait en rien la douleur...

Je tâche de lui être utile autant que je le puis; je resterai ici encore 4 à 5 jours; je ne partirai que quand je le verrai de nouveau sur la voie. Pour moi, je suis tout à fait rétabli de mon angine... et ma légitime [4] semble aussi vouloir se relâcher de ses rigueurs. A demain. Que Dieu vous bénisse mille fois! Portez-vous bien.

Jeudi.

Gounod va bien. Il a maintenant une foule de formalités à remplir; la mort d'un homme occupé laisse un terrible creux dans la vie et ce trou veut être bouché aussi vite que possible... Vous comprenez que je ne parle pas ici du vide laissé dans les affections. Cependant, je crois que dès que Gounod pourra respirer un peu à l'aise, il se remettra au travail.

J'ai vu hier pour la première fois Rachel dans «Andromaque» [5]. Ce rôle de haine et de jalousie lui va à merveille comme un moule. Elle a eu des frémissements de rage et de dédain dans la voix à rendre jalouse une hyène. Le geste qu'elle fait en lançant sa dernière malédiction sur Oreste est magnifique... Elle fait un demi-tour sur elle-même pour la lui jeter à la tête, comme un pêcheur lance son filet — c'est très énergique et très beau. Et cependant, il manque tant de choses à son talent: ou plutôt il n'y a qu'une chose qui lui manque: le cœur — et cette noblesse vraie qui ne vient que de là. Elle n'a que la noblesse du *corps*, des lignes; le cœur chez elle est remplacé par un vieux sou doré à la Ruolz; aucun accent généreux et ému n'est sorti de cette bouche crispée et vénale. C'est une nature abstraite; il n'est pas étonnant qu'elle ne se trouve à l'aise que dans les anciennes tragédies françaises, qui, toutes belles qu'elles soient (vous connaissez mon admiration pour Racine et Corneille) ne sont pourtant que des abstractions. Hermione, c'est la Jalousie, Andromaque — la Fidélité conjugale, etc., etc. Mais une fois ceci admis — quelle finesse et quelle vérité d'observation, quel travail de dentelle psychologique, quelle connaissance des moindres oscillations de la passion et quel bonheur, quelle justesse d'expression! Racine sait fixer par un vers ces oscillations fugitives, comme on fixe des papillons avec une épingle. Personne n'écrit comme cela de notre temps, pas même Mr Ponsard [6]. A propos de Ponsard, j'ai fait aujourd'hui une grande promenade aux Champs-Elysées en voiture avec ce bon Reynaud, qui m'a inondé d'alexandrins de sa composition. Je l'ai lâchement loué en face, mais à vous je puis dire que c'est bien peu de chose... c'est si peu de chose que c'en est du *rien* gâté.

Bonsoir, portez-vous bien... Je ne puis encore fixer le jour de mon départ, mais quand je pense que je vais quitter la France peut-être pour longtemps, mon cœur devient tout petit... Pauvre Courtavenel! je ne le reverrai

pas cette année... Patience. Geduld, Geduld — und wenn... A demain.

Vendredi soir.

A l'heure qu'il est, vous débutez à Berlin dans «Les Huguenots». Tous mes vœux sont pour vous et avec vous. (On les a donnés ici; Mme Laborde a eu un grand succès, à ce qu'on dit. A propos, Mme Ugalde a définitivement perdu la voix et part pour le Midi. On a donné son rôle dans le nouvel opéra de Thomas [7] à Mlle Lefèvre.)

Je n'ai pas trouvé Gounod à la maison aujourd'hui. Je lui ai laissé un petit mot où je lui donne rendez-vous pour demain à la rue de Douai [8]. Je crois que je vais partir dimanche à huit heures du soir. Mon passeport est en règle, mes malles à demi faites. Et cependant je ne sais... j'ai du regret à quitter Paris. C'est surtout Gounod qui me retient. D'autant plus que ma légitime ne grogne pas trop. Je suis bien triste... je voudrais... je ne sais pas quoi. Je ne veux pas continuer ma lettre dans cette disposition d'humeur. Je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde... A demain.

Samedi soir.

J'ai reçu aujourd'hui votre lettre, bonne et chère Madame Viardot, ainsi que celle de Viardot [9]. Voici — en deux mots — les résultats. J'ai vu Gounod aujourd'hui à la rue de Douai (il m'a dit vous avoir écrit) [10]. Sa mère accepte la proposition que vous lui faites d'aller à Courtavenel, dès qu'il fera beau; et j'en suis enchanté pour elle et pour Gounod; l'autre proposition était inacceptable pour beaucoup de raisons (je parle du changement de domicile); Gounod a dû vous les exposer [11]. Elle le devient surtout, dès qu'on accepte la première, qui, à tout prendre, est la seule importante. Pour ce qui est de l'offre exprimée dans la lettre de Viardot [12], j'ai fini par montrer cette lettre à Gounod; il en a été vivement touché et m'a prié de pouvour la garder pour la montrer à sa mère... Je ne crois pas que dans ce moment ils aient un pressant besoin d'argent. Cependant, cette offre est faite avec tant de délicatesse que, j'en suis sûr, rien ne les empêchera d'en profiter, s'ils le trouvent nécessaire. Je me suis en même temps décidé de rester 8 jours de plus à Paris; je pourrai voir G⟨ounod⟩ plus fréquemment que jusqu'à présent, et la promesse qu'il m'a faite de me montrer ce qu'il avait déjà composé [13] le remettra peut-être en train de travailler. Il nous a lu

la lettre que vous lui avez écrite: vous êtes bonne comme un ange. Vous n'avez pas besoin de me dire d'être bon pour lui: je lui ai voué une véritable amitié. Vous pouvez donc encore m'écrire ici. Je suis content de ne pas quitter Paris encore pendant huit jours. Adieu; vous êtes bien bonne et l'on vous aime beaucoup. Mille bonnes choses à Viardot.

134. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17 (29) апреля 1850. Куртавнель

Courtavenel.
Lundi, 29 avril 1850.

Midi.

Bonjour, Madame. Guten Tag, theuerstes Wesen.

Comment allez-vous maintenant — dans cet instant? Vous venez de vous lever — (il est onze heures à Berlin) — un peu fatiguée — mais nous l'espérons aussi —heureuse de votre triomphe[1] d'hier. Gounod et moi — nous vous avons suivie hier soir pas à pas. «Elle chante maintenant le petit duo» — disions-nous; «ah! maintenant, c'est le tour d'*Ah mon fils*», etc. etc.— A la fin de l'opéra, nous avons applaudi et jeté des fleurs (une branche de lilas blanc). J'espère que nous n'avons pas été les seuls.— Nous attendons la lettre de jeudi avec impatience: ce jour-là, Léger [2] nous paraîtra plus beau qu'Antinoüs.— Au moins — on ne vous tourmentera plus maintenant — et Meyerbeer cessera de boire votre sang goutte à goutte [3].— Il faut se bien porter, voyez-vous, et être bien heureuse, bien tranquille et bien gaie.

Voici trois jours que nous sommes installés à Courtavenel. Il fait très froid — on ne peut le nier — et si l'air est *piquant* à Berlin — il est perforant sur le plateau élevé de la Brie. Cependant — nous sommes contents d'y être — et la maison elle-même reprend peu à peu un air animé, secoue sa torpeur d'hiver. Jusqu'à présent personne de nous ne s'est mis au travail. Gounod nous a fait un peu de musique avant-hier et hier dans la soirée — voilà tout; mais cela va venir.— Le bateau a été remis à flot — mais jusqu'à présent l'eau l'envahit avec frénésie — ce qui le rend peu propre à la promenade: il faut attendre que le bois se gonfle.— Dites à Viardot que j'ai fait une grande excursion dans les environs: je suis allé au Jarriel, de là à Vaudoy — de Vaudoy à la Fontaine-Bernard et je suis revenu par Pécy: il faisait un vent à déraciner des chênes,

ce qui est fort peu avantageux pour la chasse — et nonobstant ma chienne m'a trouvé 7 pariades de perdrix — (je crois qu'un couple de perdrix se nomme ainsi) — et 3 cailles; Sultan a trouvé une caille. Il est grand temps que Cid [4] vienne d'Angleterre; car Sultan tourne décidément au vieux bonhomme; c'est un vétéran qui est à la veille de devenir invalide.— J'ai fait cette promenade avant-hier tout seul; hier je suis allé avec Gounod et nous n'avons vu que deux perdrix et un lièvre — près de la petite vigne.

Me voilà donc de nouveau dans les murs hospitaliers de Courtavenel, devant cette grande cheminée de marbre gris! — Je vois de nouveau le buste de Tamburini, si admiré par Jean — et le petit sanglier boiteux et sans oreilles à côté du grand chien brun à queue en trompette — et votre portrait si peu ressemblant par Sentiès en pendant à celui de votre mère [5]... Suis-je en 1850 ou bien en 1849? — Hélas — en 1849, je ne pensais pas au retour en Russie! — (NB. Nous venons, Mlle Berthe, Gounod et moi, de nous montrer combien de vêtements chacun de nous avait sur son corps respectif; et nous avons été jusqu'à la peau, Mlle Berthe aussi — sur la poitrine — bien entendu *: chacun de nous a même averti les autres quand le tour de la peau venait pour qu'on ouvrît bien les yeux).— Véronique nous fait des dîners excellents, que nous mangeons avec acharnement; et le matin, à déjeuner, nous nous disputons avec rage: j'excite l'indignation de la partie féminine de la société par mes doctrines paradoxales.— A propos de doctrines, je lis maintenant un ouvrage très curieux de Washington Irving sur Mahomet [6]: ce mélange d'enthousiasme vrai et de ruse, de foi et d'habileté qu'il y avait dans le caractère de cet homme extraordinaire est très curieux à étudier.— Mais je vais me mettre au travail — moi aussi.— Cependant, je remarque que ma lettre prend une tournure de manteau d'arlequin; c'est pourquoi je préfère la continuer demain.— Aujourd'hui je me contente de vous serrer la main aussi fort que je le puis, de vous souhaiter tout ce qu'il y a de bon et de beau au monde — et de vous assurer que vos amis vous sont dévoués — hasta la muerte — comme dit Goya [7]. Votre J. T.

NB. Jean, surnommé Diane de Poitiers ou la Belle Joconde, est remplacé enfin par Pierre ou Perrico, le Quasimodo de la Brie. Quelle chance! — Ah! que le parc est sale!!!

---

* A bon entendeur, salut.

NB. Nous vous envoyons des fleurs de lilas — selon notre promesse.

NB. Je me suis déjà battu avec le petit coq; Flore est devenue une espèce d'ours blanc, très velu. Cuirassier sue jusqu'au septième ciel — (style de Mahomet) [8]. On dit qu'il fait *tourner* tous les fromages des environs: Le Brie devient Roquefort.

P. S. *2 heures* — Gounod vient de recevoir encore une lettre de vous. Il est bien heureux [9]. — Mlle Cocotte [10] et moi, nous vous remercions de votre bon souvenir.

135. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25 апреля (7 мая) 1850. Куртавнель

Courtavenel.
Mardi, 7 mai 1850.

Gounod m'a remis votre billet, chère Madame Viardot: vous êtes bonne comme un ange, mais il m'est vraiment trop pénible de revenir sur le même sujet: ma décision me fait trop de chagrin déjà comme cela [1]. Je ne vous dirai qu'une chose: vous me recommandez d'être prudent: la prudence me conseille de revenir sur-le-champ: rester plus longtemps en Europe serait de la plus haute imprudence. Du reste, je vous ai dit toutes mes raisons dans la lettre que vous avez dû recevoir hier. Je suis au désespoir — sans phrase — de vous causer de la peine... vous pouvez facilement imaginer ce qui se passe en moi: épargnez-moi, je vous prie, mes bons amis, et ne me rendez pas ma tâche plus dure encore: elle l'est déjà bien assez, croyez-moi. Lundi prochain, je quitte Courtavenel: je resterai trois jours à Paris. Ne m'écrivez plus ici: votre lettre ne m'y trouverait plus: écrivez-moi à Paris, rue et hôtel Port-Mahon. Je partirai de Paris le 16, je serai à Berlin le 20. J'avais été trop heureux jusqu'à présent: la vie commence à me montrer le vilain revers de sa médaille. Mais il ne faut pas se laisser abattre — et il fera beau de se retrouver dans le port après avoir triomphé de la bourrasque. Pourvu que votre affection me reste — et j'y compte... je saurai bien supporter tous les désagréments imaginables. Ne parlons donc plus de ce voyage inévitable. Nous aurons le temps de le faire à Berlin.

Le temps a changé ici: il ne fait plus froid. Avant-hier, nous avons eu une journée magnifique. Seulement, si vous voulez conserver un peu de gibier dans les environs de Courtavenel, il vous faudra acheter la maison blanche [2],

vrai repaire de braconniers: il ne se passe pas de jours qu'on n'entende des coups de fusil, et en me promenant hier dans les champs, j'ai trouvé trois perdrix dépareillées. Diane [3] a fait une fausse couche: j'avoue que j'en suis assez content: c'est un grand débarras. Mais ça a fait du mal à la pauvrette. Elle va mieux maintenant. Sultan est toujours le bon gros pataud que vous savez. Je leur donne à manger sur le perron après déjeuner, mais il n'y a personne pour chanter les variations de Rode [4]. A propos de musique, Gounod a composé l'ode d'Alcée [5]: c'est tout bonnement magnifique — de style et de couleur. Il aura fort à faire pour se surpasser dans ce qu'il fera chanter à Sapho: mais je l'en crois capable. Allons, allons, je crois que son opéra sera un peu chouette. Mme Gounod semble se plaire à Courtavenel; il ne nous manque plus que le beau temps... et la présence des maîtres de la maison. Aussi, nous y pensons bien souvent. Nous vous avons bien su gré de tous les détails que vous nous avez donnés sur «Le Prophète»: les soi-disant *bons* Allemands sont donc venus à composition: wahre Meisterin im Gesang und Spiel — je crois bien! Mais quelle indignité de chuter Meyerbeer! A propos, «La Presse» annonce officiellement que Mlle Alboni va débuter dans la Fidès du «Prophète». Mr Roqueplan ne se gêne pas. Si ce début a lieu pendant mon séjour à Paris, j'irai voir ça, dût-il m'en coûter les yeux de la tête! [6]

Je viens de relire ma lettre: elle est bien froide, bien contrainte, bien peu intéressante... Ecoutez, il ne faut pas m'en vouloir. Je vous le dis sans détour: je suis horriblement triste. Je ne veux pas me rendre plus triste encore — ni vous non plus — en vous parlant de l'état de non cœur — mais je ne puis parler librement d'autre chose, à moins d'avoir recours à une gaîté forcée, qui, si vous n'avez pas deviné la *ficelle* — vous aura peut-être choquée dans ma dernière lettre. Le vin est tiré — il faut le boire... Oui, mais le goût de ce vin-là est bien amer.

N'oubliez pas d'autoriser Mme votre mère ou Mlle Berthe de prendre un homme de peine pour venir en aide au jardinier: le parc et le jardin dans la cour sont bien sales — entre nous soit dit.

Les lilas sont bien beaux dans cet instant. Tout Courtavenel me paraîtra bien beau la veille de mon départ, cher Courtavenel!

Vous voyez: quand je dis ce que je pense, je risque de vous faire de la peine... et il m'est difficile de parler d'autre chose.

J'ai relu «Jeanne» [7]: c'est doux et beau... Seulement Jeanne est parfois un peu trop pédante... Les héroïnes de Mme Sand tombent souvent dans ce défaut — témoin la petite Fadette [8], Consuelo dans «La comtesse de Rudolstadt» [9], etc. Mais tout ce qui vient d'elle porte la touche du maître. Il y a une grandeur sereine et large dans sa manière qui est admirable. Je ne connais rien de plus beau que la scène de la *fenaison*. Vous rappelez-vous la lecture de «Mauprat» [10]? J'y ai pensé sur le sommet du Pic du Midi — il y a de cela — ma foi — bientôt cinq ans; j'y penserai encore dans les steppes de la Russie et nous le relirons peut-être un jour dans ce même salon; à la place même où je vous écris cette lettre... Ce jour-là sera plus beau que celui d'aujourd'hui... Cela me fait penser à la lecture d'«Hermann et Dorothée» [11]... Vous étiez assise à cette même table ronde...

Adieu, donnez-moi vos mains, que je les serre bien fort. Portez-vous bien, que le bon Dieu veille sur vous. Mille bonnes choses à Viardot et à L⟨ady⟩ Monson. Soyez heureuse — adieu. Non — à demain.

Votre
J. Tourguéneff.

136. ПОЛИНЕ И ЛУИ ВИАРДО

2 (14) мая 1850. Париж

Paris.
Mardi, 14 mai 1850.

Je m'empresse de vous dire, mes chers et bons amis — (et je le fais avec la joie d'un enfant) que, grâce à une des lettres que j'ai reçues ce matin de Bruxelles — non seulement je puis — mais je dois rester encore quelque temps en Europe.— Je vais vous conter tout cela succinctement.— Ce matin à 9 heures je me présentai fort ému à la poste: on m'y remit *cinq* lettres.— Je regardai avidement les adresses avant de les ouvrir — je reconnus toutes les écritures: la 1re était de vous — (cette ancienne petite lettre que vous m'écrivîtes à Bruxelles), la 2de de mon frère, la 3ème de la jeune demoiselle adoptive de ma mère [1], la 4me de Krajeffski — la 5me enfin d'un ami de Pétersbourg, que je ne veux pas nommer [2]. Je commençai par la vôtre — à tout seigneur tout honneur — et puis, quoi que vous en dites, vous ne m'avez pas trop gâté sur ce chapitre-là cet été — je connais quelqu'un à qui j'ai plus d'une fois porté envie— en recevait-il des lettres celui-

là! et *charnues*, pleines, à écriture serrée, se resserrant encore vers la fin [3] — j'ai donc lu votre petit billet le premier et je l'ai trouvé adorablement bon et charmant, comme tout ce qui vient de vous [4].— Puis, j'ai ouvert la lettre de mon frère.— Loin de pouvoir m'envoyer de l'argent, il est lui-même dans un état atroce: ma mère lui a fait quitter sa place à Pétersbourg où il recevait des appointements assez considérables — en lui promettant en revanche de consentir à son mariage et de lui abandonner la direction de ses biens... Il a accepté pour sa femme... mais une fois le mariage consommé, ma mère ne lui a rien donné... Elle a même fait en sorte que notre petit bien ne nous appartient plus — et le voilà maintenant complètement à sa merci, sans le sou, dans une des terres de ma mère qu'on lui a confiée pour *l'administrer*. Vous vous imaginez le ton de désolation qui règne dans sa lettre. Il me raconte tout ce que sa pauvre femme a à subir de désagréments, etc. etc. etc. [5] Je comprends maintenant pourquoi avec le peu de caractère que Dieu lui a donné, il n'a pas eu le temps de penser à moi — et je le plains de tout mon cœur. J'ai ouvert ensuite la lettre de la demoiselle.— Cette jeune personne me fait la grâce de m'envoyer 2500 francs — et me traite, probablement d'après des ordres donnés, en véritable fils prodigue, repentant et *gueux*.— Il faut que je sois à Moscou pour le 1er juin, jour de sa fête — et alors on verra si je mérite qu'on me pardonne [6].— J'ai empoché les 2500 francs sans le moindre remords de conscience, car mon petit bien dont on a confisqué les revenus me rapportait presque le double par an — et voici 18 mois que je ne reçois pas le sou.— La lettre de Krajeffski était très courte: pas un mot sur mon retour, des compliments sur mes derniers ouvrages [7], l'annonce que la censure avait complètement défiguré le dernier [8] — et une lettre de change de 800 francs [9].— Arrive enfin la dernière lettre: celle-là vient d'un ami pas très intime — mais il m'a rendu un service plus grand que tous les autres: il m'écrit une lettre de deux pages, envoyées *par occasion de Berlin*. Voici ce qu'il me dit: «Mon cher ami, j'apprends que vous avez l'intention de retourner en Russie; je serais enchanté de vous y revoir — et je crois même que vous pourriez le faire avec assez de sûreté — votre nom n'ayant pas *encore* été prononcé en certain lieu; cependant, je vous conseillerais d'attendre: dans cet instant, on organise une véritable *battue* (c'est là le mot dont il se sert) contre tous les gens un tant soit peu suspects dans toute la Russie: les arresta-

tions pleuvent — l'Emp<ereu>r, qui s'en va à Varsovie est d'une humeur très *belliqueuse*; il faut laisser passer cet orage; je sais que vous n'avez jamais eu de démêlés avec la politique et vos ouvrages (c'est lui qui parle) pourraient vous protéger jusqu'à un certain point — cependant, si rien ne vous presse, *attendez encore... Vous pouvez le faire en toute sûreté, je vous en réponds*». (Ces derniers mots sont deux fois soulignés par lui dans sa lettre.) «Ne revenez pas aussi longtemps que le vent n'aura pas tourné, entendez-vous?»

Cet ami a des parents en haut lieu et bien renseignés.— Sa lettre coincidait très bien avec le secret désir que j'avais de rester ici encore quelque temps — pour que je ne profitasse pas des conseils qu'elle renferme et que je crois très raisonnables.— Dans tous les cas, je puis en toute sûreté de conscience attendre maintenant votre retour à Courtavenel — et là nous débattrons gravement et définitivement cette affaire.— Allons! — un grand poids m'est tombé du cœur — je suis heureux et content comme un enfant.— Je suis heureux — et cependant je ne crois pas avoir fait acte de faiblesse — n'est-ce pas? — Allons, allons — die schönen Tage von Aranjuez sind noch nicht vorüber [10]. Vive<nt> les bons et vrais amis qui pensent aux absents, vive Courtavenel, vive la République, vive «Sapho», vive Viardot, vive Pauline Viardot, vive... Je ne sais plus quoi ajouter.— Vive tout — excepté ce qui est méchant.

Je repars demain pour Courtavenel — j'ai pleuré comme une bête dans la diligence depuis Rozay jusqu'à Fontenay — mais je ne m'en repens pas — je vais rire comme un bossu pendant le même trajet — je ramène Diane; j'embrasserai tout le monde jusqu'à Cuirassier.— Hourrah! Vive la République! — — — Ecrivez-moi, je vous en supplie, à Courtavenel, dès que vous aurez reçu cette lettre — пожалуйста, пожалуйста.

Vive la République!

J'ai été hier avec Mlle Berthe entendre Mlle Alboni dans «Le Prophète»: son succès y est très grand, quoique pas aussi grand que pourraient le faire croire les journaux.— Rassurez-vous — vous n'avez rien à craindre d'elle... ce ne sera jamais (dans son jeu) qu'une écolière et son chant n'est pas plus dramatique que ma botte.— Elle vous copie *servilement*, jusque dans les moindres gestes, les moindres détails de jeu scénique, d'intonation, de costume... mais il y a pour le moment engouement.— Cependant, il n'y a pas eu de bouquets hier... mais Roqueplan la soigne

comme personne n'a été soigné.— Je n'ai jamais vu de claque plus formidable et mieux disciplinée. On ne lui fait pas du tout répéter le «Comme un éclair» qu'elle dit mal.— Je voulais remettre le détail de cette représentation jusqu'à demain — mais je puis aussi bien le faire aujourd'hui. — La ritournelle qui précède son entrée m'a péniblement serré le cœur... elle entre, descend les marches... Grand applaudissement. Elle est vêtue comme vous — seulement on lui a ajouté un grand manteau de même couleur pour cacher son obésité.— Elle commence le récitatif: bonne prononciation, voix empâtée, grasse, mais huileuse et douce à l'oreille.— Le petit duo avec Berthe. Insignifiant... on ne l'entend pas.— Dans le jeu copie servile. Elle n'est pas sotte et sait tirer parti de sa graisse pour se donner un chic maternel.— «Ah! mon fils» — très bien chanté — mais comme on chante un air de concert: pas la moindre émotion dans la voix — absence d'émotion dans le public, mais grand applaudissement.— En général, le public ne m'a pas paru une seule fois ému dans tout le courant de la soirée — mais séduit par le charme physique de la voix. Combien de gens n'en demandent pas davantage — et en veulent même secrètement à ceux qui le leur donnent! 4me acte. Air de la mendiante — peu d'effet — on n'a pas oublié votre: à mon pauvre enfant. Duo avec Berthe — bien.— Cependant, je ne sais pourquoi, mon oreille commençait déjà à en avoir assez de cette pâte douce et molle.— Scène de l'église.— Imprécation — dite sans énergie, avec un trait italien à la fin — et cependant applaudie avec trépignement — pour le trait et pour les notes basses du «qu'il soit maudit».— Scène avec Jean jusqu'à la fin: essoufflé, faible, écourté.— Cela une création — un type! c'est une écolière, je le répète, qui se met en quatre, qui copie avec le plus de soin qu'elle peut.— Pas grand succès.— Les Français sont cependant de grands badauds: vous lirez dans les journaux des phrases telles que celles-ci: sobriété de geste, etc.— Tout cela, c'est des bêtises... Elle *veut* faire ce que vous faites, mais son corps gras et lourd s'y refuse — elle reste à mi-chemin — et on nomme cela «sobriété».— Je le crois bien, parbleu! Je suis sûr que tout cela n'est rien et peut-être servira-t-il à faire ouvrir aux Parisiens les yeux sur la grandeur et la largeur de votre talent. Vous êtes une nature d'élite, Mlle Alboni est une excellente chanteuse.

137. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4, 6, 7 (16, 18, 19) мая 1850. Куртавнель

Courtavenel.
Jeudi, 16 mai 1850.

Bonjour, chère et bonne Madame Viardot. Guten Morgen, theuerste Frau.

Me voilà donc de retour dans ce cher Courtavenel. Il commence à se faire propret et coquet. Je vais me mettre à le soigner à fond. J'ai trouvé tout le monde bien portant et je dois dire que mon arrivée a paru faire plaisir. Je les ai embrassés tous avec bonheur. Le bon Gounod était venu à ma rencontre à Rozay dans le tilbury [1]. J'ai passé une excellente nuit dans ma nouvelle chambre (la plus proche du cousin Théodore [2]).

Samedi.

Le facteur est venu interrompre ma lettre; je vous ai écrit deux mots que j'ai mis dans la lettre de Gounod, qui nous a lu quelques passages de la vôtre. Vous lui parlez d'une lettre que Viardot et vous m'auriez écrite; je ne l'ai pas reçue à Paris; peut-être l'aviez-vous envoyée à Bruxelles, dites-le moi, pour que je puisse la faire venir [3]. J'espère que vous ne m'en voudrez pas de ne pas venir à Berlin — puisque je suis à Courtavenel. Je vous avouerai que je suis heureux comme un enfant d'y être; je suis allé dire bonjour à tous les endroits auxquels j'avais déjà dit adieu avant de partir. La Russie attendra — cette immense et sombre figure immobile et voilée de nuages comme le sphinx d'Œdipe [4]. Elle m'avalera plus tard. Je crois voir son gros regard inerte se fixer sur moi avec une attention morne, comme elle convient à des yeux de pierre. Sois tranquille, sphinx, je reviendrai à toi, et tu pourras me dévorer à ton aise, si je ne devine pas l'énigme. Laisse-moi en paix pendant quelque temps encore! Je reviendrai à tes steppes.

Pour le moment je suis en Brie et je ne m'en plains pas. Deux hommes travaillent incessamment dans le parc, qui se débarbouille peu à peu. Il a *moins* l'air d'une barbe très mal faite qu'auparavant: il sera charmant pour votre retour! Des vieilles femmes viendront enlever le bois mort qui l'encombre. On posera des bancs moins dangereux pour ceux qui s'asseoiront dessus. La balançoire sera arrangée, etc., etc. Je réponds de tout cela sur ma tête — vous verrez.

Il a fait très beau aujourd'hui. Gounod s'est promené tout le jour dans le bois de Blandureau à la recherche d'une

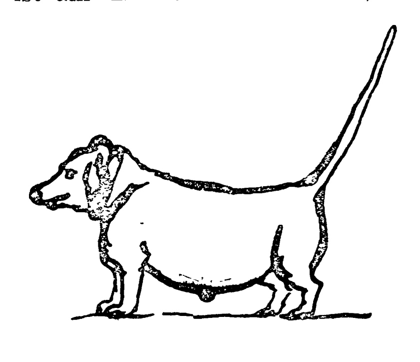
idée; mais l'inspiration, capricieuse comme une femme, n'est pas venue, et il n'a rien trouvé. C'est du moins ce qu'il m'a dit lui-même. Il prendra sa revanche demain. Dans ce moment il est couché sur la peau d'ours en mal d'enfant, il a une obstination et une ténacité dans son travail, qui font mon admiration. Le vide de la journée d'aujourd'hui le rend très malheureux; il pousse des soupirs gros comme le bras et n'est pas capable de se distraire de sa préoccupation. Dans sa désolation il s'en prend au texte; j'ai tâché de le remonter et je crois y être parvenu. Il est très dangereux de se laisser aller sur cette pente: on finit par se croiser les doigts sur le ventre et l'on se dit: «Mais tout cela est atroce!» J'ai reçu ses doléances un peu en riant, car je sais que tous ces petits nuages disparaîtront au premier souffle et je suis très flatté d'être le confident de ses petites douleurs de création.

J'ai attrapé un assez gros rhume à Paris, qui se dissipe à l'heure qu'il est. A propos, vous savez déjà que la petite Louise a très heureusement subi l'indispensable visite de la rougeole. La voilà quitte maintenant de cette vilenie. A demain. Que le bon Dieu veille sur vous. Nous sommes très heureux de vos succès. Ce monstre de Gounod, qui reçoit des lettres de 8 pages! Enfin! je ne veux pas lui envier son bonheur. A demain.

Dimanche.

Eh bien! j'avais raison de dire qu'il prendrait sa revanche: il a trouvé une très belle chose pour vous. Jusqu'à présent il n'avait pas abordé votre rôle. C'est plein d'élan, c'est généreux et pathétique — de ce pathétique doux et pénétrant qui lui est propre. Ce qui manque un peu à Gounod, c'est le côté brillant, populaire; sa musique est comme un temple; elle n'est pas ouverte à tout venant. Aussi je crois que, dès sa première apparition, il aura des admirateurs enthousiastes et un grand succès de musicien dans le public; mais cette popularité volage, sauteuse et remuante comme une bacchante n'ira pas se pendre à son cou de suite; je crois même qu'il la dédaignera toujours. Sa mélancolie si originale dans sa simplicité et qu'on finit par aimer si tendrement n'a pas des formes saillantes qui s'enfoncent dans l'oreille; il ne pique pas, il n'émoustille pas l'auditeur — il ne le chatouille pas; il possède une foule de tons sur sa gamme — mais tout ce qu'il fait — jusqu'à une chanson bachique comme «Trinquons» — porte un cachet élevé; il idéalise tout ce qu'il touche — mais en s'élevant

on quitte la masse. Du reste, parmi cette grande quantité de petits talents vulgairement spirituels, compréhensibles non pas à force de lucidité, mais de trivialité — l'apparition d'une nature musicale comme celle de Gounod est quelque chose de si rare, qu'on ne saurait la saluer avec assez de bonheur. Nous avons beaucoup parlé de tout cela ce matin. Il se connaît, lui autant qu'homme peut se connaître. Je lui recommande de travailler surtout Glycère[5]: pour Sapho, je sais bien qu'elle sortira belle et grande de ses mains. Je ne crois pas non plus qu'il ait la veine comique man ist am Ende... was man ist, dit Göthe [6]. Mais vous pouvez vous imaginer avec quelle impatience il vous attend — *nous* vous attendons (je ne parle maintenant que sous le rapport musical) — je puis dire: *nous* vous attendons, car ayant assisté et assistant encore à l'enfantement de «Sapho», j'y prends un intérêt particulier, j'oserais dire presque paternel.

Je sens que nous sommes liés d'amitié, d'amitié vraie; je crois qu'il est content de m'avoir auprès de lui. Mais venez, venez et vous verrez. Ce qu'il a fait aujourd'hui est vraiment beau et il me semble que, rendu par vous, cela fera palpiter. Venez seulement, et vous verrez.

Il fait aujourd'hui un temps superbe; c'est la première journée d'été que nous ayons eue, chaude et claire. Les arbres, l'herbe, tout est heureux, frais, calme, jeune... Mais nous avons des hannetons en masse. Les chiens les mangent il est vrai... mais qu'est-ce que deux chiens contre mille millions de milliards d'hannetons? Diane est complètement rétablie, Sultan redevient ventru. Voilà son portrait: Véronique prétend que quand on pourra faire renoncer à manger ce chien!!.. et elle n'achève pas sa phrase. Et cependant, je fais tout au monde pour l'empêcher d'engraisser: je le fais manger perpendiculairement en le tenant par les pattes de derrière — rien n'y fait. Le facteur vient d'arriver. Je n'ai que le temps de vous serrer les mains bien fort et vous bénir tous.

Votre J. Tourguéneff.

138. А. А. КРАЕВСКОМУ

9 (21) мая 1850. Париж

Париж,
$\frac{\text{21-го}}{\text{9-го}}$ мая 1850-го года.

Я получил Ваше письмо здесь, любезный Андрей Александрович [1], — я по разным причинам еще не покинул Парижа — и очень благодарен Вам за присланные деньги [2]. Через месяц — никак не позже — я буду иметь удовольствие пожать Вам руку в Петербурге [3].— Сожалею об участи «Дневника» — тем более, что я никак не ожидал, чтобы цензура напала на такое невинное произведение — но судьбы неисповедимы. Ла Илла ил Алла, Магомед Резул Алла!![4] — Я сильно начинаю склоняться к магометанской вере. Прощайте, будьте здоровы — и до свиданья.

Ваш
Ив. Тургенев.

На конверте:

Russie, St-Pétersbourg.
Его высокоблагородию
Андрею Александровичу Краевскому.
В *С.-Петербурге.*
В конторе редакции журнала «Отечественные записки».

139. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9 (21) июня 1850. Париж

Paris.
Mercredi[a], 21 juin 1850.

Bonjour, ma chère et bonne Madame Viardot. Que Dieu vous bénisse et vous protège à chaque instant de votre vie! Hélas, oui — je pars mardi. Vingt-quatre heures de réflexions n'ont fait que me confirmer dans ma résolution. Je vous avais promis pour aujourd'hui une lettre plus détaillée [1], mais à quoi bon? Qu'il vous suffise de savoir qu'il m'est impossible de remettre mon départ; vous pensez bien que sans des raisons bien graves, je n'aurais jamais pris une semblable détermination [2]. Je pars — mais avec quelle tristesse dans l'âme, avec quel poids sur le cœur!

Allons — il ne faut plus y penser — et cependant je ne saurais parler d'autre chose. Je le pourrai, une fois de

---

[a] *Так в подлиннике.*

retour en Russie, mais ici, maintenant, cela m'est impossible... J'ai écrit aujourd'hui au bon Gounod et à tous les habitants de Courtavenel, de ce cher Courtavenel, qui me semble maintenant le plus bel endroit de la terre, et dont je garderai le souvenir aussi longtemps que je vivrai. Quand le reverrai-je? Quand vous reverrai-je? Il faut espérer — pas trop tard.

Il y a longtemps de cela vous m'avez montré un air composé par votre sœur, encore toute jeune, sur ces paroles de Métastase: «Ecco il un fiero istante» [3]. Je me rappelle, j'en ai été frappé alors comme d'un lugubre pressentiment. Depuis quelques jours ces mots ne me sortent plus de la tête. Addio, addio. Voilà que ce mot: addio réveille en moi un autre souvenir: j'étais à Rome pendant le carnaval de 1840. Je traversais une petite rue isolée, quand tout à coup j'apperçus sur le seuil d'une porte une belle fille en costume de paysanne d'Albano, qui tenait la main d'un homme enveloppé dans un manteau brun et lui disait en fondant en larmes: «Addio, addio». Elle le disait d'une voix si pénétrante, si claire et si brisée en même temps que le son m'en est resté dans l'oreille et que je crois l'entendre encore maintenant [4]. Je ne sais pas trop pourquoi je vous raconte tout cela. Addio!

Gounod et moi, nous avons maintenant, chacun de nous, vos deux daguerréotypes. Les yeux du mien semblent regarder. Je suis bien content de l'avoir.

J'ai vu hier Mlle Rachel dans «Angelo» [5]; elle y est médiocre et la pièce est détestable. Mais les costumes de Mlle Rachel sont magnifiques.

Dites à Chorley que je ne partirai pas sans lui écrire; que je tiens trop à son bon souvenir pour ne pas le lui dire. Saluez de ma part aussi Lady Monson et les East [6]. Pour le bon Viardot, je l'embrasse sur les deux joues. Diane ne verra pas Cid! Pauvre fille, elle aura bien froid en Russie, comme son maître.

Vous ne m'en voulez pas, n'est-ce pas, de ce que je vous écris d'aussi petites lettres? Que voulez-vous — je ne veux pas vous attrister et un proverbe russe dit qu'on parle surtout de ce qui vous fait mal. Demain nous aurons des nouvelles de la représentation d'hier. J'espère qu'elles seront excellentes. J'ai beaucoup pensé à vous toute la soirée. Mais quand est-ce que je ne pense pas à vous?

Ah! donnez-moi vos mains, mes bons amis. Que je les serre bien fort, bien fort! Je vous écrirai tous les jours jusqu'à mon départ, et ensuite. Il paraît qu'on a livré

2.

2

Парижъ 1850

22 / 10 Іюня 1850 г.

Я пріѣхалъ изъ деревни, любезный Александръ
часъ спустя послѣ твоего отъѣзда — ты можешь себѣ
представить какъ мнѣ было это досадно — и вотъ
опять разъ ещё разъ я [illegible] [illegible] передъ воз-
вращеніемъ въ Россію. — Да, братъ, я возвращаюсь; всѣ
вещи мои уложены и послѣ завтра я покидаю Парижъ
и черезъ недѣлю, въ будущую субботу садусь на па-
роходъ въ Штеттинѣ. — Ты можешь быть увѣренъ, что
всѣ твои письма и бумаги будутъ мною доставлены
въ цѣлости — и хотя я не удостоился [illegible] [illegible]
[illegible] о матери твоей [illegible] — я исполню
всѣ свои обязанности; буду высылать тебѣ книги и
журналы на имя указанное тобою, какъ мы условились — и Ротшильду; я сегодня же дамъ ему знать
и узнаю его адресъ. — Богъ знаетъ когда мнѣ
придется тебя увидѣть въ другой разъ; Богъ знаетъ
что меня ждётъ въ Россіи — mais le vin est tiré —
il faut le boire. — Въ случаѣ какого нибудь
важнаго [illegible] — ты можешь [illegible] меня
[illegible] въ [illegible] Journal des Débats
que Mr Louis Morissot de Caen и т. д.

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА к А. И. ГЕРЦЕНУ
от 10(22) ИЮНЯ 1850 г.

Первая страница.

le pauvre Bakounine aux Autrichiens, c'est-à-dire à la mort. Qui me l'aurait dit, il y a dix ans, quand nous vivions tous deux dans la même chambre...[7]

Adieu. Que le bon Dieu veille sur vous incessamment. Soyez heureuse, bénie, gaie, contente et bien portante. Pour moi, je suis à tout jamais

votre

J. Tourguéneff.

P. S. Soyez heureuse — c'est la prière de tous mes instants.

140. А. И. ГЕРЦЕНУ

10 (22) июня 1850. Париж

Париж.

22-го / 10-го июня 1850-го г.

Я приехал из деревни, любезный Александр, час спустя после твоего отъезда[1] — ты можешь себе представить, как мне было это досадно — я бы так был рад еще раз с тобой повидаться перед возвращеньем в Россию.— Да, брат, я возвращаюсь; все вещи мои уложены, и послезавтра я покидаю Париж и через неделю, в будущую субботу, сажусь на пароход в Штеттине[2]. — Ты можешь быть уверен, что все твои письма и бумаги будут мною доставлены в целости — и хотя ты не удостоил меня даже извещением о месте твоего пребыванья — я исполню все свои обещанья; буду высылать тебе книги и журналы на имя девицы Эрн, как мы условились — к Ротшильду; я сегодня же зайду к нему и извещу его об этом.— Бог знает, когда мне придется тебе писать в другой раз; бог знает, что меня ждет в России — mais le vin est tiré — il faut le boire.— В случае какого-нибудь важного обстоятельства — ты можешь известить меня помещением в объявлениях «Journal des Débats», que m-r Louis Morisset de Caen и т. д. Я буду читать этот журнал и пойму, что ты захочешь мне сказать[3].— Прощай, милый Герцен; желаю тебе всех возможных благ; я от твоего имени обниму всех твоих друзей — мы много будем говорить о тебе с ними. Постараюсь также по тому же адрессу доставить тебе сведения об Огареве[4] и пр.— Будь здоров и действуй по возможности. Крепко жму руку твоей жене и целую твоих детей. Мой поклон Гервегу и его жене. Еще раз обнимаю тебя и остаюсь

твой

И. Тургенев.

141. ЛУИ ВИАРДО

12 (24) июня 1850. Париж

Paris.
Lundi,
24 juin 1850.

Je ne veux pas quitter la France [1], mon cher et bon ami, sans vous avoir dit combien je vous aime et vous estime, et combien je regrette la nécessité de cette séparation. J'emporte de vous le souvenir le plus affectueux; j'ai su apprécier l'excellence et la noblesse de votre caractère, et, croyez-moi, je ne me sentirai véritablement heureux que quand je pourrai de nouveau, à vos côtés, le fusil à la main parcourir les plaines bien-aimées de la Brie. J'accepte votre prophétie; je veux y croire [2]. La patrie a des droits sans doute; mais la véritable patrie n'est-elle pas là où on a trouvé le plus d'affection, où le cœur et l'esprit se sentent plus à l'aise? Il n'y a pas d'endroit sur la terre que j'aime à l'égal de Courtavenel. Je ne saurais jamais vous dire combien j'ai été touché de tous les témoignages d'amitié que j'ai reçus depuis quelques jours; je ne sais vraiment pas par quoi je les ai mérités; mais ce que je sais, c'est que j'en garderai le souvenir dans mon cœur aussi longtemps que je vivrai. Vous avez en moi, mon cher Viardot, un ami dévoué à toute épreuve. Allons, vivez heureux; je vous souhaite tout ce qu'il y a de bon au monde. Nous nous reverrons un jour; ce sera un jour heureux pour moi, et qui me dédommagera amplement de toutes les tristesses qui m'attendent. Je vous remercie de vos bons conseils et vous embrasse avec effusion.

Soyez heureux, mon bon et cher Viardot, et n'oubliez pas votre ami

J. Tourguéneff.

142. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12 (24) июня 1850. Париж

Paris.
Lundi, ce 24 juin 1850.

J'ai reçu votre lettre avant-hier [1], chère et bonne Madame Viardot, et ne vous réponds qu'aujourd'hui... Ah! mon Dieu, je voudrais être déjà hors de Paris; il me prend ici des défaillances de tristesse et de découragement... Je devais prévoir ce qui m'arrive maintenant — je savais bien que je ne pouvais pas rester éternellement en France et cependant ce départ me cause un déchirement indicible... Je pars demain à 8 h. du soir; je vous écrirai encore avant

de me mettre en route. J'espère que j'aurai une lettre demain; vous me l'avez promise [2] et véritablement j'en ai besoin. Je suis comme la Perette du Pot au Lait [3]; ma cruche est tombée par terre et j'en regarde tristement les éclats, sans chercher même à retenir une partie du fluide qui s'échappe... Adieu, adieu, je m'enfonce dans le désert; à chaque pas que je fais en avant, il se déroule devant moi plus immense et plus désolé. Adieu. Que Dieu vous protège et veille sur vous!

J'ai reçu une excellente lettre de Gounod. C'est un cœur d'or. Sa mère et Mlle Berthe me disent aussi des paroles bien affectueuses. Je ne croyais pas être tant regretté... j'en ai été touché jusqu'aux larmes. Que Dieu leur rende leur bonté en bonheur! Ah! mes amis, ce cœur qui vous quitte saigne à s'épuiser...

Pourquoi ne m'avez-vous rien dit de votre triomphe de jeudi passé? Tous les journaux vous prodiguent des éloges enthousiastes. Croyez-vous donc que je puisse jamais être assez triste, assez préoccupé de mes propres chagrins pour ne pas être heureux de vos succès, pour ne pas désirer savoir les moindres détails de ce qui vous arrive? Si vous pouvez le croire, vous vous trompez fort. Au contraire, je vous prie de ne pas m'épargner dorénavant ces détails et d'être persuadée que jamais rien ne me sera si cher... Ah! vous le savez bien!

Permettez-moi de vous laisser en souvenir un petit tapis, que j'ai toujours eu près de mon lit. Il n'est pas beau, mais vous pourrez le mettre dans votre antichambre. Mettez-le dans un endroit où vos regards puissent tomber sur lui au moins une fois par jour. Je le déposerai chez votre portier.

Dès demain, dès le jour de mon départ, vous pouvez m'écrire à Pétersbourg. J'ai frissonné en écrivant ces lignes. Voici mon adresse: à Mr J. T. au Comptoir de Commission et d'Agence d'Iazykoff et Cie à Pétersbourg [4]. On saura toujours là où je serai et l'on me fera parvenir vos lettres. Ecrivez-moi, je vous en prie. Je serai à Pétersbourg, si Dios quiere, mercredi prochain; j'y resterai une dizaine de jours; puis j'irai à Moscou, de là à la campagne et je serai de retour à Pétersbourg vers le 15 octobre vieux style. J'y resterai tout l'hiver. Ecrivez-moi, écrivez-moi; je ne vivrai que de l'espérance de recevoir des lettres de mes amis.

Je vous écrirai de Berlin, de Pétersbourg, de la campagne, de Moscou; oh! je vous écrirai souvent!

Je sais maintenant ce que doit ressentir une plante qu'on arrache du sol; elle avait poussé des racines de tous côtés — en toute sécurité — et voilà que tout est brisé et rompu... Non pas tout, je l'espère; nous resterons amis — n'est-ce pas — par l'affection et le souvenir...

Quand je me sens bien triste, savez-vous ce que je fais? Je rassemble toutes les forces de mon âme, je tâche de me rendre aussi bon et aussi pur que possible, je me recueille pieusement pour vous bénir, pour vous entourer de mes vœux les plus tendres... Que votre vie soit heureuse et belle — et je promets au Ciel de ne jamais lui rien demander pour moi.

Je sors pour faire mes dernières courses; je vous écrirai encore ce soir et demain. Adieu, adieu. Soyez heureuse: cela a été mon premier mot — et ce sera mon dernier.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Ci-joint deux petits mots pour Viardot et pour Chorley. Il y a *aujourd'hui* juste un an — nous lisions avec vous «Hermann et Dorothée» dans le grand salon de Courtavenel... [5] Comme le temps marche!

A ce soir. Soyez heureuse.

143. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12, 13 (24, 25) июня 1850. Париж

Lundi, 24 juin 1850.
Paris.

9 *h. du soir*. Voici donc le dernier soir que je passe à Paris, chère et bonne Madame Viardot.— Demain à pareille heure je roulerai déjà sur la route de Berlin [1].— Je ne vous entretiendrai pas de mes angoisses, de mes tristesses, vous pouvez vous les imaginer, sans que je vous attriste encore par mes paroles.— Tout mon être se résume en un seul mot: adieu — adieu.— Je regarde autour de moi, je rassemble tous mes souvenirs, jusqu'aux plus insignifiants — comme on dit que les émigrants pour l'Amérique ramassent jusqu'aux plus humbles objets de leur ménage et j'emporte tout avec moi comme un trésor.— Si vous voulez me promettre aussi de vous souvenir de moi — je crois que je supporterai l'absence avec plus de facilité — avec un cœur moins gros.— Quand vous serez de retour à Courtavenel, promettez-moi de saluer en mon nom ses murs chéris —

quand assis sur le perron par une belle soirée d'automne, vous regarderez se remuer les cimes des peupliers de la cour — pensez, je vous prie, à votre ami absent, qui aurait été si heureux de se trouver là parmi vous.— Pour moi, je n'ai pas besoin de vous promettre de penser souvent à vous; je ne ferai pas autre chose; je me vois d'ici, assis seul sous les vieux tilleuls de mon jardin, le visage tourné vers la France et murmurant tout bas: où sont-ils, que font-ils maintenant? — Ah! je sens bien que je laisse mon cœur ici. Adieu; jusqu'à demain.

Mardi, 8 heures du matin.

Bonjour, pour la dernière fois en France, bonjour, chère Madame V. Je n'ai presque pas dormi; je me réveillais à chaque instant — et je sentais ma tristesse se prolonger jusque dans mon sommeil. J'attends une lettre de vous aujourd'hui — et une de Gounod; je l'ai prié de m'envoyer le «Soir» et le «Lamento» [2]. Vous souvenez-vous — mais non — je n'en suis pas encore à trouver du charme dans ces trois mots — plus tard peut-être — mais pas maintenant. J'aurai une lettre de vous — n'est-ce pas?

Vous ne sauriez croire quel plaisir m'a causé votre rentrée triomphale [3].— Je vous en prie, quand vous m'écrirez en Russie, donnez-moi des détails minutieux de vos représentations — en général beaucoup de détails.— C'est un moyen sûr de rapprocher la distance, en la bravant. Pensez-y. Je vous assure que des mots dans le genre de ceux-ci, par exemple: «Je me suis levée ce matin à 8 heures et j'ai déjeuné devant la fenêtre ouverte de mon jardin» ôtent bien des lieues à la distance — et il y en aura beaucoup entre vous et moi.

Deux *heures* plus tard.

J'ai la tête en feu; je suis éperdu de fatigue et de chagrin. Je fais mes malles en pleurant — je ne sais plus où est ma tête — je ne sais vraiment pas ce que j'écris.— Je vous ai envoyé mon adresse — je vous écrirai de Berlin.— Adieu — adieu; je vous embrasse tous, vous, Viardot — soyez bénis — mes chers et bons amis, ma seule famille, vous que j'aime plus que tout au monde.— Merci de votre chère bonne lettre — je n'ai plus de paroles pour vous dire le bien qu'elle m'a fait — que Dieu vous bénisse mille fois.— Il est temps que je finisse — il est temps — il est temps.— Allons, du courage — et bon espoir.— Venez encore pour la dernière fois dans mes bras — que je vous serre contre

ce cœur qui vous aime tant, mes bons, mes chers amis,— et adieu. Je vous recommande à Dieu.— Soyez heureux.— Je vous aime et vous aimerai jusqu'à la fin de ma vie.— J'embrasse aussi Manuel et Lady Monson si elle le permet.— Adieu, adieu.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Je vais chez Louise; je lui porte un livre allemand pour qu'elle se souvienne, elle aussi — de l'ami absent.— Ah! je vous aime tous tant! — C'est maintenant que je le sens plus que jamais...

144. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19, 20 июня (1, 2 июля) 1850. Петербург

Vous ne sauriez vous imaginer quel plaisir m'a causé votre rentrée triomphale à Londres [1]. Décidément, vous êtes la *star* de la saison et je sens que j'aime les Anglais pour tous les hommages dont ils vous environnent. Vous avez donné mon petit billet à Chorley, n'est-ce pas? Je lui serre cordiaelement la main. Il vous aime; comment ne l'aimerais-j- pas? Je suis si heureux de causer ici, à je ne sais combien de lieues de vous — avec vous et de vous. Tous ces messieurs autour de moi ne se doutent pas quel doux souvenir je cultive (prenez ce mot dans son étymologie de culte) dans ce moment. Votre nom a été prononcé par un des Juifs du bateau: il vous a vue dans «Le Prophète» — il vous trouve très bien, mais il vous préfère Mlle... Goundi de Leipsic. Pas mal pour un Juif seul. Eh bien! j'ai eu du plaisir à l'entendre prononcer votre nom. A Paris je ne passais jamais devant une affiche sans m'arrêter pour la lire, quand je l'y voyais. Que Dieu vous bénisse, chère, bonne amie et vous conserve longtemps votre jeunesse et votre voix. Votre pauvre ami absent fait bien des vœux pour vous.

La mer est parfaitement calme, d'une couleur plombée et laiteuse. La nuit est claire — une nuit d'été à Pétersbourg. On apperçoit dans le lointain les rivages de la Finlande. Le ciel est pâle, c'est le Nord. Ces rivages sont bien plats. Les nuits sont bien plus belles à Courtavenel. Voyons, «Vallon» [2], que me veux-tu? Je sais, je sais... «D'ici je vois la vie...», «Repose-toi, mon âme...» [3]. Que me veux-tu avec ta tristesse pénétrante, avec tes accents émouvants? Laisse-moi un peu en repos, laisse-moi regarder en avant — les cordes que tu fais vibrer sont douloureusement tendues depuis quelque temps — laisse-les se reposer, se taire.

Ah! je suis bien fatigué, bien brisé, bien las.

J'ai peut-être un peu trop pleuré. Ce ne sera rien, je me remettrai.

Oui, car je veux me mettre résolument à ma besogne. Il faut arranger enfin ces insupportables affaires de famille, qui traînent après moi comme des fils d'araignée après les ailes d'une mouche qu'on vient de délivrer. Il le faut absolument et j'y parviendrai — d'une façon ou d'une autre. Je vous en écrirai fidèlement toutes les péripéties. Vous me permettez, n'est-ce pas, de vous confier tout ce qui a rapport à moi? de vous confier tout, mais tout ce que je ferai, ce que je déciderai, ce qui m'arrivera. La pensée de vivre ainsi sous vos yeux me fera beaucoup de bien et beaucoup de plaisir.

Chère et bonne Madame Viardot, quand je vous ennuierai, vous me le direz.

La pauvre petite Diane est toute désorientée. Elle me regarde parfois avec des yeux qui semblent me dire: «Mais où allons-nous donc comme cela? Est-ce que nous n'étions pas très bien là-bas avec le gros Sultan?» Je n'ai absolument rien à lui répondre et je tâche de la consoler. Mais elle remue un peu sa queue, moitié par affection, moitié par politesse, et se couche en rond après avoir beaucoup tourné sur elle-même. Pauvre petite Diane, je t'aime parce que tu es bonne, et parce que des yeux que j'aime t'ont regardée, des mains amies t'ont caressée. Pensez aussi un peu à elle; je suis sûr que cela lui fera du bien.

Pensez aux absents avec bonté. Votre «Entre le ciel et l'eau» m'est beaucoup revenu à la pensée aujourd'hui. Chantez-le, je vous prie, à mon intention quand vous recevrez cette lettre.

Je suis si fatigué que je vais tâcher de dormir. Je finirai *demain* cette lettre à Pétersbourg et vous l'enverrai demain. Bonne nuit. Que votre sommeil soit doux comme celui des enfants — bonne, bonne nuit.

Mardi, 4½ h. du matin.

Nous voilà arrivés. Nous sommes devant Cronstadt. Nous ne pouvons pas cependant y entrer. Un brouillard assez épais nous en empêche. *Une heure plus tard.* Je n'ai plus qu'un moment pour ajouter un mot. Nous partons à l'instant pour Pét⟨ersbourg⟩. Une occasion s'offre d'envoyer cette lettre par le même bateau qui nous a amenés. Je la saisis avec empressement. Je vous écrirai cependant encore

aujourd'hui de Pétersbourg. Adieu, mille mille tendresses à vous, à V⟨iardot⟩, à tout le monde. Adieu. Je suis pressé. A vous de cœur et d'âme.

J. Tourguéneff.

145. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4 (16) июля 1850. Москва

Moscou,
le 4/16 juillet 1850.

Me voilà à Moscou, chère et bonne Madame Viardot! A Moscou... Je n'ai pas trouvé Zinovieff à Krestzi [1] — une affaire importante l'avait appelé à je ne sais combien de verstes de là. Je suis arrivé ici avant-hier, je suis descendu à ce même hôtel de Dresde, où vous avez demeuré pendant une semaine [2] et depuis hier je loge dans la petite maison de mon frère [3]. J'ai revu ma mère. J'ai retrouvé les affaires dans l'état le plus pitoyable, mais je vous en parlerai plus tard, quand j'aurai regardé un peu autour de moi. Qu'il vous suffise de savoir que je me fais l'effet d'être entré dans une cave humide et malsaine pour y rester Dieu sait combien de temps. Ah! le soleil, le grand air, tout ce qui rend la vie belle et bonne — je l'ai laissé là-bas avec vous, mes amis. Que je suis loin de vous! Combien de lieues nous séparent! Combien de jours, de semaines, d'années peut-être s'écouleront avant qu'il me soit donné de revoir vos traits chéris, de respirer à l'aise dans votre chère présence. Ne m'oubliez pas, pensez à moi, je vous en supplie — pour moi — que voulez-vous que je fasse, que voulez-vous que je dise pour vous faire comprendre combien le souvenir que je garde de vous m'est doux et cher? Il est encore bien plus que tout cela; ce sera, je le prévois, ma seule ancre de salut, quand, au milieu des débats pénibles qui m'attendent, occupé à remédier laborieusement à toute sorte de mauvaises et tristes choses, je sentirai mon cœur défaillir de fatigue et de dégoût. Ce sera ma seule consolation. Quand je penserai à tant de bonté, de vérité, de douceur, de beauté, quand je penserai surtout à l'affection qu'on me garde, j'aurai peut-être plus de courage à laver toutes ces vieilles plaies, à affronter tous ces chagrins et toutes ces misères. Du reste, vous me permettrez, n'est-ce pas, de vous confier mes tribulations? Cela me soulagera tant! Je voudrais tant vivre sous vos yeux... et cependant, quand je pense que c'est à Courtavenel que vous allez recevoir ces lettres, pleines de tristes et vulgaires débats de famille, je crains que l'impression fâcheuse qu'elles vous produiront, ne rejail-

lisse involontairement sur moi. Décidément, je ne vous dirai que les résultats. Je ne veux pas gâter le souvenir que vous avez de moi; c'est mon trésor le plus chéri et celui que je garde avec le plus d'anxiété.

Dès demain je vais commencer une espèce de journal que je vous enverrai. Aujourd'hui, ce n'est qu'une petite lettre pour vous annoncer mon arrivée. Ah! mes chers amis, que je suis triste! et que j'ai le cœur gros! Mais non, il ne faut pas trop vous parler de cela.

J'ai trouvé mon frère marié. J'en suis bien aise. Sa femme est une excellente personne. Ma mère, qui a fait quitter le service à mon frère, comme condition de son consentement à ce mariage, ne l'a pas admis en sa présence depuis qu'elle est ici — leur position est précaire, humiliante, impossible. Ma mère est entourée d'une foule de parasites qui la grugent; s'ils ne faisaient que cela. Mais il y en a deux ou trois qui ont sur elle une influence funeste, et malgré sa faiblesse extrême, c'est elle qui *dirige* tout... Vous pouvez vous imaginer ce que cela devient! [4]

Voyons — cependant — j'avais promis de ne pas vous parler de tout cela.

Quand recevrai-je votre seconde lettre? Il faut quinze jours pour qu'une lettre de Londres parvienne ici— quinze jours! Je tâcherai de découvrir quelque journal anglais. Je vous en prie, quand vous m'écrirez, dites-moi ce que vous avez chanté chaque fois... Mais fou que je suis, votre réponse ne m'arriverait que dans un mois! Cela ne fait rien — vous serez encore à Londres à cette époque. Ici, on répand le bruit (et j'en ai entendu parler à St-P⟨étersbourg⟩) que le général Guédéonoff est allé vous chercher et qu'on veut vous avoir à Pétersbourg à tout prix. Le souvenir que vous avez laissé en Russie est si fort et si vivace que je ne saurais vous l'exprimer; on vous *adore* ici. Ce qui n'empêche pas que vous ne viendrez pas en Russie [5]. Il ne le faut pas. Votre position est trop belle pour la quitter de gaîté de cœur. Et puis, vous avez tant de belles choses à faire... Oh non! restez en France et que le bon Dieu vous y donne tout le bonheur, toute la joie qu'il tient en réserve pour ses meilleures, ses plus chères créatures! Santé, bonheur, gloire, tout vous est dû et vous en jouirez pleinement ou il n'y a pas de justice dans ce monde.

J'écrirai demain et sans faute au bon Gounod que je vous prie de saluer de ma part.

Chère Madame Viardot, permettez-moi de finir ma lettre maintenant. Je suis trop triste, trop préoccupé pour continuer

aujourd'hui. Cependant je ne veux pas attendre jusqu'à demain pour l'envoyer. Je regarde Diane de temps en temps et lui dis: «Eh bien, pauvre petite, nous voilà bien loin de chez nous». Je me remettrai bientôt, je l'espère. Maintenant donnez-moi vos deux mains et laissez-moi vous souhaiter tout le bonheur imaginable. Soyez heureuse et bénie, meine beste, theuerste Freundinn. Mille bonnes choses à tout le monde. A bientôt, hélas! sur le papier.

Adieu, adieu. Soyez heureuse, soyez heureuse.

Votre J. T.

J'envoie tout l'amour de mon âme là-bas. Cher Courtavenel, je le bénis mille fois. Adieu.

146. ПОЛИНЕ И ЛУИ ВИАРДО

9, 13, 14, 15 (21, 25, 26, 27) июля 1850.
Москва

Moscou.
Dimanche, 9/21 juillet 1850.

Bonjour, chère et bonne Madame Viardot. Que tous les anges du bon Dieu veillent sur vous à chaque instant du jour! Je suis à Moscou depuis six jours et je n'ai pas encore eu le temps de vous dire un mot depuis la petite lettre où je vous annonçais mon arrivée. (Vous voyez, par parenthèse, que cette fois-ci j'ai l'intention de vous en écrire une grande.) Cependant, je n'ai pas cessé de penser à vous et il ne se passe pas de nuit que je ne vous voie en rêve — vous ou quelqu'un des vôtres — ce qui me rend le réveil un peu plus pénible. Je suis comme une plante mise à l'ombre — je fais tous mes efforts pour arriver à la lumière, mais la lumière est si loin! L'horizon de nos affaires de famille — pour parler poétiquement — commence à s'éclaircir un peu; je crois que ma mère elle-même sent le besoin de se reposer à son âge et se décide enfin à mettre mon pauvre diable de frère dans une position un peu moins précaire. Cependant, je le dis avec regret, il est difficile de compter sur ses paroles; elle ne peut supporter l'idée de nous rendre indépendants — je puis vous assurer que les débats qui s'élèvent entre nous sont quelquefois d'une nature bien pénible [1]. Mais je ne veux pas m'appesantir là-dessus — à quoi bon? Je vous en ai parlé assez souvent et ce que j'ai trouvé ici n'a pas démenti mes pressentiments. Cependant, comme je désire que vous sachiez tout ce qui se passe dans ma vie, comme j'éprouve un véritable bonheur, une sen-

sation de devoir accompli, toutes les fois que je vous fais part de tout ce que je pense, de tout ce qui me touche, je veux vous parler de mon séjour ici. Tout cela vous paraîtra peut-être bien terre à terre au milieu de vos occupations — mais non — je ne veux pas faire parade d'une fausse modestie; je sais que l'affection que vous me portez est assez grande pour vous faire lire ma lettre jusqu'au bout — avec intérêt. Ce n'est pas de la présomption, n'est-ce pas?

Et pour commencer par quelque chose d'étrange et d'inattendu, je vous dirai que j'ai retrouvé ici — devinez quoi? — une fille à moi, âgée de 8 ans, qui me ressemble d'une manière frappante [2]. Je ne saurai vous décrire la sensation que sa vue m'a causée — imaginez-vous que *je ne connais* même pas les traits de sa mère — je n'exagère pas en le disant — pourquoi donc cette ressemblance qui devrait être le sceau d'un amour mutuel? En regardant ce pauvre petit être (j'avais prié un domestique de ma mère de l'amener sur le boulevard, où je l'ai rencontrée comme par hasard), j'ai senti que j'avais des devoirs à remplir envers elle — et je les remplirai — elle ne connaîtra jamais la misère — je lui arrangerai sa vie aussi bien que possible. Si j'avais eu — je ne dirai pas le moindre *attachement* pour sa mère, si je l'avais seulement *connue* (elle vit encore, mais je n'ai pas pu me décider à aller la voir), je crois que j'aurais ressenti tout autre chose pour cette pauvre enfant qui était là toute émue devant moi. Elle se doutait probablement de ce que j'étais pour elle. Vous pouvez vous imaginer quelles impressions pénibles j'ai emportées de cette entrevue; tout ce que j'ai pensé, tout ce qui m'est venu dans la tête... Oh! mon Dieu, je le sens maintenant, combien j'aurais adoré un enfant qui m'aurait rappelé les traits d'une mère que j'aurais aimée... Cette ressemblance... Pourquoi cette ressemblance? Quelle dérision! En la regardant, je croyais me voir à son âge — c'était mon visage enfantin que je retrouvais dans ses traits, autant qu'on peut connaître son propre visage — et cependant, comment est-ce possible? Il y a dans tout cela quelque chose qui me fait horreur, malgré moi. Vraiment, c'est comme un forfait... et c'en est un. On lui a donné au moment de sa naissance (en mai 42) [3] le nom russe de Palaguéia (Pélagie), nom par lequel on traduit d'ordinaire celui de Pauline. Il paraît qu'elle a beaucoup d'intelligence. Ma mère l'avait gardée quelque temps chez elle et l'a renvoyée quelque temps avant mon arrivée. J'en ai été content, car sa position dans la maison de ma mère était horriblement fausse. Dites-moi ce que

vous pensez de tout cela et ce que je dois faire — j'ai l'intention de la placer dans un couvent jusqu'à l'âge de 12 ans — on y commencera son éducation. Je voudrais que vous me donnassiez un conseil — je serais si heureux de le suivre. Vous êtes mon étoile polaire, vous savez que c'est sur elle que les navigateurs se guident: on la retrouve toujours à la même place et elle ne trompe jamais. Donnez-moi un conseil — tout ce qui vient de vous est si bon et si vrai. Faut-il que je la prenne avec moi à Pétersbourg? Sa mère n'est pas précisément une femme de mauvaise vie — c'est une couturière qui gagne sa vie en travaillant. Mais elle a des amants, et Dieu sait quels amants! Dans aucun cas je ne veux pas la laisser avec sa mère, qui ne demande pas mieux que de s'en défaire. Répondez-moi bien vite, pour que dans 6 semaines, à mon retour de la campagne, je sache à quel parti je dois m'arrêter définitivement [4]. Je vous en prie, conseillez-moi bravement et hardiment, en amie. Si je le pouvais, je vous donnerais toute ma vie à pétrir, comme ces *pies* que vous faisiez dans la petite chambre près de la cuisine à Courtavenel. Il ne faut pas que je prononce ce mot-là — je me mettrais à rabâcher. Ainsi, n'est-ce pas, je puis compter sur un bon conseil que je suivrais aveuglément, je vous le dis d'avance. Je crois que je vais me mettre à aimer cette pauvre fille, rien que parce que je m'imagine que vous vous intéresserez à elle. Que Dieu vous bénisse, vous qui êtes ce qu'il y a de plus noble, de meilleur au monde. A demain. Soyez heureuse — tout le reste ira bien. Savez-vous qu'il n'y a rien au monde d'aussi bon que vous? Je l'ai toujours su, je le sais maintenant plus que jamais — à demain.

Jeudi.

O mes chers et bons amis, si vous saviez le bien que m'a fait votre lettre [5]! Elle est arrivée dans un bien mauvais moment. L'échafaudage que j'avais péniblement élevé s'est écroulé encore une fois — je commence à désespérer d'arriver à une solution quelconque. Ma mère ne *peut* se résoudre à donner la vie et la liberté à mon frère. J'ai les nerfs abîmés: Dieu sait quand et comment cela finira. Votre douce et chère lettre m'a fait le plus grand bien — une gorgée d'eau de source au milieu d'un désert. Elle m'a redonné du courage. Il n'y a pas à dire — il faut aller jusqu'au bout. Que je vous suis redevable de la description exacte et détaillée que vous me faites de votre chambre! Je me la suis dessiné sur une feuille de papier — et je ne la quitte plus

des yeux. Elle est là devant moi sous la main en bronze dont vous m'avez fait cadeau, *à côté* de la tabatière. Je m'entoure de tous ces chers souvenirs — vos regards se sont arrêtés sur ces objets — comment voulez-vous que je ne me sente pas tout attendri en y portant les miens? Merci aussi pour tous les autres détails. Je les ai savourés mot à mot, j'ai fini par étudier chaque lettre, je parle des Buchstaben, par m'extasier devant un *d* (malgré la critique qu'en fait Viardot), un *e*, un *l*, etc. Ah! je vous en prie, écrivez-moi souvent, soyez charitable. J'embrasse le bon Viardot sur les deux joues pour les lignes qu'il a ajoutées; dites-lui que j'accepte avec joie sa prédiction, sans y croire beaucoup... Si je pouvais vous revoir seulement en 1852! Enfin, nous verrons. Il n'y a qu'une seule chose qui soit bonne dans cette cruelle absence, c'est que je sens que mon attachement pour vous devient de plus en plus intense — si c'est chose faisable — il n'avait pas de bornes auparavant — il lui serait difficile de grandir.

Ma mère a repris la petite, dont je vous ai parlé dimanche. J'en suis fâché car sa position est naturellement détestable ici. On en fait une espèce de servante — je ne désire pas en faire une princesse — mais aussi — enfin vous me comprenez. Je veux qu'elle soit libre et elle le sera. Comme je pars dans quelques jours pour la campagne, je ne dis rien pour le moment; à mon retour, je prendrai mes mesures. N'oubliez pas que je compte *sérieusement* et très sérieusement sur vos conseils, laissez-moi dire sur vos ordres. Ce mot appliqué à vous m'est bien doux à prononcer, et je vous obéirai avec bonheur. Allons, Madame, décidez, j'attends [6].

J'ai écrit hier une petite lettre à Gounod — j'étais trop tourmenté pour lui dire tout ce que j'aurais voulu lui dire — mais cependant je crois que j'en ai dit assez pour qu'il voie combien je lui suis sincèrement et tendrement attaché. Répétez-le-lui de ma part. Adieu — à demain — que le bon Dieu vous bénisse mille fois.

Vendredi 26 juillet.

Il y a aujourd'hui un mois que j'ai quitté Paris. Seulement un mois. Qu'il m'a semblé long! Quelle partie est-ce de notre séparation — la 12 me, la 24 me?.. Je ne veux pas y songer. Il en sera ce qu'il plaira à Dieu. Pourvu que vous soyez heureuse! Voilà le principal. Das Uebrige wird sich finden, comme disent les Allemands. Oh oui, soyez heureuse — entendez-vous?

Aujourd'hui le temps s'est un peu éclairci... Mais c'est si peu sûr. On ne peut compter sur rien. Mon frère part après-demain pour la campagne — moi deux jours après — et tout est encore dans l'incertitude la plus grande. Mais je crains de vous fatiguer en vous parlant toujours des mêmes choses. Que voulez-vous? Je n'ai presque pas le temps de voir mes amis, qui, du reste, sont aussi charmants pour moi ici qu'à Pétersbourg. Je ne lis pas de journaux et personne ici n'a le «Times». Cependant, j'ai vu hier un petit article dans le «Journal des Débats», où l'on parlait de vous. Je compte sur vos lettres. Elles mettent bien du temps pour arriver jusqu'ici. Continuez à mettre l'adresse que je vous ai donnée, c'est plus sûr. Je n'ai pas encore pu me remettre au travail, je n'ai pas même chassé jusqu'à présent — je me dédommagerai à la campagne.

Samedi, 6 heures du matin.

Il fait une matinée très douce; le ciel est d'un gris chaud — depuis quelques jours je dors avec les fenêtres ouvertes. Je me suis assis devant ma table et je pense à vous. Ma fenêtre donne sur la cour: une petite grille en bois la sépare d'une autre cour plantée d'arbres, au milieu de laquelle s'élève une petite église plate et basse dans le style byzantin, blanche avec des coupoles vertes: dans ce moment on sonne les matines[7]. Je suis en Russie — où sont les peupliers de Courtavenel? Des nuages commencent à se former, à s'arrondir: j'observe leur mouvement — ils se dirigent doucement vers l'occident —ils vont vers vous... Je les charge de mille bénédictions. Ah! mes amis, mes chers amis — quand vous reverrai-je?.. Je sens que je ne pourrai pas vivre longtemps loin de vous. [a]

Je vous écrirai encore une fois avant de quitter Moscou, le jour de mon départ, et puis une fois à la campagne, j'écrirai tous les jours, ne fût-ce qu'un mot sur une grande feuille de papier que j'enverrai toutes les quinzaines. Je prends tour à tour les mains de tous mes amis, en finissant par les vôtres que je serre et j'embrasse avec tendresse — je prie le Ciel de veiller sur vous — sur vous, qui êtes si bonne, si grande, si douce et si noble. Adieu, je vous porte tous dans mon cœur et je suis bien heureux de sentir un pareil trésor dans mon sein. Adieu, adieu. Soyez heureux, mes amis, et ne m'oubliez pas. Leben Sie wohl, theuerste Freundinn — Gott segne Sie!

Votre
J. Tourguéneff.

[a] *Далее зачеркнута одна строка, написанная по-немецки.*

147. ПОЛИНЕ ВИАРДО

23, 26 июля (4, 7 августа) 1850. Тургенево

Tourguénévo [1].

Dimanche soir, le $\frac{\text{21 juillet}}{\text{2 août}}$ 1850[2].

Me voilà donc au beau milieu des steppes — au fond du sac, chère, bonne, excellente amie — aussi loin de vous que possible, loin de toutes les façons — car nous n'avons pas de journaux ici comme vous pouvez bien vous l'imaginer.— Prenez un atlas, cherchez sur la carte de Russie le chemin qui mène de Moscou à Toula et de Toula à Orel — et si entre ces deux dernières villes vous trouvez un bourg du nom de Tschern — (un peu avant d'arriver à une autre ville qui a pour nom Mtsensk), pensez que je suis à deux lieues de France (10 werstes) de ce bourg.— Ce petit bien que j'habite maintenant a appartenu autrefois à mon père — et c'est pour le moment tout ce que je possède sur terre.— Je vous parlais dans ma dernière lettre du fil auquel toutes nos espérances étaient suspendues: eh bien — ce fil s'est rompu définitivement et pour toujours.— Le jour même de mon départ de Moscou, tout s'est décidé.— Il m'est impossible et vous comprenez bien pourquoi — de vous communiquer tous les détails de cette affaire; qu'il vous suffise de savoir que malgré tous mes ménagements, mes sacrifices — après avoir, pendant plus de quinze jours, épuisé tout ce que j'avais de ressources dans mon esprit — je me suis vu forcé de choisir entre la perte de ma dignité, de mon indépendance — et la pauvreté.— Mon choix n'a pas été long à faire — j'ai quitté la maison de ma mère et renoncé à sa fortune [3].— Vous me croirez, n'est-ce pas, mes amis, quand je vous dirai qu'il m'a été *impossible* de faire autrement — je ne voudrais accuser personne — surtout maintenant — mais en vérité, on est allé trop loin — beaucoup trop loin — le désir de tromper a été trop évident, trop palpable — je vous le répète — dans cet instant je ne me croirais plus digne de votre estime si j'avais agi autrement.— Quand nous nous reverrons — quand j'aurai ce bonheur si grand que j'ose à peine y croire — je vous raconterai tout... à présent, je dois me taire. Heureusement, je n'ai pas entraîné mon frère dans mon naufrage — je crois même qu'il y gagnera par contre-coup et j'en suis bien content — car c'est un brave et digne homme.— Sa femme aussi, que j'ai appris à connaître beaucoup mieux qu'auparavant, est une excellente personne.— Je fais des

vœux pour leur bonheur — ils le méritent bien pour toutes les tribulations qu'ils ont subies.

Mais vous pouvez comprendre maintenant, sans que je vous le dise — avec quels sentiments j'ai revu le petit village où je suis maintenant... Voilà donc pourquoi j'ai quitté tant de bonheur là-bas... Mes amis, il n'y a que votre souvenir, que votre affection qui me soutienne — je succomberais sous le poids de la tristesse, si je n'avais mon passé — et l'espérance de l'avenir... Aussi vous n'avez pas d'idée combien je vous aime — je vous enlace, je me cramponne à vous avec une force désespérée — je vous chéris, je vous aime — je pense à vous à chaque instant.

Nous sommes arrivés ici avant-hier, mon frère, sa femme et moi.— Mon frère va s'établir ici en gentilhomme campagnard.— Je passerai ici deux mois et après avoir un peu arrangé mes affaires, je retourne à Pétersbourg pour y vivre en travaillant et par mon travail.— La situation de Tourguénévo est assez riante. Des collines, des bois — une rivière qui serpente fort agréablement — de grands prés d'un beau vert — mais la maison est fort petite, le jardin tout à fait abandonné — pas de fruits — une absence presque complète de tout ce qui fait un ménage... enfin, il faut tâcher de se tirer d'affaire le moins mal possible.— La femme de mon frère, qui n'est pas Allemande pour rien, s'est résolument mise à la besogne depuis les deux jours que nous sommes ici — et déjà aujourd'hui nous avons une cuisine.— On m'a arrangé une petite chambre dans une vaste fabrique de papier, qui reste inactive pour le moment, grâce à un procès que la mauvaise administration de ma mère nous a attiré. De mes fenêtres je vois un grand pré baigné par la rivière — des pluviers s'y promènent gravement — le village s'étend le long du rivage opposé qui est très escarpé.— J'ai déjà été à la chasse hier et aujourd'hui — il y a fort peu de gibier cette année, cependant, à nous deux (mon chasseur Athanase et moi) nous avons tué 3 lièvres, 8 coqs de bruyère, 5 perdrix et 1 caille.— Ma Diane a fait merveille; elle a arrêté des coqs de bruyère qu'elle *sentait* pour la première fois de sa vie avec une sûreté admirable; j'ai trouvé ici un excellent chien, le fils de mon vieux Naples, qu'Athanase a dressé et auquel il a donné le nom d'Astronome. Tout cela me fait penser à Sultan, à nos chasses en Brie, à Courtavenel... Mon Dieu! mon Dieu! quand reverrai-je tous ces endroits chéris?— Bonsoir — je suis fatigué, je vous serre les mains bien cordialement et je prie le bon Dieu de vous bénir mille et

mille fois.— Soyez heureuse et écrivez-moi.— Soyez heureuse.—

Mercredi, *4 août* [4]. 6 h. du matin.

Il fait une matinée splendide — l'air est doré, limpide et pur comme du cristal; on peut distinguer chaque feuille des saules de l'autre côté de la rivière.— J'éprouve du bonheur à vous écrire, à penser à vous par un temps pareil.— Que toute votre vie soit radieuse et douce et belle comme cette matinée! — Voilà cinq jours que nous sommes ici — il ne s'est pas passé d'événement important pendant ce temps: nous nous casons, nous nous arrangeons — mon frère se démène en diable — sa femme fait de son côté tout ce qu'elle peut — imaginez-vous que nous sommes entrés dans une maison abandonnée.— Ma mère est arrivée hier à sa campagne — à 15 werstes (3 lieues) d'ici; la première chose qu'elle ait faite en arrivant a été d'expédier un ordre pour faire revenir le chasseur Athanase, dont elle n'a aucun besoin,— elle veut me priver du plaisir de chasser avec un homme qui connaît les lieux — c'est bien mesquin.— Enfin! — je crains qu'elle ne soit venue ici pour tracasser mon frère, qui n'est pas encore complètement — légalement — indépendant.— Nous verrons.— C'est bien triste — tout cela. Mon frère et sa pauvre femme — renaissaient à vue d'œil dans cet air de liberté, qu' ils n'ont guère connu jusqu'à présent. Enfin — il faut encore espérer que les choses n'iront pas aussi mal.— Mon Dieu! quel beau soleil — quel ciel éclatant!— On a de cela aussi en Russie — c'est invraisemblable — mais cela est.— Penser qu'il ne faut à la lumière qu'une imperceptible fraction de seconde pour aller d'ici à Londres — — je vous envoie tout ce que j'ai d'affection dans le cœur sur un de ces magnifiques rayons.— Je me suis déjà mis au travail; il le faut — maintenant que je n'ai que cela pour vivre — et puis, j'en ressentais le besoin.— La veille de mon départ de Moscou, j'ai reçu une bien bonne lettre de Gounod avec force détails sur vous, sur «Sapho» — mais je crois que je vous l'ai déjà dit; je lui écrirai l'un de ces jours. Dieu! que je serais heureux si l'envoyé qui portera cette lettre à Tchern m'en rapporte une de vous!.. Il y a plus de six semaines que nous sommes séparés — et je n'ai reçu en tout que deux lettres [5].— Chère et bonne amie, écrivez-moi, je vous en prie, à demain (je recommencerai une autre lettre demain). Que le bon Dieu vous bénisse et vous protège. J'embrasse vos belles et chères mains.

Mille amitiés à Viardot, à Chorley, à Manuel, à lady Monson.— Adieu.— Soyez heureuse, bénie et bien portante.

Votre J. Tourguéneff.

148. ПОЛИНЕ ВИАРДО

3 (15) августа 1850. Тургенево

Tourguénevo,
le 3/15 août 1850.

M'oubliez-vous, mes chers amis — ou bien vos lettres se perdent-elles? — Voilà bientôt un mois que j'ai reçu votre dernière lettre [1], chère Madame Viardot — (à Moscou) — et depuis ce temps — rien, plus rien.— Je n'ai pas même encore reçu de réponse à la lettre dans laquelle je vous annonçais mon arrivée à Pétersbourg [2]. A l'heure qu'il est, vous devez être à la veille de quitter Londres (je vous écris à Courtavenel) — et je ne sais même pas si vous avez chanté «La Juive».— Une pareille distance est une cruelle et vilaine chose.— J'espère que vous vous portez bien, que vous avez de beaux succès, que vous ne m'oubliez pas... Pour moi, je ne cesse de penser à vous.— C'est pour le coup que vous êtes Consuelo pour moi — ma consolation [3].— Vous savez la détermination que j'ai prise par rapport aux biens de ma mère; il paraît que depuis ce temps elle a eu des remords de ce qu'elle a fait; du moins, elle m'a fait faire par l'entremise de mon frère — des offres, comme si dans toute cette pénible affaire je n'avais eu que mes intérêts en vue! — Cette facilité de supposer le mal, l'égoïsme, la petitesse dans les autres m'épouvante pour ceux auxquels ces pensées viennent — ils jugent donc des autres par eux-mêmes. Piensa mal y acertarás — c'est donc naturel de «pensar mal»! Et puis, cette idée de croire qu'on peut tout réparer avec de l'argent, parce que tout ce qu'on fait ne se fait que pour cela... Je vous parle en énigmes; il m'est impossible d'être plus clair — cependant, je crois que si même cela m'eût été permis, je n'aurais pas voulu exposer à votre regard si noble et si pur toutes ces plaies.— D'un autre côté, comme après tout — c'est ma mère — je crois que je finirai par accepter un arrangement quelconque plutôt pour éviter le scandale que pour toute autre chose. Grâce à Dieu, mon frère est définitivement établi et respire enfin.— C'est bien pénible de trouver aussi peu de bonheur dans sa propre maison — j'allais dire dans son *nid* — et je n'aurais pas dit la vérité — mon nid est loin, bien loin

d'ici — il y fait bon et doux et je compte y retourner tôt ou tard, si Dieu me prête vie. Vous savez où il est, n'est-ce pas?

Cependant, je ne suis pas complètement isolé ici; mon frère est un si bon enfant et il adore sa femme avec une tendresse si naïve que cela fait plaisir à voir.— Elle est d'un caractère un peu froid et se laisse tranquillement adorer — mais c'est une excellente femme et une ménagère comme il n'y en a pas.— Grâce à elle, nous faisons très bonne chère dans notre Thébaïde; vous savez que c'est là une de mes nombreuses faiblesses.— Je travaille beaucoup et je crois assez bien [4]; malheureusement ma chambre est un peu trop petite et par conséquent trop chaude — et nous avons ici une quantité énorme de mouches piquantes, qui valent bien les rougets de la Brie.— Je crois, non, je suis sûr que j'aime les rougets — car il m'est impossible de ne pas aimer tout ce qui tient d'une façon ou d'une autre à Courtavenel. Ma lettre vous y trouvera: saluez-le, embrassez-le de ma part; dites-lui que je l'aime de toutes les forces de mon cœur — lui et tout ce qu'il renferme.— Je suis sûr que Viardot pensera quelquefois à son compagnon de chasse qui le faisait jurer par sa négligence... il peut être bien sûr de son côté que je ne prends jamais mon fusil sans pousser un gros soupir à son adresse.— J'ai été plusieurs fois à la chasse depuis que je suis ici — mais décidément le gibier a quitté ces pays — il faut s'éreinter, courir des journées entières pour trouver une pauvre compagnie de coqs de bruyère. Je ne crois pas non plus que les doubles bécassines nous seront favorables: il fait depuis dix jours un temps horriblement beau; pas un nuage au ciel, une chaleur accablante, une sécheresse complète — toutes choses qu'elles aiment fort peu. Enfin — nous verrons.— Diane est plus excellente, plus infatigable que jamais. Elle m'a trouvé des coqs de bruyère à midi, par une chaleur dont vous n'avez pas d'idée, vous autres Français.— C'est du plomb fondu que vous envoie ce ciel d'un bleu sombre et lourd, sur lequel se promène une espèce d'enragé qui vous brûle et vous mord — et qu'on nomme le soleil.— Et dans un mois nous aurons peut-être déjà de la neige! — Voilà comme cela se fait chez nous.

Je dois dire cependant qu'il y a dans l'air de la patrie quelque chose d'indéfinissable — qui vous pénètre et vous prend au cœur.— C'est la sympathie involontaire, secrète du corps avec le sol sur lequel il est né.—Et puis — les souvenirs de votre enfance, ces hommes qui parlent votre langue et qui sont pétris de la même pâte que vous, tout, jus-

qu'aux [a] imperfections de cette nature qui vous entoure, imperfections qui vous deviennent chères comme les défauts d'une personne aimée — tout vous émeut, vous saisit.— On est quelquefois très mal — mais on est dans son élément.— Peut-être qu'en disant tout cela, je veux me faire de nécessité vertu. Les paysans de Tourguénévo sont bien aises du changement qui vient de se faire dans leur administration; la femme de mon frère a déjà su se faire aimer en visitant les paysannes, en soignant leurs enfants malades. Le dimanche qui a suivi notre arrivée ici tous les habitants de Tourguénévo se sont réunis en grand costume devant la maison de mon frère; nous nous sommes solennellement présentés devant eux — (je vous avoue que j'étais fort embarrassé de ma personne — décidément je ne suis pas «a public man») — et nous nous sommes embrassés — plus de trois cents barbes ont passé sur mes joues. — Mon frère leur a fait une petite allocution, leur a fait distribuer du vin et des pâtés — leur a présenté sa femme — et les réjouissances ont commencé.— On a chanté et dansé jusqu'au soir devant nos fenêtres. Je regrette fort de n'être ni peintre, ni musicien; j'aurais bien voulu vous noter plusieurs de leurs airs d'une coupe très originale — ou vous envoyer des esquisses de costumes.— Parmi les femmes il y en avait qui dansaient avec grâce; l'une d'elles surtout était vraiment charmante.— Elle faisait souvent le geste de soulever un peu et de laisser retomber son tablier — vous ne sauriez croire combien c'était gracieux.— Leur costume me semblait bizarre et familier à la fois;— je suis né ici — et je viens de passer quatre années hors de la Russie.— Au lieu de le décrire minutieusement — je vais tâcher de vous envoyer une esquisse. Si je ne trouve pas de crayon plus exercé que le mien, ma foi, je m'y mettrai moi-même.— Il m'est si doux de vous apporter toutes mes impressions — dès que je vois quelque chose qui me frappe ou qui me plaît, je pense au bonheur que j'aurais eu de vous en parler.— Hélas! quand ce bonheur arrivera-t-il? — Pas l'année prochaine — toujours; il ne faut pas y penser, ma chère et bonne amie!

Je m'en veux de ne pas vous écrire de journal; j'en commencerai un dès demain.— Quand on écrit tous les jours, on rend l'impression fidèle de sa vie — tandis que si l'on n'écrit que de loin en loin — on veut résumer ce qui s'est passé — et l'on perd les trois quarts.— Et j'ai la fatuité de croire que vous vous intéressez assez à moi pour désirer savoir les

[a] *Далее зачеркнуто:* défaut

détails de ma vie — — Dans cinq jours vous recevrez une lettre dont vous serez contente, je vous en réponds.— Maintenant, je vous prie de me donner vos mains, pour que je les serre et les embrasse avec toute la tendresse de mon affection.— Que Dieu vous bénisse, chère, bonne et noble créature! Mille amitiés à Viardot, à Gounod auquel je viens d'écrire une longue lettre, à L. Monson (si elle est à Courtavenel), à Mlle Berthe, à Mme Gounod, à Mr et Mme Sitchès, à tout le monde enfin.— Je nomme Mme Garcia pour la bonne bouche. Embrassez-la bien fortement de ma part, et réjouissez-vous d'être ensemble, heureux et gais.— Je crois bien que vous êtes heureux — vous entendez «Sapho»! — vous m'en donnerez des nouvelles, n'est-ce pas? — Adieu, adieu.— Je vous aime et je reste à jamais votre

J. Tourguéneff.

NB. Je vous envoie mes lettres par l'entremise du comptoir d'Iazykoff; depuis mon arrivée en Russie, je vous ai écrit 10 fois: 4 fois de Pétersbourg, 4 fois de Moscou et 2 fois d'ici.

149. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28, 31 августа, 2 сентября (9, 12, 14 сентября) 1850.
Тургенево

Tourguénevo,

Lundi, $\frac{\text{9 septembre}}{\text{28 août}}$ 1850.

Bonjour, chère, bonne, noble, excellente amie, bonjour, ô vous qui êtes ce qu'il y a de meilleur au monde! Donnez-moi vos chères mains pour que je les embrasse. Cela me fera beaucoup de bien et me mettra en bonne humeur. Là, c'est fait. J'y ai mis au moins cinq minutes. Maintenant nous allons causer.

Il faut donc que je vous dise que vous êtes un ange de bonté et que vos lettres m'ont rendu le plus heureux des hommes [1]. Si vous saviez ce que c'est qu'une main amie qui vient vous chercher de si loin pour se poser si doucement sur vous! La reconnaissance qu'on en ressent va jusqu'à l'adoration. Que Dieu vous bénisse mille fois! Je ne cesse de le prier de veiller sur votre vie — ce n'est pas en paroles que je le fais — je sens à chaque instant toute mon âme se soulever vers lui pour vous. J'ai bien besoin d'affection dans cet instant, je suis tellement isolé ici. Aussi je ne saurais vous dire combien j'aime ceux que j'aime... et qui ont de l'affection pour moi.

Jeudi

J'ai été forcé d'interrompre cette lettre il y a trois jours, et je m'empresse de revenir à vous, aussitôt que je puis le faire. Des affaires de famille, ou plutôt des embarras de famille, en ont été la cause. Je commence à croire que tout cela tire à sa fin; aussi ne vous en parlerai-je que quand j'aurai un résultat à annoncer bon ou mauvais.

Je ne partirai pas d'ici sans laisser au moins mon frère dans une situation passable. J'ai fait en même temps un petit voyage à 30 verstes d'ici; je suis allé voir une de mes «anciennes flammes», dont c'était la fête [2]. L'ancienne flamme a diablement changé et vieilli (elle s'est mariée depuis et est devenue mère de trois enfants). Son mari est monsieur fort maussade et fort tatillon. Je pardonne à mon ancienne flamme son mari, ses enfants et même la teinte couperosée de son visage. Mais ce que je ne lui pardonne pas, c'est d'être devenue insignifiante, endormie et plate; c'est surtout de s'être accroché une fausse queue en cheveux *noirs*, tandis que les siens sont bruns, presque blonds, et de l'avoir fait si négligemment qu'on voyait le nœud qui était gros comme le poing, et dont les deux bouts, l'un noir et l'autre blond, retombaient avec grâce à droite et à gauche. Elle s'est mise à jouer du piano, mais le malheureux instrument était faux à faire frémir, faux de cette fausseté doucereuse qui est la pire de toutes, et elle ne s'en apercevait pas et elle jouait des pièces de musique horriblement vieillies, et elle les jouait très mal... Hélas! Trois fois hélas! Mon ancienne flamme n'est pas même de la fumée à l'heure qu'il est: un peu de cendre refroidie, voilà tout. Ce que c'est que de nous!

J'ai passé la nuit dans sa maison. Avant de me coucher j'ai relu vos lettres que je porte toujours sur moi— je vous suis bien reconnaissant de m'en écrire de si bonnes! Si vous saviez combien c'est bon et doux, une lettre de vous! Quel esprit charmant, fin et juste, quel grand et noble cœur s'y révèlent à chaque ligne! J'ai du plaisir à vous le dire, ayez-en à le lire, car c'est bien vrai ce que je vous dis là, vous pouvez m'en croire.

Pour la petite Pauline, vous savez déjà que je suis décidé à suivre vos *ordres*, et je ne pense plus qu'aux moyens de le faire vite et bien. A propos, vous vous rappelez de Mlle Bartenieff — qu'on nommait Pauline — son vrai nom est Pélaguéia. Je vous écrirai de Moscou et de Pétersbourg jour par jour tout ce que je ferai pour elle. C'est

un devoir que je remplis, et je le remplis avec bonheur du moment que vous vous y intéressez. *Si Dios quiere*, elle sera bientôt à Paris [3].

Vous êtes mon bon ange, vous. Le mot de *bon ange* me fait penser à la romance du «Domino noir» [4]. et puis je vous vois marchant sur l'herbe à Courtavenel, une guitare à la main, et montrant «la belle Inès» [5], à Mlle Antonia, et ma mèmoire *locale* me retrace à l'instant même le ciel, les arbres de là-bas, votre robe à dessins bruns, votre chapeau gris. Je crois sentir sur mon visage le souffle de la légère brise d'automne qui chuchotait dans les pommiers au-dessus de nous. Qu'est-il devenu, ce temps charmant?.. Il faut que je parle d'autre chose.

Il est fort possible que j'aurais eu de Mme Pasta l'opinion que vous me supposez, si je l'avais entendue à Pétersbourg au commencement de mon éducation musicale, mais je n'ai pas eu ce bonheur [6]. Je ne l'ai vue ni entendue, mais me voilà maintenant fixé sur ce que je dois penser d'elle. Vous me demandez en quoi réside le «Beau». Si, en dépit des ravages du temps qui détruisent la forme sous laquelle il se manifeste, il est toujours là... c'est que le Beau est la seule chose qui soit immortelle, et qu'aussi longtemps qu'il reste un vestige de sa manifestation matérielle, son immortalité subsiste. Le Beau est répandu partout, il s'étend même jusque sur la mort. Mais il ne rayonne nulle part avec autant d'intensité que dans l'âme, dans l'individualité humaine; c'est là qu'il parle le plus à l'intelligence, et c'est pour cela que, pour ma part, je préférerai toujours une grande puissance musicale servie par une voix défectueuse, à une voix belle et bête, une voix dont la beauté n'est que matérielle [7]. Avec quelle impatience n'attends-je pas votre opinion sur le 2-d acte de «Sapho»! Si Gounod n'est pas une *grande puissance* musicale, s'il n'a pas du génie, je renonce à toute espèce de jugement sur les hommes et les talents [8]. Je ne puis m'empêcher de vous porter envie; pensez à moi quand cette belle musique vous remuera l'âme, pensez à moi si vous le pourrez. La musique de Gounod me fait penser que «La Juive», surtout la musique échue en partage à Rachél, est, je ne dirai pas peu de chose, mais à côté du vrai et de la vraie beauté [9]. Vous avez eu un grand succès, et cependant je suis bien sûr que cette déclamation lourde et forcée a dû vous laisser une grande fatigue et un grand vide dans l'âme. On a beau parler de science, de coloris national, etc., le souffle divin n'est pas là. Ce

n'est pas immortel, comme toute beauté véritable doit l'être, oh non! «Le Vallon» est immortel [10].

Vous souvenez-vous d'une petite fille de cinq ans, fort extraordinaire, dont je vous ai parlé dans une de mes lettres? Je l'ai revue et je continue à trouver cet enfant un petit être bien singulier. Imaginez-vous la plus jolie petite figure qu'il soit possible de voir; des traits d'une finesse inouïe, un sourire charmant et des yeux comme je n'en ai jamais vu, des yeux de femme tantôt doux et caressants, tantôt perçants et observateurs, une physionomie qui change d'expression à chaque instant, et dont chaque expression est étonnante de vérité et d'originalité. Elle a un bon sens, une justesse de sensations et de sentiments merveilleuse; elle réfléchit beaucoup et ne ruse jamais, c'est surprenant de voir avec quelle rectitude d'instinct son petit cerveau marche à la vérité. Elle juge parfaitement tout ce que l'entoure, à commencer par ma mère, et avec tout cela, c'est un enfant, un *véritable* enfant. Il y a des moments où son regard prend une teinte rêveuse et triste qui vous serre l'âme. Mais en général elle est fort gaie et fort calme. Elle m'aime beaucoup et me regarde quelquefois avec des yeux tellement doux et tendres que j'en suis tout ému.

Elle se nomme Anne et est la fille naturelle de mon oncle, du frère de mon père et d'une paysanne [11]. Ma mère l'a recueillie chez elle et la traite en poupée. Je me suis bien promis de me charger avec le temps de son éducation. Je vais avoir toute une famille sur les bras! Elle a des airs de tête et des mouvements de sourcils quand on lui dit quelque chose qui la frappe, qui font mon admiration. Elle a l'air de soumettre ce qu'elle entend à son petit raisonnement, et puis elle vous fait des reparties étonnantes. Je vais vous conter un de ses traits . C'était encore à Moscou. Elle était restée près d'une heure dans ma chambre, ma mère l'en punit sans songer que c'était moi qui l'avais emmenée, et tout en lui défendant de me dire pourquoi on l'avait punie. J'entre dans le cabinet de ma mère, je vois la petite dans un coin, fort triste et silencieuse; j'en demande la raison; ma mère me conte une histoire de désobéissance, de caprice; j'y crois, je m'approche d'elle et lui adresse un petit mot de reproche. Elle détourne la tête sans mot dire. Je sors et ne rentre que fort tard. Le lendemain de très bonne heure, la petite entre dans ma chambre, s'assied tranquillement sur ma chaise, me regarde quelque temps en silence et m'adresse cette question à brûle-pourpoint:

— Vous avez cru hier à ce qu'a dit maman de moi?
— Oui.
— En bien, vous avez eu tort, voici pourquoi j'ai été punie... J'avais promis de ne pas vous le dire, et *je ne vous l'aurais pas dit, si vous n'aviez pas cru* maman.
— As-tu pleuré pendant la punition?
Elle releva la tête d'un petit air fier et me dit en clignant des yeux: «Oh! non». Puis elle ajouta après un moment de silence ou de réflexion, car chez elle c'est tout un: — Mais j'ai pleuré quand vous vous êtes approché de moi dans le cabinet.
— Ah! c'est donc pour cela que tu as détourné la tête?
— Vous l'avez remarqué, et vous n'avez pas vu que je pleurais?
— Non, il faut te l'avouer.
Elle poussa un gros soupir, vint m'embrasser et s'en alla.
Je vous jure que je n'ai pas ajouté un seul mot à ce qu'elle a dit; mais si vous aviez vu sa petite figure pendant toute cette explication! On y lisait tout le travail de sa pensée, la lutte de ses sentiments. Elle est blonde et très blanche; ses yeux sont d'un gris-bleu nuancé de noir; ses dents sont de vraies petites perles. Elle est très aimante et très sensible; avec cela, peu ou point de mémoire, aussi sait-elle à peine son alphabet. Je vous assure que c'est une bien étrange petite créature, et je l'étudie avec intérêt. Elle n'a pas encore cinq ans.

Samedi, 2/14 septembre.

C'est aujourd'hui jour de poste chez nous, chère et bonne amie; je vais donc vous envoyer cette lettre qui, malgré ma promesse, ne ressemble guère à un *volume*. Mais enfin, vous êtes l'indulgence même, et je vous enverrai une autre lettre, mardi prochain, d'autant que je compte pouvoir vous donner quelques bonnes nouvelles. Il fait un bien vilain temps ici, j'espère que vous en avez un superbe à Courtavenel: pas de pluie, mais un ciel gris et froid, un vent *idem*, et dans les intervalles des rafales on entend le petit tintement aigu des mésanges dans les bouleaux; l'arrivée des mésanges, comme le départ des grues et des oies sauvages, présage le froid. A propos de grues, nous en voyons tous les jours des bandes qui s'en vont de leur vol régulier et lent vers le Midi. Vous rappelez-vous les vers de «Faust»:

Wenn über Flächen, über Seen
Der Kranich nach der Heimat strebt [12].

L'emploi du mot *streben* est bien heureux, essayez un peu de le traduire en français!.. Ach ja — man strebt nach der Heimath — meine Heimath ist nicht hier.

Je ne connais rien de plus solennel que le cri des grues, qui semble vous tomber des nuages sur la tête. C'est éclatant, sonore, puissant et très mélancolique. Il semble vous dire: «Adieu, pauvres petits roquets d'hommes qui ne pouvez changer de place; nous allons au Midi, là où il va faire bon et chaud maintenant. Vous — restez dans la neige et la misère!..» Patience!

Je vous envoie cette lettre directement d'ici; jusqu'à présent je vous les ai envoyées par le comptoir d'Iazykoff. Je ne sais si vous les recevez bien exactement. Je vais faire cet essai. Le messager attend sous la fenêtre. C'est un écuyer de mon frère, très beau garçon et très content de faire cette commission qui lui rapporte toujours quelque chose,— va, mon garçon, porte cette lettre. Et vous, mes chers amis, soyez bien assurés que le jour où je cesserai de vous aimer tendrement, profondément, j'aurai cessé d'exister. Que le bon Dieu vous bénisse tous et vous rende heureux. Je vous baise les mains avec dévotion. Soyez heureuse, bénie et bien portante! Adieu.

Votre vieil ami
J. Tourguéneff.

P. S. Ci-joint une petite feuille de bouleau, sous lequel j'ai bien souvent pensé à vous. Il est demeuré mon arbre favori.

150. ЛУИ И ПОЛИНЕ ВИАРДО

18 (20) сентября 1850. Тургенево

Tourguénevo.
Ce 18/30 septembre 1850.

№ 1

Je viens de recevoir la lettre collective que vous m'avez envoyée de Courtavenel [1], mes chers amis — et commence par vous demander la permission de vous embrasser tous.— Il y a longtemps que je n'ai été aussi vivement attendri — vraiment, vous êtes trop bons, tous tant que vous êtes et vous me gâtez en me disant tant de choses affectueuses.— Si vous m'aimez, soyez bien sûrs que je vous adore et que je pense souvent avec émotion à tant de bons et nobles cœurs que j'ai laissés là-bas. Merci pour tout ce que vous me dites, merci pour chacun de vos petits billets, merci

pour vos fleurs, merci pour tout!— Je me jette à votre cou et je vous presse tous contre mon cœur!— Que le bon Dieu vous bénisse mille fois!— Je suis bien content de vous savoir tous réunis dans le nid commun — et je tâche d'amoindrir mes regrets d'être si loin de vous en m'associant par la pensée à votre bonheur.— Je vous aime bien — allez!

Vous avez donc enfin entendu «Sapho» [2], chère et bonne Madame Viardot! Ce que vous m'en dites,— m'a causé le plus vif plaisir — c'est donc un vrai, un grand maître que notre ami.— Mille remerciements pour les détails — mon imagination s'est mise à travailler là-dessus.— Ne pourriez-vous pas m'envoyer la phrase: «Va porter le corps d'une fidèle amante» notée — je vous jure qui je ne la chanterai qu'à moi-même.— Ah, heureuse femme — je vous porte envie — c'est-à-dire, non — l'envie est un vilain sentiment — je voudrais seulement partager vos jouissances.— Et ce bon Charles, qui s'excuse de ne m'avoir pas écrit plus souvent, quand c'est moi qui ai fait le paresseux... Mais dites-lui bien que je l'aime beaucoup et que je pense souvent à lui — je le vois presque toutes les semaines en songe — c'est un grand signe chez moi.— Je suis déjà tout impatient de la première représentation.— Voilà un rôle que vous travaillerez avec amour!— Je vous sens *le créant*, nuit et jour, à travers ce que vous dites, ce que vous faites, ce que vous écoutez — je vous ai connue absorbée de la sorte.— Que votre bonne étoile vous envoie les grandes inspirations et que le feu sacré vienne vous frapper au bon moment!— Il faut que cela soit plus qu'un triomphe — il faut que cela devienne toute une révélation et que cette nouvelle musique s'inaugure et se fasse connaître au monde sous les auspices du génie heureux et maître de lui-même!— Je vous souhaite tout cela et j'ai le pressentiment que mes souhaits se réaliseront.— Vous me tiendrez au courant de votre travail intérieur — n'est-ce pas?— Songez que toutes mes jouissances musicales sont là — et que tout ce qui n'est pas *Gounod* en musique — m'est bien indifférent en ce moment.

Il y a bientôt — que dis-je! il y a plus d'un mois que vous êtes à Courtavenel — vous allez le quitter dans une dizaine de jours — nous rentrerons à la ville ensemble.— Il est 8 heures à ma montre — il est un peu plus de 6 h. chez vous — c'est dimanche aujourd'hui.— Que faites-vous dans cet instant? Je vous vois à table — vous êtes bien nombreux, bien gais — bien bavards... Peut-être

№ 1.

Tourguéneff

ce 18/30 Septembre 1850

Je viens de recevoir la lettre collective que vous m'avez envoyée de Courtavenel, mes chers amis — et commence par vous demander la permission de vous embrasser tous — Il y a longtemps que je n'ai été aussi vivement attendri — vraiment, vous êtes trop bons, tous tant que vous êtes et vous me gâtez en me disant tant de choses affectueuses. — Si vous m'aimez, soyez bien sûrs que je vous adore et que je pense souvent avec émotion à tant de bons et nobles coeurs que j'ai laissés là-bas. Merci pour tout ce que vous me dites, merci pour chacun de vos petits billets, merci pour vos fleurs merci pour tout! — Je me jette à votre cou et je vous presse tous contre mon coeur. — Que le bon Dieu vous bénisse mille fois! — Je suis bien content de vous savoir tous réunis dans le nid commun — et je tâche d'amoindrir mes regrets d'être si loin de vous en m'associant par la pensée à votre bonheur. — Je vous aime bien — allez! —

Vous avez donc enfin entendu Sapho, chère et bonne Madame Viardot! Ce que vous m'en dites, m'a causé le plus vif plaisir — c'est donc un vrai, un grand maître que notre ami. — Mille remercîments pour les détails — mon imagination s'est mise à travailler là-dessus. — Ne pourriez-vous pas m'envoyer la phrase: „Va porter le corps d'une fidèle amante" notée — je vous jure que je ne la chanterai qu'à moi-même. — Ah heureuse femme. Je vous porte envie — c'est-à-dire, non — l'envie est un vilain sentiment — je voudrais seulement partager vos jouissances — Et ce bon Charles, qui s'excuse de ne m'avoir pas écrit plus souvent, quand c'est moi qui ai fait le paresseux... mais dites-lui bien que je l'aime beaucoup et que je pense souvent à lui — je le vois presque toutes les semaines en songe — c'est un grand signe chez moi... Je suis déjà

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА к Л. и П. ВИАРДО
ОТ 18(30) СЕНТЯБРЯ 1850 г.
Первая страница.

que vous pensez à moi — que vous prononcez mon nom.— Il fait beau chez vous.— Moi, je suis dans ma petite chambre, seul, occupé à vous griffonner cette lettre; il fait bien froid dehors; mon frère et sa femme sont allés à Mtsensk pour affaires; ma mère est partie aujourd'hui pour Moscou.— J'ai été à la chasse ce matin; j'ai tué trois bécasses et un coq de bruyère... (à propos, je regrette fort que Cid ait trompé l'attente de Viardot — mais voyez-vous — il n'y a qu'un chien au monde — et c'est Diane.— J'ai la tête pleine des «Mémoires» de Mme Roland [3], que j'ai relus dans mon lit la nuit dernière — et je songe à elle, à Courtavenel, à vous surtout — à Sapho, tout en fredonnant — «Merci, Vénus, ô protectrice!» — Je pense aussi à la petite Pauline — à son voyage — et puis je pense encore à une foule de choses.— J'ai le cœur gros; les souvenirs s'y pressent en foule, nombreux, lucides — mais rapides; je ne puis en fixer un seul... «Guarda e passa» [4]. Je me lève de temps en temps; je voudrais bien «aller à Courtavenel» — comme vous le faisiez à Berlin — mais je n'en ai pas le courage. C'est si loin — et[a] l'époque de mon retour si incertaine... Allons, allons, patience — et parlons d'autre chose.

Si vous avez du temps de reste, lisez les «Mémoires» de Mme Roland.— Ne vous laissez pas rebuter par sa phraséologie à la Rousseau (ce n'est pas du style, ce n'est pas un talent littéraire qu'il faut chercher en elle — elle n'y prétend pas, quoiqu'il y ait des pages charmantes), mais admirez une grande âme, un grand caractère, placé dans une grande époque, en lutte en elle, et marchant bravement, dignement, noblement jusqu'au bout de sa carrière. Sa dernière lettre à Robespierre (non envoyée) est un chef d'œuvre [5]. Je crois vous en avoir parlé.— Il y a là une énergie, un dédain calme de la mort, un enthousiasme impérissable et sans emphase qu'on ne saurait assez admirer.

Excepté ces mémoires, je n'ai lu grand'chose pendant les deux mois que j'ai passés à la campagne.— Je n'ai pas eu non plus le temps de travailler beaucoup, quoique j'en eusse eu grande envie. Une fois à Pétersbourg et casé pour tout l'hiver dans une petite chambre quelconque, je vais abattre de la besogne.— J'ai l'intention de sortir peu; je ne crois pas même que j'irai souvent entendre chanter les Italiens. Ils ne feraient que réveiller en moi des sou-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: le moment de

venirs — et puis, je le répète, la musique de Gounod m'a absorbé.

Vous voyez que j'ai numéroté cette lettre.— Je vais continuer comme cela [6].

Dites à maman Garcia qu'il m'a été matériellement impossible d'aller la voir à Bruxelles [7]; je ne pouvais disposer que d'une heure... Dites-lui en même temps que je lui suis sincèrement attaché, que j'espère qu'elle a un peu d'affection pour moi et que ⟨je⟩ lui baise les mains avec un respect filial.— Je crains bien que mon espagnol ne s'en aille par bribes et morceaux; cependant j'ai parfaitement compris sa lettre. Et le marinero espagnol [8] — pourquoi ne m'a-t-il pas mis un petit mot? Je l'aime bien aussi et sa femme — et tous — tous.

Je me rappelle que vous m'avez demandé dans une de vos lettres si la jeune fille qu'élève ma mère [9] est une honnête personne ou une intrigante? Elle n'est ni intrigante, ni honnête; pas bête, pas méchante, mais insignifiante, gâtée, des manières détestables; une espèce de grisette minaudière, paresseuse et vulgaire. Elle ne rêve qu'à être mariée bien vite. Que Dieu lui fasse cette grâce et qu'elle soit heureuse à sa façon! Ma mère s'est beaucoup refroidie envers elle — cependant je crois qu'elle lui a fait, comme on dit, un sort — tant mieux!

Voulez-vous savoir le nom de *l'ancienne flamme*, dont je vous parlais il y a trois semaines?— Elle se nomme Louise Chenchine. Un drôle de nom, n'est-ce-pas? Dans le genre de Philosophoff [10]. Je vous dis cela, pour qu'il n'y ait rien au monde que vous ignoriez sur mon compte.— Et puisque nous en sommes, à ce chapitre, je vais vous dire en deux mots mon *affaire* avec la mère de la petite [11].— J'étais jeune... il y a 9 ans — je m'ennuyais à la campagne, j'avisai une assez jolie couturière que ma mère avait prise à son service — je lui dis deux mots — on vint me rendre visite — je payais — je partis — et puis voilà tout — comme dans l'histoire du loup. Dans la suite — cette personne devint ce qu'elle put — vous savez le reste.— Tout ce que je puis faire pour elle — c'est d'améliorer sa position matérielle — c'est un devoir pour moi — et je l'accomplirai — mais il me serait impossible seulement de la revoir.— Vous êtes un ange dans tout ce que vous dites et dans tout ce que vous pensez — mais — je le répète, je ne puis que la défendre de la misère. Et c'est ce que je ferai. Pour la petite il faut qu'elle oublie sa mère complètement.— Mais je vous parlerai encore de tout cela. Mon

Dieu — que vous êtes bon⟨ne⟩ — et que cela fait bien de se confesser à vous! — Je vous prie de me donner vos chères et nobles mains, pour que je les embrasse avec dévotion.

J'ai commencé ma lettre en vous embrassant, je la finirai de même. Venez tous, mes chers et bons amis — que je vous embrasse de toutes mes forces. — Mme Gounod, vous avez été bien bonne de m'écrire [12] — et je me mets à vos pieds pour vous en remercier. Adieu, mes chers, mes bons; soyez heureux et bénis.

Et vous, Madame, que tout ce qu'il y a de bon au monde soit à vous. Je vous embrasse les mains bien tendrement et je reste votre

J. T.

Tausend Dank für die lieben Nägel; ich schicke etwas von meinem Haar. Ich *bitte* um ein Blumenblatt, unter dem Fusse getragen. — Ich küsse die lieben theueren Füsse.

P. S. Je vous envoie cette lettre à la rue de Douai; j'en ai envoyé une autre à V.⟨iardot⟩ il y a quelques jours [13].

151. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26 сентября (8 октября) 1850. Тургенево

№ 3

Tourguénevo.

Mardi, 26 septembre v. s. / 8 octobre n. s. 1850.

Chère et bonne Madame Viardot,

Je vous écris un petit mot à la hâte pour vous annoncer mon départ, qui aura lieu demain (c'est aujourd'hui jour de poste). Après-demain, je compte être à Moscou — si tout va bien — vendredi au plus tard. — J'ai reçu votre seconde lettre de Courtavenel (avec celle de Gounod) à laquelle j'ai une foule de choses à répondre — je le ferai à Moscou. — Vous avez dû voir par mes lettres suivantes que j'ai reçu toutes les vôtres jusqu'au n° 10 inclusivement, le n° 5 excepté — qui a fait malheureusement naufrage [1]. — Je ne suis pas allé à Lubovcha [2], malgré tout le désir que j'avais de le faire — j'ai été obligé de rester ici pour arranger définitivement les affaires de mon frère et ce n'est qu'*hier* que j'ai pu y mettre la dernière main. — Grâce à Dieu, il est maintenant complètement indépendant et tranquille; je lui ai cédé la moitié de Tourguénévo qui me

revenait et le voilà possesseur d'un fort joli petit bien qui peut lui rapporter jusqu'à 20 mille francs dans les bonnes années.— Je lui ai provisoirement confié Lubovcha; il n'y a pas grand'chose à faire pendant l'hiver qui va dans une quinzaine de jours couvrir tous les champs d'un linceul de neige; j'ai envoyé aux paysans de là-bas de l'argent pour boire pendant tout un jour à *leur* santé et à la mienne.— Je compte y aller au mois de mai de l'année suivante — et y rester peut-être un mois.— Pour l'hiver, je le passe tout entier à Pétersbourg — où je serai dans une semaine — car je ne compte m'arrêter que deux jours à Moscou. Il faut que je me hâte; le dernier bateau à vapeur pour Le Havre part le 20 octobre *vieux style* [3]. Je passerai l'hiver à Pétersbourg, le printemps et l'été à la campagne — et je serai bien heureux — si... Rien, rien, silence — comme dit le *Fou* de Gogol [4].

Et maintenant — adieu jusqu'à Moscou.— Je quitte la campagne où pendant deux mois j'ai bien souvent pensé à vous.— Vous savez que partout où je suis — il n'y a pas de cœur qui vous soit plus entièrement dévoué que le mien. Merci pour toutes vos chères, bonnes, adorables lettres; elles m'ont fait le plus grand bien; merci pour toutes vos bontés, pour tout... Je vous baise les mains avec le respect le plus tendre, je me mets à genoux pour le faire.— J'embrasse le bon Viardot sur les deux joues, j'embrasse Charles, j'embrasse tout le monde.— Que Dieu vous bénisse tous!

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. J'ai beaucoup de choses à vous répondre. Je le ferai à Moscou. Je suis content que Cid soit bon.— Pour Diane, elle est sublime.— Elle part avec moi.— J'ai fait hier la meilleure chasse de l'année. J'ai tué 24 bécasses et 2 lièvres!!

152. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8 (20) октября 1850. Петербург

Dimanche, $\frac{\text{8 novembre}^{a}}{\text{20 novembre}}$ 1850.
St. Pétersbourg.

Me voici à St. Pétersbourg, chère et bonne Madame Viardot — depuis avant-hier; plus près de vous de quinze jours.— J'ai eu tant de choses à faire à Moscou pendant

[a] *Так в подлиннике.*

les 48 heures que j'y suis resté — qu'il m'a été impossible de vous écrire un mot et que j'ai dû remettre ce plaisir jusqu'ici.— Je ne saurais vous dire combien j'ai été heureux de trouver ici la seconde grande lettre de Courtavenel [1]; vous êtes tous des anges que j'embrasse avec tendresse. J'ai tant de choses à vous dire et j'ai si peu de temps devant moi que je cours vite au plus pressé — j'ai emmené la petite et je suis maintenant sur les dents pour l'expédier de la façon la plus sûre. A force de courir à droite et à gauche, j'ai fini par déterrer une Mme *Robert*, Française retournant à Paris et qui consent à se charger d'elle — malheureusement, elle part *samedi* prochain avec le bateau à vapeur de Stettin — et j'ose à peine espérer qu'il me sera possible d'achever d'ici là tous les préparatifs nécessaires, d'accomplir toutes les formalités. Cependant, si je ne l'expédie pas maintenant, je la ferai partir cinq jours plus tard — avec le bateau du Havre — *si l'on* veut consentir à ce voyage — entendons-nous [2].— Dans tous les cas, considérez déjà cette lettre comme vous annonçant l'arrivée de cette Mme Robert avec la petite. Cette dame n'a pas l'intention de s'arrêter en route — et sera à Paris dans 15 jours. Je lui remettrai une lettre pour vous, où je vous dirai nos conditions avec elle [3]. Vous aurez la bonté de me faire une avance de 2 à 3 cents francs jusqu'au nouvel an — n'est-ce pas?— Je n'ai pas trop d'argent dans ce moment.— Maintenant passons au caractère de la petite. Je vous en aurais parlé sans attendre vos questions.— Mais je vous remercie du fond du cœur pour votre sollicitude. J'ai passé trois jours avec elle en tête à tête dans la diligence — et voici ce que j'ai cru remarquer: elle a une intelligence tout à fait hors ligne, un caractère ferme et déjà fait, beaucoup de finesse et d'observation; mais je crains qu'elle ne manque de cœur.— Je croyais trouver une petite sauvage, timide et mal élevée — j'ai trouvé un petit être calme, presque hardi, ayant passé sa vie auprès de vieilles femmes qui la gâtaient, non pas comme on gâte un enfant à soi — mais comme on gâte une petite créature subalterne dont on fait son jouet.— Elle sait déjà plaire — s'insinuer,— avec sa remarquable intelligence elle a bien vite compris et jugé sa position; vous imaginez-vous tous les défauts commodes et presque nécessaires qu'elle a tranquillement acceptés et développés dans son petit cerveau égoïste.— Dieu veuille que cette nouvelle vie — avec *ses conditions si différentes* — où elle va se plonger, lui serve de baptême régénérateur!— Mais il ne faudrait pas la gâter —

ce serait si vite fait!— J'ai découvert en elle une véritable passion pour la musique — c'est toujours une bonne garantie pour beaucoup de bonnes choses.— Mais je n'ai jamais ressenti aussi profondément que maintenant combien c'est criminel de s'unir avec une femme — inconnue. Tous ces éléments inconnus et mauvais qui se trouvent tout à coup mêlés avec d'autres... Enfin, il faut tâcher de remédier au mal, pendant qu'il en est encore temps. Si jamais éducation a été mal commencée — c'est certainement celle de ce pauvre petit être; elle n'a vu que le mal et son intelligence s'est développée aux dépens de son cœur. J'ai frémi en lui entendant dire une fois avec beaucoup de sang-froid «qu'elle ne ressentait de pitié pour personne — parce que personne n'en avait eu pour elle».— «Mais si tu voyais souffrir?» — «Eh bien, qu'est-ce que cela fait? Je n'ai de la pitié que pour moi-même». Et puis, elle a ajouté viec un ton bien étrange dans une bouche de 8 ans:— «Je asus petite, mais j'ai vu le monde; je sais tout — j'ai tout vu». Aussi, je vous avoue que je ne crois pas qu'elle puisse (avant d'avoir été soumise à l'épreuve) se trouver en contact avec votre Louise; je le répète — c'est un petit être à sauver — et je compte beaucoup sur la révolution complète qu'elle va subir.— Là, du moins, elle sortira de cette atmosphère d'antichambre où elle a vécu jusqu'ici... Et peut-être que quand elle verra le bien, son intelligence qui, je le répète, est *plus* que remarquable, lui dira qu'il faut être bonne — et son cœur desséché et rapetissé grandira et se développera précisément à la suite de ce qui l'avait étouffé — de son esprit.

Je lui arrangerai une petite toilette de voyage; je compte sur vous et sur la bonne et chère Mme Garcia pour le reste. A propos, Mme Garcia est bien injuste de m'écrire que je n'ai jamais pensé à elle dans vos lettres; je ne crois pas en avoir envoyé une sans y mettre un bon souvenir pour elle. Cependant, je lui *dois* une lettre à *elle* en espagnol — et je m'acquitterai de cette dette dans le courant de cette semaine. Je vous écrirai encore une fois jeudi.— La petite part samedi, si Dios quiere.— Pour son nom de famille, je ne sais vraiment lequel choisir: quelque chose de simple et de français. Dumont, Durand.— Trouvez-en un et donnez-le lui — soyez en tout sa marraine.— Je crois vous avoir écrit son âge; elle est née le 13 mai 1842 [1].— Elle aura un passeport russe sous le nom de Pélaguéïa Ivanova. — Je ne vous parlerai pas de ma *reconnaissance*: c'est un mot qui n'a pas de sens entre nous; mais vous savez que vous

pouvez compter sur mon dévouement entier, absolu, éternel, vous savez que vous pouvez me demander ma vie et que je serai heureux de vous la donner.— Je vous le dis — et je sais que vous le croyez...

Je suis forcé d'achever ma lettre avant d'avoir atteint le bas de la 4me page; je m'en vais chez le gouverneur général pour l'affaire du passeport.— Je vous écrirai encore une fois jeudi — et s'il plaît à Dieu — longuement: je vous parlerai de «Sapho» — et de ces changements qui, je l'avoue, ne me *persuadent* pas trop.— En attendant, soyez tous mille fois bénis et remerciés. J'ai loué deux chambres au 3me, sur la perspective Nevski, près du pont d'Anitchkoff, dans la maison Lopatine [5], au-dessus du comptoir de Iazykoff.— Continuez à m'écrire à la même adresse [6] — vos lettres me parviennent bien.— J'ai l'intention de travailler ferme.— Adieu — à jeudi; je vous embrasse tous, Viardot, Mlle Berthe, Gounod, Mme Gounod, Mme Garcia, Mr et Mme Sitchès — dès que je serai un peu libre, j'écrirai à chacun en particulier.— Pour vous — je me mets à vos pieds et j'embrasse le pan de votre robe. Soyez heureuse et bénie — à jeudi.

Votre

J. T.

153. Н. М. ЩЕПКИНУ

18 (30) октября 1850. Петербург

С.-Петербург.
Середа, 18-го октября 1850.

Любезный Николай Михайлович,

Я узнал от Грановского и Тютчева, что Вы намерены издать альманах [1] — и желаете иметь что-нибудь от меня; спешу послать Вам пятиактную комедию под названием «Две женщины» — и очень был бы рад, если б она Вам пригодилась. Ее здешняя цензура не хотела пропустить, хотя оба цензора нашли ее совершенно невинной; может быть, в Москве ей более посчастливится [2]. Сверх того, я Вам еще на днях пошлю небольшую сцену «Разговор на большой дороге» и рассказ — «Два помещика» [3]. Авось что-нибудь пройдет.— Я бы почел себя счастливым, если б как-нибудь мог доказать мою искреннюю благодарность и привязанность Михайле Семеновичу. Вы не поверите, как мне было жаль, что его не было в Москве во время моего приезда [4], а мне никак нельзя было остаться долее. Надеюсь увидеть его около Нового года и лично поблаго-

дарить его за его расположение ко мне. Желаю ему и Вам всего хорошего на свете и остаюсь навсегда

душевно преданный Вам
Ив. Тургенев.

Мой адресс: На Невском, у Аничкина моста в доме Лопатина [5].

154. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21, 24 октября (2, 5 ноября) 1850. Петербург

St. Pétersbourg.
Samedi, $\frac{\text{21 octobre}}{\text{2 novembre}}$ 1850.

Je suis tellement occupé depuis quelques jours, chère et bonne Madame Viardot, que j'ai à peine quelques instants à moi; j'ai promis aux rédacteurs du «Contemporain» de leur livrer un travail que j'ai en train — et il faut que je tienne ma promesse [1].— Je veux cependant vous serrer la main aujourd'hui et vous dire qu'aujourd'hui comme toujours toute ma vie vous appartient.— Vous vous portez bien — n'est-ce pas? Vous êtes heureuse, gaie et contente — que le ciel vous bénisse mille fois!

La petite part après-demain [2].— Tout est en règle — et Mme Robert est déjà payée d'avance.

J'ai été mardi chez le comte Michel Wielhorsky.— J'y ai vu le comte Matthieu, qui a daigné à peine me donner le bout de ses doigts — et s'est à peine informé de vous.— Il paraît qu'il en a déjà assez.— Le comte Michel est charmant.— J'y ai aussi rencontré Etienne Guédéonoff, qui n'est pas changé le moins du monde.— Notre conversation n'a duré qu'un moment.— Décidément — il n'y a pas grande sympathie entre nous.— Le comte Michel est — à tout prendre — une belle et riche nature — qui aurait pu devenir autre chose que ce qu'elle est devenue.— Il est très savant sans avoir l'air d'y songer.— Voici un de ses mots: on parlait mardi devant lui de la grande quantité de Russes remarquables par leurs talents, morts d'ivresse — on déplorait une pareille fatalité — le comte Michel se lève et d'un ton convaincu s'écrie: «Eh bien! messieurs, c'est une belle mort!» — N'est-ce pas que cela lui ressemble?

Mardi.

J'ai le dos qui me fait horriblement mal et les yeux abîmés pour avoir trop écrit tous ces jours-ci — ma chère et bonne amie — c'est à peine si je puis vous dire deux mots — mais Dieu merci — mon travail est fini — et

livré.— Cette lettre n'en est pas une — ce n'est qu'un billet que je vous trace à la hâte pour vous dire que la petite Pauline est partie hier à 6 h. du soir avec Mme Robert et sa fille.— Je l'ai reconduite.— Elle a beaucoup pleuré au moment de la séparation.— J'ai remis à Mme Robert une lettre pour vous [3], dans laquelle je vous prie de lui remettre 50 fr. de gratification. Je crois que c'est assez, vu que je lui ai donné 400 francs pour le voyage — et qu'elle n'en dépensera pas les deux tiers.— La petite n'a presque pas de garde-robe; cependant, elle est très chaudement vêtue grâce aux soins de la bonne Mme Tutchef.— Je compte sur vous.— Vous aurez la complaisance de m'avancer les premiers fonds nécessaires — je vous enverrai 500 fr. avant le nouvel an.— Je vous parlerai dans la lettre suivante, c'est-à-dire samedi — de son caractère, etc.— pour le moment je n'ai pas le temps.— La poste allant plus vite qu'un voyageur, vous aurez cette lettre deux ou trois jours avant l'arrivée de la petite à Paris. Samedi, je vous enverrai une missive de 6 pages.— J'ai une foule de choses à vous dire. Maintenant, je n'ai que le temps de me mettre à vos pieds, ainsi que la petite — et de les embrasser avec ferveur et tendresse.— Que Dieu vous bénisse mille fois, chère, chère amie, vous et tous les vôtres.— A samedi.

Votre
J. Tourguéneff.

155. ПОЛИНЕ ВИАРДО

23 октября (4 ноября) 1850. Петербург

St. Pétersbourg.
Lundi, 23 octobre v. s. 1850.

Voici, chère Madame Viardot, la petite Pauline [1].— La personne qui vous remettra ce billet est Mme Robert, qui a eu l'obligeance de se charger de l'enfant.— Je lui ai remis 400 francs (100 roub. arg.) pour frais de voyage — et je vous prie de lui en donner cinquante de ma part comme remerciement.— Vous aurez la bonté de m'informer de son arrivée.— Je vous remercie d'avance du plus profond de mon cœur pour toutes les bontés que vous aurez pour la petite — et je ne puis que vous répéter l'assurance de mon entier et complet dévouement. Je vous écrirai demain; ceci n'est qu'un billet que je remets à Mme Robert. Soyez heureuse et que le ciel vous bénisse à chaque instant de votre vie.

Votre
J. Tourguéneff.

156. ПОЛИНЕ ВИАРДО

26, 28, 30 октября (7, 9, 11 ноября) 1850. Петербург

Jeudi, 26 octobre / 7 novembre 1850.
St. Pétersbourg.

Ma chère et bonne Madame Viardot, theuerste, liebste, beste Frau — comment vous portez-vous? Avez-vous déjà débuté? Pensez-vous souvent à moi? — Il n'y a pas de jour où votre cher souvenir ne me revienne cent fois à la mémoire, pas de nuit où je ne vous voie en rêve.— Je sens maintenant, dans l'absence, plus que jamais, la force des liens qui m'attachent à vous et aux vôtres; je suis heureux de posséder votre affection et bien triste d'être si éloigné de vous!— Je prie le ciel de me donner de la patience et de ne pas trop éloigner le moment mille fois béni d'avance, où je vous reverrai!

Mon travail pour «Le Contemporain» est achevé — et a réussi au-delà de mes espérances.— C'est encore un récit à ajouter aux «Mémoires d'un chasseur» dans lequel je raconte en l'enjolivant un peu, une lutte de deux chanteurs populaires, à laquelle j'ai assisté il y a deux mois [1].— L'enfance de tous les peuples se ressemble et mes chanteurs me faisaient penser à Homère. Je n'y ai plus pensé dans la suite — car la plume me serait tombée des mains.— La lutte se passait dans un cabaret en présence de plusieurs figures originales que j'ai tâché de dessiner à la Téniers... peste! quels grands noms je cite à chaque instant!— C'est que, voyez-vous, nous autres pauvres petits littérateurs de deux sous, nous avons besoin de porter béquilles pour nous aider dans notre marche.— En un mot, mon récit a plu — et Dieu en soit loué!— A propos, je suis à la quête d'un musicien pour me noter le golochénié et je *vous* l'enverrai, dès que cela sera fait.

Samedi, 28 octobre.

C'est aujourd'hui le jour de ma naissance — et vous pensez bien que je n'ai pas voulu le laisser passer sans vous tendre les deux mains.— J'entre aujourd'hui dans ma 32me année... [2] Je me fais vieux!— Il y a aujourd'hui sept ans que j'ai vu pour la première fois votre mari chez le major Komaroff [3] — vous rappelez-vous cet être ridicule?— Il y aura mardi prochain 7 ans que je suis allé chez vous pour la première fois [4].— Eh bien — nous som-

mes restés amis et bons amis — je pense.— Il m'est doux de pouvoir vous dire après 7 ans — que je n'ai rien connu de meilleur au monde que vous — que de vous avoir rencontrée sur mon chemin a été le plus grand bonheur de ma vie — et que le dévouement, la reconnaissance et l'attachement que je vous ai voués n'ont pas de bornes et ne finiront qu'avec moi.— Que Dieu vous bénisse mille fois!— Je le lui demande à deux genoux et les mains jointes.— Vous êtes ce qu'il y a de meilleur, de plus noble et de plus sympathique sur cette terre.

Il y a ce soir une grande réunion d'amis chez Tutcheff — pour fêter ma naissance et la sienne — il est né le même jour que moi.— C'est un excellent et brave garçon que j'aime de tout mon cœur — ainsi que sa femme.— A propos, vous n'oublierez pas de vous informer si ce que je vous demandais pour eux est faisable? [5]

La petite Pauline doit être en ce moment sur la route de Varsovie à Berlin [6].— J'espère qu'elle arrivera en bonne santé.— Je n'ai pas grand'chose à ajouter à ce que j'ai déjà dit de son caractère; je crois seulement qu'elle est plus éducable que je ne le pensais.— Il paraît qu'elle avait déjà beaucoup changé à son avantage pendant les quinze jours qu'elle est restée chez les Tutchefs.— Jusqu'à présent, je ne me sens pas de grande tendresse pour elle — cela viendra peut-être plus tard.— Mais dès à présent, je suis bien résolu à faire pour elle tout ce qui dépendra de moi.

Il faut que je rectifie une des choses que je vous ai écrites dans ma dernière lettre [7]: j'ai été hier matin chez le comte Michel Wielhorski où j'ai vu Matthieu, et tous les deux m'ont témoigné le plus vif intérêt pour vous, m'ont accablé de questions sur vous, sur Fidès [8], sur vos intentions, etc. etc.— J'ai longuement parlé de vous et aussi de Gounod, qui peut compter maintenant sur deux amis et deux admirateurs de plus on Russie.— Le comte Michel m'a *prié* de le *supplier* de leur envoyer quelque chose (comme le «Sanctus» ou le «Requiem») qu'ils s'engageraient à exécuter ici avec tous les moyens immenses qui sont à leur disposition [9].— Dites-en deux mots à Gounod — pourquoi ne le ferait-il pas? Il peut être sûr que tout sera mis en œuvre pour remplir dignement ses intentions.— Il me semble qu'il n'y a eu rien de fait en Angleterre — vous m'en auriez parlé.— Pétersbourg ne vaut pas Londres, musicalement parlant — et cependant, le public d'ici n'est pas à dédaigner — vous en savez quelque chose...

Lundi, $\frac{\text{31 octobre}^{a}}{\text{12 novembre}}$

Je viens de recevoir votre lettre [10], chère et bonne Madame Viardot. Pourquoi faut-il qu'elle m'ait rendu si triste!— Vos yeux sont malades — vos douleurs névralgiques à l'oreille sont revenues, pauvre chère amie — pourquoi souffrez-vous?— Si je pouvais seulement prendre sur moi vos souffrances — avec quel plaisir, avec quel bonheur ne le ferais-je pas!— J'espère que cette lettre vous trouvera déjà en meilleure santé — mais je ne serai tranquille que quand vous me l'annoncerez vous-même.— Voyons — tranquillisez-moi bien vite!— Depuis ce matin, je ne fais que penser à cette cruelle journée où vous avez tant souffert à Paris... Je ne demanderais pas mieux que de me faire couper la main, si cela pouvait vous soulager — je vous assure, je m'en veux de me bien porter pendant que vous souffrez. Pauvre chère amie, guérissez vite — et hâtez-vous de me l'annoncer.— Ce que vous me dites dans votre lettre de l'accueil que vous a fait l'orchestre, de Mme Ungher — m'aurait fait un plaisir bien plus grand, si vos mauvaises nouvelles ne me l'avaient pas gâté.— Elles m'ôtent le courage de vous parler d'autre chose. Cependant, je vous dirai que je suis occupé pour le moment à écrire une comédie en un acte pour une actrice de talent, une Mme Samoïloff [11].— Je n'ai encore vu représenter aucune de mes comédies — les représentations à bénéfice se succèdent presque sans interruption — ce qui amène une foule de nouvelles pièces — mais une de mes comédies est annoncée pour après-demain [12].— Je vous parlerai de l'impression qu'elle me fera à moi-même.— Une autre comédie en cinq actes que j'avais envoyée ici et que la censure a défendue — a dans ce moment un assez grand succès dans les salons [13].— Je commencerai demain une nouvelle lettre. Le nº 1, en priant le ciel de ne pas aller jusqu'à 50.— Mais surtout guérissez bien vite, bien vite. Mein Gott, ich möchte mein ganzes Leben als Teppich unter Ihre lieben Füsse, die ich 1000 mal küsse, breiten. Mille amitiés à tout le monde — et pour vous Sie wissen dass ich Ihnen ganz und gar angehöre [б]. J'embrasse Gounod. Soyez tous heureux et contents.

Votre
J. T.

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *Далее зачеркнуто несколько слов.*

157. П. В. САМОЙЛОВОЙ

Октябрь ст. ст. 1850. Петербург

Милостивая государыня
Надежда Васильевна,

Не имея чести быть лично[а] [знакомым] с Вами и желая сделать Ва⟨м⟩ ⟨?⟩ одно предлож⟨ение⟩ — я было хотел обратиться к какому-нибудь из наших общих[б] прият⟨елей⟩ с просьбой представить меня Вам; но вре⟨мя⟩ м⟨ежду⟩ т⟨ем⟩ уходит, и я решаюсь писать прямо к Вам. Я имел не раз удов⟨ольствие⟩ видеть Вас на театре — и был бы очень рад написать для Вас и Вашего брата[1] одноактную комедию, которой план уже составлен мною и даже первые сцены написаны[в,2]. Смею надеяться, что Вы бы не отказались от Вашей роли; но[г] будучи в неизв⟨естности⟩ от⟨носительно⟩ ⟨?⟩ дня Вашего бенефиса[3], не могу приняться за работу, сов⟨ершенно⟩ ⟨?⟩ не зная, успею ли ее окончить. И потому прошу Вас, если[д] Вы согласны на мое предложение — уведомить меня, когда именно будет В⟨аш⟩ бенеф⟨ис⟩, и позвольте мне[е] увидеться с Вами и с В⟨ашим⟩ б⟨ратом⟩, с кот⟨орым⟩ поз⟨накомил⟩ меня г. Панаев ⟨?⟩ для сообщения и[ж] обсуждения плана[з].

С истинным уважением остаюсь[и]
В⟨аш⟩ пок⟨орней⟩ший сл⟨уга⟩
Ив. Тургенев.

М⟨ой⟩ а⟨дрес⟩:

158. Н. М. ЩЕПКИНУ

3 (15) ноября 1850. Петербург

С.-Петербург.
3-го ноября 1850-го г.

Вчера получил я Ваше письмо, любезный Щепкин, и спешу Вам отвечать. Я, право, не заслуживаю ни такой

[а] *Далее начато и зачеркнуто*: изв⟨естным⟩

[б] *Далее зачеркнуто*: знакомых

[в] *Далее зачеркнуто*: Но не зная, согл⟨аситесь ли Вы⟩

[г] *Далее зачеркнуто*: *а.* не зная сроку; *б.* не зная врем⟨ени⟩

[д] *Далее зачеркнуто*: Вам мое предложение кстати —

[е] *Далее зачеркнуто*: *а.* в случае; *б.* явиться к Вам

[ж] *Далее зачеркнуто*: если угодно обсуждение плана

[з] *Далее зачеркнуто*: Вы можете, если хотите, дать мне ответ через Ваш⟨его⟩ брата, с кото⟨рым⟩

[и] *Далее зачеркнуто*: Преданнейший В⟨аш⟩ сл⟨уга⟩

благодарности, ни таких похвал — и душевно рад, если мог чем-нибудь доказать мою готовность быть Вам полезным [1].— Что же касается до изменений цензурных — то даю Вашему батюшке и Вам полное право изменить и выкинуть всё, что угодно — не считая нужным советоваться со мною — что, по причине расстояния, было бы без того затруднительно. Я в этом деле совершенно полагаюсь на Ваш вкус.— Остальные две вещи [2], которые я намерен был Вам выслать — будут отправлены в Москву на будущей неделе.— Я было собирался сам выехать в Москву в конце этого месяца — но одно непредвиденное обстоятельство меня задержит до половины декабря [3], а именно — я желаю написать пьесу для бенефиса Самойловой [4].— Скажите, пожалуйста, от меня Михайле Семенычу, что я ничего так нетерпеливо не желаю, как удовольствия обнять его и поблагодарить за расположение ко мне. Первый мой выезд в Москве будет к нему [5]. Желаю ему всяких благ и здоровья — а Вам жму крепко руку и остаюсь навсегда

искренно преданный Вам
Ив. Тургенев.

Усердный мой поклон всем московским друзьям.

159. В. Н. БОГДАНОВИЧ-ЛУТОВИНОВОЙ

11 (23) ноября 1850. Петербург

С.-Петербург.
11-го ноября 1850-го г.

Вот Вам, любезная Варвара Николаевна — сертификат на часы, высланные Вам сегодня. Они первого женевского мастера и, надеюсь, Вам понравятся. Цена им 85 р. сер. На остальные 15 р. я бы купил Вам серьги — но теперь никто не носит с розовыми камнями — и готовых я таких не нашел. Хотите ли, чтобы я заказал или купил другие, или Вы сами купите в Москве?— Я думаю выехать отсюда через две недели.— Я предпочел заплатить подороже за часы — по крайней мере, Вы будете иметь нечто отличное.— Поклонитесь от меня маменьке и скажите ей, что я перед отъездом к ней напишу. Сухотина я видел. Будьте здоровы и благоденствуйте.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

160. ПОЛИНЕ ВИАРДО

1, 7, 11, (13, 19, 23) ноября 1850. Петербург

Mardi[a],
1/13 novembre 1850.
St. Pétersbourg.

№ 1

Willkommen, theuerste, liebste Frau — nach siebenjähriger Freundschaft — willkommen an diesem mir heiligen Tag! Dieu donne que nous puissions passer ensemble le prochain anniversaire de ce jour et que dans sept ans encore notre amitié reste la même!

Je suis allé aujourd'hui saluer la maison où j'ai eu le bonheur de vous parler pour la première fois il y a sept ans. Cette maison est située sur la perspective Newski, en face du théâtre Alexandra [1] — votre appartement faisait l'angle — vous en souvenez-vous? Il n'y a pas dans toute ma vie de souvenirs aussi chers que ceux qui se rattachent à vous... il m'est bien doux de sentir en moi, après 7 ans, une affection aussi vraie, aussi profonde, aussi inaltérable que celle que je vous ai vouée — l'impression qu'elle produit sur moi-même est bienfaisante et pénétrante comme un beau rayon de soleil; faut-il que j'aie du bonheur pour mériter qu'un reflet de votre vie se mêle ainsi à la mienne? Aussi longtemps que je vivrai, je tâcherai de me rendre digne d'un pareil bonheur; je me respecte depuis que je porte ce trésor en moi. Vous savez que ce que je vous dis est vrai, aussi vrai que parole humaine peut l'être... j'espère que vous éprouverez quelque plaisir en lisant ces lignes... et maintenant permettez-moi de me prosterner devant vous.

Mardi[б], 8/20 novembre.

Chère et bonne Madame Viardot, toute une semaine s'est passée sans que j'aie ajouté une ligne à cette lettre; je vous en demande mille fois pardon. Car ce n'est pas une excuse que de vous dire que j'ai été extrêmement occupé (et que je le suis encore) tout ce temps-ci; toutes les occupations du monde ne doivent venir qu'en second lieu, quand il s'agit de vous écrire. Je me mets donc de nouveau à vos pieds en vous priant bien de me pardonner und mir erlauben, diese lieben Füsse, diese Füsse, denen meine

---

[а] *Так в подлиннике.*

[б] *Так в подлиннике.*

ganze Seele angehört, als Zeichen der Verzeihung, auf das inbrünstigste zu küssen.

Il faut vous dire que je me suis chargé d'écrire une petite comédie en un acte pour Mme Samoïloff [2]. Je dois la livrer mardi prochain, c'est-à-dire dans une semaine et il faut que je travaille ferme pour être en état de le faire. Je vous en raconterai le sujet dès que j'aurai un peu plus de temps libre. J'attends avec impatience des nouvelles de votre rentrée dans «Le Prophète», je supplie le ciel de vous ôter bien vite vos maux d'yeux et vos névralgies, ce n'est pas bien à lui de ne pas vous rendre la vie aussi douce qu'un «tapis de gazon». Cette dernière phrase me fait penser à Gounod, que j'embrasse de tout mon cœur; dites-lui donc de ne pas oublier d'envoyer ici son «Sanctus», et pour mon usage particulier des petites copies faites de sa fine écriture de «Trinquons», du «Vieil habit», du «Juif errant» et de «Venise» [3]. S'il le désire, je les garderai exclusivement pour moi; si non, je continuerai à lui faire des prosélytes — le comte Wielhorski est déjà *fou* de lui, grâce au «Vallon» [4]. Si vous voulez aussi m'envoyer une copie de la «Judita» et de deux ou trois autres chansons mexicaines [5], je vous en remercierai en embrassant, autant de fois qu'il y aura de notes, chacun des jolis doigts de votre belle main.

La petite Pauline doit être déjà à Paris, s'il ne lui est rien arrivé en route; je vous remercie déjà pour toutes les caresses que vous lui avez faites et toutes les bontés que vous aurez pour elle. Je vous le répète: la seule chose que je lui ai dite en partant, c'est qu'elle ait à vous adorer comme son Dieu; elle ne sera pas la seule à le faire, mais il lui convient à elle surtout de ne jamais penser à vous sans que ses mains se joignent et que ses genoux plient. Ich bitte Sie, erlauben Sie ihr Ihre Hände recht oft zu küssen. Denken Sie, dass wenn es auch nicht meine Lippen sind, so sind es doch Lippen, die mir nahe stehen. Und seien Sie tausendmal gesegnet.

Samedi, 11/24 novembre [в].

Chère et bonne Madame Viardot, meine theuerste, beste Freundinn, je viens de recevoir votre chère lettre écrite le lendemain du «Prophète» [6]. Vous ne sauriez croire combien votre rentrée triomphale m'a ravi, bravo, messieurs les Parisiens! Le reproche que vous me faites de ne pas vous écrire assez souvent m'a fait rougir et je vous promets de ne

[в] *Так в подлиннике.*

pas laisser désormais une semaine sans vous envoyer de mes nouvelles. Comment! Vos pauvres chers yeux ne vont pas encore bien? Ecrivez-moi donc bien vite qu'ils se sont complètement remis. Je suis bien content que vous vous soyez liée d'amitié avec Mme Ungher; je vous ai souvent parlé d'elle comme de la seule cantatrice que ait produit sur moi une profonde impression — avant vous. Merci aussi pour tous les détails que vous me donnez sur notre fille bien-aimée Sapho [7] — que le ciel la conduise à bon port! Pour le coup, j'écrirai à Gounod mardi ou je veux qu'on me traite à jamais d'ami oublieux et ingrat.

Il faut le dire: je n'ai jamais été plus occupé que maintenant. Je n'ai jamais su jusqu'à présent ce que c'est qu'un travail de ce genre, à la tâche, à terme fixe. Et cependant, il faut que cela soit fait; on compte sur moi. Les deux derniers fragments des «Mémoires d'un chasseur», qui viennent de paraître dans «Le Contemporain» ont un grand succès [8]; je vous le dis, parce que je sais que cela vous intéresse. Je n'abandonne pas l'idée de les réunir tous et de les faire imprimer à Moscou [9]. Vous ne m'avez encore rien répondu sur ma demande à propos de la dédicace — j'espère que vous ne voudrez pas me refuser ce bonheur, d'autant plus que pour le public il n'y aura que trois étoiles [10]. Je vois assez souvent les deux comtes Wielhorski qui vous aiment bien tous les deux. Pour l'opéra italien d'ici, il ne bat que d'une aile. Mario fait le capricieux et ne chante presque pas; Mlle Persiani a la voix plus fausse que jamais. Tamberlick n'a pas de voix ici (à ce qu'il paraît une diarrhée presque continuelle en est la cause). Tamburini *aboie* et les autres font encore pis [11]. J'ai été entendre «Guillaume Tell» qu'ils ont massacré. Les chœurs surtout sont mauvais et peu nombreux. Mais quelle musique! [12]

Me voici au bout de la page et je n'ai pas le temps d'en commencer une autre. Mais dès que je serai redevenu libre, et je le serai dès le commencement de la semaine prochaine, je jure de vous envoyer une lettre énorme. Jusque-là, portez-vous bien tous. Mille amitiés à tout le monde. Und Ihnen küss ich die Füsse *stundenlang*. Tausend Dank für die lieben Nägel.

Votre J. Tourguéneff.

Es ist schon lange her, dass Sie mir schriftlich Ihre Hände zu küssen nicht geben... Warum? Bitte, in nächsten Brief lassen Sie mich Ihre Füsse küssen.

161. ПОЛИНЕ ВИАРДО

16 (28) ноября 1850. Петербург

Jeudi, 16/28 novembre 1850.

Chère et bonne Madame Viardot,

Je ne puis vous écrire que deux mots à la hâte — je viens de recevoir une lettre qui m'annonce que ma mère est à l'agonie et je pars ce soir même pour Moscou [1]. Je vous écrirai le jour même de mon arrivée. J'aurai probablement des moments bien pénibles à traverser et beaucoup de questions difficiles à résoudre. Donnez-moi vos deux mains pour que je puise du courage dans un shake-hands bien fort et bien amical. Adieu, que le ciel vous bénisse mille fois. Dans trois jours, je vous écrirai de Moscou.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Ecrivez-moi à la même adresse, Comptoir Iazykoff.

162. ПОЛИНЕ ВИАРДО

22 ноября (4 декабря) 1850. Москва

Moscou.
Mercredi, 22 novembre v. s. 1850.

Chère et bonne Madame Viardot,

Je suis arrivé hier soir ici [1] — et je n'ai plus trouvé ma mère en vie — elle est morte jeudi passé, le jour même où l'on m'annonçait sa maladie.— Mon frère est ici avec sa femme.— Je vous écrirai demain — aujourd'hui je suis trop ébranlé — je ne veux que vous donner cette nouvelle et vous serrer la main aussi fort que je le puis faire. A demain. Que le ciel vous protège et vous bénisse.

Votre J. Tourguéneff.

163. ПОЛИНЕ ВИАРДО

24, 26, 28 ноября (6, 8, 10 декабря) 1850. Москва

Moscou.
Vendredi $\frac{\text{24 novembre}}{\text{6 décembre}}$ 1850.

Voici trois jours que je suis ici, chère et bonne Madame Viardot, et c'est à peine si j'ai le temps de prendre la plume pour vous tracer quelques mots à la hâte. Ce n'est pas que

nous ayons, mon frère et moi, beaucoup de choses à *faire* — les scellés ne seront levés que dans une semaine [1] — mais nous avons tant de choses à débattre, à préparer. C'est une terrible responsabilité qui vient de nous tomber sur les épaules.

Ma mère est morte sans avoir pourvu à quoi que ce fût; elle a laissé toute cette foule d'existences qui dépendaient d'elle — on peut le dire — sur le pavé; il faut que nous fassions ce qu'elle aurait dû faire. Ses derniers jours ont été bien tristes.— Dieu nous garde tous d'une pareille mort. Elle ne cherchait qu'à s'étourdir — la veille de sa mort et tandis que le râle de l'agonie commençait déjà — un orchestre jouait des polkas dans la chambre voisine — d'après son ordre. On ne doit aux morts que respect et pitié — aussi ne vous dirai-je rien de plus. Cependant — comme il m'est impossible de ne pas vous confier tout ce que je sens et ce que je sais — je n'ajouterai qu'un mot — c'est que ma mère ne pensait dans ses derniers instants qu'à — j'ai honte de le dire — qu'à nous ruiner — mon frère et moi, et que la dernière lettre qu'elle ait écrite à son intendant, contenait un ordre précis et formel de tout vendre à vil prix, de mettre le feu partout s'il le fallait pour que rien ne — — Enfin — il faut oublier — et je le ferai de grand cœur, maintenant que vous le savez, vous, qui êtes mon confesseur.— Et cependant — je le sens — il lui aurait été si facile de se faire aimer et regretter de nous! — Ah oui — que Dieu nous garde d'une pareille mort! Je vous épargne une foule d'autres détails — à quoi bon? Que Dieu lui fasse paix [2].

Mon frère, sa femme et moi nous restons ici jusqu'au nouvel an pour tâcher d'arranger nos affaires le mieux possible. Les biens que ma mère a laissés sont dans un état fort peu prospère — et malheureusement la récolte a été presque nulle cette année-ci. Nous devons tâcher de nous restreindre autant que cela sera faisable jusqu'au mois d'août prochain. J'ai proposé à mon frère de payer sur-le-champ toutes les dettes particulières de ma mère (qui ne sont pas considérables), de récompenser tous les services — d'y employer tout l'argent disponible. Une fois ce poids ôté de nos épaules, nous marcherons mieux et plus vite. Je compte retourner à Pétersbourg dans six semaines, aller à la campagne dès le mois d'avril et y rester jusqu'au mois de novembre. Après — nous verrons [3]. Je suis, vous le savez, fort peu propre aux affaires; j'ai l'intention de confier le maniement de mes biens à mon bon et excellent ami Tutchef; mon frère

est certainement un homme tout-à-fait honorable et je ne demanderais pas mieux que de le charger de tout cela; mais je crains des mésentendus — il est fort économe, presque avare — il voudra l'être pour moi — jamais il ne consentirait à la vente d'un bien, si nécessaire qu'elle pût être — je désire éviter tous ces tiraillements de famille. J'ai pris la résolution de partager nos biens. C'est à dire c'est lui qui fera le partage — et il le fera certainement mille fois mieux que moi. Je n'aurai jamais moins de 25 000 francs de rente; avec cela on est *riche* [4]. Je vous reparlerai encore de tout cela; mais dites-moi, votre mari et vous, ce que vous pensez de ma résolution.

Chère et bonne amie, je pense bien souvent à vous! —

Dimanche.

Bonjour, chère et bonne amie, meine theuerste, liebste Freundinn. Le comptoir Iazykoff vient de m'envoyer votre bonne et charmante lettre — je me mets à deux genoux pour vous en remercier. La petite Pauline est arrivée,— et elle vous a plu — et vous l'aimez déjà! — Chère, chère amie, vous êtes un ange. Il n'y a pas un mot dans votre lettre qui ne respire une bonté, une douceur, une tendresse inexprimables. Comment voulez-vous que je ne finisse pas par aimer cette petite à la folie? Vous avez une façon gaie et sereine de faire le bien, qui fait qu'on est heureux comme un enfant de vous en être reconnaissant. On a l'air de vous rendre un grand service quand on vous donne l'occasion d'obliger quelqu'un. Je ne sais vraiment que dire pour vous faire sentir, combien votre chère lettre m'a ému et touché... Je cherche des mots — je devrais tout bonnement vous répéter que c'est avec adoration que je me prosterne devant vous. Soyez mille fois bénie! — Dieux — est-elle heureuse — cette petite! C'est pour le coup qu'elle se trouve dans la poche de côté de Jésus — comme dit un proverbe russe en parlant des gens bien fortunés.— Tant mieux si elle n'a pas seulement de l'intelligence — il faudrait que sa nature fût bien mauvaise pour ne pas attraper un peu de bonté à vos côtés. J'espère encore que tout ce grand changement la sauvera. Embrassez-la de ma part, je vous en prie. Maintenant que je suis devenu plus riche, je ne crains pas d'aller jusqu'à mille francs par an; faites-lui apprendre le piano. Je vous enverrai de l'argent dans une dizaine de jours. Je suis bien heureux de penser que vous lui ayez trouvé de la ressemblance avec moi et que cette ressemblance vous ait fait plaisir. Envoyez-moi un petit portrait au crayon

d'elle, fait par vous. Je vous répète que je finirai par m'attacher complètement à elle, du moment où je saurai que vous l'aimez... Votre succès dans «Les Huguenots» m'a fait un plaisir infini — j'attends avec impatience les détails... [5]

Mardi.

Guten Morgen, theuerste, liebste, beste Freundinn. Ich küsse mit Anbetung Ihre schönen Hände. Bonjour, chère Madame Viardot. Nous commençons à voir un peu clair dans nos affaires. Ma mère a donné 50 000 roubles à la jeune personne qu'elle avait adoptée [6]. Nous nous sommes empressés de reconnaître cette dette — jusqu'à son mariage elle restera chez ma belle-sœur — et nous lui payons, outre son entretien — 8 p ⟨our⟩ cent par an. Au moment de se marier elle recevra les 50 m. francs. Ma mère n'a pas fait d'autre legs — nous y avons pourvu — et je crois qu'on sera content de nous.

Chère amie, je n'ai cessé de penser à vous tout ce temps-ci — et à la petite Pauline. Je sens qu'elle me devient chère, puisqu'elle est dans vos mains. Je ne sais combien de fois j'ai relu votre lettre. Il m'est impossible de vous exprimer tout ce que je ressens quand votre chère image qui ne me quitte jamais, se représente plus vivement à ma mémoire. Soyez mille fois bénie! Donnez-moi des détails sur la petite. Continuez-vous à en être contente — et que dit Mme Renard? Il y a bientôt quatre semaines qu'elle est à Paris. Quel nom de famille lui avez-vous donné? [7] Je remercie de tout mon cœur la bonne Mme Garcia et mi querida Mme Sitchès de leur bienveillance envers elle. Il n'y a pas à dire — vous êtes tous des anges — et je vous aime tous à la folie.

Ici tout le monde me reçoit à bras ouverts, le bon et excellent papa Stchepkin tout le premier. Je ne puis pas faire de nombreuses visites — cependant — depuis une semaine que je suis ici j'ai été deux ou trois fois chez lui — et chez une Comtesse Salias, charmante femme qui a beaucoup d'esprit — du talent — et qui, malgré qu'elle écrive, n'est pas un bas-bleu. Malheureusement elle est bien souffrante.— La dernière chose que j'ai faite — «Les Chanteurs au Cabaret» [8] — ont ici un grand succès.— Je termine ma lettre pour pouvoir vous l'envoyer aujourd'hui. J'en commencerai une autre demain.— Dites à Viardot, que j'embrasse de tout mon cœur, que depuis quelques jours je ne fais que relire Montaigne dans le volume dont il m'a fait cadeau à Pétersbourg [9]. Embrassez Gounod de ma part — et n'oubliez

pas de me parler de «Sapho». Mille bonnes choses à tout le monde — pour vous — je me mets à vos pieds. Bei Ihren lieben Füssen will ich leben und sterben. Ich küsse sie *stundenlang* und bleibe auf ewig ihr Freund

J. Tourguéneff.

164. ПОЛИНЕ ВИАРДО

1, 3, 4, 5, 8, 9 (13, 15, 16, 17, 20, 21) декабря 1850. Москва

Moscou.
Vendredi, 1/13 décembre 1850.

Bonjour, chère et bonne Madame Viardot!

Dimanche.

Il m'a été impossible tous ces jours-ci de continuer cette lettre — *continuer* est joli — mais je puis le dire sans exagération — je n'ai pas cessé un seul instant de penser à vous, ma bonne, douce et généreuse amie — et à la petite Pauline.— Je vous le dis — l'idée de la savoir entre vos mains me la rend chère — elle a raison de vous appeler maman — c'est vous qui en ferez ma fille pour de vrai. J'attends avec impatience une seconde lettre — elles viennent bien tard à Moscou — pour voir si l'impression favorable qu'elle paraît vous avoir faite — s'est soutenue.— Pourvu que son cœur grandisse bien vite... J'aime à me le figurer dans le creux de votre main. Sie wissen warum. Mein Leben und mein Herz sind auch da wie früher. Sie haben es nicht fallen lassen, nicht wahr? Que Dieu bénisse mille fois votre chère tête — et comment vont vos yeux?

On est très aimable cette année-ci pour moi à Moscou — et si je voulais, j'irais partout — mais je n'en ai nulle envie. Je vois fort peu de monde — la comtesse Sailhas d'abord — Stchepkine et son fils.— Cette comtesse est une Russe mariée à un Français, qu'un duel a forcé de retourner dans son pays.— Elle est spirituelle, bonne, franche; elle a dans ses manières quelque chose qui vous rappelle — nous sommes de grands amis.— Elle a vécu dans le monde et s'en est retirée.— Elle n'est pas jeune, elle n'est pas jolie — mais elle inspire de la sympathie en vous mettant à l'aise de prime abord. C'est un très bon signe, comme vous le savez bien. Et puis, elle a un véritable talent.

Les scellés ne sont pas encore levés chez nous — mais cela ne peut pas tarder.— Je compte retourner à Pétersbourg dans trois semaines.

J'ai une véritable soif de musique — il est impossible de la satisfaire ici.— Que n'aurais-je donné pour une soirée passée avec Gounod! — Serrez-lui les deux mains de ma part et dites-lui que je l'aime comme un frère. Voudra-t-il faire ce que je lui ai demandé [1].— Rappelez-moi au souvenir de sa bonne mère — dites à tous mes amis de Paris que je les porte dans mon cœur — je suis sûr que Mlle Berthe est très bonne pour la petite — et je lui en suis fort reconnaissant.— Mais il faut que Pauline vous adore, il n'y a pour elle de salut que dans ce sentiment — il la régénérera — et si sa nature est bonne, elle ne pourra s'empêcher de vous adorer. Je vous en prie, quand vous recevrez cette lettre, faites-la venir — et donnez-lui vos deux mains — entendez-vous — vos deux mains à baiser — et pensez à moi, s'il vous plaît — pendant qu'elle jouira de ce bonheur — et écrivez-moi que vous l'avez fait.— Dites-moi si elle commence à faire des progrès dans le français — il faut, sans perdre de temps, commencer à lui enseigner le piano — je dis tout cela — mon Dieu, je sais bien que tout sera fait pour elle par un ange — je ne le dis que pour avoir un prétexte de me remettre à vos genoux...

Chère, chère, bonne amie, que tout ce qu'il y a de bon au monde soit votre partage.— N'oubliez pas le plus fidèle et le plus dévoué de vos amis.

Lundi, 4/16 décembre.

Je viens de recevoir votre chère lettre, theuerste, liebste, angebetete Freundinn — cette lettre, dans laquelle vous me donnez tant de détails sur Pauline.— Dieu — que vous êtes donc bonne — quel ange vous faites! — Cette lettre m'a remué tout le cœur.— Allons — tant mieux si *notre* fille est bonne et aimante — tant mieux.— Vous voyez bien — je vous le disais — elle vous adore. Oui, elle vous adore — je le sens dans mon cœur.— Cela ne pouvait pas être autrement.— Maintenant que j'y pense — Sie ist ja meine Tochter.— Je m'empresse de répondre à vos questions.— Oui, elle a été vaccinée — mais elle n'a pas eu d'autre maladie d'enfant.— Je vous enverrai son extrait de baptême dès que je l'aurai. *Vous comprenez bien* qu'elle ne *peut* pas être élevée dans une autre religion que la nôtre.— Je vous en prie, envoyez-moi son portrait fait par vous et qu'elle mette au-dessous: «Pauline. Мама рисовала». Embrassez-la de ma part.— Je sens, je sens que je commence à l'aimer véritablement. Mille bonnes choses à ce cher Gounod pour les quelques mots qu'il a mis dans votre let-

tre [2].— Il a bien raison de parler de «l'influence des mains angéliques auxquelles la petite est remise» — oh oui, angéliques, et belles, et bienfaisantes, et bien-aimées... Permettez-moi d'y coller mes lèvres. Merci aussi pour ce que vous me dites des «Huguenots» — et «Sapho» — à quand «Sapho»? — Vous ne me parlez pas du nom de famille que vous avez donné à la petite — s'il n'y en a pas encore — donnez-lui celui de Michel — j'ai une superstition pour ce nom-là — je vous en ai parlé et vous en savez quelque chose — D⟨oñ⟩a Miguela [3].— Envoyez-moi de son griffonnage.— Je suis si content — j'embrasserais volontiers tous les amis de la rue de Douai — à commencer par mon petit Lou [4],— sur ses deux joues, qui, je l'espère, sont grosses et grasses.

Vous dites que Pauline s'est mise à sangloter quand elle vous a vue pleurer des suites de l'opération... Je lui revaudrai ces larmes-là.

Mardi, 5/17 décembre.

Bonjour, chère et bonne et généreuse amie.— Il y a aujourd'hui juste six mois que je vous ai vue pour la dernière fois,— une demi-année.— C'était — vous le rappelez-vous — le 17 juin... Combien de temps se passera-t-il encore jusqu'à ce que j'aie le bonheur de vous revoir? — Dieu le sait... Une année peut-être encore — et je dois le dire — malgré l'éternité de cette année — ce serait encore si beau que j'ose à peine y croire.— Enfin — nous verrons, nous verrons... J'ai relu la première lettre que vous m'avez écrite après mon départ...

A propos de lettre, je vois que j'oublie de nouveau de mettre un numéro aux miennes.— Voyons — je recommencerai. Celle-ci sera n° 1.— Je sais par cœur votre dernière lettre — je ne sais combien de fois je l'ai relue! — On a enfin levé les scellés.— Nous n'avons trouvé que des papiers insignifiants et en petit nombre — pas un seul acte valable — rien — pas même une lettre pour nous — elle a tout brûlé avant sa mort.— Cependant, nous avons trouvé un journal écrit au crayon pendant les derniers mois de sa vie [5]. Je le parcourrai cette nuit.— Toutes les intrigues ont abouti à néant... Mais y en avait-il! — Le dépit, le désir de rejeter la faute sur un autre — a peu à peu ouvert la bouche à tout le monde.— Quel concert de récriminations,— quelles vilenies se découvrent. Il faut vite y mettre le holà — en payant largement toutes ces avidités — et en débarrasser la maison.— J'ai gagné à tous ces désagréments un type de Tartuffe femelle, composé d'un mélange de bon-

homie presque enfantine et de ruse diabolique, très original et très dégoûtant.— Si nous nous revoyons — non, je veux dire — *quand* nous nous reverrons, j'aurai une foule de choses à vous raconter.— A propos — il faut que je vous dise mon chagrin — imaginez-vous que cette petite Assenka, cet enfant étrange et charmant dont je vous parlais — a tout à coup grandi, enlaidi et s'est abêti. La Nature a repris ses droits — car si ce changement n'avait pas eu lieu, elle serait probablement morte — comme tous les enfants précoces — mais c'est dommage.— C'est plus sain, plus naturel, mais beaucoup moins intéressant.— Cependant, la femme de mon frère va l'élever comme sa fille [6]. Ma belle-sœur est une très brave et bonne personne, que j'aime beaucoup.

Minuit et demi.

Je reviens de chez la comtesse S⟨ailhas⟩ et ne veux pas me coucher sans vous dire bonsoir.— Ce matin, avant le dîner, j'ai lu la petite comédie que j'ai dernièrement faite à Pétersbourg chez une autre comtesse (peste!), chez la femme du frère du comte Sollogoub, de celui, que vous avez connu à Vienne [7].— Imaginez-vous qu'il est devenu fou, presque idiot.— Cette petite comédie a eu un grand succès — je l'ai déjà lue à la Csse Sailhas, à Stchepkine.— A propos — j'ai revu Solovoï et sa femme qui n'est autre que la sœur de cette même comtesse Sailhas.— Il m'a demandé de vos nouvelles.— *Mais* il me fait l'effet d'un lièvre devenu mélancolique. Vous ai-je dit que j'ai rencontré deux jours avant mon départ de Pétersbourg Goulévitch chez le Cte Wielhorski? — Il m'a embrassé avec effusion — et m'a accablé de questions — sur vous — celui-là est un bon diable et il vous aime sincèrement.— J'irai le voir dès que je serai de retour à St. P⟨étersbourg⟩ — Je dois aller demain au théâtre. On y donne ma pièce en trois actes, «Le Célibataire» avec Stchepkine. Je me mettrai dans une loge grillée — je crois que j'aurai peur. Le 2d acte est d'un froid glacial.— Cette pièce a déjà été donnée plusieurs fois [8].

Bonne nuit — je vais me coucher.— Avant de m'endormir, je lirai le journal de ma mère — qui n'a échappé au feu que par hasard.— Si je pouvais vous voir en songe — — cela m'est arrivé il y a 4 ou 5 jours.— Il me semblait que je revenais à Courtavenel pendant une inondation — je voyais d'énormes poissons glisser au-dessus de l'herbe submergée — dans la cour — j'entre dans le vestibule — je vous vois — je vous tends la main — vous vous mettez

à rire. Le rire m'a fait mal — je ne sais pourquoi je vous raconte ce songe-là.

Bonne nuit.— Que Dieu veille sur vous... A propos de rire, l'avez-vous toujours si adorablement vrai et bon — et malicieux? J'aimerais à l'entendre — ne fût-ce qu'un instant — cette charmante explosion qui arrive ordinairement vers la fin — bonsoir — bonsoir.

Vendredi matin — 8/20 décembre.

J'ai eu beaucoup d'émotions diverses depuis mardi.— La plus forte m'a été causée par la lecture du journal de ma mère... Quelle femme, mon amie — quelle femme! — Je n'ai pu fermer l'œil de toute la nuit.— Que Dieu lui pardonne tout... mais quelle vie...

Je vous assure que j'en suis encore tout étourdi.— Oh oui — soyons vrais et bons — ne fût-ce que pour ne pas mourir ainsi... Je vous montrerai un jour ce journal — l'idée de vous cacher quelque chose même de pénible, mais qui m'intéresse — me pèse.— Vous savez tout jusqu'à présent. Vous saurez tout jusqu'au bout — à moins que vous ne me disiez vous-même de me taire.— Chère et bonne amie — rien que de penser à vous dans cet instant me fait l'effet d'un flot de lumière pur et doux — je tends mes mains vers vous et je vous bénis du plus profond de mon cœur.

J'ai eu une émotion d'un autre genre avant-hier soir. J'ai assisté dans une loge grillée à la représentation de ma comédie.— Le public a été extrêmement chaud — le troisième acte surtout a eu un très grand succès.— J'avoue que cela fait plaisir.— Stchepkine a été admirable de vérité, de sensibilité, d'entrain — on l'a rappelé 1 fois après le 2ème acte, 2 fois dans le courant du 3ème et deux fois après.— Une vieille actrice a été excellente dans un rôle de commère, un autre acteur, un certain Jivokini très bon dans le personnage d'un bon provincial — la jeune première a été passable, un peu gauche, mais naturelle, les autres acteurs — mauvais [9].— Mais quelle leçon pour un auteur que d'assister à une représentation de sa pièce — on a beau faire — on devient, on se sent public — et la moindre longueur, le moindre faux effet vous frappe d'abord comme une étincelle électrique.— Le 2ème acte est décidément manqué — et j'ai trouvé le public beaucoup trop indulgent.— Cependant — en somme — je suis fort content. Cette épreuve m'a montré que j'ai de la vocation pour le théâtre, et qu'avec le temps je pourrai faire de bonnes choses.— Ecoutez, nous pouvons aller jusqu'à 1200 francs par

an pour Pauline.— Avant de quitter Moscou je vous en enverrai 800.— Ecrivez-moi de quelle couleur est sa plus jolie robe.— Je me sens de la tendresse pour cet enfant qui vous aime.— Mais vous n'oublierez pas de lui donner vos mains à embrasser, n'est-ce pas? — Pendant toute une minute.— Si elle ne comprend pas encore le français — vous lui direz en russe: Ещё. Est-elle heureuse-cette petite morveuse-là! L'est-elle!

Envoyez-moi de ses cheveux — je n'en ai pas. Tiens — vous recevrez cette lettre déjà en 1851... Si nous allions nous revoir cette année? Aber wenn ich es auch könnte, ich komme nur, wenn Sie mich rufen.

Vous ai-je écrit que Pauline est née le 13 mai 1842? Je rabâche aussi de cet enfant.— Mais vous savez pourquoi.

Vendredi soir.

Ce journal ne me sort pas de la tête... Mais voyons, n'y pensons pas.— Je suis seul dans ma petite chambre — il est bien tard — il fait un beau clair de lune — l'éclat de la neige s'est amolli — il est presque doux à l'œil.— Diane est avec moi — elle a pris beaucoup d'embonpoint et si Dieu lui prête vie — avant un mois elle aura mis au monde des petites qui lui ressembleront — car j'ai trouvé ici un Monsieur exactement pareil à Diane — et très distingué par ses talents. Je veux fonder une race de chiens admirables; je veux qu'on dise avec le temps: voyez-vous ce chien? C'est le petit-fils de la célèbre Diane.— Je viens de demander à Diane si elle se souvenait encore de Sultan.— Elle a dressé un peu les oreilles et a cligné de l'œil d'une façon très significative.

Samedi 1 heure.

Le bon papa Stchepkine est venu chez moi dès le matin — nous avons beaucoup causé — sa visite m'a fait plaisir — mais elle me vole une page de ma lettre — il faut que je l'envoie à l'instant même, si je veux qu'elle parte aujourd'hui. Je n'ai que le temps de me mettre à vos pieds — et de vous souhaiter tout le bonheur possible.— Mille embrassades à Louis, Gounod, à tout le monde.— Soyez tous heureux et bénis.— Je vous aime et vous chéris.

J'embrasse vos chères et bienfaisantes mains.— A bientôt.

Votre
J. Tourguéneff.

1851

165. ПОЛИНЕ ВИАРДО

1, 3, 5, 8 (13, 15, 17, 20) января 1851. Москва

Moscou.
Lundi 1/13 janvier 1851.

Bonjour, chère et bonne Madame Viardot, theuerste, liebste Freundinn! Je ne veux pas commencer mon année sans invoquer ma douce et chère patronne et sans appeler sur elle toutes les bénédictions du ciel. Hélas! Se peut-il que toute cette année s'écoule sans que j'aie le bonheur de vous revoir? C'est une idée bien cruelle et à laquelle il faut cependant que je m'habitue...

Nous avons passé la soirée d'hier chez un de mes amis, et quand minuit a sonné, vous vous imaginez bien à qui j'ai mentalement porté mon toast! Tout mon être s'est élancé vers mes amis, mes chers amis de là-bas... Que le ciel veille sur eux et les garde!.. Mon cœur est toujours là-bas, je le sens. A demain. Il faut que je sorte, j'ai quelques visites à faire. J'ai une foule de choses à vous communiquer. Ce n'est pas sans raison que je suis resté si longtemps à Moscou. J'ai mené à bonne fin une entreprise assez difficile et délicate. Je vous parlerai de tout cela demain. Aujourd'hui soir, on donne une de mes comédies manuscrites chez la comtesse Sollohoub, un théâtre de société [1]. On m'a engagé d'assister à la représentation, mais je me garderai bien de le faire; je craindrais trop d'y jouer un personnage ridicule. Je vous dirai quel aura été le résultat. A demain. Mais je veux me mettre à vos pieds et embrasser le pan de votre robe dès aujourd'hui, chère, chère, bonne, noble amie. Que le ciel vous protège!

Mercredi, 3 janvier.

Il paraît que ma comédie a eu un très grand succès avant-hier, car on la répète aujourd'hui, et je viens de recevoir une invitation pressante d'y aller ce soir. Cette fois-ci j'irai; je ne veux pas avoir l'air de me *donner des airs.* J'ai donné hier un dîner d'adieu à mes amis, nous étions en tout vingt personnes. Il faut avouer que vers la fin de la soirée nous étions tous on ne peut plus animés. Il y avait entre autres un acteur

comique d'un très grand talent, M. Sadofski, qui nous a fait mourir de rire, en improvisant des scènes, des dialogues de paysans, etc. Il a beaucoup d'imagination et une vérité de jeu, d'intonation et de geste, que je n'ai presque jamais rencontrée aussi parfaite. Il n'y a rien de si bon à voir que l'art devenu nature. Je vous avais promis hier de vous dire pourquoi je suis resté à Moscou beaucoup plus longtemps que je ne m'y attendais. Voici en peu de mots la raison: il y avait deux personnes, deux femmes à éloigner de la maison, où elles mettaient la discorde à chaque instant. Pour l'une d'elles la chose n'a pas été difficile (c'était une veuve d'une quarantaine d'années [2], que ma mère avait eue près d'elle pendant les derniers mois de sa vie), on l'a largement payée et priée d'aller chercher une autre maison que la nôtre. L'autre était cette jeune fille que ma mère avait adoptée [3], une vraie Mme Lafarge [4], fausse, méchante, rusée et sans cœur. Il me serait impossible de vous dire tout ce que cette petite vipère a fait de mal. Elle avait entortillé mon frère, qui, dans sa bonté naïve, la prenait pour un ange: elle est allée jusqu'à calomnier odieusement son propre père, et puis, quand j'ai réussi par le plus grand des hasards, à saisir le fil de toute cette intrigue, elle a tout avoué, elle nous a bravés avec une insolence, un aplomb qui m'a fait penser à Tartuffe ordonnant, chapeau en tête, à Orgon, de quitter sa maison [5]. Il était impossible de la garder plus longtemps, et cependant nous ne pouvions pas la mettre sur le pavé... Son propre père refusait de la prendre chez lui (il est marié, a une grande famille) [6]. Notre situation était très embarrassante. Enfin, heureusement, il s'est trouvé une personne, un docteur [7], ami du père de la demoiselle, qui a consenti de s'en charger en la prévenant d'avance qu'elle serait gardée à vue. Mon frère et moi, nous lui avons donné une lettre de change de 60 000 francs payables dans trois ans avec 6 p⟨our⟩ c⟨ent⟩ d'intérêt, toute la garderobe de ma mère, etc., etc. Elle nous a donné un reçu, et nous en voilà quittes! Ouf! ça a été une lourde charge. Je ne sais ce qui serait résulté de son séjour chez mon frère, mais je sais que nous ne respirons que depuis qu'elle n'est plus là. Quelle mauvaise et perverse nature, à 17 ans! Cela promet. Il est vrai qu'elle a reçu une éducation détestable... Enfin, n'en parlons plus, elle est contente et nous aussi. Cependant, je vous avoue que je ne suis pas fait pour de pareilles opérations! J'y mets assez de sang-froid et de résolution, mais cela me détraque les nerfs horriblement. J'ai trop pris l'habitude de vivre avec de bonnes et honnêtes

gens. La méchanceté, la perfidie surtout ne me fait pas peur, mais elle me soulève le cœur. Il m'a été impossible de travailler pendant ces derniers quinze jours... A demain. Je pars vendredi ou samedi au plus tard. Voyons, donnez-moi vos deux chères, bonnes et douces mains, que je les presse longtemps sur mes yeux et sur mes lèvres, et que votre bienfaisante et noble image chasse loin de moi tous les vilains et mauvais souvenirs...

Vendredi 5.

Eh bien, en effet, j'ai eu un grand succès avant-hier. Les acteurs ont été détestables, surtout la jeune première (une princesse Tcherkassky), ce qui n'a empêché ni le public d'applaudir à outrance, ni moi d'aller les remercier avec effusion derrière les coulisses. J'ai été, malgré tout, assez content d'avoir assisté à cette représentation. Je crois que ma pièce aura du succès sur le théâtre, puisqu'elle a plu, malgré le massacre des *dilettanti*. (On la donne à Pétersbourg le 20, ici le 18 [8].) J'ai été très fêté, complimenté, etc., etc. C'est tout de même drôle de se voir jouer. Je pars demain, mais je vous écrirai encore avant de partir. Il me tarde d'avoir une lettre de vous. On ne me les envoie plus à Moscou, elles m'attendent à Pétersbourg... A demain. Tausend Küsse den lieben Füssen!

Lundi 8.

L'homme propose et Dieu dispose, chère Madame Viardot. Je devais partir samedi, et me voilà encore à Moscou. J'ai attrapé une toux, et, aussi longtemps qu'elle durera, il me sera impossible de quitter ma chambre. J'espère qu'elle passera dans peu de jours. Ce contretemps m'est assez désagréable, mais il faut s'y résigner.

Hier, Diane a mis bas sept petits, blancs et jaunes comme elle, 6 chiens et une chienne. Sa tendresse de mère va jusqu'à la férocité, et elle fait des yeux terribles quand je touche un de ses petits. Les autres n'osent pas seulement s'approcher d'elle. Je vous envoie cette lettre aujourd'hui, mais je vous écrirai encore une fois avant de partir. J'espère que je pourrai le faire jeudi. Il y a plus de deux mois que la petite Pauline est à Paris. Comment va-t-elle, et fait-elle des progrès? Je suis certain de trouver des détails qui la concernent dans vos lettres qui m'attendent à Pétersbourg, car je suis sûr qu'il y en a là-bas au moins deux. Je vous aime et vous embrasse tous. Tiens, une idée. Si j'écri-

vais à Gounod au lieu de vous écrire avant mon départ? C'est ce que je ferai. Ainsi, adieu jusqu'à Pétersbourg.

Votre
J. Tourguéneff.

166. К. С. АКСАКОВУ

8 (20) января 1851 (?). Москва

Извините меня, любезный Аксаков, если я не могу сдержать своего слова — мне что-то очень нездоровится — и я решился остаться дома и даже лечь в постель. Я надеюсь, что это скоро пройдет — и что я буду иметь удовольствие провести у Вас на днях вечер — положим в середу — если этот день Вы не отозваны.— До свидания — жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш
И. Тургенев.

Понедельник.

На обороте:

Его высокоблагородию
Константину Сергеевичу
Аксакову.
В Н⟨ово⟩-Иерусалимском переулке,
в доме Высоцкой.

167. К. С. АКСАКОВУ

10 (22) января 1851 (?). Москва

Я было попробовал выехать вчера, любезный Аксаков — и глупо сделал: сегодня мне опять хуже — опять кашляю и пр. Тем более мне досадно, что Вы меня не застали. Вы, кажется, спрашивали о нашем человеке, Сергее — *мы можем смело Вам его рекомендовать*.— Надеюсь, что все Ваши здоровы — я не уеду отсюда, не побывавши у Вас — но когда я уеду? — вот вопрос, которого я не умею разрешить [1]. Во всяком случае, жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

Середа.

168. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17, 18, 19, 22 января (29, 30, 31 января, 3 февраля) 1851. Москва

Moscou.
Mercredi, 17/29 janvier 1851.

Je relève de maladie, comme Jodelet dans «Les précieuses ridicules» [1], chère et bonne amie; j'ai eu une fièvre catarrhale assez forte, qui m'a mis sur le flanc pendant 4 jours.— Ce qui m'est surtout désagréable — c'est le retard que cette maladie a apporté à mon voyage — et ce qu'il y a surtout de désagréable dans ce retard — c'est qu'il me prive de vos lettres qui m'attendent à Pétersbourg — [а]et que j'ai eu la bêtise de ne pas faire venir ici — j'espérais toujours pouvoir partir. Il est très probable que je resterai ici une semaine encore — vous ne sauriez croire quel vide me fait l'absence de vos lettres — il y a si longtemps que je ne reçois pas de vos nouvelles — j'en suis tout désorienté! — J'espère que vous vous portez bien et qu vous pensez quelquefois à l'homme qui vous chérit de toutes les forces de son âme. Vous savez qui cela est — n'est-ce pas? —

On donne demain une comédie que j'ai composée pour les acteurs de Pétersbourg — mais que Stchepkine m'a demandée pour son bénéfice [2].— Je n'ai rien à refuser à ce brave et digne homme.— Si je ne me sens pas trop mal, j'irai à la première représentation.— Jusqu'à présent, je ne ressens pas la moindre agitation.— Nous verrons demain.— Il paraît que la jeune première est détestable.— Enfin — nous verrons. Adieu jusqu'à demain, chère et bonne amie. Je vous invoque et me mets sous votre protection, chère patronne.

Jeudi,
1 h. du matin.

C'est donc pour ce soir. Cela commence à me faire un peu d'effet.— Malheureusement je me sens [б] plus mal qu' hier — et le docteur vient de me conseiller de ne pas sortir ce soir.— Ce serait cependant désagréable. Mon frère y va avec sa femme.— C'est une petite comédie en un acte qui a pour titre: «Une provinciale». La donnée en est assez simple — tout dépend du jeu des deux acteurs principaux; l'un est bon, à ce que l'on dit — l'autre (ou plutôt l'actrice)

[а] *Далее зачеркнуто*: lettres
[б] *Далее зачеркнуто*: mal

est très mauvais [3].— La salle sera pleine.— Stchepkine vient de m'envoyer un billet pour une loge d'en haut.— Je crois que j'irai, quoique je me sente mal — j'ai une chaleur de tous les diables.—

7 heures du soir.—

J'ai 80 pulsations par minute — et je vais au théâtre.— Je ne puis pas rester à la maison.— Je vous serre les deux mains bien fort — et je pars.— Que vous écrirai-je en rentrant?

11 heures.

Par exemple, je m'attendais à tout, hormis à un tel succès! — Imaginez-vous qu'on m'a rappelé avec des vociférations telles, que je me suis enfui tout éperdu, comme si j'avais mille diables à mes trousses — et mon frère vient de m'apprendre que le vacarme a duré un grand quard d'heure — et n'a cessé que quand Stchepkine est venu annoncer que je n'étais pas au théâtre.— Je regrette beaucoup de m'être enfui — car on a pu croire que je faisais la petite bouche.— — Ma pièce a été assez bien jouée par tout le monde, la jeune première exceptée qui a été détestable — mais en revanche — l'acteur chargé du rôle principal — a été charmant — c'est un jeune acteur qui se nomme Choumski — il a fait un grand pas dans l'opinion du public — je suis enchanté de lui en avoir fourni l'occasion.— Au moment où la toile s'est levée, j'ai prononcé tout bas votre nom — il m'a porté bonheur — mais il faut que je me couche — car j'ai une fièvre de cheval.

Vendredi, 2 h.

L'excursion d'hier ne m'a pas fait beaucoup de mal — j'ai passé une mauvaise nuit — il est vrai — mais aujourd'hui je me sens assez bien.— J'ai vu aujourd'hui plusieurs de mes amis qui sont venus me féliciter — il paraît que mon succès a été en effet très grand — la salle était comble — et on a vu de mes ennemis (littéraires) applaudir à tout rompre. Tant mieux — tant mieux.— Le bon Stchepkine est venu m'embrasser et me gronder sur ma fugue.— J'ai l'intention d'envoyer un petit cadeau à Choumski — cela lui fera plaisir.— On donne demain la même pièce à Pétersbourg [4]. C'est cependant agréable d'avoir un succès.— Allons — il faut que cela me serve d'éperon.—

Imaginez-vous que je viens d'apprendre par un monsieur qui arrive de Pétersbourg que le comptoir Iazykoff a *plu-*

sieurs lettres à mon nom — qu'on n'envoie pas à Moscou, parce qu'on s'attend d'heure en heure à mon arrivée... Cela me cause un dépit dont je ne saurais vous donner une idée... Dieu, Dieu, Dieu que je suis bête! —

Permettez-moi de vous remercier pour mon succès d'hier; je m'imagine que si je n'avais pas prononcévotre nom, la chose aurait pris une toute autre tournure.— Je suis si heureux de rattacher toute ma vie à votre cher et bon souvenir — à votre influence. Je vous embrasse les mains avec reconnaissance et tendresse.— Que le Ciel veille sur vous! A demain.

Lundi.

Je ne vous ai pas écrit ni samedi, ni dimanche; j'étais *languissant*, pour ne pas dire bête.— On répète ma pièce ce soir — on ne joue ici la comédie que trois fois par semaine.— Je compte sortir aujourd'hui en voiture — il fait un temps superbe.— Les yeux des petits de Diane se sont enfin ouverts à la lumière: ils sont très drôles, très gentils et très bien portants.— Ce serait bien le diable si je devais rester ici plus d'une semaine! — J'ai reçu une foule de visites etc., etc.— Ce sont des compliments à perte de vue etc.— Je vous le dis parce que je sais que cela vous fera plaisir.— Je suis sûr que vous me parlez dans vos lettres de «Sapho» [5], des répétitions commencées — (car j'espère bien qu'elles le sont) — et dire que je n'en sais rien par ma faute! — Mais je les aurai ces lettres dans 4 jours.— Je vous ecrirai alors un volume — et pour Gounod — je vous répète, je ne quitterai pas Moscou sans lui avoir écrit une grande lettre.— Que fait la petite Pauline? — Est-elle sage? Apprend-elle le français et le piano? —

Adieu; je vous embrasse tous, tous avec une tendresse indicible; je commence par vous; puis — Viardot; puis Gounod; puis Mme Garcia; puis Mme Gounod; puis Mlle Berthe; puis el Marinero Español y su mujer [6]; puis Manuel; puis Louise; puis tout le monde — tous les amis et je finis par vous.— Mes chers amis, mon cœur est avec vous.— Adieu — portez-vous bien; soyez heureux et contents et n'oubliez pas votre fidèle ami J. Tourguéneff.

Tiens — je viens de m'apercevoir que dans ma nomenclature j'ai oublié la petite Pauline — dites-lui que je l'embrasse deux fois.— NB. Je vous enverrai les 1200 fr. dès mon arrivée à Pétersbourg [7].

169. В. Н. БОГДАНОВИЧ-ЛУТОВИНОВОЙ

Конец декабря ст. ст. 1850—26 января (7 февраля) 1851 (?). Москва

Извините меня, любезная Варвара Николаевна — если я не могу исполнить сегодня моего обещания — деньги я получу только в понедельник и следовательно прошу Вас подождать до того дня.— В понедельник в 12 часов я у Вас буду.

Остаюсь
готовый к услугам
Иван Тургенев.

Пятница утром.

170. А. А. КРАЕВСКОМУ

20-е числа января ст. ст. 1851. Москва

У меня есть до вас просьба, любезный А‹ндрей› А‹лександрович›, на которую обыкновенно господа редакторы соглашаются весьма неохотно, а именно: я прошу вас сделать мне одолжение поместить в «От‹ечественных› записках» следующий перечень ошибок, находящихся в «Провинциалке», одноактной комедии, помещенной в первом нумере вашего журнала [1]. Их, действительно, много; но я спешу объявить, что в этой неисправности виноват один я. Бывши вынужден, по домашним обстоятельствам, неожиданно скоро уехать из Петербурга, я не успел переписать «Провинциалку» [2] и поручил это дело писцу, который, несмотря на всё свое старание, не мог не наделать множества ошибок, из которых самая неприятная та, что он заставляет графа *петь дуэт* с г-жею Ступендьевой. Эта варьянта была точно выставлена мною на полях, на случай, если б особый талант или желание артистки, словом, если б театральные условия потребовали дуэта [3]; но я очень хорошо знал, что это неправдоподобно: можно предположить, что женщина, живя долго в глуши, не забыла играть на фортепьяно, но почти невозможно думать, чтоб она могла петь à livre ouvert. Переписчик мой сделал эту ошибку, болезнь помешала мне вернуться ко времени выхода первой книжки «Отеч‹ественных› записок» — и теперь мне остается попросить извиненья у вас и у читателей в моей нераспорядительности. Что касается до читателей, то вы, пожалуй, заметите, что в их глазах от моих поправок моя пьеска ничего не выиграет и не проиграет, что они даже, может быть, и не обратили внимания на те ошибки, но я все-таки думаю, что исполняю свой

долг перед ними, и, может быть, эти поправки не совсем будут бесполезны для тех, которым бы вздумалось разыграть «Провинциалку» на домашнем театре [4].

С искренним уважением и преданностью остаюсь и т. д.

Автор «Провинциалки».

Стр.	*Строка*	*Напечатано*:	*Читай*:
3	15 сверху:	слушай	глупая
»	20 »	на канате	на бечевках
»	26 »	Любин граф	Любин. . . Граф Любин
7	5 »	О зачем	И зачем
12	9 »	Ожиданья меня замучат	Ожиданье меня замучит
»	на последней снизу:	(Улыбается)	(Умолкает)
15	10 сверху:	мне	мои
19	12 »	невежливыми	навязчивыми
19	24 »	женщина	жемчужина
19	32 »	(«influence»)	influence?
19	34 »	выражение	восклицание
20	12 »	Слова: «Ведь мы часто будем видеться, не правда ли?» — говорит не граф, а Дарья Ивановна	
20	17 »	aussi jeune qu'alors	так же молод, как тогда
20	25 »	Я помню.	Я помню. . .
»	26 »	моложе	молоды
»	27 »	уничтожить слово «молодым»	
»	30 »	Лизине	Лидиной.
21	18 »	выкинуть слова: «помните, сами очень мило пели».	
21	32 »	дуэтино	романс
21	34 »	sans aucune prétention	без всякой претензии
»	38 »	дуэтино	романсом
22	18 »	дуэтино	романс
»	30 »	дуэтино, как вы говорите	романсом
23	12 »	Я гулял-с	Я и тò гулял-с
24	10 »	дуэтино	романсом
»	11 »	дуэтино	романсом
24	12 »	дуэтино	романсом
»	13 »	дуэт	романс

Стр.	Строка	Напечатано:	Читай:
»	22 сверху:	притом же к обеду	притом же ты к обеду
25	20 »	остаюсь	останусь
»	36 »	дождалась	прождалась
26	13 »	это	эта
»	20 »	amorosa quasi cantando	amoroso
»	32 »	O la dolce	La dolce
»	33 »	virgine	vergine
»	34 »	inamorato	innamorata
»	34 »	после inamorato поставить слова: Non può uscir giammai	
»	38 »	после ardore поставить слова: Il cor rapito m'hai	
»	39 »	выкинуть слово: граф	
27	2 »	выкинуть всё, начиная с «они поют» до «граф поет»	
27	10 »	выкинуть слова: «Но как вы пели, боже мой, как вы пели!»	
28	1 »	faites	faite
»	5 »	tuo	tua
28	31 »	постараюсь	решилась
»	36 »	что	что вы
29	3 »	сделано	сделаю
30	3 снизу:	очень	слишком
31	27 сверху:	вот	вон
»	38 »	подумаешь	думаешь
33	16 »	уж	здесь
34	23 »	выкинуть слова: «сядем, граф»	
»	24 »	выкинуть слова: «она садится»	
»	25 »	выкинуть слово: «садясь»	
35	14 »	как	так
»	20 »	Вы	И
»	23 »	или	как
36	10 »	делает знаки	делает мужу знаки
37	19 »	Я уважаю всегда прекрасный пол	Я уважаю ум всегда
»	7 снизу:	Я должен	Я, г. Ступендьев, должен
»	5 »	быть вам полезным	быть вам, милостивый государь, полезным
38	11 сверху:	Я, ведь я	А ведь я

171. К. С. АКСАКОВУ

31 января (12 февраля) 1851. Москва

Я собирался к Вам писать, любезный Аксаков, когда получил Вашу записку [1]. Рукопись у меня — но Садовскому раньше пятницы утром нельзя. Кстати, я и свое тогда прочту [2]. До тех пор я Вас, впрочем, увижу. Ваша приписка мне очень лестна, но я думаю, что *так*, как Вы желаете делать, лучше Вас не сделает никто.— Будьте здоровы — кланяюсь Сергею Тимофеевичу. До свиданья.

Ваш
Ив. Тургенев.

Середа.

172. С. Т. АКСАКОВУ

2 (14) февраля 1851. Москва

К крайнему моему сожалению, любезный мой Сергей Тимофеевич, я никак не могу быть у Вас сегодня вечером. Вы не можете себе представить, как мне досадно и неприятно, что я не могу присутствовать при чтении Садовского [1].— Надеюсь еще успеть заехать к Вам завтра [2] — но если нет — примите от меня сегодня же уверение в искренней моей привязанности к Вам и ко всем Вашим.— Будьте здоровы — жму Вам и Константину Сергеевичу крепко руку и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев

Сделайте одолжение, скажите от меня Садовскому, что Щепкин просит его убедительно никому не давать и не показывать моей статьи — это запрещено прежде общей подписи цензора [3] — да и вообще он бы этого не желал.

На обороте:

Сергею Тимофеевичу
Аксакову
от Тургенева.

173. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

16 (28) февраля 1851. Петербург

С. Петербург.
Пятница, 16-го февраля 51.

Если я до сих пор не писал к Вам, любезный Евгений Михайлович, то это вовсе не потому, чтобы я не помнил об Вас; напротив, могу Вас уверить, я никогда живее не

чувствовал, до какой степени я привязался к Вам и к графине [1]; но я был очень занят — и только вчера отделался от «Современника». Вы в нем увидите мою работу — желаю, чтобы она Вам понравилась — цензура ее сильно ощипала [2] — я Кетчеру посылаю оригинал — и Вы, если хотите, можете спросить его у него.— Я нашел всех петербургских друзей здоровыми и веселыми — надеюсь, что и московские также себя хорошо ведут. Кстати, здесь распространился слух, что Кетчер произведен во фрейлины [3]; но я, однако, сомневаюсь — хотя бы весьма желал видеть шифр на декольтированном его плече.— Видел я здесь «Провинциалку» [4]. Самойлова очень мила, но Самойлов гораздо ниже Шумского. У Самойлова игра чисто внешняя и в сущности весьма однообразная. Мартынов хорош — но не знает роли [5]. Ну а графиня — видела «Провинциалку» в Москве? Какого она о ней мнения? Пусть она мне напишет письмо— я ей непременно и весьма пространно отвечу. А пока — поцелуйте у ней от меня руки, если она перестала грызть свои ногти.— Напишите мне также и Вы — слышите — непременно [6].— Начали ли Вы работать — что делает Грановский, Кобра-Капелла [7] и прочие.— Я еще не успел прочесть «2-х сестер» [8] — но примусь за них, как только улучу удобное время. Вообразите — Аксаков был в Петербурге — и ко мне заходил — не застал меня дома — и не оставил своего адресса, так что я никак не мог отплатить ему его визит — он так и уехал. Доставьте ему через Грановского мой поклон и мое сожаленье, что не видел его здесь.— Что еще Вам сказать — мое здоровье очень недурно — вчера мы страшно много пили — Зиновьев, Корш, Якушкин, Маслов, Тютчев и я — у Дюссо. Пили новое *превосходное* шампанское, Лелегар и Дельбек — гораздо лучше Редерера.— Avis aux lecteurs! — Ну, однако, прощайте, будьте здоровы и не забывайте искренно любящего Вас

Ив. Тургенева.

Мой адресс: На Невском проспекте, у Аничкова моста, в доме Лопатина.

(на обороте)

Кстати — о Драшусове. Дал он Вам какой-нибудь ответ? Разбирая мои старые бумаги, я нашел в них собственноручную его записку — в которой он говорит о должных мне *191* талерах. В случае нужды я могу Вам ее доставить, застраховав. Писана она в Москве, 17-го марта 1842-го г [9]. Жду Вашего ответа.

174. ЛУИ ВИАРДО

20 февраля (4 марта) 1851. Петербург

St. Pétersbourg,
ce 20 février / 3[a] mars 1851.

Il y a bien longtemps que je ne vous ai écrit, mon bien cher ami, et si je n'étais pas le plus paresseux des hommes, je ne me le pardonnerais jamais à moi-même, mais j'espère bien que mon silence ne vous a pas fait douter de non affection? Du reste, je n'ai jamais écrit à votre femme sans vous faire dire mille bonnes choses. J'ai lu avec attention et reconnaissance les quelques lignes que vous m'avez écrites dernièrement [1]; je sens toute la valeur de vos conseils et vous sais bien gré de l'intérêt que vous me témoignez. Je conçois bien tout ce qu'il y a de hasardé dans ma détermination de confier le soin de mes affaires à un autre, mais vu mon incapacité absolue dans ces sortes de choses et ne pouvant pas, par des raisons trop longues à dire, m'en rapporter pleinement à mon frère (non que j'aie les moindres soupçons sur sa parfaite probité) — je crois que ça a été une bonne fortune pour moi de tomber sur un homme dont le nom seul, pour tous ceux qui le connaissent, est le synonyme de la plus chevaleresque loyauté. De plus, il m'est attaché de cœur et je puis vous assurer qu'il y a bien peu de personnes pour lesquelles il serait disposé de faire ce qu'il va faire pour moi [2]. Votre autre conseil est tout aussi excellent et je me propose bien d'en profiter avec le temps; mais pour le moment, je n'ai pas un rouble de disponible, et tout l'argent que nous pourrons mettre de côté pendant cette année (fort mauvaise d'ailleurs) sera employé à effectuer notre partage, chose qui coûte cher en Russie [3]. Si le Petit Paris reste sans acheteur jusqu'à l'année prochaine, je connais bien quelqu'un qui s'en accommodera volontiers [4]. L'air de la Brie m'est bon et sain de toutes les façons — reste à savoir quand il me sera permis de le respirer.

Je vous envoie ci-joints 12 cents francs, c'est-à-dire une année des frais d'éducation de la petite Pauline que je recommande à votre bienveillante protection. Tout ce que votre femme et vous avez déjà fait pour cette pauvre petite est empreint au plus profond de mon cœur et il n'y a rien de plus doux que la reconnaissance quand on la ressent pour ceux qu'on aime et qu'on estime et vous n'avez pas fait

---

[a] *Так в подлиннике.*

un ingrat — je vous en réponds et ne serai heureux que quand je pourrai vous le prouver.

J'attends avec impatience vos «Arabes» [5], j'en parlerai dans les deux revues où je travaille — je verrai — peut-être que j'en ferai faire une traduction abrégée [6]. Le sujet est très intéressant et très peu connu chez nous. Je travaille de mon côté avec assez d'assiduité — ma pièce a bien réussi à Pétersbourg comme à Moscou [7]; j'ai plusieurs autres choses en tête, que je vais tâcher de mener à bonne fin, si Dios quiere.

J'ai reçu l'invitation d'aller à 450 werstes d'ici, dans le district le plus sauvage du g⟨ouvernemen⟩t de Nowgorod — on me promet 30 ours! Pourvu qu'il y en ait trois [8]! Cela me fait penser au bon vieux temps, à nos excursions. J'irai certainement et vous donnerai des nouvelles de cette trentaine. Cid et Sultan vont bien? Diane a été dangereusement malade, à ce que l'on m'a écrit de Moscou, mais, grâce à Dieu, elle est maintenant hors de danger. J'ai l'intention de faire des chasses-monstres cette année-ci... J'eusse préféré en faire d'ordinaires en Brie — mais!..

Patience — j'espère bien revoir Courtavenel tôt ou tard.

Adieu; portez-vous bien et gardez-moi un bon souvenir. Je vous serre fraternellement la main. Embrassez Louise de ma part.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Informez-moi, s'il vous plaît, de la réception de cette lettre.

175. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

4, 12, 13 (16, 24, 25) марта 1851. Петербург

С. Петербург.
Воскресение, 4-го/16-го марта 1851.

Козлоногому сатиру, одетому студентом и прикидывающемуся добродетельным человеком,— Евгению Феоктистову мой усердный поклон. Не без умиленья читал я Ваше добела раскаленное описание Ирки на концерте Марио. «Господи, господи,— думал я,— есть же такие волканические темпераменты! Господи! — продолжал я,— не дай этой Этне изныть в тоске одиночества; но пошли ей, чего она жаждет с такой неслыханной энергией!». Надеюсь, что моя бескорыстная мольба будет услышана.

А — конечно — Вы правы — ум на маскараде — последнее дело. Лучшим тому доказательством служит то обстоятельство, что вот я не вернулся к моей маске — даром что она умна как бес и даром что я, по Вашим словам, желаю только баловать свою душу. А что касается до таинственной незнакомки Боткина, то уверяю Вас честью, что она стара и безобразна — в чем Вы можете сами убедиться, сходив в дом Жола в третий этаж.

Понедельник, 12-го/24-го марта.

Продолжаю мое письмо сегодня; всё это время был занят и не в духе.— В № «Современника», отправленного третьего дня в Москву — есть еще одна моя статейка, о которой также прошу сказать Ваше мнение. В главном характере много *поневоле* недосказанного — хочется мне знать, можно ли понять, в чем дело? [1] — Что касается до Ваших замечаний насчет «Бежина луга» — то во многом согласен — в ином нет. Напр., я вовсе не желал придать этому рассказу фантастический характер — это не немецкие мальчики сошлись — а русские [2]. Самое верное замечание сделал мне Дудышкин — сказав, что мальчики у меня говорят как взрослые люди [3].

Очень Вам благодарен за сообщенные известия о Станкевиче [4], Писемском и т. д. Последнего его романа я еще не успел прочесть [5]. Также не прочел еще «2-х сестер» [6] — но скажу Вам по секрету, что они здесь не нравятся.

Прилагаю записку к Драшусову [7] — из которой сделать можете надлежащее употребление.

Приложенное письмо передайте графине [8]. Я надеюсь быть в Москве в мае месяце.— У нас здесь опять зима.

Мое письмо — я это чувствую — очень вяло и глупо — что делать! Но Вы — пожалуйста — напишите мне — а я лениться не буду.— Дружески жму Вам руку — и желаю Вам — Ирку. Больше, кажется, ничего нельзя желать Вам.

Ваш
И. Тургенев.

NB. Я хотя пишу Драшусову, что не знаю, что́ 191 талер делают на русские деньги, но в календаре стоит, что талер равняется 91 коп. с 1/4; что выходит — 174 р. $28^3/_4$ коп. серебром.

P. S. Узнайте, пожалуйста, от Кетчера, отчего он не ответил мне на мое письмо — и что он намерен делать с «Записками»? [9]— Да скажите Кобре-Капелле [10], что я его щекочу под горлом. Змеи вообще это любят.

NB. Случайным образом это письмо не было отправлено вчера — в понедельник — и потому я решаюсь приложить Вам еще записку к Кетчеру [11]— потому что я, не зная хорошенько его адресса, сомневаюсь, в точности ли он получил мои прежние письма. Я посылаю ему маленький список опечаток и пропусков [12].

Вторник, 13-го/25-го марта.

NB. *Так ли я пишу адресс*?

176. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

2 (14) апреля 1851. Петербург

С. Петербург.
2-го/14-го апреля 1851.

Если я не отвечал Вам на Ваше первое письмо [1], любезный и милый Ф⟨еоктистов⟩, то, пожалуйста, не приписывайте это даже лени — я бы ее превозмог — но я был всё это время болен (старою моей болезнью) и ужасно хандрил. Я Вам и теперь много не напишу — скажу Вам только, что с Боткиным мы, вероятно, разъедемся — (я буду в Москве около 15-го) — и с необыкновенным удовольствием увижу графиню [2] и Вас.— Всё, что Вы мне говорите, умно, мило, справедливо и лестно — даю Вам честное слово, что «Записки охотника» прекращены навсегда — я намерен долго ничего не печатать и посвятить себя по возможности большому произведению, которое буду писать con amore и не торопясь — без всяких цензурных arrière-pensées — а там что бог даст![3] — Я очень рад, что статейка моя о Познякове понравилась в Москве (здесь она прошла незамеченной). Цензура ее сильно изуродовала — а в иных местах опечатки страшные... В одном месте пропущена целая строка и т. д. [4]— Роман Писемского [5] хорош — но уж слишком объективен, воля Ваша!— Что касается до Боткина, то на его счет мое мнение давно составлено — это в сущности — просто дрянь — и не занимательная дрянь [6]. Это, однако, как Вы говорите, между нами.— Я дней десять тому назад провел вечер с сестрами графини [7] — но не зашел к ним — всё по причине хандры.— Мне Петербург надоел — и мое тело мне надоело страшно — неуклюже,

старо — некрасиво — да еще и болит.— Г<--->, скажу Вам, г<--->.

Комедию — «Шарф» — я не продолжал, да и вряд ли кончу. Сообщите это как-нибудь Щепкину и Шумскому [8], которым, однако, сильно кланяюсь.

Непозволительно писать — кому бы то ни было — в таком расположении духа, в каком я теперь нахожусь — но я не хотел откладывать еще далее мой ответ. И потому — будьте здоровы и веселы — желаю Вам от души всяких благ — и люблю Вас и графиню настолько, насколько может любить человек, который самого себя едва не ненавидит.

Ваш И. Т.

Я до того желаю себе зла, что, право, с удовольствием женился бы сам на отвратительной Бодиске [9].

Я надеюсь, что до 15-го числа графиня не уедет никуда [10].— Кланяйтесь всем, начиная с Грановского.

177. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

12 (24) июня 1851. Спасское

С. Спасское,
12-го июня 1851.

Милостивый государь
Константин Николаевич,

Я получил Ваше письмо и посылку вчера — и, видите, не замедлил ответом. Вы не почли нужным, как Вы говорите, «рассыпаться в изъявлениях благодарности» — я, с своей стороны, избавлю и Вас от уверений в искреннем моем участии к Вашему таланту; лучшим доказательством этого участия послужит подробность и добросовестность моих заметок.

Начнем с Ваших гекзаметров [1]. Прилагаю их к этому письму вместе с таблицей всех чисто метрических ошибок, найденных мною в Ваших стихах. Вы — извините за откровенность — Вы до сих пор не имели точного понятия о гекзаметре. Но это не должно Вас опечалить; Вы владеете языком, выраженья Ваши живы и счастливы — овладеть размером Вам будет очень легко. Позвольте сообщить Вам несколько замечаний о гекзаметре, которые, я надеюсь, не будут Вам бесполезны — и не взыщите за наставнический тон.

Гекзаметр состоит из *шести* стоп, *пяти* трехсложных, в которых первый слог долгий, а вторые два коротких,

и *одной* окончательной, усеченной стопы, состоящей из одного долгого и одного короткого слога. Вот его форма:

Жил был са|*дов*ник о|*дин* в опу|*сте*лом и|*гру*стном и|*ме*ньи.

Эта форма представляет *полный* гекзаметр. Греки, изобретшие этот размер, заменяли часто в одной, иногда в двух, иногда во всех стопах, *исключая пятой*, *которая всегда оставалась полной*, и последней, *шестой*, усеченной, *которая тоже никогда не изменялась*,— заменяли, говорю, короткие два слога — одним длинным * — что придавало большое разнообразие и гибкость этому размеру. Повторяю, *пятая* стопа и *последняя* никогда не изменялись — они-то придают гекзаметру его характер — и потому оканчивать стих *мужской* рифмой, слогом с ударением, как Вы это сделали, напр., в полустишье: Яков-садовник хра*нúл*,— совершенно противно всем правилам и превращает *гекзаметр* в *пентаметр*.

Далее.— Новейшим народам, перенявшим гекзаметры у греков, предстояло большое затруднение. Не имея, как греки, *количественно* долгих и коротких слогов, *независимо от ударений*, имея *только ударения*, они, по-настоящему, могли ввести у себя только *полный гекзаметр*, заменив первый долгий слог каждой стопы слогом с ударением:

–́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡ –́ ◡

Но чувствуя однообразие этой формы, немцы первые решились по мере возможности заменять два короткие слога одним долгим, или, говоря точнее — слогом с ударением, т. е. вместо –́ ◡ ◡ ставить –́ –́. Они это сделали, не соображаясь с какими-нибудь произвольными, придуманными законами, не идущими к их языку (известно, что у греков *постоянные* законы определяют долготу слога) — но с ухом, с мерой и духом, можно сказать с музыкой языка. Главная задача состояла в том, чтобы читатель, не

* Напр., у них беспрестанно встречаются такие гекзаметры:

	1	2	3	4	5	6
	— —	— ◡ ◡	— —	— ◡ ◡	— ◡ ◡	— ◡
или:	— ◡ ◡	— —	— —	— ◡ ◡	— ◡ ◡	— ◡
или:	— —	— —	— ◡ ◡	— —	— ◡ ◡	— ◡
или:	— —	— —	— ◡ ◡	— ◡ ◡	— ◡ ◡	— ◡
или даже:	— —	— —	— —	— —	— ◡ ◡	— ◡

и т. д.

затрудняясь, тотчас прочел *измененный* гекзаметр так, каким его сочинил поэт — и эта задача была достигнута, эта попытка в руках талантливых людей удалась — но надо иметь талант и ухо, чтобы чувствовать, *где* именно возможно нарушить однообразие полного гекзаметра введением длинного слога вместо двух коротких. Вы сами в некоторых местах очень удачно это сделали. Ни один читатель не запнется, как прочесть следующий ваш стих:

* Только и | было, что | пять; од|на над | прудом
в де|ревне,

в котором у Вас две стопы среди, 3-я и 4-я, состоят из двух долгих слогов — или этот стих:

Жизнью ки|пящих, счас|тливых и | сильных | злою
на|смешкой,

в котором у Вас 4-я стопа состоит из долгих.

Воейков в следующем гекзаметре:

Здесь сквозь | доски пи|ла виз|жит, заце|пляясь
зуб|ами[2],

сделал долгими первую и третью стопу. Гнедич в переводе «Илиады» часто весьма удачно изменял полную форму. Очень жаль, что Жуковский не понадеялся на свое уменье владеть стихом и всю «Одиссею» перевел полными гекзаметрами, что производит утомительное однообразие и стукотню [3]. Конечно, оно легче, удобнее и, положим, даже правильнее — но, повторяю, лучше тогда совсем бросить этот размер. Только, разумеется, надобно умеючи вводить долгие слоги (правильнее, слоги с ударением, потому что количественно долгих слогов в новейших языках нет — но мы для краткости будем их называть долгими). Правила — как это делать — предписать невозможно, но некоторые намеки могут быть даны:

а) Никогда не должно превращать в долгий слог незначительную частицу или незначительный слог в слове, на

---

* Полный гекзаметр был бы следующий:

Только и было, что тридцать; одна над рекою
в деревне.

которых неестественно остановиться — как Вы это сделали в 55-м стихе:

Думать должно̀, что заглох он от не ухода и чащи,

что ужасно дерет слух.

b) Также надобно наблюдать, *чтобы первый долгий слог стопы, следующей за стопой, превращенной в долгую* (— —), был не частица или незначительный слог — как, напр., у Вас в 60-м стихе:

Темную кровлю казал, как бы наблюдая тихонько,

где после продолженной стопы — зал как — читатель принужден сделать ударение на *бы*, что неестественно.

c) Должно стараться, чтобы продолженный слог, слог, представляющий собою два коротких слога, имел либо *значение* в стихе, как, напр. (см. выше),

Только и было, что *пять* и т. д.,

либо чтобы за ним следовал знак препинания, что позволяет голосу остановиться, как, напр.:

Ягод багровых пучки выстав*ляла*. Ландышей скромных.

Но, повторяю, правила для употребления этой вольности должны находиться в ухе поэта, и если Вы на свое ухо не надеетесь,— пишите, так и быть, исключительно полными гекзаметрами. Но где больше труда — больше и чести.

Ошибки:

В 3-м стихе — ложное ударение на: *с того̀ дня*

В десять и более лет в Петербург и ни разу с того дня

Замените напр.: с того̀ дня — словом: в то врѐмя — и ошибки нет.—

В 7-м стихе: два слова: «с ветром» — по размеру лишние:

В гладких полях черноземных, (с ветром)[a] как море какое играя

В 9-м стихе ошибочное ударение на *и*:

Тучно поросшие, и далеко на восток убегали —

---

[a] (с ветром) — *вписано над строкой*.

В 14-м стихе — лишний слог: «к кон...»

В темных затишьях цвело к ...цу месяца мая
и позже.

Эдак стих не имеет смысла, но имеет *метр*; третья стопа — превращена в долгую — —; так как *Вы* написали, невозможно; стих имеет смысл, но не имеет метра, потому что нельзя читать: *цвелō к кŏнцŭ* — сделавши из кŏнцŭ — два кратких слога.— Следующий стих был бы прозаичен, но правилен:

В темных затишьях цвело перед месяцем маем
и позже.

В 23-м стихе весь конец неправилен:

Темную ж ель у теплицы — Яков садовник хранил.

Поставьте вместо: «Яков садовник хран*ил*» — «хранил сам Яков садовник» — и гекзаметр выдет верен.— Мужское окончание гекзаметра страшно действует на слух.

В 24-м стихе размер вовсе потерян; его можно восстановить следующей переменой:

Домик господский в Чудаловке был невелик
и невзрачен...

Если же Вы оставляете как есть:

Домик в Чудаловке барский был невелик
и невзрачен,

то Вы заставляете читателя произносить бāрскӣй двумя долгими, что совершенно невозможно.

В 25-м стихе — Вы заставляете произносить «шōн ōн» как две долгие, что тоже очень тяжело:

Стар и суров и смешон он был в одно время —
и тяжко.

В 28-м стихе хотя можно à la rigueur сделать слог *бы* в слове «избы» долгим — но едва ли не лучше оставить его коротким и вместо «окнами» написать: «окошками». Сравните следующие два стиха:

Свежие крепкие избы окнами тусклыми злобно —
и — Свежие крепкие избы окошками тусклыми
злобно. —

В 33-м стихе Вы делаете оба слога слова «погреб» долгими, что невыносимо для уха:

Кухня, анбары и погреб дряблые были совсем,
а конюшни...

Сверх того весь гекзаметр вытянулся на лишнюю стопу; у него их целых *семь*! Следующий стих по крайней мере правилен:

Дряблые были анбары и кухня совсем, а конюшни...

В 40-м стихе опять конец невозможен:

Эта лишь часть процветала, строгий порядок храня.

Прибавьте к концу один слог и весь гекзаметр правилен — с 3-ей долгой стопой.— Но так как нет глагола: храняя — то надобно написать: строгий закон сохраняя — или переменить стих. Что же касается до 3-й долгой стопы — тāлā — то здесь она у места, потому что голос и без того на ней останавливается.— Можно бы и здесь сделать полный гекзаметр, напр.:

Эта лишь часть процветала, суровый закон
наблюдая.

(Вы понимаете, что мне дело не до смысла стиха) — но надо избегать эту вечную стукотню полного гекзаметра.

В 51-м стихе та же ошибка:

Кажется, даже водился где-то тут кедр небольшой

Поставьте — нĕвĕлӣкӣй — вместо небольшой — и стих верен, но неприятны в нем два долгих слога в слове вŏдӣлсӣ — читатель принужден растянуть слог «ся», что очень неловко.

Следующий стих гораздо плавнее:

Кажется, даже водился тут где-то кедр невеликий

Вместо —дӣлсӣ, долгие слоги падают на: гдē-тō, что естественнее.

В 52-м стихе долгие слоги падают на: «нē — ӯ» — в слове неухода, что, как выше замечено, трудно читается:

Думать должно, что заглох он от неухода и чащи —

Сверх того надо выговаривать должнó, что не по-русски.

В 56-м стихе опять конец не годится, как в 40-м.

Яблонь кривых и согбенных под тяжкой ношей
плодов.

Прибавьте один слог к концу и стих правилен. Напр.: поставьте: своею — вместо: плодов. Четвертая стопа у Вас вся долгая: тяжкой — и очень удачно.

В 60-м стихе неловко ударение на *бы*:

Темную кровлю казал как бы наблюдая тихонько.

Что же касается до собственно поэтического достоинства отрывка, то он свеж и картинен. Не могу, однако, не заметить, что «младые прогрессисты» в 30-м стихе неприятно поражают слух и что не худо бы Вам отвыкнуть от таких оборотов, как, напр.: «клен-то не шибко здесь рос по себе», чтó я, помнится, называл Вам любезничаньем и чтó вовсе не идет к Вашему ясному и спокойному поэтическому взгляду. Еще замечу Вам, что ревенем точно пахнет тополь, только не серебристый.

Но мне весьма было бы приятно знать, что вы продолжаете Вашу поэму [4], соображаясь с метрическими правилами, а метрические правила соблюдать так легко, что, право, не стоит нарушеньем их вредить впечатлению читателя.

Я так подробно распространился об ваших гекзаметрах, что не имею более времени говорить, как бы следовало, о Вашей комедии [5]. Я третье действие прочел со вниманьем — оно не переменило моего прежнего мнения: это сюжет, не говорю — сценический — но антидраматический; интерес в нем даже не психологический — патологический. Но со всем тем это вещь замечательная и оригинальная. Я исполню все ваши порученья — пошлю Вашу комедию к Краевскому [6] с письмом к Дудышкину [7], критику «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩»,— но я об этом еще поговорю с Вами в другом письме [8], в котором я выскажу Вам всё мое мнение о Вашем произведении. Я надеюсь, что в августе месяце Вы непременно будете иметь деньги.

Пока — будьте здоровы, работайте. Смею думать, что Вы теперь не сомневаетесь в желании моем быть, по мере сил, полезным Вам и Вашему таланту,— надеюсь, что со временем к чувству литературной симпатии прибавится [со временем] другое, более теплое, личное расположение. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш покорнейший слуга
Иван Тургенев.

178. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Вторая половина июня ст. ст. 1851. Спасское

Что за странное, хотя по-вашему и весьма серьезное письмо написали вы мне, любезный Ф⟨еоктистов⟩ [1]? Признаюсь, я от вас никак не ожидал такой выходки, но, верно, самые порядочные люди не могут избавиться от влияния той среды, в которой они находятся: недаром вы житель Москвы, города, в котором все одержимы желанием совать свой нос в чужие дела. Что это за старушечья, морбидная [2], чисто московская страсть всовывать свои пальцы «между деревом и корой»; я не намерен вдаваться в объяснения по поводу истории Елисаветы Алексеевны с Боткиным [3] — это значило бы только увеличивать снежный ком — тем более, что я оставался совершенно посторонним [a] человеком в этом деле; скажу вам только, что письмо, которое было перехвачено, по словам Боткина, «совершенно необъяснимым образом», было представлено горничною Елисаветы Алексеевны ее родному брату, Михаилу Алексеевичу, что Михаил Алексеевич (мне нечего вам говорить, что я этого не оправдываю) предъявил его, в свою очередь, дяде Петру Николаевичу, как старшему в семействе, что моя belle-sœur [4] имела неосторожность вмешаться в это дело с точки зрения нравственности и родственных отношений (что, разумеется, весьма нелепо), что, собственно, я ни во что не вмешивался и вмешиваться не намерен. Что касается Елисаветы Алексеевны, то мнение мое на ее счет основано на известных мне данных, а впрочем, желаю ей всех возможных благ; в одном только вы можете успокоиться — она не притеснена. Мне очень неприятно, что в этом письме вы найдете несколько резких для вас выражений, но делать нечего...

179. А. А. КРАЕВСКОМУ

27 июля (8 августа) 1851. Спасское

С. Спасское.
27-го июля 1851-го г.

Посылаю Вам, любезный Андрей Александрович, произведение одного молодого человека, весьма замечательное, хотя еще не совсем зрелое — да чёрт ли в *зрелых* талантах — и если цензура не поставит особенных затруднений, поместите это произведение в Ва-

---

[a] *После этого слова в копии стоит знак вопроса.*

шем журнале [1]. Так как я своему критическому взгляду не совершенно доверяю, то сообщите комедию г-на Леонтьева вместе с моим к сему приложенным письмом Дудышкину [2] — и, если вы оба решите, что я не ошибся — пошлите немедленно в виде задатка 100 р. серебр. автору, Константину Николаевичу Леонтьеву, Смоленской губернии, в город Юхнов. Он очень небогат и останется в деревне только до конца августа (он московский студент). Мне кажется, что у г-на Леонтьева есть будущность. Он желает, чтобы под его комедией выставлены были только буквы: К. Л.— Сам я ничего не делаю — устарел, батюшка, и обрюзг — и рад, как старый солдат, просящийся в отставку, поставить за себя молодого рекрута. Вы лично меня обяжете скорым исполненьем моей просьбы — да и сами, надеюсь, будете мне благодарны.

Надеюсь, что Вы здоровы и веселы. «Отечественные записки» получаю я аккуратно. Удивляюсь — когда прекратятся знаменитые два романа: «Мертвый дом» и «Старое озеро» [3]?— Впрочем, есть у Вас очень дельные и хорошие статьи. Я возвращаюсь в Петербург в октябре [4] и надеюсь, несмотря на свою лень, привезти Вам кой-что. А теперь прощайте и благоденствуйте. Жму Вам крепко руку.— Ваш

Ив. Тургенев.

180. Д. Д. МИХНЕВУ

4 (16) октября 1851. Спасское

Милостивый государь
Дмитрий Дмитриевич.

На Ваше письмо честь имею ответить следующее: за собак и за дрожки я готов удовлетворить гд. Кривцовых [1] — и прошу Вас только повременить некоторое время; что же касается до лошади, проданной в Москве, и до охотничьих лошадей и седел, то дядя мой [2], который случайно здесь находится, сообщил мне, что насчет лошади (жеребца) он уже имел окончательное объяснение с г-жей Кривцовой — и получил от нее расписку в получении денег; а охотничьих лошадей он никогда не брал — что подтвердил собственный Ваш посланный. Впрочем — я не уеду отсюда, не окончивши этого дела, и позволю только себе заметить, что Вы могли бы избавить себя от труда напомнить мне о неприятности, могущей возникнуть для меня от неисполнения Ваших требований; во-первых — я, собственно, здесь совершенно посторонний человек и не обязан отвечать за другого [3];

во-вторых, подобные напоминания — между порядочными людьми — вещь совершенно лишняя. Впрочем, я, повторяю, готов, из уважения к Евгении Сергеевне и памяти покойного [4]. удовлетворить наслед〈ников〉[a] и прошу Вас принять уверение в тех чувствах, с которыми остаюсь

Вашим покорнейшим слу〈гой〉[a]

Ив. Тургенев.

С. Спасское.
4-го окт. 1851.

181. И. Ф. МИНИЦКОМУ

31 октября (12 ноября) 1851. Москва

Москва.
31-го октября 1851.

Я давно уже здесь (с 20-го октября), любезный Иван Федорович, и давно собирался к Вам писать — но всё не собрался; теперь же уведомляю Вас и всех добрых друзей, что выезжаю отсюда по железной дороге непременно в воскресенье 4-го нояб〈ря〉 и если бог даст — 5-го, в понедельник, буду в Петербурге [1].— И потому до скорого свидания, жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

182. М. П. ПОГОДИНУ

4 (16) ноября 1851. Москва

Милостивый государь
Михайло Петрович,

Я давно имел желание осмотреть Ваше древлехранилище; можно ли мне это желание исполнить завтра поутру [1]? Я оттого назначаю завтрашний день, что послезавтра уезжаю [2]. Если мое посещение Вас не обеспокоит, я очень буду Вам благодарен за позволение. Надеюсь, что Вы не откажете старинному знакомому [3].

С искренним уважением остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

Воскресение, 5-го[a] нояб. 51.
Hôtel de France, № 9.

---

[a] *Текст письма поврежден.*

[a] *Так в подлиннике.*

На конверте:

Его высокоблагородию
Михайле Петровичу
Погодину
(от И. С. Тургенева)

183. А. А. КРАЕВСКОМУ

Ноябрь (не ранее 7) ст. ст. 1851. Петербург

Любезный Краевский,

Вы можете мне оказать большую услугу — вот в чем она состоит:

Мы с братом условились не продавать хлеба до *раздела* [1] — а чтобы мне было чем жить, Комаров [2] взялся выдать мне здесь 3000 р.с., но, по случившимся недоразуменьям, он мне их раньше Нового года выдать не может. Я третьего же дня написал домой, чтобы из деревни выслали мне нужные деньги [3] — но эти две недели надо мне чем-нибудь жить. Можете Вы мне дать 500 р. сер. взаймы — я *Вам даю слово* их аккуратно возвратить через две недели — а в виде процентов обещаю Вам к Новому году даровую статью (кроме той, которую обещал после «Провинциалки») [4]. Итак,

«Мужайся, стой и дай ответ» [5].

Но Вы мне можете сделать величайшую услугу — и я бы Вам был за нее искренно благодарен.— Прошу ответа.

Ваш
И. Тургенев.

Посылаю Вам комедию Леонтьева, которую проверил.

На обороте:

Андрею Александровичу
Краевскому
(от Тургенева)

184. ПОЛИНЕ ВИАРДО

**26, 30 ноября, 4 декабря (8, 12, 16 декабря) 1851.
Петербург**

St. Pétersbourg,

26 novembre / 8 décembre 1851. Lundi.

Bonjour, chère et bonne Madame Viardot.

Je commence par vous dire que je suis dans une très grande inquiétude — on a reçu ici hier la nouvelle télégraphique du coup d'Etat à Paris [1], et comme je ne puis

m'imaginer qu'une pareille chose se passe sans effusion de sang et sans désordre — je crains beaucoup pour vous et pour la petite — d'autant plus que les deux maisons que vous habitez, la vôtre et sa pension se trouvent dans la proximité des faubourgs les plus turbulents de Paris [2]. — Que Dieu vous garde et veille sur vous! — Tenez-vous chez vous et ne vous approchez pas des fenêtres! — Je suis ridicule de vous donner ce conseil, car quand vous recevrez ma lettre, il est probable que tout sera rentré dans l'ordre d'une manière ou d'une autre. — Que ce conseil vous prouve au moins mon anxiété! — Elle est grande, je l'avoue — je me sens tout bouleversé... A bientôt, chère et bonne amie — je fais mille vœux pour vous et les vôtres. — Je vous écrirai demain et vous enverrai ma lettre [a] samedi. Qu'apprendrons-nous d'ici là!

Vendredi, $\frac{\text{30 novembre}}{\text{11}^{б}\text{ décembre}}$.

Bonjour, chère amie. — Pendant trois jours les nouvelles de Paris, quoique bien surprenantes, étaient à la paix — mais depuis hier soir, on sait qu'une émeute terrible a éclaté — Dieu sait toutes les transes que j'éprouve! — On parle d'un combat à la barrière Rochechouart — c'est à deux pas de chez vous — et votre maison qui fait le coin — il ne faut pas que j'y pense trop — cela me donne des angoisses inexprimables! — Chère amie, que le Ciel veille sur vous!

Mardi, 4/16 décembre.

Je comprends et je partage vos préoccupations, chère et bonne Madame Viardot — cependant, je ne puis m'empêcher de vous avouer que je trouve bien mal à vous de ne pas songer à me tranquilliser par un mot, un seul mot! — Un de mes amis a reçu hier une lettre de Paris du 7 — il paraît que les décharges ont tué beaucoup de curieux sur les boulevards — et puis cette fois, ce n'est pas au faubourg St. Antoine, c'est au centre de la ville qu'on s'est battu [3]. Un mot de vous m'aurait bien tranquillisé. — J'espère que je recevrai bientôt ce mot si attendu!

Je n'ai ni le courage ni le cœur de vous parler d'autre chose aujourd'hui. — Musique, théâtre, etc. — cela peut-il vous intéresser — et moi-même, puis-je en parler maintenant? Je ne vous écrirai comme par le passé que quand j'aurai reçu une lettre de vous. Depuis que je suis ici, je

---

[a] *Далее зачеркнуто*: d'ici là.

[б] *Так в подлиннике*.

vous ai écrit trois fois — mardi $\frac{\text{20 novembre}}{\text{2 décembre}}$, samedi $\frac{\text{24 novembre}}{\text{6 décembre}}$ et aujourd'hui. Je vous ai envoyé mon adresse — mais comme il est possible que ma lettre ne vous soit pas parvenue — voici où je demeure:

«Au coin de la petite Morskaïa et de la Gorokhovaïa, maison Guillermet, appartement n°9».

Adieu — il y aura demain juste une année et demie que je vous ai vue pour la dernière fois.— Quand nous reverrons-nous? — Adieu — que le Ciel veille sur vous et tous ceux qui vous sont chers! — Je vous serre les mains avec tendresse et anxiété.

Votre
J. Tourguéneff.

185. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

3 (15) декабря 1851. Петербург

С. -Петербург,
3-го/15 декабря 1851-го г.
Понедельник.

Я имею сообщить Вам неприятную новость, любезный Константин Николаевич: комедия Ваша запрещена цензурой [1] от первого слова до последнего. Я этого, признаюсь, никак не предвидел, хоть я и думал, что ее пощиплют. Я на днях получу ее обратно от Краевского и буду ждать дальнейших Ваших распоряжений на ее счет. Мне очень досадно, что Вы с первого же шагу на литературном поприще наткнулись на препятствия — но это не должно лишать Вас бодрости — порядочный человек тут-то и должен показать себя — в таких случаях позволяется не апатия, а озлобление. Я Вам даже должен сказать, что, следуя правилу по мере возможности извлекать добро из худа,— я с некоторой стороны не совсем огорчен этою неудачей. Ваша комедия прекрасная вещь — но в том, что Вы мне показывали [2] кроме ее, более условий успеха — и цензуре, кажется, не так оно покажется зловредным. Пишите только не унывая, и дайте мне знать, как Вы работаете. Есть еще одна неприятная сторона в этом запрещении — Вы мне позволите говорить и о ней — Вы, может быть, ожидали денег — и теперь не должны на них рассчитывать. Но и этой беде помочь есть возможность — редакторы «Современника», с которыми я состою в дружеских отношениях, готовы выслать Вам вперед в половине этого месяца известную сумму, как задаток за Ваши будущие произведения. Напишите мне прямо и без

обиняков, сколько бы Вы желали — и я берусь Вам это устроить. А главное — не падайте духом и идите вперед смело и весело.

Мой адресс: «на углу Малой Морской и Гороховой, в доме Гиллерме, квартера № 9».

Будьте здоровы. В ожидании Вашего ответа жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

186. И. С. АКСАКОВУ

4 (16) декабря 1851. Петербург

С. Петербург,
4/16 декабря 1851.
Вторник.

Любезнейший Иван Сергеевич, спешу отвечать на Ваше радушное и любезное письмо [1]. Мне нечего Вам говорить, что я с охотой соглашаюсь участвовать в Вашем сборнике; боюсь только, что не сумею сделать ничего порядочного — готового у меня не имеется — ни одной строки — а нежелание писать, о котором я Вам, помнится, говорил в Москве — усиливается с каждым днем. Мне, с одной стороны, хочется не говорить — а слушать — а с другой — о чем говорить и как говорить — теперь? Наши мнения могут во многом расходиться (хотя, признаюсь, с Вами я бы затруднился сказать, именно в чем), но мы настолько сочувствуем друг другу, что дальнейшие изъяснения излишни. Повторяю — я готов и рад, по мере сил, содействовать Вашему делу — но едва ли я, при теперешнем настроении моего духа, могу быть Вам полезным. Это не апатия, не усталость — это то выжидание, то желание истинных, дельных впечатлений, которое, вероятно, знакомо и Вам. Собственно литературная чесотка давно во мне угомонилась — когда я опять возьму перо в руки, это я сделаю уже вследствие других внушений, другой внутренней необходимости [2]. Если мне удастся сделать что-нибудь — пошлю Вам — а Вы распорядитесь, как знаете — во всяком случае могу Вас уверить, что мне очень хочется участвовать именно в Ваших изданиях.

На днях Вы получите от меня копию с прошения из записной книжки моего деда [3] — а Вы, пожалуйста, не забудьте переслать ко мне известную Вам *песню* [4].

Поклонитесь от меня самым дружеским поклоном Вашему батюшке и брату. Когда же явятся «Охотничьи записки»? [5] Я с истинным нетерпением ожидаю этой

книги. Я, может быть, буду в Москве в январе и с радостью увижу всех вас. До тех пор будьте здоровы и веселы — и работайте, пока работается.— Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Мой адресс: «На углу Малой Морской и Гороховой, в доме Гиллерме, квартера № 9».

187. М. П. ПОГОДИНУ

4 (16) декабря 1851. Петербург

С. Петербург.
4/16-го декабря 1851.
Вторник.

Я получил Ваше письмо, милостивый государь Михаил Петрович — и спешу отвечать Вам. Предложение Ваше сделано мне в таких дружелюбных выражениях, что я не могу не благодарить Вас за него. Я очень был бы рад участвовать в «Москвитянине» [1], хотя — (следуя той благородной откровенности, пример которой Вы мне подаете — и которая, по Вашим же словам, должна существовать в особенности между пишущими людьми) — я во многом расхожусь со мнениями Вашего журнала [2]. Но теперь у меня решительно нет ничего написанного — и даже, признаться Вам, большой охоты к писанию в себе я не чувствую. Мне как-то хочется не отдыхать — (отдыхать-то не от чего) — а помолчать, послушать, поглядеть, поучиться. Настанет ли за этой эпохой страдательного воспринимания новая эпоха деятельности — или я окончательно успокоюсь, признав, что истощил небольшой запас того, что мне следовало сказать и сделать,— не знаю. Но во всяком случае теперь я на время выступаю из ряду деятелей. Могу Вас уверить, что я говорю Вам чистую истину — рассказы, объявленные в «Современнике» — весьма ничтожны, написаны кое-как — и всего их два [3].

Я уже начал наводить справки о Новицком [4] — и как только это узнаю — непременно дам Вам знать.— Мне во всяком случае приятно, что между нами началась переписка — надеюсь, что она не прекратится.— Если Вы увидите Гоголя, не забудьте поклониться ему [5] — от имени одного из самых малых учеников его. Когда-то он подарит нам продолжение «Мертвых душ»? [6]

Прощайте — будьте здоровы и примите уверение в искреннем уважении, с которым остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

188. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

29 декабря 1851 (10 января 1852). Петербург

Суббота, 29-го дек. 1851-го г.
С. Петербург.

Видно, судьба одинаково поступила с нами, любезный Евгений Михайлович — Вы были больны — а я сегодня только что встал с постели, на которой провалялся около двух недель, благодаря начавшемуся воспалению в легких. Надо надеяться, что теперь мы с Вами отдохнем немного.— Поручение Ваше я передал Панаеву — он велел Вам сказать, что статью о Марии Стюарт Вы можете доставить к марту и даже к апрелю [1].— Новостей особенных сообщить я Вам не могу и не имею — Боткин, вероятно, Вам изустно всё передал, что здесь случилось более замечательного.— Скука такая же, как и в Москве. Увы! против скуки не помогает даже безнравственность — Вы, увидавши меня с известною Вам девицей — едва ли бы вздумали толковать о моей pruderie — а толку все-таки никакого. Известная девица была очень больна — схватила оспу — но это ее не испортило. Начинает надоедать она мне сильно — но делать нечего.

Вся моя литературная деятельность в последнее время ограничилась статьей о «Племяннице», которая явится в 1-м № «Современника». Не знаю, что-то скажет графиня... Кажется, она будет довольна, хоть я не мог не взглянуть иронически на этих двух господ Плетменевых и Ильнеевых [2].

Я и прежде Вам сказывал, что Леонтьев неприятный господин — но человек он все-таки замечательный [3].

Пожалуйста, напишите мне *тотчас* — какое впечатление произведет на Вас комедия Островского [4]. Мне почему-то кажется, что это должна быть хорошая вещь.

Если член юной московской школы [5], нашедший, что роман Э. Благонравова [6] — отличная вещь — одно лицо с тем членом, который объявил, что здешняя опера — мерзость [7] — то жаль мне Эраста. Здешнюю оперу дурно ведут — это правда — но средства и голоса — великолепные.

Я успел здесь сделать несколько любопытных знакомств, о которых поговорю с Вами когда-нибудь в другой раз, теперь я глуп и зол — но и тут болезнь помешала.

Поклонитесь от меня графине — и пожелайте ей от моего имени всего хорошего.— Поклонитесь также Грановскому, его жене, Кетчеру и прочим друзьям,

Желаю Вам встретить Новый год с бокалом шампанского в руке — сам себе я не могу сделать этого желания — увы! Я к тому дню едва ли выеду — какое выеду! — ведь это послезавтра — мне только что позволят есть мясо.

Подло — надобно привыкать покоряться печальной необходимости... Не мы одни...

Прощайте — жму Вам дружески руку и остаюсь

душевно преданный Вам
Ив. Тургенев.

189. А. Н. МАЙКОВУ

Конец года, около 31 декабря ст. ст. 1851. Петербург

Любезный Аполлон Николаевич,

Позвольте, во-первых, пожелать Вам счастливый Новый год; а во-вторых — позвольте мне как больному человеку, которому запрещено выезжать, и как старинному приятелю, который очень сожалеет, что давно Вас не видал,— попросить Вас — не можете ли Вы когда-нибудь на днях приехать ко мне и прочесть что-нибудь из Ваших последних произведений? Это был бы для меня настоящий праздник. В ожиданье ответа остаюсь

душевно преданный Вам
Ив. Тургенев.

Всей Вашей семье мой искренний поклон.

Живу я на углу Малой Морской и Гороховой, в доме Гиллерме (вход с Морской). Назначьте мне вечер, когда хотите.

190. И. С. АКСАКОВУ

31 декабря 1851 (12 января 1852). Петербург

С. Петербург.
Понедельник, 31-го дек. 1851.

Спешу ответить на Ваше доброе и милое письмо [1], любезный Иван Сергеевич. Вы верно выразили то, что именно во мне происходит — мне точно как будто хочется помолчать и не столько осмотреться кругом, сколько взглянуть на самого себя, да не тем анализирующим и отрывочным взглядом, который каждый из нас то и дело обращает на свою внутренность — а другим... Вследствие этого мне бы не хотелось, чтобы Вы предполагали во мне возможность жертвовать идолам, в то самое время, когда я их признаю ложными,— «Со-

временник» (это между нами) объявил на своей обложке о моих рассказах не только не с моего согласия — но даже получив от меня из деревни решительный ответ, что у меня ничего нет — а «От⟨ечественные⟩ записки» больше ничего не желали, как выставить мое имя [2]. «Современник», может быть, получит от меня ничтожный рассказ [3], начатый давно тому назад (я не умею противиться усиленным просьбам), но моя литературная деятельность тем и ограничится.— Разбор на «Племянницу» (в 1-й кн. «Совр⟨еменника⟩») написал я по данному обещанию г-же Тур — и наказан за то: всё, что было в моей статье порядочного, в смысле дельного — цензура выкинула [4]. Здешняя цензура глупа до невероятности.— Впрочем, бог с ними и бог с ней совсем — моя дорога, кажется, пошла прочь от всего этого.

Но между тем я бы желал доказать Вам мою готовность быть по мере сил полезным Вашему изданию — и вот Вам обещанная копия с просьб Оленина, о которой я Вам говорил [5] — я присоединил к ним несколько слов — не знаю, что скажет Ваша цензура — боюсь, что найдет эти просьбы слишком еще современными — тогда сохраните их у себя как любопытный памятник недавней старины. Особенно хороша 2-ая просьба [6].

Не знаю, увижу ли я Вас в Москве нынешней зимой, а очень бы хотелось. Я был очень болен всё это время — у меня сделалось воспаление в легких — я и теперь еще не выхожу из комнаты, кашляю и грудь вся как разбитая. Во всяком случае поклонитесь самым дружеским поклоном от меня — Вашему отцу и брату. Сергею Тимофеевичу скажите, чтобы он непременно печатал свою книгу — а уж рецензию на нее напишу я [7] — этого удовольствия я никому другому не уступлю — для такого праздника я свой литературный пост нарушу с радостью!

Желаю Вам всего хорошего на Новый год и не знаю, как благодарить Вас за Ваше сочувствие ко мне. Дай бог, чтобы всё, что Вы говорите, оправдалось! — Прощайте — жму Вам, С⟨ергею⟩ Т⟨имофеевичу⟩ и К⟨онстантину⟩ С⟨ергеевичу⟩ крепко руки и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Поклонитесь от меня Гоголю. Что, он здоров? — Мне не для чего говорить, что Вы можете сделать с этими просьбами — всё, что Вам вздумается, выкинуть имена, переменить мое маленькое вступление и т. д. Это совершенно в Вашей власти.

1852

191. ПОЛИНЕ И ЛУИ ВИАРДО
8, 11 (20, 23) января 1852. Петербург

St. Pétersbourg,
le 8/20 janvier 1852.
Mardi.

Mes chers et bons amis — voilà bientôt trois semaines que je suis tombé malade (vous avez reçu ma lettre, écrite il y a dix jours? [1]) et je ne sors pas encore — ou pour parler plus exactement — je suis sorti — mais trop tôt — ce qui m'a attiré une rechute, légère à la vérité — mais assez forte cependant pour me claquemurer de nouveau.— Je suis presque entièrement guéri à l'heure qu'il est — mais je suis bien décidé cette fois à ne mettre le nez dehors que quand je me sentirai ferré à glace. Je me suis pas mal ennuyé pendant tout ce temps-ci — j'ai vu peu de monde — mon médecin [2] me défendait de parler — et comme mes amis ne pouvaient pas fumer chez moi, j'avais conscience de les prier de venir jouer aux cartes avec moi.— Mais j'espère que tout va bientôt reprendre son petit train-train accoutumé.— Il faut que je vous dise que j'ai reçu — la veille du nouvel an — la nouvelle si longtemps attendue du partage définitif entre mon frère [3] et moi.— J'ai plus de terres que lui — mais aussi beaucoup plus de dettes — et mes biens sont très disséminés — le lot de mon frère m'aurait convenu davantage — ses biens sont presque tout à fait libres de toute redevance et il les a tous sous la main — enfin — la chose est faite — et j'en suis enchanté.— Je compte aller voir tout cela dès les derniers jours du mois d'avril et y rester jusqu'à l'hiver.— Une terre m'est échue en partage dans la partie la plus au nord du gouv⟨ernemen⟩t de Tamboff, à 300 werstes de Moscou; il y a là — à ce qu'il paraît — du gibier en masse; c'est par là que je commencerai ma tournée — j'espère y massacrer beaucoup de doubles — Viardot recevra le récit fidèle de mes exploits.— De là je compte aller à Spasskoïé, où je resterai jusqu'au 20 juillet; puis, j'irai à Nijni-Novgorod pour le temps de la foire; je ferai une excursion le long du Wolga, je pousserai jusqu'à Kazan, et je reviendrai chez moi par Simbirsk, où

j'ai des amis [4].— Trouvez tout cela sur la carte, si vous n'avez rien de mieux à faire — comme j'ai trouvé Dunse, situé dans le comté de Berwick entre The White et The Black Adder [5].— Il n'est pas impossible que je passe mon hiver à Moscou au lieu de venir ici. J'avais eu l'intention de faire cette année un voyage beaucoup plus considérable — d'aller à Odessa — peut-être au Caucase — (je crois même vous en avoir parlé) [6]. Mais l'état de mes affaires s'y oppose. Je n'ai pas besoin de vous dire qu'il y a un tout autre voyage que j'aurais fait avec bonheur — mais pour celui-là il ne faut pas y penser de si tôt. J'en fixe l'époque — dans mon imagination— au printemps de 1854 — dans deux ans — c'est loin comme vous voyez — et je crois bien pourtant que ce ne soit encore trop près.— Mais ce n'est qu'à la dernière extrémité que j'abandonnerai l'idée de chasser avec vous, mon bon Viardot, dans votre bonne Brie — en septembre 1854! — Ce ne sera plus comme autrefois avec petite Diane (qui par parenthèse se porte bien et m'a doté d'une nouvelle famille). Mais ce sera, je l'espère, avec le plaisir et la bonne humeur d'autrefois. Et puis — Cid sera encore excellent dans deux ans!

Séquestré comme je suis, je n'ai presque rien de nouveau à vous dire — l'article de Berlioz sur «Sapho» m'a causé une véritable émotion — je l'ai fait traduire et je vais l'insérer dans les deux revues où j'écris [7].— Mais je dois avouer en même temps qu'il m'est impossible de ne pas vous en vouloir pour ne pas m'avoir envoyé les mélodies de G⟨ounod⟩ [8].— C'est plus fort que moi — et je *vous en veux.* J'ai travaillé tant bien que mal — mais je me suis surtout beaucoup ennuyé [a].— L'hiver s'annonce assez maussadement pour moi.

Vendredi, 11/23 janvier.

Je viens de recevoir vos deux lettres, mes chers amis, de Dunse Castle — et la nouvelle que vous m'annoncez, chère Madame Viardot, est si importante qu'il faut que je vous en parle tout de suite.— Je dois vous dire que je ne partage pas vos sombres pressentiments et que j'ai une espèce de certitude que le petit être dont vous me parlez et que j'aime déjà — fera très heureusement son entrée dans le monde.— Tout ce que je désire — c'est de faire sa connaissance avant qu'il ne parle trop couramment.— Mais, au nom du ciel, ménagez-vous et soignez-vous le plus que vous pouvez,

[a] *Далее зачеркнуто*: viendra.

Laissez-vous soigner par cette bonne famille Hay — et vous, Viardot, écrivez-moi, je vous en prie, dès que l'événement aura lieu — pour que je ne quitte pas Pétersbourg sans avoir bu à la santé du nouveau-né et de ses parents. — Espérons que ce sera un garçon — et un bon et beau garçon [9]. —

Cette nouvelle m'a tellement absorbé que je n'ai plus le désir de parler d'autre chose.— Ma santé s'améliore de jour en jour — mais je ne sors pas encore. Votre scénario, Viardot, m'intrigue [10] — et vos chasses me paraissent fort agréables.— Allons, adieu — je vous écrirai bientôt — mais il faut expédier cette lettre.— Soyez heureux, contents et surtout bien portants!

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

192. С. Т. АКСАКОВУ

2 (14) февраля 1852. Петербург

С. Петербург.
2-го февр. 1852-го г.
Суббота.

Ваше письмо [1] чрезвычайно меня обрадовало, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич; и главное — мне было приятно думать, что если Ваши прекрасные «Записки» появятся в свет ранее, чем Вы предполагали, то читатели будут этим отчасти обязаны мне [2]. Ради бога, печатайте их нынешней же зимой; не сравнивайте их с Вашей книгой об *Уженье* [3], которая, как ни хороша, но интересует у нас слишком немногих; у нас на Руси ловят рыбу большей частью неводом — собственных охотников до уженья мало — а ружейных охотников — слава богу! — есть великое множество.— Притом Ваши «Записки» будут дороги не для одних охотников; всякому человеку, не лишенному поэтического чутья — они доставят истинное наслажденье; и потому я готов отвечать за успех их — и литературный — и материальный. А для меня — повторяю — написать им разбор [4] — будет просто праздник.

Я, действительно, не лишен мнительности; но, к сожаленью, на этот раз — у меня, хотя не опасная, но несомненная и неприятная болезнь: желудочная лихорадка, которая гостит у меня каждый день от 12 до 7 часов. Впрочем, благодаря строжайшей диете, она, кажется, проходит — но я еще всё сижу дома.

Я надеюсь быть в Москве около начала мая — и если не застану Вас в Москве — непременно заеду к Вам дня на три [5].— Вы так добры и пишете мне, что сожалеете, что узнали меня поздно; поверьте, что это сожаление не менее сильно с моей стороны, особенно когда я вспомню, что мы могли быть давно знакомы... но у каждого человека есть своя судьба, которая ведет его по своим дорогам...

Поклонитесь от меня Вашим детям [6], которых я душевно люблю — хотя различною любовью. С моим полным соименником я, кажется, мог бы легко весьма тесно сблизиться. С удовольствием думаю о нашем свиданье весной. Надеюсь, что альманах их печатается — и сожалею, что не мог быть участником в нем [7]. Не пишется что-то — по крайней мере ничего порядочного не пишется — и скажу откровенно, что я слишком уважаю их издание, чтобы дать им, напр., такую пустую вещицу, как ту, которая появится во 2-м № «Современника» [8].

Отличная у Вас мысль — продолжать «Семейную хронику» [9]. Приведите ее в исполнение.

До свиданья — будьте здоровы и веселы — желаю Вам всего хорошего в мире и с искренней привязанностью остаюсь

душевно уважающий Вас
Ив. Тургенев.

193. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

2 (14) февраля 1852. Петербург

С.-Петербург,
2-го февраля 1852-го г.

Любезный Леонтьев,

Я перед Вами весьма виноват — у меня, впрочем, два извинения: шестинедельное мое нездоровье, до сих пор продолжающееся, и желание достать для Вас денег от ред⟨акции⟩ «Современника». Эта редакция оказалась, к сожалению, сильно истощенною по причине уплаты множества старых долгов — и потому позвольте мне предложить Вам следующее: я готов от себя дать Вам 100 р. сер. вперед взаймы,— но так как у меня здесь таких денег нет — то я сегодня же напишу к себе в деревню приказ о высылке Вам их по Вашему адрессу в Москве, заранее рассчитывая на Ваше согласие. Жалею, что эта мысль мне раньше не пришла в голову — может быть, Вы это время чувствовали то неприятное стеснение безденежья, которое мне так знакомо бывало в дни юности.

Ваша комедия погибла для печати [1] — и скажу Вам — я не слишком об этом сожалею: в Вас уже теперь таланта гораздо больше, чем насколько она показывает — для чего же вводить читателей в обман? Кончайте повесть [2], о которой Вы говорите мне, или хотя 2 первые главы «Б‹улавинского› завода» [3]. С присовокуплением плана целого романа можно печатать отрывки, как напр. «Богатый жених» Писемского [4]. Пишите и присылайте мне, как той литературной бабушке, которой суждено принимать Ваших рождающихся детей. Жаль, что до сих пор они так неудачно являются на свет.

Я рад, что моя статья о «Племяннице» Вам нравится. Настоящего дела я — по причине цензуры — сказать не мог — и потому она может подать повод к недоразуменьям [5].

Прощайте, любезный К‹онстантин› Н‹иколаевич›. Желаю Вам всевозможных удач — и главное — здоровья. До свидания в мае — но мы до того времени еще будем переписываться.

(NB. За повесть — цензурную — Вам «Соврем‹енник›» хорошо заплатит. Вот Вам самое лучшее средство со мной расплатиться. Присылайте ее поскорей — а уж я ее продам выгодно.)

Жму Вам дружески руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

194. ПОЛИНЕ ВИАРДО

18 февраля (1 марта) 1852. Петербург

St. Pétersbourg.
18 février / 1 mars 1852.

Il est vraiment impardonnable, chère Madame Viardot, que j'aie pu laisser passer près d'un mois sans vous écrire, tout aussi impardonnable qu'inexplicable pour moi. Je compte sur votre bonté et vous promets d'être plus exact à l'avenir.

J'ai reçu votre seconde lettre de Dunse Castle [1] (ainsi que celle de Viardot sur ses chasses chez L. Landerdale [2]) et j'y ai vu avec plaisir que votre santé allait s'ameliorant. Je fais des vœux pour qu'elle aille ainsi jusqu'au moment décisif du mois de mai et que ce moment passe aussi vite et bien [3] que possible. Ma santé a été assez longtemps chan-

celante, il n'y a pas plus de 10 jours que je suis sorti pour la première fois (avec un gilet de flanelle, dites-le à V⟨iardot⟩) — maintenant je vais tout à fait bien. En somme, j'ai passé un hiver assez maussade; depuis une semaine nous sommes en carême et la seule chose que j'ai pu voir au théâtre avant la clôture — le «Sardanapale» d'Alary — n'a été qu'une fort mauvaise compensation pour tout ce dont j'ai été privé. Du tralala italien, vide et creux, prétentieux à l'excès et tout fourmillant de vols manifestes, au travers desquels deux ou trois jolies mélodies de romance brillent à peine d'un éclat bien terne. Le libretto est stupide — Sardanapale est une poule mouillée d'un bout à l'autre. On n'a pas su profiter de la magnifique explosion du voluptueux devenant un héros — c'est cependant ce qui fait tout le charme du drame de Byron. C'est Myrrha (Mlle Grisi) qui se charge de faire la *fendante*. Vous vous imaginez bien qu'elle ne laisse pas échapper l'occasion de lancer des coups de poing à la Norma. En somme, il n'y a pas eu de succès — et Sardanapale est mort [4].

Maintenant tout le monde est parti. La veille du départ, j'ai vu Tamberlick chez le c-te Wielhorski — j'ai fait sa connaissance — il m'a beaucoup plu, il vous aime beaucoup, je l'ai prié de vous saluer de ma part [5].

La réputation de Gounod croît et s'établit à Paris, d'après ce que je lis dans les journaux; j'en suis bien heureux [6].

A propos de Paris, je ne sais pas si ce n'est pas à la rue de Douai que je dois vous écrire... cependant, j'enverrai cette lettre en Ecosse, et je vous en écrirai une autre dans quelques jours en France.

J'écrirai aussi à Mlle Renard et à la petite; dès que je vous saurai à Paris, je vous enverrai les 1 200 francs de sa pension [7].

Chère Madame V⟨iardot⟩, je vous prie d'excuser l'insignifiance de ma lettre après un si long silence — je me sentais fort peu en train au moment de prendre la plume, mais je n'ai pas voulu attendre plus longtemps. Si mon style est languissant, mon affection profonde pour vous et les vôtres ne l'est et ne le sera jamais.

Est-il vrai que Léonard forme le projet de venir ici pendant le carême? Quel plaisir n'aurais-je pas à le revoir! Et sa femme!.. Que de souvenirs [8]!

Décidement je suis stupide aujourd'hui et c'est à peine si je me sens digne de vous serrer la main. Cependant je le fais avec toute la ferveur d'une vieille et inaltérable amitié,

Mille choses au bon Viardot et à Chorley, si vous le voyez à Londres, je veux aussi lui écrire à celui-là.

Adieu, chère Madame V⟨iardot⟩, que Dieu vous conserve!

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

195. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ
18 февраля (1 марта) 1852. Петербург

С.-Петербург.
18-го февр. 1852.

Я только что получил Ваше письмо, любезный Константин Николаевич — и собирался уже Вам отвечать, как вдруг получил ответ на мое предписание в деревенскую мою контору, что ранее двух недель этих 100 р. Вам выслать не могут, за совершенным истощением наличных средств. Вы не можете себе представить, как это мне было досадно — и если б я сам не был в некотором безденежье здесь — я бы тотчас выслал их Вам — нечего делать — прошу меня извинить и подождать две недели. Я к Вам пишу всё это так бесцеремонно — потому что я надеюсь, что между нами церемонии не у места.

Из присланного Вами перечня содержания «Булавинского завода» я решительно должен был заключить, что — пока — нечего и думать о возможности провести его через здешнюю цензуру [1]. Обезображенным его печатать не следует — и что же это будет за роман, из которого всё выкинут, кроме описаний, как Вы говорите? С другой стороны, так как мне очень бы желалось увидать Вас в печати — не можете ли Вы кончить тот небольшой рассказ [2], о котором Вы мне говорили? «Современник» бы с радостью его принял. Если б Вы его прислали к половине хотя будущего месяца, он бы был помещен в апрельской книжке. Правда, Вас теперь занимают экзамены [3] — но все-таки Вы бы хорошо сделали, если б нашли время написать хотя небольшую, но отделанную вещь.

Не пишу Вам больше сегодня — очень занят. Желаю Вам всего хорошего, начиная со здоровья — и вторично прошу Вашего извинения в невольном моем замедлении.

Остаюсь искренно преданный Вам
Ив. Тургенев.

196. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21 февраля (4 марта) — 4(16) марта 1852. Петербург

St. Pétersbourg,
le $\frac{21 \text{ février}}{4 \text{ mars}}$ 1852. Jeudi.

Je viens de recevoir votre dernière lettre de Dunse Castle, chère et bonne Madame V<iardot>, dans laquelle vous me dites de vous écrire dorénavant à Paris [1]. Il n'y a pas trois jours que je vous ai envoyé une lettre à Dunse Castle, mais je veux vous écrire dès aujourd'hui, ne sachant pas au juste jusqu'à quel point on peut compter sur l'exactitude de la poste. En même temps je veux réparer mon long silence.

Je ne puis vous cacher que votre toux me tourmente beaucoup. Je suis persuadé que vous avez été aussi bien que possible dans la famille Hay, mais je suis bien sûr aussi qu'un climat plus tempéré que celui de l'Ecosse vous aurait convenu davantage. Enfin, la chose est faite — il faut espérer que le printemps viendra à votre aide. Je le répète, votre toux m'inquiète bien plus que ce qui vous attend au mois de mai — je ne doute pas que vous vous en tirerez parfaitement.

Vos concerts de Dunse Castle m'ont fait venir l'eau à la bouche. Avec quel plaisir n'aurais-je pas donné pour l'un d'eux tous ces grands diables d'opéras connus et rebattus, avec tous ces chanteurs et ces cantatrices émérites...

Mercredi, 27 février.

Il m'est impossible de continuer cette lettre comme je l'avais commencée. Un bien grand malheur nous a frappés. Gogol est mort à Moscou, mort après avoir tout brûlé, tout, le 2-d tome des «Ames mortes», une foule de choses déjà achevées ou commencées, tout enfin! Il vous serait difficile d'apprécier toute la grandeur de cette perte si cruelle, si complète [2]. Il n'y a pas de Russe dont le cœur ne saigne dans cet instant. C'était plus qu'un simple écrivain pour nous — il nous avait révélés à nous-mêmes — il était dans plus d'un sens le continuateur de Pierre le Grand pour nous. Ces paroles peuvent vous paraître exagérées, dictées par la douleur, mais vous ne le connaissez pas, vous ne connaissez que les moindres de ses ouvrages [3] — et même si vous les connaissiez tous, il vous serait difficile de comprendre ce qu'il était pour nous, il faut être Russe pour le sentir. Les esprits les plus pénétrants parmi les étrangers, un Mé-

rimée p<ar> e<xemple> n'ont vu en Gogol qu'un humouriste à la façon anglaise [4] — sa signification historique leur a complètement échappé — je le répète, il faut être Russe pour savoir tout ce que nous avons perdu!

Mardi, $\frac{4}{16}$ mars.

Toutes les nouvelles venues de Moscou dans ces derniers jours n'ont fait que cofirmer les bruits sinistres qui se sont répandus dès le premier instant. Rien, rien n'a échappé. 10 jours avant sa mort, il a tout brulé et après avoir consommé ce suicide moral, il s'est couché pour ne plus se relever. Il m'est impossible de vous indiquer seulement les causes de cette terrible résolution; qu'il vous suffise de savoir que sa mort a été tragique, presque volontaire; elle est le résultat d'une longue et douloureuse lutte qui le *déchirait* depuis longtemps. Mais de quel droit emporter tous ces trésors avec soi? N'étaient-ils déjà pas devenus notre bien à tous? Remarquez que Gogol était en train de faire paraître une nouvelle et complète édition de ses œuvres.

Ses funérailles ont été un véritable deuil public. On n'a pas .permis de déposer le cercueil sur le char mortuaire. La foule l'a porté sur ses épaules jusqu'au cimetière, situé à 6 werstes de l'église.

Imaginez-vous que la censure d'ici défend déjà de mentionner son nom!!!

Pardon, chère Madame Viardot, mais je ne puis parler d'autre chose maintenant, et cependant je sens que ma lettre doit vous fatiguer. A une autre fois. Adieu et mille amitiés.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

197. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

26 февраля (9 марта) 1852. Петербург

С.-Петербург.
Вторник, 26-го февр. 52.

Вы не можете себе представить, друзья мои, как я вам благодарен за сообщение подробностей о смерти Гоголя [1] — я уже писал об этом Боткину [2]. Я перечитываю каждую строку с какой-то мучительной жадностью и ужасом — я чувствую, что в *этой* смерти *этого* человека кроется более, чем кажется с первого взгляда —и мне хочется проник-

нуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило — так глубоко, что я не помню подобного впечатления. Притом я был подготовлен другими обстоятельствами, которые вы, вероятно, скоро узнаете — если уже не узнали [3]. Тяжело, Феоктистов, тяжело, мрачно и душно... Мне, право, кажется, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над моей головой — и иду я на дно, застывая и немея [4].

Но об этом когда-нибудь при личном свидании... А оно будет довольно скоро, если ничего не случится — около 10-го апреля я в Москве [5] — на Фоминой неделе.

Вы мне пишете о статье, которую я должен написать в «Современник» [6] — не знаю, удастся ли мне... В этом случае нельзя сесть и писать, не обдумавши — надо попасть в тон — а уж думать о необходимости попадать в тон, когда говоришь о смерти Гоголя, тяжело и даже жестоко.

Я рад, что его хоронили в университетской церкви — и действительно нахожу вас счастливыми, что удостоились нести его гроб [7]. Это будет одно из воспоминаний вашей жизни.

Что Вам сказать о впечатлении, произведенном его смертью здесь? Все говорят о ней, но как-то вскользь и холодно. Однако есть люди, которых она глубоко [a] огорчила. Другие интересы тут всё поглощают и подавляют.

Вы мне говорите о поведении друзей Гоголя... [8] Воображаю себе, сколько дрянных самолюбий станут взбираться на его могилу и примутся кричать петухами и вытягивать свои головки — посмотрите, дескать, на нас, люди честные, как мы отлично горюем и как мы умны и чувствительны — бог с ними... Когда молния разбивает дуб, кто думает о том, что на его пне вырастут грибы — нам жаль его силы, его тени...

Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вестью *о смерти* Гоголя [9]; под впечатлением их, *написал* я несколько слов о ней для «С.-Петербургских ведомостей», которые посылаю Вам при сем письме, в неизвестности — пропустит ли их и не исказит ли их цензура [10]. Я не знаю, как они вышли,— но я плакал навзрыд, когда писал их.

Прощайте, мой добрый Е⟨вгений⟩ М⟨ихайлович⟩. Скоро напишу Вам опять. Жду от Вас и от Боткина все

---

[a] *Далее зачеркнуто*: оскорбила

подробности, которые Вы только услышите. Жму Вам дружески руку — Вам и графине [11] — и остаюсь

преданный Вам
Иван Тургенев.

P. S. Кажется, нечего и говорить, что под статьей о Гоголе не будет выставлено моего имени [12]. Это было бы бесстыдством и почти святотатством.

Вы жалуетесь, что я Вам не пишу; я в[б] пятницу послал Вам письмо [13].

198. И. С. АКСАКОВУ

3 (15) марта 1852. Петербург

... Скажу Вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя,— всё, что Вы говорите о ней [1] — сказано мне прямо из души. Эта страшная смерть — историческое событие — понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам — ни одному человеку, самому сильному духу, не выдержать в себе борьбу целого народа — и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер, потому что решился, захотел умереть, и это самоубийство началось с истребления «Мертвых душ»... [2] что касается до впечатления, произведенного здесь его смертью... да будет Вам достаточно знать, что попечитель здешнего университета г. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским [3]. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для «СПб. ведомостей» о смерти Гоголя (я их послал Феоктистову в Москву) [4]. Г. Мусин-Пушкин не мог довольно надивиться дерзостью людей, жалеющих о Гоголе. Честному человеку не стоит тратить на это своего честного негодования.— Сидя в грязи по горло, эти люди принялись есть эту грязь — на здоровье. Благородным людям должно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя...

[б] *Далее зачеркнуто*: четверг

199. В. П. БОТКИНУ

3 (15) марта 1852. Петербург

... От души благодарю тебя за присылку копии с письма Гоголя к князю Львову. Это письмо многое поясняет в грустной катастрофе его кончины [1]. Нельзя ли попробовать напечатать то, что я написал о Гоголе (разумеется, без подписи) в «Московских ведомостях», как отрывок из письма отсюда [2]? Je voudrais sauver l'honneur des honnêtes gens qui vivent ici. Неужели это так пройдет, и мы ни слова не сказали тебе [3]. Показывал ли Феоктистов мою статейку о нем? В «Петербургских ведомостях» Мусин-Пушкин ее запретил и даже удивился дерзости так говорить о Гоголе — лакейском писателе... [4]

200. С. В. ШУМСКОМУ

6 (18) марта 1852. Петербург

Позвольте мне прибегнуть к Вашему посредству, любезный Шумский, для того, чтобы покорно просить гг. артистов московской труппы не ставить на сцену моих двух пьесок: «Где тонко, там и рвется» и «Безденежье» — которые недавно здесь давали [1]. Я это говорю потому, что слышал о подобном намерении некоторых гг. артистов [2], и говорю это для их же пользы, потому что ни одна из этих пьесок не имела здесь успеха [3]. Их дали, можно сказать, против моей воли — и я повторяю, мне было бы весьма неприятно, если б эти две, уже давно мною написанные вещи, повторились на каком бы то ни было театре. Я надеюсь, что гг. артисты уступят моей убедительной просьбе — и мне остается уверить Вас в том искреннем чувстве уважения к Вашему таланту и сочувствия к Вам самим, с которым остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

С.-Петербург.
6 марта 1852 г.

201. И. С. АКСАКОВУ

20 марта (1 апреля) 1852. Петербург

С.-Петербург.
Четверг, 20-го марта 1852.

Спешу отвечать на Ваше письмо [1], любезнейший Иван Сергеевич. Самый надежный здешний книгопродавец — Базунов — и Вашему батюшке должно отправить к нему

сто экземпляров [2], за которые он вышлет расписку — а деньги он будет выдавать еженедельно, с вычетом 25 процентов. Я сам лично его не знаю — так же как и всех здешних книгопродавцев — эти сведения мне доставил Некрасов, человек весьма опытный в этом деле и который взялся переговорить лично с Базуновым и устроить это дело как только можно будет выгоднее для Сергея Тимофеевича. Итак, высылайте немедленно 100 экз<емпляров> сюда. Некрасов же велел Вам сказать, что в Москве Вы не должны давать более 20-ти проц<ентов>.

Вы не можете себе представить, как обрадовало меня известие о выходе в свет книги С<ергея> Т<имофеевича> — и с каким нетерпеньем я ее ожидаю. Присылайте ее поскорей, чтобы рецензия могла поспеть в апрельскую книжку [3]. Некрасов настаивает на том, чтобы выслать непременно разом 100 экз<емпляров> — а не помаленьку.

Что Вы мне говорите о моей статейке в «Московских ведомостях» — мне было очень приятно — на меня самого сильно подействовало соседство благородной и трогательной статьи Сергея Тимофеевича [4].

Извините меня, что я Вам написал такое короткое и вялое письмецо. Мысль, что я в весьма скором времени буду в Москве и увижу Вас и всех тамошних друзей, еще усиливает мою обычную лень. Притом —

«Tanto vi ho da dir, ch'incominciar non oso»... [5] и потому до свидания.— У нас здесь грязная, сырая, больная весна. Всегда в это время Петербург посещается тифом — но в нынешнем году он так силен, что заведены временные больницы. Еще причиной больше, чтобы спасаться отсюда.— Я, если бог даст, через две недели непременно в Москве [6].

Присылайте поскорей «Записки ружейного охотника». Кланяюсь С<ергею> Т<имофеевич>у и Вашему брату, дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

202. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21, 27 марта (2, 8 апреля) 1852. Петербург

St. Pétersbourg.
Vendredi, 21 mars 1852.

Il y a longtemps que je ne vous ai écrit, chère et bonne Madame Viardot (il faut dire aussi qu'il y a juste un mois aujourd'hui que je n'ai reçu de lettre de vous).— Je n'ai

pas grand-chose à vous dire.— J'ai vu beaucoup de monde pendant ce dernier temps — j'ai fait, par curiosité, des excursions dans la haute société — j'y ai fait même — ce qui est bien pis! — des lectures, dont le succès m'a fait penser à ce vers de Goethe: «Bewunderung von Kindern und von Laffen...»[1] et malgré tout, malgré tout cet éclat, je me sens triste, morose et profondément ennuyé.— Je n'ai pas eu un seul jour de santé véritable, pas une heure d'activité — rien... Je commence à croire que je suis ni-ni fini — comme on dit — et j'attends avec impatience l'arrivée du printemps — pour aller bien vite, bien vite, m'enterrer à la campagne — les longues journées de chasse m'y attendent — ces longues journées pendant lesquelles on sent avec délice qu'on ne pense pas un instant.— Je compte prolonger mon séjour à la campagne aussi longtemps que possible — j'y passerai peut-être tout l'hiver — dans tous les cas je ne reviendrai à Moscou que pour la nouvelle année — quant à Pétersbourg, j'en ai par-dessus la tête — et certes, je ne m'y fixerai jamais.— J'ai des projets de voyage pour l'été prochain — d'un voyage immense — toujours dans les limites de la cara patria — tout autre voyage étant de la contrebande pour moi — peut-être irai-je en Sibérie pour voir si les moustiques y sont en effet plus gros que les cousins d'Europe, comme le prétendent les naturalistes [2].— Je voudrais bien savoir où je serai le 1-er janvier 1854?— Peut-être à la pointe du Kamtchatka, à la chasse de l'ours blanc. Vous recevrez des lettres de moi datées d'endroits bien étranges, je vous le promets — mais vous en recevrez — aussi longtemps que je tiendrai une plume entre les doigts — car j'aurais beau aller au Cap Siéwerowostotchnoï (voyez la carte de la Sibérie au Nord), que j'emporterai toujours avec moi les affections sérieuses et profondes de ma vie.

J'ai reçu une grande lettre de Mlle Berthe, elle m'y annonce l'envoi du portrait et des mélodies — jusqu'à présent je n'ai rien reçu [3]. J'ai été chez Mr James Thal — rien. Cependant, il est parvenu à ma connaissance qu'un certain Mr Krusenstern a apporté quelque chose pour moi, mais je ne sais comment déterrer ce Mr Krusenstern. —

Vous ai-je dit que la censure a enfin permis l'impression de mes «Mémoires d'un chasseur», qui vont paraître à Moscou en deux gros volumes [4]? Je vous les enverrai, quoique ce soit du russe. Toute réflexion faite — il n'y aura pas de dédicace [5]. Mais j'ai honte de parler de cela après la mort de Gogol. Achille n'est plus — c'est le tour des mirmidons.— Je ne saurai vous dire jusqu'à quel point cette

mort m'a blessé — c'est comme une épine que je porte dans le cœur — parlons d'autre chose.

J'ai acheté un beau setter anglais tout noir du nom de Dash — pour relayer la pauvre petite Diane, qui se fait vieille.

Je ne partirai pas d'ici sans envoyer à Viardot la pension de Pauline.— Dès que vous aurez reçu cette lettre, recommencez, s'il vous plaît, à m'écrire à l'adresse du comptoir Iazykow.— Je vous enverrai l'adresse de ma campagne de Moscou — ou plutôt — sachez qu'à partir du 1 mai v. s. ou 13 mai nouv. st., je suis à Spasskoïé — et voici mon adresse: (par Saint-Pétersbourg)

Russie, gouv⟨ernemen⟩t d'Orel, ville de Mtsensk.
Mr Jean Tourguéneff.
Орловской губернии в город Мценск.
Ивану Сергеевичу Тургеневу.

27 anvier[a] — jeudi.

Chère Madame Viardot, j'ai reçu hier soir votre lettre n°2 de Paris — (ce n° m'a fait voir que le n°1 s'était perdu!) et j'ai hâte de vous remercier et de vous répondre.— En premier lieu, je vous prie de ne pas trop prendre à cœur le ton lugubre du commencement de cette lettre — j'ai eu pendant quelques instants l'idée de la jeter au feu — mais j'ai trop d'affection pour vous pour[б] me déguiser devant vous et[в] ne pas laisser voir ce qui se passe en moi.— Cependant, il ne faut pas que je pousse mon affection et ma franchise jusqu'au point de vous chagriner. Aussi je vous conjure de n'en rien faire — qui n'a pas des moments de *blue devilry*? Les nouvelles que vous me donnez de votre santé sont ni trop bonnes ni trop mauvaises — cependant, ces insomnies me tourmentent — essayez de ne pas prendre du thé le soir — je m'en suis bien trouvé quelquefois.

203. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8 (20) апреля 1852. Петербург

St. Pétersbourg,
le 8/20 avril 1852.

Chère et bonne Madame Viardot, je vous écris quelques mots à la hâte, seulement pour vous annoncer que j'ai enfin reçu le portrait de la petite et les mélodies de Gou-

---

[a] *Так в подлиннике.*
[б] *Далее зачеркнуто*: avoir le droit de
[в] *Далее зачеркнуто*: de

nod [1] — le portrait est charmant, s'il n'est pas flatté — quelle bonne et sympathique petite figure! — les mélodies m'ont fait un plaisir infini — décidément aucune musique ne me *remue* autant — et puis tous les souvenirs qui s'y rattachent! A propos, est-ce vrai que Gounod se marie — si cela est, faites-lui savoir tous les vœux que je forme pour son bonheur. Je crois avoir vu Mlle Zimmermann chez vous [2].— Quand je pense que ma lettre vous arrivera la veille ou le lendemain peut-être du grand événement attendu — mon cœur se met à trembler [3]. Suppliez V⟨iardot⟩ de m'informer immédiatement — à l'adresse du comptoir Iazykoff et C-ie. Dites-lui en même temps que je le prie en grâce (ainsi que Mlle Renard) d'excuser le retard que j'ai mis cette année à l'envoi de ma pension [4]. Je l'expédierai le jour même de mon arrivée à Moscou—je pars d'ici le 15, c'est-à-dire dans une semaine [5].— Je vous écrirai encore avant de partir d'ici.—

Bonjour, chère et bonne Madame Viardot. Je vous embrasse les mains avec la tendresse la plus affectueuse et je reste à jamais

votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

Mes remerciements à Mlle Berthe.

204. И. С. АКСАКОВУ

9 (21) апреля 1852. Петербург

С. Петербург.
9-го апр. 1852.

Сегодня появился № «Современника» с небольшой моей статейкой о книге С⟨ергея⟩ Т⟨имофеевича⟩ — любезный Иван Сергеевич — и с большими выписками из нее. В «Критику» это не успело уже попасть и помещено в «Литературных новостях». В *июньской* книге «Совр⟨еменника⟩» будет о ней пространная статья [1] — и в *майской* «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩» (эту статью я теперь пишу) [2]. Книга Вашего отца привела меня в совершенный восторг.— Выезжаю я отсюда через неделю — и потому всё остальное переговорим при личном свидании [3]. А до тех пор будьте здравы и невредимы — жму вам всем руки и остаюсь

душевно любящий Вас
Ив. Тургенев.

205. Н. А. НЕКРАСОВУ

Середина ноября 1851—16(28) апреля 1852. Петербург

Любезный Некрасов,

Миницкий должен послезавтра приехать из деревни и привезти деньги — пришли мне, пожалуйста, 10 р. сер.— чтобы дотянуть эти два дня. А я очень буду тебе благодарен.

Тв<ой>
И. Тургенев.

206. И. Ф. МИНИЦКОМУ И Д. Я. КОЛБАСИНУ

Середина ноября 1851—16(28) апреля 1852. Петербург

Середа.

Дети мои!

Я прошу вас обедать, вместо сегодняшнего дня — завтра, а сегодня у меня обедают скучные господа, с которыми и вам будет скучно. Да пришлите мне привезенный том «Вивлиоф<ики>» Новикова [1].

Ваш Тургенев.

207. И. Ф. МИНИЦКОМУ

Середина ноября 1851—16(28) апреля 1852. Петербург

Суббота.

Извините меня, пожалуйста, любезный Иван Федорович, я, не разобравши хорошенько надпись, распечатал Ваше письмо — посылаю Вам его.— Надеюсь, что Ваше здоровье поправляется — у меня горло сильно разболелось, и я не могу выходить. Вместе с письмом пришла на мое имя повестка в 1200 р. сер. Я стал рассчитывать [1] сегодня — всё уйдет.— Дайте мне знать о Вашем здоровье.

Ваш [a]

208. Н. А. НЕКРАСОВУ

Весна, не позднее 16 (28) апреля 1852. Петербург

«О мой спаситель»! [1]

Пришли мне, если можешь, 25 р. сер.— Сегодня почтовый день — и я должен получить ответ от Тютчева — по повару [2] необходимы деньги на пачпорт и на

---

[a] *Подпись вырезана. (Помета в публикации.)*

оброк своей дурацкой барыне — сделай одолжение — пришли.

До свидания.

И. Тургенев.

На обороте:

Н. А. Некрасову. (От Тургенева).

209. ПОЛИНЕ ВИАРДО

24 апреля (6 мая) 1852. Петербург

St. Pétersbourg,
ce $\frac{\text{24 avril}}{\text{6 mai}}$ 1852.

Chère et bonne Madame Viardot, tout ce que je pourrais vous dire ne saurait vous rendre jusqu'à quel point je pense constamment à vous depuis quelque temps. C'est comme un redoublement d'affection, de sollicitude qui va jusqu'à l'angoisse. J'ai la ferme persuasion en même temps que tout ira bien et que vous franchirez lestement et heureusement ce pas difficile, qui vous attend, qui vous attendra encore au moment où vous recevrez cette lettre, s'il faut en croire ce que vous me dites dans la vôtre sur l'époque probable de l'événement. Je supplie Viardot de m'écrire le lendemain même le résultat [1].

J'ai reçu votre n°3 [2] adressé au comptoir Iazykoff. Différentes affaires imprévues m'ont retenu ici et me retiendront encore plus longtemps que je ne l'avais cru, jusqu'au 15 mai v. st. [3] Continuez à m'écrire par le comptoir Iazykoff. Nous nous sommes arrangés maintenant de façon à ce qu'il n'y ait plus de mésentendu possible.

La nouvelle du mariage de Gounod m'a causé une surprise assez pénible. Pourvu que mes «misgivings» ne se réalisent pas! Je crois que s'il n'avait pas été prêtre, il ne se serait pas marié aussi bizarrement [4]. Il m'écrit une lettre assez gênée là-dessus, je lui répondrai le plus simplement que je pourrai. Il y a en lui quelque chose qu'il serait difficile de définir, mais que j'aurais voulu ne pas y voir. Du reste, ce quelque chose est probablement inhérent à sa nature qui, à tout prendre, est belle et noble et richement douée — und man bleibt am Ende was man ist [5], dit Göthe. Ses adorables mélodies (surtout son «Automne» [6]) ont réveillé en moi une foule de souvenirs — Nachklänge einer Zeit und einer Welt, die für mich auf ewig verschwinden sind [7] — remerciez-le bien de ma part. Vous avez bien raison de supposer que mon

refus d'aller vous voir à Paris ne dépend pas de ma volonté. Je le répète, chère et bonne amie, il ne faut plus *seulement penser* à nous revoir bientôt. J'ai *mes raisons* pour vous le dire.

Vous comprenez facilement que c'est si triste qu'il faut que je parle d'autre chose.

Iazykoff doit m'apporter aujourd'hui une lettre de change de Stieglitz de 1 200 francs que j'expédierai après-demain au nom de Viardot avec une lettre en réponse à celle qu'il m'a écrite.

Vous gronderez Pauline de ma part pour son nouveau défaut. Et cependant, vous le dirai-je? Cette bouderie, ainsi que son appétit de Gargantua [8] m'est encore une preuve qu'elle est bien ma fille. J'étais ainsi dans mon enfance, boudant pour un rien et dévorant tout. Vous ne sauriez croire combien son visage ressemble au mien à son âge. Il y a un portrait de moi à 10 ans, c'est frappant! Cependant, vous la gronderez. A propos, Pauline demande si c'est 11 ou 12 ans qu'elle aura au mois de mai: ni 11 ni 12, mais 10, elle est née en 1842.

Vous me demandiez dans une de vos précédentes lettres [9] pourquoi je ne vous parlais jamais de mes travaux littéraires. C'est qu'en effet j'ai fait peu de choses depuis mon retour en Russie. J'ai maintenant un grand ouvrage sur le tapis. Je ne sais si je le mènerai à bien — c'est un roman dont j'ai écrit déjà plusieurs chapitres. Je vous en parlerai quand ce sera plus avancé. Il faut que je fasse quelques études sur les lieux — c'est une des raisons qui m'engagent à visiter la petite Russie. Ce n'est pas cependant un roman historique [10].

Votre petit chien sur le pont est charmant — il y a une certaine vérité d'impressions et d'expressions dans la nature animale qui fait qu'on a toujours plaisir à l'étudier. L'homme est factice et compliqué, c'est plus amusant, mais on finit par connaître les ficelles et puis nous sommes tous derrière les coulisses. La nature a les mêmes tons, mais elle les a tous disséminés sur sa vaste largeur, ils sont plus isolés et plus vrais. Je ne sais si je me fais comprendre. Il n'y a rien de commun entre le museau naïf de la vache et le masque cruel du tigre. La physionomie humaine peut rendre les deux expressions, mais elles sont plus vraies et plus pénétrantes dans l'immobilité de la nature. Ce qui fait que j'aime beaucoup votre chien. Il devait être noir et avoir la queue pendante, vous ne me l'écrivez pas, mais je me l'imagine.

Je vous écrirai *avant* une semaine, je vous en donne ma parole. V⟨iardot⟩ recevra sa lettre et l'argent dans trois jours. Adieu, chère et bonne amie, *portez-vous bien* — c'est plus que jamais maintenant mon vœu le plus cher. Mille amitiés à tout le monde. J'embrasse vos chères mains avec une affectueuse tendresse.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

210. ЛУИ И ПОЛИНЕ ВИАРДО

1 (13) мая 1852. Петербург

St. Pétersbourg.
1-er/13 mai 1852.

Mes chers amis,

Cette lettre vous sera remise par une personne qui part d'ici dans quelques jours — ou bien elle l'expédiera à Paris après avoir franchi la frontière — de sorte que je puis vous parler un peu à cœur ouvert et sans craindre la curiosité de la police [1]. Je commence par vous dire que si je n'ai pas quitté S.-P⟨étersbourg⟩ depuis un mois, c'est bien contre mon gré — je suis aux arrêts dans une maison de police — par ordre de l'Empereur — pour avoir fait imprimer dans un journal de Moscou un article, quelques lignes sur Gogol.— Ça n'a été qu'un prétexte — l'article en lui-même étant parfaitement insignifiant — il y a longtemps qu'on me regarde de travers — on s'est accroché à la première occasion venue.— Je ne me plains pas de l'Empereur — l'affaire lui a été si perfidement présentée, qu'il n'aurait pas pu agir autrement.— On a voulu mettre un terme sur tout ce qui se disait sur la mort de Gogol — et on n'a pas été fâché en même temps de mettre l'embargo sur mon activité littéraire [2].— Dans quinze jours d'ici on m'expédiera à la campagne, où je dois rester jusqu'à nouvel ordre [3]. Tout cela n'ai pas gai, comme vous voyez; cependant je dois dire qu'on me traite fort humainement; j'ai une bonne chambre — des livres, je puis écrire,— j'ai pu voir du monde dans les premiers jours — maintenant c'est défendu — car il en venait trop. Le malheur ne fait pas fuir les amis — même en Russie.— Le *malheur*, à dire vrai, n'est pas très grand — l'année 1852 n'aura pas eu de printemps pour moi — voilà tout — ce qu'il y a de plus triste dans tout cela — c'est qu'il faut dire un adieu définitif à toute espérance de faire

un voyage hors du pays — du reste — je ne me suis jamais fait d'illusion là-dessus. Je savais bien en vous quittant, que c'était pour longtemps, si ce n'est pour toujours.— Maintenant je n'ai qu'une ambition — c'est qu'on me permette d'aller et de venir dans l'intérieur de la Russie.— J'espère que cela ne me sera pas refusé.— L'Héritier est très bon — je lui ai écrit une lettre, dont j'attends quelque bien [4].— Vous savez que l'Empereur est parti.— On avait mis aussi les scellés sur mes papiers — ou plutôt on a cacheté les portes de mon appartement — qu'on a ouvert dix jours plus tard sans rien examiner,— il est probable qu'on savait qu'il ne s'y trouvait rien de défendu.

Il faut avouer que je m'ennuie passablement dans mon trou — je profite de ce loisir forcé pour [а] travailler du polonais, que j'avais commencé à étudier il y a 6 semaines.— Il me reste encore 14 jours de réclusion.— Je les compte, allez!

Voici, mes chers amis, les nouvelles peu agréables que j'ai à vous donner.— J'espère que vous m'en donnerez de meilleures. J'attends avec anxiété le résultat de l'accouchement.— Ma santé est bonne — mais j'ai ridiculement vieilli.—Je pourrais vous en voyer une mèche de cheveux *blancs* — sans exagération. Cependant je ne perds pas courage.— A la campagne, la *chasse* m'attend! — Puis, je vais tâcher d'arranger mes affaires — je continuerai mes études sur le peuple russe, sur ce peuple le plus étrange et le plus étonnant qu'il ait au monde.— Je travaillerai à mon roman [5] — avec d'autant plus de liberté d'esprit que je ne le destinerai pas à passer [б] sous les griffes de la censure.— Mon arrestation va probablement [в] rendre impossible la publication de mon ouvrage à Moscou — je le regrette — mais que faire! — [6]

Je vous prie de m'écrire souvent, mes chers amis, vos lettres contribueront beaucoup à me donner du courage pendant ce temps d'épreuves.— Vos lettres — et les souvenirs des jours passés — de Courtavenel — voilà tout mon bien.— Je ne m'appesantis pas — là-dessus, crainte de m'attendrir.— Vous le savez bien — mon cœur est avec vous — je puis le dire, maintenant surtout... Ma vie est finie, le charme n'y est plus.— J'ai mangé tout mon pain blanc — mâ-

---

[а] *Далее зачеркнуто несколько слов.*

[б] *Далее зачеркнуто:* devant

[в] *Далее зачеркнуто слово.*

chons ce qui reste de pain bis — et prions le ciel qu'il soit «bien bon» comme disait Vivier.

Je n'ai pas besoin de vous dire que tout ceci doit rester parfaitement secret; la moindre mention, la moindre allusion dans un journal quelconque suffirait pour m'achever [7].

A propos, mon cher ami, avez vous reçu les 300 R. Ar. que je vous ai envoyé par l'entremise de Stieglitz — je voulais dire — avez vous reçu ma lettre d'il y a 4 jours avec une lettre de change de Stieglitz?

Adieu, mes chers et bons amis; soyez heureux, et votre bonheur me rendra aussi content que je puis l'être. Portez-vous bien, ne m'oubliez pas, écrivez-moi souvent, et soyez bien persuadés que ma pensée est toujours avec vous.— Je vous embrasse *tous*, et je vous envoie mille bénédictions.— Cher Courtavenel, je te salue aussi, toi! Adieu — adieu — ecrivez-moi souvent.— Je vous embrasse encore — adieu!

Votre

J. T.

P. S. Je vous écrirai bientôt par la voie ordinaire. Je vous écrirai de Moscou — et le jour même de mon arrivée à Spasskoïé.— Mon adresse est toujours — au comptoir Iazykoff.

В начале письма приписка:

J'ai adressé ma lettre à Mlle Berthe parce que je ne voulais pas mettre le nom de Viardot et que je craignais d'écrire droit à Mme ne sachant pas dans quel état ma lettre la trouverait.

211. И. Ф. МИНИЦКОМУ и Д. Я. КОЛБАСИНУ

3 (15) мая 1852. Петербург

Мне пришло в голову, дети мои,— не нужно ли вам денег? Посылаю вам 15 р. сер. на всякий случай.— Мое здоровье хорошо — но мне очень скучно. Еще 12 дней остается — о ужас! Я рад вашим пятеркам из технологии — дайте мне знать, как прошел последующий экзамен [1]. До свидания перед отъездом [2].

Ваш

И. Т.

Суббота.

212. А. Я. ТУРГЕНЕВОЙ

Конец апреля — первая половина мая ст. ст. 1852. Петербург

Любезная Анна Яковлевна.

Во-первых, благодарю Вас за Вашу присылку, которая очень кстати пришлась; во-вторых, спешу успокоить Вас на мой счет. Если бог даст, около 20-го мая увидимся живы и здоровы. Федор меня видел. Это неприятно, конечно — но делать нечего — нужно терпение.— Я Вас, должно быть, в Москве не застану. Могу я остановиться у Вас в доме?— заочно обнимаю Вас, брата и доброго дядю Петра [1].— Прощайте, будьте здоровы и до скорого свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

213. Л. Н. ВАКСЕЛЮ

Последние числа мая ст. ст. 1852. Москва

Вот Вам, во-первых, любезный Л⟨ев⟩ Н⟨иколаевич⟩ — записки Аксакова [1] с припиской, которая, вероятно, Вас не скомпрометирует [2]; во-вторых — хоть я и умираю, а всё ногой дрыгаю и желаю знать, помните, Вы мне говорили об английском ружье Батильсона — нельзя ли бы его мне купить посмотревши — т. е. посмотревши, прикладисто ли оно? Я бы Вам очень был благодарен — впрочем, кланяюсь Вам и крепко жму руку Вам и Вашему брату.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте:

В С. Петербург
На Грязной, у Старообрядческой церкви,
в доме Сивкова.
Его высокоблагородию
Льву Николаевичу
Ваксельо.

214. С. Т., И. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

6 (18) июня 1852. Спасское

С. Спасское.
6/18 июня 1852.

Я получил ваше тройное письмо [1], добрые мои друзья, и не могу вам сказать, как оно меня обрадовало. От души благодарен вам за ваше участие [2] — хотя в моей судьбе,

особенно теперь, в деревне, я ничего не вижу ужасного.— Вы совершенно правы в своих предположеньях на мой счет, любезный Сергей Тимофеевич — посылая мою статью в Москву, я и не думал делать что-нибудь противузаконное; Назимов, которого я видел в Москве, очень удивился, когда узнал, что я даже в глаза не видал г-на Мусина-Пушкина [3]. Ничего — перемелется — мука будет.— Я на днях принимаюсь за статью о Вашей многочитанной и многолюбимой мною книжке для «Современника» [4]. Радуюсь Вашей деятельности и уверен, что статья Ваша о Державине [5] выйдет славная.— «Сборник» у меня здесь — но я в нем успел прочесть только стихотворения. Песни удивительны [6] — достойны стать наравне с песнями в собрании Кирши Данилова [7];— стихотворение Хомякова — очень звонко — читается ore rotundo, как говаривали в старину — но и только; не греет — и не язвит [8].— Ваш «Бродяга», любезный И‹ван› С‹ергеевич›, благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли — а формы вредит иногда впечатлению. Ваши стихи имеют все качества поэзии, кроме того тонкого, неуловимого — того *запаха*, которым дышит, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья в наше сухое, трудное и горькое время? Спасибо Вам и за то, что Вы нам дали [9]. Мне говорили, что 1-й № «Сборника» хорошо разошелся; это меня радует. Для 2-го №-а у меня есть небольшая вещь, написанная мною под арестом [10], которой и приятели мои довольны и я;— я готов ее Вам послать — но, во-1-ых, мне кажется, ее не пропустят;— во-2-х, не думаете ли Вы, что мне на время надобно помолчать? [11] — Вот и мои «Записки охотника» совсем готовы, и билет на их выпуск выдан; однако мы с Кетчером решились подождать [12]. Впрочем, я на всякий случай велю переписать мою вещь.

Я эту зиму чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями; прочел Сахарова, Терещенку, Снегирева e tutti quanti. В особенный восторг привел меня Кирша Данилов [13].— Ваську Буслаева считаю я эпосом русским — но к результатам ‹привело› меня это всё далеко не столь отрадным, как Вас, любезный К‹онстантин› С‹ергеевич› — во всяком случае, к другим результатам [14]. Но так как я в этом деле еще ученик, то мне и хотелось бы потолковать с людьми знающими, с Вами.— Я в Москве много говорил с Забелиным — который мне очень понравился: светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он водил меня по

кремлевским древностям. Кстати, я об Вашей комедии [15] слышал много хорошего от людей, которые не очень-то к Вам расположены — с прибавлением: «Мы от Аксакова этого не ждали». *Комедии*, признаться, и я от Вас не ждал. Очень бы хотелось послушать — но когда мы увидимся — это единому богу известно.

Здесь я еще пока ничего не делаю — вдыхаю целой грудью деревенский воздух — читаю Гоголя — и только. А сказать между нами, я рад, что высидел месяц в части; мне удалось там взглянуть на русского человека со стороны, которая была мне мало знакома до тех пор.

Мой адресс: Орловской губернии, в город Мценск; И. С. Т<ургенев>у.— Пожалуй, можете прибавить: в село Спасское, Лутовиново тож — но это не нужно. Мы в 9 верстах от Мценска и четыре раза в неделю туда посылаем. Если кому-нибудь из вас случится ехать через Мценск и вам вздумается ко мне завернуть, скажите только: в Лутовиновку — всякий вас довезет.

Прощайте пока, друзья мои,— желаю вам всего хорошего — обнимаю вас всех и остаюсь

преданный вам
Ив. Тургенев.

P. S. Надеюсь, что мы теперь будем переписываться.

215. М. П. ИЛЬИНУ

21 июня (3 июля) 1852. Спасское

Любезный Михайло Петрович!

Хотя до срока, назначенного Вами для окончания моего шарабана, осталось еще 20 дней — но позвольте Вам напомнить о нем. Я надеюсь, что к 10-му июлю шарабан будет окончен — он очень мне нужен — и я за ним к тому времени пришлю лошадей. Шарабан этот прошу Вас отпустить тогда служителю моему Федору Иванову Лабанову, который тогда за ним явится — а деньги Вы получите сполна в октябре, при первой возможности.

С истинным уважением остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
21-го июня 1852.

216. Л. Н. ВАКСЕЛЮ

27 июня (9 июля) 1852. Спасское

С. Спасское.
27-го июня 1852.
С. Спасское[а].

Любезный Лев Николаевич,

Странной игрою случая, которая, впрочем, разыгрывается у нас довольно часто, я получил Ваше письмо от 30-го мая только *4 дня* тому назад! [1] Я уже знаю о смерти бедного Даша — и замечу только кстати, что как Вам не совестно делать себе упрек на его счет — все мы смертные и собаки тоже. Досадно мне, что Вы не приедете ко мне ранее 25-го июля — надеюсь, что по крайней мере к тому времени Вы будете — а у меня уже всё было готово [2]. Ваша комнатка Вас ждала и т. д.

Я еду завтра на тетеревов в[б] Жиздренский уезд.— К сожаленью, погода у нас стоит очень дурная — что-то будет дальше.— Дианку я нашел в исправности — дочь ее тоже. Посмотрим, как она будет действовать — дочь то есть, старуху-то я знаю — робка она очень, дочь-то.

Желаю Вам всего хорошего и отличного здоровья. Жму Вам дружески руку и жду Вас через месяц.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Ваш брат на днях здесь проехал. Посылаю это письмо по Вашему городскому адрессу.

На конверте:

В С. Петербурге.
На Грязной, у Старообрядческой церкви,
в доме Сивкова.
Его высокоблагородию
Льву Николаевичу
Вакселю.

217. А. Я. ТУРГЕНЕВОЙ

26 июля (7 августа) 1852. Спасское

Когда я Вам обещал вчера у Вас обедать, любезная Анна Яковлевна, я не знал, что Тютчев, по непредвиденным обстоятельствам, уезжает сегодня вечером в Мо-

---

[а] *Так в подлиннике.*

[б] *Далее начато и зачеркнуто*: Козель<ский уезд>

скву — и поэтому позвольте мне отложить мое посещение до завтрашнего дня.

До свиданья. Будьте здоровы.

Ваш
Ив. Тургенев [1].

Суббота.

218. ПОЛИНЕ ВИАРДО
10 (22) августа 1852. Спасское

№ 4

Spasskoïé.
Dimanche, 10/22 août 52.

Chère et bonne Madame Viardot, je ne suis pas encore parti pour cette petite ville d'Iépifagne, dont je parle dans ma lettre à votre mari [1]. Certaines affaires me retiennent ici et me retiendront jusqu'à mercredi — j'en profite pour vous écrire. Je commence par vous remercier pour votre lettre n°2 de Courtavenel, il y a longtemps que je n'en ai reçu une aussi bonne [2]. Elle respire une sérénité, un contentement tranquille, dont je sais bien gré à la chère petite Claudie — les lignes se resserrent vers la fin des pages et il y a cinq pages! En un mot, cette lettre m'a rendu heureux. D'autant plus que quoique vous n'y parliez pas de votre santé, je la sentais en bon état, et vigoureuse et florissante au bon air de la campagne. Dieu veuille que je ne me sois pas trompé et que cela continue ainsi dans la nébuleuse Angleterre, où cette lettre vous suivra probablement. (Je l'adresse à la rue de Douai.) Certaines choses dans votre lettre m'ont cependant attristé — vous savez de quoi je veux parler. J'avais conçu une véritable amitié pour G⟨ounod⟩, malt gré certains traits de son caractère qui ne m'ont poinéchappé, et que j'attribuais à son éducation jésuitique [3] et malgré... Mais être ingrat envers vous! Agir comme il l'a fait, c'est révoltant — tout est fini entre nous — je ne veux plus me souvenir de *lui*, tout en conservant le plus vif intérêt pour son talent [4]. C'est dommage que de pareilles découvertes gâtent jusqu'au passé; je ne voudrais plus penser maintenant au temps où je l'ai vu composer à Courtavenel le premier acte de «Sapho» [5]... Allons, n'en parlons plus. N'oubliez pas votre promesse de m'envoyer tout ce qui paraîtra de lui par le comptoir Iazykoff. Songez un peu au désert où je me trouve...

Si au moins nous avions du beau temps! Mais l'été a été atroce. Pas une seule journée supportable — froid, vent,

pluie — aujourd'hui il fait un vrai temps d'hiver. La bise hurle autour de ma maisonnette, elle secoue les arbres encore verts avec furie, elle les dépouille de leurs feuilles, comme si elle avait hâte d'en finir avec tout ce qui reste de l'été. Une pluie glaciale cingle les vitres — le ciel est tantôt d'un blanc fade et terne, tantôt d'un gris de plomb, et la pluie de redoubler! C'est abominable... et le baromètre est à un degré au-dessous de la pluie. Quelle perspective! Mais il faut s'y faire. J'ai devant moi six mois d'un temps pareil, que dis-je six — neuf jusqu'au printemps!

J'ai reçu aujourd'hui la nouvelle que mes «Mémoires d'un chasseur» ont enfin paru à Moscou. Il faut espérer que leur publication ne me fera pas de tort — ils étaient tout prêts au mois d'avril, et si j'ai attendu jusqu'à présent, je l'ai fait pour montrer que je n'avais aucunement l'intention de braver qui que ce soit. Je crois même que tous ceux qui les liront rendront justice à mes sentiments patriotiques. J'ai chargé mon éditeur de vous envoyer un exemplaire — gardez-le dans votre bibliothèque et sachez que, quoiqu'il n'y ait pas de dédicace [6], j'ai placé cet ouvrage sous votre invocation, comme tout ce que je fais et ce que je pense depuis bien longtemps.

Mardi.

Toujours le même temps — c'est vraiment inouï. N'attribuez, je vous prie, qu'à lui les *low spirits* de cette lettre et peut-être encore à la maladie de la pauvre Diane, qui continue toujours, malgré des pilules qu'on m'a conseillé de lui donner. Je vais partir sans elle, hélas!

J'ai lu hier dans l'«Illustrated News», que mon frère reçoit, la nouvelle de votre engagement à Birmingham et à Norwich. J'attends beaucoup de détails, je vous en prie, pensez à moi. A propos, mon exemplaire — ou plutôt *votre* exemplaire de mon livre sera envoyé à la rue de Douai.

Je vous demande pardon de ne pas finir cette page — il faut que j'envoie la lettre à la poste. Chère Madame V⟨iardot⟩, il ne se passe pas de nuit que je ne voie Courtavenel ou Paris en songe... Je vous assure que j'ai l'esprit et le cœur toujours pleins de vous et des vôtres. Je pars demain pour Iépifagne, je vous écrirai de là avant une semaine... Adieu. Mille amitiés à tout le monde, je vous embrasse les mains avec tendresse.

Votre
J. Tourguéneff.

219. М. П. ИЛЬИНУ

14 (26) августа 1852. Спасское

С. Спасское.
14-го августа 1852.

Милостивый государь,

Мне очень неприятно, что наши отношения должны начаться с того, что я отправляю Вам обратно присланный шарабан — но, позвольте Вам заметить,— в этом виноваты Вы сами. Этот шарабан никуда не годится — Вы не исполнили ни одного из наших условий [1]. Во-1-х). Погребец мой, который я нарочно велел возить к Вам для того, чтобы Вы по нем сделали место под сидением — не помещается под ним — он вылезает вон на три вершка и с боку остается пустота; во 2-х). Места для чемодана, которое по условию должно было быть устроено за погребцом, вовсе нет — шарабан сзади обрезан прямо — так что мне ничего увозить нельзя; в-3-х). Места для другого чемодана снизу — тоже нет; в-4-х). Балчука над передними местами тоже нет.— Вместо дорожного покойного экипажа, в котором бы я мог уложить все свои вещи, вы мне прислали какую-то маленькую штучку, в которой хорошо разъезжать только по дачам. Признаюсь, я даже понять не могу Вашего поступка: для чего же Вы брали мерку погребца, чтобы ничего не сделать по нем? Так что, заставивши меня прождать до осени — Вы сделали то, что я опять должен разъезжать в старом моем тарантасе.

Повторяю — мне очень это неприятно, но я не могу бросить 600 р. сер. на совершенно бесполезный для меня экипаж.

Впрочем, честь имею пребыть

Вашим покорнейшим слугой.
Ив. Тургенев.

220. П. В. АННЕНКОВУ

14, 18, (26, 30) сентября 1852. Юшково

14-го сентября 1852 года.
Село Юшково (Орловской губернии,
в Карачевском уезде).

Любезный Анненков, пишу к Вам из имения моего дяди [1], куда я приехал с намереньем стрелять бекасов и где я, по своему обыкновению, занемог и в сотый раз подвергся банкам, мушкам и пр. Теперь мне лучше —

и я думаю дней через пять быть дома. Пользуюсь свободным временем, чтобы напомнить Вам Ваше обещание заехать ко мне в октябре. Найти меня очень легко. Спросить в Мценске Спасское или, еще лучше, Лутовиново, и всякий Вас довезет. Я от Мценска в 9 верстах. Мне было бы чрезвычайно приятно видеть Вас, послушать чтение, вероятно, уже конченной Вами биографии Пушкина [2] — а с Вашей стороны было бы очень добродетельно посетить человека, которому предстоит прожить всю зиму в деревне.

Не знаю, как Вы провели это скверное, дождливое и холодное лето — я про себя скажу, что я зяб всё время, страдал желудком, простужался, кашлял, охотился скверно и ничего не делал — да и, кажется, не делаю ничего. Впрочем — постараюсь чем-нибудь заняться — но боюсь несколько судьбы Григоровича, который теперь с неутомимой деятельностью разливает подонки своего таланта на такие сороковые бочки пресной воды, каковы его «Проселочные дороги» [3]. Вы, вероятно, уже слышали о выходе в свет «Записок ох⟨отник⟩а» [4], берегу назначенный для Вас экземпляр к Вашему приезду. Я рад, что эта книга вышла; мне кажется, что она останется моей *лептой, внесенной в сокровищницу* русской литературы, говоря слогом школьных книг. Я сам перечел «Записки» на днях: многое вышло бледно, отрывчато, многое только что намекнуто, иное неверно, пересолено или недоварено — зато иные звуки точно верны и не фальшивы — и эти-то звуки спасут всю книгу. Но до полноты созданья всё это еще далеко [5], и стоит прочесть какого-нибудь мастера, у которого кисть свободно и быстро ходила в руке, чтобы понять, какой наш брат маленький, маленький человечек. Я эти дни всё читал Молиера — одна какая-нибудь... [a] как напр. Пурсоньяк [6] — своей силой, веселостью, свежестью и грацией — просто положила меня ничком. Оно бы ничего — откуда взять Молиеров — да перо потом как-то из рук валится и совестно продолжать свой стрекозиный писк — вот что не совсем приятно — тем более, что уж коли ты сделался литератором, так уж и перестань быть готовым на что-нибудь другое. Молиер недаром про нас сказал:

Gens qui de leurs talents paraissent toujours
ivres —
Riches, pour tout mérite, en babil importun,
Inhabiles à tout, vides de sens commun [7].

---

[a] *В тексте публикации пропущено неразобранное слово.*

18 сентября. Спасское.

Вчера я приехал сюда более или менее здоровый — а сегодня Тютчевы вернулись из Москвы — все мы повторяем одну просьбу: приезжайте. Комната для Вас будет чистая и теплая, повар у меня порядочный, а встретим мы Вас с раскрытыми объятьями. Пишу Вам, как Вы говорили, в Симбирск. До свиданья, обнимаю Вас и остаюсь

Ваш Ив. Тургенев.

221. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21 сентября (3 октября) 1852. Спасское

Vous l'adresseriez au comptoir Iazykoff, qui a reçu mes instructions.— N'oubliez pas non plus la musique de Gounod.—

Dieu! que le temps court vite! C'est aujourd'hui le 21 sept. Ma lettre ne vous parviendra pas avant le 15 du mois prochain — c'est à peine si elle vous trouvera à Courtavenel. Où passez-vous l'hiver? — Pas à la rue de Douai, je suppose. Pendant que je vous écris ceci, mon frère et Tutchef parcourent nos terres pour le partage. Sa petite Olga est guérie, car s'il en était autrement, il devait m'écrire [1].

Chez Mr Panine, une demoiselle vous ressemblant un peu s'est avisée de chanter la prière de Marie de Rohan [2] avec une jolie voix de contralto assez exercée, mais qui se coupait de peur à chaque note.— Cela m'a fait de l'effet et réveillé bien des souvenirs.— Chez les bons vieux comme moi les souvenirs remplacent les espérances.— Cette demoiselle est restée assez longtemps en Italie — j'aurais été fort content de faire sa connaissance — sans madame sa mère, un de ces visages à expression mêlée de dignité farouche et de curiosité vulgaire — expression qu'on regrette de trouver souvent aux mères, ayant des filles à produire.— Un air rogue, une tenue majestueuse, les joues noblement pendantes — et l'œil d'une pie, clair et perçant — quand il ne vous observe pas en dessous. C'est peu joli — en somme.— Panine (c'était son jour de nom) — est un ci-devant farceur assez spirituel, marié et père de cinq enfants.— Quelle triste fin pour un farceur.— C'est du reste un bon diable et qui sait mordre encore quand l'occasion s'en présente, chose bien rare chez les campagnards... Vivat! la poudre arrive. A demain — à ce soir!

Lundi matin.

Je vous ajoute en toute hâte un petit mot — la chasse d'hier a été assez bonne — nous avons tué 22 pièces — j'en ai eu dix pour ma part.— Nous avons perdu beaucoup de temps dans un marais que le beau temps a séché.— Je repars dans un quart d'heure avec un Mr Andreef — Waxel m'ayant fait faux bond.—

Adieu, portez-vous bien. Soyez heureuse et gaie — je souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde à vous et aux vôtres. J'embrasse tout Courtavenel.

Votre J. Tourguéneff.

222. И. Ф. МИНИЦКОМУ

5 (17) октября 1852. Спасское

Спасское. 5-го октября 1852.

Я должен начать письмо мое к Вам, любезный Миницкий, с того, что я никак не ожидал, что буду писать к Вам 5-го октября — я думал, что Вы уже непременно будете здесь к этому времени [1]. Но, видно, судьбе было угодно иначе — и мне остается только просить Вас не замешкаться слишком в Одессе — тем более, что Вы, по Вашим словам, ни в кого не влюблены и ни на ком не женились — то бишь — ни за кого замуж не вышли. Что же касается до Вашего предложения насчет печатания моих комедий в Одессе — то не находите ли Вы, что мои литературные занятия и так причинили мне в последнее время довольно неприятностей [2]? Я решился долгое время ничего не печатать — но тем сильнее желаю работать — а для этого жду Вас, которые были так добры и согласились быть моим секретарем. И потому у меня только одна просьба: приезжайте поскорей — все здешние Вам кланяются и желают увидеться с Вами — будьте здоровы — и до свидания.

Искренно любящий Вас

Ив. Тургенев [3].

223. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

6 (18) октября 1852. Спасское

С. Спасское, 6-го октября 1852.

Я давно к Вам не писал и не отвечал на Ваше письмо, любезный Константин Николаевич, не потому, чтобы я забыл об Вас — напротив, возбужденный Вами во мне интерес никогда не уменьшался — но разные заботы вытесняли все другие мысли из моей головы — притом я почти

каждый день таскался на охоту. Теперь же выпал снег — птица вся улетела — и я, как пьяница после запоя, возвращаюсь опять к человеческим чувствам и понятиям, к желанию сообщения с людьми. Я пишу к Вам в Москву, в университет, в том предположении, что Ваше здоровье поправилось и что Вы опять туда вернулись. Во-первых, прошу Вас прислать ко мне сюда ту вещь [1], о которой Вы мне говорите в Вашем письме. Мне чрезвычайно хочется знать, как Вы поведете свой роман. Я считаю Вас очень способным к роману или повести — это ваше настоящее поприще. Ваш тонкий, грациозный, иногда болезненный, но часто верный и сильный анализ тут у места — я, помнится, Вам высказал то же мнение по поводу Вашей комедии [2]. Цепсура ее не пропустила, и после происшествий сегодняшнего года [3] нет причины предполагать, чтобы она стала снисходительнее — впрочем, это не беда, по крайней мере для Вас — не оттого, чтобы я думал, что Ваша комедия слаба — но оттого, что, мне кажется, человеку с истинным талантом спешить нечего. Писать же для денег — это должно делать только в крайнем случае. Кстати — извините меня за откровенность — не нужны ли Вам деньги? Я тогда обещал Вам — и не мог исполнить своего обещания, к крайнему моему сожаленью.— Я надеюсь, что Вы не станете со мной церемониться — и прямо скажете мне, нужны ли Вам деньги — или нет. Молодые таланты иногда скрывают желание явиться в печати под предлогом денежной необходимости — и предлог этот очень хорош — какому молодому человеку не нужны деньги — иные это делают бессознательно, но в Вас, при Вашей тонко развитой сознательности — предположить это нельзя— и потому, если Вы точно желаете выдти в печать, скажите мне это прямо — я, хотя сам литературный инвалид в отставке — могу еще помочь Вам, но во всяком случае пришлите мне Вашу вещь. Деньги же, если Вам нужны, возьмите у меня прямо и совершенно независимо от литературной Вашей деятельности.

Что вам сказать о себе? Я ничего не делал всё это время — планов много, но что изо всего этого выдет — бог весть. Желаю Вам здоровья и веселья — и в жизни, и в творчестве, и в ожидании от Вас скорого ответа, жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

Адресс мой всё тот же: Орловской губернии, в город Мценск.

224. ПОЛИНЕ ВИАРДО

13, 14 (25, 26) октября 1852. Спасское

Spasskoïé,
Lundi, 13/25 octobre 1852.

Imaginez-vous un ouragan, une trombe de neige qui ne tombe pas, qui se précipite, qui tourbillonne, *obscurcit* l'air tout en étant blanche, et couvre déjà la terre à hauteur d'homme. Voilà le temps qu'il fait ici à l'heure qu'il est, chère et bonne Madame V<iardot>. Vous autres, Européens, vous ne sauriez vous faire une idée de ce que c'est qu'une *métielle* russe. Heureusement qu'il ne fait pas très froid, sans cela que de victimes? Il y a deux ans, 800 personnes périssaient dans le seul gouvernement de Toula par une *métielle* semblable à celle-ci. Mais de mémoire d'homme on n'en a vu de pareille à cette époque. Il paraît que pour nous consoler du détestable été que nous venons de subir, l'hiver veut arriver plus tôt que de coutume. C'est l'histoire du monsieur qui épouse une femme laide et pauvre, *mais* bête! Et cependant je ne suis pas triste malgré ce temps affreux, malgré cet avant-goût des six mois d'isolement complet qui m'attendent. Je me sens au contraire tout ému et réjoui: c'est que j'ai devant moi la chère lettre que vous m'avez écrite à votre retour d'Angleterre à Courtavenel [1].

Ma chère et bonne amie, je vous supplie de m'écrire souvent; vos lettres me rendaient toujours heureux, mais c'est surtout maintenant qu'elles me sont devenues nécessaires; me voici cloué à la campagne pour je ne sais combien de temps, réduit à mes propres ressources. Pas de musique, pas d'amis; que dis-je? pas même de voisins pour s'ennuyer ensemble! Les Tutcheff sont d'excellentes gens, mais nous nageons dans des eaux trop différentes. Que me reste-t-il? Je crois vous l'avoir dit plus d'une fois: le travail et les souvenirs. Mais pour que l'un me soit facile et les autres moins amers, il me faut vos lettres avec ces bruits de vie heureuse et active, avec cette odeur de soleil et de poésie qu'elles m'apportent. A propos, mettez toujours quelques brins d'herbe ou de fleur dans l'enveloppe... Je sens ma vie qui s'enfuit goutte à goutte comme l'eau d'un robinet à demi fermé; je ne la regrette pas; qu'elle s'épuise... qu'en ferais-je? Il n'est donné à personne de retourner sur les traces du passé, mais j'aime à me le rappeler, ce passé charmant et insaisissable, par une soirée comme celle-ci, où, en écoutant les hurlements désolés de la bise sur toute cette neige amoncelée, il me semble... Fi! je ne veux ni m'attrister ni vous

attrister aussi par contre-coup... Tout ce qui m'arrive est encore très supportable, il faut se raidir sous le faix pour le moins sentir... Mais écrivez-moi souvent.

Ah! ma chère amie, comme j'ai tressailli au souvenir de ces *siestas* sous les peupliers, dont les feuilles se détachaient sans effort et venaient se poser doucement sur nous! Ah oui! que le ciel d'alors était bleu, je n'en verrai jamais d'aussi beau, je le crains bien. L'impression qui m'en est restée est si vive et si pénétrante que je n'ai qu'à fermer les yeux pour croire entendre le murmure clair et léger de ces feuilles déjà mortes, mais plus radieuses que jamais sur cet azur qui les baignait! Savez-vous que dans un passage de mon livre (l'avez-vous reçu?) je parle comme vous des arbres qui semblent *descendre* dans le ciel [2]? Ce n'est pas la première fois que le mêmes idées nous viennent...

Et de tristesse couronnée
La terre entre dans son sommeil...

Cette phrase de «L'Automne» de Gounod [3] me chante dans la tête depuis le commencement de cette page... pourquoi faut-il que je ne puis penser à G⟨ounod⟩ comme autrefois?[4] C'est égal. Son «Automne» est adorable. Je me sens tout pénétré d'attendrissement, il faut s'y arracher, car à quoi bon?

Je viens d'ouvrir pour un instant la porte de mon balcon... Brrrrr! quelle bouffée de froid sombre, de vent glacial et de neige... Diane, qui s'était levée, recule d'horreur... Ah! pauvre petite, tu n'es pas habituée à un climat pareil. Pauvre française, va! Allons, mettons-nous l'un à côté de l'autre et pensons à Courtavenel. A demain. Mais je ne vous quitte pas.

Mardi.

Aujourd'hui, il fait un temps étrange, mais assez agréable. L'air est rempli de brouillard; pas le moindre vent, tout est blanc, le ciel et la terre; la neige fond à petit bruit. On entend partout le chuchotement de gouttelettes d'eau qui tombent; il fait très doux. Nous allons, mes deux chasseurs et moi, faire une excursion à quelques verstes d'ici; nous espérons tuer pas mal de lièvres. J'ai commencé, selon votre désir, un petit traité sur le «Jeu du paysan», qui remplira au moins 4 pages, et que je vous enverrai mardi prochain; je ne croyais pas que cela pût devenir aussi long[5]... Mon chasseur vient d'entrer en me disant: «Ah, monsieur, il faut partir; la terre *prend un bain tiède* après la *métielle*

d'hier». J'ai fait atteler deux traîneaux, nous allons inaugurer le traînage. Chère amie, j'adore votre petite Claudie — demandez-lui la permission de lui baiser ses petites menottes de ma part.

Dites à Viardot que j'ai lu sa lettre avec grand plaisir [6]. Le petit conte de la fin est plaisamment imaginé; mais ces sortes de choses sont comme les tours de force des pianistes, toute la difficulté (et tout le mérite) gît dans *l'exécution*. Mais, un jour ou l'autre, nous verrons. J'écrirai mardi prochain deux mots à la petite Pauline. Savez-vous qu'il y a bientôt deux ans qu'elle est à Paris? Elle y est arrivée le 5 nov. 1850.

Adieu, chère et bonne amie, à bientôt. Je vous embrasse bien tendrement les mains et vous souhaite tout le bonheur possible. Mille amitiés à tout le monde.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Passez-vous tout votre hiver à Paris? Il paraît qu'on donnera «Le Prophète» à Pétersbourg cet hiver avec la Cruvelli [7]. J'ai été bien content de lire ce que Chorley a dit dans l'«Athenæum» de votre voix et de vous [8].

225. К. С. АКСАКОВУ

16 (28) октября 1852. Спасское

С. Спасское.
16-го окт. 1852.

Благодарю Вас душевно, любезный Константин Сергеевич, за Ваше письмо [1]. Скажу Вам прямо, что я сам во многом разделяю Ваше мнение о моих «Записках» — и говорю это вовсе не из желанья пощеголять своею скромностью — а потому что чувствую это сам — и уже давно. «Зачем же я издал их?» — спросите Вы,— а затем, чтобы отделаться от них, от этой *старой манеры* [2]. Теперь эта обуза сброшена с плеч долой... Но достанет ли у меня сил идти вперед — как Вы говорите — не знаю. Простота, спокойство, ясность линий, добросовестность работы, та добросовестность, которая дается уверенностью — всё это еще пока идеалы, которые только мелькают передо мной. Я оттого, между прочим, не приступаю до сих пор к исполнению моего романа [3], все стихии которого давно бродят во мне — что не чувствую в себе ни той светлости, ни той силы, без которых не скажешь ни одного *прочного* слова. Пример Григоровича хоть кого устрашит [4] — а не

в таланте же недостает ему! С другой стороны, жизнь торопит и гонит — и дразнит и манит.. .Трудно современному писателю, особенно русскому, быть покойным — ни извне, ни извнутри ему не веет покоем...

Соглашаясь совершенно с Вашими замечаниями насчет моих «Записок» — и приняв их *к сведению* для будущих моих работ — я не могу разделять Вашего мнения насчет «людей-обезьян, которые не годятся в дело для искусства...» [5]. Обезьяны добровольные и главное — самодовольные — да... Но я не могу отрицать ни истории, ни *собственного права* жить; — претензия отвратительна — но страданью я сочувствую. Трудно объяснить всё это в коротком письме. . . Но я знаю, что здесь именно та точка, на которой мы расходимся с Вами в нашем воззрении на русскую жизнь и на русское искусство — я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите успокоение и прибежище эпоса...[6] Но повторяю, об этом можно говорить и спорить — но писать трудно.

С стыдом сознаюсь, что не прочел еще Вашей статьи в «Сборнике» [7] — но я всё лето решительно не брал в руки ни пера, ни книги.— Желаю Вам успеха в новой Вашей работе. Мне приятно слышать, что 2-й № «Сборника» выйдет [8].— Вы не получали моего письма от 7-го июня? [9] — Кланяйтесь всем Вашим — бог знает, когда придется увидеться — а хотелось бы. Не забудьте написать мне, долго ли Вы еще пробудете в Абрамцеве.

Прощайте — крепко жму Вам руку и остаюсь

искренно Вас любящий и уважающий

Ив. Тургенев.

226. С. Т. АКСАКОВУ

17 (29) октября 1852. Спасское

С. Спасское.
17-го окт. 1852.

Очень обрадовало меня Ваше письмо [1], любезный и почтенный Сергей Тимофеевич,— и я спешу отвечать. Но прежде должен спросить у Вас — получили ли Вы письмо, посланное мною к Вам 7-го июня — в ответ на Ваше тройное письмо? [2] Мне было бы очень досадно, если б оно затерялось — я в нем благодарил Вас душевно за Ваше участие — в будущем Вашем письме скажите мне, получили ли Вы его.— Я действительно проведу всю зиму

в Спасском — и потому надеюсь переписываться с Вами часто. А зима уже настала — и какая! Такой ранней зимы никто не запомнит. Охоту мою она отрубила, как топором. 1-го октября еще было множество вальдшнепов — 2-го они уже почти все исчезли. Я, однако, на свое ружье убил в теченье нынешнего года 304 штуки, а именно — 69 вальдшнепов, 66 бекасов, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатку, 25 перепелов, 16 зайцев, 11 коростелей, 8 курочек, 4 утки, 1 гаршнепа, 1 кулика. Мои два охотника убили около 500.— Эти числа кажутся велики — но, приняв в соображение, как много и как далеко я ездил — нельзя сказать, чтобы я охотился удачно. Я ездил за тетеревами в Козельск и Жиздру, за болотной дичью — в Карачев и Епифань.— Очень сожалею я о Вас, при виде этой резко-белой, мертвой снеговой скатерти — говорят, людям с слабыми глазами хорошо носить черный вуаль, когда они идут гулять зимой.

Как я рад, что мои предсказания насчет Ваших «Записок» сбылись — и Вы уже готовите второе издание![3] Рецензию мою на Вашу прекрасную книгу я только что кончил (я засел за нее в первый же день выпавшего снега — всё лето я пера в руки не брал) — и отправляю ее с нынешней почтой в Петербург [4]. Впрочем, в моей рецензии Вы бы не нашли ничего такого, что бы следовало исправить в Вашей книге — я только изъявляю сожаление, что, перестав охотиться лет 10 тому назад, Вы не могли дать статьям о ружьях, собаках и пр. ту полноту и подробность, которые мы встречаем, напр., в книге Э. Блаза «Le Chasseur au chien d'arrêt» — образцовой книге для *французской* охоты, которую я знаю тоже по опыту [5]. Но главное достоинство Вашего сочинения не в том, чтобы служить руководством для начинающего охотника, хотя много дельных замечаний и советов рассыпано на каждой странице; Ваша книга останется в литературе русской на более почетной степени — *такой* книги еще у нас не бывало — и я буду очень рад, если моя рецензия еще раз докажет это русской публике, которая, впрочем, вовсе не ждала этого доказательства, чтобы раскупить Вашу книгу.

Всё, что Вы мне говорили о моей литературной деятельности — мне очень дорого и лестно [6] — я очень высоко ставлю Ваше мнение — и буду стараться не обмануть Ваших ожиданий — я распоряжусь так, что всё, что бы я ни написал, будет Вам доставлено, а работать я намерен.— К сему письму приложено от меня несколько слов

К⟨онстантин⟩у С⟨ергеевич⟩у — насчет его замечаний, которые я большею частью признаю справедливыми — хотя в коренном нашем воззрении на русскую жизнь, а оттого и на русское искусство, мы расходимся [7]. Он это, я думаю, знает — но чего он не знает, может быть, вполне, это — та горячая симпатия, которую я чувствую к его благородной и искренней натуре.— И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, говорят, хотел мне писать — но письма от него я не получал [8].

Напишите мне, пожалуйста, долго ли Вы намерены пробыть в деревне — и далеко ли она от Троицкого монастыря.

Я очень понимаю все затруднения, которые Вам придется встретить при составлении биографии покойного Загоскина [9] — но все-таки это будет подарок для всех любящих словесность — и Вам надобно кончить этот труд поскорее.

Прощайте, добрый мой Сергей Тимофеевич. Как бы хотелось сказать: до свидания... Но в этом волен — не я. Желаю Вам быть здоровым и веселым и остаюсь

душевно Вас любящий

Ив. Тургенев.

227. П. В. АННЕНКОВУ

19 (31) октября 1852. Спасское

С. Спасское.
19-го окт. 1852.

Милый Анненков, что же Вы от себя весточки никакой не даете? Я к Вам писал около месяцу тому назад и приглашал Вас посетить меня здесь на возвратном пути в Петербург. Вы бы, вероятно, известили меня, по крайней мере, если бы это Вам было невозможно, и я Ваше молчание считал залогом Вашего посещения. Но, может быть, мое письмо не дошло до Вас? [1] Я решился писать к Вам вторично и просить во всяком случае ответить мне, приедете ли Вы, нет ли. Мысль об Вас по многим причинам пришла мне сегодня в голову — во-1-х) на дворе такая страшная ку́ра и метель, что дает самый лучший avant-goût предстоящих зимних наслаждений, а во-2-х) я прочел Ваше письмо о татарском банкире и переправе через Каму [2]. Я его до сих пор не читал, и мне ужасно стало досадно, что я, бывало, ничего не говорил в Петербурге Арапетову, когда он по своей любезной привычке принимался тяжело глумиться над Вами, именно по поводу это-

го письма [3]. Оно мне очень понравилось — а конец (Юра и особенно переправа через Каму) — просто превосходен. Начало длинно и — главное — слишком подробно в анализе мотивов каждой мысли. Мысль тоже, как пространство и время, есть делимое in infinitum, ее никак исчерпать нельзя — да и не нужно. Ради бога приезжайте — хоть на несколько дней — мне так бы хотелось поболтать с Вами. Тютчевы прекрасные люди, но с ними както не говорится. А⟨лександра⟩ П⟨етровна⟩ вся поглощена своим мужем — он занят — а с остальными не разговоришься [4]. Я начинаю чувствовать, что значит жить в провинции — только теперь и понимаю, как можно с нетерпеньем ожидать книжку русского журнала и прочесть ее от доски до доски.

В случае, если Вы не получили моего первого письма, знайте, что я живу в 10 верст⟨ах⟩ от Мценска, города, лежащего на Орловском шоссе, и что в Мценске стоит только спросить Спасское-Лутовиново — и всякий Вам растолкует.

Я чувствую, что очень невежливо звать Вас на совместное деление деревенской скуки — но я надеюсь, что Вы не откажетесь пожертвовать нам несколькими днями, которые мы всячески постараемся наполнить, но главную полноту Вы должны сами привезти с собой, это — биографию Пушкина.

Прощайте или до свиданья — во всяком случае напишите два слова. Крепко жму Вашу руку.

Любящий Вас Ив. Тургенев

228. ПОЛИНЕ ТУРГЕНЕВОЙ

21 октября (2 ноября) 1852 (?). Спасское

Pour Paulinette.

Chère Paulinette, ta gentille petite lettre [1] m'a fait rougir de ne t'avoir pas écrit depuis si longtemps. Ne vas pas croire que je t'oublie pour cela, ou que j'aie moins d'affection pour toi; je t'aime véritablement, et tout ce que l'on m'écrit sur ton compte m'attache davantage à toi; mais j'ai eu une foule de préoccupations de tout genre, ce qui ne m'a pas empêché de penser bien souvent à toi.— Te voilà déjà grande fillette, à ce qu'on me dit; je serai bien content de te voir et j'espère bien que nous nous reverrons un jour, mais tout cela est encore fort incertain [2]. En attendant, conduis-toi bien, travaille, aime surtout tes deux bon-

nes mamans[3] — et] ne m'oublie pas.[a] Ne doute jamais de mon affection.— Ton oncle Nicolas se porte bien — il est à Moscou avec sa femme.— Je prie Mme Viardot de m'envoyer ton daguerréotype[4] — dis-lui de le faire si c'est possible.— Adieu, chère petite, porte-toi bien. Je t'embrasse de tout mon cœur.

Ton père
J. Tourguéneff.

229. П. В. АННЕНКОВУ

28 октября (9 ноября) 1852. Спасское

С. Спасское.
28-го октября 1852.

Коли Вы обрадовались моему письму[1], любезный Анненков, то можете представить, как я обрадовался Вашему[2]. Я его получил вчера и отвечаю словом в день моего рождения, в который мне стукнуло не 28, как Вы думаете, а целых 34. Ваше письмо так умно и дельно и столько видно в Вас истинного расположения ко мне и к моим работам, что я должен Вас от души благодарить за него. Всё, что Вы говорите — я чувствую так же ясно, как и Вы — это истина неоспоримая — и я подписываюсь под каждое слово. Надобно пойти другой дорогой — надобно найти ее — и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров разводные эссенции — triples extraits — чтобы влить их потом в маленькие сткляночки — нюхайте, мол, почтенные читатели — откупорьте и нюхайте — не правда ли пахнет русским типом? Довольно — довольно![3] Но вот вопрос: способен ли я к чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мне простые, ясные линии... Этого я не знаю и не узнаю до тех пор, пока не попробую — но поверьте мне — Вы от меня услышите что-нибудь новое — или ничего не услышите[4]. Для этого я почти рад моему зимнему заключению — я буду иметь время собраться с духом — а главное — в уединении стоит человек от всего далеко — но особенно от литературы — журнальной и всякой; а из меня может выйти что-нибудь только по уничтожении литератора во мне — но мне 34 года — а переродиться в эти годы трудно. Ну — увидим.

Хорошо уединение, спору нет — но для того, чтобы оно принесло какую-нибудь пользу — надобно, однако,

[a] *Далее начато*: Parlo⟨ns⟩

чтобы оно хоть изредка оживлялось беседой и столкновением с умным человеком, которого любишь и которому веришь. Вы такой человек — и если Вы действительно чувствуете участие к будущности моего таланта — то Вам непременно надобно приехать ко мне из Москвы на 5 дней[5]. Тютчевы (которые, скажу в скобках, Вас очень помнят и любят)[6] люди прекрасные — но в деле литературном судьи плохие, хотя нелицемерные и откровенные,— из их похвал — так же как из их порицаний — я ничего не могу почерпнуть. А кроме их, никого нет — или есть... (?)[a], которые ни на что полезными быть не могут. Оттого-то я жду Вас непременно и умоляю заехать ко мне в ноябре.

Я понимаю, как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина — но что же делать? Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий. Я бы на Вашем месте кончил ее ex abrupto — поместил бы, пожалуй, рассказ Жуковского о смерти П⟨ушкина⟩, и только[7]. Лучше отбить статуе ноги — чем сделать крошечные не по росту. А сколько я мог судить, торс у Вас выйдет отличный. Желал бы я, говорю это откровенно, так же счастливо переменить свою манеру, как Вы свою в этой биографии. Вероятно, под влиянием великого истинно древнего по своей строгой и юной красоте пушкинского духа Вы написали славную, умную, теплую и простую вещь. Мне очень хочется дослушать ее до конца. Еще причиной больше Вам сюда приехать.

Прощайте, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩.— Гости уже начинают наезжать. В другом письме я Вам кое-что порасскажу из здешней жизни. Вы мое 2-е письмо получили?[8] Крепко жму Вашу руку и остаюсь

весь Ваш Ив. Тургенев.

230. Н. А. НЕКРАСОВУ

28 октября (9 ноября) 1852. Спасское

С. Спасское.
28-го окт. 1852.

Милый Некрасов, получил я вчера твое письмо[1] в ответ на мое первое[2]. Пожалуйста — заведем переписку —

---

[a] *Так в тексте публикации — по-видимому, неразобранное слово.*

всё не так мне скучно будет.— Вообрази, что сегодня здесь такая метель, какой я давно не видывал — какая ярость в этом вихре — этого описать нельзя — кажется, ему хотелось бы сорвать долой всё — в воздухе мутная и безумная кутерьма, завыванье — судорожные порывы... Чёрт знает что такое! Вот тут и живи в деревне.— Сегодня день моего рождения — мне стукнуло 34. Порядочное количество лет — а куда все эти годы ушли — и на что! Опять-таки чёрт знает. Впрочем, я не чувствую особенной хандры — что-то дальше будет.— Спасибо тебе за твое милое описание новгородских охот etc.— Жду с нетерпением твоих стихов [3]. Ты уже из 2-го моего письма [4] можешь видеть, какое впечатление произвело на меня «Детство». Ты прав — это талант *надежный* [5]. В одном упоминовении женщины под названием La belle Flamande, которая появляется к концу повести — целая драма [6]. Пиши к нему — и поощряй его писать. Скажи ему, если это может его интересовать — что я его приветствую, кланяюсь и рукоплещу ему.— 2-ая часть «Батманова» — из рук вон плоха. Ну этот Писемский! Может он начать гладью, а кончить гадью — а все-таки замечательный талант, хоть я и очень смеялся прозвищу, которое ты ему дал [7].

Я было начал читать «Ульяну Т⟨ерентьев⟩ну» [8] — да что-то мне показалось, что это — нашего поля ягода — старая погудочка на новый лад. Однако я теперь прочту всю эту повесть — и скажу тебе мое мнение. Другой его повести я не прочел [9] — «Современник» еще не пришел — хотя «Б⟨иблиотека⟩ для ч⟨тения⟩» и «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩» пришли.

Боже мой! Боже мой! Посмотри, какую исполненную претензий мерзость тиснул Щербина в «Москвитянине»! [10] И это он смел сделать после гётевской «Ифигении»!.. И поместил еще важные примечания в виде прибавления [11], из которых читатель узнает, что греки воевали за Елену и что эти греки, которых называют также ахеями (этакая ученость!), употребляли восклицание φεῦ, φεῦ и οἴμοι, οἴμοι! Верно, легче толковать о восклицании φεῦ, φεῦ — чем написать один поэтический стих. Что за поганые вирши! Неужели Новый поэт оставит это без внимания? [12] Положим — это гадость — но как ее размазали! Обидно! И наконец надобно покончить с этим господинчиком, который довольно подфунил в нашей литературе. Новый поэт! обращаюсь к тебе — рекомендую тебе его.

Я от Анненкова получил вчера письмо [13] до того умное, что я, ей-богу, давно не читывал ничего подобного. Это преудивительный человек. Говорит, что к ноябрю кончит биографию Пушкина [14].

Рецензию на А<ксаков>а переписывают — и через неделю ее вам пошлют [15]. Она, я думаю, будет забавна.

Пишешь ты мне, чтобы я прислал тебе что-нибудь. Я думаю, брат, мне надо эту зиму помолчать — по многим причинам [16]. Но я тебе обещаю одну вещь [17], которая, я надеюсь, тебе понравится — что такое — не скажу — увидишь — а получишь ты ее, может быть, через месяц.

Роман Готорна [18] переведен весьма плохо — слог совершенно пропал; это — жаль.

А впрочем, прощай — будь здоров — поклонись от меня А<вдотье> Я<ковлевне>, П<анаев>у, Лонгинову и всем друзьям.— Где Маслов? Всё в деревне? Напиши мне об нем.

Твой
Ив. Тургенев.

231. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28 октября, 1, 4 ноября (9, 13, 16 ноября) 1852.
Спасское

Spasskoïé,
le $\frac{\text{28 octobre}}{\text{9 novembre}}$ 52.

C'est aujourd'hui mon jour de naissance, chère et bonne Madame Viardot — et c'est pour cela que je vous écris.— Je pense naturellement et immédiatement à vous — à toutes les époques un peu marquantes de ma vie.— J'ai trente-quatre ans. Je croyais n'en avoir que 33, mais j'ai découvert l'un de ces jours un petit carnet de ma mère où *nos* naissances (celles de mon frère et la mienne) ont été inscrites par elle — le jour-même.— J'y ai trouvé l'inscription suivante: Aujourd'hui, 28 octobre 1818 je suis accouchée d'un fils nommé Jean... [1] à Orel, à midi.— J'ai donc trente-quatre ans bel et bien sonnés.— Diable, diable, diable — c'est que je ne suis plus jeune, mais du tout, du tout.— Enfin!

Je crois vous avoir parlé dans ma dernière lettre d'une *métielle* russe — aujourd'hui c'est un véritable ouragan — c'est tellement affreux et horrible que ça en devient beau.— La maison tremble et craque — et puis ces *ténèbres blanches* qui tourbillonnent devant les fenêtres. ... Mon pauvre frère devait arriver aujourd'hui chez moi directement d'un

assez long voyage — j'espère qu'il aura trouvé un abri quelque part; Tutcheff et sa femme sont revenus hier — en même temps que moi, j'ai fait une excursion de deux jours à Orel, ville qui se trouve à 55 werstes de chez moi. J'ai tâté un tant soit peu de la vie de province dans un chef lieu de gouvernement, c'est passablement triste.— Je suis bien décidé à ne pas mettre le nez dehors et à travailler dans mes quatre murs.— A demain chère et bonne amie — je vous souhaite santé, bonheur et bonne humeur.

$\frac{\text{1-er}}{13}$ novembre.

Je ne vous ai pas écrit ces jours-ci — mais il faut que je vous écrive aujourd'hui... C'est encore un anniversaire — et savez-vous lequel? — Il y a aujourd'hui juste neuf ans que je vous ai vue pour la première fois chez vous — à Pétersbourg — dans la maison Démidoff [2]. Je me souviens de cette première visite comme si elle avait eu lieu hier.— C'était le matin — je n'étais pas venu seul — le petit major Komaroff m'accompagnait... Eh bien! malgré le ridicule achevé de ce personnage, j'ai toujours du plaisir à penser à lui — sa figure éveille une foule d'idées et de souvenirs; le hasard l'a associé à ce temps si regretté et si éloigné de moi — je sens renaître en moi les impressions de cette saison de 1843 à 44... Neuf années! — Hélas — il y en aura dix que je n'aurai pas plus d'espoir de vous revoir que je n'en ai maintenant...[3]

Ce qui me manque ici surtout — c'est d'entendre de la musique.— Voilà six mois que j'en suis sevré, mais complètement.— Mme Tutcheff semble vouloir l'abandonner — j'ai eu hier toutes les peines du monde à la mettre au piano.— Je l'ai priée de jouer le final de «D〈on〉 Juan» [4]. Elle déchiffre bien et a le sens musical — mais elle aime à se renfermer dans sa coquille — surtout depuis la mort de sa fille.— Puis elle aime trop son mari — et n'est heureuse qu'auprès de lui — elle me rappelle quelquefois ces petites perruches vertes, dites inséparables, qui se tiennent constamment côte à côte.— Malheureusement son mari n'aime la musique que modérément — ou plutôt il l'aime, comme beaucoup de monde, pour autre chose que pour ce qui est musique en elle.— Il y a, par exemple, des peintres, dont les jouissances musicales proviennent du sentiment du coloris, de l'harmonie des lignes etc.; la plupart des littérateurs ne recherchent en fait de musique que les impressions littéraires — ce sont en général de mauvais auditeurs et de

mauvais juges — Tutcheff, qui n'a aucune spécialité — n'aime en fait de musique que ce qui ébranle vaguement certaines sensations, certaines idées en lui — c'est à dire qu'au fond il l'aime peu — qu'il peut très bien s'en passer — et qu'il préfère le *connu*.— Personne ici n'a la *faim* musicale qui me tourmente.— La sœur de Mme T⟨utcheff⟩ [5] — jeune personne très bornée, très sentimentale et très contente d'elle-même, me donne sur les nerfs par ses extases, qui arrivent invariablement dès la première note — et qu'elle a l'air de distribuer toutes chaudes et toutes prêtes comme les galettes du Gymnase [6]; sa sœur est une nature bien plus élevée et plus sérieuse — mais un peu sèche... et puis, je le répète, il y a ce terrible absorbant de mari! — Tout cela fait que je suis privé de musique... Cependant je compte aller l'un de ces jours chez un de nos voisins (à 50 werstes d'ici) qui a tout un orchestre avec un maître de chapelle allemand... Mais je ne puis me figurer ce que peut être un orchestre — acheté — car ce voisin a acheté les musiciens en masse [7].— Je vous en parlerai.—

Chère et bonne Mme V⟨iardot⟩ — aujourd'hui — comme il y a neuf ans — comme dans neuf autres années encore — je suis à vous de cœur et d'âme — vous le savez bien! —

Ce 4/16 novembre, mardi.

Chère Madame V⟨iardot⟩ — bonjour.— J'espère que je vais bientôt recevoir une lettre de vous — il y a aujourd'hui trois semaines que la dernière m'est venue.— Je n'ai rien de nouveau à vous dire — il fait toujours un temps affreux.— J'ai tant persécuté Mme T⟨utcheff⟩ qu'elle s'est mise hier au piano et avec l'aide de sa sœur — elle m'a joué plusieurs fois de suite l'ouverture de «Coriolan» de Beethoven (à quatre mains) [8]. Quel chef-d'œuvre! — Je ne connais pas d'ouverture qui vaille celle-là.

Vous devez être déjà de retour à la rue de Douai — dites-moi comment vous passez vos journées.— Vos samedis continuent-ils? Que lisez-vous? — Pour moi, je suis plongé jusqu'au cou dans les chroniques de Russes [9].— Je ne lis pas autre chose quand je ne travaille pas.— Comment trouvez-vous cette fin d'une vieille chanson russe? (Il s'agit d'un jeune homme assassiné et couché «sous un buisson»).

«Ce n'est pas une hirondelle
«Qui s'agite autour de son nid —
«C'est une mère qui s'agite autour de son fils.
«Elle pleure — c'est comme une rivière qui coule;

«Sa sœur pleure — c'est comme un ruisseau qui court;
«Sa jeune femme pleure — c'est comme la rosée qui tombe;
«Le soleil se lève; il sèchera la rosée [10].

Vous ne sauriez croire ce qu'il y a de grâce, de poésie et de fraîcheur dans ces chansons.— Je vous en enverrai quelques-unes traduites... Cette promesse me rappelle une *autre* traduction... Tiens; et «Le Jeu du paysan» que je ne vous envoie pas [11]! Vous l'aurez dans une semaine — cela me servira de prétexte pour vous écrire encore une fois.— D'ici là, soyez heureuse et bien portante.— Mille amitiés à tout le monde — Je vous embrasse les mains avec tendresse.

Votre J. T.

232. С. И. МЕЩЕРСКОЙ

8 (20) ноября 1852. Спасское

Spasskoïé,
ce 8 novembre 52.

Chère et bonne princesse — tiens — j'ai commencé en français — et je continuerai de même — car après tout il me semble que vous lisez le russe assez difficilement — j'ai reçu votre lettre — à laquelle par parenthèse il manque une page — votre dernière phrase n'est pas terminée. «Monsieur a eu» — et l'on ne sait pas ce qu'il a eu — j'ai donc reçu votre lettre — et tout en vous remerciant il faut que je vous gronde un peu.— Vous y parlez encore de «l'ennui que vous me causez», etc. Serait-ce de la coquetterie? C'est ainsi que je l'entends — mais comme en même temps l'expression de vos doutes me cause de la peine, je ne vous dirai pas toutes les choses affectueuses qui me viennent à l'esprit en pensant à vous — je les réserverai pour réponse à une lettre où vous ne parlerez plus de Mme Du Deffand ni de Walpole, ni d'autres exemples historiques, fort justes, et fort peu concluants [1]. Et puis, voici une règle générale que je vous recommande: il y a deux choses qu'il est au moins fort inutile d'analyser: 1°) Comment un honnête homme l'est devenu, et 2°) De quoi consiste l'affection qu'on a pour quelqu'un... Pourvu que cette affection existe, et j'espère que vous ne doutez pas de la mienne.

Quant au reproche de vous écrire peu de lettres,— voici ma réponse: c'est la neuvième lettre que je vous écris depuis mon arrivée ici — et j'en ai écrit exactement le même nombre à Mme Viardot, avec laquelle j'ai eu de tout temps une

correspondance suivie.— J'avoue que je suis paresseux — mais non pas oublieux.

Mes deux missives russes vous ont déjà dit mon opinion sur l'excursion au Caucase. Je dois vous avouer que ma santé s'est détraquée de nouveau depuis quelque temps; ma gastrite a repris de plus belle, j'ai des frissons, des palpitations de cœur, des crampes toutes les nuits, malgré la diète la plus sévère; j'ai des maux de tête, qui reviennent tous les jours à la même heure, etc., etc. Les pastilles de Vichy ne m'ont pas fait grand bien — je me suis mis à prendre des pilules que m'a prescrites le Dr Rayer de Paris. En voilà assez sur ce sujet — ce n'est pas d'hier que mon estomac est délabré — je m'y suis accoutumé. D'autres médecins m'ont assuré, il est vrai, que c'est mon cœur qui n'est pas en ordre — et tous ont fort mauvaise opinion de mes nerfs... Je vous avoue que leur science ne m'a jamais inspiré qu'une confiance fort médiocre, et je préfère en ceci, comme en toute chose, suivre la pente de la rivière, sans même me livrer à ces «rare and great efforts» qu'un certain crayon a soulignés dans le *Scarlet Letter* [2].

Connaissez-vous ce crayon?

Comment avez-vous fait pour vous donner une entorse? J'espère qu'elle sera passée quand vous recevrez ma lettre. Je vois dans les journaux que le choléra est à Pétersbourg — soyez prudente. Nous avons eu ici deux ou trois cas de choléra, mais personne n'est mort.

Ainsi donc la belle Mme Kalerdji est à Pétersbourg. Vous vous trompez si vous croyez que j'aurais été du nombre de ceux qui se pressent à ses pieds comme vous dites; je l'ai vue plusieurs fois à Paris, dans le temps où par parenthèse elle était toute amoureuse «innamorata morta» du général Cavaignac; il est vrai de dire que cet amour s'évanouit avec les chances de l'élection présidentielle du susdit général... Elle ne m'a jamais plu. Son esprit est tout taillé de facettes comme un petit diamant, qu'on veut faire briller autant que possible — et puis elle est nonchalante, languissante, minaudière et gâtée — elle roule languissamment sa grosse tête sur ses grasses épaules, elle se meut à peine... j'aime les femmes agiles et sveltes de corps et d'esprit. Mais je conçois fort bien qu'elle puisse plaire et tourner des têtes — ce que je lui souhaite de tout mon cœur.

L'hiver ne se passera certainement pas sans que j'aille passer quelques jours chez les Tutcheff [3], mais je ne saurais préciser l'époque de ma visite.

A propos, ne pourriez-vous pas demander au c-te Tol-

stoy... mais c'est une question bien délicate, l'adresse d'une certaine Mme Miller, née Bachmetieff, qui habite la province de Riazan, je crois. Il paraît que Tolstoy en est très amoureux. Je voudrais entamer une correspondance avec elle — je crois vous avoir raconté la manière dont j'ai fait sa connaissance — à un bal masqué. Si elle a autant d'esprit sur le papier que de vive voix, ses lettres doivent être intéressantes. Mais je conviens qu'il vous est impossible de demander un pareil renseignement au c-te, et je vous prie de me pardonner une aussi excentrique proposition. Cependant, j'aurais été content de connaître son adresse.

Jusqu'à présent, je ne me suis pas ennuyé un instant à la campagne; il est vrai que je travaille beaucoup. J'irai dans dix jours à Orel pour savoir ce qu'on aura répondu de Pétersbourg et je vous le dirai.

Adieu, chère et bonne princesse; soyez bien portante, heureuse et croyez à l'affection sincère que vous a vouée

votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

P. S. Pour que l'adresse soit complète, il me faudrait aussi le nom et prénom (имя и отчество) de la personne en question.

233. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12, 23 ноября (24 ноября, 5 декабря) 1852. Спасское

Spasskoïé,
le 12/24 novembre 52.

Chère et bonne Madame V⟨iardot⟩. J'ai reçu hier une lettre [1] de vous après un mois de silence.— Les jours où je reçois des lettres de vous — sont mes jours de fête.— Celle d'hier m'a rendu tout à fait heureux — je suis bien content que la petite Pauline ait bon cœur et sache se faire aimer.— Aussitôt après avoir lu votre lettre, je suis allé à la bibliothèque prendre Racine et je me suis récité la scène d'«Athalie» [2] en question.— Savez-vous qu'elle est bien difficile — surtout pour Athalie? — Je ne sais vraiment ce que je n'aurais pas donné pour pouvoir assister à cette représentation au grand salon — est-il vraiment possible que je ne revoie jamais Courtavenel? — Je ne veux pas y croire...

Komaroff est un sot — cela ne fait pas l'ombre d'un doute — mais il n'aurait pas été en état de vous dire grand-chose sur mon compte — je ne l'ai presque pas vu depuis mon re-

tour en Russie [3]. — Il est riche à présent — ses parents étant morts — mais plus stupide que jamais.

Vous devez déjà savoir à présent que Tamberlik n'est pas mort, Dieu merci. — On m'écrit de Pétersbourg que l'opéra y est détestable [4]. — On pense beaucoup à vous et les c-tes W‹ielgorsky› parlaient beaucoup de vous faire des propositions pour le reste de la saison [5]. — Si vous alliez à Pétersbourg — voilà qui serait cruel pour moi! — On y monte «Le Prophète» — avec changements — pour Lablache [6]. — Le choléra n'est pas très violent à Pétersbourg — cependant, il fait mine de revenir sur ses pas; nous avons eu quelques cas ici — mais pas un mortel.

Je reçois l'«Athenaeum» — et je reconnais les articles de Chorley à un certain mélange de bon sens, de loyauté et de *quaintness* un peu recherchée, — qui n'appartient qu'à lui. — La seule chose que je puisse lui reprocher, c'est d'écrire de temps en temps des pièces de vers dans le goût de Tennyson, — que j'ai en horreur — c'est le Marini de notre temps. — A force de chercher la nouveauté et la grâce dans l'expression — ces poètes modernes deviennent inintelligibles. — Ils me font l'effet de gens qui se demanderaient: Où et comment dois-je me gratter? — et qui finissent par se gratter le bout du nez avec la main *gauche* — passée derrière la tête et l'oreille *droite*. Oyez plutôt:

Could you not drink her gaze like wine?
Yet, though their splendour swoon
Into the lamplight languidly
As a tune into a tune
Those eyes are wide and clear — as if
THEY SAW THE STARS AT NOON!!
(Athenæum N. 1304.) [7]

O Byron! Où es-tu? — Toi, qui t'es moqué de Keats pour avoir dit d'une coupe de vin qu'elle était

«full of provençal song and sunburnt mirth» —

qu'aurais-tu dit de ces yeux qui voient des étoiles en plein midi [8]? — Traduisez le tout s'il vous plaît pour la jubilation de votre mari. — Notre littérature offre aussi des exemples d'une pareille tendance — il faut la combattre avec acharnement — pour cela il n'y a pas de meilleur antidote que la lecture des anciens — de ces anciens si vigoureux, si simples et si beaux — ou bien de l'adorable Cervantès, que j'espère traduire un jour, si je ne meurs pas d'ici là [9],

Si vous désirez savoir ma façon de vivre ici — je vais vous la dire en peu de mots: j'ai trouvé qu'il n'y a qu'un seul moyen de combattre l'ennui — c'est. . . que croyez-vous? — c'est l'uniformité.— Je m'explique: j'ai partagé ma journée en certaines parties, destinées à certaines occupations toujours les mêmes — et je ne me dépars jamais de l'ordre établi.— Cela fait que je ne trouve jamais le temps trop long — c'est comme quand on marche dans une route connue et dont le but est fixé par vous-même: où il n'y a pas d'impatience et d'incertitude — il n'y a pas d'ennui — du moins il n'y a pas de cet ennui qui vous pèse et vous agite.— Je fais en même temps beaucoup d'ouvrage: je viens d'achever un petit roman [10] d'une centaine de pages — et je lis énormément.— Mais je ne vais nulle part — car j'ai remarqué que le moindre dérangement dans cet ordre établi dont je viens de parler est surtout nuisible pour les jours suivants, qui paraissent alors un peu plus lourds à mener jusqu'au soir.— Voici du reste mes occupations de la journée.— Je me lève à 8 h.— Je déjeune, etc., jusqu'à 9.— Puis, je fais une promenade d'une heure. De 10 à 2 h. lecture, ou bien j'écris des lettres, etc. A 2 h. je mange un morceau — autre petite promenade.— Puis, je travaille jusqu'à 4 h. et demie.— Dîner à cinq heures dans la maison avec toute la famille Tutcheff — (j'habite une petite aile donnant dans le jardin).— Je reste avec eux jusqu'à 10 h.— Nous jouons aux cartes ou bien je fais une lecture à haute voix, etc. Je rentre à 10 h.— Je lis jusqu'à 11 et je me couche et ainsi de suite — un jour comme l'autre.— Ce n'est pas bien gai, comme vous voyez — mais cela n'est pas non plus aussi triste qu'on pourrait le croire.

Ah! j'ai oublié trois parties de billard que je fais chaque matin avec le docteur. — J'ai établi une maison de santé pour les paysans à une werste d'ici.

Dimanche, 23 novembre / 5 décembre.

Chère Madame V⟨iardot⟩ — Je pars demain pour aller à 50 werstes d'ici chez un riche propriétaire [11], où il y aura bal, musique, grande réunion de tous les voisins et voisines — etc. En voilà une fameuse diversion à l'uniformité dont je vous parlais.— A mon retour, je vous donnerai tous les détails de cette excursion.— Ce même propriétaire a un assez grand orchestre — je crois vous en avoir parlé.— Je prierai son maître de chapelle qui est un Allemand [12] de me faire

jouer du Beethoven — la 7-ème symphonie ou bien celle en ut mineur ou l'héroïque ou la pastorale ...

Chère et bonne amie, je vous souhaite tout ce qu'il y a de meilleur au monde — mille amitiés à Louis V⟨iardot⟩ et à tous les bons amis. Je vous embrasse les mains et vous prie d'embrasser Pauline et Louise de ma part.

Votre J. T.

234. А. А. КРАЕВСКОМУ

15 (27) ноября 1852. Спасское

С. Спасское.
15-го нояб. 1852.

Очень Вам благодарен за Вашу память обо мне, любезный Краевский [1]. Я еще не умер — но глубокое уединение, в котором я живу, дает мне некоторое понятие о той тишине, которая нас ожидает за гробом. Впрочем, я не жалуюсь. Я ни одного мгновенья до сих пор не чувствовал скуки, работаю и читаю — притом, мое пребывание в деревне зимой очень полезно для приведения в порядок моих несколько расстроенных дел; здоровьем я не совсем похвастаться могу — вот что плохо.

Вы ошибаетесь, полагая, что автор действительно замечательной повести «Детство» и сочинитель комедии, которую ценсура не пропустила в «О⟨течественных⟩ з⟨аписках⟩» [2],— одно и то же лицо. Того зовут гр⟨афом⟩ Толстым — и он, сколько я слышал, офицер, служит на Кавказе; а этот — называется Леонтьевым и живет студентом в Москве. Толстого я не знаю вовсе — и никаких с ним сношений не имею [3]; а Леонтьеву я в нынешнем году писал два раза и никакого ответа не получил. Но это не мешает мне иметь в виду Ваше желание — и если мне что-нибудь попадется в руки дельное, Вы узнаете об этом.

Сам же я, вероятно, долго печатать не буду, и работы мои не такие, чтобы их издавать в свет; но так как я Вам должен порядочную сумму, то я прошу Вас подождать до нового года — сообщений у нас никаких нет, по милости эксцентрической погоды — и я еще не продал ни зерна хлеба.

«Лаокоона» Вы скоро получите просмотренного и с означением цитированных мест [4].

Будьте здоровы и веселы — жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

235. Н. А. НЕКРАСОВУ и И. И. ПАНАЕВУ

18, 23 ноября (30 ноября, 5 декабря) 1852. Спасское

С. Спасское.
18-го нояб. 52

Вот, мои друзья — мнение мое об октябрьской книжке «Современника». Во-первых — я прочел «Якова Яковлича»... В авторе есть талант, но небольшой и *ненадежный*. Какая-то ложная струя проходит по всей повести, какая-то болезненная и самодовольная любовь к небывалым положениям, психологическим тонкостям и штучкам, глубоким и оригинальным натурам и т. д. Первая половина «Я⟨кова⟩ Я⟨ковлича⟩» недурна — в ней заметен юмор — хотя и тут автор «козыряет»; а мы знаем, что значит это слово... но как только этот Я⟨ков⟩ Я⟨ковлич⟩ становится прекрасным человеком, алмазом в грубой оболочке — всё идет к чёрту. Отношение его к девице и сама девица, и рассказчик — всё это невозможно, вычурно и приторно-натянуто. Уж эти мне смехи, смешанные со слезами! Набили они оскомину читателю. Но все-таки «Я⟨ков⟩ Я⟨ковлич⟩» повесть недюжинная — и если автор молод — выработается [1]. Только от него до Толстого (Л. Н.) [2], как от земли до неба — и «Ульяну Терентьевну» [3] я читать не стану. Напишите мне, однако, кто он такой. Роман Готорна переведен тяжело, неловко и неверно [4] — это факт. Зато «Япония и японцы» Корша [5] — просто прелесть — хоть расцеловать его за эту статью. Корш — бесспорно лучший русский review'er в английском вкусе. Статью Афанасьева [6] я не прочел — может быть, она и очень хороша — но у меня почему-то от ЗООморфизма и ЗООморфических божеств живот подводит — а это не здорово в нынешное холерное время.— Критика — хороша,— немного мрачна [7]. «Современные заметки» прекрасны — полны, подробны и занимательны [8]; Новый поэт очень мил и много говорит дельного по поводу русского фельетона [9]. Вообще октябрьский № «Совр⟨еменника⟩» хорош — хотя ниже сентябрьского.

Воскресенье, 23-го нояб.

Мне приходится отвечать вам на два ваших письма [10]: во-1-х) скажу вам, что рецензия Аксакова [11] потому к вам всё еще не послана, что я жду сюда Миницкого [12], который должен непременно на днях приехать, чтобы ее переписать — вы ее получите *непременно* к 15-му декабрю [13].— Во-2-х) я, может быть, напишу вам для 1-го № несколько

замечаний под заглавием: «Русские романы, повести и комедии в прошлом году» — сверх того, я для вас готовлю две статьи: «О Андрее Шенье и подражателях древним» и «О Мерке» (человеке, с которого Гёте списал своего Мефистофеля) [14] — в-3-х) трудно на такое расстояние сообщить что-нибудь для твоей фантазии на Новый год, милый Панаев,— но я вполне одобряю план и уверен, что выйдет хорошо и смешно [15]; в-4-х) — скажу тебе, Некрасов, что твои стихи хороши — хотя не встречается в них того энергического и горького взрыва, которого невольно от тебя ожидаешь — притом конец кажется как бы пришитым — уничтожь также следующую небрежность:

И юношеских лет прекрасные *мечты*...,

а через два стиха опять:

Желанья и *мечты* и т. д.[16]

Но первые 12 стихов отличны и напоминают пушкинскую фактуру.

Если моя статья о романах не поспеет к январю — то к февралю — наверное, а статья об Аксакове — наверное, поспеет к январю.

Прощайте, друзья — будьте здоровы — кланяюсь всем.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Надеюсь, что твое здоровье, Некрасов, поправилось [17].

236. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

12 (24) декабря 1852. Спасское

Ваше письмо меня очень обрадовало, любезный Константин Николаевич — я уже думал, что Вы меня забыли. С удовольствием исполняю Вашу просьбу и посылаю Вам 100 р. сер. Я бы Вам выслал все 150 р., да хлеб у нас еще не продается по причине низких цен. С нетерпением ожидаю обещанной повести и как только прочту ее, пошлю к Краевскому. Будем надеяться, что ценсура не окажется слишком строгою и Вам Ваши «Немцы» принесут и деньги, и известность [1]. Я думаю, что Вам не будет неприятно услышать от меня мое искреннее мнение насчет Вашего произведения. Мне кажется, что Вашему таланту, при всей его тонине и ранней выработке, недостает — не скажу здоровья — а силы и той ясности, которая немцами зовется очень удачно: Heiterkeit. Впрочем, я это говорю, судя по прошедшему; а в Ваши годы

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА к Н. А. НЕКРАСОВУ и И. И. ПАНАЕВУ
ОТ 18, 23 НОЯБРЯ (30 НОЯБРЯ, 5 ДЕКАБРЯ) 1852 г.

Третья страница.

прошедшее очень скоро становится давно прошедшим. Мне бы очень хотелось поговорить с Вами — если не изустно, то хоть письменно — да сегодня время не терпит. Пожалуйста, не взирайте на меня с точки зрения мецената; меценатами делаются те, которые при внешних средствах не могут быть художниками; а я льщу себя надеждою, что принадлежу к числу художников, и потому отношения между нами должны быть товарищеские. Я имею перед Вами только ту незавидную выгоду, что я старше Вас и, след⟨овательно⟩, опытнее — я уже прошусь в отставку, а Вы только что вступаете в службу.

Высылайте поскорее Вашу повесть. Вы мне мало говорите о своем здоровье — я из этого заключаю, что оно хорошо. Вы меня спрашиваете, почему я живу в деревне? В силу того закона, по которому пролитая вода непременно падает вниз, а не поднимается вверх [2]. Впрочем, будьте здоровы, веселы, дружески жму Вам руку и остаюсь

искренно преданный Вам

Ив. Тургенев.

С. Спасское.

12-го дек. 1852.

P. S. В ответ на Вашу повесть Вы получите от меня подробное письмо. С удовольствием подарил бы я Вам экз. «Зап⟨исок⟩ ох⟨отника⟩», да всё издание подарено мною одному приятелю [3], с которого я уже все следуемые мне экземпляры получил и еще спрашивать неловко.

237. С. Т. АКСАКОВУ

13 (25) декабря 1852. Спасское

С. Спасское.

13-го дек. 1852.

Я давно получил Ваше письмо от 29-го окт⟨ября⟩ [1], любезный и почтенный Сергей Тимофеевич,— и потому только до сих пор не отвечал, что мне хотелось в то же время известить Вас об окончательном отправлении моей статьи в Петербург [2]. Она у меня уже давно была готова — я всё ждал одного знакомого, чтобы переписать ее. Кончилось тем, что этот знакомый решился зимовать в Одессе [3] — и очень поздно дал мне знать об этом — я принялся сам за переписку, и сегодня статья отправляется к редакторам «Современника». Она еще поспеет в 1-ый №. Желаю, чтобы она заслужила Ваше одобрение. Вместе с Вашим письмом я получил также очень умное и милое письмо от К⟨онстантина⟩ С⟨ергеевича⟩ [4] — я ему отвечать буду

особо — да и Вас прошу не считать нынешнего моего письма чем иным, как только уведомлением о статье. Я очень тороплюсь, чтобы не опоздать на почту. Скажу Вам только, что в последнее время написал большую повесть под названием «Постоялый двор» [5] — она уже совсем исправлена и списана — при первой оказии отправлю ее в Москву к К‹етчер›у, который ее доставит на прочтение Вам [6]. Очень мне будет любопытно узнать Ваше мнение о ней. Впрочем, я еще до того времени Вам напишу — и не позже как на будущей неделе.— Пока будьте здоровы и веселы и не забывайте

преданного Вам
Ив. Тургенева.

P. S. «Москвитянин» я получаю и буду получать в будущем году.— Что биография Загоскина [7]?

238. Д. Я. КОЛБАСИНУ

13 (25) декабря 1852. Спасское

С. Спасское.
13-го дек. 1852.

Здравствуйте, любезный Колбасин, как Вы доехали и как нашли Петербург? Все здесь Вас помнят и кланяются Вам. Я к Вам пишу с намереньем дать Вам два поручения, о которых забыл ‹с Вами› [a] поговорить в Спасском — а именно: во-1-х) — пожалуйста, достаньте непременно у *Александра* Щепкина (адресс его Вы можете узнать у Языкова или у Якушкина) — музыку Гуно, которую я ему дал — и пришлите мне ее сюда [1]; во-2-х) — кроме книг и бумаг, о которых я просил Вас, посмотрите, я не могу найти здесь небольшую комедийку, под названием «Вечер в Сорренте», написанную мною в нынешнем году [2] — она лежала вместе с «Психологией» Серебрякова [3] в туалетном столике, который, Вы помните, стоял в моей спальне между двумя окнами. Не взял ли этот стол мёбельщик Волков к себе, и не находится ли у него эта комедия? Она написана в тетради величиною в лист.

А засим будьте здоровы и давайте нам о себе вести. Кланяйтесь Вашему брату.— Что холера у вас? Если чтó услышите любопытного, напишите. А я жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *В подлиннике описка:* Вам

239. А. Я. ТУРГЕНЕВОЙ

15 (27) декабря 1852. Спасское

Я слышал, любезная Анна Яковлевна, что Павлик на днях отправляется из Москвы сюда — то если он еще не уехал, прикажите, пожалуйста, ему съездить с приложенной запиской [1] по адрессу и что ему Кетчер даст велите привезти ко мне [2]. Я очень сожалею, что не видал Вас перед отъездом [3].— Надеюсь, что Вы здоровы и веселы.— Кланяйтесь Петру Николаевичу и всему его семейству и не забывайте нас, бедных отшельников.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

С. Спасское, 15-го дек. 1852 г.

240. Н. А. НЕКРАСОВУ

16 (28) декабря 1852. Спасское

С. Спасское.
16-го дек. 1852.

Посылаю тебе, любезный Некрасов, давно обещанную мною статью о книге Аксакова [1]. Кажется, самая придирчивая цензура в ней не может найти ничего непозволительного — и если что-нибудь в ней будет вычеркивать [2] — то, значит — дело не в статье — а в имени. Прошу не выставлять под ней ничего, кроме букв И. Т. [3] Надеюсь, что ее вы успеете поместить в 1-м №, и желаю, чтобы она вам не совсем не понравилась. Другие статьи будут высланы по мере возможности.

Ноябрьский № «С⟨овременник⟩а» не совсем мне нравится. Дружининских вещей я не могу читать и потому не знаю, что это за «История картины» [4]; Жемчужникова комедийка — вздор [5]; «Снобсы» очень выхолощены — и притом перевод кишит неверностями [6]; столько же неверностей в статье о графе Д'Орсэ — на ст. 35. Смысл фразы выходит такой, что леди Блессингтон в *1822*-м году — видела в Валансе молодого артиллерийского офицера, Наполеона Бонапарта!!! [7]

Притом — должно либо не помещать фраз на чужом языке в русском тексте — либо выставлять внизу перевод — а у вас в иных местах перевод есть — в иных нет — а в иных есть, да неверный. На ст. 44-й Д'Орсэ говорит о статье «Понча», что она «еще очень ко мне снисходительна» — а внизу переведено: «очень по мне» [8]. Вообще переводчики [9] ваши подгуляли. Один Новый поэт

по обыкновению мил — и вопрос студента Нине на кладбище: «Вы нездоровы?» — восхитителен [10]. Статья о Бомарше хороша — но ошибок и тут много — Людовик XV подарил часы дочери своей принцессе Виктории (Madame Victoire[a]), а переводчик переводит: г-же Виктуар [11] и т. д.— Статья Корша прекрасна — это капитальная вещь [12]. Статья о выставке не дурна [13]. Критики я не читал [14] — библиография суха [15].

Надеюсь, что вы будете мне высылать «Совр⟨еменни⟩к» и на будущий год — а я заслужу.

Да вот еще что, Некрасов — не можешь ли ты заплатить за меня Базунову, сколько я ему должен — по счету 31 р. 95 к. сер.— а я тебе, как только будут деньги — вышлю. Теперь я еще хлеба не продал и сижу без гроша.

Ну, прощай пока — будь здоров — да напиши, когда получишь статью.— Панаеву и всем друзьям дружеский поклон.

Твой
И. Тургенев.

P. S. Ты можешь поместить мою статью в отделе критики. Кстати, я в одном месте говорю о Паскалевой тачке — ты знаешь, что Паскаль изобрел эту, по-видимому, столь простую машину [16]. Пожалуйста, распорядись, чтобы статью напечатали без опечаток; обещанное второе письмо [17] получишь *непременно* через месяц.

241. Д. Я. КОЛБАСИНУ

18 (30) декабря 1852. Спасское

С. Спасское.
18 декабря 1852.

Милый Колбасин,

Получил я Ваше письмо [1] — признаюсь — я не могу не похвалить Вас за такую скорую память о нас — надеюсь, что и впредь Вы такой же будете хороший корреспондент — и спешу ответить. Во-первых, посылаю Вам 8 р. 40 к. сер. для г-жи Дюме — то есть Вы найдете в письме 10 р.— остальные храните, пока встретится надобность по какой-нибудь моей комиссии.— Сапожник Адамсен живет от моей бывшей квартеры у Дюме — через два дома, по Малой Морской, к Невскому — на левой стороне улицы, если идти от меня —

[a] *В подлиннике описка*: Victorie

то есть на той же стороне, где стоит дом, в котором я жил. Живет он на дворе — маленькая вывеска с сапогом у ворот.— Очень я счастлив, что нашлись эти проклятые «Записки слепца» [2] — уж я их отправил к нему — в письме, которое я послал Вам на днях [3] — я говорю еще, сверх того, об одной моей комедийке [4] — но она — должно быть, пропала. Нельзя ли осведомиться у тех, которые заступили место г-жи Дюме?— Я теперь узнал положительно, что г-жа Виардо приедет в Петербург — будьте так добры и напишите мне тотчас, как только узнаете об [a] ее приезде [5] .— Я надеюсь, что Вы скоро покончите свои дела в университете [6] — не забудьте, что если Вам только нужны будут мои рекомендательные письма при вступлении на службу, я к Вашим услугам. Все здешние здоровы и кланяются Вам; толстозадую Дарию я на этих днях всячески старался пропекать.— Вы, однако, большой чудак, Колбасин — как это Вы поступили с Кетчером? Впрочем — эта спокойная, юмористическая черта в Вашем характере мне очень нравится — и я бы желал иметь что-нибудь подобное. Приятно мне слышать о развитии Вашего брата — одно очертание его губ обещает человека с нешуточной иронией. Посоветуйте ему только от меня как можно более читать и учиться — это навастривает зубы — а кто хочет кусаться — должен уметь, по мере возможности, оградить себя от укушений. А из него может выйти толк. Посоветуйте написать ему небольшие комические сцены [7] — что из этого выйдет?

А засим прощайте. Пишите к нам почаще — что — как Вы покончили с университетом? Будьте здоровы — крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Если увидите Языкова — скажите ему, что я в начале генваря непременно вышлю ему деньги, которые я ему должен.

242. И. Ф. МИНИЦКОМУ

19 (31) декабря 1852. Спасское

С. Спасское.
19-го дек. 52.

Ну, Миницкий, не ожидали мы с Дарьей Ивановной — какую Вы над нами штуку выкинули! Могли ли

---

[a] *Далее зачеркнуто*: этом

мы думать, что Вы не приедете — и не женитесь.— Это было бы единственным Вашим извинением. Что Вы будете делать зимою в гнусной Одессе, в которой и летом-то порядочные люди не живут? Пожалуйста, бросьте Вы эти затеи — и приезжайте к нам — а если Вам на это денег нужно — то неужели же Вы будете со мной церемониться? Это было бы из рук вон. Мы Вас все здесь ожидаем с нетерпеньем,— а Дария сохнет по Вас — ее воображение совершенно страдает и вянет без Вас.— Придите оживите его и ее. Напишите нам скорее, сколько Вам нужно, чтобы расплатиться с долгами и сюда приехать,— а весною можете, коли хотите, опять направить полет свой на юг.— Или, может быть, Вы до ярости служить хотите? — Это было бы тоже несколько странно. Словом — в ожиданье скорого от Вас письма, жму Вам крепко руку — и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

243. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

27 декабря 1852 (8 января 1853). Спасское

С. Спасское.
27-го дек. 52.

Милый Е‹вгений› М‹ихайлович›. Прежде всего Вы должны обещать мне не сердиться на меня за небольшую записку [1], которую я написал Вам несколько дней тому назад — я почему-то вздумал, что Вам что-то в моем первом письме [2] не понравилось и т. д. Я получил вчера ваши два письма (Ваше и графинино) [3] и очень вам благодарен обоим. Графине я пишу особо [4].

Ваше письмо чрезвычайно мило — и я искренно сожалею, что, будучи теперь по некоторым обстоятельствам в не совсем свободном расположении духа [5] — не могу отвечать на него, как бы хотелось. Авось это удастся в другой раз — теперь же посылаю Вам несколько сухих строк.— Начну с того, что поздравляю Вас с найденным Вами выражением: «дешевое и бесполезное коварство Фролова» [6]. За это Вы заслуживаете носить на шее золотую медаль с надписью «За Остроумное».— Положению Вашему я сочувствую и мысли Ваши об уединении разделяю вполне — воспользуйтесь им, чтобы уяснить себе свое признание — или, если это слово Вам кажется слишком пышным — чтобы узнать, по какой дороге Вам надобно пойти [7].— Я должен сказать про себя, что мое пре-

бывание в деревне не только не кажется мне тягостным — но я нахожу его весьма даже полезным — я никогда так много и так легко не работал, как теперь.

Я написал здесь большую повесть под названием «Постоялый двор» — которая, если не ошибаюсь, мне удалась. К сожалению, я Вам ее переслать не могу — надобно дождаться оказии [8] — а я думаю, что в этой повести я сделал шаг вперед. Под влиянием ли уединения, от других ли каких причин — только я чувствую, что я стал проще и иду прямее к цели, может быть потому, что во время писания не думаю о печатании. Копию с «Муму» мне до сих пор Кетчер из Москвы не высылает — но Вы ее получите при первой возможности [9].— Я перед Вами никогда не скрытничал, и Шумский напрасно сказал Вам, что я написал первую часть моего романа [10] — я теперь только что кончил третью главу — но если что-нибудь непредвиденное не встретится, надеюсь кончить первую часть к марту.

Бокар действительно хлыщ первой величины — он бывал в доме моей матери в Москве — и потом в деревне, когда обворовывал казну на тульском шоссе; моим же другом он был столько же, сколько — кого бы назвать — сколько Булгарин [11].

Хваля Юма [12], я никогда не имел в виду ничего, кроме его слога, его простого, ясного и объективного изложения. Современным требованиям от историка он далеко не удовлетворяет.

Нет — я сегодня не буду писать к графине — для этого у меня слишком много кокетства. Видите ли, как я сух и вял и неинтересен — ну перед Вами я щеголять не намерен. Скажите ей только, что я сердечно благодарен ей за ее письмо, очень рад слышать, что она здорова — и от души желаю ей всего хорошего.— На днях, если бог даст, она получит от меня письмо, в котором я постараюсь показать себя лицом — как барышнического коня на выводке — а теперь поцелуйте у ней от меня руку. Да скажите ей также, что мне очень было лестно услышать, что ее детям нравятся мои «Записки» [13]— la vérité parle par la bouche des enfants,— хотя мне самому мои «З‹аписк›и» кажутся теперь как будто написанными чужим человеком. «Муму» еще сбивается на них,— в моих новых вещах [14] я пошел по другому пути, к лучшему ли, к худшему ли — это мне скажут друзья. Кстати, я для этого жду сюда Анненкова [15].

Долго ли Вы и графиня пробудете в Крыму? [16] Ну

прощайте — не считайте этого письма — за письмо — это — так — une poignée de main. На днях я напишу Вам непременно — я теперь пока еще «между небом и землей» [17], как жаворонок — но, вероятно, скоро плюхну на землю.— Addio.

Ваш Ив. Тургенев.

244. И. С. АКСАКОВУ

28 декабря 1852 (9 января 1853). Спасское

С. Спасское, 28-го декабря 52.

Только вчера, любезнейший Иван Сергеич, получил я Ваше письмо от 4-го октября [1]. Прежде чем я буду отвечать Вам на него, мне непременно нужно объяснить Вам, почему это глупое место о г-не Любозвонове осталось в моих «Записках» [2]. Вы, может быть, слышали, что книга эта была издана и напечатана в моем отсутствии — я едва просмотрел рукопись, прежде чем я послал ее к Кетчеру [3] — помнил я, что был какой-то где-то намек в «Записках» на славянофильство — нашел несколько слов на этот счет в «Хоре и Калиныче» — и выкинул их [4] — а то место осталось, к великой моей досаде. Могу Вас уверить, что я вовсе не думал о Вашем брате [5], когда его писал — и Вы можете себе легко представить, что я во всяком случае выкинул бы это место после нашего сближения — если б я вспомнил о нем. Пусть Ваш брат извинит мою рассеянность — и это ему будет тем легче — что подобные холодные шутки падают на того, кто их произносит — мне гораздо будет труднее забыть мою неосмотрительность — и — повторяю — досада моя очень велика.

Теперь о Вашем письме. Всё, что Вы говорите о «З⟨аписках⟩ о⟨хотника⟩» [6],— я подписываю обеими руками и писал уже об этом Вашему брату [7]. Я, право, могу уверить Вас, что мне иногда кажется, будто эта книга писана не мною, так уж я далек от нее. Напряженность и натянутость, которые слишком часто в ней попадаются — отчасти могут быть извинены тем обстоятельством, что когда я писал ее — я был за границей и — окруженный не русской стихией и не русской жизнью — невольно проводил карандашом два раза по каждому штриху. В этом отношении я не совсем доволен и «Муму» [8] — отчего мне крайне хочется, чтоб Вы прочли мою последнюю вещь — «Постоялый двор» [9]. Я не знаю —

ошибаюсь ли я или нет — здесь нет никого, кто бы мог мне это сказать — но я полагаю, что в «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» — я иду прямее и проще к цели — не кокетничаю и не умничаю — а стараюсь дельно высказать то, что почитаю делом. Дай бог любому автору понять и выразить жизнь — где ему мудрить над ней или поправлять ее [10]. «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» давно готов и переписан — я жду оказии, чтобы послать его в Москву к Кетчеру, которому напишу, чтоб он непременно и в самом скором времени Вам его передал [11]. Заранее прошу от Вас, от Вашего брата и от С⟨ергея⟩ Т⟨имофеевича⟩ — строгого и подробного отзыва.— Мысль «Муму» Вами так верно схвачена [12], что мне очень хочется знать, что Вы скажете о «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩».

Уединение, в котором я нахожусь, мне очень полезно — я работаю много — и кроме «П⟨остоялого⟩ д⟨вора⟩» написал первые три главы большого романа [13] и еще небольшую вещь под названием «Переписка» [14]. Всё это я желал бы прочесть людям, во вкус которых я верю — очень хотелось бы знать, иду ли я по настоящей или по ложной дороге.— Я бы много дал — чтобы иметь удовольствие видеть Вас у себя — но боюсь и просить Вас. Поездка-то и не очень дальняя — да человек-то я не на хорошем счету [15] — да и Вы, кажется, немножко подгуляли. А если б можно было — как я был бы рад! Стоит доехать (по шоссе) до Мценска — а оттуда до меня (до Спасского-Лутовинова) всего 10 верст.

Статья моя о книге Вашего отца [16] явится в 1-м № «Совр⟨еменника⟩» — месяца через два я пошлю еще другую [17]. Желал бы я, чтобы первая эта статья Вам понравилась. Там есть несколько мыслей о том, как описывают природу, где я себя не щажу [18].

К⟨онстантину⟩ С⟨ергеевичу⟩ я на днях пошлю большое письмо о его статье в «М⟨осковском⟩ с⟨борнике⟩» [19]. Странное дело! Мы сходимся с ним в воззрении на наш народ — но выводы у нас различные.

Ваше замечание насчет мужицкой речи совершенно справедливо [20]. В «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» — и следа нет всей этой дагерротипности. Это всё надо бросить — или, если без этого не выходит живо — бросить перо.

Прощайте, любезнейший И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩. Бог знает, когда придется увидеться — но во всяком случае прошу Вас верить в искренность моей дружбы.

Кланяйтесь от меня всем Вашим.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

Поздравляю Вас с Новым годом.— Когда Вы получите «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» — доставьте Кетчеру «Муму» — меня просили переписать ее.

245. Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Конец (28—31) декабря ст. ст. 1852. Спасское

Милая графиня, не пеняйте на меня за мое слишком ничтожное письмо — авось всё это перемелется и мне полегчит [1].— Оканчиваю самым искренним желанием здоровья, счастья и веселости для Вас — целую Ваши руки и прошу не баловать толстого Феоктистова — и если он никак не решается ходить — заставьте его прыгать с веревочкой [2]. Вашим милым детям поклон от меня и благодарность за расположение к «З⟨апискам⟩ о⟨хотника⟩» [3].

Ваш
И. Тургенев.

246. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Вторая половина 1852 (?). Спасское

... Клянусь вам честью, вы напрасно думаете, что я скучаю в деревне. Неужели бы я вам этого не сказал? Я очень много работаю и притом я не один; я даже рад, что я здесь, а не в Петербурге. Прошедшее не повторяется и — кто знает — оно, может быть, исказилось. Притом надо и честь знать, пора отдохнуть, пора стать на ноги. Я недаром состарился,— я успокоился и теперь гораздо меньшего требую от жизни, гораздо большего от самого себя. И так уже я довольно поистратился, пора собрать последние гроши, а то, пожалуй, нечем будет жить под старость. Нет, повторяю, я совсем доволен своим пребыванием в деревне...

1853

247. ПОЛИНЕ И ЛУИ ВИАРДО

3 (15) января 1853. Спасское

Spasskoïé,
le 3 janvier 53.

Vous voilà donc à Pétersbourg, mes chers amis [1], et je n'y suis pas! C'est cruel, et je ne pourrai vous écrire longuement que quand je me serai fait à cette idée. Cependant, vous avez bien fait de venir, chère Mme V⟨iardot⟩. Vous auriez perdu une saison, et je suis persuadé que le public de Pétersbourg vous recevra avec une joie frénétique. Je vous prie de m'écrire souvent et de m'envoyer votre adresse au plus vite. Cette fois, je vous écris par l'entremise du Cte Matthieu. J'ai reçu le petit billet daté de la veille de votre départ de Paris [2], mais avec le timbre de Pétersbourg. Y étiez-vous déjà? Demain, jour de poste, je saurai à quoi m'en tenir. Aujourd'hui, je ne puis écrire, je vous écrirai mardi. Ma santé est passable et j'ai beaucoup travaillé cet hiver [3]. Adieu, soyez heureux, portez-vous bien et n'oubliez pas

votre ami
J. T.

248. П. В. АННЕНКОВУ

10 (22) января 1853. Спасское

С. Спасское.
10 янв. 53.

Спасибо Вам, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — за Ваше письмо из Москвы о «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» [1]. Оно меня обрадовало — и опечалило известием о невозможности видеть Вас у себя в деревне. Что делать! Я понимаю, что Вам невыгодно теперь терять время. Желаю Вам полного и скорого успеха в Вашем издании [2].— Что же касается до меня,— то я вот на что решился: велю переписать написанные мною пять глав романа [3] и доставлю их Вам в Петербург — с тем, чтобы *Вы их никому не показывали* — и возвратили мне их с Вашими замечаниями и советами. Я чувствую, что мне они необходимы,

а то — я здесь пишу и работаю словно в чужих краях — никто мне не умеет сказать, хорошо ли, худо ли я делаю — а ведь без отголосков такого роду могут работать только люди подобные Гоголю. Нашему брату без них плохо.

Скажу Вам несколько слов о «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩». В важности математической верности действительности — в подобных произведениях я убежден — и, сколько мне кажется, она соблюдена. Ошибку о «Становом» [4] легко поправить. Человек крепостного состояния не *имеет* права приобретать собственность иначе, как на имя своего господина (не далее, как неделю тому назад я дал доверенность одному моему богатому мужику в Тамбове — купить 150 десятин на его деньги — и на мое имя), притом вся рассказанная мною история буквально совершилась в 25-и верстах отсюда — и «Наум» жив и процветает до нынешнего дня. В одном я согласен: вероятно — такого рода продажи пронюхиваются прежде и против них не принимаются меры — потому что мер никаких принять нельзя — но делаются своего рода усилья. Я оттого не упомянул о них, что боялся задержать и понапрасну запутать ход драмы. Всё, что Вы говорите о самом роде таких драм — превосходно и совершенно верно — и я очень рад, что мне действительно удалось придать рассказу ту ясность и то свободное теченье, без которых вся вещь производила бы впечатление тяжелое и не художественное [5].

В теперешнем моем — очень некрасивом — положении (оно стало особенно выпукло с некоторых пор — Вы понимаете, я думаю, что́ я хочу сказать) [6] одно мое спасение — сильная литературная деятельность — а для того, чтобы действовать с охотой, надобно чувствовать, что идешь вперед — и одобрение людей, в которых веришь, чрезвычайно благодетельно. А потому не могу [a] не благодарить Вас вторично за Ваше письмо — любопытно мне будет знать мнение Ваше о моем романе [7]. Прошу Вас написать мне из Петербурга со всею откровенностью, как Вам покажется голос г-жи Виардо. Говорят, он очень поправился,— но я поверю только Вам.

Пишите мне о Некрасове [8] и других приятелях. Я им послал в «Совр⟨еменни⟩к» небольшую статью о книге С. Т. Аксакова [9]. Кроме двух-трех мыслей о природе и манерах ее описывать, в этой статье для Вас, кажется, не будет ничего занимательного.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* Вас

Напишите мне также о «Лже-Димитрии» Мериме в «Revue des 2 Mondes» — что это такое? [10] О загадочном Шенстоне или Ченстоне я с месяц тому назад написал моему хорошему приятелю Чорлею — одному из редакторов «Атенеума» [11],— как только получу ответ — перешлю Вам.

Все здешние здоровы и кланяются Вам. Я четвертого дня простудился, кашляю и не выхожу из комнаты — надеюсь, что это скоро пройдет.

У меня гостил несколько дней Леонтьев, автор той комедии [12], которую я — помните ли Вы — давал Вам читать в Петербурге. Он привез хорошую вещь, которую я на днях отправляю к Краевскому; другую он готовит для «Совр⟨еменник⟩а» [13]. Талант у него есть, но сам он весьма дрянной мальчишка, самолюбивый и исковерканный. В сладострастном упоении самим собою, в благоговении перед своим «даром», как он сам выражается, он далеко перещеголял полупокойного Федора Михайловича [14], от которого у Вас так округлялись глаза. Притом он болен и раздражительно-плаксив, как девчонка.

Погода у нас скверная — вот уже месяц, как мы не видим солнца.

Пишите же мне, пожалуйста — а уж на мою аккуратность Вы рассчитывать можете.— Поклонитесь от меня всем друзьям, будьте здоровы и веселы и не забывайте

Вашего
Ив. Тургенева.

P. S. Еще одно слово: Вы говорите, что если Аким знал, что г-жа К⟨унце⟩ могла продать его двор — то это для него уж не было нечаянностью [15]. В Ярославской губернии нет крестьянина, который бы не владел частичкой земли на имя своего господина (след⟨овательно⟩ ему не принадлежащей) — купцы наши до сих пор пересылают огромные суммы через приказчиков — без расписки — но думаете ли Вы, что лишение земли или капитала для них не нечаянность непредвиденная? В этом-то и состоит весь русский chic. О какой-нибудь предварительной сделке — и думать нельзя, и мне кажется, что, если б даже можно было, и тут бы не думали.

249. Н. Х. КЕТЧЕРУ

11 (23) января 1853. Спасское

С. Спасское.
11-го янв. 53.

Спасибо тебе, милый К⟨етчер⟩, за присланное письмо А⟨нненков⟩а и за твои строки. Я уж написал ему в [а] Петербург — и, весьма обрадованный его отзывом о «П⟨остоялом⟩ д⟨вор⟩е», стараюсь ему доказать, что, кроме обмолвки «Станового» — я от «математической» верности не отступил ни на шаг [1]. Действительно: крепостные люди не *имеют* права приобретать собственность иначе как на имя господина — и никаких сделок [б], ослабляющих права помещика на эту собственность, закон не допускает. Притом, всё рассказанное мною почти буквально случилось в 25 верстах отсюда — и «Наум» торгует и здравствует доныне. Я очень рад слышать, что и ты доволен моим последним произведением — желал бы я знать мнение Тимофея Николаевича и Михайлы Семеныча. Если ты мне напишешь об этом слова два, я тебе очень буду благодарен.

Мне очень приятно было узнать, что «З⟨аписки⟩ о⟨хотника⟩» хорошо расходятся [2]. Мой поверенный в Москве глупо распорядился тем, что не купил просто у Базунова нужный мне экземпляр. Я его поднес исправнику, изъявившему желанье иметь эту книгу — а так как он отчасти теперь мой начальник (впрочем, он очень любезный человек) — то я поспешил удовлетворить его желанье [3]. У меня теперь дома не осталось экземпляра — и потому отдай один Лабанову (моему quasi-поверенному), который зайдет за ним.

О Мерке не забудь [4].

Жму тебе руку и всем друзьям. Будь здоров и не забывай

твоего
И. Т.

250. А. А. КРАЕВСКОМУ

11 (23) января 1853. Спасское

Спасское.
11 янв. 53.

Спешу уведомить Вас, любезный Краевский, что у меня был на днях Леонтьев (автор известной Вам комедии) [1]

[а] *Далее зачеркнуто:* Москву

[б] *Далее зачеркнуто:* ограждающих

и оставил мне премилую вещь, которую, как только здесь перепишут — Вы получите. Я ее не отправил к Вам в авторской рукописи, потому что ее бы сам чёрт не разобрал. Это довольно большая повесть, совершенно цензурная (одно заглавие, может быть, придется переменить — «Немцы»), и я надеюсь, что она произведет эффект [2]. Вместе с ней Вы получите «Лаокоона» [3]. Сам же я, хотя работаю — но «для потомства», т. е. не для современных мышей — а для мышей, которые будут грызть старые рукописи лет через десять.— Написал я для «Современника» невинный разборец книги Аксакова [4] — и то для того только, чтобы сдержать данное слово.

Хлеб мой еще не продан — и я Вас всё еще удовлетворить не могу — поверьте, это бременем лежит на моей совести, и при первой возможности Вы всё получите [5].

Прощайте — будьте здоровы и веселы. Кланяйтесь всем, начиная с Дудышкина. Леонтьевскую повесть Вы получите к 1-му февр⟨аля⟩.

Ваш

И. Тургенев.

P. S. Леонтьев небогатый человек — и желает 50 р. сер. с листа. Я уверен, что, прочтя его произведение, Вы не найдете это дорогим.

251. ЛУИ ВИАРДО

12 (24) января 1853. Спасское

Spasskoïé,

ce 12/24 janvier 53.

Pour Viardot

Votre lettre, mon cher ami, a été la bienvenue [1]; elle n'apporte que de bonnes nouvelles, et je vous félicite de tout mon cœur avec ce premier succès, prévu d'avance, mais toujours bon à constater [2]. J'en parle plus au long dans ma lettre à votre femme. Merci pour ce que vous me dites à l'occasion de la nouvelle année. Si je regrette mon absence de St. P⟨étersbour⟩g, c'est principalement parce qu'elle m'empêche de serrer la main à d'aussi excellents et affectueux amis que vous l'êtes. Patience! cela changera peut-être avec le temps — post nubila Phoebus [3], me disait jadis mon maître de latin [4] après m'avoir tiré les oreilles: c'est ainsi qu'il me consolait. Pourvu que ce Phoebus ne tarde pas trop.

Je vous remercie beaucoup d'avoir pensé à moi pour votre fusil. Certainement, je le prends et le garde, mais comme je ne chasse pas en hiver, vous n'avez pas besoin de vous hâter, envoyez-le moi au moment de votre départ. La saison finit le 1-er mars v. st. Mais peut-être irez-vous à Moscou dans les premières semaines du Carême pour y donner des concerts [5]. Dans tous les cas, je n'aurai besoin de votre fusil que vers la moitié du mois d'avril, époque de l'arrivée des bécasses.

Ce que vous me dites de Mr Boulgarine et de son opinion sur mon compte serait de nature à m'étonner, si je ne connaissais pas l'individu. Apprenez donc que ce même Mr Boulg<arine>, après m'avoir fait tout le mal qu'il a pu (je ne parle pas de ses critiques), après avoir imprimé dans «L'Abeille du Nord», à propos de ces mêmes «Mémoires d'un Chasseur», que je ne savais pas la grammaire (sic) [6] et que je détestais la Russie — rien que cela!—, a fini par composer un petit article (*après* mon éloignement), lequel article tend à prouver par a + b que je suis un méchant écrivain, un calomniateur, et un homme à opinions... pendables [7]. Si tout cela l'amuse, tant mieux; pour moi, cela ne me fâche guères — seulement, vous conviendrez qu'il me serait difficile d'ajouter foi à ce qu'il vous a dit. Il n'est pas de mes amis, vous a-t-il déclaré; j'espère bien ne jamais mériter de l'être; je suis en trop bonne compagnie dans ses haines.

Mon cher ami, tâchez de tuer un ours, mais là, un vrai, un gros. Seulement, ne faites pas d'imprudence, ne prenez pas de froid. Vous savez que le climat de Pétersbourg ne plaisante avec personne, avec vous moins qu'avec tout autre. Soyez prudents dans vos repas, mangez des gélinottes à force, c'est très sain, et je crois me rappeler que vous les aimez.

Vous me direz le prix de votre fusil, je vous enverrai en même temps les cent et quelques francs que je vous dois. Avant votre départ, vous aurez la pension tout entière de Pauline. Savez-vous si Humann a reçu son argent [8]? Une de vos lettres — une grande de Courtavenel — s'est égarée en route; vous m'y parliez probablement d'Humann. Adieu, cher ami, mille amitiés à Mr Goulewitch [9], je suis sûr que vous êtes très bien logés chez lui. Je vous serre la main cordialement.

Votre
J. T.

252. К. С. АКСАКОВУ

16 (28) января 1853. Спасское

С. Спасское.
16-го янв. 53.

Любезный К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩. Давно собирался я писать к Вам, но всё откладывал до прочтенья статьи Вашей в «Московском сборнике» [1]. Теперь я ее прочел с большим вниманием — и, насколько я могу судить в этих вещах — согласен с Вами насчет «родового быта». Мне всегда казался этот родовой быт — так, как его представляют Соловьев [2] и Кавелин [3] — чем-то искусственным, систематическим, чем-то напоминавшим мне наши давно прошедшие гимнастические упражнения на поприще философии. Всякая система — в хорошем и дурном смысле этого слова — не русская вещь; всё резкое, определенное, разграниченное нам не идет — оттого мы, с одной стороны, не педанты — хотя зато, с другой стороны.....

Я русскую историю знаю, как только может знать ее человек, не изучавший источников; суждение мое о ней вытекает более из сочувствия к тому, что теперь делается в русской жизни; стоит хорошенько присмотреться к современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность соловьевского родового быта [4]. Собранные Вами факты были для меня интересны и новы — взгляд Ваш верен и ясен — но, признаюсь Вам откровенно — в выводах Ваших я согласиться не могу:— Вы рисуете картину верную — и, окончив ее, восклицаете: как это всё прекрасно! Я никак не могу повторить этого восклицания вслед за Вами. Я, кажется, уже сказывал Вам, что, по моему мнению, трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждого — ускользает от Вас — между тем как самые наши песни громко говорят о ней! [5] Мы обращаемся с Западом, как Васька Буслаев (в Кирше Данилове) с мертвой головой — побрасываем его ногой — а сами... Вы помните, Васька Буслаев взошел на гору, да и сломил себе на прыжке шею. Прочтите, пожалуйста, ответ ему мертвой головы [6]. У меня Кирша Данилов в издании Сахарова — там нет песни, о которой Вы говорите — а, помнится, я читал ее. Я себе выпишу из Москвы особое издание Кирши Данилова [7].

Любопытно мне будет знать Ваше мнение о моем последнем произведении [8]. Какой Вы из него выведете вывод? Досадно, что все эти вещи нельзя обсудить на бумаге;

в час разговора больше скажешь и больше узнаешь, чем в год переписки. Положение мое теперь весьма исключительное — я спрашивал через губернатора у министра внутренних дел — могу ли я посетить *свои* деревни, лежащие не в Орловской губернии — мне на днях отвечали отказом [9]. Нечего делать — должно сидеть у моря и ждать погоды. Впрочем, я здесь, по крайней мере, не ленюсь; принялся за свой роман [10] и написал пять глав.

Прощайте, добрый К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩. Когда-то бог приведет увидеться? Жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш Ив. Тургенев.

253. С. Т. АКСАКОВУ

16 (28) января 1853. Спасское

С. Спасское.
16 янв. 53.

Получил я Ваше письмо от 1-го янв⟨аря⟩ [1], любезный Сергей Тимофеевич — и благодарю за память обо мне. Согласен с Вами, что прошлый год был действительно тяжелый год — что будет дальше? Нельзя надеяться, чтобы холера не пожаловала к нам, хотя доктора до сих пор утверждали, что она никогда не идет с запада на восток; но в наше время не одни докторские теории опровергаются событиями. Впрочем, она может к нам прибыть также с юга, из Персии. Что будет — то будет — а унывать не к чему.— Мы до сих пор не получали здесь ни одной газеты — и потому я еще не знаю попала ли моя статья о Вашей книге в 1-й № «Современника» [2]; после невероятных, даже теперь невероятных фактов цензурных, сообщенных Вами в Вашем письме ко мне [3]— я не удивлюсь, если и мою невинную статейку исказят [4]; в таком случае я Вам пошлю ее в оригинале.— Я думаю, что Ив⟨ан⟩ Сер⟨геевич⟩ (которому я писал недавно) теперь уже получил от Кетчера мою последнюю вещь [5]; жду Вашего мнения о ней. От Анненкова (автора «Провинциальных писем») я получил отзыв одобрительный [6]. Анненкова не должно судить по его «Письмам» — в нем собственно таланта немного — но он человек чрезвычайно умный, с тонким и верным вкусом; издание Пушкина, которое он готовит — будет классическое; он мне читал отрывки из биографии Пушкина, написанной им — превосходные по мастерству изложения, ясности и теплоте воззрения [7].— С нетерпением жду Вашей биографии Загоскина в 1-м

№ «Москвитянина». Должно надеяться, что ценсоры наконец придут несколько в себя.— Анненкова я ждал к себе в деревню — но он должен был спешить в Петербург.— У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст — и представили какую-то, ими самими сочиненную, разбойничью драму. Уморительнее этого ничего не возможно было вообразить — роль главного атамана исполнял один фабричный — а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор вроде древнего, и женщина, ноющая в тереме, и убийства, и всё, что хотите:— язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinski [8] — и даже стихов из «Дмитрия Донского» [9]. Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат.— Передайте, пожалуйста, прилагаемый листок Константину Сергеевичу [10]. Будьте здоровы, веселы и меня не забывайте. Дружески жму Вам и всему Вашему семейству руки и остаюсь

Ваш Ив. Тургенев.

254. С. Т. АКСАКОВУ

22 января (3 февраля] 1853. Спасское

С. Спасское.
22-го янв. 1853.

Вчера получил я первый № «Москвитянина», любезный и почтенный Сергей Тимофеевич — и вчера же прочел Вашу биографию Загоскина. Я не читал подобной биографии на русском языке! По глубокому и ясному пониманию характера и таланта того человека, которому она посвящена, по теплоте сочувствия, разлитого в каждой строчке, по внутренней ее соразмерности и спокойному мастерству изложения биография эта может назваться образцовой [1]. Иные выражения — изумительны своей меткостью. Особенно поразило меня то место, где Вы говорите, что, читая Загоскина, «чувство народности незаметно поднимается со дна души» [2]. Это совершенно верно. Я сожалею только об одном: зачем Вы поместили две выдержки из сочинений З⟨агоскин⟩а? Кроме того, что З⟨агоскин⟩ именно такой писатель, которого по выдержкам судить нельзя — они (особенно куплеты) уже слишком незначительны и могут неверно подействовать на читателя [3].

«Мирошева» [4], которого я не читал, я теперь непременно прочту — что же касается до «Милославского» — то я знал его наизусть; помнится, я находился в пансионе в Москве в 31-м году (мне был 12-й год) — и нам по вечерам надзиратель наш рассказывал содержание «Ю⟨рия⟩ М⟨илославского⟩». Невозможно изобразить Вам то поглощающее и поглощенное внимание, с которым мы все слушали; я однажды вскочил и бросился бить одного мальчика, который заговорил было посреди рассказа. Кирша, земский ярыжка, Омляш — боярин Шалонский — все эти лица были чуть не родными всему нашему поколению — и я до сих пор помню все малейшие подробности романа [5]. Да, такая народность завидна — и дается немногим! В 32-м и 33-м году я часто видывал Загоскина в доме моего отца [6], с которым он был очень дружен; впечатление, которое он производил на меня, далеко не соответствовало уважению, которое я питал к его роману — впрочем, это было не уважение — а какое-то горячее дружелюбное чувство — как бы к старшему брату (я говорю о Юрии Мил⟨ославско⟩м). Причина, почему я перед самим Загоскиным не благоговел, была двоякая — с одной стороны, он слишком был прост и добр, иногда даже спорил со мной — а мальчишка, каким я был тогда, не может благоговеть перед тем, кто становится с ним рядом — с другой стороны, в З⟨агоскин⟩е была какая-то добродушная хвастливость насчет женщин, которая мне тем более не нравилась, что он обыкновенно в этих случаях выражался французским, весьма неправильным языком. Но вспоминая всех тех литераторов, с которыми мне потом пришлось сблизиться — и из которых едва ли один стоил Загоскина — приводя себе на память всю их мелочную раздражительность, кичливое самолюбие и ломание (я уже не смею упоминать о собственных грехах в этом роде) — я не могу довольно надивиться скромности автора, который действительно некоторое время не имел себе равного в народной любви — да и до конца сохранил ее; — Загоскин, с которым я, 13-летний мальчишка, мог обходиться бесцеремонно — был отличный человек!

Желаю я, чтобы моя статейка о Вашей книге хотя отдаленно могла Вам понравиться так, как Ваша биография мне понравилась [7].

Доставил ли Кетчер Ив⟨ану⟩ Сергеевичу «Постоялый двор» и прочли ли Вы его — и если прочли — какого Вы о нем мнения [8]. Так как совершенно неизвестно, когда мы с Вами увидимся — а мне хочется подвергать мои произ-

ведения Вашему суду, то я постараюсь распорядиться так, чтобы список с 1-й части моего романа достался Вам в руки — только это между нами. Она будет состоять из 12 глав — я уже написал семь [9].

Я уверен, что Вы обратили внимание на повесть о Фроле Скобееве в первом № «Москвитянина». Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны, и наивность слога трогательна [10]. — Но стихотворения Щербины [11] мне еще менее по вкусу, чем стихи г-жи Павловой или Растопчиной — это какой-то любострастный писк, который нам хотят выдать за античность! И хоть бы стихи были хороши! Нет — этакого рода поэзия не годится никуда.

Прощайте, добрый С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩, будьте здоровы и веселы.— У нас с 12-го янв⟨аря⟩ стала холодная, солнечная погода — вероятно, и у Вас также. Холерные случаи попадаются здесь довольно часто — но пока ничего слишком худого нет.— Егеря́ мои колотят множество зайцев — я очень зябок и на эту охоту не хожу. Кормятся у меня 12 куропаток — в марте выпущу их на развод. На днях послал охотника в степную деревню с поручением поймать и привезти еще.

Крепко жму Вам и всему Вашему семейству руку и остаюсь

душевно преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Правда ли, что Катков женится и переезжает в Петербург?

255. ПОЛИНЕ ВИАРДО

23 января (4 февраля) 1853. Спасское

Spasskoïé,

le 23 janvier 53.

J'ai reçu votre seconde lettre [1], ma bonne et chère Madame V⟨iardot⟩ et je vous avoue que je suis fort inquiet, ce choléra qui visite la maison que vous habitez [2] et puis cette imprudence de V ⟨iardot⟩ ... Est-il enragé avec ses ours! Dites-lui donc qu'il ne faut pas plaisanter avec notre hiver. Je me rappelle qu'il se sentait plus mal chaque fois qu'il avait fait une excursion. Qu'il se résigne à ne pas sortir de Pétersbourg, comme moi à ne pas y entrer.

Je reçois «L'Abeille du Nord» et j'y ai lu avec un véritable plaisir les deux articles de B⟨oulgarine⟩ et de Thé-

oph<ile> Tolstoï [3]. Pourquoi faut-il que ces deux individus me soient si antipathiques? Th. Tolstoï, artiste manqué, littérateur manqué, haineux, perfide et rampant, plein d'un fiel aigri, qui n'est aussi qu'un venin manqué, est, je crois, plus désagréable que B<oulgarine>. Je l'ai souvent vu dans le courant de l'hiver passé, nous nous sommes dit des m'amours tout plein et je sais qu'il ne peut me souffrir: il a attribué à mon influence sur Kraïewski la non-acceptation d'un détestable roman, dont il avait eu toutes les peines du monde à accoucher — en voilà assez pour toute une vie de haine [4]. Les littérateurs sont en général une assez mauvaise race; ceux qui le sont à demi ne valent rien. Observez les mouvements de sa bouche et de ses sourcils, pendant qu'il débite ses mielleuses paroles, quelles vilaines agitations de queue de chat! Je vous prie, que ceci reste strictement entre nous. Mr Théophile est un homme dangereux et il est si facile de me nuire.

La petite tabatière dont je vous parle dans ma dernière lettre [5] n'a pu être expédiée que mercredi (avant-hier). Un petit cercle en carmeline *sous* le couvercle est cassé en trois endroits, mais il est facilement remplacé. Je vous le dis pour que vous ne pensiez pas à un accident pendant le voyage. D'ailleurs, ce qu'il y a de vraiment joli dans cette boîte, c'est le petit chien en mosaïque.

Je suis heureux d'apprendre que votre voix est en bon état, je vous conjure seulement de vous ménager et de ne pas brûler vos vaisseaux comme en 44 et 45 [6].

Irez-vous à Moscou pendant le carême pour y donner des concerts [7]?

Des lettres de Pétersbourg confirment ce que vous dites de votre «personal appearance». Tout le monde s'accorde à dire que vous avez l'air plus jeune et plus frais qu'il y a sept ans [8]. Cela me fait désirer plus vivement encore votre daguerréotype, quoique je sache bien que c'est une carricature (sic) plutôt qu'une ressemblance. Cependant, mes yeux sauront bien démêler le changement survenu dans vos traits. Je vous prie de ne pas me faire attendre longtemps.

Ici tout va son petit bonhomme de chemin. Il fait bien froid depuis 10 jours — je n'ai pas d'autre nouvelle à vous donner. Je ne sais si je vous ai dit que depuis la nouvelle année j'ai chez moi mon oncle avec toute sa famille. Nous sommes assez nombreux, nous nous mettons douze à table: Tutchef, sa femme, la sœur de sa femme (cette grande et insipide demoiselle, vous savez, qui, du reste, je lui rends cette justice, ne me *vise* pas du tout) [9], leur mère [10], une de-

moiselle de compagnie, mon oncle, sa femme [11], la sœur de sa femme [12], deux autres sœurs demeurant dans le voisinage, une vieille bonne et moi. Les femmes sont en majorité, comme vous voyez, mais en fait de femmes il n'y a que Mme T⟨utchef⟩ qui soit remarquable. Les autres — «peuple de poules». Cela me fait penser à Courtavenel et aux gloussements que j'eus pour réponse pendant toute une journée... Hélas! Tous ces souvenirs ne sont plus que des ombres.

Les lettres de P⟨étersbour⟩g arrivent ici le cinquième jour, quelquefois le sixième.

Adieu, chère et bonne amie, à bientôt. J'attends avec impatience la continuation de votre journal. Mille amitiés au bon Viardot. Je vous baise les mains avec tendresse et vous souhaite santé et bonheur.

Votre
J. Tourguéneff.

256. ЛУИ ВИАРДО

28 января (9 февраля) 1853. Спасское

Pour V⟨iardot⟩.

Spasskoïé,
ce 28 janvier 53.

Mon cher ami, si je pouvais être sûr que votre santé se rétablît complètement [1] — je serais presque tenté de bénir cet accident, qui, en vous prouvant encore une fois toute la perfidie du climat de P⟨étersbour⟩g — vous rendra prudent désormais.— J'espère que vous vous tiendrez pour bien averti cette fois — et que vous laisserez les ours sucer leurs pattes en paix.

Je suis aux prises avec un marchand, qui ne veut me donner que 7 r. 25 k. (papier) pour mon tchetwert de blé, tandis que j'en demande 8.— L'un de nous remportera la victoire l'un de ces jours — et je vous enverrai aussitôt la pension de Pauline [2] avec le prix du fusil; vous pourrez me l'envoyer quelques jours avant votre départ par le comptoir Iazykoff — ou bien si vous allez à Moscòu — emportez-le avec vous; mon frère possède une maison à Moscou — et sa femme y demeure — un domestique viendra chercher le fusil.— Ce sera le plus simple.— D'ici là — recevez mes remerciements pour la préférence et pour la poire à poudre.

Mon cher ami, ce qui vous distingue surtout — c'est le bon sens judicieux de votre esprit. Vous en avez autant en espagnol qu'en français — et votre opinion est toujours la bonne.— Nous nous verrons quand il plaira à Dieu — et

pas avant.— Espérons que ce ne sera pas à une époque trop éloignée.

Un de mes meilleurs amis, un Mr Léon Waxel, désire faire votre connaissance. S'il vient vous voir, je vous le recommande de toutes mes forces.— C'est un excellent chasseur — un parfait «gentleman» dans la meilleure acception de ce mot.— Je suis sûr qu'il vous plaira — sa figure prédispose en sa faveur — et je me trompe fort, si Mme V⟨iardot⟩ ne voudra pas avoir son énergique et belle tête dans son album [3]. — A propos — je la prie le m'envoyer son daguerréotype.— Si vous y ajoutiez le vôtre, je n'en serais que plus content.

N'oubliez pas de saluer l'excellent comte A. Tolstoï de ma part.— Etienne G⟨uédéonoff⟩ est donc de retour à P⟨étersbour⟩g avec *son ouvrage* [4].— Sa morgue et son aplomb, joints à une incurable manie de *faire* de la littérature (tout en affectant de la dédaigner profondément) — me font penser à ces Pompignan, si bien persiflés par Voltaire [5].

César n'a pas d'asile où son ombre repose.—Et Mr G⟨uédéono⟩ff pense être quelque chose.

Adieu, mon cher ami — ménagez-vous, vivez bien tranquillement dans les quatre murs de votre chambre — promenez-vous, quand il fait beau et n'oubliez par que vous avez encore devant vous le plus vilain temps de l'année.

Mille amitiés.

Votre
J. Tourguéneff.

257. Д. Я. КОЛБАСИНУ

28 января (9 февраля) 1853. Спасское

С. Спасское.
28-го янв. 1853.

Что с Вами сделалось, Колбасин? Как это можно — в Петербурге холера, а Вы не пишете — это нас всех очень беспокоит. Пожалуйста, дайте поскорее о себе весточку. И что Вы делаете в Петербурге? Нашли ли себе место или всё еще живете сладкой надеждой [1]?Что делает Ваш брат [2]? Я получил Вашу небольшую записку, от 2-го генв⟨аря⟩, в которой Вы меня извещаете о приезде г-жи [a] В⟨иардо⟩ [3]. Были ли Вы в театре, и слышали ли ее [4]? А что же музыка Гуно? Неужели же ее нельзя достать от Щепкина [5]. *Не нужно ли Вам денег*? Пожалуйста, не церемоньтесь и скажите мне это прямо. От Миницкого мы тоже не

[a] *В тексте публикации ошибочно*: г-на

имеем никаких известий [6]. Не забудьте вместе с музыкой выслать мою комедийку [7].

Когда-то мы с Вами увидимся — это неизвестно. Но мой дом всегда к Вашим услугам — и я убежден, что Вы в этом не сомневаетесь. Напишите нам. Здесь все об Вас беспокоятся.

Ваш Ив. Тургенев.

258. А. А. КРАЕВСКОМУ

28 января (9 февраля) 1853. Спасское

С. Спасское.
28-го янв. 53.

Посылаю Вам, любезный Краевский, обещанную повесть Леонтьева для помещения, если можно, в мартовской книжке. Надеюсь, что цензура не сделает затрудненья. Заглавье «Немцы» — можете переменить [1]. Цена листу 50 р. сер. Сверх того, будьте так добры и пошлите 10 отдельных оттисков Константину Николаевичу Леонтьеву, в Москве, на Пречистенке, в доме Охотникова. Я надеюсь, что, по прочтении этой вещи — Вы согласитесь со мною, что немногие так начинали: там, между прочим, есть одно лицо — Цветков, которое заслуживает название типа — это много.

То, что будет стоить повесть, вычтете Вы из моего долга — я уже деньги дал Леонтьеву вперед. До сих пор я никак не могу продать хлеба — и всё еще принужден быть у Вас в долгу. Но это не может продолжиться более 2-х недель. Также прошу Вас выслать мне «Отечественные записки» на 53-й год — и 16 р. 50 прибавить к сумме моего долга.— «Лаокоона» я всё еще не успел просмотреть [2]— но и это дело не пойдет в долгий ящик.

О себе Вам скажу, что работаю по мере возможности и стараюсь не скучать. Желаю Вам веселья и здоровья и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев

259. П. В. АННЕНКОВУ

29 января (10 февраля) 1853. Спасское

С. Спасское.
29-го янв. 53.

Милый Анненков — хотя я еще не получил от Вас ответа на письмо мое [1], адресованное в дом Шица в Петербурге — однако я, предполагая, что Вы уже давно поки-

нули Москву, пишу к Вам опять. Впрочем, я больше вот с какою целью пишу Вам: я сегодня отправляю к Краевскому для «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩» необыкновенно замечательную повесть Леонтьева под названьем «Немцы» [2]. Вы, пожалуйста, попросите от меня Дудышкина, чтобы он как можно тщательнее подержал корректуру — и вообще следил бы отеческим оком за этою вещью [3]. Я надеюсь, что цензура никаких препятствий не сделает— во всяком случае прочтите «Немцев» хотя в рукописи — и напишите мне свое об них мнение. Меня особенно поражает там одно лицо — Цветков — это тип [4].

Не могу также не поделиться с Вами восторгом, возбужденным во мне «Повестью о Фроле Скобееве», помещенной в 1-м № «Москвитянина». Вот простота, вот наивность, вот русский дух и жизнь в каждом слове! Эта нелитературная вещь может привести в отчаянье любого литератора! Так, я воображаю, какая-нибудь жительница Мещанской должна глядеть на четырнадцатилетнюю девочку, беспечно купающуюся перед ней в речке [5].

Хороша тоже биография Загоскина, написанная стариком Аксаковым [6]. Такому именно человеку, как он, и следовало писать биографию Загоскина.— С каким нетерпеньем ожидаю я известий о Вашем Пушкине [7]!

Не поленитесь, толстый друг мой, и напишите мне путное письмо о Петербурге и петербургских друзьях. Это будет доброе дело с Вашей стороны. Также не забудьте сказать мне несколько слов об *опере* [8].

А мы здесь живем помаленьку в глуши. Дни бегут незаметно — и я почти не верю, что уже январь прошел. Работаю я порядком и читаю много.— Кстати, в проезде Вашем через Москву, Вы не слыхали отрывков из 2-й части «Мертвых душ»? До меня только доходят слухи о ней. Если Вам это удалось, поделитесь со мной Вашими впечатлениями [9].

Как только 1-ая часть моего романа будет готова — Вы ее получите — но прошу Вас, чтобы это осталось между нами. В ней будет 12 глав — я написал семь [10].

Прощайте, не забывайте меня. Поклонитесь всем, кто меня помнит, и будьте здоровы — да не объедайтесь до совершенного онемения в Английском клубе — ведь у вас еще гостит холера. Addio, caro, как говорил Егулов [11].

Ваш Ив. Тургенев.

260. Л. Н. ВАКСЕЛЮ

29 января (10 февраля) 1853. Спасское

С. Спасское.
29 янв. 53.

Ваше милое письмо чрезвычайно меня обрадовало, добрый и любезный Лев Николаевич— и я очень за него Вам благодарен. Ваше расположение ко мне заставляет Вас преувеличивать достоинства, которые могут найтись в моих «Записках» [1];— но какова бы ни была моя книга, поверьте, что слова, написанные мною на посланном Вам экземпляре — вылились у меня из души.— Я искренно привязался к Вам с первого дня нашего знакомства — и Вы должны были это заметить.

Очень мне неприятно слышать, что Вас и ревматизм мучит и хандра. От ревматизма. я лекарств не знаю — а чтобы несколько рассеять Вашу хандру, скажу Вам слова два о моей охоте в нынешнем году. Не скажу, чтобы она была слишком удачна, особенно если взять в соображение мои многочисленные и отдаленные поездки в Епифань, Козельск и Карачев. Я убил всего — на свое ружье 304 штуки, а именно: 69 вальдшнепов, 66 бекасов, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатку, 25 перепелов, 16 зайцев, 11 коростелей, 8 курочек, 4 утки, 1 гаршнепа и 1 кулика. Мои два охотника убили 450 штук с лишком. Старуха моя, Дианка, всё время была нездорова и без чутья; зато дочь ее меня чрезвычайно потешала — удивительная вышла собака! Из щенка, подаренного мне Вами, вышла красавица — но, к сожалению, бывшая у ней чума бросилась у ней в переднюю правую ногу — и она беспрерывно ею дергает — не знаете ли Вы какого-нибудь средства против этого [2]? Я очень рад, что Ваш Буф оказался таким добрым псом; остается одно: вместе с милым его хозяином увидать его нынешним летом в Спасском: то-то было ⟨бы⟩ отлично! Пожалуйста, подумайте об этом и напишите, можно ли надеяться на Ваше посещение?

Вы мне говорили о Виардо... Пожалуйста, познакомьтесь с ним — просто, пойдите к нему от моего имени — а я ему уже написал об Вас [3] — и он и жена его встретят Вас как старинного знакомого.

Мое здоровье порядочно — что будет дальше. До сих пор я не очень здесь скучаю— я очень много работаю. С нетерпением жду возвращения весны — и первого появленья вальдшнепов.

Прощайте — милый Л⟨ев⟩ Н⟨иколаевич⟩. — Кланяюсь всему Вашему семейству — пожалуйста, не забудьте ответить на мой вопрос.— Да кстати, Mme Dumée напрасно назвала того студента моим племянником — он очень милый малый — но мне не родня [4]. Ружья же Вам не принес, потому что англичанин исчез с ним.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

На конверте:

Его высокоблагородию
Льву Николаевичу
Ваксселю.
В С. Петербурге,
на Грязной, в доме Сивкова.

261. ПОЛИНЕ ВИАРДО

29 января (10 февраля) 1853. Спасское

Spasskoïé,
le 29 janv. 53.

Chère et bonne Madame V⟨iardot⟩. J'ai reçu votre troisième lettre de P⟨étersbour⟩g avec toutes les bonnes et les mauvaises nouvelles qu'elle renferme [1]. Il faut espérer que les mauvaises n'auront pas de suite et que les bonnes ne feront que croître et embellir. Au nom du ciel, soyez donc prudents tous les deux; vous, n'allez pas vous exténuer à chanter quatre fois par semaine et V⟨iardot⟩, qu'il consente à laisser les ours finir leur sieste d'hiver. N'oubliez pas que février à P⟨étersbour⟩g est en général plus mauvais que janvier et que sous ce rapport mars n'est surpassé que par avril. Il y a cependant quelque chose qui me dit que vous irez tous deux à Moscou et que vous y ferez de bonnes affaires, si vous êtes bien sages [2]. Je vous recommande le proverbe russe suivant: Dieu garde celui qui se garde lui-même. «Береженого бог бережет».

Ma chère et bonne amie, je ne voudrais pas vous faire penser à un homme dont le souvenir doit vous être pénible. Cependant, si vous vouliez m'envoyer un air de «Sapho»: *Aimons, mes sœurs*, p⟨ar⟩ e⟨xemple⟩ avec un petit accompagnement de piano? G⟨ounod⟩ est rayé du nombre de mes amis, cependant, je ne puis m'empêcher d'aimer sa musique, faites ce que je vous demande, bitte! A propos, Chorley m'a écrit une longue lettre là-dessus [3], mais je crois vous en avoir parlé. N'oubliez pas non plus votre portrait.

Ainsi, Etienne est à P⟨étersbour⟩g. Quel étrange effet tout cela me fait!.. [4]

Je viens de lire dans les journaux de Moscou que Pizzolato y donne un concert!.. Vraiment, le vieux, le même, l'identique Pizzolato? L'avez-vous vu à Pétersbourg? [5] Qu'est-ce que c'est que tout ce passé qui revient, et moi, où suis-je? que suis-je?

Mme Kalergi est à P⟨étersbour⟩g, elle y fait fureur, à ce qu'on dit, à ce qu'on disait du moins avant votre arrivée. Vous plaît-elle toujours comme autrefois? Et sa «flamme» pour le général C⟨avaign⟩ac [6]? Autant en emporte le vent!

Dites-moi ce que vous pensez de la p-sse Mestchersky. Mon Dieu, que de choses à vous dire, si je vous voyais! Ah! je crois que si je vous revois jamais, je ne saurais que pleurer de joie. Cela me fait penser que j'ai entendu dire à un mauvais gamin de Paris à propos de je ne sais plus quel accident: «Un vieux qui pleure, allons, v'là qu'il va tonner en hiver». Ça s'est vu, cependant.

Je ne sais quel temps il fait chez vous; ici, il fait très froid. Je vois avec plaisir par les gazettes que le choléra diminue.

Adieu, chère et bonne amie, portez-vous bien et soyez aussi heureuse qu'on peut l'être. J'embrasse vos mains avec tendresse.

Votre
J. Tourguéneff.

262. П. В. АННЕНКОВУ

2 (14) февраля 1853. Спасское

С. Спасское. 2-го февр. 1853.

Милый Анненков. Я сегодня только что вернулся из небольшого путешествия, предпринятого мною с намереньем отплатить визиты некоторых помещиков, посетивших меня в день моих именин — и нашел здесь Ваше письмо из Петербурга [1]. Прежде всего, сообщу Вам отрывок из письма Ф. Чорлея, одного из редакторов «Атенеума», о Шенстоне (Ченстона он не знает вовсе) [2].

«Я могу сказать Вам с уверенностью, что в этом случае Ваш великий писатель (Пушкин) позабавился над Вашей публикой. Ни такой драмы, ни даже отрывка такой драмы не существует у Шенстона; это был приятный, несколько болезненный писатель, который писал идиллии во вкусе Гварини [3]. Он также написал поэму под названием „Школьная учительница" — в духе старинного английского юмора».

Вопрос о Шенстоне кончен, но Ченстон меня мучит. Я опять напишу Чорлею, чтобы он опять порылся, не было ли какого Ченстона между драматическими английскими писателями? Несколько стихов в монологе Скупца носят слишком резкий отпечаток не русского происхожденья [4] — от них веет переводом: а именно:

«совесть,
«Когтистый зверь, скребящий сердце, совесть»
и т. д.

до:

«Смущаются и мертвых высылают».

Чистая английская, шекспировская манера!

Я написал Чорлею, чтобы он спросил об этом у Пэна Коллиера, первого знатока этого дела в Англии — Вы верите, любезный друг, мы для Вас готовы воротить небо и землю.

Спасибо за известие о «Цырюльнике». Я понимаю, что́ Вы хотите сказать, и отчасти с Вами согласен,— но я рад слышать, что г-жа В⟨иардо⟩ не потеряла голоса [5]. Напишите мне также о «Пророке» — если дадут его [6].

Что же Вы мне ничего не сказали о меримевском «Самозванце»? Если тот № «Revue des 2 Mondes» не запрещен — достаньте его как-нибудь и пришлите ко мне — я Вам в ножки поклонюсь [7].

В вопросе о Моцарте и Салиери я совершенно на Вашей стороне — но это, может быть, оттого происходит, что нравственное чувство во мне слабо развито [8].

Как толькоконченые главы романа [9] будут переписаны — я Вам их пошлю — Вы, я надеюсь, не видели в том, что я отвечаю на Ваши замечания о «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩», оправдательных уловок автора — Ваше мнение мне всегда дорого — потому что я ему верю [10].

Лень ужасная писать больше — поклонитесь от меня всем друзьям — будьте здоровы и не забывайте

Вашего И. Тургенева.

P. S. Вы, я думаю, знаете, что почти все антологические стихотворения Пушкина переведены из А. Шенье? [11]

263. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4, 6 (16, 18) февраля 1853. Спасское

Spasskoïé,
ce 4/16 février 1853.

Chère et bonne Madame V⟨iardot⟩.— Hier, à mon retour d'une petite tournée que j'ai faite dans les environs

pour visiter plusieurs voisins — j'ai trouvé votre quatrième lettre de Pétersbourg [1].— Dans celle-ci, malheureusement — les mauvaises nouvelles l'emportent sur les bonnes.— Je n'ai pas d'inquiétude pour la petite Louise [2], mais je crains bien que votre mari ne soit obligé de partir avant vous.— Si les médecins le lui conseillent, qu'il le fasse résolument et sans attendre une amélioration, qui ne pourrait être que passagère.— S'il part — irez-vous à Moscou [3]?— Je m'imagine que vu le succès triomphant de votre *reappearance* — on va vous faire de belles offres pour la saison suivante — les accepteriez-vous [4]? Je crois que ce serait désirable sous le point de vue financier — mais avec qui viendriez-vous? — Je ne suis, hélas! que trop désintéressé dans cette question, car au train dont vont les choses, je ne vois pas la moindre possibilité de quitter ma retraite avant deux ou trois ans — on vient de me refuser la permission de visiter mes propres biens situés dans les gouvernements limitrophes à celui d'Orel.— Je crois du reste vous en avoir parlé.— Je vous avoue qu'en général, je me préoccupe fort peu de mon avenir — il ne m'intéresse guère — ce n'est qu'un espace de temps, qui me fait l'effet d'une steppe.

Je ne sais si je vous ai dit que l'un de mes voisins possède un assez bon et nombreux orchestre sous la direction d'un excellent maître de chapelle allemand du nom d'Amtsberg [5].— Ces musiciens jouent vraiment bien — leur répertoire est immense — ils exécutent *toute* la musique classique — et puis — ce qu'il y a de remarquable chez eux — c'est l'unanimité de leur jeu, l'identité de coloris et de nuances.— Il n'y a du reste rien d'étonnant à cela.— Amtsberg les a presque tous formés lui-même.— Parmi tout ce qu'ils m'ont fait entendre il y a deux morceaux dont je suis fou — c'est une fantaisie en ut mineur de Mozart [6] écrite pour piano et arrangée pour orchestre par un de ses élèves — le troisième mouvement de cette fantaisie est quelque chose d'inexprimablement beau — et l'adagio de la Neuvième symphonie (an die Freude) de Beethoven [7].— Cet adagio — c'est le ciel qui s'entrouvre et vous entraîne irrésistiblement dans ses profondeurs azurées.— Le premier mouvement est aussi sublime — pour le scherzo — j'avoue que je le trouve lourd, brutal et insignifiant à la fois — et là où il devient à quatre temps — vulgaire.— Je ne comprends pas non plus le commencement du final — avec ses bribes de réminiscences et ses longs hurlements de contrebasse.— Mais il n'y a rien de plus irrésistible, de plus grandiose que

l'éclat qui précède l'entrée des chœurs.— Je vous prie de me dire si je me suis trompé dans l'impression que cette symphonie m'a faite — et je vous conjure de vous procurer la fantaisie de Mozart (voici son titre: Grande fantaisie en ut mineur arrangée pour l'orchestre par Seyfried, sans titre d'œuvre) — et de me dire ce que vous en pensez.— Le troisième mouvement, dont je vous parle — (il n'y en a que trois) — me fait l'effet d'exprimer précisément l'état actuel de mon âme — je n'ai pu l'entendre sans me sentir tout bouleversé — ému — troublé — en un mot — c'est adorable — et c'est poignant — le génie y coule à pleins bords.

Dites à V⟨iardot⟩ que ses anecdotes sur Mr L⟨ouis-⟩ N⟨apoléon⟩ m'ont fait rire comme un fou [8].— Ce qu'il y a de charmant dans ce Mr — c'est qu'il prétend se donner en *exemple* de *vertu* à tout l'univers — il le dit en toutes lettres dans son dernier discours [9].— Les mots mènent le monde — dépouillez quelqu'un à la face des gens, tout en proclamant à haute voix votre scrupuleux respect pour le bien d'autrui — personne ne doutera de votre honnêteté.—

Vous n'oublierez par votre daguerréotype — (ou phototype) — n'est-ce pas?— Je l'attends avec impatience. Et si vous vouliez bien m'envoyer quelques mesures de «Sapho» — je vous serais bien reconnaissant.— Je sais que tout votre temps doit être pris soit par votre travail, soit par ceux qui désirent vous voir — cependant, si c'était possible! —

J'achèverai ma lettre demain.— En attendant, soyez heureuse et bien portante.— Ne vous fatiguez pas trop.

Vendredi, 6/18 février.

Si V⟨iardot⟩ a décidément le guignon de partir avant vous — dites-lui de remettre le fusil au comptoir Iazykoff — ou bien — si vous allez à Moscou, vous l'emporterez avec vous.— Vous recevrez l'argent avant le carême — c'est-à-dire dans quinze jours. Ce diable de blé ne veut pas se vendre!—

N'oubliez pas de me dire dans votre première lettre si vous avez l'intention d'aller à Moscou.

Adieu — mes bons amis. Peut-être nous verrons-nous un jour — mais l'absence ne fait rien à une amitié comme la mienne.— Je vous serre les mains et je suis

votre J. Tourguéneff.

264. И. И. ПАНАЕВУ и Н. А. НЕКРАСОВУ

6 (18) февраля 1853. Спасское

С. Спасское.
6/18 февр. 53.

Любезные друзья мои, П⟨анаев⟩ и Н⟨екрасов⟩ — получил я ваше письмо [1], а вслед за ним и 1-й № «Современника», который я уже почти весь прочел. Решительно — лучше всего в нем — статья Нового Поэта [2]. Умнее и милее ее ты, П⟨анаев⟩, давно ничего не писал — над ней и нахохочешься и надумаешься вдоволь. (Что скажет Фролов [3] о ней — это другое дело.) Комедию Писемского я принялся читать вслух и одолел только два акта — это очень дюжинная и топором сляпанная вещь [4]. Я так боюсь исторических русских романов, я так мало верю в возможность их теперь — что я никак не в состоянии принудить себя читать «Однорога» [5] — каким-то тяжким ужасом и напряжением скуки веет мне от него — но так как я не прочел строки из этого романа — то, может быть, я и ошибаюсь. Скажите мне: могу ли я его читать? Стоит ли того? Стихотворения, кроме перевода из Байрона [6] — так себе — кажется, лучше бы их было не печатать. Из моей статьи, по обыкновенью, вырезали сердцевинку — и теперь она вышла довольно пустою [7]. Орион вместо мифического назван стоическим [8] — но всё это вздор. Статей Галахова и Соловьева [9] я еще не прочел, но они кажутся дельными. Вообще этот № делен, но мрачен, как вы сами выражаетесь [10], и более похож на № «От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩», чем на № «Совр⟨еменника⟩». Но статья Нового Поэта прочтется с наслажденьем во всех концах России.

Друзья мои, я собирался кое-что написать для вас, но я погрузился по уши в свой роман [11] — и другого ничего не могу делать. Всё, что я могу сказать вам в утешенье — это то, что если этот роман когда-нибудь явится — то не иначе, как в вашем журнале,— но когда он явится— на этот вопрос нет решительно никакого даже вероятного ответа. Утешенье — как видите — плохое,— да что делать!

А вот что я могу вам сказать — у меня здесь гостил Леонтьев и оставил мне отличную вещь, которую непременно желал отдать Краевскому— другую же, начатую еще лучше, обещал кончить для «Современника» [12]. Я ее должен получить в течение нынешнего месяца — и к апрельской книжке надеюсь доставить ее вам. Повесть Ле-

онтьева, вероятно, явится в мартовской книжке «О‹течественных› з‹аписок›». Рекомендую ее вам.

Ну, прощайте, ребята — да не запаздывайте вашими книжками — а то на это сильно здесь жаловались мне. Обнимаю вас и остаюсь

преданный вам
И. Тургенев.

P. S. Всем друзьям усердный поклон.

265. С. Т. АКСАКОВУ

5, 9 (17, 21) февраля 1853. Спасское

С. Спасское.
5/17 февраля 1853.

Я еще не успел отвечать на Ваше письмо, любезный Сергей Тимофеевич, как уже получил от Вас другое [1] — и потому тотчас берусь за перо, чтобы не остаться в долгу перед Вами и Вашими сыновьями. Впрочем, я на этот раз хочу Вам сказать только несколько слов. Я очень рад, что мой отзыв о Вашей статье в «Москвитянине» доставил Вам удовольствие [2] — и мне приятно думать, что я был отчасти причиной возбуждения в Вас литературной деятельности. Я очень понимаю, почему Вы не совсем довольны моей статьей [3] — я увлекся несколько в сторону от Вашей книги — но я не предвидел, что ценсура так немилосердно поступит со мной. Не упоминаю уже о множестве отдельных мест, ослабленных и выкинутых ею: посылаю Вам целые полторы страницы, вычеркнутые — после слов: «рассуждениями по их поводу» — на стр. 39* [4]. Что г-н ценсор подозревал в этом отрывке — пантеизм, что ли — или вообще мое имя па него подействовало — не знаю. В другой моей статье я хотел поговорить подробнее о Вашей книге [5] — и, вероятно, так и сделаю — но, признаюсь, такая ценсура хоть у кого отобьет охоту брать перо в руки. Иван Сергеевич написал мне по [a] поводу моей статьи очень умное письмо [6], на которое отвечу отдельно, так же как и Константину Сергеевичу [7] — а сегодня я себя чувствую весьма вялым и ленивым.— Иван Сергеевич говорит, что он, может быть, проедет ко мне [8] — то-то был бы для меня праздник.— Если кто-нибудь из Ваших будет писать Самарину [9], поблагодарите его за память обо мне.

---

* На предпоследней строке.

[a] *Далее зачеркнуто*: этому

Любезный Сергей Тимофеевич, простите мне это неинтересное письмо. На днях соберусь с духом и напишу большой ответ Вашим обоим сыновьям. А пока — будьте вы все здоровы и верьте в искренную и глубокую преданность

Вашего

Ив. Тургенева.

Это письмо кончено 9-го февраля.

Приложение к письму[10]*:*

Между тем такого рода воззрение совершенно несогласно с истинным смыслом природы, с ее основным направлением. Бесспорно, вся она составляет одно великое, стройное целое — каждая точка в ней соединена со всеми другими — но стремление ее в то же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной, обращала бы всё окружающее себе в пользу, отрицала бы его независимость, завладевала бы им как своим достоянием. Для комара, который сосет вашу кровь — вы пища, и он так же спокойно и беззазорно пользуется вами, как паук, которому он попался в сети — им самим, как корень, роющийся во тьме — земляною влагой. Обратите в теченье нескольких мгновений ваше внимание на муху, свободно перелетающую с вашего носа на кусок сахару, на каплю меда в сердце цветка — и вы поймете, что́ я хочу сказать— вы поймете, что она решительно настолько же сама по себе — насколько вы сами по себе. Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, всё живет только для себя,— как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, всё, что существует — существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения — и все жизни сливаются в одну мировую жизнь — это одна из тех «открытых» тайн, которые мы все — и видим, и не видим. Говорить об этом заманчиво — но оно повело бы меня слишком далеко; я удовольствуюсь тем, что напомню вам известные страницы Гёте о природе — приведу два, три слова, им сказанные:

«Природа проводит бездны между всеми существами, и все они стремятся поглотить друг друга. Она всё разъединяет, чтобы всё соединить»...

«Ее венец — любовь. Только через любовь можно к ней приблизиться»...

«Кажется, она только и хлопочет о том, чтобы созда-

гать личности — и личности ей ничего не значат. Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает»...

На стр. 40-й, на строке 15 сверху, после слова «*невозможно*» выкинуты слова: «Автор перенес в изображение этой птицы ту самую законченность, ту округленность каждой отдельной жизни, о которой мы говорили выше», и т. д., и т. д.

266. ПОЛИНЕ ВИАРДО

20 февраля (4 марта) 1853. Спасское

Spasskoïé,
ce 20 février 1853.

Chère et bonne Madame V⟨iardot⟩ — j'ai appris par une lettre de la p-sse Mestcherski [1] le départ de votre mari — et par «L'Abeille du Nord» le jour de votre bénéfice [2] — je vous avoue, sans vouloir vous faire le moindre reproche, que j'eusse préféré savoir tout cela par vous.— Mais vous vivez dans un tourbillon, qui prend tout votre temps — et pourvu que vous ne m'oubliez pas — je ne demande rien.— Votre pauvre mari n'a donc pas été en état de résister au climat de P⟨étersbour⟩g — il faut espérer qu'il se porte parfaitement à l'heure qu'il est.— La p-sse M⟨estcherski⟩ m'écrit aussi que vous avez l'intention de demeurer à Moscou dans la maison d'une princesse Galitzine [3] — est-ce vrai? — L'argent que je dois à votre mari: 150 r⟨oubles⟩ arg⟨ent⟩ pour le fusil, 400 pour la pension de la petite jusqu'au 1-er mars 1854 et 35 r⟨oubles⟩ arg⟨ent⟩ (142 frs 45 cent.) qu'il avait dépensés en plus de ce que je lui avais envoyé — en tout 585 r⟨oubles⟩ arg⟨ent⟩ — sera chez moi dans trois jours — je vous l'enverrai *mardi* prochain, c'est à dire le 24 février — et vous l'aurez à Pétersbourg avant votre départ pour Moscou [4]. N'oubliez pas, s'il vous plaît, de me donner votre adresse à Moscou — et surtout n'oubliez pas mon photographe.

Je suis très content que vous ayez fait la connaissance de la p-sse M⟨estcherski⟩.— Sous une enveloppe un peu anglaise et dévote elle cache un cœur très dévoué et très aimant.— Et puis elle a beaucoup d'esprit et du plus fin. Vous avez décidément fait sa conquête, malgré quelques préventions qu'on lui avait données contre vous et que votre premier abord a dissipées.— Elle a été de tout temps très bonne envers moi — et c'est peut-être la seule personne sur laquelle je puisse compter sérieusement à Pétersbourg.

Je n'ai vraiment aucune nouvelle à vous donner de moi — ma santé est passable — et je travaille beaucoup.—

Le dégel a interrompu toute espèce de communication — et je ne vois absolument personne.— Heureusement les journaux arrivent quoique plus tard que de coutume.— Je fais aussi beaucoup de lectures.

Je compte recevoir une lettre dimanche et je vous écrirai un peu plus au long mardi — C'est demain l'anniversaire de la mort de Gogol — et il ne veut pas me sortir de la tête. Je crains de mettre un peu de tristesse dans ma lettre et je préfère l'interrompre.— Adieu chère et bonne amie — je vous baise les mains avec tendresse — et vous souhaite tout le bonheur imaginable.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Vous ne revenez pas à Pétersbourg l'hiver prochain? — Dites-le moi aussi.

On viendra de ma part chez vous à Moscou pour prendre le fusil — si vous l'emmenez avec vous — ou bien — expédiez-le par le comptoir Iazykoff.— Vous recevrez l'argent de la même façon que vous avez reçu la petite boîte en mosaïque.

267. А. А. КРАЕВСКОМУ

20 февраля (4 марта) 1853. Спасское

Любезный Андрей Александрович,

Третьего дня получил я письмо от Леонтьева, который просит меня передать Вам следующее: так как он еще студент, то, во избежание различных недоразумений, он желал бы, чтобы под его повестью вместо полной фамилии — были бы только выставлены начальные буквы его имени: К. Л. Он надеется на исполнение его просьбы.

Скажите мне, как Вам понравились «Немцы» [1]; да, я надеюсь, что Вы распорядились насчет «Отеч⟨ественных⟩ запис⟨ок⟩» [2].

Пока — Вам больше сказать нечего; здоровье мое порядочно — как Ваше? Уплата моего долга и Lessing — всё еще на моей душе! Поверьте — я буду счастлив только тогда, когда сниму с себя это бремя [3].

Жму Вам крепко руку и остаюсь

Ваш
И. Тургенев.

С. Спасское.
20-го февр. 1853.

268. П. В. АННЕНКОВУ

24 февраля (8 марта) 1853. Орел

Орел.
24-го февраля 1853.

Пишу к Вам из Орла, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, куда я приехал вчера на праздники — и где провел бессонную и мучительную ночь, благодаря трактирному бифштексу, который до сих пор сидит, неперевареный, в моем несчастном желудке.— Вчера же поутру получил я Ваше письмо [1]. Получать от Вас письма — для меня праздник. Вы на бумаге так же умны, как в разговоре en tête à tête с человеком, к которому Вы расположены — et c'est beaucoup dire. Ваши слова по поводу «посмертного» романа возбудили во мне невыразимое желание услышать, наконец, эту гениальную вещь... [2] Хотя, с другой стороны, я думаю, что если б я прочел ее в начале зимы — у меня бы самого перо из рук вывалилось — беда не большая — конечно — но что бы я делал всю зиму? — Никто больше меня не признает той роковой связи между жизнью и литературной деятельностью, о которой Вы говорите [3]— но эту связь не сами мы делаем — вот в чем штука. Поломать себя, сбросить с себя разные дрязги, которые большею частью сам тщательно на себя накладываешь — как [a] масло на хлеб — можно; переменить себя нельзя. Хорошо тому сосредоточиться, который у себя в центре опять находит натуру — и всю натуру — потому что сам — натура; а наш брат только и живет, что беготнею то наружу — то внутрь. Иной сосредоточится — и вдруг сделается прост, чист и ясен — как нуль. В каждом столетии остается много-много два-три человека, слова которых получают крепость и прочность жизни народной; эти ведут оптовую торговлю; мы с Вами сидим в мелочных лавочках и удовлетворяем ежедневным и преходящим потребностям. Впрочем, и это имеет свою хорошую и полезную сторону; не будем унывать и по мере сил проложим свой небольшой след.

Я Вам всё это сказал для того, чтобы объяснить Вам причину моей молчаливости: я всё это время писал свой роман [4] с большим жаром и кончил 1-ую часть — 12 глав — страниц около 500! Вы как-то раз мне писали: «отбросимте всякие другие помыслы — faisons-nous du métier» — и потому я не обинуясь говорю Вам, что такое я

[a] *Далее зачеркнуто: хлеб*

состряпал. Хорошо ли, дурно ли вышло — бог весть — это, между прочим, Вы мне скажете — моя вещь для Вас переписывается, и я жду Ваших замечаний и советов. Судя обо мне, старайтесь только забыть какие-нибудь «Мертвые души» — и поправляйте меня в силу того, что *я* бы мог сделать — станьте *мне* в уровень. Впрочем, всё, что я сказал выше, нисколько не противуречит тому правилу, что чем серьезнее на себя взглянет художник — тем лучше для него; и если этот взгляд, на себя брошенный, дойдет до такой ясности, что сомкнет, наконец, ему уста — *так* умолкнуть — тоже хорошая вещь.

Получил я письмо от Боткина, который недоволен моим «Постоялым двором»; он говорит, между прочим, что «герой так преувеличен, что сбивается на мелодраматического героя и вся повесть более походит на эскиз, чем па дельную картину» [5]. Я всегда охотнее верю тому, кто меня бранит — и не знаю, не прав ли Боткин? Впрочем, «Постоялый двор» — вещь уже конченная и прошлая — бог с ней — пусть и она пойдет своей дорогой.

Пришлите мне «Revue des 2 Mondes» [6] — клянусь Вам честью, что если не возвращу Вам того номера, обязываюсь подписаться для Вас па весь прошлый год — но я непременно его возвращу.

Окончательный ответ «Атенеума» [7] Вы получите. Скажите мне *непременно* свое мнение о леонтьевской повести [8], когда она попадет Вам в руки.

Также напишите мне о «Пророке» [9] — Вы, иронический человек!

Прощайте, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Возвратясь из Орла, напишу Вам кое-что о здешней жизни. Пожалуйста, не неглижируйте Вашими глазами — да что издание Пушкина? [10]

Обнимаю Вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. У меня на окне два голубя — font l'amour и очень много font — это мне давало «des distractions» — отчего и письмо мое должно быть не совсем складно.— A propos, Вы, вероятно, заметили интереснейший дневник в последнем №-е «Москв⟨итянина⟩» [11]. Не думаете ли Вы, что слог — подправлен? В 1805-м году так *невозможно* было писать.— Скажите мне Ваше мнение о новой комедии Островского [12] — Боткин ее чрезвычайно хвалит [13].

269. С. Т. АКСАКОВУ

6 (18) марта 1853. Спасское

С. Спасское.
6-го марта 1853.

Любезный и добрый Сергей Тимофеевич, я вполне согласен с Вами, что переписка должна быть дело вольное — и потому пишу Вам сегодня только два слова для того, чтобы сказать Вам, что мое здоровье очень порядочно — но что вследствие разных обстоятельств я нахожусь теперь в таком расположении духа, что не в состоянии изложить порядочно две мысли сразу. Оттого я и к Вашим сыновьям не писал [1]. Впрочем, я надеюсь, всё это пройдет очень скоро — и я тогда с удвоенным удовольствием примусь за перо.— На днях я был в Орле и оттуда ездил к П. В. Киреевскому [2] — и провел у него часа три. Это человек хрустальной чистоты и прозрачности — его нельзя не полюбить. Он, я думаю, Вас увидит — он на днях уехал в Москву. Я его просил всем вам поклониться.— Вперед я буду все свои рукописи посылать через Вас, а когда Вы прочтете «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» — напишите мне свое мнение. Я просил также Киреевского сказать мне, что́ он об этом думает [3].— Мне очень жаль, что Вы всё хвораете — авось весна Вас поправит — что за жестокая зима у нас! Сегодня здесь совершенная кура́ и вьюга.— Повесть г-жи В⟨ельтман⟩ я не читал и теперь еще менее прочту — есть же такие дрянные души, которые не останавливаются даже перед святыней смерти [4].

Прощайте, добрый С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩ — поклонитесь от меня Вашим сыновьям — и верьте в искреннюю привязанность

Вашего
Ив. Тургенева.

270. С. А. МИЛЛЕР

6 (18) марта 1853. Спасское

С. Спасское.
6 марта 1853 г.

Любезная Софья Андреевна, позвольте мне, во-первых, писать вам по-русски — по-французски оно гораздо легче — но дружелюбному чувству, которое я питаю к вам, как-то привольнее выражаться на родном языке. Благодарю вас за ваше письмо, которое гораздо раньше дошло бы до меня, если бы вы, вместо слова: Орел, поставили — Мценск (мой адрес: Орловской губернии, в город Мценск,

в село Спасское). Мне нечего повторять вам то, о чем я писал вам уже в первом моем письме [1], а именно: из числа счастливых случаев, которые я десятками выпускал из своих рук, особенно мне памятен тот, который меня свел с вами и которым я так дурно воспользовался [2].

Не хочу думать, чтобы он никогда не возобновился — хотя, признаюсь, теперь особенно я себе представить не могу, как бы это могло сделаться. Но самые невероятные вещи иногда очень легко сбываются, и я не теряю надежды увидать вас когда-нибудь и сойтись с вами тогда покороче. Я очень хорошо знаю, что никакая переписка личного свидания заменить не может; самые хваленые письма между так называемыми умными людьми мне всегда казались натянутыми и мелочными — притом вашему, что вы ни говорите, необыкновенному уму должно быть тесно в узких рамках письма — все-таки я был бы рад, если б вы изредка мне отзывались.

Я сам вовсе не намерен щеголять перед вами тем, что французы называют les beautés du style épistolaire — я просто желаю, чтобы та нить, которая существует между нами, не перервалась до возобновления нашего знакомства. Мы так странно сошлись и разошлись, что едва ли имеем какое-нибудь понятие друг о друге — но мне кажется, что вы действительно должны быть очень добры, что у вас много вкуса и грации, и я чувствую, что мы можем быть друзьями. Я бы с охотой доверял вам и подвергал бы вашему суду всё, что меня занимает,— но всё это может быть так отдаленно!

Я слышал о вашей опасной болезни; надеюсь, что деревенский воздух (несмотря на 20-градусные морозы) вас окончательно поправит [3]. К сожалению — вы так далеко отсюда живете! Где вы проведете будущую зиму?

Любезная С⟨офья⟩ А⟨ндреевна⟩, пишите мне, когда вам вздумается и о чем вам вздумается.

Я бы сам рассказал вам мою недавнюю поездку в губернский город [4],— но я именно в теперешнее время очень озабочен внутренно. Непринужденность, с которой я пишу вам, служит мне лучшим залогом того, что и вы так же будете писать ко мне. Странное дело! Я никогда не переставал чувствовать, что я ни с кем так легко не сошелся бы, как с вами — а между тем я не возобновил своего посещения. Про вас мне точно сказали много зла — но это нисколько не подействовало... [5] Видно, тогда не судьба была! Если вам удобнее писать по-французски — пишите по-французски.

Прощайте — будьте здоровы и веселы; позвольте мне заочно пожать вашу руку в знак искренней моей дружбы — и верьте тому теплому чувству сердечного расположения, с которым остаюсь...

271. Д. Я. КОЛБАСИНУ

6 (18) марта 1853. Спасское

С. Спасское.
6-го марта 1853.

Любезный Колбасин,

С сею же почтою отправляется письмо об Вас к И. П. Арапетову [1] — и Вы, спустя дня четыре, можете отправиться сами к нему. Сперва Вы можете зайти к Панаеву и узнать от него — доставил ли он мое письмо — потому что я пишу Арапетову через него, по незнанию адресса [2]. Я думаю — так Вам будет покойнее, чем явиться лично, с рекомендательным письмом в руках. Если он Вас примет — это уже будет знак хороший.— Что же касается до другой просьбы (о Таборовском) [3] — то я Вам откровенно скажу, что я не могу ее исполнить — Вы скажите ему, что я Вам ничего не отвечал.— Желаю Вам поступить поскорее на службу — но желаю также очень увидеть Вас нынешним летом в Спасском [4] — судьба распорядится, как сама знает — но я надеюсь, что при возможности — Вы сюда приедете.

Всё у нас по-старому, да по-прежнему — приятельница Ваша Милька ощенилась вчера 4-мя щенками, а Дианка в тот же день — 3-мя. Кураж бедный взбесился — и его застрелили — не даются мне лягавые кобели!

Я ездил на праздники в Орел — посмотреть на губернскую жизнь — и себя показать властям [5]. Теперь я опять сижу дома и работаю — на дворе опя́ть зима, страшные морозы, вьюги и снега́. У нас теперь гостят Сливицкие, которых мы так давно ждали.

О проклятый шалапут Якушкин! Неужели же нет средства достать у Щепкина музыку Гуно? Это истинное наказание — и урок вперед. Авось хоть постом Вы добьетесь от них толку [6].

Прощайте, милый Д⟨митрий⟩ Я⟨ковлевич⟩. Будьте здоровы. Крепко жму Вам руку и кланяюсь Вашему брату, которому желаю поскорее добраться кандидатского званья.

Ваш
И. Тургенев.

272. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

6 (18) марта 1853. Спасское

С. Спасское,
6-го марта 1853.

Извините меня, любезный К⟨онстантин⟩ Н⟨иколаевич⟩, что я до сих пор не отвечал на Ваши два письма. Я так занят, что и теперь ограничусь несколькими строчками. Во-первых, скажу Вам, что я тотчас написал к Краевскому о желании Вашем выставить под «Немцами» только буквы К. Л. [1] Надеюсь, что он исполнил Вашу просьбу — не знаю еще, явилась ли Ваша повесть в мартовской книжке «О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩», или отложена до апреля [2]. Во-вторых, советую Вам по мере возможности (разумеется, не надсаживая себя) заняться «Летом на хуторе», а от «Немцев» Вы не можете ожидать много денег — повесть Ваша вряд ли займет более 2 1/2 листов или трех — по 50 р. сер. за лист, а 100 р. сер. Краевский уже вычел. Остальные Вы получите тотчас от меня, как только мне напишете число страниц. Мы с Краевским имеем большие счеты — и Вы сами желали, чтобы это шло через меня. Если «Немцы» понравятся, мы возвысим цену листа до 75 р. (это получает Писемский). В-третьих, я велю переписать для Вас здесь мои повести [3], а Кетчеру я — виноват — я об этом не писал [4]. Позабыл! Но это будет сделано и Вам доставлено.

Здешние Вам кланяются — а я Вам желаю бодрости и здоровья. До другого письма.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

273. И. Ф. МИНИЦКОМУ

6 (18) марта 1853. Спасское

С. Спасское, 6 марта 1853.

Милый Миницкий — наконец-то Вы отозвались — а то мы начинали было беспокоиться на Ваш счет. Душевно мне жаль, что Вы не можете вернуться к нам — Ваши доказательства и доводы довольно сильны и справедливы — но замечу Вам, что трудно оставаться в городе, к которому Вы питаете такое неприязненное чувство, как к Одессе. И поэтому я думаю, вот что бы надобно Вам сделать: дожить до весны в Одессе — потом приехать на лето и осень сюда — а к октябрю отправиться хотя бы в Москву, где Вам можно найти либо место, либо такие же занятия,

как в Одессе — за это уж я берусь — и надеюсь исполнить это без труда с помощью тамошних моих знакомых и приятелей. Сверх того, легко может статься, что к тому времени мне будет позволено выехать из деревни [1] — и я тогда большую часть зимы проживу в Москве, а в Петербург съезжу только на несколько дней. Во всяком случае прошу Вас всегда рассчитывать на меня — и знать, что в моем доме Вы всегда найдете самый радушный прием. Дарья Ивановна, вероятно, сообщит Вам все спасские новости, и потому я об них распространяться не стану — скажу Вам только, что мы, наконец, дождались Сливицких — и они оказываются очень милыми и благородными людьми. Я очень много работал эту зиму, написал один большой рассказ [2] и первую часть моего романа — что такое будет — не знаю [3]. Я бы непременно выслал бы Вам мои «Записки» вместе с Вашими книгами (мы их с первой почтой к Вам отправим) — но у меня самого только один экземпляр — а в Москве все разошлись [4]. Впрочем, Вы их уже вторично прочли — и, право, больше их уже Вам читать не стоит. Я надеюсь, что уже пошел вперед и еще пойду — и сделаю что-нибудь посолиднее [5]. Очень бы я желал сообщить Вам мои теперешние заботы — да что делать! Вот летом бы можно — как Вы думаете?

Кончаю мое письмо одним советом, а именно: никто не может сказать про себя — есть ли у него талант — и к чему именно,— это должно созреть в человеке, как плод на дереве,— но всякому, даже лишенному творческого дара, необходимо сосредоточиться и придать себе известное направление, а то непременно рассыпешься весь и не соберешь себя потом. И потому советую Вам — не браться то за те, то за другие книги — а читать, напр., одни исторические сочинения. Это Вас укрепит и даст однозвучность Вашему внутреннему существу. Это также лучшее и вернейшее средство против скуки. Человек вообще скучает не столько от внешних обстоятельств — сколько от тайного ропота собственного бездействия или беспорядка в деятельности. Я это Вам говорю по опыту.

Извините меня за этот наставительный тон — вспомните, что я уже сед, как крыса — а Вы еще только начинаете жить — притом я уверен, что Вы увидите в моем совете самое искренное желание Вам добра и пользы. Не хочется, чтобы последующее за нами поколение ломало себе бока именно о те же камни, об которые и мы сокрушали свои.

Впрочем, будьте здоровы и веселы — все здесь Вас помнят и любят — а я остаюсь навсегда

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

274. И. И. ПАНАЕВУ

6 (18) марта 1853. Спасское

С. Спасское.
6-го марта 1853.

Милый Панаев,

Пишу тебе несколько слов по случаю отправления прилагаемого письма к И. П. Арапетову [1]. Я не знаю его адресса — и прошу тебя доставить ему немедленно это письмо. О себе скажу тебе мало нового — ездил я на праздники в Орел [2] — и понасмотрелся там губернской жизни. Этюд недурной.— Получил я также 2-й № «Совр⟨еменника⟩» — и не успел его прочесть весь. Очень хорошо и тепло написана статья Дружинина о Федотове [3] — весьма любопытна статья Гаевского о Дельвиге [4].— До меня дошли слухи, что многие недовольны твоим «Кошмаром» в 1-м №-е; — сообразив все обстоятельства, я сам сожалею о том, что ты поместил историю *Космоса* [5] — но все-таки я нахожу твою статью очень забавной.— У нас теперь совершенная зима; я заперся, как крот в свою нору — и работаю, как крот, роюсь и вожусь в недрах своего романа [6]. Другого у меня теперь ничего в голове нет.

Костя Огарев видел меня в Орле — он расскажет тебе обо мне. Я его просил всем вам поклониться дружески.

Слышал я о счастье Некрасова [7] — посоветуй ему от моего имени — не пустить его опять на ветер.

Прощай, дружище, будь здоров и помни

твоего
И. Тургенева.

P. S. Обоим Мишам — Л⟨онгинов⟩у и Яз⟨ыков⟩у— поклон до земли.

275. П. В. АННЕНКОВУ

14, 15, (26, 27) марта 1853. Спасское

С. Спасское.
14 марта 53.

Милый Анненков, Ваше милое и умное письмо об Островском, «Пророке» — и «направлениях» получил я вчера [1]. Всё это очень дельно и выражено с большой тонкостью

и верностью. Комедию Островского [2] прочел нам на днях М. С. Щепкин, который приехал сюда в понедельник [3] и, к сожаленью, завтра (т. е. в субботу) [4] уже уезжает. Каков милый старик? Прочел ее он отлично, и впечатленье она произвела большое — но у меня всё из головы не выходил «Père de famille» и другие драмы Дидеро [5] — с сильной начинкой естественности и морали — я не думаю, чтобы *эта* дорога вела к истинному художеству. У Островского нет сентиментальности, которая терзает Вас у Дидеро — но сентиментальность, славу богу, кажется, навсегда умерла. Словом — пиэса чрезвычайно умна, показывает в авторе замечательный *драматический* талант, — но ведь и здесь отразилось то «*направление*», против которого Вы так справедливо возражаете, или, говоря точнее — то стремление к *направлению* [6].

15-го марта воскр⟨есенье⟩.

Щепкин уехал, пожив у нас дней пять [7]. Я ему читал свой роман [8] — и, сколько я могу судить, с успехом. В романе моем я старался как можно проще и вернее изобразить, что видел и испытал сам — не заботясь о том, какое поученье можно будет извлечь из этого. Писец мой всё не едет из Москвы — и потому копия еще не началась — такая досада!

«Дневник Студента» [9] в «М⟨осквитянин⟩е» прекрасная вещь, и продолжения его я жду с нетерпеньем. С Вашим воззрением на «М⟨осквитянин⟩» я вполне согласен — это единственный наш живой журнал, при всех своих нелепостях [10].

О «Пророке» Вы судите довольно верно — но с излишней иронией. Я сам знаю, что Mme V⟨iardot⟩ слишком много играет [11] — но у ней это происходит не от эклектически-немецкой рефлекции, а от ее реалистической южной натуры. Так итальянец, прося милостыню, показывает рукою, что он ничего не ел. Для зрителя, впрочем, в результате всё равно — но у ней есть истинно трагические движения — и Вы едва ли к ней вполне справедливы. Нас, стариков, с Вами может интересовать либо оконченный и возмужалый гений — либо молодые, бродящие и неопытные начинанья. Ни того ни другого в Mme V⟨iardot⟩ нет — и потому Вы остаетесь холодны.

«Revue des 2 Mondes» [12] я Вам возвращу с благодарностью.

Извините это короткое и несвязное письмо. В другой раз напишу подробнее — впрочем, будьте здоровы и весе-

лы.— Что Вы ничего не говорите о Вашем издании? [13] О Ченстоне [14] нет еще окончательного ответа.— Кланяйтесь всем друзьям. У нас третьего дня было ночью 7 градусов тепла и жаворонки пели во всю Ивановскую — а сегодня 10-иградусный мороз.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Когда увидите Арапетова, спросите его, получил ли он мое письмо и что по нем сделал? [15]

276. И. Е. ЗАБЕЛИНУ

20-е числа марта ст. ст. 1853 (?). Москва

Сделайте одолжение, любезный Забелин, пришлите то, что Вы знаете, с этим человеком, который совершенно верен.— Я нездоров (однако надеюсь послезавтра выехать) и вечером буду дома сидеть.

До свиданья.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На обороте:

Его высокоблагородию
Ивану Егоровичу
Забелину.
У Красных ворот, в Запасном Дворце.
(В *собственные* руки).

277. С. Т., К. С., И. С. АКСАКОВЫМ

2 (14) апреля 1853. Спасское

С. Спасское.
2-го апреля 1853.

Я только вчера вернулся из 10-идневной поездки, добрые друзья мои, С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩, К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩ и И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ — и нашел здесь ваши милые письма [1]. Не могу ответить вам теперь, как бы хотелось — у меня опять разыгралась моя гастрическая лихорадка и порядком меня мучит — поездка-то моя очень не вовремя была сделана — но хотя несколько слов должен вам сказать сегодня.— Я очень счастлив и рад, что вам мой «Постоялый двор» понравился [2] — всякие похвалы более или менее, по человеческой слабости, приятны — но в ваших словах я не похвалы себе вижу, а поощрение, ручательство в том, что я не сбиваюсь с дороги —

и это меня радует и подкрепляет. Дай бог, чтобы и вперед я заслужил ваше драгоценное для меня одобрение! Отвечать же на всё то, что вы мне пишете по поводу «П⟨остоялого⟩ д⟨вора⟩», я теперь не в силах — когда-нибудь в другое время — насколько это будет возможно в письме, но, отложив в сторону всякое сочинительство — или, говоря правильнее, всякое сочинительское самолюбие — не могу не повторить, что со всем сказанным К⟨онстантином⟩ С⟨ергеевичем⟩ — согласиться мне трудно [3]. Это не мешает мне быть душевно благодарным за его участие — и со вниманием взвешивать и обдумывать каждое его слово. Ваша оценка каждого отдельного лица в «П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩» — милый С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩[4] — меня просто возгордила — стало быть, подумал я, я не напутал, коли С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩ так верно понял всё, что я хотел сказать. Я для Вас приказал уже переписать «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» и пошлю его Вам. Буду ждать Ваших самомалейших замечаний с нетерпеньем — что касается до провинциальных выражений [5] — то, к несчастью, я сам их незаметно употребляю в разговоре — и покойный критик В. Г. Б. всегда называл меня «орловцем, не умеющим говорить по-русски» [6]. Прошу Вас указывать мне такие выражения.

Ваш «Охотничий сборник» — блистательная и, я надеюсь, выгодная в денежном отношении мысль. Разумеется, я Ваш сотрудник и мое перо, мое имя к Вашим услугам. На днях примусь думать о содержании статей [7] и сообщу Вам — на чем остановлюсь.

Кончаю мое короткое письмо — лихорадка моя почти исчезла — но осталась какая-то слабость и тупость. Считайте за мною, по крайней мере, два больших и дельных письма — а теперь позвольте обнять вас всех от души и пожелать вам всего хорошего.

Ваш
Ив. Тургенев.

278. П. В. АННЕНКОВУ

2 (14) апреля 1853. Спасское

С. Спасское.
2-го апр. 1853.

Милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, писец из Москвы на днях прибыл и переписывание началось — желаю, чтобы мой роман [1] оказался достойным того нетерпения, которое Вы так мило выражаете в Вашем последнем письме [2]. —

Благодарю за «Revue des 2 Mondes», вчера получил ее — и как только прочту штуку Мериме [3] — в исправности возвращу.— Вы меня спрашиваете о стихах Некрасова [4] — mais, как говорит француз — cela peut-il faire une question — разумеется — это становится антиподом всякой поэзии — я ему тогда же написал, что такие стихи гораздо лучше не печатать [5] — притом эта поэзия *отрыжки* и дурного пищеваренья не выкупается ни едкостью желчи и насмешки над самим собою — ни даже жидовски-блестящим умом à la Heine. *Remedium* [a], как Вы говорите — тут очень простое — не писать таких вздоров— но я не довольно близок с Некрасовым, чтобы преподать ему подобный совет.

Довелось мне слышать отрывки из первых двух глав продолжения «Мертвых душ» [6] — вещь удивительная, громадная — но что такое фантастический наставник Тентетникова — Александр Петрович, что за лицо — и какое его значение? Не нравится мне также Улинька: ложью — (виноват!) ложью несет от нее — тою особенно неприятной ложью, которая с какой-то небрежной естественностью становится перед Вами в виде самой настоящей истины — я имел случай изучить ее в лице А. О. Смирновой [7], с которой Улинька, вероятно, списана. Не могу я также переварить Селифана, видящего во *сне*, что он кружится в хороводе с прекрасными крестьянками — и не перевариваю я его не вследствие *направления* — а так — не верится мне что-то [8]. Но все-таки Вы правы — это колокол Ивана Великого — а мы даже не колокольчики, как Вы выразились [9] — а сверчки запечные — трещим — и с большим усердием трещим — но кому от этого какая польза?

Получил я письма от Аксаковых о моем «Постоялом дворе». От лица *Акима* — они в восторге — и видят в нем... право я даже сам не знаю что [10]. Это меня конфузит не менее боткинского упрека [11] — с другой стороны, я не могу не быть благодарным за такое одобрение — оно как будто служит мне ручательством, что я по крайней мере не соврал — а результат можно вывести какой угодно. Один и тот же предмет может вызвать два совершенно противуположных мнения — но довольно обо всех этих мелочах.

Мне всё это время порядком нездоровилось — проклятая моя желудочная лихорадка разыгралась — одна-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: тут

ко теперь лучше.— О Ченстоне окончательного ответа пока нету [12].

Я уже имею письмо от Колбасина о приеме, сделанном ему Арапетовым, и душевно рад, что не ошибся в моем странном — но милом друге Иване Павловиче. Спасибо ему за это! [13]

Что бы Вам приехать ко мне в начале июня или лучше от 25-го мая до 25-го июня? В это время нет охоты. Как бы мы наболтались. Право, это не так трудно — но до того времени мы еще 20 раз спишемся. А теперь лень и какое-то вялое чувство мешают мне продолжать это неинтересное письмо. До другого дня!

Ваш
Ив. Тургенев.

279. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17 (29) апреля 1853. Спасское

Spasskoïé,
le 17 avril 53.

Chère et bonne Madame V⟨iardot⟩, je viens de recevoir votre billet du 9 avril [1]. Vous vous inquiétez de ne pas avoir de mes nouvelles. Vous savez déjà à l'heure qu'il est que je ne suis revenu ici d'une petite excursion que le 1-er avril, mercredi, j'ai envoyé ma lettre samedi 4 (la poste ne partant que deux fois par semaine, les mardis et les samedis). Vous n'avez donc pu recevoir ma lettre le 9, vu le mauvais état des chemins. Je vous ai écrit une autre lettre le 11 [2]. Je ne croyais pas qu'elle vous trouverait encore à P⟨étersbour⟩g, mais je vois que vous y restez plus longtemps que je l'avais supposé.

Vos deux lettres (de Moscou et de P⟨étersbour⟩g) sont bien laconiques — la seconde surtout a l'air d'un torrent qui tombe, chaque mot est tout impatient de ne pas être le dernier. J'espère qu'une fois hors du tourbillon vous me donnerez des nouvelles un peu plus détaillées de ce que vous faites [3]. Ah! les chères lettres que j'ai trouvées ici à mon retour étaient toutes autres. Enfin!

Ma santé va toujours clopin-clopant, comme un lièvre qui a reçu une bonne charge de petit plomb dans ce que les chasseurs nomment son «sac». Je ne serai, je crois, complètement rétabli qu'avec le retour du beau temps, c⟨'est-⟩à-dire aussi complètement que faire se peut, car je soupçonne fort ma maladie d'être une certaine petite vilenie qui, dans la langue des médecins, porte le nom sonore et majestueux de

cancer au pylore. Je viens de nommer Pylore un des petits de Diane, ce sera retentissant à crier.

Chère amie, je vous prie d'excuser la brièveté de cette lettre — j'ai beaucoup à faire aujourd'hui — certaine lettre fort importante pour moi n'a pu être expédiée qu'aujourd'hui, tant elle a eu à subir de traverses [4].

Mille choses à tous les bons amis. Pour vous, vous savez tous les sentiments que je vous ai voués et qui ne finiront qu'avec ma vie. J'embrasse vos mains avec tendresse.

Votre
J. Tourguéneff.

280. П. В. АННЕНКОВУ
21 апреля (3 мая) 1853. Спасское

С. Спасское.
21 апр. 1853.

Переписываться с Вами, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, дело весьма приятное,— и Вы видите, я не мешкаю своими ответами. Начну с того, что время у нас стоит превосходное — но здоровье мое очень скверно — желудок мой с ума меня сводит. Авось охота его поправит. Я не боюсь сказочного элемента в романе — и мне потому только не верится в селифановский сон, что мне кажется, что Гоголю он бы в голову не пришел, если б он не хотел смягчить и загладить своих жесткостей в 1-ой ч⟨асти⟩ «Мертвых душ» — загладить их в смысле «Переписки». И не в одном этом сне замечается это желание подпустить «примирительного» элементу. Я знаю, что в природе и в жизни всё так или иначе примиряется — если жизнь не может, смерть примирит; да ведь коли художнику такого рода гармония, гармония, которую бы он сам, сознательно, вложил в свое произведение, не дается — зачем ему насиловать себя? [1]

Что же касается до «Дяди Тома», которого я на днях прочел — то меня самого поразила мысль — что ведь пожалуй и Аким такого же калибра. *Ваше* письмо подтвердило это впечатление — вследствие чего я себе дал слово этаких вещей более не писать [2].

Я всё это время читал переписку Мерка, друга Гёте, с которого Г⟨ёте⟩ списал Мефистофеля, подпустив в него диавольщины [3]. Это был человек, одаренный необыкновенно верным критическим взглядом. Ни в одном своем суждении он не ошибся. Нашей литературе нужен бы такой человек. Хоть бы так судить о произведениях — не скажу

как потомство, а как обыкновенная публика судит о них пять лет после их появления! А то явится что-нибудь новое — а у нас и глаза разбежались и соображения нет — нет у нас критической силы *отдаления* предмета, при всей любви к нему — которая позволила бы нам обнять его взглядом. Само время другого ничего не делает — и вот отчего не штука сказать через 3, 4 года: это-то хорошо — это дурно. Но сказать о вещи — она хороша или дурна — мало; талантливый критик направляет дарование, уясняет ему его задачу. Мерк — как Сократ — любил, чтобы его называли повивальной бабкой чужих мыслей [4]. При всей остроте взгляда, доходившей у него до нестерпимой едкости выражения — он был очень добродушен и главное — бескорыстно и с любовью отыскивал и поощрял всё, что ему казалось дельным. У Вас есть некоторые черты Мерка — по крайней мере, я не знаю никого, кому бы я больше верил в нынешнее время — Вы иногда только бываете капризны — набивши себе оскомину на чем-нибудь.— Кстати, скажите мне, отчего при всех достоинствах григоровичевских «Рыбаков» (в «Совр⟨еменник⟩е») мне очень было скучно их читать — не оттого ли, что и я уже набил себе оскомину на этом писателе — и отчего мне гораздо более понравился легкий и беглый рассказец Толстого — «Набег» — из которого я бы только выкинул 2, 3 лишних описаний природы? Какого Вы мнения о «Рыбаках»? [5]

Прочтите *сами* «Немцев» и скажите мне тоже Ваше мнение о них [6].

Я знал, что «Дневник Студента» писан Жихаревым — но не знал, что Панаев мог им воспользоваться [7].— Помилуйте, друг мой, почему Вы думаете, что я сочувствую изданию журнала в комнате Дюссо, на лоне Мухортова [8], под шум речей Лонгинова и в дыму тех толстых и вонючих цыгар, которых покойный В⟨иссарион⟩ Г⟨ригорьевич⟩ называл⟨- - -⟩? — А ведь стихотворение без подписи в мартовской кн⟨ижке⟩ «Совр⟨еменника⟩» — опять некрасовское. Ну подите, после этого. Нужно же человеку беспрестанно толковать публике, что ему скверно жить на свете! [9]

Завтра посылаю Вам с тяжелой почтой книжку — «Revue des 2 Mondes» [10].

Ах, как бы Вы умно сделали, приехавши сюда. От 20-го мая до 25-го июня я никуда не выеду — не забудьте. Роман [11] переписывается. На праздниках он приостановился.

Что Вы мне ни слова не скажете об издании Пушкина? [12] Боитесь сглазить?

Поклонитесь Коршу и всем друзьям. Будьте здоровы — это главное. Дружески жму Вам руку и остаюсь

Ваш

И. Т.

281. С. Т., К. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

23, 24 апреля (5, 6 мая) 1853. Спасское

С. Спасское.
Апреля 23. 1853.
Четверг.

Давно я не писал к вам, добрые друзья мои — С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩, К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩ и И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, как бы мне хотелось, хоть и недавно послал к вам письмо [1] — хочу сегодня немного поговорить с вами. Здоровье мое всё еще неудовлетворительно — желудок мой находится в положении довольно скверном — однако я в течение последних десяти дней поправился и раза три был на охоте. Вальдшнепов в нынешнем году у нас очень было мало — в болотистых местечках попадались бекасы (болот у нас — вы знаете — нет) — дроздов прилетело множество — и такие они жирные, каких я отроду не видывал; с грачами сделалась какая-нибудь беда — совсем их не встречаешь; ласточки еще не прилетали — хотя время стоит теплое и трава так и лезет из земли — и деревья, особенно ракиты [а], зазеленели. Впрочем, мне кажется, что к нам еще завернут холода. Сегодня Егорьев день — но скот уже с неделю как выгоняют в поле — всем была бы хороша Святая, если б к нам не прибыла хотя ожиданная, но непрошеная гостья, холера — уже несколько дней она давала о себе знать — а вчерашнего дня открылась и довольно круто. Человек 5 уже умерло. Что будет дальше — неизвестно — меры предосторожности взяты. Крестьяне, к счастью, получили доверенность к моей больнице — и тотчас являются, как только дурно себя чувствуют. Вероятно, холера и вас не оставила без своего посещения — вы так близко живете от Москвы, где она до сих пор сильна. Но однако — бог с ней!

С будущей тяжелой почтой пошлю вам копию «Пост⟨оялого⟩ дв⟨ора⟩» — и прошу замечаний [2].— Роман мой [3] переписывается тоже — праздники его приостановили. Да — кстати — поздравляю вас с ними и заочно

[а] *Далее зачеркнуто*: недавно

1

С. Спасское.
Апреля 23. 1853.
Четверг.

Давно я не писал к Вам, добрые друзья мои — С. Т. К. С. и И. С. — как ни мне совестно, но я недавно послал к вам письмо — хочу сегодня немного поговорить с вами. — Здоровье моё всё ещё не удовлетворительно — несмотря на то, что я хожу в последнее время довольно скверно — однако я во время последних десяти дней поправился и раза три ездил на охоту — вальдшнепов в нынешнем году у нас очень мало — в богородицких лесах попадались дупеля — (вообще у нас на днях — [illegible]) прекрасная погода — и такие они теплые каких я отроду не видывал; с грачами стали как-то [illegible] — скворцов их не встречаешь — ласточки ещё не прилетели — этим временем сколько теплое и трава тоже и лес уже зелены — и деревья осенью ракиты зазеленели. — Верь мне кажется, что к нам ещё завернут холода. — Сегодня Егорьев день — все скоты уже с неделю как выгоняют в поле — весна была бы хорошая, если б к нам не [illegible] сильная засуха, но непрошеная гостья, которая уже несколько дней как [illegible] — а [illegible] открылись и довольно круто. Яровые 5 уже умерли. — Это будет дальше. —

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА к С. Т., И. С. и К. С. АКСАКОВЫМ
от 23, 24 АПРЕЛЯ (5, 6 МАЯ) 1853 г.
Первая страница.

христосуюсь с вами. Сам я ничего не делал; перечитывал и исправлял написанные главы — безжалостно выкидываю всякое, не идущее к делу, сочинительское слово. Впрочем, вы знаете, как всякое желудочное расстройство действует на человека, и потому не удивитесь, если я вам скажу, что всё это время я ни на что и никуда не годился — да и теперь еще вял, как поутру скошенный лопух. Право!

Отлагаю конец моего письма до субботы — до меня дошли слухи насчет продолжения «Сборника» и литературной деятельности Ваших сыновей [4], любезный С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩. Правда ли это? А для Вашего «Охотничьего сборника» у меня уже составлен план двух статей.

Пятница вечером.

Вчера была удивительная погода — я много гулял и увидал первых ласточек. Я намерен для Вашего «Сборника» составить — во-1-х) статью о ловле курских и бердичевских соловьев, списанную со слов моего старого охотника, который раз двадцать ездил за ними по порученьям купцов и вывозил тысячных соловьев — за занимательность этой статьи я отвечаю; — а во-2-х) рассказ о стрельбе мужиками медведей на овсах в Полесье [5]. Это тоже, я надеюсь, выдет статья порядочная. Если здоровье мое окончательно утвердится, к Петрову дню Вы получите обе статьи.

Я в течение последних двух недель убил — 4 вальдшнепов, 1 куропатку (спешу заметить: самца), 6 бекасов, 2 гаршнепов, 1 кулика и несколько дроздов — сущая безделица! Посмотрим, что скажут дупеля.

Дайте об себе весточку — и не взыщите за пустоту этого письма. Впрочем, будьте здоровы и веселы — крепко жму вам всем руки и остаюсь

преданный вам
Ив. Тургенев.

282. П. В. АННЕНКОВУ

12 (24) мая 1853. Спасское

С. Спасское.
12-го мая 1853 г.

Спешу отвечать на Ваше письмо, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — и начну с главного. А именно — Ваши слова, что Вы всё лето будете заняты поверкой *текстов* — показав мне, что Вы еще не приступили к печатанью издания Пушкина [1] и раньше осени не приступите — дают

мне надежду, что Вы согласитесь приехать для окончания Вашей работы ко мне в деревню. У меня Вы найдете особую комнату с выходом в сад, хорошую, могу даже сказать тонкую кухню, совершенную тишину и отсутствие соседей — и людей, которые, сколько я знаю, Вам симпатичны. Я и не упоминаю уже о совершенной свободе Ваших действий — это само собой разумеется. Местоположение Спасского хотя бедное — но кругом леса, в которых много грибов и ягод — купаться можно — город близко — в 10 верстах, и сообщение с Москвою по шоссе очень легко — мы от нее всего в 280 верстах. Ко мне сворачивают от Богословской станции — между *Чернью* и *Мценском* — стоит спросить Спасское-*Лутовиново* — все ямщики знают здешнее место, от Богослова до нас 6 верст. Я думаю, что Вы не будете сожалеть о том, что примете мое предложение — а я очень и очень буду рад Вас видеть. Бумаги с собой взять ничего не значит — и если какие-нибудь посторонние причины не помешают — я Вас жду — и так жду, что хотя 1-ая часть моего романа [2] уже почти кончена перепиской — я Вам ее пошлю только в таком случае, если Вы мне напишете, что не приедете. Что Вам делать летом в Петербурге, в вонючей пыли большого города? Во всяком случае, прошу Вас ответить мне немедленно — да или нет. Если нет — я, скрепя сердце, пошлю Вам мой роман.

Еще забыл сказать, что у меня будет хороший запас вина и, если Вам вздумается верхом поездить, смирная верховая лошадь. Еще выгода Спасского: здесь не увидишь в целое лето *комара* — без шуток.

Всё, что Вы говорите о романе вообще — очень умно и верно [3] — Пушкин одним созданием лица Троекурова в «Дубровском» показал, какие в нем были эпические силы.— Я еще не получил *апрельской* книжки «Современника» — такова исправность газетной экспедиции! — и не могу судить о том, как дальше развиваются «Рыбаки» Григоровича — но не ожидаю от них многого [4]. Эпоха литературы русской, к которой он относится по своему таланту — уже прошла — а истории нет никакого дела, что человек еще свеж и только что сложился и вошел в силу — если он ей более не нужен. Мастерства в «Рыбаках» много — а впечатление они производят — как бы выразиться — какое-то старое.

Я на днях ездил далеко — верст за 150 отсюда к Десне — охотиться за дупелями — и очень удачно охотился. Теперь до Петрова дня — ружье на крючок!

Мы и здесь занимаемся вертящимися столами. Да люди-то всё слабонервные — столы не слушаются пока [5]. Анекдот Ваш о муже и т. д.— прелестен!

Мысль Ваша о девушке, воспитанной в городе и т. д., очень дельна — и мне уже неоднократно приходило в голову нечто подобное. Но теперь мне от своей работы отвлекаться нельзя. А в запасе сюжет останется [6]. У меня еще есть 2, 3 сюжета — из которых иные начаты — желал бы знать Ваше мнение — продолжать или бросить?

Скажите «Современникам» — отчего же это их журнал так опаздывает? [7] Да наведайтесь, сделайте одолжение — о повести Леонтьева [8] — какая ее конечная судьба?

Эх! Кабы Вы мне отвечали, что приедете — то-то было ⟨бы⟩ хорошо! Пока — жму Вам дружески руку и прошу Вас поклониться от меня Коршу и всем друзьям. Будьте здоровы.

Ваш
И. Т.

P. S. — Доставьте, пожалуйста, прилагаемое письмо И. П. Арапетову [9] — и прочтите его сперва.

283. И. Ф. МИНИЦКОМУ

12 (24) мая 1853. Спасское

С. Спасское.
12-го мая 1853.

Я оттого не тотчас отвечал на Ваше письмо, любезный Миницкий, что меня дома не было — я уезжал на охоту верст отсюда за полтораста — и только третьего дня возвратился. Начну мой ответ с самого для меня неприятного — с необходимости отказать Вам в Вашей просьбе. Вы знаете, что я всем готов услужить — и Вам более чем кому-нибудь; но мои дела решительно не позволяют мне даже думать о какой-нибудь лишней издержке. Денег едва достает на прожиток — долгов множество — словом, я, к крайнему моему сожалению, поставлен в совершенную невозможность помогать теперь другим. Я даже обещанных пенсий выплатить не могу — мне это очень тяжело — но делать нечего.

Не знаю, должен ли я радоваться месту, которое Вы получили — мне как-то очень трудно вообразить себе Вас надзирателем — но если через это место Вы можете достать себе порядочное количество уроков — то с богом! [1]

Потерпите годок, другой. Главное — не пренебрегайте Вашим здоровьем. Если мне позволят со временем выезжать из Спасского — то я непременно пущусь на юг — и побываю в Одессе. Мне бы хотелось увидеть Вас здоровым, веселым и по мере возможности счастливым. Может быть, я в нынешнюю зиму буду в Одессе.

Очень меня тронул конец Вашего письма. Да, Миницкий, лучшая пора в жизни человека — его молодость — не только потому, что тогда ему и спится и естся лучше и сил в нем больше — но потому, что тогда в нем зажигается и горит то «священное пламя», над которым смеются только те, в чьих сердцах оно либо погасло, либо никогда не вспыхивало. Поддержите в себе эту благородную решимость, которая дышит теперь в Ваших словах — и знайте, что без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить — гадко жить; знайте, что это говорит Вам человек, про которого, может быть, думают, что он весь насквозь проникнут иронией и критикой — но без горячей любви и веры ирония — дрянь — и критика хуже брани. Если разобрать поэзию зла, воплощенную в типе сатаны — то и в ней мы найдем основанием бесконечную любовь — вспомните Consuelo [2]. Во всяком случае, наше призвание — не быть чертями — будемте людьми — и постараемся быть ими как можно долее — «С богом, в трудную дорогу»! [3]

Вот что я могу Вам сказать о себе: здоровье мое, которое чуть было не расклеилось совсем весной — теперь поправилось. Работал я много — кончил 1-ую часть моего романа [4] — 12 глав — страниц около 300. Может быть, я Вам прочту всё это в Одессе — скорей чем мы думаем.

Автор прелестной повести «Детство» — некто граф Л. Н. Толстой — живет он в 10 верстах от Тургенева [5] — но теперь он на Кавказе.

С будущей тяжелой почтой пошлю Вам экземпляр моих «Записок» — на память нашего житья вместе. Мои «Записки» — мне кажутся теперь произведением весьма незрелым — но я все-таки рад их успеху. Уже три месяца как все экземпляры разошлись.

Прощайте, добрый Ив⟨ан⟩ Фед⟨орович⟩. Все здешние Вам очень и очень кланяются. Вы не поверите, как мне тяжело отказать Вам в Вашей просьбе — при Ваших обстоятельствах... Не станем говорить об этом. Будьте здоровы — и верьте в искреннюю преданность

Вашего
Ив. Тургенева.

284. ПОЛИНЕ ВИАРДО

12, 13 (24, 25) мая 1853. Спасское

Spasskoïé,
le 12/24 mai 1853.

Voici donc que je vous écris de nouveau à Paris, à Londres [1], à quinze jours de distance d'ici, chère et bonne Madame Viardot, à un mois d'aller et de revenir pour une lettre! Il était cruel de vous savoir à Pétersbourg et de ne pas vous voir, mais il était doux de recevoir une réponse dans dix jours. Enfin! comme dit votre mari, il faut s'y résigner. J'ai reçu votre lettre de Moscou [2]. J'ai été bien étonné d'apprendre que vous n'aviez pas reçu de mes nouvelles. Je vous avais cependant écrit tous les dix jours. Je vais décidément mieux depuis quelque temps; j'ai même été en état de faire une excursion de chasse à 150 verstes d'ici, et j'ai tué pas mal de doubles. Comment allez-vous après toutes ces courses par chemin de fer? J'attends avec anxiété la lettre que vous m'avez probablement écrite avant de partir pour Varsovie. Je l'aurai probablement demain. Dieu veuille que cette affaire de théâtre à Londres, dans laquelle vous vous embarquez, vous mène à bon port! Il est probable que vous n'aurez que des cani autour de vous et que tout le poids de la lutte pèsera sur vos seules épaules. Enfin nous saurons tout cela bientôt, j'espère. Vous continuez à garder le silence sur votre réengagement à Pétersbourg. Je viens de lire dans les journaux que Mlle de la Grange y va. Décidément vous ne revenez plus. Cela m'attristerait beaucoup si je pouvais encore garder quelque illusion sur la probabilité de mon retour à Pétersbourg pour l'hiver; mais je ne suis que trop sûr de rester ici.

N'abandonnez pas votre projet de venir donner des concerts en Russie l'année prochaine. Votre dernier triomphe, surtout à Moscou, doit vous y encourager. Si vous venez avec V⟨iardot⟩ à Moscou, j'espère bien que vous ferez une pointe jusque chez moi. Mon jardin est splendide à l'heure qu'il est, la verdure y est éclatante, c'est une jeunesse, une fraîcheur, une vigueur dont on ne saurait se faire une idée; j'ai une allée de grands bouleaux devant mes fenêtres, leurs feuilles sont encore légèrement plissées; elles gardent encore l'empreinte de l'étui, du bourgeon qui les renfermait il y a quelques jours; cela leur donne l'air de fête d'une robe toute neuve, où les plis de l'étoffe se voient. Tout mon jardin est plein de rossignols, de loriots, de coucous, de grives, c'est une bénédiction! Si je pouvais m'imaginer que vous

vous y promènerez un jour! Ce n'est pas impossible... mais ce n'est guère probable[3].

Vous recevrez ma lettre à Londres. N'oubliez pas de demander à Chorley s'il en a reçu une de moi en février, où je lui demande des explications définitives sur un certain auteur du nom de *Chenston* (il sait de quoi il s'agit). Pourquoi ne me dit-il pas son opinion sur Gogol[4], et comment va sa santé?

Le 13.

Je vous avais désigné ce jour comme étant celui de la naissance de <la> petite Pauline; d'après un document que j'ai reçu dernièrement, elle est née le 26 avril (8 mai) 1842. Elle a quinze jours de plus que je ne le croyais. Je ne crois pas du reste qu'il soit nécessaire de changer la date. Donnez-moi de ses nouvelles. Dans quatre à cinq jours, j'écrirai une longue lettre à maman Garcia. Je vous prie de lui embrasser les mains de ma part. Les yeux de Mme Tutcheff vont mieux depuis quelque temps, et nous faisons beaucoup de musique. Elle déchiffre très bien, et a un sentiment très juste de ce qui est beau et vrai. Sa sœur, au contraire, a une tendance *naturelle* vers ce qui est doucereux et commun, et les larmes lui viennent avec une facilité désespérante... Heureusement qu'elle joue la seconde partie, la basse. Elle a des doigts de coton, et quand elle s'embrouille, elle tâche encore de donner à une note quelconque une expression suave. C'est affreux! Le jeu de Mme T<utcheff> a beaucoup de fermeté et de rythme. A force de faire répéter Mademoiselle, certaines pièces vont très bien. Nous sommes plongés maintenant dans Mozart jusqu'au cou. Je dis *nous*, car je me tiens derrière les chaises de ces dames, je tourne les feuillets, et je fais le maître de chapelle. Dans les moments d'enthousiasme, je ne puis m'empêcher d'émettre des espèces de sons horriblement faux, sous prétexte de chant, ce qui cause des crispations nerveuses à tous les assistants.

Je me suis remis à mon roman[5]. J'ai six semaines devant moi jusqu'à l'ouverture définitive de la chasse.

Adieu, *theuerste Freundinn*. Soyez heureuse. Mille amitiés à V<iardot>. J'embrasse tendrement vos chères mains et suis à jamais

votre
J. Tourguéneff.

P. S.— Avez-vous remis les 2 exemplaires de mon livre[6]?

285. С. Т. АКСАКОВУ
12, 16 (24, 28) мая 1853. Спасское

С. Спасское.
Вторник, 12-го мая 53.

Я только третьего дня вернулся с поездки за 150 верст отсюда, любезный Сергей Тимофеевич, и нашел здесь Ваше письмо [1]. Я ездил стрелять дупелей в выводных болотах, лежащих между лесами вдоль берегов Десны. Я немного опоздал — самки уже сели на яйца — а самцы уже начали разлетаться и точки́ прекратились. Однако мы на три ружья убили в три поля 105 штук красной дичи — на мою долю пришлось 41. Молодая моя собака меня очень радовала — и места великолепные. К сожаленью, погода нам не благоприятствовала — холода стояли пренеприятные, а в последние дни дождик лил почти постоянно. На будущую весну, если бог даст, я заберусь туда гораздо раньше. Теперь до Петрова дня ружье на крючок — и, по мере возможности — за перо.— Романа моего [2] я кончил только первую часть — и она теперь переписывается.— По недоразумению — без меня Вам «П⟨остоялый⟩ д⟨вор⟩» не выслали — он отправляется завтра [3].— Здоровье мое несколько поправилось — люди, умершие в нашем околотке, отправились [а] на тот свет, вероятно, от объедения — по крайней мере, с того времени холерных припадков не слыхать. За совет очень благодарен, и если холера сурьезно к нам пожалует, я набрюшник надену. Видно одно слово: Сборник так напугало цензуру, что она не решается позволить даже «Охотничьего сборника»! Во всяком случае, издайте непременно Вашу книгу [4]. Я горжусь тем, что я отчасти был причиною скорейшего напечатания Ваших «Записок» [5]. Позвольте мне и теперь настоять на том, чтобы Вы ни за что не отказывались от Вашего предприятия. Статьи мои [6] непременно будут готовы к Петрову дню. Одну я уже начал (поездку в Полесье) и написал страниц 5.

Погода у нас теперь (я это пишу 16-го апреля [б] — в годовщину освобождения моего из части [7]) стоит удивительная — я не помню такой свежей и юной зелени. Всё ликует — другого слова употребить нельзя. Вчера мы ходили вдоль осинового леса со стороны тени, вечером; солнечные лучи забирались с своей стороны в глубь леса

[а] *Далее зачеркнуто*: вероятно

[б] *Так в подлиннике.*

и обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен; а листва их почти синела — и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Эта картина была удивительна — ее словами передать невозможно — Калам бы ее схватил своею кистью — Вы слышали — он умер [8]. Очень его жаль!

Хоть я вовсе не рыбак, но в честь Вашу пойду сегодня удить карасей в пруде [9]. Другой рыбы у меня здесь нет.

Прощайте, добрый С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩. Будьте здоровы с Вашими сыновьями и со всем Вашим семейством. И я скажу: когда-то бог приведет увидеться? Вместе поехали бы, между прочим, к Троице [10] — вообразите — я в Троице никогда не бывал.— Крепко жму Вам руку и остаюсь навсегда

Ваш
Ив. Тургенев.

286. С. А. МИЛЛЕР

19 (31) мая 1853. Спасское

Спасское.
19 мая 1853 г.

Тысяча благодарностей за ваше доброе письмо [1]. Я очень дорожу вашей памятью обо мне и очень счастлив видеть, что она не исчезает. Я вам пишу в Петербург, потому что вы мне говорите, что останетесь там до конца мая. Мое будущее письмо пошлю в деревню. Вы мне не говорите, которая из моих пьес удостоилась вашего одобрения; я знаю, что они все, более или менее, слабы; то, что может быть в них хорошего, это лишь замысел [2].

Вы отдаете ему справедливость — и я очень доволен этим; конечно, я не злой человек, и когда-нибудь будут удивляться, что так мало было желчи в человеке, которого считали опасным.

Я не прав, употребляя столь тщеславное выражение,— я просто только хотел сказать, что те, которые меня судили, ошиблись на мой счет.

Я был бы очень доволен, если бы мог представить на ваше обсуждение те работы, которыми я занимался последнее время [3] — я убежден, что это было бы для меня очень полезно,— так как я предполагаю в вас столько же вкуса, как и ума.

Ваше затруднение писать по-русски доказывает только отсутствие привычки: невероятно, чтобы с такой тон-

кой наблюдательностью, какою одарила вас природа, вы не знали Россию и чтобы вы не сумели оценить труд, который пытается выказать некоторые из ее сторон. Но когда и где я вас увижу? Не думаю, чтобы я скоро увидел Петербург, а ваша деревня так далеко отсюда [4].

Вы мне говорите о графе Т⟨олстом⟩. Это человек сердечный, который возбудил во мне большое чувство уважения и благодарности. Он едва знал меня, когда случился со мной мой неприятный случай [5], и, несмотря на это, никто мне не выказал столько сочувствия, как он, и сегодня еще он, может быть, единственный человек в Петербурге, который меня не забыл, единственный, по крайней мере, который это доказывает. Какой-то жалкий субъект выдумал говорить, что благодарность — тяжелая ноша; для меня же — я счастлив, что я благодарен Т⟨олстому⟩ — и всю жизнь сохраню к нему это чувство.

Вы мне говорите, чтобы я вам написал о себе,— я стараюсь стоять на ногах — и, кажется, мне это довольно удается. Но вот и всё. Здоровье мое расстроено, и это — самое неприятное в моем положении. Надо надеяться, что хорошая погода придет мне на помощь.

Весна здесь великолепна, я никогда не видал более торжественно свежей и юной листвы. Я вижу очень мало людей, чтобы не сказать — никого не вижу; соседства в Мценске не существует.

Я не знаю, почему я вам всё это письмо писал по-французски — так случилось,— но, прощаясь с вами, мне хочется сказать вам на родном нашем языке, как искренно я к вам привязан и как живо вас помню. Желаю вам быть здоровой и счастливой...

287. П. В. АННЕНКОВУ

25 мая (6 июня) 1853. Спасское

Спасское.
25 мая 1853.

Получил я Ваше письмо [1], любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — и печально вздохнул при мысли, что не такто скоро мы Вас увидим — что делать! Видно, Вам точно нельзя отлучиться из Петербурга. Авось либо осенью Вам удастся завернуть в наши палестины согласно обещанию Вашему [2]; — посылаю Вам первую часть моего романа [3] — она отправляется послезавтра в середу с тяжелой почтой и придет к Вам через неделю. Когда Вы ее прочте-

те, прошу Вас переслать ее к Кетчеру в Москву (или к Грановскому), а Кетчеру я напишу, чтобы он сообщил ее Аксаковым. Не без волнения буду я ждать Вашего мнения (о прибытии рукописи напишите, пожалуйста, тотчас). Совершенно дурной вещи я не написал — это я знаю — но это еще ничего не значит. Попал ли я в тон романа — вот что главное. Тут уж частности, отдельные сцены не спасут сочиненья, роман — не растянутая повесть, как думают иные. Мне было бы смешно даже просить Вас быть со мною откровенным — но я бы очень был Вам обязан, если бы Вы читали с карандашом в руке — и ставили на полях — à la Онегин — «то знак, то вопросительный крючок» [4]. Я уж пойму в чем дело. Посмотрим, что Вы скажете.

За доставление письма Арапетову — спасибо [5].

Даю Вам полное право распоряжаться по благоусмотрению Вашему купленною мною библиотекой, находящейся у Языкова [6]. Кстати, поклонитесь этому милому смертному. Что, он здоров? А с Тютчевым он и Зиновьев поступают непозволительно круто и едва ли добросовестно [7] — ceci entre nous.

Вы, кажется, шьете свои одежды у Шармера. Я ему должен — правда немного — но сколько именно, узнайте, пожалуйста. Он мне прислал в прошлом году панталоны летние, которые мне не только на ноги, на пальцы бы не взлезли — я их отослал ему назад с просьбой заменить их другими — он мне ничего не отвечал. Осведомьтесь и об этом — не забудьте. А главное — что я ему должен?

Получил я приглашенье от Вяземских побывать у них в деревне — я не могу поехать — вот бы для Вас была лафа. Вам, кажется, княгиня нравится [8].

Очень умно говорите Вы о статье Гаевского [9]. Признаюсь — я в Дельвиге совсем не вижу таланта — как человек он, должно быть, был очень мил и приятен для людей, употребляющих дружбу.

2-й и 3-й части «Рыбаков» я никак не могу еще одолеть — а надобно. Что это написал Потехин в «Москвитянине» («Козонок»)? — это очень плохо. Мужички совсем одолели нас в литературе. Оно бы ничего; но я начинаю подозревать, что мы, так много возившиеся с ними, все-таки ничего в них не смыслим. Притом всё это — по известным причинам — начинает получать такой идиллический колорит, что Геснеру должно быть очень приятно в гробу. Пора мужичков в отставку [10].

У нас весна — но еще отзывается зимой. На днях,

вероятно, мы вместо *еще* скажем — *уже*. Зима не прекращается в любезном нашем отечестве.

Прощайте, милый П‹авел› В‹асильевич›. Жму Вам крепко руку — когда Вы бы ни приехали — мы Вас встретим здесь с разверстыми объятиями.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Роман мой будет состоять из трех частей. Щепкину особенно понравились главы 9-ая и 10-ая — последних двух он не слыхал. Он мне дал полезные советы, которыми я воспользовался [11]. Рука моего писца кажется неразборчивой — но к ней скоро привыкаешь.

288. Л. Н. ВАКСЕЛЮ

25 мая (6 июня) 1853. Спасское

С. Спасское.
25-го мая 1853.

Давным-давно мне бы следовало отвечать на Ваше милое письмо, любезный Лев Николаевич — да — всё случались разные обстоятельства, которые отводили мысли мои в другую сторону. Наконец я взял перо — и хотя Вас уже, вероятно, теперь в Петербурге нет — но всё равно — я пишу к Вам в надежде, что мое письмо все-таки попадет к Вам.

Во-первых, постараюсь отвечать на Ваши замечания по поводу моей статейки о книге Аксакова [1] 1) О сеттерах — умолчим; этот спор решит время. 2) Полукровная собака, по-моему, не лучше кровной,— она хуже — но в нашем климате — сноснее; кровные пойнтеры даже во Франции и Англии зябки — что же у нас? 3) У Мантона я сам был в Лондоне и видел чудные ружья — может быть, это сын старого или только торгует под старой фирмой — но это факт. Я виноват, что не упомянул Форсайта. 4) Насчет немецких ружей — Вы правы — а я не прав — и 5) что касается до пистонов — то и тут Вы правы. Впрочем, я в прошлом году стрелял с темными английскими пистонами — и не знал осечки.

Вот Вам теперь мой отчет об охоте в нынешнем году: вальдшнепов здесь было очень мало; в конце апреля я с И. Ф. Юрасовым ездил в Апраксинские места к Десне [2] на дупелей; мы немножко опоздали — самки уже сели на яйца — самцы тронулись и точки не очень уже были многочисленны; однако мы поохотились весьма недур-

но — и места видели поистине великолепные. Моя молодая сука меня чрезвычайно потешала. Теперь в ожидании Петрова дня [3] ружье стоит в углу; коростелей и перепелов множество — но кто же станет стрелять их?

А Вы что делали хорошего? Как Ваше здоровье? Я слышал, Ваш брат расхворался [4] — и может быть не приедет в наши края. Поклонитесь ему от меня и пожелайте ему от меня хорошего здоровья. Андреев ждет его, чтобы рассмешить его рассказом, как мужик, улюлюкая, травил юрасовским Носиком бекаса — и как Носик загнал наконец бекаса этого в нору — и как мужик достал его оттуда и хвалил собачку, что и птицам спуска не дает. Действительно — Носик при нас из болота *пропёр* бекаса через пашню мимо пашущего мужика — и мужик травил. Но чутье у Носика очень хорошее — это нельзя опровергнуть.

Мое здоровье не совсем удовлетворительно — желудок мой меня сокрушает — да делать нечего! Я таки порядком поработал в теченье этой зимы и весны [5].

Когда же мы увидимся с Вами? Ей-богу, это очень нехорошо, что мы так долго не виделись. Вы знаете — я, как Андромеда — не могу тронуться со своей скалы; остается Вам прилететь, как Беллерофону. Говоря без классических сравнений (притом, кажется, эту штуку выкинул не Беллерофон, а Персей) [6] — Вы знаете, что в Спасском Вас во всякое время встретят с искренним радушием и радостью. А пока — жму Вам дружески руку и остаюсь

душевно преданный Вам
Ив. Тургенев.

289. П. В. АННЕНКОВУ

30 мая (11 июня) 1853. Спасское

С. Спасское.
31-го [a] мая 1853.
Суббота.

Милый П<авел> В<асильевич>. Сегодня только два слова — а именно я хотел Вам сказать, что даю Вам полное право прочесть мой роман [1], кому Вы найдете полезным (Коршу, напр.), для отобрания мнений. Только не читайте его никому, кто бы взглянул на мою вещь с точки зрения журналистики или печатанья. Вы сами можете понять, почему мне этого не хочется.

---

[a] *Так в подлиннике, было:* 29

Я вчера [б] познакомился с Фетом, который здесь проездом [2]. Натура поэтическая, но немец, систематик и не очень умен — оттого и благоговеет перед 2-й частью Гётева «Фауста». Его удивляет, что вот, мол, тут всё человечество выведено — это почище, чем заниматься одним человеком. Я его уверял, что никто не думает о гастрономии вообще, когда хочет есть, а кладет себе кусок в рот. Читал он мне комедийку в стихах — плохую — это не в его роде, читал также переводы из Горация — отличные [3]. Он еще не совсем выдохся.

Не забудьте известить меня о прибытии посылки [4].

Погода у нас всё скверная — хоть в шубах ходи.

Прощайте — будьте здоровы и «наслаждайтесь ею, сей легкой жизнью» [5] и т. д.

Ваш
Ив. Тургенев.

290. С. Т. АКСАКОВУ

5 (17) июня 1853. Спасское

С. Спасское.
5-го июня 1853.

Мне очень весело, что мы состоим с Вами в переписке, добрый и любезный Сергей Тимофеевич — всякое Ваше письмо мне доставляет истинное удовольствие, и Вы видите, что я не мешкаю моими ответами. Я очень рад, что у Ваших детей лихорадка прошла [1]; и у нас здесь было много лихорадок — но с весной они кончились. Вот уже пятый день как у нас стоит удивительная погода — говорят, надо желать дождей; озимые хлеба везде довольно плохи — есть большие вымочки — во многих местах пшеница совсем пропала. Охотники могут утешаться мыслью, что, судя по весне, выводки будут славные.

Я про себя должен сказать, что я никак не могу работать — желудок мой меня мучит. Ничего не варит — и заставляет меня проводить бессонные ночи, которые меня очень расслабляют. Хочу попробовать лечиться белой горчицей, которая, говорят, многим помогает.— Однако первую часть романа кончил. Я ее уже отправил к Анненкову [2] в Петербург — по обещанию, но как только он ее прочтет — она будет Вам доставлена — и я тогда попрошу Вашего мнения, которым Вы знаете, как я дорожу. Также прошу Ваших сыновей сказать мне, что́ они думают. Это — вещь совсем в другом роде, чем «Постоя-

---

[б] *Далее зачеркнуто*: здесь

лый двор». Кстати о нем — верно, ему не судьба тотчас попасть к Вам — я согласился на просьбу одного человека, который желал его переписать — но Вы его скоро получите [3]. Впрочем, оно теперь, кажется, и не так к спеху. Мне — главное — хочется знать, что́ Вы скажете о моем романе — и попал ли я в тон романа.

Холера к нам подвигается — говорят, она уже в Туле, но здесь все припадки пока — прекратились. Что будет — то будет — а мы готовы.

А все-таки я надеюсь скоро написать статьи для «Сборника» [4]. Если только я возьмусь за перо — они будут готовы. Но для этого нужно, чтобы желудок оправился, а то просто ничего невозможно делать. Валяешься целый день на разных диванах, словно кто колесом по тебе переехал. Это очень скучно.

Письмо мое чрезвычайно вяло и пусто — но я настолько надеюсь на Ваше расположение, чтобы не заставлять себя быть остроумным и любезным, когда туно в голове.— Ах да — у меня на днях был Фет — с которым я прежде не был знаком. Он мне читал прекрасные переводы из Горация [5] — иные оды необыкновенно удались — напрасно только он употребляет не только устарелые слова, каковы: перси и т. д.— но даже небывалые слова вроде: завой (завиток), ухание (запах) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что «ухание» так же дико для слуха — как, напр., получие (от *благополучия*). Собственные его стихотворения не стоят его первых вещей [6] — его неопределенный, но душистый талант немного выдохся. Попадаются, однако, прелестные стихи — напр.: эти два, оканчивающие грациозное описание летней тихой ночи:

И сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд [7].

Сам он мне кажется милым малым. Немного тяжеловат и смахивает на малоросса — ну и немецкая кровь отозвалась уваженьем к разным систематическим взглядам на жизнь и т. п.— но все-таки он мне весьма понравился. Он едет в Новгород — его перевели в какой-то уланский гвардейский полк [8].

А затем прощайте, добрый Сергей Тимофеевич. Жму Вам крепко руку — и желаю Вам и всем Вашим всего хорошего — а Ивану Сергеевичу — успеха в его предприятии [9]. Прощайте.

Ваш
Ив. Тургенев.

291. И. Е. ЗАБЕЛИНУ

5 (17) июня 1853. Спасское

Очень обрадовали Вы меня, милый Иван Ефремыч [1], своим письмом и присылкой — а главное тем. что Вы принимаете мое предложение быть Вам полезным при издании Вашей книги [2]. Кроме того, что я убежден, что Ваша книга будет истинным подарком для всякого русского (а потому можете себе представить, как мне приятно доставить Вам возможность издать ее) — я собственно к Вам чувствую такое влечение, что готов на всякую услугу. И потому Вам остается сказать мне, когда нужно будет выслать деньги и сколько именно — Вы их немедленно получите. Хорошо бы, если б Ваша книга могла выйти к самому началу зимы [3]. Пожалуйста, не церемоньтесь только со мной — и если Вам потребуется часть денег раньше — т. е. теперь, дайте мне тотчас знать. Я, повторяю, убежден, что Ваша книга сделает много добра — дай бог Вам ее благополучно окончить!

Я непременно прочту Ваше сочинение о металлическом производстве [4] и перечту Ваши статьи о «Домашнем быте» [5]. Меня это всё очень занимает — и ни у кого не нахожу я той ясной простоты изложения и того русского духа, в хорошем смысле этого слова, которые мне так нравятся в Ваших вещах.

Когда я увижу Вас? На этот вопрос я решительно не могу дать положительного ответа. А мне это тем более бы хотелось, что я в теченье зимы написал довольно много вещей, насчет которых я бы весьма желал знать Ваше мнение [6]. Нечего делать — приходится сидеть у моря — и ждать погоды.

Я к Вам пишу через Кетчера — не зная Вашего адресса. Пришлите мне его.

Прощайте, милый И⟨ван⟩ Е⟨горович⟩. Будьте здоровы и работайте. Крепко жму Вам руку и прошу Вас всегда рассчитывать на неизменную привязанность

преданного Вам
Ив. Тургенева.

С. Спасское.
5-го июня 1853.

На обороте:

И. Е. Забелину.

292. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

9 (21) июня 1853. Спасское

С. Спасское.
9-го июня 1853.

Спешу отвечать на Ваше письмо [1], любезный Константин Николаевич. Я рад, что Вы познакомились лично с Краевским — но позвольте мне, как человеку более опытному [человеку] в литературных делах, заметить Вам следующее: во-первых, для Вас самих, для будущности Вашего таланта, не думайте, пожалуйста, что можно шутить с публикою — написать, как Вы говорите, «что-нибудь полное лжи и лести» для денег — а потом показаться в настоящем свете — знайте — публику не надуешь ни на волос — она умнее каждого из нас; — знайте также, что, принося ей всего себя, всю свою кровь и плоть,— Вы должны быть еще благодарны ей, если она поймет и оценит Вашу жертву — если она обратит на Вас внимание; — и это понятно, скажу более, это справедливо. Не Вы ей нужны, она нужна Вам, Вы хотите завоевать ее — так напрягайте все Ваши силы. Я этим не хочу сказать, чтобы Вы должны были угождать ей, служить ее вкусам — нет, будьте тем, чем Вас бог создал, давайте всё, что в Вас есть — и если Ваш талант оригинален, если Ваша личность интересна, публика признает Вас и возьмет Вас и будет пользоваться Вами — как, например — в другой сфере деятельности — она приняла гуттаперчу, потому что она нашла гуттаперчу вещью полезной и сподручной. Не искажайте своих задушевных мыслей и предначертаний в видах цензурных, а старайтесь найти предметы безобидные — «Лето на хуторе» [2], кажется, никого оскорбить не может. Жаль мне очень, что «Немцев» не пропустили — вещь это хорошая — должно надеяться, что она не пропадет и со временем будет напечатана. Вторая моя просьба к Вам состоит в следующем: не соглашайтесь ни на какую *фельетонную* работу. Кроме того, что это дело исписавшихся дилетантов — я никак не вижу в Вас — не скажу тех качеств — а тех недостатков, которые необходимы фельетонисту. Вы для этого слишком молоды, свежи и — в счастливом смысле этого слова — неопытны. А Краевский рад какую-нибудь пользу извлечь из Вас. Это очень смышленый антрепренер, но Вам не должно даться ему в руки. Кончите ваше «Лето», отделайте его с любовью, не спеша, и отдайте его

в «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩ »[3]. Это будет очень хорошо и полезно, и — как начало — очень для Вас выгодно.

Впрочем, желаю Вам здоровья — это главное; всё остальное уладится. Я уже, кажется, писал Вам, что нечего сожалеть о том, что поздно начинаешь печатать — сколько бы я дал, чтобы — (не говорю уже о первых моих плохих стихах)[4], — но даже в позднейших вещах моих многое осталось неизданным!

А взять — как говорится — с нахрапу 3000 р. сер. — трудно и неудобно — посмотрите, даже Меньшикову ничего не удалось взять в Константинополе сразу[5]. Время — необходимо везде. Посейте только доброе зерно — жатва взойдет — в свою пору.

О себе скажу Вам, что мой желудок очень меня мучит. У каждого свой крест.

Ну, прощайте — еще раз желаю Вам здоровья и прошу не взыскать за тон советника. Это привилегия седин. Остаюсь

душевно преданный Вам
Ив. Тургенев.

293. П. В. АННЕНКОВУ
15 (27) июня 1853. Спасское

С. Спасское.
15-го июня 1853.

Спасибо Вам, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — за Ваше письмо о моем романе и за Ваши замечания[1], с которыми я согласен. Я уже так сократил главу о лектрисе[2] — и сокращу еще — я даже думал совершенно ее выкинуть — но едва ли это возможно. Что же касается до главы о воспитании Мити, то она в моем плане начинает 2-ую часть романа — и до половины уже написана — но после Вашего письма я убедился, что ее надо поместить в первую часть, именно для того, чтобы читатель не ждал, что Митя выкинет «какую-нибудь штуку»[3] — тогда как он ни к какой штуке не способен. Я рад, что лица барыни и Чермака[4] Вас удовлетворили — и что общий тон рассказа Вам понравился. Посмотрим, что скажут другие — но едва ли кто-нибудь скажет так много в немногих словах и такие дельные вещи, как Вы. Кстати — Вы говорите в конце Вашего письма о необходимости писать для печати[5] — думаете ли Вы, напр. — что эта первая часть цензурна, при нынешнем положении дел? Не забудьте ответить мне на этот вопрос — он для меня важен — в продолжение работы я буду соображаться с Вашим ответом.

Также прошу Вас сообщить мнение Корша [6] — и если Вам самим еще что в голову придет, не поленитесь написать.

Я только третьего дня вернулся в Спасское, ездил на свадьбу одной моей кузины и совершенно неожиданно попал в шаферы к одному мне лично неизвестному, но, впрочем, довольно известному человеку — а именно к Нилусу, игроку, который женился на девице Карповой. Я набрался там многих странных и смешных впечатлений... Свадьба совершалась со всеми us et coutumes; за ужином — во время тостов — *повивальная бабушка* кричала писклывым голосом: горько! Согласитесь, что лучше сделать дела невозможно. Благодарность, с которой молодой на другое утро бросился на шею матери — за «сохранение» — была тоже очень эффектна... в скорости распространившийся слух о том, что он ничего не успел еще сделать, набросил на нее некоторую тень. Я надеюсь, что мы с Вами никогда не женимся; во всяком случае — даю честное слово, что не так. Ведь это, наконец, всё равно, что выставить детородные уды обоих участников в транспаране и окружить их плошками при барабанном бое!

Через две недели начнется охота и тогда — прощай, литература! Но я надеюсь кончить до того времени и выслать Вам главу о воспитании Мити.

Что Ваш Пушкин, подвигается? [7] Не забудьте обещания Вашего приехать ко мне в теченье нынешнего года [8]. Я получил письмо от Чорлея — окончательное — о Ченстоне [9]. Такого писателя решительно *не было*. Вопрос этот кончен. Мне графиня Сальяс пишет, что она около 20-го августа здесь проедет и будет 1-го сентября в Петербурге. Она кончила или оканчивает свой роман [10]. Что-то это будет?

Прощайте — жму Вам дружески руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Что же Вы мне ни слова не напишете о Шармере? Спросите его, пожалуйста. (На обороте).

Сходите, пожалуйста, в английский магазин и купите мне таких письменных кувертов, как те, в которых я Вам пишу; они продаются в картонных коробках и называются: «De la Rue & Co's adhesive commercial envelopes». Пришлите мне, если можно, *2* коробки и напишите, что это будет стоить.

294. С. Т. АКСАКОВУ

29 июня, 6 июля (11, 18 июля) 1853. Спасское

С. Спасское.
29-е июня 1853.
(Петров день).

«Давненько не брал я в руки шашек», говаривал Чичиков Ноздреву [1]; давно не получал я от Вас писем, любезный Сергей Тимофеевич, говорю я. Вследствие этой мысли я взял перо и принялся писать к Вам. Начну с того, что сегодня Петров день — а я дома! Что прикажете делать? Обе суки мои в пустовке — да и мне вчера поставили пиявки, желая уменьшить брюшное полнокровие, не дающее моему желудку варить самую легкую пищу. Должно надеяться, что через несколько дней и суки мои, и я — мы придем в порядок и начнем охотиться.

Получили ли вы через Кетчера 1-ую часть моего романа [2] — или нет еще? Анненков давно ее прочел и уже написал мне о ней свое мнение, весьма дельное и справедливое [3]. Я бы сказал Вам, чтó именно он критикует, но мне хочется посмотреть, сойдетесь ли Вы с ним в воззрении на мою посильную работу. Жду Вашего приговора с нетерпением. По прочтении, пришлите роман ко мне — если Кетчер не сказал Вам, чтобы Вы его ему возвратили.— Как Ваше здоровье в это неестественное лето? У нас от продолжительной засухи все яровые почти что пропали. И погода стоит какая-то неприятная. Крестьяне болеют кровавыми поносами.

Очень мне жаль, что Кокорев умер. Его «Саввушка» [4] подавал большие надежды. Много в нем было теплоты и наблюдательности. Нездоровится нашим писателям.

А я всё ленюсь и ничего делать не могу. Вот и Петров день — а статьи для Вашего «Сборника» [5] и до половины не доведены. Но два, три дня деятельности всё это могут поправить.

Знаете ли, в чем состоит главное мое занятие? Играю в шахматы с соседями или даже один, разбираю шахматные игры по книгам. От упражненья я достиг некоторой силы [6].— Также много занимаюсь музыкой — т. е., говоря правильнее, занимаюсь тем, что слушаю музыку. Жена живущего у нас Тютчева и сестра [7] ее много играют в четыре руки. Бетговен, Моцарт, Мендельсон и Вебер — наши любимцы.

6-го июля.

Охотился 2 раза — неудачно. Дичи мало. Придется ехать подальше. Дайте об себе весточку — а пока — будьте здоровы — дружески жму Вам руку и кланяюсь всему Вашему семейству.

Ваш
Ив. Тургенев.

295. П. В. АННЕНКОВУ

9 (21) июля 1853. Спасское

С. Спасское.
9-го июля 1853.

Что ж это Вы умолкли, любезный Анненков? Прежде Вы так аккуратно мне отвечали. Я завтра отправлюсь на охоту недели на две и хочу Вам сказать несколько слов перед отъездом.— Ваши предсказания насчет моего романа [1] оправдались — я получил от Кетчера письмо, в котором он изъявляет совершенное свое неудовольствие [2] — говорит, что мой роман напоминает «Племянницу» [3] — особенно недоволен поездкой на ферму и единоборством В⟨асилия⟩ В⟨асильевича⟩ с мужиком и находит только одно лицо удачным: Генеральшу [4]. Хотя я Вам, напр., гораздо больше верю, чем ему, но все-таки мнение его на меня подействовало — время самообольщения заменилось для меня временем сильного сомнения в самом себе — и мне теперь долго нельзя будет взяться за перо. Нужно все-таки некоторого роду опьянение, чтобы работать — а когда его нет — ничего не клеится. Подожду еще, что скажет старик Аксаков [5]. Впрочем, если даже придется мне бросить этот роман — уж за то спасибо, что, по его милости, зима скоро прошла — а эту зиму — если я не буду его продолжать, примусь за перевод «Д⟨он⟩-Кихота» [6], к которому я давно готовлюсь беспрестанным перечитыванием этого бессмертного романа — Сервантес стал для меня тем, чем, вероятно, стал для Вас Пушкин. А что издание — подвигается? [7]

Ив⟨ан⟩ Павлович пишет мне, что Вы ездили в Валаам [8] с единственной целью наесться там рыбою харпусом. Счастливец! Желудок Ваш варит даже такие рыбы — а мой отказывается от перловых круп. Без шуток я скоро приду в тупик насчет вопроса: что же может переносить мой желудок? Это танталово мученье — в деревне особенно.

А ведь у нас и всяких фруктов пропасть — то-то бы раздолье для Вас! Не забудьте, что Вы обещали мне в нынешнем году побывать в Спасском [9].

Услышал о смерти Кокорева — я прочел «Саввушку» — и искренне пожалел о смерти автора [10]. Много в нем было простоты и теплоты — и при всей наблюдательности — какой-то детски наивный и ясный взгляд на вещи. Жаль его! Говорят, он умер от холеры. Когда она уйдет, наконец? К нам она всё только грозится прийти — во Мценске уже начались случаи — хоть бы поскорей пришла — и ушла.

Напишите мне слова два. Да скажите — Вы не забыли моей просьбы насчет кувертов?

Будьте здоровы — дружески жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

296. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9 (21) июля 1853. Спасское

Spasskoïé,
le 9/21 juillet 1853.

Chère et bonne Madame V⟨iardot⟩ — beste Freundinn, je ne vous écris aujourd'hui que deux mots à la hâte — je pars dans une heure pour une excursion de chasse qui durera une quinzaine de jours — je vous écrirai une grande lettre à mon retour — mais je ne veux pas attendre jusque-là pour vous dire un bonjour amical et vous serrer la main.— Les journaux anglais parlent de vous — tous s'accordent à dire que votre voix est plus belle que jamais — «and that you look very well» [1], cela me rend fort heureux — et je vous prie de continuer comme vous avez commencé.— Tous ces concerts doivent vous fatiguer et vous ennuyer un brin. Mais vous vous reposerez à Courtavenel, dans ce cher petit coin de terre, que j'aurais été si heureux de revoir! — Enfin, rien n'est impossible sur la terre, témoin... [2] Mais je n'ai que l'embarras du choix dans les impossibilités réalisées — et je ne veux pas désespérer de revoir Courtavenel un beau jour — ah oui — pour *beau* — il le sera — ce jour-là.— Ma santé est toujours un peu détraquée — mon estomac me donne du fil à retordre.— Enfin! — Je vous parlais dans ma dernière lettre de la sonate n°31 de Beethoven [3] — je voulais dire une des trois sonates connues sous le nom d'œuvre 31.— Ah, theuere Freundinn, combien de fois je pense à vous en faisant de la musique — et ailleurs

et toujours! — Soyez heureuse et bien portante. Mille choses à V‹iardot› et aux amis (j'écrirai à Chorley à mon retour) — je vous embrasse les mains avec tendresse et vous bénis du fond de mon cœur.

Votre
J. Tourg‹uéneff›.

297. П. В. АННЕНКОВУ

26, 31 июля (7, 12 августа) 1853. Спасское

Спасское.
Воскресение, 26 июня[а] 53.

Милый Анненков, благодарю за куверты — и за письмо [1]. Сегодня Тютчевы уехали в Москву, а оттуда в Тамбовскую мою деревню на месяц. Вы много говорите о моем романе [2], но я на днях получил от Боткина длинное письмо [3] на его счет, которое, как говорят французы — m'a cassé les bras. По его словам, мое произведение совершенно и во всех частях неудачно — так что, если бы не его расположение ко мне — он бы не имел терпенья дочесть до конца эту первую часть. Согласитесь, что это хоть кого озадачит. Я начинаю думать, что я едва ли найду в себе довольно огня, чтобы продолжать мою работу. Уверенность в себе необходима для уестествления музы — точно так же, как и для всякого плотского дела, а уверенность эта — я чувствую — так и сочится из меня вон. Ваше мнение меня поддерживает — правда — но плохо дело, когда нужна поддержка.

Я на днях вернулся с довольно большой охотничьей поездки. Был на берегах Десны, видел места, ни в чем не отличающиеся от того состояния, в котором они находились при Рюрике, видел леса безграничные, глухие, безмолвные — разве рябчик свистнет или тетерев загремит крылами, поднимаясь из желтого моха, проросшего ягодой и голубикой,— видел сосны величиною с Ивана Великого — при взгляде на которые нельзя не подумать, что они сами чувствуют свою громадность, до того величественно и сумрачно стоят они,— видел следы медвежьих лап на их коре (медведи лазят по ним за медом) — познакомился с весьма замечательной личностью, мужиком Егором — и стрелял много[б] и много делал промахов [4]. Вообще я доволен своей поездкой. Егор — это для меня

[а] *Так в подлиннике.*

[б] *Далее зачеркнуто:* очень

новый тип, я с ним намерен поохотиться один целый день — и тогда расскажу Вам о нем, а теперь со мной был товарищ — хороший малый — простой, веселый человек не без лукавства и даже плутоватости, как оно и следует — он мне несколько мешал в моих наблюдениях.

Пятница, 31-го июля.

Не успел я еще кончить это письмо, как уже получил от Вас второе, милый А⟨нненков⟩ — письмо, за которое я душевно Вам благодарен. Из него я мог убедиться, что Вы принимаете во мне действительное участие — а это не может не тронуть человека [5]. Если я кончу свой роман — я наперед прошу у Вас позволения посвятить его Вам, потому что и кончу-то я его по милости данного мне Вами дружелюбного толчка. Не знаю, насколько входило тщеславия в моем обескуражении — собственные наши чувства так искусно умеют маскироваться перед нашими глазами, что и признать их мудрено — но ведь — с другой стороны, как не послушаться советов критика? Это было бы тщеславие еще хуже первого.

А талант мой не настолько силен, чтобы ломить себе вперед своей дорогой — несмотря даже на те препятствия, которые я сам бы вздумал противупоставить ему. Прилагаю письмо Боткина в подлиннике — скажите, tout cela n'est-ce pas plausible? Я, конечно, чувствую, что он жалеет мою прежнюю манеру [6], от которой я решительно отстал и к которой не хочу и не могу возвращаться — мне ее недостатки глаза режут — но это еще не доказывает мне, что я могу себе завоевать другую манеру, более дельную и верную, я могу остаться — между той и другой. Ну в таком случае я брошу перо — но действительно, так скоро отчаиваться не следует — не в один день Троя была взята [7] — буду работать и остановлюсь только тогда, когда почувствую, что клад решительно в руки не дается — но самого себя повторять — что за охота? А все-таки — Вам большое спасибо. Ваше письмо освежило меня.

Пушкин кончен — вот это большая и радостная весть. Поздравляю Вас с окончанием такого славного и трудного дела. Ваше издание останется в русской литературе — и Ваше имя [8]. Дай бог Вам благополучно окончить печатание — и не замешкаться в материальных и пр. подробностях.

Вот бы время Вам приехать отдохнуть на месяц в Спасском! И между тем я Вас не зову: в-1-х) Тютчевых нет и не будет до 20-го августа — во-2-х) к нам, вероятно, не сегодня, завтра пожалует холера. Она уже отсюда в 40 верстах и в Белеве чрезвычайно сильна. Конечно, Вы с нею свыклись в Петербурге — но она у Вас там теперь проходит — а что за удовольствие быть опять свидетелем, как она является в новом месте. С другой стороны, осень у нас на носу — а там зима — зимою Вам будет не до Спасского — а осенью грязно и сыро. Однако — если б Вы приехали к 15-му сентябрю, Вы бы еще застали последние красные дни — поели бы вальдшнепов и куропаток вволю — и, вероятно, нашли бы нас уже отделавшихся от холеры. Предоставляю это на Ваше соображение — а мы Вам во всякое время будем бог знает как рады. Или — вот еще мысль — приезжайте в начале декабря на три недели — на выборы в Орел [9]. Вы будете квартировать, разумеется, у меня (я непременно поеду на выборы) — и мы, я ручаюсь, забавно и поучительно проведем время. Как Вам нравится эта мысль?

Ну а за сим прощайте, будьте здоровы и веселы — дружески жму Вам руку. Письмо Боткина возвратите.

Ваш
Ив. Тургенев.

298. Д. Я. КОЛБАСИНУ

11 (23) августа 1853. Спасское

С. Спасское [а].
11-го авг. 1853.

Спасибо Вам, милый Колбасин, за Ваше письмо [1] и память обо мне. Я очень был бы сам рад поохотиться с Вами — да бог знает, когда удастся [2]. Охотился я в нынешнем году порядочно — более посредственно, а здоровье мое было менее чем посредственно. Еду сегодня в Тапки на дупелей. Если Вас не стеснит возвращение 25 р. сер. [3] (стыдно было бы Вам церемониться со мною), то вот что сделайте: пойдите в газетную экспедицию — и спросите, берется ли она мне выписать английский шахматный журнал «Chess player's Chronicle» — за нынешний год [4]. Он стоит 18 руб. сер., да 2 руб. за пересылку — итого 20. Но это только в таком случае, если

[а] *Было начато:* Петер‹бург›

газетная экс⟨педиция⟩ *возьмется мне доставить все нумера с нового года.* (Она объявляет, что если поздно подписаться, то она за первые нумера не отвечает — но это, я думаю, относится только к ежедневным изданиям, а не к таким, которые выходят по книжке в месяц). Если газет⟨ная⟩ экс⟨педиция⟩ не возьмется, то обратитесь к какому-нибудь книгопродавцу. Да от моего имени заплатите Конторе комиссионерства и агентства Ламиха — 50 коп. сер., оставшиеся за мной по покупке письменных кувертов (счет их под № 412, от 17-го июля). Всё это Вы сделаете в случае, повторяю, *если Вас не стеснит возвращение этих денег* — слышите!.. Без этого английского журнала я очень могу обойтись. Да извините, что я Вас обременяю поручениями. Остальные 4 р. 50 к. останутся до другого поручения.

Кстати — я одного письма Вашего не получил — и не знаю, за что Вы сердитесь на Констанцию [5]. Тютчевы остаются здесь только до Нового года [6] — это прошу, чтобы осталось между нами.

Прощайте, милый Колбасин, будьте здоровы и веселы — жму Вам руку и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

299. Д. Я. КОЛБАСИНУ

29 августа (10 сентября) 1853. Спасское

С. Спасское.
29-го августа 1853.

Милый Колбасин, я третьего дня вернулся из довольно продолжительной поездки по своим деревням и нашел здесь Ваше письмо от 14-го августа, которое меня искренно тронуло — я не привык, чтобы ко мне *дельные* люди привязывались — и Ваше расположение ко мне вдвойне дорого [1]. Вы, должно быть, уже получили теперь мое предыдущее письмо [2], из которого Вы увидите, что я Вас по-прежнему люблю и помню. А теперь у меня вот какое предложение есть к Вам: Тютчев от меня отходит к 1-му генварю — но уже со вчерашнего дня отказался от управления и ведения дел [3]. Мне управитель не надобен — это по моим средствам дорого — и бесполезно. Я желаю завести в каждой деревне крестьянское управление с бурмистром и земским (оно уже так и существует) — а в Спасском будет только центральный пункт для распоряжений — продажи хлеба и т. д. Для

этого мне нужен человек — как Вы [4]. Хотите Вы взяться за это? Я заметил в Вас охоту к деревенским занятиям. Если у Вас не предстоит что-нибудь лучшего, если Вы не боитесь деревенского уединения, я Вам предлагаю место у меня с 400 р. сер. ежегодного жалованья, полным содержаньем и т. д. Это жалованье может увеличиться и полагается мною только на первый случай. Если Вы сделаете мне одолжение и приедете, Вы увидите, что мои дела в большом упадке денежном — хотя и не в расстройстве. Тютчев честнейший человек — но совершенно не практический. Надо будет всё это постараться поднять. Отвечайте мне поскорее, а самый лучший ответ был бы Ваш приезд. Повторяю, если Вам это жалованье кажется недостаточным, его можно будет здесь прибавить — но для этого надобно рассмотреть дела. Главное — имеете Вы желание заняться этим — и доверие ко мне? Если да — приезжайте. Во всяком случае жду и прошу скорого ответа.

Душевно Вас любящий

Ив. Тургенев

300. С. Т. АКСАКОВУ

30 августа (11 сентября) 1853. Спасское

С. Спасское.
30-го авг. 1853.

Если я так долго не писал Вам, любезный и добрый Сергей Тимофеевич — если я и теперь Вам напишу очень мало — пожалуйста, не думайте, что я забыл Вас — и, в особенности, не думайте, что я не благодарен Вам и Вашему сыну за ваши дельные и славные письма [1]. Но вот в чем дело: Тютчев, которому я поручил было управление моим имением, от меня отходит — и теперь это всё падает на меня. Я всё это время ездил по деревням, не охотился — и теперь у меня в голове одно хозяйство, расчеты, счеты и т. д. Так что ни о чем литературном я и подумать — пока — не в состоянии. Предоставляю себе впоследствии поговорить с Вами о моем романе, но теперь же скажу, что с Вашими замечаниями я согласен и только выгораживаю одно: в мою героиню (которую, впрочем, я всю переделаю) в сущности не влюбляется *никто* — и менее всех Дмитрий Петрович [2], который, напротив, ее так же капризно возненавидит — а чтобы пояснить его лицо — я в первой же части помещу главу о его воспитании, которою я предполагал начать 2-ую

часть. Сцена объяснения Вам теперь, вероятно, станет понятнее — хотя, видно, ее тоже нужно переиначить, чтобы не оставлять читателя в сомнении. Главные мои лица: Чермак, Дмитрий Петрович и Глафира Ивановна [3]. В них я, если смогу, постараюсь выразить современный быт, каким он у нас *выродился*.

Но всё это в будущем — а в настоящем пропасть занятий, интересных и любопытных, если хотите, но с непривычки — обременительных. И потому извините меня, если я больше не прибавлю слова. Присылайте мне мой роман, если он еще у Вас, *пишите мне* и верьте в искреннюю и неизменную дружбу

Вашего
Ив. Тургенева.

P. S. Рукопись «Постоялого двора» будет Вам выслана из Москвы г-м Феоктистовым [4].

301. А. А. КРАЕВСКОМУ

30 августа (11 сентября) 1853. Спасское

С. Спасское.
30-го августа 1853 г.

Любезный Краевский,

Я получил Вашу расписку в получении моего долга — и только прошу извинения, что так поздно расплатился. Также будьте так добры и не сетуйте на меня, что я Вам отсылаю перевод «Лаокоона», не сделав ничего — всё откладывал — а теперь, так как Тютчев от меня отходит — и дела все падают на мои руки [1], решительно не предвижу возможности заняться этой работой. Впрочем, судя по 2—3 страницам, бегло мною просмотренным, перевод недурен — и Вам бы следовало его напечатать [2]. Извините за краткость этого письма — завален хлопотами. Надеюсь, что Вы здоровы; а когда увидимся — это ведомо одному господу. Впрочем, желаю Вам всего хорошего, жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Дудышкину поклонитесь от меня — и всему Вашему семейству.

302. П. В. АННЕНКОВУ

1 (13) сентября 1853. Спасское

С. Спасское.
1-го сент. 1853.

Ваше последнее письмо так умно, милый Анненков, что и сказать нельзя, ей-богу. И это я говорю вовсе не вследствие Ваших одобрений насчет моей работы [1] — нет — письмо Ваше само по себе — прелесть. Я не имею теперь возможности отвечать Вам, как бы следовало — Тютчев от меня отходит. При всей своей отличной честности, это человек самый непрактический — и в два года довел дело до того, что доходов моих (за исключением платежа в опекунский совет) *не хватало на его жалованье* — а на мой прожиток не приходилось ни копейки. Увидавши это, я, к крайнему моему сожалению [a], почувствовал необходимость с ним расстаться [2], и теперь — вся эта громада дел и управления, как свод, из-под которого вынули подпорки, так и рухнула на мою беззащитную голову. В первое мгновенье я сконфузился сильно; теперь же я привыкаю к своему положению и, может быть, извлеку из него со временем удовольствие и пользу. Во всяком случае мне другого ничего не оставалось делать. Я остаюсь теперь здесь до декабря — т. е. до орловских выборов — уже потому я никуда ехать не могу, что денег у меня не имеется ни копейки. Не раз придется мне вспомнить стихи Пушкина к своей няне — помните — где «Выпьем, добрая старушка» [3]. Ничего — стерпится, слюбится. Я кроме Пушкина и Гоголя ничего по-русски читать не могу — от восточных стихотворений я прихожу в восторг несказанный — прочтите, в мою память, стихотворение «Смутясь, нахмурился пророк» и скажите мне — не есть ли это верх совершенства [4].

У нас с 1-го почти августа уже стала зима — только снегу нету. Печки трещат, в окна дует, концы пальцев зябнут, носы синеют — чудо! Я объездил все свои деревни — и, должно быть, показался моим крестьянам глуповатым малым.

А за роман я примусь, как только несколько огляжусь. Героиня моя очень удивится всем переменам, которые я произведу с нею. Главу о воспитании Д⟨митрия⟩ П⟨етровича⟩ отделаю con amore — многое множество

---

[a] *Далее зачеркнуто:* долж⟨ен⟩

выкину. От Аксаковых я получил тоже мнение — вообще они не совсем недовольны — но К. Аксаков сильно напирает на то, почему впущена любовь [5]; я в письме принужден был высказать, что по моему плану Д⟨митрий⟩ П⟨етрович⟩ должен был так же капризно возненавидеть Е⟨лизавету⟩ М⟨ихайловну⟩ — как капризно полюбил ее [6] — но in petto я тут же подумал, что как прав друг мой Анненков в том, что не следовало посылать всем одну первую часть! [7] Однако обо всем этом в другое время — а теперь пора отправляться в поле и глядеть, как десяток мужиков [б], ходя не по дороге, особенным образом взмахивают руками. Эта операция называется — *посевом*.

Прощайте, милый А⟨нненков⟩ — до следующего вторника я, вероятно, напишу Вам, не дожидаясь Вашего ответа. Корреспонденция наша большая для меня отрада. Будьте здоровы — и поклонитесь от меня всем друзьям.

Ваш
Ив. Тургенев.

303. Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

1 (13) сентября 1853. Спасское

С. Спасское.
1-го сентяб. 1853.

Милый Е⟨вгений⟩ М⟨ихайлович⟩. Тютчев от меня отходит, и всё бремя управления остается на моих руках — вот почему я приехать не мог [1] — я был в хлопотах несказанных — и теперь у меня голова идет кругом. А потому извините меня, если я ничего более не прибавлю — пока. Вас увидеть у себя будет для меня во всяком случае — большою радостью. Графине [2] скажите от меня, что я ей желаю всего хорошего на свете.— Рукопись мою [3] доставьте, пожалуйста, *Сергею Тимофеевичу Аксакову*, в Троицко-Сергиевский посад, Московской губ⟨ернии⟩ — в село Абрамцево — впрочем, Вы, может быть, узнаете от Кетчера, что кто-нибудь из его сыновей в Москве — тогда вы ее передайте ему прямо. Сами будьте здоровы, не слишком толстейте и дайте мне о себе и о первопрестольном граде Москве весточку. Жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

[б] *Далее зачеркнуто:* на ходу

304. ПОЛИНЕ ВИАРДО

8, 20 сентября (20 сентября, 2 октября) 1853.
Спасское

Spasskoïé,
le 8/20 septembre 1853.

Bonjour, theuerste Freundinn.— Je suis encore plongé jusqu'au cou dans mes *affaires*. Ne m'étant jamais préparé à cette espèce d'exercice, j'ai assez de peine à m'en tirer.— Cependant, je commence à y voir clair.— Les deux années de la gestion de T‹ioutcheff› m'auront coûté cher! — 300 000 francs ont été dépensés — dont je n'ai touché pour ma personne que 40.— Quelques dettes ont été payées.— Mais 100 000 fr. bien certainement ont été jetés par la fenêtre... T‹ioutcheff› n'a opéré aucune réforme, au contraire il a augmenté les gages de tout le monde —[а] il ne bougeait pas de Spasskoïé — et les revenus de tous mes autres biens ont baissé d'un tiers — il ne s'entendait ni à vendre ni à acheter, etc. C'est ma faute à moi d'avoir cru trouver en lui un homme propre à administrer un bien — il faut que je tâche de la réparer. Je vais y travailler tout cet hiver — je[б] n'irai pas à Orel comme j'en avais l'intention.— T‹ioutcheff› et sa famille sont encore ici — ils ne partiront pas avant une quinzaine de jours — nous sommes restés bons amis — je le répète — il n'y a pas de sa faute dans tout cela.

Vous m'écrivez assez rarement, chère amie.

Ce 20 septembre.

Votre bonne et chère lettre de Courtavenel (avec celles de Mme Garcia et de la petite) est venue donner un démenti aux dernières paroles que j'écrivais il y a douze jours [1].— Merci, *liebe Freundinn* — dans cet instant j'embrasse mentalement avec reconnaissance et tendresse vos chères mains.— Plus que jamais — j'ai besoin de vos lettres à présent.— Je viens de faire les premiers pas sur un chemin que je ne croyais jamais devoir parcourir — à l'ennui de la solitude va s'ajouter pour moi le malaise, causé par un changement total d'occupations.— Je dois abandonner le travail que j'aimais et auquel j'étais habitué et préparé — pour me livrer à un autre que la nécessité m'impose... Cependant, je ne désespère pas d'en

---

[а] *Далее зачеркнуто:* n'ay‹ant›

[б] *Далее зачеркнуты слова:* ne bouge pas et

venir à bout — et d'en tirer même quelque utilité.— Ce premier hiver sera difficile — cela marchera mieux peut-être plus tard — et je pourrai revenir à mes habitudes littéraires et autres... Mais d'ici là, adieu, mon roman [2]!

Ma lettre sera forcément courte et insignifiante — je vous assure que je n'ai pas quinze minutes libres par jour.— C'est le temps le plus affairé de l'année — l'automne — et puis nous avons tant de choses sur les bras!

Je vous prie d'embrasser Paulinette de ma part et recommandez lui d'être bien sage. Je lui envoie de mes cheveux.

Il y a eu très peu de gibier cette année et je n'ai pas le temps d'aller à la chasse.— J'espère que l'accident survenu à V⟨iardot⟩ n'a laissé aucune suite — je lui enverrai comme par le passé le budget de mes exploits de chasseur — ça a été fort peu de chose.

Nous avons eu — et nous avons encore le choléra tout autour de nous — mais Spasskoïé a été épargné jusqu'à présent.— Il s'avance vers la France — soyez prudente! Je vous écrirai mardi prochain — car en vérité cette lettre est ridicule.— Mille amitiés à tout le monde, mon affection entière, pleine et inaltérable à vous.— J'embrasse vos chères et belles mains.— Soyez heureuse et bénie.

Votre
J. T.

305. Д. Я. КОЛБАСИНУ

11 (23) сентября 1853. Спасское

С. Спасское.
11-го сент. 1853.

Благодарю Вас, любезный Колбасин, за то, что Вы согласились на мое предложение [1], и за то, что Вы прямо объяснились со мной. Мне именно нужен помощник — а не администратор — мне нужно, чтобы я не был один в таком трудном деле, каково управление именьем, обремененном долгами — и в таком положении, в каком оставил его Тютчев — а потому жду Вас с нетерпеньем — Вы, приехавши, сами увидите, как много и в чем именно Вы мне можете быть полезным. Тютчевы еще некоторое время здесь проживут — мне неловко их об этом спрашивать — отчеты мне подадутся на днях. Посылаю Вам, на всякий случай, 25 руб. сер. на отъезд. Пяти глав «М⟨ертвых⟩ д⟨уш⟩» у меня нет — и я бы очень

был Вам за них благодарен [2]. А главное, приезжайте как только можете [3].

До свидания.

Весь Ваш
Ив. Тургенев.

306. П. В. АННЕНКОВУ
6 (18) октября 1853. Спасское

С. Спасское.
6-го октября 1853.

Что ж это Вы замолкли, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩? Я так привык к постоянству в нашей переписке, что мне это молчание очень не по нутру [1]. Если оно происходит от того, что Вы слишком заняты изданием Пушкина [2] — то это другое дело — но всё бы не худо дать о себе весточку приятелю при наступлении зимы, которую он должен будет провести в деревне один (Тютчевы завтра уезжают) [3]. Право! Вы бы послушали, как завывает в это мгновенье ветер, потрясая крышей и стуча окнами — веселые звуки — нечего сказать! Напишите мне, пожалуйста!

Я всё это время занят был по горло хозяйством, à la Tentetnikoff [4]. Продешевил пшеницу, упустил дветри постройки, купил дрянных лошадей — словом, хлопотал страшно. Теперь, может быть, примусь за литературу — когда получу наконец обратно рукопись моего романа [5], находящуюся неизвестно где. А на днях пошлю вам небольшую вещь, которую, если она Вам не понравится, уничтожьте — в противном случае, можете ее отдать в «Современник» [6], с тем, чтобы опять-таки взять ее назад, если цензура вздумает ее гадить — в этом я совершенно на Вас полагаюсь; если бы Вы нашли время продержать последнюю корректуру — я бы заочно отвесил Вам низкий поклон. Главное, мне хочется знать Ваше мнение.

А я — здесь — с тех пор как в последний раз писал Вам [7] (уж это давно!) — сделал множество знакомств — и почти всё интересных — с какой-нибудь точки зрения. Живу, батюшка, провинциальной жизнью, во всю ее ширину. Впечатление подобное тому... но и не приищешь сравнения. И не потому, чтобы оно было дурно — а потому, что оно действительно ни на что другое не похоже. Впрочем, это Вам известная статья. В Орел я переселяюсь к Святкам [8] — и проживу там до Масле-

ницы. Я всё не теряю надежды Вас увидеть, хотя теперь, кроме Вашего дела, у Вас будут и Рашель [9] и прочая, и прочая... но авось!

Довелось мне перечесть 1-ую, 2-ую, 3-ью и 5-ую главы «Мертвых душ» (второго тома). 3-я глава (где Петух, Кошкарев и Костанжогло) — вещь удивительная — совершенство. Что за гениальная каррикатура, что за водопад здоровой веселости — этот Петух! Но 5-ая глава с невыносимым Муразовым — меня более нежели озадачила — она меня огорчила [10]. Если всё остальное было *так* написано — уж не вследствие ли возмутившегося художнического чувства сжег Гоголь свой роман? А должно полагать, что этой *Смирновщины* (мне при чтении беспрестанно мерещилась Ал⟨ександра⟩ Ос⟨иповна⟩) было напущено вдоволь [11]. Боже мой! Боже мой! За что же так губить и ломать, и коверкать себя?

Некогда больше писать — до другого разу. Вторично прошу Вас поскорее подать от себя весточку, и не забывать

преданного Вам
Ив. Тургенева.

P. S. Кланяйтесь всем друзьям — и вообще Петербургу.

307. С. Т. АКСАКОВУ

6, 7 (18, 19) октября 1853. Спасское

С. Спасское.
6-го октября 1853.

С первого сентября не писал я к Вам [1], любезный и добрый мой Сергей Тимофеевич (и то я отвечал тогда очень коротко на Ваши большие письма) [2] — это ни на что не похоже! Но ведь Вы уже знаете, что я теперь сам занимаюсь хозяйством — и потому не взыщите на меня. Я в ужасных был хлопотах всё это время — и теперь едва начинаю привыкать к новому моему положению. Стерпится — слюбится. Но пока тяжеленько — особенно при наступившей снова холодной осенней погоде — и в одиночестве. Ветер такие выводит переливы, что невозможно не воскликнуть иногда невольно: «Фу! как гадко, и скушно, и холодно, и неприязненно — жить на земле!». Точно та «волшебница» зима [3], о которой говорил Пушкин, выслала вперед свою злую дворную собаку — и сидит она, и воет перед каждым домом, возве-

щая прибытие своей хозяйки и злобно скучая о ней. Вот-вот — вишь как высоко забирает! Надо встряхнуться и думать о другом.

Скажу Вам о себе, что я намерен — или, выражаясь точнее, принужден [a] прожить в деревне до Нового года [4] — а там съезжу недель на шесть в Орел [5] — и останусь там, между прочим, для выборов. Этого я никогда не видал, а говорят — любопытное зрелище. Могу сказать, что я стараюсь не упускать никакого случая извлекать из провинциальной жизни всевозможную пользу. Я познакомился с великим множеством новых лиц и ближе стал к современному быту, к народу.

С наступлением зимы наступит для меня литературная работа, которую я совсем было бросил в это последнее время. Стану переделывать — а потом, если бог даст, и продолжать свой роман [6]. Я еще не получал обратно рукописи, но надеюсь, что она скоро явится. В моем последнем письме было сказано несколько слов насчет Ваших замечаний [7] — теперь же не хочется больше говорить — а делать; письма Ваши перечтены мною не раз — и многое принято к сведению. Кончу я также обещанные статьи для Вашего «Сборника» [8] — лишь бы новые занятия мои не развлекли меня. Любопытно мне также знать, что́ Ваша статья о Державине?[9] Я чай, Вы тоже поленились, то есть — удили рыбу — я охотился мало и неудачно. Вальдшнепов — последней нашей радости — совсем почти не было.

Известите меня о себе и о семействе Вашем. На днях мы много говорили обо всех вас с П. В. Киреевским, который приезжал ко мне из своей орловской деревни. Что за милый и чистый человек!

Это письмо будет отправлено к Вам из Москвы — или доставлено прямо Вам в руки, если Вы в Москве. Его отвозит туда Тютчев, который сегодня (7-го октября) уезжает. Когда увижу я Вас? — господь знает — а как бы мне этого хотелось!

Прощайте пока, добрый Сергей Тимофеевич. Кланяюсь Вашим сыновьям, жму вам всем руки и желаю всего хорошего. Будьте здоровы и не забывайте

искренно любящего Вас

Ив. Тургенева.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* буду

308. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

9 (21) октября 1853. Спасское

С. Спасское,
9-го октября 53.

Извините меня, любезный Константин Николаевич, что я так долго не отвечал на Ваше письмо [1], которое, впрочем, и пришло ко мне очень поздно; с тех пор я весь был поглощен хлопотами, по причине отъезда Тютчевых [2] и принятия на себя хозяйственных распоряжений, а потому и сегодня не могу писать так обстоятельно, как бы хотелось — но откладывать более — совестно. Скажу Вам прямо и откровенно: при том расстроенном положении дел моих, каким оно теперь мне открылось, я совершенно не в силах исполнить Вашу просьбу — я даже едва ли буду в состоянии исполнить те обязательства, которые уже принял на себя. Вы, я знаю, на меня пенять не будете, потому что, я уверен, Вы не сомневаетесь в том, что бы я с радостью сделал для Вас всё, что мог. Может быть, в начале будущего года что-нибудь откроется, но наверное ничего сказать нельзя.

Очень сочувствую я затруднительности Вашего положения, и внешнего и внутреннего. Подавать советы — дешевое и редко полезное дело — я и не стану Вам подавать советов, но скажу только, что если удастся Вам хорошо начать свое литературное поприще — много затруднений устранится — а начать хорошо значит начать дельной вещью,— насколько это возможно при теперешнем настроении ценсуры. Насчет печатания «Немцев» не могу сказать Вам ничего положительного — впрочем, кажется, на Краевского [3] в этом отношении надеяться можно — если хотите, я вышлю Вам рукопись «Немцев», которая находится у меня. Обращайте внимание на Ваше здоровье — и занимайтесь медициной, насколько это нужно, чтобы выдержать экзамен. Доктором вы, мне кажется, все-таки никогда не будете — Ваша будущность другая.

О себе я Вам ничего особенного сказать не могу — привыкаю понемногу к хозяйству.

Посылаю Вам это письмо в Москву — Вы, должно быть, уже там.

А пока — прощайте. Желаю Вам всего хорошего, крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Иван Тургенев.

309. С. А. МИЛЛЕР

12 (24) октября 1853. Спасское

С. Спасское,
12 октября 1853 г.

Недавно писал я к графу Т⟨олстому⟩ [1], любезная Софья Андреевна (не знаю, почему мне хочется писать вам по-русски), и он, вероятно, показал вам мое письмо — а теперь пишу прямо к вам, хотя боюсь, что вас уже нет в деревне.

Я очень рад тому, что вы меня не забываете, и одна из самых приятных моих надежд — встретиться когда-нибудь с вами; я убежден, что мы сойдемся как старые друзья,— и мне очень будет весело узнавать вас более и более — но судить об вас — как вы пишете — это дело конченное и решенное. Я знаю, что вы так же добры, как умны и милы — доброта звучит в вашем голосе и светится в ваших глазах. Когда-нибудь расскажу вам, почему наше знакомство так скоро прекратилось — если только это займет вас, а главное — если мы увидимся не слишком поздно. Нынешней зимой меня в Петербурге не будет [2], а дальше — не знаю, у меня нет духа загадывать за год вперед. Но очень было бы нехорошо, если б мы не скоро встретились — жизнь коротка — приятных людей так мало, и те так разбросаны... В уединении, когда бесцветные дни однообразно и быстро скользят друг за другом, как дождевые капли осенью по стеклам — всё это чувствуешь живее. И здесь есть люди любезные и порядочные — но знаете ли, что бывает? Сперва обрадуешься им, потому что не ожидал встретить даже и таких — а потом... а потом ездишь к ним только для того, чтобы видеть человеческое лицо — и, пожалуй, поскучать вместе.

Всё это еще ничего, когда занят исполнением какого-нибудь труда, литературного или другого — по в последнее время я поневоле должен был, говоря возвышенным слогом, взять сам в руки бразды правления [3], и эти занятия, по непривычке, меня утомляют и не дают думать о другом. Всё это перемелется — мука будет — конечно; но пока приходится иногда плохо.

Я теперь подвергаюсь еще одному лишению — жена г-на Тютчева, который жил у меня, очень хорошо играла на фортепианах — в ней было много музыкального чувства — вместе с своей сестрой она разыгрывала в четыре руки Бетховена, Моцарта, Мендельсона, Глука,

Гайдна,— теперь это всё прекратилось. Я составлял обыкновенно программы наших маленьких концертов — и могу сказать, что они выходили иногда очень удачны. У меня есть сосед в пятнадцати верстах с музыкальными наклонностями — его сестра даже очень бойко играет на фортепианах,— но сухо, холодно и с треском, словно барабанщик [4], Она не может заменить мне г-жу Тютчеву. А для меня — музыкальные наслаждения выше всех других. Хорошо ли вы знаете Глука? Помните его арию из «Ифигении»: «O, malheureuse Iphigénie» — или схождение в ад Орфея? [5] Рекомендую вам также мало известную сцену из «Армиды» [6] — между Армидой и богиней ненависти, к которой она приходит, чтобы искоренить из сердца свою любовь к Ринальду. Это одна из самых удивительных вещей, которые я только слышал.

Хотел было я начать с вами войну за Жан-Поля [7] — но на бумаге это почти невозможно, и я отлагаю это до нашего свидания. Теперь удовольствуюсь тем, что спрошу вас: знаете ли вы Гомера? Возьмите Одиссею, хоть в переводе Фосса, и прочтите или перечтите ее. Эта молодость и свежесть, эта словно вечно смеющимся солнцем озаренная жизнь — вся эта прелесть первого появления поэзии в устах бессмертного и счастливого народа — лучше всего отвратит вас от той полусентиментальной, полуиронической возни с своей больною личностью, которой, посреди всех новейших писателей, отличается и Жан-Поль. Попробуйте и скажите мне, какие выйдут последствия.

Прощайте, любезная София Андреевна,— хотел бы сказать — до свидания — да что за охота себя обманывать. Будьте здоровы и веселы и позвольте мне с чувством искреннего дружества пожать вашу руку...

310. П. В. АННЕНКОВУ

14, 15 (26, 27) октября 1853. Спасское

С. Спасское.
14-го октября 1853.

Милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Пишу к Вам, потому что именно к Вам хочется писать. Я нахожусь под влиянием необыкновенного события и непременно желаю именно с Вами об этом поговорить. Вот в чем дело — слушайте.

Живет у меня в доме старый (54-летний) маляр, бывший живописец, по имени Николай Федосеев Градов.

Он был дворовым человеком моей матери и по старости лет не пожелал идти на волю.

Когда-то он учился рисованию и декоративной живописи у Скотти, потом жил на оброке, наконец попал обратно к маменьке, писал образа, срисовывал цветы, клеил коробки, подбирал шерсти по узорам, красил комнаты, крыши и даже заборы [1]. Художническая искра в нем всегда была, и фигура у него не дюжинная, огромный нос, голубые глаза, выражение какое-то полупьяное, полувосторженное — впрочем, особенного в нем ничего не замечалось, считался он всегда в «последних», ходил замарашкой, любил выпить и к женскому полу чувствовал поползновение сильное. Вот на днях мой камердинер (человек чрезвычайно глупый, замечу в скобках) — зная, что я большой охотник до всякого рода любовных писем, стихов и прочей чепухи, приносит мне исписанный лист и с иронической улыбкой объявляет, что вот-мол какие стихи живописец написал. Я взял их, начал читать — и прочел ту удивительную вещь, которой копию (вернейшую, за исключением бесчисленных орфографических ошибок) — Вам посылаю. Я остолбенел — и тотчас отправился к Николаю Федосееву, который в то время белил и красил комнаты дома, куда я намерен перейти из флигеля. На вопрос мой, точно он ли написал стихи, принесенные моим камердинером — он, после первого смущения, отвечал: Наши [a].— Я, продолжал он, сидя на корточках, на высокой подставке, весь забрызганный белилами — всё упрекал нашего попа, что вот он седьмой год у нас живет, а ни одной проповеди не написал — а он мне сказал: ты художник — напиши-ка ты. Вот я и написал.— Да и ты прежде писывал стихи? — Случалось. — Заметьте (и это очень важно), что Николай Федосеев вовсе не принадлежит к числу дворовых людей полуобразованных и с литературными притязаниями, повторяю — он совершенно простое существо, едва ли он когда-нибудь прочел какую-нибудь книгу. Я, разумеется, похвалил его стихи сильно, и это распространило по всему дому — т. е. между всеми дворовыми, я теперь живу один — большое волненье, все желали видеть их, и никто не верил, чтобы Н⟨иколай⟩ Ф⟨едосеев⟩ написал их — а он объявляет с своей стороны теперь, что он бросает кисть и берется за перо и что он мне напишет стихи под назва-

---

[a] *Далее зачеркнуто:* Мы

ньем «Система Мира», от которых я приду в совершенный восторг. Жду их с нетерпеньем — что из этого выйдет? Это, по-моему, удивительнее предсказаний и прочих штук стучащих и вертящихся столов. Вот тут пойдите с Вашей психологией, да с знанием человеческого сердца! Все это пустяки — каждый человек — неразрешимая загадка — и Spiritus flat ubi vult.— *Непременно* напишите мне Ваше мнение об этих стихах. Я бы желал показать Вам на минуту фигуру моего живописца, чтобы дать Вам понять, до чего странна и удивительна вся эта вещь.

Вот эти стихи:

«Восторг души или чувства души
в высокоторжественный день праздника»

Таинственно в безмолвии ночном
Священной меди звуки раздаются —
О! эти звуки прямо в душу льются
И говорят с душой о неземном.

Христианин, проснись хоть на мгновенье
От суеты земного бытия —
Спеши во храм, пусть в сладком умиленье
Затеплится мольбой душа твоя.

Но за порог таинственного храма —
Без теплой веры в сердце не входи —
И не сжигай святого фимиама,
Когда нет жертвы в пламенной груди.

Нам на земле один путеводитель —
Святая вера; яркою звездой
Ее зажег над миром Искупитель —
И озарил к спасенью путь земной.

Иди по нем с надеждой и любовью,
Не уклоняясь тяжкого креста:
Он освящен мучением и кровью
За грешный мир страдавшего Христа.

Кто без слезы святого умиленья,
Без трепета, с холодною душой
Коснется тайн священных искупленья,
Запечатленных кровию святой —

Кто в этот день живых воспоминаний
В душе своей восторга не найдет —

Не заглушит в груди земных страданий —
Руки врага с улыбкой не сожмет —

Тот с печатью отверженья
На бледнеющем челе —
Не достоин искупленья
В небесах и на земле!

Минувшее открылось предо мною —
Его проник могучий взор души —
И вот оно картиною живою
Рисуется в тиши.

В страшный миг часа девятого
Вижу я среди креста
Иудеями распятого
Искупителя Христа —

Всё чело облито кровию,
От тернового венца
Взор сиял святой любовию —
Божеством — черты лица —

Вижу знаменье ужасное —
Завес в храме раздрался́...
Потемнело солнце ясное —
Потемнели небеса.

Вижу тьму, весь мир объявшую,
Слышу страшный треск громов —
Грудь земли затрепетавшую,
И восставших из гробов! —

И в трепете, страхом невольным объятый,
Коварный Израиль, внимая громам —
Воскликнул — воистину нами распятый
Был вечный сын бога, обещанный нам!

Но всё ж не утихла в нем мощная злоба —
Вот снято пречистое тело с креста —
И в гробе сокрыто — и на ночь вкруг гроба
Поставлена стража врагами Христа.

Вновь покрыл мрак землю хладную —
Стража третью ночь не спит —
И с надеждою отрадною
Гроб бессмертного хранит —

Вот и полночь приближается —
Вдруг глубокий мрак исчез —
Ярче солнца озаряется
Гроб сиянием небес —

И спаситель наш божественной
Весь в лучах над ним восстал —
Славой божией торжественной
И бессмертьем он сиял.

И в этот миг раздался хор нетленных,
Хор светлых ангелов с небес —
Он возгласил над миром искупленным:
Христос воскрес! Христос воскрес!

Оледеневшая от страха,
Внимая голосу небес,
Упала стража — и, средь праха,
Воскликнула: воистину воскрес!

Так совершилась тайна искупленья —
И гордый враг небес низвержен в прах —
И снова для преступного творенья
Доступна жизнь — и вечность в небесах.

Что Вы об этом скажете? Я нахожу, что это удивительно. Я желал бы показать тот засаленный лист, с которого я списывал — но я буду хранить его у себя. Вот образчик его правописанья:

И ни жжигай светова фимиама и т. д.[2]

15-го октября.

Сейчас получил Ваше письмо от 8-го. Вы из предыдущего моего письма могли убедиться, что мы с Тютчевым расстались друзьями — теперь мне остается только повторить, что это было действительно так, что мы все всплакнули при расставанье, что мы находимся в переписке — и что одна необходимость заставила меня расстаться с ним. Мы дали друг другу бумагу, в которой свидетельствуем, что остались оба совершенно довольны. Мое состояние не позволяет мне содержать управляющего с жалованьем 2000 руб. серебром в год и большим семейством — вот и всё. Я воображаю, как хохотал, между прочим, Языков, который сам перед Тютчевым кругом виноват[3]. Эх, П〈авел〉 В〈асильевич〉, люди — действительно негодная порода. Самый лучший из нас — мойся и осматривайся беспрестанно — а то как раз замарается, а потом и грязи своей не заметит — привыкнет к ней.

Рукопись романа я получил обратно — но пока не прикасаюсь к ней[4]. Кетчер ее всю испестрил заметками — спасибо ему за это — примем к сведению. Я теперь

кончаю и на днях отправлю ему небольшую вещь, о которой писал Вам.— Mme de Lagrange я слыхал в концертах [5]. Это — большая фокусница — и только. Но у Вас, я вижу, сезон готовится блистательный. Я к Святкам перееду в Орел на два месяца. У нас здесь везде в окрестности холера — правда не сильная. Когда она провалится, эта скучная гостья? Засиделась.

Прощайте, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Желаю от души полного успеха Вашему Пушкину [6]. Будьте здоровы, веселы и не забывайте

преданного Вам
Ив. Тургенева.

P. S. Скажите Некрасову и Панаеву, что я получил их письмо, присланное с Колбасиным, и буду отвечать им с следующей почтой [7].

311. И. И. ПАНАЕВУ и Н. А. НЕКРАСОВУ

16, 17 (28, 29) октября 1853. Спасское

С. Спасское.
16-го октября 1853.

Любезные друзья мои, Панаев и Некрасов, получил я ваше письмо, отданное вами Колбасину [1]. Не знаю, точно ли вы соскучились по мне [2] — но вы мне поверите, когда я скажу вам, что смертельно желаю вас всех увидеть. Живу я теперь один-одинешенек, погода скверная, дороги непроходимые, кругом ни души — не с кем слова вымолвить. Что делать! Терпенье, говорят, всё преодолевает, мне же не привыкать стать — уж втянулся. Всё это время был занят разными хозяйственными хлопотами — теперь, может быть, удастся подумать и о литературе.— Я вам на днях через Анненкова пошлю небольшую вещь [3], невиннее которой и азбуки не бывают. Я сам потом досадовал на себя, зачем я не распорядился так, чтобы первую часть моего романа [4] вам сообщили — теперь же это невозможно — рукопись только что вернулась ко мне, и я намерен приняться за переделку, а то затянется, пойдет в долгий ящик — и аминь! Кетчер и Боткин сильно меня раскритиковали [5] — но я надеюсь, что это принесет мне пользу — а что-то мне говорит, что мой роман не совсем так плох, как он им показался. Увидим, что будет.

«Современником» — я последнее время мало занимался — некогда было. Достоинства и недостатки его

одни и те же, какие были. Что-то Булгарин вас стал похваливать [6]. Обратите внимание на критику, на опечатки, на смесь. Смесь иногда выбирается из каких-то уж очень застарелых журнальных известий. А впрочем, все-таки приятно взять ваш журнал в руки. «Отечественные записки» напоминают мне — по мрачности своей — дерево Анчар —

И если туча (т. е. Т. Ч.[7], Крестовский [8] — или другая какая Муза в юбке) — оросит

блуждая лист его дремучий... [9]

Некрасов, спроси у Анненкова стихи моего живописца (дворового человека) [10], которые я ему послал — и удивись.

Ну прощайте, друзья. Желаю вам всего хорошего, здоровья и веселья. Всем старым товарищам поклон и привет. Живите счастливо и не забывайте

вашего
Ив. Тургенева.

P. S. (День спустя). Стихи моего живописца оказались не его — и потому можешь не спрашивать [11].

312. П. В. АННЕНКОВУ

19 (31) октября 1853. Спасское

С. Спасское.
19-го окт. 1853.

Вчера вечером получил я Ваше письмо от 14-го, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩ — вот это умно — корреспонденция наша закипела опять. Впрочем, я бы, вероятно, не стал бы писать к Вам с нынешней же почтой, если б не хотел поскорее разуверить Вас насчет новооткрывшегося поэта — вообразите — этот старый шут меня морочил — стихи эти написал один мне знакомый малоархангельский поп — вследствие этого открытия их достоинство не могло не упасть в моих глазах — хотя все-таки стихи замечательные,— а Николай Федосеев дня три сильно рисовался — но, увидев, что от него ждут дальнейших подвигов — сознался в своем подлоге. На старости лет отлично надул меня. Я было так обрадовался своей находке — теперь я удивляюсь, как я мог, зная человека, такой дать мах? [1]

О 2-й части «Мертвых душ» и в особенности о Костанжогло — я на Вашей стороне [2],— хоть я не могу не

заметить, что в [a] этой 2-й части бежит какая-то нехорошая струя — иногда скрыто, иногда наружи; в характерах фантастического наставника, Муразова, Улиньки — она выступает на поверхность — и разливается — а в иных местах чуть просачивается... в кой-каких выражениях Костанжогло, Кошкарева ее можно заметить — и они-то и подали повод к недоразумениям. Юпитер-Гоголь сердился кой-где — стало быть был виноват. Но есть места — охватывающие и потрясающие в одно время всю душу читателя. Помните прогулку Петуха в лодке — и песни рыбаков — и расшевеленного Чичикова — и безжизненную вялость Платонова. Это удивительное место.

Э! батюшка — да как Вас пробрала Mme de la Grange [3]. Это меня заставляет сожалеть, что я слышал ее только в концерте. Хотелось бы и очень бы хотелось ее послушать.

«Revue des 2 Mondes» я получаю и читаю прилежно. Статьи, поименованные Вами — действительно отличные [4] — особенно мне приятно было видеть, как нестерпимо проницательный St-Marc Girardin отделал Руссо [5], к которому сердце мое давно не лежит. Его самолюбивые страданья пришлись под лад самолюбивому его потомству — но пора и честь знать. Писатель он удивительный, особенно со стороны слога — в этом отношеньи он творец,— но какой же он *martyr* — чёрт возьми наконец! Ведь и преследовали его ровно настолько, насколько нужно было, чтобы дать ему случай рисоваться и изливать свою желчь.

Моя вещица отправится к Вам через 10 дней — поручаю ее в Ваши руки [6].

Некогда больше писать — прощайте, будьте здоровы и — веселы, menez à bien издание Пушкина и не забывайте Вашего приятеля

Ив. Тургенева.

313. А. П. СВЕЧИНУ

Октябрь 1853. Спасское

Любезный Александр Павлович!

Посылаю, по обещанию, супруге Вашей первые 5 частей «Отечест⟨венных⟩ запис⟨ок⟩» за нынешний год, в которых находится «Дина» и еще другой роман. *Кто-то останется доволен*? [1] Надеюсь, что всё Ваше семейство

[a] *Далее зачеркнуто:* ней

и гости Ваши здоровы, душевно кланяюсь всем, а друга Федю целую. В случае, если бы Вы успели переговорить окончательно с Окороковым, дайте мне знать, а то — до другого разу. Не предлагал ли он что-нибудь насчет кадновской мельницы — пока с теми еще контракт не совсем заключен? Надеюсь увидеть Вас весною — но во всяком случае знайте, что я унес самое приятное воспоминание о Ситове и его жителях. Впрочем, Вы это сами могли видеть. Будьте здоровы и счастливы — дружески Вас обнимаю и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Возвращаю Вам записку Друцкого — это действительно замечательная вещь [2].

314. П. В. АННЕНКОВУ

2 (14) ноября 1853. Спасское

С. Спасское.
2-е ноября 1853.

Вы уже в теперешнее время знаете — à quoi vous en tenir насчет Николая Федосеева, любезный Анненков — и потому мне нечего входить в дальнейшие подробности,— но не могу не заметить, что как ни лестно мне, с одной стороны, что Вы считаете меня способным написать такое стихотворение, с другой стороны, мне обидно, что Вы полагаете во мне возможность такого уж чересчур дерзостного надувательства. Сочинитель этих стихов, как я уже писал Вам, оказывается, некоторый протопоп, по имени Иван Розов, живущий — Малоархангельского уезда в селе Тапкú. Я с ним познакомился во время объезда по деревням, в августе месяце — тогда я не имел понятия о стихотворном его даре — и заметил в нем только ум не совсем обыкновенный. Я намерен по поводу этих стихов вступить с ним в переписку и спрошу его, нет ли у него чего другого — и согласен ли он, чтобы его стихи напечатались в «Современнике». Ответ его я Вам сообщу немедленно [1].

Ваше письмо так всё наполнено Николаем Федосеевым, что Вы мне не пишете, увидались ли вы с Тютчевым, который уже давно выехал из Москвы в Петербург. Он может Вам сообщить подробности о здешней нашей жизни. Скажу Вам — только между нами — что его управление окончательно меня ухлопало. Невероятно даже сказать, чтó потрачено. Поверите ли Вы, что у меня вы-

ходило в год 425 сажен дров! Я теперь стараюсь по[а] мере возможности собрать обломки после кораблекрушения, в чем мне помогает мой дядя, которому я, вероятно, передам управление в сознании своей собственной совершенной неспособности.

Я эти дни ничего не делал; разбирал присланную мне Фетом первую книгу «Од» Горация, им переведенных. Много славянских слов — много неясных и натянутых стихов,— но вообще — перевод превосходный и останется в литературе [2].

Он переводит рифмами, что́, по-моему, очень хорошо и верно — гармонию следует прежде всего передавать гармонически,— а подделки под древний размер с кавычками ⌣ — ⏔ наверху — на поверку выходит просто какая-то ломаная проза [3]. Вот, например, начало 2-й «Оды» (но не показывайте никому — Ф⟨ет⟩ может как-нибудь узнать и рассердиться — поэты ведь такой народ!).

Довольно уж Зевес и градом и снегами [4]
Всю землю покрывал, ничем неумолим:
Уж под его рукой, краснеющей громами,
Трепещет древний Рим:
Трепещет и народ, чтоб Пиррину * годину,
Исполненную чуд, опять не встретил взор —
Тот век, когда Протей ** погнал свою скотину
Смотреть вершины гор —
И рыба втерлась там в вязовые вершины,
Где горлице лесной была знакома сень —
И плавал посреди нахлынувшей пучины
Испуганный олень. (NB. Верность изумительная!)

Вот ода к Тибуллу [5]:

Мой Альбий, не тоскуй без меры, огорчен
Глицерой ветреной — и, грусти не тревожа,
Элегий ты не пой — о том, что предпочтен
  Тебе годами помоложе.
Кир, в Ликориде жар любви воспламенив,
Забыл ее чело, стесненное кудрями,
Для гордой По́лои; но прежде козы нив
  Сойдутся с горными волками
Чем По́лоя пойдет с противным наглецом;
Венера хочет так; ей весело неравных

[а] *Далее зачеркнуто:* времени

* Девкалион и Пирра.

** Протей — был пастухом морских чудовищ.

И телом и душой вязать одним ярмом
  В игре причуд жестоконравных.
Я сам, как бог любви мне счастье обещал,
Мирта́ле отдался в приятные оковы —
А волны Адрия у калабрийских скал
  Не столь кипучи и суровы.

К Агриппе [6]

Тебя петь Варию ***, Герой непобедимый!
Стихов Меонии орел — он скажет нам,
Что́ воин совершал тобою предводимый
    Верхом иль по волнам.
А я, Агриппа, мал на это от природы —
Ни Пелеида гнев жестокий не спою —
Ни Одиссея бег двоякий через воды —
    Ни Пелопса семью.
Мне стыдно унижать, не слушая сознанья
И музы, давшей мне напев не боевой,
Твои и Цезаря великого деянья
    Убогою хвалой.
Кто воспоет, как Марс блестит в броне алмазной?
Как черен весь в пыли троянской Мерион?
Иль как Тидид везде в борьбе разнообразной
    Палладой вознесен?
А я пою пиры, да дев, в жестоком гневе
На юношей в бою острящих ноготь свой —
Хоть будь свободен я, хоть пламеней я к деве —
    Таков обычай мой.

Попадаются стихи чрезвычайно сладкие, напр.:

К Хлое [7]

О Хлоя, ты бежишь меня, как лань младая,
Которую, вдали от матери — в горах,
Чуть ветер шелохнет, вдоль по лесу порхая,
    Тревожит ложный страх.
Терновника ль вздрогнут встревоженные сени,
Иль ящерицы где кустами пробежат
Зеленые — у ней и сердце и колени
    Невольно задрожат.
Ведь я не тигр, не лев, свирепый царь пустыни,

*** Эпический поэт.

Не с тем, чтоб погубить, ищу тебя поймать:
Пора красавице, созревшей для мужчины,
От матери отстать.

Зато в иных стихах сам чёрт ногу переломит. Я сегодня же посылаю к Фету огромное письмо, где выставлены все самомалейшие ошибки [8]. Надеюсь, что он послушается и исправит их. Я взялся напечатать этот перевод на свой счет — toujours entre nous [9]. Он написал комментарий преподробный (недаром немец!). Это надо будет сжать. К чёрту эрудиция! [10] А хоть из второй руки — как всё латинское — хорошая вещь — всё древнее, что ни говори!

Это больше всего меня занимало в последнее время. А у Вас Рашель [11], Лагранж и всё и вся! Сообщайте мне ваши новости — здесь ведь глушь страшная — не забудьте.— Особенно теперь. Небольшая моя штука, о которой я писал Вам, совсем на мазú — Вы ее скоро получите [12]. Плохо, батюшка, когда приходится, как медведю зимой, жить собственным жиром — хоть оно и имеет свои хорошие стороны — что делать — стерпится, слюбится.

Прощайте, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, будьте здоровы и пишите.

Ваш
Ив. Тургенев.

315. И.Ф. МИНИЦКОМУ

5 (17) ноября 1853. Спасское

С. Спасское, 5-го ноября 1853.

Любезный Миницкий, я было хотел написать Вам вместе с Колбасиным — да не удалось — пишу теперь отдельно [1]. Из письма Колбасина Вы, вероятно, уже знаете наше положение — он не остается здесь по той серьезной причине, что, когда я его приглашал, я думал, что буду сам в состоянии заниматься хозяйством, а он будет помогать мне — но это оказалось совершенно невозможным, особенно при окончательно расстроенном положении, в котором Тютчев, при всей своей честности, по недостатку опытности оставил дела мои — и я решился теперь же всё передать дяде [2]. Мне совестно, что я вытащил понапрасну бедного Колбасина из Петербурга — но я его вознагражу за это — а главное, надо ж на его беду, чтобы он занемог — болезнью вовсе не опасной, но продолжительной. Делать нечего! Надобно взять терпенье —

post nubila sol — говорит латинская пословица. Когда-то это солнышко проявится! Вы намерены жениться... [3]. Это дело такое, о котором в общих словах говорить трудно. Желаю, чтобы Вы нашли в браке счастье. Для Вас это легче, чем для многих других — Вы человек любящий и привязчивый, созданный для тихого довольства семейного кружка. Изберите себе при этом какое-нибудь постоянное занятие. — Почему Вы ссылаетесь на меня, говоря, что больше писать не станете? Это напрасно — Ваша статья о «Фадетте» [4] была молода — но горяча и умна. Печатать ее не следовало — но она же могла служить ручательством тому, что Вы со временем напишете вещь, которую можно и должно будет напечатать. Вы меня знаете настолько, чтобы быть уверенным в искренности моих слов. Не могу теперь же не сказать Вам, что Ваши выражения в отношении ко мне меня душевно трогают. Всегда приятно заслужить привязанность — но от такого человека, как Вы, — вдвойне приятно. Поверьте — я умею ценить это — и с удовольствием думаю о возможности свидеться с Вами когда-нибудь в Одессе. Возможность эта, правда, довольно отдаленная — но авось когда-нибудь дела мои примут лучший оборот.

Я переезжаю на зиму в Орел и уже нанял квартиру [5]. Я Вам тогда дам знать об этом и вышлю адрес. Прощайте, милый Иван Федорович, желаю Вам всего лучшего на свете. «Нахлебника» для Вас переписывают — а ноты я Вам вышлю из Орла [6]. Дружески жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

P. S. Поклонитесь от меня Касаткину.

316. А. П. СВЕЧИНУ

6 (18) ноября 1853. Спасское

С. Спасское.
6-го ноября 1853 г.

Письмо Ваше [1], как Вы, вероятно, уже знаете, дошло до меня очень поздно, любезный Александр Павлович, по милости мельника, который и до сих пор, несмотря на самые положительные обещания, носу не показывает. Я, право, не знаю, как благодарить Вас за Ваше дружественное расположение ко мне — и за Вашу услугу в деле описи Кадного, по которому до будущего года всё уплочено сполна.

Я уже писал, по Вашему совету, в Москву, чтобы обратились к Ходневу — а квитанцию послали бы Вам,

если бы не надеялся, по словам Колбасина [2], иметь удовольствие увидеть Вас скоро у себя.

Я в начале декабря переезжаю на жительство в *Орел* [3], но до того времени всё буду в Спасском — и около 20-го ноября с нетерпением буду ожидать Вас.

Благодарю Вас также за Ваше наблюдение за моими начальниками, которые, кажется, сильно нуждаются в таком наблюдении, если судить по учиненным ими проделкам при замолоте. Туда теперь посылается опытный человек [4] — а Вам опять усердный поклон за то, что надоумили мужиков прийти сюда с донесеньем. Должен Вам сознаться, любезный Александр Павлович, что я едва ли не намерен отказаться от управленья моим именьем; на это нужны способности, которых я в себе не признаю, и особого рода твердость характера, которой во мне нет. Верно — щелкоперы должны оставаться щелкоперами до конца дней своих.

Я думаю поручить мои имения дяде моему Николаю Николаевичу, который хорошо их знает — и если последнее время не мог действовать как бы следовало — то виноват в этом был не он, а покойница маменька и пресловутая *контора* [5]. Видеть дурное, подмечать его и самому его исправлять — великая разница! Я русского мужика знаю, но возиться с ним не умею и не могу — не так создан, что прикажете делать!

Итак — я надеюсь увидеть Вас скоро. Пожалуйста, поклонитесь всем жителям Ситова [6] и его окрестностей — о которых я сохраняю самое приятное воспоминанье.

Будьте здоровы — крепко жму Вам руку — и остаюсь

душевно Вас любящий Иван Тургенев.

317. П. В. АННЕНКОВУ

6 (18) ноября 1853. Спасское

С. Спасское.
6-го ноября 1853.

У нас с Вами, любезный Анненков, не переписка идет — а просто перестрелка — раз за разом — только держись — и это меня крайне радует. Это очень мило с Вашей стороны — все другие мои корреспонденты приумолкли,— но пока Вы мне не измените — я горевать не буду. О существо, исполненное глумления! Не стыдно ли Вам продолжать намекать на то, что «должно быть» — я написал посланные Вам стихи [1] — да я бы, во-первых,

давно в том сознался — а во-вторых, неужели Вы по тону моего первого письма не могли видеть, что я был так же озадачен, как Вы? Кончится тем, что я вышлю Вам corpus delicti — замасленный лист бумаги, на котором написан оригинал. Я уже послал к тапковскому попу запрос — и тотчас Вас уведомлю, какой я получу ответ [2].— А я не виноват, что «Атенеум» меня произвел в «лингвисты» — и нахожу это название даже обидным [3].

Из Москвы получил я известие, будто там происходит литературный скандал. Явился какой-то актер Горев-Тарасенков и обвиняет Островского в присвоении себе его комедий из купеческого быта. Мне кажется, это вздор— и во всяком случае это невеселая вещь [4].

Жена Тютчева — женщина замечательная, и Вы очень верно поняли ее. Чувства и чутья у ней бездна,— чувства — не в сентиментальном, разумеется, смысле. В музыке она с необыкновенной быстротой всегда схватывала, в чем дело, и вообще в ней очень редкая смесь тонкости и дельности — простоты — и хитрости, не лукавства — а хитрости. Я раз нарочно при всем тютчевском семействе прочел стихотворение Пушкина «Туча» — предварив, что, по-моему, в нем один слабый стих («И молния грозно тебя обвивала»). Она тотчас его отгадала (другие все смотрели как гуси на гром — у доброго Тютчева понимания художественного совсем нет) и, когда я закричал: «браво»— она вся вспыхнула — потому что она очень самолюбива, при всей своей ясности. Я понимаю, что в эту женщину можно влюбиться — но она вся поглощена своим мужем — и сверх того в ней есть что-то безжизненное, которое не привлекает. Я часто себя спрашивал, каким образом может она быть сестрой своей сестры и дочерью своей несносной матери? Она весьма робка — но, когда обживется и привыкнет к кому-нибудь,— говорит [a]. Я всегда с большим удовольствием слушал, когда она пробирала (в ней желчи не мало) свою сестрицу или Дарию Ивановну — в Петербурге она будет больше смекать про себя.

То, что Вы говорите о Рашели — давно замечено. Она— en province et à l'étranger — считает нужным «поддавать пару». Модные журналы — т. е. журналы мод — Вы знаете, того же придерживаются [5].— А хотелось бы мне — черт возьми — послушать Mme Lagrange! Но увы! Какие у меня могли быть надежды — окончательно лопну-

---

[a] *Далее зачеркнуто:* Семья

ли,— и я опять закупорен по крайней мере на год [6]. Надо будет стараться извлечь из этого посильную пользу.

Я уже нанял дом в Орле и переезжаю туда около 1-го декабря. Квартера поместительная, и если б Вы вздумали приехать на выборы (которые начнутся 1-го февраля) — Вам было бы очень удобно у меня. Повар у меня, как я уже писал Вам,— очень хороший.

Что Вы мне ничего не пишете об издании Пушкина? Я из этого заключаю, что оно идет своим порядком.

Сегодня не пишется что-то. Меня смущает большое белое пятно моего окна (белое небо, белый снег на земле). Однако я Вам напишу еще раз перед отъездом отсюда в Орел. Что мне покажет жизнь в губернском городе? Посмотрим.

Прощайте — будьте здоровы — жму Вам руку. Поклонитесь друзьям, Тютчеву и его жене.— Смотрите, не влюбитесь в нее — если б Вы были женщина, Вы бы любили узкие корсеты не потому, что это красиво — а потому, что это стесняет. В Лагранже тоже должно быть что-нибудь сжимающее.

Прощайте, милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩.

Ваш
Ив. Тургенев.

318. С. Т. АКСАКОВУ

14 (26) ноября 1853. Спасское

С. Спасское.
14-го ноября 1853.

Очень было мне приятно получить от Вас, наконец, письмо [1], любезный Сергей Тимофеевич — и очень неприятно узнать, что причиною Вашего молчания было Ваше нездоровье [2]. Надеюсь, что установившаяся зима поможет Вам — лишь бы белизна снега не повредила Вашим глазам. Не оставляйте меня без вести о себе.

Мой, как Вы называете его, полный тезка [3] будет принят в Спасском с отверстыми объятиями. Кроме того, что я надеюсь побеседовать с ним, так как давно уже это мне не удавалось — сам по себе он очень мне мил и симпатичен. Поручение ему досталось интересное [4], и я уверен, что он превосходно его исполнит.

Я, кажется, уже писал Вам, что я намерен переехать на зиму в Орел (я выезжаю отсюда после Николина дня) — что же касается до управления дел моих, то я призвал на помощь дядю, брата моего отца, который при покой-

нице матушке лет двадцать этим занимался. Видно, наш брат щелкопер действительно ни к какому дельному занятию не способен. Что делать! Всего не соединишь и не обхватишь — и дай бог, чтобы в своем-то, в собственном ремесле не делал промахов на каждом шагу!

За литературу я только что начинаю приниматься — до сих пор всякие другие дрязги сидели в голове сиднем. Первое, что я кончу — будет непременно статья для Вашего «Сборника» [5]. Я в Орел повезу также свой роман [6], который я во многом переделаю. Я немного охладел к нему — однако чувствую, что надо его кончить и развить те характеры и мысли, которые только еще обозначены в первой части.

У нас совершенно стала зима. Барометр на 2 градуса выше «ясного» — обледенелые деревья блестят на солнце как стеклянные — и снег всё затянул твердой белой корой. А завтра Введенье — или, как говорят, «Введеньё, которое ломает леденьё». На оттепель не похоже. Притом снег лег не на сырую, а на сухую землю. Но вот увидим — а пока — зимний путь чудный.

Доставили мне 3-ью и 5-ую главу «Мертвых душ» (2-й части). 3-ья глава, где Петух и Костанжогло — удивительна — но 5-ая с небывалым и невозможным откупщиком Муразовым... [7] Лучше не говорить о ней — и набросить, как почтительные сыновья Ноя — покров на обнажившегося нашего литературного отца [8].

С удовольствием послушаю я статью о Державине [9] и постараюсь узнать от И⟨вана⟩ С⟨ергеевича⟩ — в чем именно состоит новая грамматическая система К⟨онстантина⟩ С⟨ергеевича⟩ [10]. Я никогда не занимался языком русским теоретически и плохо знаю его историю — но у меня есть на его счет некоторые мысли — посмотрю, совпадают ли они с воззрением Вашего сына.

Прощайте, добрый С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩ — пожалуйста, не забывайте меня — а главное — как можно скорее выздоравливайте. Если не можете писать или читать — то играйте в карты — это мне напоминает то тинтере́, которое я узнал у Вас в Москве и где трефы играют такую важную роль. Помните, еще покойный Загоскин играл с нами.

Иных уж нет,— а те далече,
Как Сади некогда сказал [11].

Кстати, давно Вы не читали восточных стихотворений Пушкина? Перечтите их — я от них безумствую [12]. Еще

раз прощайте — жму Вам крепко руку и кланяюсь Вашему семейству.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Славную мысль Вы возымели насчет 2-го издания «Записок об уженье» [13]. Чем больше от Вас — тем лучше.

319. П. В. АННЕНКОВУ

20 ноября (2 декабря) 1853. Спасское

С. Спасское.
20-го ноября 1853.

Прежде всего, любезный Анненков, позвольте мне выразить свое удивление насчет Вашего разрыва с А⟨рапетовым⟩ [1]. Я вижу — точно:

И всюду страсти роковые —
И от судеб защиты нет [2].

С другой стороны, я очень понимаю, как это всё могло случиться. Заметьте, что когда человек удивляется чему-нибудь — он немедленно находит точку, ставши на которую он видит, что удивляться-то в сущности было не́чему. Надеюсь, что всё это опять уладится и попадет в свою колею.

Третьего дня заезжал ко мне, проездом в южные губернии, И. С. Аксаков [3]. Очень я ему обрадовался — как Вы можете себе представить. Он целое утро рассказывал мне о Москве, Петербурге и о прочем — читал мне кое-что из своих произведений. Что он говорил — я Вам пересказывать не стану. Вы ведь его знаете. Он Вас ценит и любит. Он очень благородный малый — в нем столько же рыцарского, сколько русского — и ума в нем много — а тяжеленько ему жить. Кровь в нем не довольно легка — как он сам признается. Нашему брату, свистуну, жить легче. Он не способен лежать пупком кверху и мирно улыбаться собственному бездействию — а это дело хорошее.

Кстати, дело с живописцем Федосеевым приняло новый оборот. Стихи, как теперь достоверно известно через другого его знакомого, вольноотпущенного, живущего в Москве, выписаны из — «Северной пчелы» 1840-го года [4]. Но Федосеев, жалея о потере своей репутации, представил мне свою «Систему Мира», и эти стихи действительно его —

вот образчики:

Злова семя нравы
Сеет везде злодей,
И рвут как тираны
Неистово люди людей —
Кто в должности ходит,
Ото всех имеет честь,
А как полдень приходит,
Ищут наилучше ему есть.

Эти стихи более вероятны. Всё дело приняло теперь интерес более психологический — и Федосеев представляет предмет для комика.

А со мной случилось следующее. Вместо того, чтобы кончить вещь, о которой я писал Вам [5], какой-то бес меня обуял, и я в несколько дней настрочил довольно большую повесть, которую вчера отдал переписать, и на следующей неделе пошлю к Вам. Мне кажется, это вышел вздор — и я прошу Вас, если Вы найдете, что не стоит это печатать, бросьте это в огонь, но скажите свое мнение. Вещь эта называется — «Два приятеля» [6]. Пока Вы не узнаете, что это такое, пожалуйста, не говорите о ней никому.

Не без некоторого умиления узнал я от Аксакова, что петербургские друзья придерживаются тех же самых шуточек и прибауточек, как два года тому назад. Постоянство похвальное! Поглядишь, каждый из нас сделается «старик, по-старому шутивший» — только уж никак нельзя будет прибавить: «отменно тонко и умно» [7].

Посылаю Вам заграничное письмо, прибывшее сюда третьего дня на имя Тютчева. Передайте ему это письмо вместе с дружеским моим поклоном — и скажите ему, что я буду отвечать ему на следующей почте. Не оставьте меня без сведений о нем. Я думаю, ему теперь должно быть довольно трудно.

И. С. Аксаков поощрил меня насчет моего романа [8] — и я, как только перееду в Орел, примусь за разработку этого произведения, к которому я было порядком охладел.

У нас совершенная зима — деревья обременены инеем — небо и земля, всё бело — словно молочное море индейской мифологии [9]. Были морозы порядочные, даже до скрыпу, теперь оттеплило. Введенье, говорится, ломает ледепье.

У меня здесь есть сосед, некто Каратеев, малый лет 22, очень неглупый — хоть и *глуздырь* [10] пока. В нем очень

много симпатического — но он немножко церемонится слишком.

О войне говорят здесь все, даже простой народ. Всем очень хочется, чтобы мы побили турков — и есть какая-то досада против англичан [11].

А впрочем, прощайте. Это письмо вышло всё как-то очень отрывисто. Крепко жму Вашу руку и прошу поклониться Коршу, Тютчеву, Языкову и т. д. [12]

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Присылка новых «Приятелей» [13] — не помешает присылке другой моей вещи, которая явится к Вам, как только окончится. Ужасно завидую Вам, что Вы будете слышать «Моисея» [14].

320. С. Т. АКСАКОВУ

20, 23 ноября (2, 5 декабря) 1853. Спасское

С. Спасское.
20-го ноября 1853.

Дорогой гость, о приезде которого Вы меня предуведомляли, любезный Сергей Тимофеевич, был у меня третьего дня [1] и просидел [a] до вечера. Вы можете себе представить, как я был ему рад — и как много мы с ним толковали и разговаривали. Это посещение было для меня истинным праздником. Желаю, чтобы деятельность, которой он теперь себя посвящает, его удовлетворила — обидно видеть такой запас сил, которые никуда не идут. Для него это еще тем тяжеле, что у него нет той беспечности, по милости которой наш брат свистун коротает свой век без особенной скуки [2].

23-е ноября.

Сообщаю Вам, любезный С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩, известие, сейчас мною полученное — государю было угодно дозволить мне выезд из деревни и возвращение в С. Петербург [3]. Я уверен, что Вы будете сочувствовать моему удовольствию — а мне более всего приятна возможность видеться с друзьями, между которыми Вы занимаете одно из первых мест. Я выезжаю отсюда тотчас после 6-го декабря — на этот раз я в Москве не могу остановиться более, чем на день — но на возвратном пути (я в Петербурге пробуду около месяца) — непременно заеду к Вам в

---

[a] *Далее зачеркнуто:* у меня

Абрамцево [4] и погощу у Вас. С удовольствием думаю уже теперь о нашей встрече.

Посылаю Вам статью Вашу о Державине [5]. Она чрезвычайно интересна и любопытна — и хотя великий поэт является в ней в чуть-чуть комическом свете, тем не менее общее впечатление трогательно — словно из другого мира звучит этот голос. Непременно надобно напечатать эту статью.

Писать больше некогда — я не хотел отложить этого известия до другой почты — а теперь крепко жму Вам и К⟨онстантину⟩ С⟨ергеевичу⟩ руку и говорю — до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

321. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

23 ноября (5 декабря) 1853. Спасское

С. Спасское.
23-е ноября 1853.

Милый дядя, я оттого не отвечал тебе на радостное известие о рождении моей сестры, а твоей дочки, что я всё поджидал тебя в Спасское по твоему обещанию, но теперь посылаю к тебе нарочного с известием, что сегодня пришло ко мне письмо от гр⟨афа⟩ Орлова с объявлением мне свободы и позволения въезжать в столицы. Мне также пишут из Петербурга, что мне нужно явиться туда хотя на короткое время для принесения моей благодарности [1]. Вследствие этого, прошу тебя, если тебе возможно, приехать сюда как можно скорее, чтобы переговорить со мной и взять на руки дела [2]. Хоть дней на 10 приезжай. Дом в Орле стал теперь не нужен — потому что если я приеду, то только на выборы. Надеюсь, что все твои здоровы и благополучны, заочно обнимаю тебя и всех — и сестру целую [3].

В ожиданье скоро тебя увидеть

твой
Ив. Тургенев.

322. П. В. АННЕНКОВУ

25, 27, 28 ноября (7, 9, 10 декабря) 1853. Спасское

С. Спасское.
25-го ноября 1853.

Вы уже, вероятно, знаете, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, что мне позволено вернуться в Петербург [1] — и потому я об этом распространяться не стану. Мне весело, что я опять попал в общую колею — и я очень благодарен за это позволение — тем более, что и для моего здоровья оно очень полезно.

Я думаю выехать отсюда около первых чисел [a] декабря — в Москве я не остановлюсь — и потому мы, бог даст, скоро увидимся. Я Вам пишу это в середу, а мой секретарь — или, говоря проще — конторщик переписывает мой рассказ, и если он будет готов к субботе (дню почты) — я Вам все-таки его вышлю [2]; читаю я плохо — да и Вам, я думаю, будет так сподручнее. Мнение свое Вы мне скажете при свидании. Боюсь я только, как бы это мнение не ограничилось молчаливым указанием на камин. Повторяю — эта вещь как-то написалась сама собою, и я, *без шуток*, совершенно не знаю, что это такое?

А приятно мне думать, что я скоро всех вас увижу. Я уже было нанял дом в Орле, и я не покидаю мысли съездить туда на выборы. Этого этюда я пропустить не хотел бы.

Вот еще о чем я хочу Вас просить. Так как я с собой возьму весьма малое количество денег — и буду стараться жить как можно экономнее, то не можете ли Вы — так в свободные часы — осведомиться о каких-нибудь двух комнатках меблированных. Я беру с собой одного человека — он же и повар — потому что с моим желудком мне о ресторанной пище думать нельзя — поэтому маленькая кухня необходима. Я бы очень был благодарен Вам за это. На первых порах я остановлюсь в гостинице — и тотчас дам Вам знать.

Не ожидал я так скоро увидеться с Вами! Это мне очень приятно.

От Фета я получил письмо и 2-ую книгу Горация. Перевод также хорош — а на мои замечания он не согласен — и особенно стоит за славянские слова. Впрочем, я Вам всё это покажу в Петербурге — и мы с Вами потолкуем об этом — и о многом другом [3].

---

[a] *Далее зачеркнуто:* ноября

В субботу прибавлю еще несколько строк. О своей свободе узнал я из письма, адрессованного прямо ко мне графом Орловым, что очень любезно с его стороны [4].

Пятница.

Я получил Ваше письмо [5] — и хотя не Вы первый известили меня о перемене, происшедшей в моих обстоятельствах — но я благодарен Вам за эту дружескую и любезную мысль. Советы Ваши очень дельны — Вы можете быть уверены, что я себя буду вести так, что не подам никому повода к осуждению. Через Москву я проеду почти не останавливаясь — а в Петербурге буду жить для литературных занятий, кружка друзей, музыки — и шахматов. Надобно сказать, что я сделался страстным шахматным игроком. Пора угомониться — недаром я стал сед, как крыса.

Кажется — переписчик мой не успеет окончить рассказа — и я привезу его сам в Петербург. Я, может быть, раньше отсюда выеду, чем предполагал, а именно — 5-го декабря.

Я в последнее время много занимался перечитыванием старых русских журналов. Оказалось, что всё можно читать и во многом можно еще принимать интерес — кроме произведений двух авторов — Дружинина [6] и Авдеева [7]. Д<ружинин> невыносим своей напряженной ложью — А<вдеев> грошовой пошлостью, лежащей в основе всего, что он выпустил на свет. А язык у обоих легкий и быстрый. Очень умна одна, (кажется, Ваша) статья в 49-м году «Современника» о русской литературе [8], хотя мнение Ваше о Дружинине, вероятно, с тех пор определилось яснее. Мне одни имена его героев — Ланицкий, Радденский [9], производят давление под ложечкой.

Суббота.

Переписчик не кончил — и потому я привезу рассказ [10] сам. Выезжаю я отсюда в четверг, 3-го числа, и, если буду жив, прибуду в П<етербур>г 6-го или 7-го. Скажите от меня Тютчеву — что вольная Аграфены уже получена и я ее привезу. Если придут к Вам письма на мое имя (я позволил себе так распорядиться) — храните их у себя.

До свидания, милый А<нненков>. Заочно обнимаю Вас.

Ваш Ив. Тургенев.

P. S. Будьте так добры, заезжайте к Исакову (В. А. на Невском, против католической церкви) и скажите ему, что если он еще не посылал ко мне книг, чтоб он подождал.

323. И. Ф. МИНИЦКОМУ

28 ноября (10 декабря) 1853. Спасское

Вам, вероятно, Колбасин пишет о перемене, происшедшей в моих обстоятельствах [1], любезный И⟨ван⟩ Ф⟨едорович⟩ — но я не отказываю себе в удовольствии написать Вам об этом сам, зная, что Вы будете этому сочувствовать. Я рад, что попал опять в общую колею. Теперь есть вероятность для меня свидеться с Вами — я, если буду жив в будущем году, непременно съезжу на Юг и в Одессу. Теперь отправляюсь в Петербург. Непременно буду писать к Вам оттуда и надеюсь, что и Вы будете отвечать мне. Желаю Вам удачи во всех Ваших предприятиях, здоровья и приятной деятельности. Жму Вам крепко руку и остаюсь

искренно Вас любящий
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
28-го ноября 1853.

324. С. Т. АКСАКОВУ

13 (25) декабря 1853. Петербург

С. Петербург.
13-го декабря 1853.

Сегодня пятый день, что я приехал сюда, любезный и добрый Сергей Тимофеевич — и я еще не успел хорошенько оглядеться — а потому не ждите от меня путного письма [1]. Я хочу дать Вам пока мой адресс — а именно: я поселился в Поварском переулке, в доме Тулубьева, близ Владимирской.— Мне очень было бы приятно, если б Вы написали мне несколько строк о себе и о Ваших. Имеете ли вы известие от Ивана Сергеевича? Как он начал свое дело? [2]

Меня здесь все встретили очень любезно и благосклонно — буду стараться, чтобы и впредь эти чувства не изменились.

Я уже видел Рашель — но отлагаю поговорить о ней и многом другом до следующего письма [3].

Будьте здоровы — крепко жму Вам руку, кланяюсь всем Вашим и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

325. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

26 декабря 1853 (7 января 1854). Петербург

С.-Петербург,
26 декабря 1853 г.

Я бы тотчас отвечал Вам, любезный Леонтьев, если б в тот же день Краевский мне не сказал, что он уже написал Вам о вашей статье, и Вы, вероятно, уже распорядились насчет ее, т. е. отдали ее Каткову [1]. Мне кажется, этак во всяком случае будет лучше.

Не знаю я, какие денежные предложения Вам делал Краевский — я в этом отношении имею влияние только на «Современник» — и, я думаю, мог бы достать Вам из этого источника несколько денег, если б я мог показать что-нибудь Ваше, хотя небольшую статью, в виде казового конца или образчика. Если у Вас что-нибудь есть в таком роде, пришлите мне (вот кстати мой адресс: близ Владимирской, в Поварском переулке, в доме Тулубьева).

Извините краткость этого письма; я Вам через несколько времени, может быть, буду в состоянии сказать что-нибудь положительное, а теперь прошу Вас верить в искреннее уважение, с которым остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

1854

326. С. Т. АКСАКОВУ

10 (22) февраля 1854. Петербург

С. Петербург.
10-го февраля 1854.

Давным-давно собирался я писать к Вам, любезный и добрый Сергей Тимофеевич — да всё не мог улучить свободного времени — сегодня, однако, решился дать Вам весть о себе.— Прежде всего искреннее спасибо Вам за «Травлю перепелок» [1], которую я не прочел, а проглотил целиком. Это превосходная вещь — и написана тем славным русским языком, которым Вы одни владеете.— Кстати, в 3 № «Современника» будет напечатано письмо мое к Вам [2], в котором изложится мнение одного здешнего охотника и хорошего моего знакомого, доктора Берса — о разных темных вопросах, касающихся до прилета и улета дичи. Кажется, его замечания справедливы и во всяком случае могут вызвать ответ с Вашей стороны.

Здоровье мое в последнее время стало опять немного поправляться — моя болезнь состоит в гастрите или хроническом желудочном расстройстве, часто сопровождаемом лихорадкой и бессонницей. Мне очень жаль, что и Вы не совсем в своей тарелке — авось весна нас обоих поправит — а Вы ждите меня непременно в первых числах апреля или даже в конце марта.

Я здесь веду жизнь хотя не рассеянную — но как-то растраченную на тысячу мелочей и т. д. Впрочем, я сделал здесь две хорошие вещи: уговорил Тютчева (Ф⟨едора⟩ И⟨вановича⟩) [3] издать в свет собранные свои стихотворения и помог Фету окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация [4]. Сам же я ничего пока не делаю — надеюсь приняться за дело в деревне.

Сегодня вышел здесь манифест о войне с Англией и Францией. Вы, вероятно, скоро его получите, если уже не получили.

Вы мне ничего не пишете об Ив⟨ане⟩ Серг⟨еевиче⟩ [5]. Думаю, что он здоров и работает. Спасибо К⟨онстан-

тину〉 С〈ергеевичу〉 за его поклон. Жму вам всем руки — и говорю: до свидания.

Душевно Вас любящий
Ив. Тургенев.

P. S. Издание Пушкина подвигается, хотя очень медленно [6].— Пользуясь отъездом английского посланника [7], я купил очень дешево 2 отличных английских ружья Форсайта.

327. А. В. ДРУЖИНИНУ

24 февраля (8 марта) 1854. Петербург

Любезный Александр Васильевич, прошу Вас завтра (в четверг) к себе обедать. У меня будет Лонгинов и торжественно прочтет посвященную Вам поэму [1]. Надеюсь, что Вы непременно будете. До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Середа утром.

328. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25 февраля (9 марта) 1854. Петербург

St. Pétersbourg,
ce $\frac{\text{25 février}}{\text{8 mars}^{a}}$ 1854.

Votre lettre du 21 février [1] ne m'est parvenue qu'hier, chère et bonne Madame Viardot — et après y avoir mûrement réfléchi — voici ma réponse.— Je vous prie de replacer Pauline chez Mlle Renard.— Je sais très bien tous les inconvénients, qui peuvent en ressortir — mais je sais aussi qu'en agissant autrement — tout ce qui a été fait jusqu'à présent serait détruit sans aucune compensation. — Elle échangerait une position peu enviable, il est vrai, mais pourtant naturelle contre une position fausse et, je dirais, presque impossible. A quoi bon rattacher un lien qui est et doit rester — rompu? Je conçois parfaitement qu'il vous serait impossible de surveiller son éducation avec toutes les fatigues et les travaux que je prévois pour vous — avec toute l'incertitude des temps qui s'ouvrent devant vous — mais je sais que, confiée uniquement à Mlle Renard Pauline peut encore devenir ce que le ciel veut qu'elle devienne —

---

[a] *Так в подлиннике.*

tandis qu'ici sa position serait des plus pénibles.— En un mot, voici ma décision — il faut la replacer chez Mlle Renard.— Avant quinze jours vous recevrez les 1200 francs de pension — je vous enverrai en même temps une lettre pour Mlle Renard.

Vous ne me dites rien de vous-même — il y a déjà longtemps que j'ignore à peu près ce que vous faites.— Je crains fort que nous ne tenions plus que par le bout des doigts — et il me semble que je les sens m'échapper tout à fait... Du reste, il est difficile de conserver le courage et la ténacité de l'affection devant un avenir aussi sombre, aussi incertain — devant l'impossibilité presque complète de se revoir avant que le dernier rayon de la jeunesse ait disparu. — Cependant, il faudrait pouvoir le faire! — Ce n'est pas moi dans tout les cas qui lâcherai votre main — cette main qui m'a été si douce et si bienfaisante — ne m'oubliez pas, je vous prie, et prouvez-le moi, ne fût-ce que rarement.

Que vous dirai-je de moi-même? — Les intérêts particuliers disparaissent dans les grandes crises historiques.— Notre pays se prépare avec résolution et vigueur à la lutte qui va éclater; tout le peuple, à partir des classes les plus élevées jusqu'au plus humble paysan, est avec le gouvernement — nos 65 millions d'hommes ne font qu'un dans ce moment — soyez-en bien sûre — et c'est ce que l'Europe ignore. Cette unité d'action, de sentiment, de volonté est quelque chose d'imposant et de bien fort — elle nous ferait braver le monde entier — et je le dis avec conviction — quoi qu'il advienne — nous ne reculerons pas de l'épaisseur d'un cheveu — vous verrez.— On ne connaît pas notre force — et nous ne la connaissons nous-mêmes que quand on nous provoque.— La Russie se lève en ce moment comme en 1812 [2].

Je compte rester ici jusqu'au commencement d'avril (vieux style) — c'est-à-dire encore cinq semaines.— D'ici j'irai directement à Spasskoïé, je ne m'arrêterai que peu de temps à Moscou. Il faut que je sois à Spasskoïé le jour de Pâques — (qui aura lieu le 11/23 avril) [3]. Vous m'écrivez par l'entremise de la p-sse M⟨estcherskaïa⟩.— N'auriez-vous pas reçu mes 2 lettres où je vous donne mon adresse — Grande rue des Ecuries, maison Weber, logement n°25? — Ecrivez-moi, dès que vous aurez reçu cette lettre.—

Ma santé va assez bien — mes affaires idem. Du reste, rien de nouveau.—

Mille amitiés à V⟨iardot⟩ et à tous les bons amis. J'embrasse vos chères mains — et vous souhaite tout le bonheur

imaginable.— Je le répète, avant quinze jours vous aurez l'argent et la lettre pour Mlle Renard. Adieu, theuerste Freundinn.

Votre
J. Tourguéneff.

329. Л. Н. ВАКСЕЛЮ

25 февраля (9 марта) 1854. Петербург

Милый Лев Николаевич,

Я в весьма нелепом положении — ежеминутно ожидаю из деревни денег и всё денег нету! Можете Вы мне прислать 25 руб. серебр.? Я Вам очень был бы благодарен. Да что мы давно не видались. Приходите сегодня вечером — т. е. после обеда — если не боитесь веселой болтовни во время поста.

Ваш
Ив. Тургенев.

Четверг
25 фев. [a]

На обороте:

Его высокоблагородию
Льву Николаевичу
Вакселю.

330. С. Т. АКСАКОВУ

28 февраля, 4 марта (12, 16 марта) 1854. Петербург

28-го февраля 1854.
С. Петербург.

Спешу ответить хотя немногими словами, на Ваше письмо от 15-го фев⟨раля⟩ [1], любезный и добрый Сергей Тимофеевич. Пишете Вы мне, что слышали, будто я отправляюсь на Кавказ [2] — но это несправедливо; я имею намерение провести лето в деревне [3] — если здесь не произойдут какие-нибудь необыкновенные события — и в первых числах апреля во всяком случае, если буду жив, буду у Вас в Абрамцеве [4].— Я на днях познакомился с одним кн⟨язем⟩ Оболенским (кажется, Юрием) [5], который много мне говорил о Вас. Заранее радуюсь нашему свиданию и нашим разговорам.

Ожидаю с нетерпением нового издания книги «Об уженье» и исполню Ваше желание на ее счет [6].

---

[a] *Было:* 23

Письмо от Берса должно было быть помещено не в 9, а в 3 кн<ижке> «Современника», но отложено до 4-го, т. е. до апрельского номера [7].

Могу сообщить Вам приятное известие — Пушкин, наконец, начнет печататься [8]. Слух о дороговизне нового издания до Вас дошел ложный; напротив — оно, сколько я знаю, будет сравнительно — очень дешево.

Господин [9], которому я поручил доставить Вам рукопись «Постоялого двора» — потерял ее — придется велеть переписать ее снова.

До свиданья, добрый Сергей Тимофеевич, будьте здоровы и веселы — кланяйтесь всем Вашим. Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Письмо это кончено 4-го марта.

331. С. Т. АКСАКОВУ
31 марта (12 апреля) 1854. Петербург

С. Петербург.
31-го марта 1854.
Середа.

Очень Вам благодарен, добрый и почтенный Сергей Тимофеевич, за присланную книгу «Об уженье» [1] — я перечел ее с наслажденьем и предоставляю себе удовольствие поговорить о ней в «Современнике» — так что она не поспеет к апрельской книжке [2]. «Семейную хронику» [3] я еще не успел прочесть, но слышу великие похвалы со всех сторон.

Я выезжаю отсюда через неделю — в Москве пробуду только день Светлого воскресения [4] — но увижусь с Вами [a] в начале мая, т. е. на обратном пути из деревни, где я пробуду не более трех недель [5].— Я здесь нанял дачу в Петергофе, чтобы быть на месте действия или, выражаясь правильнее, чтобы не слишком отдалиться от центра, куда будут приходить все известия [6]. В мае месяце я у Вас проведу дней 5. Вы мне, кстати, покажете, как должно удить — ведь май месяц, говорят, лучшее время для уженья. Наговоримся вволю.

Итак, до свиданья около 5-го мая. Надеюсь найти Вас тогда веселым и бодрым, крепко жму Вам руку, кланяюсь всем Вашим и остаюсь навсегда

преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* в половине

332. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

3 (15) апреля 1854. Петербург

С.-Петербург,
3-го апреля 1854.

Любезный Константин Николаевич, я получил вчера Ваше письмо [1]. Не могу не поблагодарить Вас за выражения участия, которыми оно исполнено — но должен Вам объяснить, что дело, о котором идет речь (моя женитьба), лишено всякого основания. Особенно повергло меня в изумление имя моей нареченной невесты [2]. Я бы едва ли более удивился, если б узнал, что китайский император пожаловал меня мандарином. Не могу понять, откуда распространился этот слух?

Прочие воззрения на здешнюю мою жизнь, сообщенные Вам рассказчиком, о котором Вы говорите — также мало сходны с истиной. Я действительно был однажды случайно на вечере представлен одной высокой особе и разговаривал с ней десять минут [3] — впрочем, живу здесь очень уединенно.

Все Ваши замечания насчет брака очень справедливы — и я, вероятно, когда-нибудь кончу, как все — женитьбой, но это время еще не настало. Для Вас же я не могу слишком горевать, что Ваши предположения на тот же счет рушились — мне почему-то кажется, что эдак лучше [4].

Я рад, что скоро наступит для Вас эпоха деятельности — и желаю только, чтобы здоровье Ваше не пострадало от перемены климата [5].

Я намерен прожить лето в окрестностях Петергофа — не хочется, в такое время, удаляться от места действий [6]. Но я на днях съезжу недели на две в деревню и — может быть, увижу Вас проездом [7].

Еще раз благодарю Вас за Ваше участие, желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

333. С. Т. АКСАКОВУ

8 (20) мая 1854. Спасское

С. Спасское.
8-го мая 1854.

Пишу Вам сегодня только несколько строк, любезный Сергей Тимофеевич, для того, чтобы уведомить Вас, что я выезжаю отсюда во вторник 11-го числа (раньше я с де-

лами справиться не мог), буду в Москве 12-го, а у Вас, если буду жив, 13-го обедаю. 14-е число — самый поздний срок [1]. Итак, до скорого свидания — заочно жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

334. С. Т. АКСАКОВУ
30 мая (11 июня) 1854. Петергоф

Петергоф.
30-го мая 1854.
Троицын день.

Пишу к Вам, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич — по миновании обоих майских Михайловых дней (Вы помните?), в которые ничего особенного со мной не случилось [1]. Я поселился здесь в небольшом домике колониста, в двух верстах от Петергофа — и в полуверсте от моря, которое видно из моих окон над верхушками соснового леса. Завел себе лошадь и таратайку — и располагаю здесь прожить до осени [2].

К сожалению, погода у нас до того невыразимо гадкая, что и сказать нельзя. Холод, дождь, ветер воет и поет — тоска! Куда девались красные дни, которые тешили нас в Абрамцеве! [3] Надо вооружиться терпеньем. Вот буквально пришлось: сидеть у моря и ждать погоды.— В Кронштадт, который отсюда всего в пяти верстах — я еще не ездил. Англичане, говорят, близко — но носу к нам сюда еще не кажут [4].

Поговорим немного о литературных новостях. Во-первых — скажу Вам, что я познакомился со вдовою Баратынского [5] (совершенно сумасбродная женщина — между нами сказать) — и она мне вручила альбом, куда она вписала всё, что осталось от ее мужа, письма и пр. Можно будет составить довольно любопытную статью [6].— От Толстого, автора «Истории моего детства», прислана повесть, продолжение первой, под названием «Отрочество» — говорят, превосходная [7].— В Париже появился перевод моей книги [8] — с длинным предисловием — то-то, я думаю, насказано вздору!

Баратынский не поэт в единственно истинном, в пушкинском смысле — но нельзя не уважать его благородную художническую честность [9], его постоянное и бескорыстное стремление к высшим целям поэзии и жизни. Константину Сергеичу он бы понравился, несмотря на свое западничество. Ума, вкуса и проницательности у него было

много, может быть, слишком много — каждое слово его носит след не только резца — подпилка — стих его никогда не стремится, даже не льется. Вот Вам неизданное его стихотворение (которое не давайте списывать) — в нем довольно верно выразились все особенности его музы:

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит —
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит —

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стесненной грудию восстонет?

И тихий гроб твой посетит —
И над умолкшей Аонидой,
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! — Но сложится певцу
Канон намеднешним зоилом —
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом [10].

Отголосок великой, нашей классической эпохи слышится в форме стиха Баратынского.

Некрасов — которого Вы так не любите — написал несколько хороших стихотворений, особенно одно — плач старушки-крестьянки об умершем сыне [11].

Адресс мой очень прост: в Петергоф. Я уже распорядился здесь на почте — письма будут мне доставляться. Пожалуйста, напишите мне два слова о себе, о Вашем житье в Абрамцеве, которое я так душевно полюбил. Поклонитесь, прошу Вас, Вашей супруге и всему Вашему семейству. Жму Вам и К<онстантину> С<ергеевичу> руки дружески и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

335. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

26 июня (8 июля) 1854. Петергоф

Петергофская колония.
Сего 26-го июня 1854.

Спешу известить тебя, милый дядя, что седло и 300 руб. сер.— получены мною в исправности. Здоровье мое порядочно — и я провожу время довольно приятно. В Петербург я не езжу — ибо там холера необыкновенно сильна.

Жилеты тебе давпо высланы, и ты, я думаю, уже получил их.

Если буду жив, в первых числах сентября непременно буду в Спасском [1]. Рекомендую тебе мою верховую лошадь — а также и сад, чтобы развалины понемногу исчезли. Желаю тебе и всем твоим здоровья и всего хорошего — да скажи в конторе, чтобы они писали не — а Дома Брауна, но — Адама Брауна — на адрессе.

Обнимаю тебя — попроси брата, чтобы он исполнил мою просьбу насчет Ивана.

Твой
Ив. Тургенев.

336. РЕДАКТОРУ «JOURNAL DE ST. PÉTERSBOURG»

7 (19) августа 1854. Петербург

St. Pétersbourg, 7/19 août 1854.

Monsieur,

Permettez-moi de réclamer de votre complaisance l'insertion de la lettre suivante [1].

Il vient de me tomber entre les mains une traduction française d'un de mes ouvrages, publié il y a deux ans à Moscou. Cette traduction, intitulée, je ne sais trop pourquoi, «Mémoires d'un seigneur Russe», a donné lieu à plusieurs articles insérés dans différents journaux étrangers [2].— Vous comprendrez facilement, Monsieur, qu'il ne peut pas me convenir d'entrer en discussion avec mes critiques, d'ailleurs beaucoup trop bienveillants pour moi, mais ce qui me tient à cœur, c'est de protester contre les conclusions que plusieurs d'entr'eux ont cru pouvoir tirer de mon livre. Je proteste contre ces conclusions et contre toutes les déductions qu'on peut en faire, comme écrivain, comme homme d'honneur et comme Russe; j'ose croire que ceux de mes compatriotes qui m'ont lu ont rendu justice à mes intentions, et je n'ai jamais ambitionné d'autres suffrages.

Quant à la traduction de M. E. Charrière, d'après laquelle on m'a jugé, je ne crois pas qu'il y ait beaucoup d'exemples d'une pareille mystification littéraire. Je ne parle pas des contre-sens, des erreurs, dont elle fourmille, une traduction du Russe ne saurait s'en passer; mais, en vérité, on ne peut se figurer les changements, les interpolations, les additions, qui s'y rencontrent à chaque page. C'est à ne pas s'y reconnaître. J'affirme qu'il n'y a pas

dans tous les «Mémoires d'un seigneur Russe» quatre lignes de suite fidèlement traduites. M. Charrière a pris surtout soin d'orner mon style, qui a dû lui sembler beaucoup trop mesquin et trop maigre. Si je fais dire à quelqu'un: — «Et je m'enfuis», voici de quelle façon cette phrase si simple est rendue: «Je m'enfuis d'une fuite effarée, échevelée», comme si j'eusse eu à mes trousses toute une légion de couleuvres, commandée par des sorcières. Un lièvre poursuivi par un chien devient sous la plume enjouée de mon traducteur «un écureuil qui monte sur le sommet d'un pin, s'y place debout et se gratte le nez». Un arbre qui tombe, se transforme en «un géant chevelu qui s'était ri des assauts séculaires de plusieurs milliers d'insectes, et qui s'incline solennellement et sans hâte vers la terre, sa vieille nourrice, comme pour l'embrasser, en expirant sous la morsure d'un fer tranchant, emmanché par l'homme d'un fragment de bois, que l'arbre avait peut-être fourni lui-même»; une vieille dame «passe du chocolat au safran, puis au café au lait, tandis que des bouquets de poil jaune et frisé s'agitent sur son front et que ses yeux clignotent avec un mouvement aussi rapide que la flèche coureuse de la pendule, qui bat soixante fois à la minute», etc., etc., etc. Vous imaginez-vous mon étonnement? Mais voici quelque chose de bien plus fort encore. Dans le chapitre XVII, à la page 280, M. Charrière introduit un nouveau personnage, qu'il décrit longuement et avec complaisance, une espèce de colporteur, de marchand d'allumettes chimiques... Que sais-je? Eh bien! il n'y a pas un mot de tout cela dans mon livre, par la bonne raison qu'un semblable personnage n'existe pas en Russie. Ce qu'il y a de plus curieux, c'est qu'en parlant précisément de ce chapitre dans sa préface, M. Charrière prévient le lecteur que «les préparatifs de l'auteur peuvent paraître un peu longs à notre impatience française». Vous concevez, Monsieur, qu'avec un pareil système de traduction, on peut donner pleine carrière à sa fantaisie; aussi, M. Charrière ne s'en est-il pas fait faute. Il taille, il coupe, il change, il me fait pleurer et rire à volonté, il me fait ricaner, et c'est ce dont je lui en veux le plus; il a l'horreur du mot propre, il met une queue en trompette au bout de chaque phrase, il improvise toutes sortes de réflexions, d'images, de descriptions et de comparaisons. Il est possible que toutes ces improvisations soient charmantes et surtout pleines de goût, mais, je le demande à M. Charrière lui-même, comment ne sent-il pas, qu'en ajoutant tant de belles choses au texte de mon ouvrage, il le prive par cela même du seul mérite qui pour-

rait le recommander à l'attention des lecteurs français, du mérite de l'originalité? Je remercie beaucoup M. Charrière de toutes les amabilités dont sa préface est remplie, mais n'est-il pas un peu étrange de louer l'esprit de quelqu'un, quand on vient de lui en prêter tant du sien?

Agréez, etc.

I. Tourguéneff.

P. S. Je vous demande pardon d'ajouter un Post-Scriptum à une lettre déjà si longue. Mais, parmi les contre-sens dont j'ai parlé plus haut, il y en a deux ou trois de si piquants, que je ne puis me refuser le plaisir de les citer. Page 104, on trouve la phrase suivante: «Les chiens faisaient tourner leur queues... dans l'attente d'un *ortolan*». D'où vient cet ortolan? Il y a *afsianka* dans le texte, et le dictionnaire, consulté par M. Charrière, ne lui aura probablement pas dit qu'afsianka signifie aussi *pâtée pour les chiens*. Page 380, le lecteur est tout surpris d'entendre parler (la scène se passe au fin fond de la Russie) «des allées et venues continuelles des *noirs*, occupés gravement du service». Des *noirs*??! Voici l'explication de l'énigme: M. Charrière a confondu les mots *arapnik*, fouet de chasse, et *arap*, nègre, et il a arrangé la phrase en conséquense. Page 338, on voit un dignitaire donner sa main à baiser à un général (!)... Du reste, je soupçonne ici M. Charrière de s'être trompé à dessein. J'en passe, et des meilleurs, mais il est temps que je m'arrête.

337. С. Т. АКСАКОВУ

7, 14 (19,26) августа 1854. Петергоф

Петергофская колония,
7-го августа
1854-го г.

После долгого молчанья берусь опять за перо, любезный Сергей Тимофеевич, и прежде всего благодарю Вас за Ваше милое письмо от 11-го июня [1], на которое я до сих пор, к стыду моему, не отвечал. Я только третьего дня вернулся с поездки (за 160 верст) на тетеревов и белых куропаток. Ездил долго — дней 16— и только к самому уже концу отыскал отличные, истинно царские места по множеству дичи и удобству стрелянья. Недостаток проводников, хорошо знавших местность, и собственная недогадливость были тому причиной — а эти превосходные места были всего в 10 верстах от села, где я поселился. Впрочем, я своей поездкой был доволен — чувствовал себя со-

вершенно здоровым — да оно и не мудрено было при удивительной погоде, которая стоит у нас уже около двух месяцев. Теперь вычистил ружье — даю отдыхать собаке — и жду дупелей — а на вальдшнепов поеду к себе в деревню около 10-го сентября.

Я Вам не писал о тех планах, которые у меня были в голове во время пребывания моего в Абрамцеве — потому что все эти планы упали в воду [2] — карты сказали правду.

Получил я наконец французский перевод моих «Записок» — и лучше бы, если б не получил их! Этот г-н Шаррьер чёрт знает что из меня сделал — прибавлял по целым страницам, выдумывал, выкидывал — до невероятности — вот Вам образчик его манеры: у меня, напр., сказано: «я убежал»; он переводит эти два слова следующим образом: «Je m'enfuis d'une course folle, effarée, échevelée, comme si j'eusse eu à mes trousses toute une légion de couleuvres, commandée par des sorciers». И всё в этаком роде. Каков бессовестный француз — и за что[а] я теперь должен превратиться, по его милости, в шута? [3]

Здесь все — и, разумеется, начиная с меня — в восторге от Вашего «Шушерина» [4]. Это просто прелесть — а что касается до слога — мы все у Вас должны учиться. Отголосок этих мнений Вы найдете в августовском «Современнике» — в фельетоне Панаева [5]. Очень я рад, что Вы продолжаете Ваши драгоценные «Воспоминания». Да не пришлете ли Вы что-нибудь для «Современника»? — хоть статью о Державине [6]. Они бы Вам в ножки поклонились. Если вздумаете, пришлите на мое имя — *до* 10-го сентября.

Я думаю пробыть у себя в деревне до половины октября — и непременно Вас в конце октября увижу.

О политических делах Вам не пишу — ничего важного в последнее время не случилось — кроме блистательного отражения первого приступа французов к Аланду. Они кончат тем, что возьмут его [7] — превосходство сил слишком велико — но он им станет дорого. Когда английский флот был здесь — мы ездили смотреть его на Красную Горку за 50 верст отсюда [8].

Прощайте, любезный и добрый Сергей Тимофеевич. Желаю Вам всего хорошего, начиная с здоровья. Передайте мой дружеский поклон всему Вашему семейству — и в первом письме к моему тезке [9] — поклонитесь ему от

[а] *Далее зачеркнуто:* он

меня. Где он теперь и что делает? К⟨онстантин⟩а С⟨ергеевич⟩а обнимаю. До свиданья — в октябре, если бог даст.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

(на обороте).

Суббота, 14-го авг⟨уста⟩.

Письмо это, по недоразумению, не было отнесено на почту — отправляю его сегодня. В «Journal de St-Pétersbourg» поместили мое письмо к редактору насчет шарриеровского перевода [10]. Будьте здоровы.

338. П. В. АННЕНКОВУ

28 сентября (10 октября) 1854. Спасское

С. Спасское.
28-го сентября 1854.
Вторник.

Любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Спасибо Вам за исполнение поручения и за то, что не забыли написать о нем [1]. Вот умница! — Мы с Некрасовым здесь уже с неделю [2], каждый день ходим на охоту (вальдшнепов, однако, не очень много), я чуть было не выколол себе глаз об ветку — и два дня сидел дома — впрочем, всё обстоит благополучно. Теперь 7-й час утра, и я Вам пишу это, собираясь на охоту.— Пожалуйста, пишите к нам, сообщайте известия и — главное — не проигрывайте 30 рублей серебром [3]! Это совершенно неприлично.

Жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

339. П. В. АННЕНКОВУ

1 (13) октября 1854. Спасское

Спасское.
1-го октября 1854.

Представьте, какое странное наше положение, любезный Анненков — погода удивительная — и именно потому, что она удивительная и дождей нету — и вальдшнепов у нас нету — и стрелять решительно не по чем. Впрочем, мы здоровы — и Некрасов даже работает. Он еще не знает наверное, когда вернется в Петербург [1] — может быть, скоро. Но вот в чем дело — представьте — библиотеку Б⟨елинског⟩о [2], которую я нашел здесь, кто-то

бессовестно ограбил: нет ни Гоголя, ни Пушкина, ни самых интересных годов «Современника» и «О⟨течественных⟩ записок» и т. д. и т. д. Это ужасно досадно! Помнится, я у Вас видал каталог этой библиотеки [3] — пришлите мне его, пожалуйста, как можно скорее — он мне очень нужен. Я в Петербург не прибуду раньше половины ноября. Будьте здоровы — кланяйтесь всем и Тургеневым [4], если увидите их.— Известите о Пушкине, если что выйдет благоприятное [5], и вообще не оставляйте известиями.

Ваш Ив. Тургенев.

340. С. Т. АКСАКОВУ

8 (20) октября 1854. Спасское

С. Спасское.
8-го октября 1854.

С 22-го сентября нахожусь я здесь, любезный и почтенный Сергей Тимофеевич, но охотился очень плохо — вальдшнепов совсем почти не было — ранние ночные морозы и последних прогнали. Куропаток тоже очень мало и перепелов — словом — плохо дело! — Я со вчерашнего дня повесил ружье на крючок и хочу приняться за работу — непременно окончу две обещанные Вам статейки [1] и привезу их в Абрамцево через месяц [2]; раньше я отсюда не выеду. Надеюсь, что застану вас всех в добром здоровье — и наговоримся тогда вдоволь о том, о чем писать невозможно в двух словах. Веселы ли будут беседы наши — бог весть — но знаю наверное, что время я проведу в Абрамцеве приятно. Напишите мне, не ждете ли Вы к тому времени Ивана Сергеевича домой [3]— а адресс мой всё тот же: Орловской губернии, в город Мценск. Извините, пожалуйста, краткость этого письма — поздно хватился — и боюсь опоздать на почту.

Итак, до свидания — крепко жму вам всем руки и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Цензура, говорят, сильно исказила «Отрочество» в 10-м № «Современника» [4] — а все-таки прочтите и скажите Ваше мнение.

341. Н. А. НЕКРАСОВУ

8 (20) октября 1854. Спасское

Посылаю тебе, любезный Некрасов, письмо, пришедшее на твое имя в середу [1].

После тебя сделалась теплая погода — но вальдшнепов нет — и, видно, не будет.

Ездил я на куропаток — но опять нашел только один помет. Убил 2 гаршнепов, Исаев убил 1 тетерева, Афанасий [2] — зайца и утку и несколько перепелов.

Собаки твои здравствуют.

Не забудь напомнить Анненкову о каталоге [3] — и также не оставляй меня известиями.

Надеюсь, что ты прибыл благополучно и, по мере возможности, здоров.— Надеюсь также, что «Современник» выслан [4].

Жена Порфирия [5] очень мила и умна — я очень рад его удаче.

За работу еще не принялся, но, вероятно, с завтрашнего дня примусь.

Прощай — кланяйся всем добрым приятелям.

Тв⟨ой⟩
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
8-го октября 54.

342. К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

10 (22) октября 1854. Спасское

С. Спасское,
10-го октября 1854.

Вы, верно, пеняете на меня за мое молчание, любезный Константин Николаевич; но вот в чем дело. Письмо [1] Ваше и повесть («Лето») [2] я получил, вероятно, по недоразумению, 17-го числа сентября, а 18-го я выехал из Петербурга сюда. Всё, что я успел сделать, было то, что я ее снес Краевскому, которого, однако, не застал дома — и оставил ее с запиской [3]. Просить у него денег было невозможно — он бы не дал — особенно заочно; я отложил эти переговоры до возвращения моего в Петербург — около 15-го ноября. У «Современников» гроша нет медного [4]. Поневоле пришлось отказаться от удовольствия быть Вам полезным. Надеюсь, что Вы до первых чисел декабря обойдетесь как-нибудь без этой присылки — а к тому времени обещаю добыть Вам хотя часть желаемого Вами. «Лето» [5] я Ваше прочел; это вещь слишком легкая и ма-

лая, чтобы сказать о ней что-нибудь положительного — не дурно, но Вы можете не то сделать. Какое-то самодовольство проглядывает в манере, которое не совсем приятно. Впрочем, повторяю, это эскиз, по которому ничего нельзя заключить.

Я бы больше к Вам писал, да не знаю наверное, точно ли вы уже прибыли в Керчь? [6] Пожалуйста, уведомьте меня; а я на всякий случай написал также Вам в деревню [7]. Я виноват тем, что не написал Вам тотчас после приезда сюда; разные дела этому помешали. Напишите мне из Керчи, там ли Вы и дошло ли до Вас письмо и какой Ваш адресс.

Пока желаю Вам всего хорошего, здоровья и деятельности, жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

343. П. В. АННЕНКОВУ

15 (27) октября 1854. Спасское

С. Спасское.
Пятница, 15-го окт. 54.

Что это Вы молчите, любезнейший? [1] Прошу Вас ответить на следующие мои запросы:

1) У Вас ли каталог библиотеки Белинского — и выслали ли Вы его ко мне, как я Вас просил через Некрасова? Если нет, вышлите его, бога для, немедля [2].

2) Были ли вы у кн. Мещерской и как она Вам показалась — и получили ли Вы от нее «П⟨остоял⟩ый двор»? [3]

3) Видите ли Вы Тургеневых и что делает Ольга Александровна?

4) Какое впечатление производит «Отрочество»? [4]

5) Какие последние военные известия? [5]

6) Вышло ли разрешение на печатание Пушкина и что Вы вообще поделываете? [6]

Видите ли, есть у Вас о чем писать, была бы охота.— А о моем житье-бытье Вы, вероятно, извещены через Некрасова. Кажется, принимаюсь работать — месяц проживу еще здесь, по меньшей мере. Здоровье изрядно — погода стоит хорошая.

Напишите мне, по-старому, письмецо с начинкой — уж Вы знаете как. Чтоб было что пожевать — а я Вам за это буду душевно благодарен.

Прощайте, милейший, и будьте здоровы.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Еще вопрос: женился ли Мухортов? [7]

344. Н. А. НЕКРАСОВУ

15 (27) октября 1854. Спасское

С. Спасское.
Пятница, 15-го окт. 1854.

Спасибо, любезный друг, что не забываешь меня [1]. Я очень рад, что ты благополучно доехал [2]. С самого твоего отъезда морозы прекратились, но вальдшнепы так-таки и не появились, перепела улетели, а куропатки не даются в руки. Я ружье повесил на крючок и понемногу принимаюсь за перо. Статейка о Баратынском почти кончена — письма его все переписаны [3].

Было время, что я с ума сходил от народных песен — и у меня есть различные переводы сербских, мадьярских, финских и других песен — это предприятие Берга очень полезно и хорошо — вот где бьют родники истинной поэзии. Я тебе благодарен за мысль выслать мне эту книгу [4]. «Современник» еще не прибыл — что ты мне ничего не говоришь о том, какое впечатление производит «Отрочество»? [5] — Пожалуйста, сообщай военные известия [6] — письма всё днями двумя раньше приходят, чем журналы.

У Каштанки сделалась чума — но, благодаря моим спасительным порошкам, ему гораздо лучше. Дианка ощенилась сегодня, я велел закинуть щенят.

Погода стоит чудесная — и барометр всё поднимается.

Вот тебе все наши новости — чем богаты, тем и рады. Прощай, будь здоров, кланяйся всем. Анненкову пишу с нынешней же почтой [7].

Твой Ив. Тургенев.

P. S. Если Ваксель приехал и ты его увидишь, кланяйся ему и расскажи о его щенке. Я на днях напишу ему. Да! я забыл тебе сказать, что я получил от Основского письмо, в котором он мне говорит, что послал тебе еще статью [8], и просит, чтобы ты следующие ему, по твоему расчету, деньги выслал на имя Александра Михайловича Купфершмита, в Москве, на Сретенке, в Сумниковском переулке, в собственном доме.

345. В. П. ТОЛСТОМУ

17 (29) октября 1854. Спасское

Милостивый государь!

Посылаю Вам № «Современника», в котором помещена повесть брата Вашей супруги [1] — «Отрочество» — думая, что это будет интересно для Вас. Я давно имел желание с Вами познакомиться; если и Вы с Вашей стороны не прочь от этого, то назначьте мне день, когда мне к Вам приехать, начиная со вторника [2]. Я чрезвычайно высоко ценю талант Льва Николаевича и весьма бы желал знать о нем, где он и что с ним [3]. Извините мою нескромность — и во всяком случае примите уверение в совершенном уважении, с которым остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Иван Тургенев.

С. Спасское.
Воскресенье, 17-го окт. 54.

346. П. В. АННЕНКОВУ

18 (30) октября 1854. Спасское

С. Спасское.
18-го окт. 1854.
Понедельник.

Пишу к Вам сегодня, любезный Анненков, собственно для того, чтобы известить Вас, что каталог известной Вам библиотеки [1] нашелся, к великому моему изумлению — у меня в бумагах. А потому извините за причиненное беспокойство. Что Вы мне говорите о связках и т. д., также очень приятно — за всё спасибо. Душевно радуюсь получению разрешения насчет Пушкина [2] — наконец!

Я здесь живу очень недурно — одно только меня мучит и не дает работать как бы следовало: тревожное, лихорадочное ожидание известий. . . В почтовый день я ничего решительно делать не могу. Мы уже знаем о начале бомбардирования...[3] Что-то будет, что-то будет!!

А Вы все-таки напишите мне ответы на те из моих вопросов в прошедшем моем письме, насчет которых я еще в неизвестности. Я на днях познакомлюсь с сестрой Толстого (автора «Отрочества» — скоро не нужно будет прибавлять этого эпитета — одного только Толстого и будут знать в России) — и напишу Вам как и что. Я послал ей сегодня № «Современника», где повесть ее брата [4]. Кстати, не забудьте попросить Некрасова в следующем № «Совр<е-

менника〉» — поправить следующую опечатку: на стр. 153-й, на 6-й строке сверху, в стихотворении Баратынского — вм: безсмыслии — читай: безмыслии [5]. Пожалуйста, не забудьте этого — это важно.

А что сам Некрасов — как его здоровье и что его поездка за границу? [6]

Поклонитесь от меня, пожалуйста, и очень усердно Тургеневым вообще и О〈льге〉 А〈лександровне〉 в особенности. А какова Мещерская? Вы, я вижу, с ней в больших ладах.

Я в Петербурге буду около 15-го ноября. К тому времени уже всё разрешится.

Прощайте, будьте здоровы и не объедайтесь.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. Мне пришла вот какая мысль в голову: пришлите мне, пожалуйста, с тяжелой почтой те книги из библиотеки, которые у Вас; да вместе с ними 12-й № «Совр〈еменника〉» и 12-й № «От〈ечественных〉 зап〈исок〉» за 1853 год; эти два номера у меня в Петербурге, да заперты; я как приеду, отдам их. А Гоголь и Пушкин пусть остаются пока у Языкова, если они у него [7].

347. Л. Н. ВАКСЕЛЮ

18 (30) октября 1854. Спасское

С. Спасское.
18-го октября 1854.
Понедельник.

Перед отъездом моим из Петербурга я раза два забегал к Вам, любезный Лев Николаевич, в надежде увидать Вас; но Вы еще не возвращались из деревни. Теперь, я надеюсь, Вы уже в Петербурге — и мне хочется сказать Вам слова два. Во-первых, благодарю Вас за английский порох, доставленный мне Вашим человеком,— я весь год им стрелял. Охотился я, впрочем, вообще довольно неудачно — даже здесь, чего никогда не бывало, вальдшнепы изменили — и мне не удалось попотчивать ими Некрасова [1]. Я полагаю, что Вы уже видели его — и он мог Вам рассказать наши похожденья. Как-то Вы охотились у себя? Щенок Ваш — как бы его не сглазить — вышел красавец писаный, лучше своего отца; Некрасов находит, что он лицом походит на Вальтер-Скотта; действительно, у него удивительно умная голова. К весне это будет на-

стоящий лев. Надеюсь увидеть Вас около 15-го ноября; если б Вам вздумалось к зиме получить Вашего щенка, напишите, и я его привезу; а то пусть останется до весны. Здоровье мое всё это время было весьма порядочно; чтó Ваша хандра? Не буду Вам говорить о политических событиях, чтобы еще не увеличить ее; но, признаться сказать, много пришлось горьких пережить минут. Авось перемелется [2].

Ружья, купленные по Вашей милости, оказались превосходными,— и я всякий раз с благодарностью Вас поминаю.

А за сим прощайте — будьте здоровы и веселы. Прочтите «Отрочество» в 10-й кн. «Современника». Вот наконец преемник Гоголя! Жму Вам дружески руку, кланяюсь всему Вашему семейству и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

348. Д. Я. КОЛБАСИНУ

18 (30) октября 1854. Спасское

С. Спасское.
18-го окт. 1854.

Как Вы поживаете, любезный Дмитрий Яковлевич, и что делает Ваш брат и прочие Ваши товарищи? Дайте о себе весточку и о его (т. е. брата Вашего) судьбе по экзамену [1]. Здесь всё по-старому, впрочем, есть и перемены. Бедная Любовь Степановна скончалась в ужасных муках [2] — а Порфирий женился на прехорошенькой и преумненькой дочери одного управителя — к тому же она артистка — занимается живописью, пишет портреты — и лицом похожа на Ж⟨орж⟩ Занд [3]. До сих пор он в эмпиреях — что-то дальше будет? Немножко субтильна она для него. Сообщите это Тютчевым [4], которые желают знать об этом — да скажите также, что я их письмо передал Вере Степановне [5], которая с некоторых пор живет у нас. Сверх того, прошу Вас немедленно сообщить Тютчеву Николаю Н⟨иколаеви⟩чу, что Прасковья Ивановна просит его выслать ей ее деньги и *белье* — она желает распорядиться этим перед смертью, которая, вероятно, скоро с ней приключится. Деньги эти пусть Тютчев вышлет на мое имя — а белье по тяжелой почте. Также есть у меня просьба до Вас — посмотрите мне, пожалуйста, квартеру, если можно меблированную, вроде той, которая была у меня в доме Вебера — если что-нибудь найдете очень удобное

рублей за 400 в год (без мебели, разумеется)— то это также годится, в случае нужды, можете на задаток взять денег у Некрасова от моего имени. Я буду в Петербурге к 15-му ноября — по крайней мере, не можете ли к этому времени иметь две, три квартеры на примете? Извините, что я обременяю Вас такой комиссией — но я знаю Вашу снисходительность.

А впрочем, будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

349. ПОЛИНЕ ВИАРДО

18 (30) октября 1854. Спасское

Spasskoïé,
le 18/30 octobre 1854.

Je viens de recevoir votre lettre datée du 12 octobre [1], chère et bonne Madame Viardot, et je m'empresse de vous remercier et de convenir de mes torts... Cependant, voici ce que j'ai à dire pour ma défense: l'affaire en question n'a jamais été qu'une chose extrêmement vague, à peine formulée dans mon esprit; l'avortement subit par lequel elle s'est terminée le prouve mieux que tout ce que je pourrais dire. A quoi bon dès lors vous en parler? Voici ce que je me suis demandé — et c'est en quoi j'ai eu tort — mes pensées les plus secrètes doivent vous appartenir. Remarquez cependant que ce n'est pas d'autrui, c'est de moi que la nouvelle vous est venue... Maintenant tout ceci est du passé, et je puis vous dire, entre nous, que la jeune personne en question porte le même nom de famille que moi, qu'elle est blonde, petite, bien faite, jolie et spirituelle, qu'elle m'a fait tourner la tête pendant un mois, mais que cela s'est passé bien vite, et que maintenant, tout en rendant justice à ses qualités, je suis fort content d'être à Spasskoïé, et le serais encore plus, si je lui voyais faire un bon mariage. Cela est venu et cela a disparu comme une bouffée de vent [2]. Y se acabó.

Si je vous ai parlé de mes préoccupations dans ma dernière lettre, elles n'avaient aucun rapport à l'affaire en question; ces préoccupations, qui durent encore, je les partage avec tous mes compatriotes; j'avoue que je donnerais volontiers mon bras droit pour qu'aucun de nos envahisseurs (pardon!) n'en réchappe, et si je regrette quelque chose en ce moment, c'est de n'avoir pas suivi la carrière militaire, j'aurais pu peut-être verser mon sang pour la défense de ma patrie... Mais laissons là la politique.

Parlons de Pauline. Avant tout, sachez qu'elle est libre comme vous et moi et n'a jamais été autrement; je m'étonne qu'elle ne vous en ait rien dit. Son acte de naissance (elle n'a pas d'autres papiers) est entre mes mains; je vous l'expédierai dès le jour de mon arrivée à Pétersbourg, ce qui aura lieu dans un mois. Quant à son avenir, il m'est impossible, je le répète, de penser, ne fût-ce qu'un instant, à son retour. Ce serait de la cruauté, ce serait abîmer, de gaîté de cœur, tout ce qui a déjà été fait. Je ne m'explique pas davantage, j'espère que vous me comprenez. Mais cet avenir doit être assuré, il l'est déjà, il le sera encore plus. Vous savez qu'une lettre de change de 60 000 francs se trouve confiée à un ami sûr, qui, en cas de mort, les réclamerait de mon frère et vous enverrait cet argent; cependant, j'espère faire mieux encore. Je vendrai une petite partie de mon bien et vous enverrai une quinzaine de mille francs dans le courant de cet hiver; je ferai de même les années suivantes, si Dieu me prête vie, et je ne serai tranquille que quand la somme entière sera à votre disposition. Malheureusement, les temps sont difficiles et ma situation est assez embarrassée: cette année-ci, par exemple, je n'ai eu à dépenser pour mon propre compte que 9 000 francs (la pension de la petite y est comprise); l'avenir n'est pas très gai non plus. Enfin, j'espère qu'à l'aide de mon oncle, je parviendrai à remplir mes engagements. Je serais très chagriné de donner à penser à Pauline que mon affection pour elle est diminuée; je lui écris aujourd'hui même. Je viens d'envoyer à Pétersbourg 700 francs que vous recevrez quelques jours après cette lettre — 640, formant le reste de sa pension, et 60 pour que vous lui achetiez un cadeau quelconque de ma part. Je vous serais très reconnaissant si vous trouviez une occasion de m'envoyer son daguerréotype. Vous êtes bonne comme un ange pour cette petite, et Mme Garcia l'est comme vous; je ne vous en remercie pas, car on ne remercie pas pour de pareilles marques d'amitié, mais je me mets à genoux devant vous deux et vous embrasse les mains avec effusion.

Je suis très heureux de savoir que vous vous portez bien et que vous êtes contente de votre tournée en Angleterre. Comptez-vous rester tout l'hiver à Paris? Ou bien avez-vous des projets d'excursion [3]. Votre lettre a mis 17 jours pour arriver jusqu'ici — je vous prierai de répondre à celle-ci à l'adresse de la princesse M⟨estchersk⟩y, que je vous ai envoyée, mais que je répète ici pour plus de sûreté: Rue Italianskaïa, Maison Hau, vis-à-vis le Manège Michel.

Que fait Viardot? Il va bien, j'espère. L'automne est superbe — vous devez en jouir à Courtavenel — pauvre cher Courtavenel — le reverrai-je jamais?

Vous occupez-vous de composition? J'attends avec impatience ce que vous me direz de «La Nonne Sanglante» [1]. J'avoue que je trouve ce titre bien vilain et sentant *l'ours* d'une lieue. Enfin il faut espérer que les beautés de la musique triompheront de tout.

Adieu, chère et bonne Madame V⟨iardot⟩. Portez-vous bien, soyez heureuse et pensez de temps en temps à votre vieil ami, dont l'attachement ne cessera qu'avec la vie. Mille amitiés à tout le monde. Tausend Küsse Ihren lieben, guten, schönen Händen.

Votre
J. Tourguéneff.

P. S. Voici encore quelques détails sur Mlle Olga Tourguéneff (c'est ainsi qu'elle se nomme), si cela peut vous intéresser. Son père est un vieux général en retraite âgé de 82 ans — elle n'en a que 19. Sa mère est morte peu de jours après sa naissance. Elle a été élevée par une de ses tantes, vieille demoiselle qui demeure avec son père. Elle a beaucoup de grâce, de bonté, beaucoup de finesse et de charme dans l'esprit, mais, comme je l'ai dit plus haut, ya se acabó.

350. Д. Я. КОЛБАСИНУ

21 октября (2 ноября) 1854. Спасское

Вчера получил Ваше письмо [1], любезный Колбасин, и сегодня же посылаю письмо к Оболенскому. (Имя и отчество его забыл — Вы выставьте на адрессе.) Желаю, чтобы это письмо послужило в некоторую пользу Миницкому [2].— Очень рад преуспеванию Вашего брата. Одержал-таки победу над М⟨усиным⟩-П⟨ушкиным⟩! [3] — Я Вам писал на днях [4], и потому прибавлять более нечего. Вторично прошу только о квартире, если время будет.

Будьте здоровы.

Ваш
Ив. Тургенев.

С. Спасское.
21 окт. 1854.

351. Н. А. НЕКРАСОВУ

22 октября (3 ноября) 1854. Спасское

Спасское.
22-го октября 1854.
Пятница.

Получил твое письмо от 16-го [1], а дня четыре тому назад и книгу Берга [2], за которую очень благодарю, хотя выбор пиэс сделан очень дурно — и перевод большею частью вял и плох — и даже, где я могу судить — неверен. Французские, наприм., песни — столько же народны, сколько народны досуги Кузьмы Пруткова [3] — это вздор, сочиненный очень недавно, между тем как и у них есть славные старинные песни; испанские тоже прегадко выбраны — мне кажется, Берг более желал пощеголять знанием всяких языков. Но мысль хороша и дельна и заслуживала лучшего исполнения. «Отрочество» я еще не перечел; я послал книгу «Совр⟨еменник⟩а» к графу Толстому, который женат на сестре автора; он третьего дня приезжал ко мне знакомиться — а я в воскресенье у него буду (он отсюда верстах в 20) — и сообщил мне много подробностей о своем шурине [4]. Сам он, кажется, очень хороший человек. Очень рад я, что ты доволен своим здоровьем [5]; еще бы более радовался, если б тебя отпустили за границу, но, вероятно, застану тебя еще в Петербурге [6]. Поздравь от меня Анненкова с благополучным окончанием первой — и важнейшей — половины его дела [7]. Порфирий сначала, т. е. в первые дни женитьбы, принялся было чесать голову — а теперь ходит опять весь в пуху и в жире. Впрочем, до сих пор судьбою своей доволен очень. Афанасий так-таки и не добился куропаток — а погода всё еще стоит славная.

Я всё еще не могу приняться за работу, как бы следовало. Очень много ем и сплю.

Прощай, будь здоров и до свиданья недели через три.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. В случае, если бы Колбасин попросил у тебя денег на задаток за квартиру (я попросил его поискать) — дай ему, пожалуйста [8].

352. Е. Я. КОЛБАСИНУ

29 октября (10 ноября) 1854. Спасское

Спасское.
29 окт. 1854.

Милый Колбасин, от души поздравляю Вас с окончаньем Ваших экзаменов и одержанной победой над М⟨уси-ным⟩-П⟨ушкиным⟩. Видно, не во всем же Вам должна везти неудача. Соображая кое-что иное прочее, я напротив начинаю думать, что Вы пресчастливый молодой человек. Дай бог также и впредь!

В Петербург я прибуду к 20-му ноябрю. Я писал Вашему брату и просил его о квартере [1] — не будете ли Вы так добры, не поможете ли ему? (Он ведь получил мое письмо к Оболенскому? Я тотчас же написал.) — На зиму мы уже сыщем Вам дело — не беспокойтесь.— Очень рад я успеху «Отрочества». Дай только бог Толстому пожить [2] — а он, я твердо надеюсь, еще удивит нас всех. Это талант первостепенный. Я здесь познакомился с его сестрой (она тоже за графом Толстым). Премилая, симпатичная женщина.

Здоровье мое очень удовлетворительно — и желудок почти не шалит. В шахматы я здесь сражаюсь редко — но удачно. Здешние господа не подвигаются вперед. Помните священные партии в Петергофе? [3].

До свиданья, будьте здоровы и веселы. Кланяйтесь всем, Фумели [4] и пр. Миницкому я напишу с следующей почтой. Он милейший человек.

Ваш
Ив. Тургенев.

353. Н. А. НЕКРАСОВУ

29 октября (10 ноября) 1854. Спасское

С. Спасское.
29-го окт. 1854.

Я, брат, похвастался, говоря, что принялся за работу [1]— то есть я было принялся — да вот опять заленился. Постараюсь, однакоже, не оставить 1-го или 2-го №-а «Современника» без повести [2]. Я привезу с собою небольшую, но очень недурную повесть Каратеева [3] (которого ты у меня видел).— Познакомился я с Толстыми. Жена графа Толстого — моего соседа — сестра автора «Отрочества» — премилая женщина — умна, добра и очень привлекательна. Я узнал много подробностей об ее брате. Он служит

теперь в 12-й батарейной батарее — и находится, вероятно, в Кишиневе [4]. Видел его портрет. Некрасивое, но умное и замечательное лицо. Кстати, что ж ты мне не скажешь, какое впечатление производит его повесть? [5]. Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покумлюсь с ней. Жаль, что отсюда до них около 25 верст. Она мне очень нравится.

Бубулька (как бы ее не сглазить) толстеет видимо — и в характере не меняется. Твои собаки здравствуют. Каштан совершенный лисенок — осторожен и плутоват до невероятности. Чума его совсем прошла.

Я не знаю наверное, когда я отсюда выеду. Что-то не хочется. Однако не позже трех недель. В этой однообразной жизни есть своего рода прелесть.

Как же это «наш добрый» [6] — оплошал? Помнится, он мне показывал формат красивый [7].— Ты мне не написал — женился ли Мухортов? [8]

Кланяйся всем друзьям — и Дружинину пожми руку. Я его полюбил с последней нашей поездки к нему.— Не слышно ли что о Фете?

Подле Толстого живет Дельвиг, брат поэта. Он обещал достать письма Баратынского к его брату [9].

Прощай, будь здоров и не ленись подобно мне.

Твой
Ив. Тургенев.

354. П. В. АННЕНКОВУ

1 (13) ноября 1854. Спасское

С. Спасское.
Понедельник, 1-го нояб.
1854.

Прежде всего, любезный Анненков, поздравляю Вас с окончаньем многотрудного Вашего дела, т. е. с окончаньем начала этого дела [1]. Дай бог в добрый час! Объявление хорошо — одна только фраза: «хотя отчасти достойное *ее*», т. е. публики, мне уж слишком кажется почтительной [2]. Распространю здесь известие об издании (и уже распространял) — впрочем, мне сдается, что подписчики и так найдутся во множестве.

Спасибо за утешения насчет войны — а то я каждую ночь вижу Севастополь во сне [3]. Как бы хорошо было, если б прижали незваных гостей! Немножко рано похвастался лорд Абердин.

Я здесь познакомился с семейством Толстого, автора «Отрочества» — и много узнал подробностей о нем. Видел

его портрет. Сестра его (тоже замужем за графом Толстым) — одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) [4] — я едва ли не влюбился. Я вижу отсюда, как у Вас круглятся глаза — и губы, раскрывшись, испускают звук: кгха, кгха, кгха — что́ по-Вашему значит смеяться... но не могу скрыть, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния... Останавливаюсь, чтобы не завраться — и прошу Вас хранить всё это в тайне. Они будут жить в Москве нынешней зимой [5] — и если Вам можно будет оторваться на несколько дней от издания Пушкина для юбилея Московского университета (в январе месяце) [6] — я Вас познакомлю.

Бог знает почему — но не могу ничего делать. В голове копошится многое — но лень взяться за перо. А надо бы. И Краевскому нужно обещание сдержать [7], и Некрасов требует что-нибудь для 1-ой или 2-ой книжки [8].

Спасибо за высылку книг [9]. В книгах Б⟨елинского⟩ нашлось дорогое и отличное издание «Histoire naturelle des oiseaux» Бюффона [10] с прекрасными рисунками (сделанными в 1773-м году).

Я в Петербург приеду, вероятно, около 20-го ноября. А пока будьте здоровы и веселы и не забывайте

Вашего Ив. Тург⟨енева⟩.

P. S. Je reviens à mes moutons [11]. Небось вспомнил некоторые поздние наши прогулки из Миллионной [12] в Морскую нынешней зимой, прогулки, оканчивающиеся обыкновенно всесожранием битка у Дюссо́. Вы подумаете: эка влюбчив, старый чёрт! Что делать! Чувствительным сердцем одарен от природы, Павел Васильевич! Но повторяю усиленную просьбу о содержании всей этой операции в тайне. Странно мне, что я Вас всегда избираю в конфиденты. В «Отрочестве» Толстой описал свою сестру под именем Любочки. Только у ней теперь ноги «не гусем» и талия прекрасная.

Ma basta, ma basta per pietà,— как поет Лаблаш в «Фигаро» [13].

Да! пожалуйста, напомните Некрасову, чтоб он выслал мне XI-й № «Совр⟨еменник⟩а» — если он его еще не выслал.

355. И. Ф. МИНИЦКОМУ

1 (13) ноября 1854. Спасское

С. Спасское.
1-го ноября 1854.

Душевно благодарю Вас за Ваше письмо [1], милый Миницкий, которое только на днях дошло до меня в Спасском, где я нахожусь уже около 6-ти недель — и где я останусь еще недели две или три. За одно только позвольте попенять Вам: Вы как будто извиняетесь в том, что пишете ко мне, между тем как Вы должны знать мою искреннюю привязанность к Вам — и что не моя будет вина, если наши письменные сношения когда-нибудь прервутся. Я даже не отчаиваюсь увидеть Вас лично, может быть, в будущем году — и возобновить знакомство, которое оставило мне одни приятные воспоминания. Я дорожу Вашей дружбой, и мне было бы очень неприятно, если б Вы забыли меня— или подумали, что я Вас позабыл.

Спасибо Вам за сообщенные подробности о первом дне бомбардирования Севастополя [2]. Мы здесь живем в постоянной лихорадке по поводу этой Крымской экспедиции... Впрочем, в последнее время дело, кажется, принимает более благоприятный оборот. Посмотрим, чем это всё кончится!

Я очень рад, что мои повести Вам понравились... Сочувствие таких людей, как Вы, служит ручательством нашему брату писаке, что он не совсем даром марает бумагу. Замечание Ваше насчет «Затишья» совершенно справедливо — и совпадает с тем, что мне сказали Некрасов, Анненков и др. [3] Но, к несчастью, я не умею переделывать. Я по крайней мере рад, что джентельмен мой хотя несколько удался [4]. Но в 10-м № «Современ〈ника〉» Вы найдете повесть Толстого, автора «Детства» — перед которою все наши попытки кажутся вздором [5]. Вот наконец преемник Гоголя — нисколько на него не похожий, как оно и следовало. Жаль, что цензура многое выкинула! [6] Я здесь познакомился с его семейством — т. е. с его сестрой, которая тоже за графом Толстым и живет в 7-ми верстах от Тургенева. Премилые люди! И мне досадно, что я раньше не сблизился с ними.

Порфирий женился — на прехорошенькой и преумненькой девице — дочери одного бывшего управителя, и женился по любви — потому что за его женой не было приданого. Зато она художница — пишет портреты — надо надеяться, что других художеств за ней водиться не

будет — до сих пор он находится в эмпиреях. Впрочем, всё в Спасском по-старому.

Мое здоровье немного поправилось в последнее время— и желудок не безумствует по-прежнему. Охотился я в нынешнем году плохо — дичи не было. Некрасов гостил у меня недели две [7]. Я здесь не работаю, ем, сплю и, кажется, толстею. В Петербурге примусь за печатание Фетова перевода Горация в «Отечественных зап⟨иска⟩х» [8]. Вы, вероятно, имели постоянные сведения о Колбасиных — и потому я о них не пишу. Тютчевы благоденствуют — с Констанцией я в ладу, хотя и было немного сначала неловко. Она стареется ужасно и теперь немного отстала от Дарии.

Засим прощайте, милый И⟨ван⟩ Ф⟨едорович⟩. Пожалуйста, пишите ко мне, как только Вам вздумается, и знайте, что кроме истинного удовольствия Ваши письма мне ничего причинить не могут. Желаю Вам и Вашей жене всего хорошего — начиная с здоровья и кончая деньгами и остаюсь

душевно Вас любящий
Иван Тургенев.

356. С. Т. АКСАКОВУ

6 (18) ноября 1854. Спасское

Посылаю Вам [1], любезный и почтенный С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩, как любителю и знатоку всякого рода охоты, следующий рассказ о соловьях, об их пении, содержании, способе ловить их и пр.,— списанный мною со слов одного старого и опытного охотника из дворовых людей [2].— Я постарался сохранить все его выражения и самый склад речи,

Ив. Тургенев.

С. Спасское.
6-го ноября 1854.

357. В. П. ТОЛСТОМУ

31 октября или 7 ноября (12 или 19 ноября) 1854. Спасское

Посылаю Вам, любезный граф, Порфирия. Собаку приведет к Вам охотник. Я буду у Вас в четверг — если этот день Вам удобен. Привезу с собой «Онегина». Да, кстати, Вы, может быть, не читали мою повесть «Затишье». Посылаю ее Вам. «Двух приятелей» у меня нет [1]. Мой усердный поклон графине. До свиданья.

Преданный Вам
И. Тургенев.

Воскресение вечером.

358. Н. А. НЕКРАСОВУ

8 (20) ноября 1854. Спасское

С. Спасское.
8-го нояб. 1854.

Я, вероятно, в последний раз пишу тебе из Спасского — любезный Некрасов — я выезжаю отсюда через неделю — и около 20-го буду в Петербурге, если ничего особенного не случится [1]. Я надеюсь, ты позволишь мне остановиться у тебя дня на три или на четыре — я приеду с моими двумя спутниками, Захаром и Степаном. Я еще не получил XI-го н⟨омер⟩а «Современника», но надеюсь получить его еще прежде отъезда. Что-то не работается здесь, да и погода скверная, ну да еще одна подошла причина — оттого и еду — а думал было остаться до первого зимнего пути. До свидания, будь здоров.

Твой
Ив. Тургенев.

359. С. Т. АКСАКОВУ

11 (23) ноября 1854. Спасское

С. Спасское.
11-го ноября 1854.

Вообразите себе, какая досада, любезный С⟨ергей⟩ Т⟨имофеевич⟩ — я не могу быть у Вас в Абрамцеве [1]. Такое вышло дело, что мне сейчас надо в Петербург ехать — я в Москве остановлюсь всего несколько часов. Но если я буду жив и здоров — я непременно доставлю себе удовольствие быть у Вас в январе месяце: а именно — я хочу присутствовать на юбилее Московского университета 12-го января [2]. К Крещенью я приеду к Вам — и, может быть, мы вместе все поедем в Москву. Это я непременно исполню — и потому до свиданья через два месяца.

Посылаю Вам одну статейку о соловьях. Мне совестно, что я из-за такой безделицы задержал подание Вашей книги в цензуру. Другая моя статья (о стрельбе медведей на овсах в Полесье) [3] не готова — та гораздо больше — я не надеюсь ее довольно скоро кончить — к генварю будет готова. Ужасная лень на меня напала — даже стыдно. — Я еще не благодарил Вас за Ваше последнее письмо — стихи Ваши, хотя и старой фактуры, как Вы говорите, но исполнены жизни [4]. Досадно мне очень, что я не увижу теперь Ивана Сергеича — думаю, что он в январе будет

в Москве или в Абрамцеве [5]. Рассказ о соловьях записан мною с дипломатическою точностью слово в слово. Пишите мне в Петербург по следующему адрессу: В Главном штабе, на квартире вице-директора Инспекторского департамента [6], Павлу Васильевичу Анненкову, для передачи И. С. Т. Как только я найму себе квартеру, напишу Вам. Будьте здоровы, веселы и счастливы — кланяюсь всем Вашим и остаюсь навсегда

любящий Вас
Ив. Тургенев.

360. Н. М. ЩЕПКИНУ

29 ноября (11 декабря) 1854. Петербург

С. Петербург.
29-го ноября 1854.

Сделайте одолжение, любезнейший Николай Михайлович, уведомьте меня с первой почтой — была ли комедия моя «Студент» (или «Две женщины») [1] запрещена только Снегиревым [2] или подвергалась она на рассмотрение цензурного комитета? Мне это очень нужно знать. Вот мой адресс: у Аничкова моста, на Фонтанке, в доме Степанова. Кланяйтесь, пожалуйста, Вашему батюшке — и изъявите ему мое сожаленье, что я не мог быть ему полезным для его бенефиса. Надеюсь увидеть его и Вас в начале января [3]. Будьте здоровы и примите уверение в искренней привязанности

преданного Вам
И. Тургенева.

361. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ

30 ноября (12 декабря) 1854. Петербург

С. Петербург.
30-го ноября 1854.

Милый дядя, я, наконец, нашел себе квартеру на год за 450 р. сер. Мне надоело каждую осень скитаться, как цыгану — вот мой адресс: на Фонтанке, у Аничкова моста, в доме Степанова. Квартера очень хороша — я завтра туда переезжаю. Прошу о высылке денег — ибо мои на исходе. Да, кстати — вот какая скверная вышла штука: барыня Степана, гнусная Шуцкая, рассерженная чёрт знает за что, грозится — дарственную запись уничто-

жить — и отдать Степана в солдаты!! Это ужасно — пожалуйста, покончи с ней — а то я могу лишиться и хорошего повара и 1000 руб. сер.— что вовсе не весело. Новостей никаких нет — и не скоро будет. Под Севастополем теперь долго ничего не произойдет — обе стороны укрепились — и будут ждать. Генерал Муравьев назначен главнокомандующим на Кавказ на место Воронцова [1].

Прощай, будь здоров — в Москве увидимся, если приедешь. Насчет денег не пугайся — больше 3600 руб. я в год не проживу — но именно теперь они нужны. Обнимаю тебя, Ел⟨изавету⟩ Сем⟨еновну⟩, Анну Сем⟨еновну⟩— Вареньку целую.

Твой
И. Тургенев.

362. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

4 (16) декабря 1854. Петербург

С. Петербург.
4-го декабря 1854.

Очень меня обрадовало письмо ваше, любезные друзья мои — вы мне позволите так называть вас — оно успокоило меня насчет Вареньки [1] и доказало мне, что вы меня не забываете. Я уже с неделю как здесь, но только вчера переехал на квартеру (вот теперь мой адресс: на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме Степанова).— Всё это время я часто думал о всех вас — и о днях, проведенных вместе с вами; хотя мы недавно познакомились — но, кажется, сошлись очень близко — и надеюсь, в течение лета подружимся окончательно. Сегодня же закажу свою фотографию — и, как только она будет готова, пошлю ее к вам — благодарю вас за мысль пожелать ее от меня. Получила ли Варенька книжку из Москвы с рисунками? Пожалуйста, поцелуйте ее от меня и скажите ей, что летом я непременно хочу танцевать с ней польку. Политических известий никаких нет — да — пока — и быть не может — кроме заключения Австриею трактата с Англией и Францией — о котором вы уже, вероятно, слыхали [2]— под Севастополем до весны ничего не произойдет — ни та, ни другая сторона нападать не станет [3].— Государыня была больна — однако ей теперь лучше — вся царская фамилия в Гатчине. Если что-нибудь случится — я вам тотчас сообщу.

«Отрочество» произвело здесь глубокое впечатление [4] — Лев Николаич стал во мнении всех в ряду на-

ших лучших писателей — и теперь остается ему написать еще такую же вещь, чтобы занять первое место, которое принадлежит ему по праву — и ждет его. Извещайте меня о нем, пожалуйста.

Я со вчерашнего дня опять попал в литературный свой хомут — и должен работать. В 1-й книжке «Отечественных записок» будет одна моя вещь, может быть, и в «Современнике» [5].

Извините краткость и незначительность этого письма — мне только хотелось поскорее вам отозваться — в другой раз напишу больше — дружески жму вам всем руки — кланяюсь Любовь Антоновне и ее брату [6], Ольге Петровне — а милой моей куме [7] заочно целую руки. Будьте все здоровы и веселы и не забывайте

преданного вам
Ив. Тургенева.

P. S. Вместе с фотографией я пришлю вам и «Постоялый двор» [8].

363. М. Л. МИХАЙЛОВУ

5 (17) декабря 1854. Петербург

Любезный Михайлов,

Хотя сегодня дают «Владимира Заревского» [1] — но, к сожалению, я поехать не могу — ни я, ни Анненков (он тоже хотел участвовать) — мы оба приглашены на обед и вечер. Лучше уже завтра поехать в маскарад [2]. Мы об этом переговорим завтра у меня за обедом. Ложи я поэтому не взял. До свиданья.

Ваш
Ив. Тургенев.

Воскресение утром.

364. С. Т. АКСАКОВУ

8 (20) декабря 1854. Петербург

С. Петербург.
8-го декабря 1854.

Я с неделю тому назад получил Ваше письмо [1], любезный и почтенный Сергей Тимофеич — но у меня так много теперь дела (для 1-х нумеров «Совр⟨еменник⟩а» и «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩») [2], что решительно не имел

времени отвечать. Вам и сегодня ограничусь только немногими строками. Прежде всего повторяю, что непременно, если буду жив, буду у Вас 8 или 9-го генваря [3]. Я непременно хочу присутствовать на юбилее [4] — и не могу представить, что бы могло помешать мне быть у Вас в Абрамцеве. Я имел сведения об Вас и о Вашем семействе от Самарина, с которым на днях обедал. Я рад, что статья о «Соловьях» Вам понравилась [5].

Вот где я теперь поселился: на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме Степанова. Пишите мне, пожалуйста, по этому адрессу.

Совестно посылать такое короткое письмецо, но делать нечего. Вознагражу себя при свидании. До тех пор желаю Вам заочно всего хорошего, крепко жму руку, кланяюсь всему Вашему семейству и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Ловля с острогой и крытие тетеревов шатром — прелесть — особенно первое [6].

365. Н. Н. ТУРГЕНЕВУ
8 (20) декабря 1854. Петербург

С. Петербург.
8-го декабря 1854.

Милый дядя,

Вчера я получил твое письмо и 200 руб. серебром. На первый случай достаточно — хотя расходов предстоит много, так как я решился по мере возможности завестись мёбелью. И потому и ты присылай по мере возможности — а я повторяю тебе, что за границу 3500 р. сер. в год — не перейду. В этом ты можешь быть уверен. Адрес мой я уже тебе послал — но я могу написать его еще раз: [a] на Фонтанке, возле Аничкова моста, в доме Степанова.

Журналы ты будешь получать следующие — и аккуратно: «Отечественные записки», «Современник», «С.-Петербургские ведомости», «Magazin des Demoiselles» [1], «Nouvelliste» [2]. «Indépendance» [3] я не выписал — 35 р. сер. слишком дорого.

Новостей нет и не скоро будет. До марта месяца едва ли что-нибудь произойдет под Севастополем. Если б услыхал что-нибудь, напишу тотчас.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* возле

Здоровье мое до сих пор, слава богу, порядочно. Работаю здесь очень много — и к сроку. Надо вернуть упущенное время в деревне.

У нас здесь стоят постоянные, но не сильные морозы — и езда на санях хорошая.

Прощай — обнимаю тебя и всех твоих, Варю целую. Будьте все здоровы — кланяйся брату.

Твой
Ив. Тургенев.

P. S. Был у меня Петр-повар и просил, что нет никакой возможности его брату заплатить за себя 1000 р. сер. Я сам нахожу, что это много — ему всего 17 лет. Лучше я оставлю его у себя, в подмогу Степана [4]. А ради бога, развяжи меня с Шуцкой.

366. М. Н. и В. П. ТОЛСТЫМ

22 декабря 1854 (3 января 1855). Петербург

С. Петербург.
22-го дек. 1854.

Милые друзья мои, ваше письмо [1] меня очень обрадовало — и особенно приятно мне известие, что вы едете в Москву и что мы, вероятно, скоро увидимся [2]. Варенька также отлично распорядилась, что выздоровела — и я очень рад, что мой подарочек ей понравился. То-то мы все заживем весною и летом!

Я выезжаю отсюда в самое Крещение — и пробуду в Москве около двух недель. Мой фотограф готов, и я бы вам давно его выслал — да хотелось его послать вместе с «Постоялым двором» — а «Постоялый двор» получил я только третьего дня. Я уж вам лучше всё это свезу в Москву. «Студент» — не повесть, а комедия в пяти актах [3]; я ее переделал (героиня из замужней женщины превращена во вдову, по неотразимому требованию цензуры) [4] — и она явится в первом №-е «Современника». Что-то вы об ней скажете. В 1-м №-е «Отечественных записок» также появится одна моя небольшая вещь [5].

Я теперь до того завален работой (корректурой и т. д.), что голова идет кругом. А потому извините краткость этого письма. Главное — рекомендуйте моей ку-

ме [6], чтоб она непременно была здорова. Кланяюсь всем и каждому, дружески обнимаю Вас — и жму руку графине. Будьте все здоровы. До свиданья.

Ваш
Ив. Тургенев.

P. S. «Рассказ маркёра» — набран и, может быть, будет напечатан в «Современнике», если цензура позволит [7]. Сообщайте мне, пожалуйста, известия о Льве Николаевиче... Я его ношу в сердце — так же как и всех вас.

367. С. Т. АКСАКОВУ

29 декабря 1854 (10 января 1855). Петербург

С. Петербург.
29-го декабря 1854.
Четверг.

Любезнейший Сергей Тимофеевич, спешу уведомить Вас, что я непременно — если буду жив и здоров — выезжаю отсюда через неделю [1], т. е. в самое Крещение — и буду у Вас в Абрамцеве 8-го или 9-го числа января [2]. Я для того пишу к Вам заранее, чтобы Вы могли — в случае, если Вы сами или кто-нибудь из Ваших будете к тому времени в Москве — предупредить меня об этом по следующему адрессу: на Пречистенку, возле пожарного депо, в доме Тургенева (моего брата). Я остановлюсь не у него — помещение у него слишком тесное — но я, наверное, увижу его в самый день приезда.

Писать пока более нечего — скоро увидимся и наговоримся. Кланяюсь всему Вашему семейству и дружески жму Вам руку.

Душевно Вас любящий
Ив. Тургенев.

368. Д. Я. и Е. Я. КОЛБАСИНЫМ

Январь — начало апреля или конец ноября — декабрь 1854 (?) Петербург

Покорно прошу вас, милые друзья мои, приходить ко мне обедать — вместо сегодняшнего дня, *завтра* — я, может быть, сам зайду к вам сегодня — жду вас завтра непременно.

Ваш
Ив. Тургенев.

Пятница.

369. М. Л. МИХАЙЛОВУ

1854. Петербург

Любезный Михайлов,

Я совсем забыл вчера, что я обедаю сегодня у Одоевского — и потому — приходите обедать ко мне завтра.— Надеюсь, что вы теперь совсем поправились.

Ваш Тургенев.

На конверте:

Михаилу Ларионовичу Михайлову
у Кокушкина моста, в доме Брунста.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

16. ВЕЛ. КН. АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

27 апреля (9 мая) 1852. Петербург

Ваше императорское высочество!
Всемилостивейший государь!

Прошедшего 16-го апреля был я, по высочайшему повеленью, посажен на месяц под арест, по истечении которого должен быть отправлен на жительство в деревню [1]. Наказанию этому, сколько мне известно, я подвергся за помещенье статьи о покойном Гоголе в «Московских ведомостях» [2]. Покоряясь безропотно монаршей воле — и желая единственно оправдать себя от обвинения в умышленном ослушании, приемлю смелость представить милостивому воззрению Вашего императорского высочества со всею искренностью — сущность дела.

Узнав о смерти Гоголя, я написал несколько строк, в которых желал выразить горесть, возбужденную во мне этим известием. Статья моя была первоначально передана в «Санкт-Петербургские ведомости», но, встретив затруднения [а], в них не явилась; тогда я доставил ее в редакцию «Московских ведомостей»; мне было известно, что статья эта подвергнется и там всем установленным цензурным узаконениям [3], оттого я и не усомнился сообщить ее журналу, издающемуся в городе, где умер Гоголь, притом же, так как всё дело было чисто литературное, то я и мог приписать возникшие в Петербурге затруднения личному воззрению цензора на талант покойника [б]. Осмеливаюсь удостоверить Ваше императорское высочество, что, отсылая статью свою в Москву, я не только не думал ослушаться начальства или противиться его воле — но не имел даже помышленья о том, что делаю что-нибудь противузаконное; я бы тотчас уничтожил эту статью, если бы хоть отдаленно мог предвидеть, что мой поступок будет сочтен за ослу-

---

[а] *Слова* встретив затруднения *приписаны на полях карандашом.*

[б] *Слова от* притом же *до конца фразы приписаны на полях карандашом.*

нанию. Теперь же, не зная за собой никакой другой вины, я состою под арестом в полицейской части — и будущность моя находится в неизвестности, тем более для меня тягостной [в], что мое здоровье требует частых совещаний с столичными врачами.

В таком положении мне остается только прибегнуть к милостивому снисхождению и высокому предстательству Вашего императорского высочества. Удостойте, всемилостивейший государь, довести мое искреннее изложение дела до сведения его величества, чем, быть может, мне доставится возможность оправдать по крайней мере свои намеренья перед государем императором. Одно благотворное внимание Вашего высочества я уже почту облегчением своей участи.

Вашего императорского высочества
всеподданнейший
Иван Тургенев,
отставной коллежский секретарь.

Санкт-Петербург.
Апреля 27-го дня.

17. Н. И. КРУЗЕНШТЕРНУ

26 октября (7 ноября) 1852. Орел

Ваше превосходительство!
Милостивейший государь!

Имею честь обратиться к Вашему превосходительству с следующей покорнейшей просьбой. В мае месяце нынешнего года был я по высочайшему повелению выслан из С.-Петербурга на родину, в Орловскую губернию; но как после раздела с родным братом моим — мне достались имения, кроме Орловской губернии — в трех других — а именно: в Тульской — 600 душ, в Калужской — около 400 и в Тамбовской — 400 с лишком [1], то я желал бы знать — могу ли я — в случае встретившейся необходимости, посетить лично эти имения; а также дозволено ли будет мне участвовать в предстоящих дворянских выборах по Тульской губернии? [2]

[в] *Было:* тяжелой.

Пребывая в надежде, что Ваше превосходительство не откажете отвечать мне на вышеизложенные вопросы, честь имею остаться с совершенным моим уважением и высокопочитанием

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Иван Тургенев,
отставной коллежский секретарь.

Город Орел.
26-го октября 1852-го года.

18. ВЕЛ. КН. АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

16 (28) апреля 1853. Спасское

Ваше императорское высочество!
Всемилостивейший государь!

Сегодняшнего числа минул ровно год [1], как я имел несчастие подвергнуться гневу государя императора за перепечатанье в Москве статьи о Гоголе, не допущенной в Петербурге. Сердечно каясь в моей вине, хотя невольной — и желая только не быть сочтенным за умышленного ослушника — дерзаю изложить перед Вашим императорским высочеством следующую мою всенижайшую просьбу.

Пребывание мое в деревне, хотя сопряженное с тем значительным неудобством, что мне не дозволено посещать прочие мои имения, лежащие в соседственных губерниях [2] — не было бы для меня слишком тягостным, если бы в последнее время здоровье мое окончательно не расстроилось. Совещанья с столичными медиками сделались для меня необходимостью; позволение видеться с ними я бы счел за отменную милость. Приемлю смелость прибегнуть к высокому предстательству Вашего императорского высочества перед государем императором для получения мне подобного позволения. Великодушная снисходительность Вашего высочества составляет мою единственную надежду — и малейшее внимание Ваше, всемилостивейший государь, к моей участи усугубит то чувство глубочайшей благодарности

и преданности, которое я навсегда посвятил в сердце своем Вашему высочеству.

Вашего императорского высочества
всеподданнейший
Иван Тургенев,
отставной коллежский секретарь [3].

Село Спасское. (Во Мценском уезде).
Апреля 16-го дня 1853-го года.

19. Л. В. ДУБЕЛЬТУ

24 октября (5 ноября) 1853. Спасское

Милостивый государь!
Леонтий Васильевич!

Полтора года тому назад имел я несчастие навлечь на себя гнев его императорского величества и вследствие высочайшего повеления нахожусь с того времени жительством в деревне [1].

В апреле месяце нынешнего года дерзнул я, по причине расстроенного здоровья моего, в письме к государю наследнику цесаревичу [2] просить высокого ходатайства его императорского высочества о дозволении мне ехать лечиться в Москву или в Санкт-Петербург. С тех пор прошло шесть месяцев, и болезнь моя еще более усилилась. Не получив ни от кого никакого отзыва по поводу письма моего, я нахожусь в неизвестности, дошло ли оно до его императорского высочества, и потому приемлю смелость обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою повергнуть к стопам государя императора мое всеподданнейшее прошение о разрешении мне приезда в столицы [3] для совещания с опытными врачами. Смею удостоверить Ваше превосходительство, что если Вам угодно будет принять мою просьбу в уважение, я окажу себя достойным подобной ко мне доверенности.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Иван Тургенев, отставной коллежский секретарь.

С. Спасское
(Орловской губернии, Мценского уезда)
24-го октября 1853-го года.

20. А. Ф. ОРЛОВУ

17 (29) ноября 1853. Спасское

Ваше сиятельство
граф Алексей Федорович!

С лишком полтора года тому назад, имев несчастие навлечь на себя гнев государя императора — нахожусь я с тех пор в деревне, где здоровье мое, никогда не бывшее крепким, в последнее время окончательно расстроилось.

Если его императорское величество изволит найти, что я еще не заслуживаю совершенного прощения, то позвольте мне покорнейше просить Ваше сиятельство исходатайствовать мне высочайшее позволение побывать в Москве или в Санкт-Петербурге для совещания с опытными врачами. Смею уверить Ваше сиятельство, что благодарность моя за подобную милость будет постоянно руководствовать моими поступками и я не подвергну себя нареканию в том, что не сумел оценить ее и не оказал себя ее достойным [1].

С глубочайшим уважением и совершеннейшею преданностью честь имею пребыть

Вашего сиятельства
покорнейший слуга,
Иван Тургенев, отставной коллежский секретарь.

С. Спасское
(Орловской губернии, Мценского уезда)
17-го ноября 1853.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

133. Полине Виардо (с. 9)

С французского:

Париж.
Среда, 10 апреля 1850.

Добрый день, милостивая государыня. Guten Morgen, theuerstes, liebstes Wesen [a].

Ну как же вы были добры, говоря нам столь ласковые слова в своем письме [1]— поистине — это может утешить в разлуке. Если бы только разлука не была столь скверной вещью. Ах! вы так нежно любимы и заставляете так сожалеть о себе! Известие о смерти бедного брата Гуно, должно быть, вас очень огорчило [2]; я всё последнее время только об этом и думал; в данный момент вы ему, вероятно, пишете. Я вижусь с ним каждый день. Чувствует он себя довольно хорошо. Правда, я предвижу вот что: он захочет поселиться вместе со своей матерью, и мне нечего говорить вам, как это будет для него неудобно. Впрочем, посмотрим. В вашем письме вы говорили ему о бедной г-же Беер, которая тоже потеряла недавно сына [3]: вы можете себе представить, как всё, о чем вы ему сказали, должно было его взволновать и в то же время поразить. По не менее странному совпадению, в прошлую пятницу — как раз накануне дня смерти его брата — у нас с ним состоялся длинный разговор о бессмертии души... На следующий день, ни о чем не догадываясь, я иду к нему: незнакомая женщина с растерянным видом открывает мне дверь. У меня тотчас же появилось дурное предчувствие; она вводит меня в маленькую комнату. Входит Гуно и говорит: «Ах! мой друг — моего брата нет больше в живых!..» Мы долго оставались вдвоем: время от времени он поднимался для того, чтоб пойти взглянуть на свою мать. Пришел старый благообразный священник; он попытался его утешить, говоря о блаженстве, которое, по всей вероятности, было суждено покойному. Потому, что за несколько дней до того он причастился. Так вот! уверяю вас, что, несмотря на благие намерения доброго старика, это звучало фальшиво и, главное, ничуть не уменьшало скорби...

Я, как могу, стараюсь быть ему полезным: здесь я проведу еще 4 или 5 дней; уеду только тогда, когда увижу, что он пришел в себя. Что до меня, то я совершенно оправился от моей ангины... да и моя благоверная [4] тоже, как будто, намерена сменить гнев на милость. До завтра. Бог да благословит вас тысячу раз! Будьте здоровы.

Четверг.

Гуно чувствует себя хорошо. Теперь ему приходится заниматься множеством формальностей; смерть делового человека всегда оставляет в жизни ужасную пустоту, и эту дыру хочется заткнуть как можно скорее... Вы понимаете, что я не говорю здесь о пустоте, образовавшейся в привязанностях. Тем не менее, я ду-

---

[a] Добрый] день, самое дорогое, любимое существо (*нем.*).

маю, что, как только Гуно сможет немного перевести дух, он опять примется за работу.

Вчера я впервые видел Рашель в «Андромахе» [5]. Эта роль, исполненная ненависти и ревности, словно создана для нее. Ее голосу, содрогавшемуся от бешенства и презрения, позавидовала бы и гиена. Жест, с которым она посылает Оресту свое последнее проклятие, великолепен... Она делает полуоборот, чтобы бросить его ему в лицо, подобно тому, как рыбак закидывает свою сеть — это очень выразительно и очень красиво. И все же ее таланту не хватает многого: или, вернее, ей не хватает одного: сердца — и того подлинного благородства, которое исходит только из него. Ей свойственно лишь благородство *тела*, линий; вместо сердца у нее — старая монета в одно су, позолоченная по способу Руольца; ни один величавый или взволнованный звук не вылетел из этого, сведенного судорогой, продажного рта. Это натура абстрактная; неудивительно, что она хорошо себя чувствует только в старых французских трагедиях, которые, сколь они ни прекрасны (вы знаете мое восхищение Расином и Корнелем), всего только абстракции. Гермиона — Ревность, Андромаха — Супружеская верность, и т. д., и т. д. Но при этом — какая тонкость, какая точность наблюдения, какое изящество психологической разработки, какое знание малейших колебаний страсти и какое совершенство, какая правдивость выражения! Эти мимолетные колебания Расин умеет запечатлеть с помощью одного стиха, подобно тому, как одной булавкой прикалывают нескольких бабочек. В наше время так не пишет никто, даже г-н Понсар [6]. Кстати о Понсаре, сегодня я совершил в карете длительную прогулку по Елисейским полям вместе с добряком Рено, который измучил меня александрийскими стихами собственного сочинения. В глаза я его лицемерно расхваливал, но вам-то я могу сказать, что это нечто весьма ничтожное... настолько ничтожное, что попросту *ничто*.

Добрый вечер, будьте здоровы... Я не могу еще назначить день моего отъезда, но когда думаю о том, что покину Францию, может быть, надолго, сердце мое сжимается... Бедный Куртавнель! в этом году я его больше не увижу... Терпение. Geduld, Geduld und wenn [б]... До завтра.

Пятница вечером.

Сейчас вы дебютируете в Берлине в «Гугенотах». Все мои помыслы о вас и с вами. (Их здесь давали; г-жа Лаборд имела, как говорят, большой успех. Кстати, г-жа Югальд окончательно потеряла голос и едет на Юг. Ее роль в новой опере Тома [7] отдали м-ль Лефевр.)

Гуно я не застал сегодня дома. Я оставил ему записку, назначив свидание с ним на завтра, на улице Дуэ [8]. Думаю, что уеду в воскресенье, в восемь часов вечера. Мой паспорт в порядке, чемоданы наполовину уложены. И все-таки, не знаю... мне жаль покидать Париж. В особенности удерживает меня Гуно. Тем более, что и моя благоверная не слишком ворчит. Я очень печален... я хотел бы... не знаю чего. Не хочется продолжать письмо в таком расположении духа. Желаю вам всего наилучшего... До завтра.

Суббота вечером.

Сегодня я получил ваше письмо, добрая и дорогая госпожа Виардо, а также письмо от Виардо [9]. Вот — в двух словах — ре-

---

[б] Терпение, терпение, и когда... (*нем.*).

зультаты. Я виделся с Гуно сегодня, на улице Дуэ (он сказал мне, что написал вам).[10]. Его мать принимает ваше предложение приехать в Куртавнель, как только установится хорошая погода; и я от этого в восторге за нее и за Гуно; другое же предложение (я говорю о перемене места жительства) оказалось неприемлемым по многим причинам; Гуно должен был сам вам их изложить [11]. Тем более неприемлемо оно, если уж принято первое предложение, в сущности говоря, единственно важное. Что же касается предложения, сделанного в письме Виардо [12], то в конце концов я показал письмо Гуно; он был им живо тронут и просил меня разрешить ему оставить его у себя, чтобы показать матери... Не думаю, чтобы сейчас они особенно нуждались в деньгах. Однако это предложение сделано с такой деликатностью, что, несомненно, ничто не помешает им его принять, если они сочтут это необходимым. Между тем я решил остаться в Париже еще на неделю; Гуно я смогу видеть чаще, чем до сих пор, а его обещание показать мне то, что он уже сочинил [13], быть может, вернет его в рабочее состояние. Он прочел нам письмо, которое вы ему написали: вы добры, как ангел. Вам незачем просить меня быть к нему добрым; я испытываю к нему подлинно дружеское чувство. Итак, вы можете писать мне еще сюда. Я доволен, что уеду из Парижа только через неделю. Прощайте, вы очень добры, и вас здесь очень любят. Тысяча добрых пожеланий Виардо.

134. Полине Виардо (с. 12)

С французского:

Куртавнель.
Понедельник, 29 апреля 1850.

Полдень.

Добрый день, милостивая государыня. Guten Tag, theuerstes Wesen[a].

Как вы себя чувствуете сейчас — в эту минуту? Вы только что встали (в Берлине одиннадцать часов) — слегка утомленная, но и, надеемся, очень довольная своим вчерашним триумфом [1].

Мы с Гуно следовали вчера вечером за вами шаг за шагом. Мы говорили: «Сейчас она поет дуэттино»; «ах! теперь начинается „Ах, мой сын“», и т. д. и т. д. По окончании оперы мы аплодировали и бросали цветы (это была ветка белой сирени). Надеюсь, что мы были не одиноки. С нетерпением ждем в четверг письма: в этот день Леже [2] покажется нам прекрасней Антиноя. Теперь, по крайней мере, никто не будет вас больше мучить, и Мейербер перестанет пить вашу кровь каплю за каплей [3]. Итак, вам надлежит быть здоровой, очень счастливой, очень спокойной и очень веселой.

Вот уже три дня, как мы обосновались в Куртавнеле. Здесь — надо признаться — очень холодно — и если в Берлине ветер *колюч*, то на возвышенной равнине Бри он пронзителен. Однако мы довольны, что находимся здесь — и самый дом стряхивает с себя зимнее оцепенение, постепенно оживая. Пока никто из нас так и не взялся за дело. Третьего дня и вчера вечером Гуно немного поиграл нам — вот и всё; но это еще впереди. Лодка спущена на воду, но пока отчаянно протекает — что делает ее мало пригодной для прогулок: надо подождать, пока дерево набухнет,

---

[a] Добрый день, самое дорогое существо (*нем.*).

Передайте Виардо, что я совершил большую экскурсию по окрестностям: отправился в Жарриель, оттуда в Водуа — из Водуа в Фонтен-Бернар и возвратился через Песи; дул такой ветер, что мог бы вырвать с корнем и дубы, а это очень неблагоприятно для охоты — и все же моя собака нашла 7 пар куропаток (так, как будто, называется их чета́) — и 3-х перепелок; Султан обнаружил перепелку. Сиду [4] давно пора уже возвратиться из Англии, потому что Султан определенно становится пожилым господином; это ветеран, который вскоре будет инвалидом. Прогулку эту третьего дня я совершил в одиночестве; вчера я отправился вместе с Гуно, и мы видели только двух куропаток и одного зайца — возле маленького виноградника.

Итак, я снова в гостеприимных стенах Куртавнеля, перед большим камином из серого мрамора. Я снова вижу бюст Тамбурини, так восхищавший Жана, и маленького, хромого и безухого вепря, а рядом большого коричневого пса с хвостом, свернутым колечком,— и ваш такой непохожий портрет работы Сантьеса, парный к портрету вашей матери [5]... В каком я, 1850 или же 1849 году? Увы — в 1849 я и не помышлял еще о возвращении в Россию! (NB. Только что мы, м-ль Берта, Гуно и я, показывали друг другу, сколько на каждом из нас одежек; таким образом мы добрались до самой кожи, и м-ль Берта тоже — разумеется — на груди *: каждый из нас даже предупреждал остальных о том, что дело дошло до кожи, дабы они успели пошире раскрыть глаза.) Вероника готовит нам превосходные обеды, которые мы с жадностью поглощаем, а за утренним завтраком яростно спорим: парадоксальность моих доктрин вызывает негодование женской части нашего общества. По поводу доктрин; я читаю сейчас очень любопытное сочинение Вашингтона Ирвинга о Магомете [6]: в характере этого необыкновенного человека весьма любопытно наблюдать смесь подлинного энтузиазма и хитрости, веры и ловкости. Но я тоже скоро примусь за дело. Однако я замечаю, что мое письмо уподобляется плащу арлекина; поэтому предпочитаю продолжить его завтра. Сегодня же довольствуюсь тем, что как можно крепче жму вашу руку, желаю вам всего, что есть самого лучшего и прекрасного на свете — и уверяю вас в том, что ваши друзья верны вам — hasta la muerte [б] — как говорит Гойя [7]. Ваш И. Т.

N. B. Жан, прозванный Дианой де Пуатье или Прекрасной Джокондой, стал, наконец, Пьером или Перрико́, Квазимодо из Бри. Какая удача! Ах! ну и грязно же в парке!!!

N. B. Посылаем вам сирени — как обещали.

N. B. Я уже подрался с маленьким петухом; Флора стала чем-то вроде белого, очень мохнатого, медведя. Кирасир потеет до седьмого неба (стиль Магомета) [8]. Говорят, что из-за него *свертываются* все сыры в окрестности: Бри становится Рокфором.

P. S. 2 часа — Гуно только что получил еще одно письмо от вас. Он очень рад [9]. Мы с м-ль Кокотт [10] благодарим вас за добрую память.

---

* Имеющий уши да слышит.

[б] до смерти (*исп.*).

135. Полине Виардо (с. 14)

С французского[1]

Куртавнель.
Вторник, 7 мая 1850.

Гуно передал мне вашу записку, дорогая госпожа Виардо: вы добры, как ангел, но мне, право, слишком тяжко возвращаться к той же теме: мое решение и так уже слишком меня огорчает [1]. Скажу вам только одно: вы рекомендуете мне быть осторожным: осторожность советует мне возвратиться немедленно: оставаться в Европе дольше было бы величайшей неосторожностью. Впрочем, в письме, которое вы, должно быть, вчера получили, я уже изложил вам мои доводы. Я в отчаянии — без преувеличения — оттого, что вас огорчаю... вы легко можете представить себе, что во мне происходит: пощадите меня, прошу вас, мои добрые друзья, не делайте моей участи тяжелее; она, поверьте мне, и так уже достаточно тяжела. В будущий понедельник я покину Куртавнель: три дня я проведу в Париже. Не пишите мне больше сюда: ваше письмо меня уже не застанет: пишите в Париж, улица и гостиница Пор-Магон. Из Парижа я уеду 16-го, 20-го буду в Берлине. До сих пор я был слишком счастлив: жизнь начинает показывать мне оборотную сторону своей медали. Но не надо падать духом — и как хорошо будет вновь оказаться в гавани, одержав победу над шквалом. Только бы при мне оставалось ваше расположение — я на него рассчитываю... И тогда я сумею перенести все мыслимые неприятности. Не будем же больше говорить об этом неизбежном путешествии. У нас будет время сделать это в Берлине.

Погода здесь переменилась: стало теплее. Третьего дня у нас был великолепный день. Однако, если вы хотите сохранить немного дичи в окрестностях Куртавнеля, то вам придется приобрести белый дом [2], сущий притон браконьеров: не проходит и дня без того, чтоб здесь не слышались ружейные выстрелы, а прогуливаясь вчера по полям, я нашел трех растерзанных куропаток. У Дианы [3] случился выкидыш: признаюсь, что я этим весьма доволен: это большое облегчение. Но бедняжка очень мучилась. Теперь ей лучше. Султан все такой же неуклюжий толстяк. После завтрака я кормлю их на крыльце, но некому петь вариации Роде [4]. Что касается музыки, то Гуно сочинил оду Алкея [5]: это просто великолепно — по стилю и колориту. Ему надо будет очень постараться, дабы превзойти самого себя в том, что он заставит петь Сафо; но я считаю, что он на это способен. Ну, ну, я думаю, что его опера будет довольно приятной. Г-же Гуно в Куртавнеле, как будто, нравится; нам недостает только хорошей погоды... и присутствия хозяев дома. А посему мы об этом очень часто думаем. Мы очень вам благодарны за все подробности, которые вы сообщили нам о «Пророке»: итак, эти *добрые* немцы стали сговорчивее: wahre Meisterin im Gesang und Spiel [a] — еще бы! Но что за гнусность освистывать Мейербера! Кстати, «La Presse» официально объявила, что м-ль Альбони будет дебютировать в партии Фидес в «Пророке». Г-н Рокеплан не стесняется. Если этот дебют состоится, когда я буду еще в Париже, я во что бы то ни стало пойду поглядеть на это! [6]

Я только что перечитал свое письмо: оно очень холодно, очень натянуто, очень мало интересно... Послушайте, не надо на меня за это сердиться. Говорю вам без обиняков: мне ужасно грустно. Мне

---

[a] она — подлинный мастер в пении и игре (*нем.*).

не хочется огорчать себя еще больше — ни, тем более, вас,— сообщая вам о том, что у меня на сердце — но сам я не могу говорить о чем-нибудь другом, не прибегая к деланной веселости, которая, если вы не разгадали *замысла*,— вас, может быть, и шокировала в моем последнем письме. Вино откупорено — надо его пить... Да, но вкус этого вина очень горек.

Не забудьте поручить вашей матушке или м-ль Берте нанять человека в помощь садовнику: парк и сад — между нами говоря — очень грязны.

Сирень сейчас очень хороша. Всё в Куртавнеле покажется мне прекрасным накануне моего отъезда, милый Куртавнель!

Вы видите: когда я говорю то, что думаю, я рискую вас огорчить, а говорить о чем-нибудь другом мне трудно.

Я перечел «Жанну» [7]: это нежно и красиво... Только Жанна иногда бывает слишком уж педантична... Героини г-жи Санд часто страдают этим недостатком — об этом свидетельствуют маленькая Фадетта [8], Консуэло в «Графине Рудольштадт» [9], и т. д. Но всё, что ею создано, несет на себе печать мастера. В ее восхитительной манере писать есть мощь и широта. Не знаю ничего более прекрасного, чем сцена *сенокоса*. Вы помните чтение «Мопра» [10]. Я вспоминал об этом на вершине Пик-дю-Миди — вообразите, тому будет скоро уже пять лет; о том же я буду помнить и в русских степях, и, может быть, мы как-нибудь перечтем его в той же самой гостиной, на том же месте, где я пишу вам это письмо... тот день будет прекрасней сегодняшнего... Это невольно напоминает мне чтение «Германа и Доротеи» [11]... — Вы сидели за этим же круглым столом...

Прощайте: дайте мне ваши руки, дабы я смог крепко их пожать. Будьте здоровы, да хранит вас бог. Тысяча самых добрых пожеланий Виардо и леди Монсон. Будьте счастливы — прощайте. Нет — до завтра.

Ваш И. Тургенев.

136. Полине и Луи Виардо (с. 16)

С французского:

Париж.
Вторник, 14 мая 1850.

Спешу сообщить вам, мои дорогие и добрые друзья — (и делаю это с детской радостью), что, благодаря одному из писем, которые я получил сегодня утром из Брюсселя,— я не только могу — но и должен остаться еще на какое-то время в Европе.— Расскажу вам все это вкратце. Сегодня, в 9 часов утра, очень взволнованный, я явился на почту: там мне вручили *пять* писем. Прежде чем их вскрыть, я жадно взглянул на адреса — и узнал все почерки: 1-е было от вас (то, давнее письмецо, которое вы мне написали из Брюсселя), 2-е от моего брата, 3-е от молодой барышни, приемной дочери моей матери [1], 4-е от Краевского, 5-е, наконец, от одного из петербургских друзей, которого мне не хочется называть [2]. Я начал с вашего — каждому по заслугам его — и, потом, что бы вы ни говорили, вы не слишком-то баловали меня письмами этим летом — я знаю кое-кого, кому не раз уже завидовал — он-то их получал! и какие *мясистые*, плотные, написанные мелким почерком, который к концу становился еще более мелким [3],— итак, вашу записочку я прочел первой и нашел ее восхитительно милой и прелестной, как всё, что исходит от вас [4]. Потом я открыл письмо брата. Он не имеет никакой возможности послать мне денег,

да и сам находится в ужасном положении: моя мать заставила его оставить службу в Петербурге, где он получал довольно значительное жалованье — обещая взамен дать согласие на его женитьбу и предоставить ему управление имениями... Он согласился ради своей жены... но после того, как брак состоялся, мать ничего ему не дала... Она даже сделала так, что наше небольшое состояние нам больше не принадлежит — и вот он полностью от нее зависит, без гроша в кармане, в одном из материнских имений, которым она поручила ему *управлять*. Вы представляете себе отчаянный тон его письма. Он рассказывает мне обо всех неприятностях, которые пришлось вытерпеть его бедной жене, и т. д., и т. д., и т. д. [5] Я теперь понимаю, что, при данной ему богом слабохарактерности, у него не было времени подумать обо мне,— и жалею его от всего сердца. Затем я вскрыл письмо от барышни. Эта молодая особа милостиво посылает мне 2500 франков и обращается со мной, очевидно, следуя полученным приказаниям, как с блудным сыном, раскаивающимся и *нищим*. В Москве мне надо быть к 1 июня, дню ее рождения, и тогда будет видно, заслуживаю ли я прощения [6]. Я без малейших угрызений совести прикарманил эти 2500 франков, потому что мое маленькое имение, доходы с которого у меня отобрали, ежегодно приносило мне почти вдвое больше — а вот уже 18 месяцев, как я не получаю ни копейки. Письмо Краевского было весьма кратким: ни слова о моем возвращении, похвалы моим последним сочинениям [7], сообщение о том, что цензура совершенно изуродовала последнее из них [8] — и вексель на 800 франков [9]. Настала очередь последнего из писем: оно от одного из не очень близких друзей — но он оказал мне услугу бóльшую, чем все прочие: он написал мне письмо на двух страницах, *посланное с оказией из Берлина*. Вот что он говорит: «Мой дорогой друг, я узнал о том, что вы собираетесь вернуться в Россию; я буду рад вновь увидеться там с вами — думаю, что вы можете сделать это без особых опасений, поскольку ваше имя не было еще названо в некоем месте; однако я советовал бы вам повременить: как раз сейчас по всей России затевается настоящая *облава* (он пользуется именно этим словом) на людей, в чем-нибудь заподозренных — импе⟨рато⟩р, который отправляется в Варшаву, настроен очень *воинственно*; эту грозу надо переждать; я знаю, что в политику вы никогда не вмешивались — и ваши сочинения (это его слова) могли бы до некоторой степени послужить вам защитой — тем не менее, если ничто вас не торопит, *подождите... Вы можете это сделать совершенно спокойно, отвечаю вам за это*». (Последние слова дважды подчеркнуты им в письме.) «Не возвращайтесь до тех пор, пока не переменится ветер, слышите?»

Этот мой друг имеет высокопоставленных и хорошо осведомленных родственников... Его письмо слишком совпадало с моим тайным желанием остаться здесь еще на некоторое время, чтобы я не воспользовался содержавшимися в нем советами, которые я считаю весьма разумными. Во всяком случае, теперь я могу со спокойной совестью дождаться вашего возвращения в Куртавнель — а там мы серьезно и окончательно обсудим это дело.— Ну вот! с моей души упала большая тяжесть — я счастлив и доволен, как ребенок. Я счастлив, и мне всё же кажется, что я не проявил слабости... — не правда ли? Что ж, die schönen Tage von Aranjuez sind noch nicht vorüber [a,10] да здравствуют добрые и истинные друзья,

---

[a] прекрасные дни Аранхуэса еще не миновали (*нем.*).

которые думают об отсутствующих, да здравствует Куртавнель, да здравствует Республика, да здравствует «Сафо», да здравствует Виардо, да здравствует Полина Виардо, да здравствует... Не знаю, что еще добавить. Да здравствует всё, кроме зла.

Завтра я возвращаюсь в Куртавнель — в дилижансе, всю дорогу от Розе до Фонтене, я плакал, как дурак,— но в этом не раскаиваюсь — теперь, проезжая там же, я буду весело смеяться,— я везу обратно Диану; я расцелую всех, включая Кирасира. Ура! Да здравствует Республика! Умоляю вас, напишите мне в Куртавнель, как только получите это письмо, пожалуйста, пожалуйста.

Да здравствует Республика!

Вчера мы с м-ль Бертой слушали м-ль Альбони в «Пророке»: она имеет в нем большой успех, хоть он и не столь велик, как это можно было бы заключить, если верить газетам. Успокойтесь — вам нечего ее опасаться... Она (в отношении игры) всегда будет только школьница, а в ее пении драматизма не больше, чем в моем сапоге. Она *рабски* подражает вам даже в малейших жестах, малейших деталях сценической игры, интонации, костюма... но ею сейчас увлекаются. Тем не менее, букетов вчера не было... но Рокеплан заботится о ней, как ни о ком другом. Никогда еще я не видел более мощной и лучше обученной клаки. Ее совсем не заставляют повторять «Как молния», которое она исполняет плохо. Подробное описание этого представления мне хотелось отложить до завтра,— но с тем же успехом могу сделать это и сегодня. При звуках ритурнели перед ее появлением мое сердце больно сжалось... она входит, спускается по ступеням лестницы... Громкие аплодисменты. Она одета, как вы, к костюму добавлен только широкий плащ того же цвета, чтобы скрыть ее тучность. Она начинает речитатив; произносит слова хорошо, голос тягучий, вязкий, но *маслянистый* и приятный для слуха. Дуэттино с Бертой. Незначительно... ее не слышно. В игре — рабское подражание. Она не глупа и умеет использовать свою полноту, чтобы придать себе обаяние материнства.— «Ах! мой сын» — спето очень хорошо,— но так, как поют концертную арию, без малейшего волнения в голосе — публика тоже не взволнована, но громко аплодирует. Вообще, как мне показалось, за весь вечер публика ни разу не была тронута — но очарована физической прелестью этого голоса. Как много людей, которые ничего больше не требуют — и даже втайне сердятся на тех, кто дает им не только это. 4-е действие. Ария нищенки — без большого эффекта — еще не забыто ваше: «бедному ребенку». Дуэт с Бертой — хорошо. Не знаю, однако, почему, но мое ухо устало от этой сладостной и размягченной тягучести. Сцена в церкви.— Проклятие, спетое вяло, с привкусом итальянщины в конце,— и, тем не менее, покрытое аплодисментами и топаньем ног — из-за этого привкуса — и низких нот в «Будь он проклят». Всю сцену с Иоанном она поет запыхавшись, слабо, поспешно. И это создание — тип! повторяю, это школьница, которая лезет вон из кожи и подражает так тщательно, как только может. Успех невелик. Французы все-таки большие ротозеи: в газетах вы прочтете выражения вроде: сдержанность в жестах и т. д. Всё это глупости. Она *хочет* делать то же, что и вы, но ее жирное и тяжелое тело этому противится — она остается на половине пути — и это называют «сдержанностью». Как бы не так. чёрт возьми! Я убежден, что все это ничего не значит и, быть может, только откроет глаза парижанам на величие и широту вашего таланта. Вы принадлежите к натурам избранным, а м-ль Альбони всего лишь превосходная певица.

137. Полине Виардо (с. 20)

С французского:

Куртавнель.
Четверг, 16 мая 1850.

Добрый день, дорогая и добрая госпожа Виардо. Guten Morgen, theuerste Frau[a].

Вот я и возвратился в этот милый Куртавнель. Он понемногу становится чистеньким и кокетливым. Собираюсь заняться им основательно. Я нашел всех в добром здравии и должен сказать, что моему приезду, кажется, обрадовались. Я с удовольствием их перецеловал. Добрый Гуно приехал в тильбюри [1] встретить меня в Розе. В моей новой комнате (ближайшей к кузену Теодору) [2] я провел превосходную ночь.

Суббота.

Почтальон прервал мое письмо; я написал вам два слова в письме Гуно, который прочел нам несколько мест из вашего письма. Вы говорите ему о письме, написанном мне вами и Виардо; в Париже я его не получил; может быть, вы послали его в Брюссель, сообщите мне об этом, чтобы я смог его вернуть [3]. Надеюсь, что вы не рассердитесь на меня за то, что я не приеду в Берлин — ведь я уже нахожусь в Куртавнеле. Признаюсь, что я рад этому, как ребенок; я пошел поздороваться со всеми местами, с которыми, уезжая, попрощался. Россия—эта мрачная громада, неподвижная и окутанная облаками, словно Эдипов сфинкс [4],— подождет. Она меня поглотит позднее. Мне кажется, что я вижу ее неподвижный взгляд, остановившийся на мне с угрюмой пристальностью, подобающей каменным очам. Будь покоен, сфинкс, я к тебе еще вернусь, и ты сможешь пожрать меня в свое удовольствие, если я не разгадаю твоей загадки. Оставь меня еще ненадолго в покое! Я возвращусь в твои степи.

В данный момент я нахожусь в Бри и на это не жалуюсь. Два человека непрерывно работают в парке, который мало-помалу очищается от грязи. Теперь он *меньше* похож на очень плохо выбритое лицо: к вашему возвращению он будет прелестным! Старушки подберут хворост, которым он завален. Расставят скамейки, менее опасные для тех, кто на них усядется. Устроят качели, и т. д., и т. д. За всё это я отвечаю головой — вот увидите.

Сегодня очень хорошая погода. Гуно весь день прогуливался в лесу Бландюро в поисках музыкальной идеи; по вдохновение, капризное, как женщина, не пришло, и он ничего не нашел. Во всяком случае, он сам мне так сказал. Завтра он возьмет реванш. А сейчас он в родовых схватках корчится на медвежьей шкуре; в своей работе он обнаруживает упорство и стойкость, которые меня восхищают. Из-за бесплодности сегодняшнего дня он очень несчастен; испускает протяжные вздохи и неспособен отвлечься от того, что его заботит. Впадая в отчаяние, он начинает придираться к тексту; я постарался его подбодрить, и, кажется, мне удалось. Очень опасно идти по такой наклонной плоскости: в конце концов скрещивают пальцы на животе и говорят себе: «Но всё это отвратительно!» Его стенания я выслушал посмеиваясь, поскольку знаю, что все эти облачка исчезнут при первом дуновении ветра, и очень польщен тем, что стал поверенным в его маленьких творческих муках.

---

[a] Добрый день, самая дорогая из женщин (*нем.*).

В Париже я подхватил довольно сильную простуду, которая теперь проходит. Кстати, вы уже знаете о том, что маленькая Луиза очень удачно перенесла неизбежное посещение кори. Теперь она уже избавилась от этой напасти. До завтра. Да хранит вас бог. Мы очень радуемся вашим успехам. Это чудовище Гуно получает письма на 8 страницах! Ну что же! я не стану завидовать его счастью. До завтра.

Воскресенье.

Ну так вот! я был прав, говоря, что он возьмет реванш: он сочинил очень красивую вещь для вас. До сих пор он все еще не принимался за вашу роль. Это исполнено вдохновения, благородства и патетичности — мягкой и проникновенной патетичности, ему свойственной. Чего немного не хватает Гуно, так это блеска, доступности; его музыка — как храм: она не для всех. Поэтому я думаю, что, как только она получит известность, у него появятся восторженные почитатели, а его музыка будет иметь успех у публики; но эта популярность, ветреная, непостоянная и беспокойная, как вакханка, не повиснет тотчас же у него на шее; думаю даже, что он всегда будет ею пренебрегать. Его столь оригинальная в своей простоте меланхоличность, которую в конце концов начинаешь так нежно любить, не облечена в столь выпуклые формы, чтобы сразу же поразить наш слух; он не пленяет, не возбуждает слушателя — он его не щекочет; в его гамме — множество оттенков,— но все, что он создает,— включая, например, вакхическую песню «Поднимем кубки»,— несет на себе отпечаток возвышенного; все, к чему он прикасается, он облагораживает — однако, возвышаясь над толпой, от нее отдаляются. Впрочем, среди этого множества мелких, заурядных, хотя и броских, талантов, понятных не своей ясностью, а тривиальностью — появление такой музыкальной натуры, как Гуно, есть нечто столь редкое, что оценить ее по достоинству было бы трудно. Мы много говорили обо всем этом сегодня утром. Он знает себя настолько хорошо, насколько человек может познать себя. Я советую ему особенно тщательно работать над Гликерой[5]: что до Сафо, то я и так знаю, что из его рук она выйдет прекрасной и великой. Не думаю также, чтоб он обладал комической жилкой — man ist am Ende ... was man ist[a],— говорит Гёте[6]. Но вы можете себе представить, с каким нетерпением он вас ждет — *мы* вас ждем (говорю только относительно музыки) — я могу сказать: *мы* вас ждем, так как, присутствовав и всё еще присутствуя при рождении «Сафо», я принимаю в ней совершенно особенное, смею сказать, почти отеческое участие. Чувствую, что мы с ним связаны дружбой, дружбой истинной; думаю, он доволен тем, что я нахожусь возле него. Но приезжайте, приезжайте и вы увидите. То, что он сочинил сегодня, действительно прекрасно, и мне кажется, что в вашем исполнении оно заставит забиться все сердца. Только приезжайте и вы увидите.

Сегодня чудесная погода; у нас это первый теплый и ясный летний день. Деревья, трава, всё счастливо, свежо, спокойно, молодо... Зато у нас множество майских жуков. Правда, собаки их поедают... но что значат две собаки против тысяч миллионов миллиардов майских жуков? Диана совсем поправилась. Султан опять растолстел. Вот его портрет:

⟨*Рисунок*⟩

---

[a] в конце концов, что есть, то есть (*нем.*).

Вероника полагает, что когда эту собаку удастся заставить отказаться от еды!!.. и она не кончает фразы. И, тем не менее, я делаю всё на свете, чтоб помешать ему жиреть: заставляю есть в вертикальном положении, держа его за задние лапы — ничто не помогает. Только что пришел почтальон. У меня есть время только для того, чтобы очень крепко пожать вам руки и всех вас благословить.

Ваш И. Тургенев.

139. Полине Виардо (с. 23)

С французского:

Париж.
Среда [а] 21 июня 1850.

Добрый день, моя дорогая и добрая госпожа Виардо. Да благословит вас бог и да охранит каждое мгновение вашей жизни. Увы, да — я уезжаю во вторник. Двадцать четыре часа размышлений только укрепили меня в моем решении. Я обещал вам, что сегодня напишу более подробное письмо [1], но зачем? Вам достаточно будет знать, что отложить мой отъезд невозможно; как вы хорошо понимаете, я никогда не принял бы такого решения без очень веских причин [2]. Я уезжаю — но с какой печалью в душе, с какой тяжестью на сердце!

Ну, не надо больше об этом думать,— и, однако, я не могу говорить ни о чем ином. Этим я смогу заняться и вернувшись в Россию, но здесь, сейчас, это для меня невозможно... Сегодня я написал доброму Гуно и всем обитателям Куртавнеля, того дорогого Куртавнеля, который кажется мне теперь прекраснейшим местом на земле и память о котором я сохраню, пока буду жив. Когда я вновь его увижу? Когда я вновь увижу вас? Надо надеяться — не слишком поздно.

Когда-то вы показывали мне арию, сочиненную в ранней молодости вашей сестрой на слова Метастазио: «Ecco il un fiero istante» [б], [3]. Помню, что она поразила меня, словно печальное предчувствие. Вот уже несколько дней, как эти слова не выходят у меня из головы. Addio, addio [в]. И вот это слово addio пробуждает во мне другое воспоминание: во время карнавала 1840 года я находился в Риме. Я шел по маленькой, уединенной улице, как вдруг на пороге одного из домов увидел красивую девушку в одежде крестьянки из Альбано, которая держала за руку мужчину, закутанного в коричневый плащ, и, заливаясь слезами, говорила ему: «Addio, addio». Она произносила это таким проникновенным, таким чистым и в то же время таким грустным голосом, что звук его остался в моих ушах, и мне кажется, что я слышу его и сейчас. [4] Не знаю, зачем я всё это вам рассказываю. Addio!

У нас с Гуно теперь по два ваших дагерротипа. На моем глаза смотрят, как живые. Я очень доволен, что он у меня есть.

Вчера я видел м-ль Рашель в «Анжело» [5]; она там посредственна, а пьеса отвратительна. Но костюмы м-ль Рашель великолепны.

Скажите Чорли, что я не уеду, не написав ему; что я слишком дорожу его расположением, чтобы ему об этом не сказать. Передай-

---

[а] *Так в подлиннике.*

[б] «Вот сей плачевный час» (*итал.*).

[в] Прощай, прощай (*итал.*).

те от меня поклон леди Монсон и Истам [6]. А доброго Виардо целую в обе щеки. Диана не увидится с Сидом! Бедняжка, в России ей будет очень холодно,— так же, как и ее хозяину.

Вы ведь на меня не сердитесь, что я пишу вам такие короткие письма? Видите ли — я не желаю вас огорчать, а русская пословица гласит, что больше всего говорят о том, что болит. Завтра мы получим известия о вчерашнем представлении. Надеюсь, они будут превосходными. Я весь вечер думал о вас. Но когда же я о вас не думаю?

Ах! дайте мне ваши руки, мои добрые друзья. Чтобы я мог пожать их крепко, очень крепко! Буду писать вам каждый день до самого отъезда и потом тоже. Бедного Бакунина, кажется, выдали австрийцам, то есть на смерть. Кто бы мог предсказать мне это десять лет тому назад, когда мы жили с ним в одной комнате... [7]

Прощайте. Да хранит вас денно и нощно бог. Будьте счастливы, благословенны, веселы, довольны и здоровы. Я же остаюсь навсегда

ваш
И. Тургенев.

P. S. Будьте счастливы — вот моя постоянная молитва.

141. Луи Виардо (с. 27)

С французского:

Париж.
Понедельник, 24 июня 1850.

Я не хочу покинуть Францию [1], мой дорогой и добрый друг, не сказав вам, как я вас люблю и уважаю и как жалею о необходимости этой разлуки. Я увожу с собой самые сердечные воспоминания о вас; я сумел оценить высоту и благородство вашего характера и, поверьте, буду снова чувствовать себя вполне счастливым только тогда, когда опять смогу вместе с вами бродить с ружьем в руках по милым равнинам Бри. Я принимаю ваше предсказание; я хочу ему верить [2]. Конечно, родина имеет свои права; но не там ли настоящая родина, где мы нашли больше всего любви, где сердце и ум чувствуют себя всего лучше? Нет на земле места, которое я любил бы так, как Куртавнель. Не могу выразить, сколь я был тронут всеми проявлениями дружбы, полученными за последние дни; не знаю, право, чем я их заслужил; но что я знаю, так это то, что, пока жив, буду хранить в сердце память о них. Вы имеете во мне, дорогой Виардо, безгранично преданного друга. Ну, живите счастливо; желаю вам всего самого лучшего. Мы когда-нибудь еще увидимся; это будет счастливый день для меня, и он мне щедро воздаст за все ожидающие меня печали. Благодарю вас за добрые советы и крепко вас обнимаю.

Будьте же счастливы, добрый и дорогой Виардо, и не забывайте вашего друга

И. Тургенева.

142. Полине Виардо (с. 27)

С французского:

Париж.
Понедельник, 24 июня 1850.

Ваше письмо, дорогая и добрая госпожа Виардо, я получил третьего дня [1], а отвечаю вам только сегодня... Ах! боже мой, мне бы хотелось быть уже не в Париже; здесь я иногда изнемогаю от

грусти и уныния... Всё, что происходит со мной сейчас, я должен был бы заранее предвидеть — я хорошо знал, что не смогу оставаться во Франции вечно, и, тем не менее, этот отъезд причиняет мне невыразимое страдание... Я выезжаю завтра в 8 ч. вечера; прежде чем отправиться в путь, я напишу вам еще раз. Надеюсь, что завтра я получу письмо; вы мне его обещали [2], и оно мне действительно необходимо. Я как Перетта из басни о горшке с молоком [3]; мой кувшин упал, и я грустно смотрю на его осколки, даже не пытаясь удержать хоть часть убегающей жидкости... Прощайте, прощайте, я углубляюсь в пустыню; с каждым моим шагом вперед она является мне всё более огромная и опустошенная. Прощайте. Да хранит вас бог и о вас печется!

Я получил чудесное письмо от Гуно. Это золотое сердце. Его мать и м-ль Берта также пишут мне очень теплые слова. Вот не думал, что обо мне могут так сожалеть... я был растроган до слез. Бог да дарует им счастье за их доброту! Ах! друзья мои, сердце, которое вас покидает, исходит кровью...

Почему вы ничего мне не сообщили о вашем триумфе в прошлый четверг? Все газеты расточают вам восторженные похвалы. Не считаете же вы, что я могу быть настолько грустен, настолько занят собственными огорчениями, чтобы не радоваться вашим успехам, чтобы мне не хотелось узнать о малейших подробностях того, что с вами происходит? Если вы можете так полагать, то очень ошибаетесь. Напротив, прошу вас не скупиться отныне на подробности и верить в то, что никогда ничто не будет мне так дорого... Ах! вы это хорошо знаете.

Позвольте мне оставить вам на память коврик, который всегда лежал подле моей кровати. Он некрасив, но вы сможете постелить его в вашей передней. Положите его в таком месте, где вы видели бы его хоть раз в день. Я оставлю его у вашего привратника.

С завтрашнего дня, дня моего отъезда, вы можете писать мне в Петербург. Я вздрогнул, когда писал эти строки. Вот мой адрес: г-ну И. Т., в Комиссионную контору и агентство Языкова и К°, в Петербурге. Там всегда будут знать, где я нахожусь, и переправят мне ваши письма. Пишите мне, прошу вас. В Петербурге я буду, si Dios quiere [a], в будущую среду; проведу там дней десять; потом отправлюсь в Москву, оттуда в деревню и вернусь в Петербург около 15 октября по старому стилю. Там я останусь на всю зиму. Пишите мне, пишите мне; я буду жить только надеждой на письма от моих друзей.

Напишу вам из Берлина, из Петербурга, из деревни, из Москвы; ох! писать я вам буду часто.

Теперь я знаю, что делается с растением, вырванным из почвы; оно благополучно пустило корни во все стороны — и вот всё это разбито и разломано... Нет, я надеюсь, что не всё; мы останемся друзьями — не правда ли,— друзьями, которых связывают добрые чувства и воспоминания...

Знаете ли вы, чем я занимаюсь, когда мне очень грустно? Я собираю все свои душевные силы, стараюсь сделаться как можно добрее и чище, благоговейно сосредоточиваюсь, дабы благословить вас, дабы произнести самые нежные вам пожелания... Да будет ваша жизнь счастливой и прекрасной — и я обещаю небу никогда ничего не просить у него для себя.

---

[a] если бог даст (*исп.*).

Ухожу из дому, чтобы закончить последние дела; буду писать вам еще сегодня вечером и завтра. Прощайте, прощайте. Будьте счастливы. Это было моим первым словом — оно же станет и последним.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Присоединяю две записочки для Виардо и для Чорли. *Сегодня* ровно год, как мы с вами читали «Германа и Доротею» в большой гостиной, в Куртавнеле... [4] Как идет время!

До вечера. Будьте счастливы.

143. Полине Виардо (с. 29)

С французского:

Понедельник, 24 июня 1850.
Париж.

9 ч. вечера. Вот и последний вечер, что я провожу в Париже, дорогая и добрая госпожа Виардо. Завтра в этот же час я уже буду катиться по дороге в Берлин [1]. Не буду занимать вас своими тревогами, своими печалями; вы можете себе их представить без того, чтоб я еще огорчал вас своим рассказом. Всё мое существо может быть выражено одним словом: прощайте — прощайте. Я оглядываюсь по сторонам, собираю все мои воспоминания, вплоть до самых незначительных — подобно эмигрантам, уезжающим в Америку, которые, как говорят, забирают с собой даже самую жалкую домашнюю утварь, и я уношу всё это с собой, словно сокровище.— Если же и вы обещаете вспоминать обо мне — я думаю, что перенесу разлуку легче, и у меня не будет так тяжело на сердце.— Когда вы вернетесь в Куртавнель, приветствуйте от меня его дорогие стены; когда, сидя прекрасным осенним вечером на крыльце дома, вы взглянете на колеблющиеся вершины тополей, что растут во дворе,— подумайте, прошу вас, об отсутствующем друге, который был бы так счастлив находиться там среди вас. Что до меня, то мне нечего давать вам обещание часто вспоминать о вас; я и не буду заниматься ничем иным; уже отсюда я вижу себя сидящим в одиночестве под старыми липами в моем саду, обратившись лицом к Франции, и тихо шепчущим: где они, что они сейчас делают? Ах! я так чувствую, что оставляю здесь мое сердце. Прощайте; до завтра.

Вторник, 8 часов утра.

Добрый день, в последний раз во Франции, добрый день, дорогая госпожа Виардо. Я почти не спал; ежеминутно просыпался и чувствовал, что моя печаль не покидает меня и во сне. Жду сегодня писем от вас и от Гуно; я просил его прислать мне «Вечер» и «Lamento» [2]. Вы помните это — но нет — я не могу еще почувствовать очарование этих трех слов — может быть, позднее,— но не сейчас. Я получу письмо от вас — не правда ли?

Вы не можете представить себе, какое удовольствие доставило мне ваше триумфальное возвращение [3]. Когда вы будете писать мне в Россию, то сообщайте, прошу вас, о мельчайших подробностях ваших представлений,— да и вообще множество подробностей. Самый верный способ сократить расстояние — бросить ему вызов. Уверяю вас, что такие, например, слова, как «Сегодня утром я встала в 8 часов и позавтракала у открытого окна, выходящего

в мой сад», уменьшат расстояние на много льё — а их между вами и мной будет не мало.

Спустя два *часа*.

Голова моя пылает; я вне себя от усталости и горя. Укладываю мои чемоданы, обливаясь слезами,— ничего больше не понимаю — не знаю, право, что и пишу. Послал вам мой адрес — напишу вам из Берлина. Прощайте — прощайте; обнимаю вас всех, вас, Виардо — будьте благословенны — мои дорогие и добрые друзья, моя единственная семья, вы, кого я люблю больше всех на свете. Спасибо за ваше дорогое, доброе письмо — у меня нет больше слов, чтобы сказать вам, как благотворно оно на меня подействовало — да благословит вас бог тысячу раз. Уже пора кончать — пора — пора. Ну, смелей — и будем надеяться на лучшее. В последний раз снова придите в мои объятия — чтобы я смог прижать вас к сердцу, которое так любит вас, мои добрые, мои дорогие друзья, и прощайте. Поручаю вас богу. Будьте счастливы. Люблю вас и буду любить до конца жизни. Целую также Мануэля и леди Монсон, если она это позволит. Прощайте, прощайте.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Иду к Луизе; несу ей немецкую книгу, чтобы и она тоже помнила об отсутствующем друге. Ах! я всех вас так люблю! Я это чувствую теперь больше, чем когда-либо...

144. Полине Виардо (с. 31)

С французского:

Вы не смогли бы себе даже представить, какое удовольствие доставило мне ваше триумфальное возвращение в Лондон [1]. Вы, решительно, *star* [a] сезона, и я чувствую, что люблю англичан за все почести, которыми они вас окружают. Вы передали, не правда ли, мою записочку Чорли? Сердечно пожимаю ему руку. Он вас любит; как же мне его не любить? Я так рад поговорить с вами и о вас здесь — не знаю, за сколько льё от вас. Все эти господа вокруг меня не догадываются о том, какие сладостные воспоминания я в данный момент культивирую (примите это за производное от слова культ). Ваше имя произнес один из едущих на судне евреев: он видел вас в «Пророке» — находит вас превосходной, но предпочитает вам м-ль... Гунди, из Лейпцига. Не плохо лишь для еврея. Ну, а мне было приятно услышать, как кто-то произнес ваше имя. В Париже я никогда не проходил мимо афиши без того, чтобы не остановиться и не прочесть ее, если только его там видел. Да благословит вас бог, дорогой, добрый друг, и надолго сохранит вам молодость и голос. Ваш бедный отсутствующий друг молит его об этом.

Море свинцово-молочного цвета совершенно спокойно. Ночь светла — петербургская летняя ночь. Вдали виднеются берега Финляндии. Небо бледное, это Север. Берега эти очень плоские. В Куртавнеле ночи гораздо красивее. Ну, «Долина» [2], чего ты от меня хочешь? Я знаю, знаю... «Отсюда вижу я жизнь...», «Душа моя, отдохни...» [3]. Чего ты от меня хочешь, с твоей проникновенной грустью, твоими волнующими звуками? Дай мне немного покоя,

---

[a] звезда (*англ.*).

дай посмотреть вперед — струны, что ты колеблешь, с некоторых пор болезненно натянуты — дай им отдохнуть, умолкнуть.

Ах! я очень устал, очень разбит, очень утомлен.

Быть может, я слишком много плакал. Это ничего, я приду в себя.

Да, потому что я хочу решительно приняться за дело. Надо, наконец, устроить эти невыносимые семейные дела, которые тянутся за мной, как паутина на крыльях мухи, которую только что из нее вызволили. Это совершенно необходимо и — так или иначе — я своего добьюсь. Все перипетии я вам в точности опишу. Вы позволите мне, не правда ли, поверять вам всё, что меня касается? поверять вам всё, без исключений, всё, что я сделаю, что решу, что со мной случится. Мысль жить так, на ваших глазах, будет для меня очень благотворной и очень приятной.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, когда я вам наскучу, вы мне это скажете.

Бедная маленькая Диана совсем сбита с толку. Иногда она смотрит на меня глазами, которые словно говорят мне: «Ну куда же это мы едем? Разве нам не было так хорошо там, с толстым Султаном?» Мне совсем нечего ей ответить, и я пытаюсь ее утешить. Но она помахивает хвостом, наполовину из любви, наполовину из вежливости и сворачивается клубком, изрядно повертевшись вокруг самой себя. Бедная маленькая Диана — я люблю тебя за то, что ты добра, а также и потому, что на тебя смотрели глаза, которые я люблю, и ласкали дружеские руки. Вспоминайте немного и о ней; я уверен, что это пойдет ей на пользу.

Вспоминайте отсутствующих добром. Ваш романс «Между небом и водой» вспоминается мне сегодня постоянно. Спойте его, прошу вас, для меня, когда получите это письмо.

Я так утомлен, что попробую уснуть. Это письмо я кончу *завтра* в Петербурге и завтра же вам его отошлю. Доброй ночи. Да будет ваш сон сладок, как сон детей — доброй, доброй ночи.

Вторник, $4\frac{1}{2}$ ч. утра.

Вот мы и прибыли. Мы у Кронштадта. Однако не можем туда войти. Мешает довольно густой туман. *Часом позже.* У меня есть время добавить только одно слово. Сейчас мы уезжаем в Пет‹ер-бург›. Мне представляется случай отправить это письмо с тем же судном, которое нас сюда доставило. Я спешу за него ухватиться. Тем не менее, сегодня же я напишу вам и из Петербурга. Прощайте, тысяча тысяч нежных приветов вам, В‹иардо›, всем. Прощайте. Я тороплюсь. Ваш сердцем и душой.

И. Тур‹генев›.

145. Полине Виардо (с. 33)

С французского:

Москва,
4/16 июля 1850.

Вот я и в Москве, дорогая и добрая госпожа Виардо! В Москве... Зиновьева я не застал в Крестцах [1] — важное дело вынудило его отправиться уж и не знаю за сколько верст оттуда. Я приехал сюда третьего дня, остановился в той же гостинице «Дрезден», где вы прожили неделю [2], а со вчерашнего дня живу в домике брата [3]. Я повидался с матерью. Дела я нашел в самом плачевном

состоянии, но расскажу вам об этом позднее, когда немного осмотрюсь. Сейчас же вам будет достаточно узнать, что самому мне кажется, будто я, бог знает как надолго, вошел в сырой и вредный для здоровья погреб. Ах! солнце, свежий воздух,— всё, что делает жизнь приятной и прекрасной, я оставил там, у вас, друзья мои. Как далеко нахожусь я от вас! Как много льё нас разделяют! Как много дней, недель, может быть, лет протечет до того, как мне будет дано снова увидеть ваши милые черты, свободно вздохнуть в вашем дорогом присутствии. Не забывайте меня, думайте обо мне, умоляю вас,— а я — что должен я сделать, что должен сказать, чтобы дать вам понять, насколько память о вас мне сладостна и дорога? Она еще и нечто гораздо большее; как я предвижу, это будет для меня единственным якорем спасения, когда, среди ожидающих меня тягостных распрей, трудясь над устройством всевозможных неприятных грустных дел, я почувствую, что мое сердце изнемогает от усталости и отвращения. Это будет моим единственным утешением. Когда я вспомню о такой доброте, искренности, нежности, красоте, но, особенно, о привязанности, которую ко мне испытывают, быть может, мне достанет мужества промыть все эти старые раны, противостоять всем этим горестям и бедам. Впрочем, вы мне позволите, не правда ли, сообщать вам о моих терзаниях. Меня это так утешит! Мне так бы хотелось жить у вас на глазах... и все-таки, когда я думаю о том, что эти письма, где сплошь идет речь о грустных и пошлых семейных распрях, вы получите в Куртавнеле, то опасаюсь, как бы скверное впечатление от них не отразилось невольно и на мне. Решительно, я расскажу вам только о результатах. Я не хочу портить память обо мне; это самое дорогое из моих сокровищ, то, которое я храню, больше всего за него тревожась.

С завтрашнего дня я начну вести нечто вроде дневника, который буду вам посылать. Сегодня это только письмецо для того, чтобы известить вас о моем приезде. Ах! мои дорогие друзья, как я печален! и как тяжко у меня на сердце! Но нет, не надо так много говорить вам об этом.

Брата моего я нашел женатым. Я этим очень доволен. Жена его — прелестное существо. Моя мать, которая условием для своего согласия на этот брак поставила его выход в отставку, за всё время, что она здесь, ни разу не допустила ее к себе на глаза — положение их непрочно, унизительно, невозможно. Мать моя окружена толпой прихлебателей, которые ее обирают; пусть бы они были заняты только этим. Но среди них есть два или три человека, которые пагубно на нее влияют, а несмотря на ее крайнюю слабость *управляет* всем — она... Вы можете себе представить, что из этого выходит! [4]

Ну — однако — я обещал не говорить вам обо всем этом.

Когда же я получу ваше второе письмо? Нужны две недели на то, чтобы письмо из Лондона дошло сюда — две недели! Постараюсь отыскать какую-нибудь английскую газету. Прошу вас, когда вы будете мне писать, каждый раз сообщать о том, что вы пели... Но что я за глупец, ведь ваш ответ дошел бы до меня не ранее, чем через месяц! Но это ничего не значит — в то время вы будете еще в Лондоне. Здесь распускают слух (и я слышал, как об этом говорили в С.-П⟨етербурге⟩), что будто бы генерал Гедеонов отправился за вами и что хотят во что бы то ни стало заполучить вас в Петербург. Не могу выразить, как глубока и сильна память, которую вы оставили по себе в России; здесь вас *обожают*. Тем не менее в Рос-

сию вы не приедете [5]. И не надо этого делать. У вас слишком прочное положение, чтоб можно было им легкомысленно пренебречь. И потом, вам надо сделать еще так много хорошего... О нет! оставайтесь во Франции, и да ниспошлет вам бог всё счастье, всю радость, которые он прибeрегает для своих лучших, самых дорогих созданий! Здоровье, счастье, слава — всё это ваше достояние и вы им полностью насладитесь, или же нет больше справедливости на этом свете.

Завтра я непременно напишу доброму Гуно, которому прошу вас передать от меня привет.

Дорогая госпожа Виардо, позвольте мне кончить на этом мое письмо. Я слишком удручен, слишком озабочен, чтобы продолжать его сегодня. Мне, однако, не хочется ждать до завтра, чтобы его отослать. Время от времени я посматриваю на Диану и говорю ей: «Ну, бедняжка, ну и далеко же мы от дома». Надеюсь, что я вскоре приду в себя. Теперь дайте мне обе ваши руки и позвольте пожелать вам всего счастья, какое только можно себе вообразить. Будьте счастливы и благословенны, meine beste, theuerste Freundinn [a]. Тысяча добрых пожеланий всем. До скорого свидания, увы! на бумаге.

Прощайте, прощайте. Будьте счастливы. Будьте счастливы.

Ваш И. Т.

Шлю вам всю мою любовь. Милый Куртавнель, тысячу раз его благословляю. Прощайте.

146. Полине и Луи Виардо (с. 35)

С французского:

Москва.
Воскресенье, 9/21 июля 1850.

Добрый день, дорогая и добрая госпожа Виардо. Да хранят вас в каждое из мгновений дня все ангелы господни! Уже шесть дней, как я в Москве, а у меня всё еще не было времени сказать вам хоть слово после того письмеца, в котором я сообщал вам о своем приезде. (Как видите, на сей раз я собираюсь написать вам длинное письмо.) Однако я не переставал о вас думать и не проходит ночи, чтобы вы мне не приснились — вы или кто-нибудь из ваших — поэтому пробуждение бывает для меня немного более огорчительным. Я как растение, которое поставили в темноту,— прилагаю все усилия, чтобы дотянуться до света, но свет так далеко! Горизонт наших семейных дел — говоря языком поэтическим — начинает слегка проясняться; кажется, моя мать и сама в свои годы чувствует необходимость отдохнуть и решается наконец предоставить моему бедняге брату несколько более прочное положение. Однако, я говорю это с грустью, на ее слова трудно рассчитывать; для нее невыносима самая мысль дать нам независимость — могу вас уверить, что споры, которые между нами возникают, бывают иной раз очень тягостными [1]. Но мне не хочется долго об этом распространяться — к чему это? Я достаточно часто говорил вам об этом, а то, что я здесь нашел, не опровергло моих предчувствий. И всё же, поскольку я желаю, чтобы вы знали обо всем, что происходит в моей жизни, поскольку испытываю настоящее счастье, чувство исполненного долга каждый раз, когда сообщаю вам обо

---

[a] мой лучший, дражайший друг (*нем.*).

всем, что я думаю, обо всем, что меня касается, мне хочется рассказать вам о своем пребывании здесь. Вам, среди ваших занятий, всё это покажется, может быть, очень низменным — но нет,— я не хочу щеголять ложной скромностью; я знаю, что ваше расположение ко мне достаточно сильно для того, чтобы вы смогли с интересом дочитать это письмо. Ведь это же не самомнение, не так ли?

И чтобы начать с чего-то необычайного и неожиданного, скажу вам, что я нашел здесь — догадайтесь что? — мою дочку, 8 лет, разительно на меня похожую [2]. Не могу описать вам ощущение, которое вызвал во мне ее вид — представьте себе, что *я даже не припоминаю* черт лица ее матери — говорю это нисколько не преувеличивая,— откуда же такое сходство, в котором должна была бы запечатлеться взаимная любовь? Глядя на это бедное маленькое создание (я попросил слугу моей матери привести ее на бульвар, где встретился с ней как бы невзначай), я почувствовал свои обязанности по отношению к ней — и я их выполню — она никогда не узнает нищеты — я устрою ее жизнь, как можно лучше. Если б у меня была — не скажу малейшая *привязанность* к ее матери, если б я хоть немного *знал* ее (она еще жива, но я не мог решиться ее навестить), то думаю, что почувствовал бы нечто совершенно иное к этому бедному ребенку, который в полной растерянности стоял передо мной. Она, вероятно, догадывалась о том, кем я ей прихожусь. Вы можете себе представить, какое тягостное впечатление произвела на меня эта встреча, всё то, что я передумал, всё, что пришло мне в голову... О! боже мой, теперь я чувствую, как я обожал бы ребенка, чье лицо напоминало бы мне черты любимой мной матери... Это сходство... Отчего это сходство? Какая насмешка! Глядя на нее, я словно видел себя в ее возрасте — в ее чертах я узнал мое собственное лицо в детстве, насколько можно знать свое лицо — и, однако, как же это возможно? Во всем этом есть что-то невольно пугающее меня. Право, это нечто вроде преступления... и так оно и есть. При рождении (в мае 42) [3] ей дали русское имя Палагея (Пелагея), которое обычно переводится, как Полина. Она, кажется, очень смышленая. Моя мать некоторое время держала ее при себе и отослала незадолго до моего приезда. Я этим был доволен, потому что ее положение в доме моей матери было ужасно ложным. Скажите, что вы обо всем этом думаете и что я должен сделать — я собираюсь отдать ее в монастырь, где она останется до 12 лет — там и начнут ее воспитание. Мне хотелось бы, чтоб вы дали мне совет — я буду так счастлив ему последовать. Вы моя Полярная звезда, вы знаете, что по ней ориентируются моряки: она постоянно находится на одном и том же месте и никого не вводит в заблуждение. Дайте мне совет — все, что исходит от вас, исполнено такой доброты и такой искренности. Следует ли мне взять ее с собой в Петербург? Ее мать, в сущности, не падшая женщина — это портниха, которая зарабатывает на жизнь работой. Но у нее есть любовники, и бог знает какие! Я ни в коем случае не хочу оставлять ее у матери, которая только и мечтает как бы от нее отделаться. Ответьте мне поскорей, чтоб через полтора месяца, после возвращения из деревни, я знал, на чем мне окончательно остановиться [4]. Прошу вас, советуйте по-дружески прямо и смело. Если бы я мог, то отдал бы вам всю жизнь, чтоб вы месили ее, как тесто для тех pies [a], которые вы делали в комнатке возле кухни, в Куртавнеле. Мне не надо про-

[a] пирожных (*англ.*).

износить этого слова — иначе я начну всё с начала. Итак, не правда ли, я могу рассчитывать на добрый совет, которому слепо последую, говорю вам заранее. Я верю, что полюблю эту бедную девочку, хотя бы уже потому, что, как мне кажется, вы ею заинтересуетесь. Да благословит вас бог, вас, самое благородное, самое лучшее на свете существо. До завтра. Будьте счастливы — всё остальное пойдет хорошо. Знаете ли вы, что в мире нет ничего столь же хорошего, как вы? Я всегда это знал, а теперь знаю лучше, чем когда-либо — до завтра.

Четверг.

О мои дорогие и добрые друзья, если б вы знали, как благотворно подействовало на меня ваше письмо [5]! Оно пришло в очень скверный момент. Сооружение, которое я с трудом воздвиг, снова рухнуло — я начинаю отчаиваться в том, что смогу прийти к какому-нибудь решению. Моя мать не *может* решиться дать жизнь и свободу моему брату. Мои нервы расстроены: бог знает, когда и чем это кончится. Ваше милое и дорогое письмо повлияло на меня наилучшим образом — глоток прохладной воды посреди пустыни. Оно вернуло мне мужество. Нечего об этом и говорить — надо идти до конца. Как я вам обязан за точное и подробное описание вашей комнаты! Я нарисовал ее себе на листке бумаги и не могу оторвать от него глаз. Она тут, передо мной, под бронзовой рукой, которую вы мне подарили, *рядом* с табакеркой. Я окружаю себя этими дорогими, памятными вещами — вы на них смотрели — как же вы хотите, чтоб я глядел на них без умиления? Спасибо также и за другие подробности. Я смаковал их слово за словом, и в конце концов принялся изучать каждую букву, говорю о Buchstaben [6], стал восхищаться d (несмотря на критику Виардо), e, l и т. д. Ах! прошу вас, пишите почаще, будьте милосердны. Доброго Виардо целую в обе щеки за строчки, которые он добавил; скажите ему, что его предсказание я с радостью принимаю, хотя и не слишком ему верю... Если б я смог увидеться с вами хотя бы в 1852 году! Ну, посмотрим. Во всей этой жестокой разлуке хорошо лишь то, что я чувствую, как моя привязанность к вам делается всё сильнее — если только это возможно,— границ у нее не было и раньше — ей было бы трудно возрастать.

Моя мать снова взяла к себе малышку, о которой я писал вам в воскресенье. Меня это огорчает, потому что ее положение здесь, конечно, отвратительно. Из нее делают нечто вроде прислуги — я не хочу сделать из нее принцессу — но также и — ну, вы меня понимаете. Я желаю, чтобы она была свободной, и она ею будет. Так как через несколько дней я уезжаю в деревню, то ни о чем не говорю сейчас; я приму меры, когда вернусь оттуда. Не забывайте, что *я серьезно*, и очень серьёзно рассчитываю на ваши советы, позвольте сказать — на ваши приказания. Мне сладостно произносить это слово, применяя его к вам, и я буду счастлив вам повиноваться. Итак, милостивая государыня, решайте, я жду [6].

Вчера я написал письмецо Гуно — я был слишком расстроен, чтоб высказать ему всё, что мне хотелось бы сказать — но я, всё же, думаю, что сказал достаточно для того, чтобы он увидел, как искренне и нежно я ему предан. Повторите ему это от меня. Прощайте — до завтра — да благословит вас бог тысячу раз.

---

[6] буквах (*нем.*).

Пятница 26 июля.

Сегодня месяц, как я покинул Париж. Только один месяц. Каким долгим он мне показался! Какая же это часть нашей разлуки — 12-я, 24-я?.. Не хочется об этом думать. Будет так, как угодно богу. Лишь бы вы были счастливы! Вот главное. Das Übrige wird sich finden [в], как говорят немцы. О да, будьте счастливы — вы слышите?

Погода сегодня немного прояснилась... Но это так ненадежно. Ни на что нельзя рассчитывать. Послезавтра мой брат уезжает в деревню — я же на два дня позднее — и всё это еще в высшей степени неопределенно. Но я боюсь вам наскучить, говоря всё об одном и том же. Что поделаешь? У меня почти нет времени видеться с друзьями, которые, впрочем, здесь так же милы ко мне, как и в Петербурге. Я не читаю газет, и ни у кого здесь нет «Times». Вчера я все-таки видел небольшую статью в «Journal des Débats», где говорилось о вас. Рассчитываю на ваши письма. Им надо так много времени, чтобы добраться сюда. Продолжайте писать по адресу, который я вам дал, это самое верное. Я не смог еще приняться за работу, до сих пор даже не охотился — вознагражу себя в деревне.

Суббота, 6 часов утра.

Стоит очень мягкое утро; небо теплого серого цвета — уже несколько дней я сплю с открытыми окнами. Я сел за свой стол и думаю о вас. Мое окно выходит во двор; невысокая деревянная ограда отделяет его от другого двора, усаженного деревьями, среди которых стоит приземистая простенькая церковка, белая с зелеными куполами, в византийском стиле: сейчас звонят к заутрене. Я в России — где куртавнельские тополя? Облака начинают сгущаться, округляться: я наблюдаю за их движением — они потихоньку направляются к западу — они идут к вам... Я поручаю им передать тысячу благословений. Ах! мои друзья, мои дорогие друзья — когда же я с вами вновь увижусь?.. Чувствую, что долго прожить вдали от вас я не смогу [г].

Я еще раз напишу вам до того, как покину Москву, в день отъезда, а потом уже из деревни буду писать вам каждый день, хотя бы одно только слово на большом листе бумаги, который я буду посылать вам раз в две недели. Поочередно беру руки всех моих друзей, кончая вашими, которые я с нежностью пожимаю и целую — молю небо о вас — такой доброй, такой великой, такой кроткой и такой благородной. Прощайте, прощайте. Будьте счастливы вы, друзья мои, и не забывайте меня. Leben Sie wohl, theuerste Freundinn. Gott segne Sie! [д]

Ваш
И. Тургенев.

[в] Прочее устроится (*нем.*).

[г] *Далее зачеркнута одна строка, написанная по-немецки.*

[д] Прощайте, дражайший друг. Да благословит вас бог! (*нем.*).

147. Полине Виардо (с. 40)

С французского:

Тургенево [1].
Воскресенье вечером. $\frac{21\ \text{июля}}{2\ \text{августа}}$ 1850[2].

И вот я среди степей — в глуши, дорогой, добрый, превосходный друг — так далеко от вас, как это только возможно, далеко во всех отношениях, потому что здесь, как вы хорошо можете себе представить, мы не получаем газет. Возьмите атлас, на карте России поищите дорогу из Москвы на Тулу и из Тулы на Орел — и если между двумя этими городами вы найдете город под названием Чернь (немного ранее другого города, именуемого Мценском), то подумайте о том, что я нахожусь от него на расстоянии двух французских льё (10 верст). То маленькое имение, где я живу, некогда принадлежало моему отцу — и в данное время это всё, чем я владею на земле. В моем последнем письме я говорил вам о волоске, на котором держались все мои надежды: так вот, этот волосок порвался окончательно и навсегда. Всё решилось в самый день моего отъезда из Москвы. Я не могу — и вы хорошо понимаете почему — сообщить вам все подробности этого дела; вам будет достаточно узнать, что, несмотря на все меры предосторожности, все жертвы — после того, как более, чем за две недели вся моя изобретательность полностью истощилась — мне пришлось сделать выбор между потерей достоинства, независимости — и бедностью. Я недолго раздумывал над выбором — покинул материнский дом и отказался от ее состояния [3].— Не правда ли, мои дорогие друзья, вы мне поверите, если я скажу вам, что поступить иначе было для меня *невозможно*,— мне никого не хотелось бы обвинять — в особенности сейчас — но, по правде говоря, дело зашло слишком далеко — чересчур далеко — желание обмануть меня было слишком очевидным, слишком ощутимым — повторяю вам — в данный момент я считаю, что, если б я поступил иначе, то не был бы более достоин вашего уважения. Когда мы свидимся вновь, когда я обрету это счастье, такое большое, что я едва смею о нем мечтать,— то расскажу вам всё... теперь же я должен молчать. К счастью, в эту катастрофу я не вовлек моего брата — и даже думаю, что он, рикошетом, останется в выигрыше, чем я очень доволен — так как это честный и достойный человек. Его жена, которую я узнал теперь гораздо ближе, чем раньше, тоже прекрасный человек. Молюсь об их счастье — они этого вполне заслуживают за все терзания, что выпали им на долю.

Но теперь, даже если я вам об этом ничего не скажу, вы можете понять, с какими чувствами я вновь увидел деревушку, где сейчас нахожусь. Так вот для чего я оставил столько счастья там... Друзья мои, лишь память о вас, лишь ваша душевная приязнь ко мне поддерживает меня — я рухнул бы под тяжестью моей печали, не будь у меня моего прошлого — и надежды на будущее... Вы даже не представляете себе, как я вас люблю,— с какою силой отчаяния вас обнимаю, за вас цепляюсь,— нежно люблю вас,— люблю, думаю о вас ежеминутно.

Мы приехали сюда третьего дня, мой брат, его жена и я. Брат поселится здесь как помещик. Я проведу тут два месяца и, когда налажу немного свои дела, возвращусь в Петербург, чтобы жить там трудясь и своим трудом. Расположено Тургенево довольно приятно. Холмы, рощи, весьма мило извивающаяся река,

красиво зеленеющие большие луга — но дом очень невелик, сад совершенно запущен — никаких плодов,— почти полное отсутствие всего, что называется хозяйством... в конце концов надо постараться выйти из этого положения наилучшим образом. В те два дня, что мы здесь, жена моего брата, она недаром немка, решительно взялась за дело — и сегодня у нас уже есть кухня. Мне устроили комнатку в обширном помещении бумажной фабрики, в настоящее время бездействующей из-за процесса, который навлекло на нас дурное управление моей матери. Из окон я вижу большой луг, омываемый рекой,— там важно прохаживаются зуйки,— вдоль другого, очень обрывистого, берега тянется деревня. Вчера и сегодня я уже охотился — в этом году очень мало дичи, однако мы вдвоем (мой егерь Афанасий и я) убили 3 зайцев, 8 глухарей, 5 куропаток и 1 перепёлку. Моя Диана творила чудеса, она с восхитительной уверенностью находила глухарей, которых *чуяла* в первый раз в жизни; я обнаружил здесь превосходную собаку, сына моего старого Наполя, которого Афанасий выдрессировал и прозвал Астрономом. Всё это напоминает мне о Султане, о наших охотах в Бри, о Куртавнеле... Боже мой! боже мой! когда я снова увижу все эти дорогие места? Добрый вечер — я устал, сердечно пожимаю вам руки и молю бога благословить вас тысячу и тысячу раз. Будьте счастливы и пишите мне. Будьте счастливы.

Среда, 4 августа [4], 6 ч. утра.

Стоит роскошное утро — воздух золотистый, прозрачный и кристально чистый; на ивах по ту сторону реки можно рассмотреть каждый листок. Я счастлив, что в такую погоду пишу вам, думаю о вас. Да будет вся ваша жизнь такой же сияющей, и сладостной, и прекрасной, как это утро! Вот уже пять дней, как мы здесь,— за это время не случилось ничего важного: мы размещаемся, устраиваемся — мой брат чертовски суетится — со своей стороны, жена его делает всё что может — ведь мы, представьте себе, вселились в покинутый дом. Моя мать приехала вчера в свое имение — в 15 верстах (3 льё) отсюда; прибыв туда, она первым делом приказала вернуть моего егеря Афанасия, хоть он ей совершенно не нужен — она хочет лишить меня удовольствия охотиться с человеком, знакомым с местностью — это так мелочно! Вообще же я боюсь, что она появилась здесь, чтобы наделать неприятностей моему брату, который — по закону — от нее в какой-то мере всё еще зависит. Увидим. Всё это — очень грустно. На приволье, которого они до сих пор никогда не ведали, мой брат и его бедная жена оживают на глазах. Словом, надо еще надеяться, что дальше дела пойдут не так уж плохо. Боже мой! что за прекрасное солнце — что за сияющее небо! И такое тоже бывает в России — неправдоподобно — но это так. Только подумать, что свету нужна какая-то неуловимая доля секунды, чтобы попасть отсюда в Лондон... с одним из этих великолепных лучей я шлю вам наполняющую мое сердце любовь. Я уже принялся за работу; так надо — теперь, когда мне осталось жить только этим — и потом, я чувствовал в этом потребность. Накануне отъезда из Москвы я получил очень милое письмо от Гуно, со множеством мелких подробностей о вас, о «Сафо»,— но мне кажется, я вам об этом уже говорил; на днях я ему напишу. Боже мой! как был бы я счастлив, если бы человек, который отвезет это послание в Чернь, привез мне оттуда письмо от вас!.. Вот уже больше полутора месяцев,

как мы расстались — а я получил от вас всего два письма [5]. Дорогой и добрый друг, прошу вас, пишите мне; до завтра (завтра я начну новое письмо). Да благословит и хранит вас бог. Целую ваши прекрасные и дорогие руки.

Тысяча приветов Виардо, Чорли, Мануэлю, леди Монсон. Прощайте. Будьте счастливы, благословенны и здоровы.

Ваш И. Тургенев.

148. Полине Виардо (с. 43)

С французского:

Тургенево,
3/15 августа 1850.

То ли вы забыли меня, мои дорогие друзья, то ли ваши письма теряются? Вот уже скоро месяц, как я получил (в Москве) ваше последнее письмо [1], дорогая госпожа Виардо, и с тех пор — ничего, больше ничего. Я даже не получил еще ответа на письмо, в котором сообщал вам о своем приезде в Петербург [2]. Сейчас вы, вероятно, накануне отъезда из Лондона (пишу вам в Куртавнель), и я даже не знаю, пели ли вы в «Жидовке» или нет. Такое расстояние — вещь жестокая и скверная. Надеюсь, что вы здоровы, что вы имели большой успех, что вы меня не забываете... Что касается меня, то я непрестанно думаю о вас. Потому что для меня вы поистине Консуэло, мое утешение [3]. Вы знаете о моем решении относительно материнского имущества; с тех пор у нее, кажется, появились угрызения совести по поводу того, что она сделала; во всяком случае, она через моего брата кое-что мне передала, словно во всем этом тягостном деле я преследовал только собственные интересы! Легкость, с какой люди подозревают других в злобе, эгоизме, мелочности внушает мне страх за тех, кому такие мысли приходят в голову — значит, по себе они судят о других. Piensa mal y acertarás, следовательно, «pensar mal» [a] — естественно! И потом, это представление о том, что деньгами всё можно поправить, потому что всё делается ради них... Говорю вам загадками; высказаться более ясно для меня невозможно; думаю, однако, что если бы даже это было мне и позволено, то я не захотел бы открывать все эти язвы вашему столь благородному и столь чистому взору. С другой стороны, коль скоро это всё же моя мать, думаю, что в конце концов пойду на какое-нибудь соглашение, скорее, чтобы избежать скандала, чем для чего-либо другого. Слава богу, брат мой устроен окончательно и наконец свободно вздохнул. Очень тягостно найти так мало счастья в родном доме... я чуть было не сказал, в своем *гнезде* — и сказал бы неправду — мое гнездо далеко, очень далеко отсюда, там хорошо и уютно, и если богу будет угодно, я надеюсь рано или поздно туда возвратиться. Вы-то знаете, где оно находится, не правда ли?

Я здесь, однако, не совершенно одинок; мой брат такой добрый малый и обожает свою жену с такой наивной нежностью, что на это приятно смотреть. По своему характеру она немного холодна и спокойно позволяет себя обожать — но это прекрасная женщина, а хозяйка — каких нет. Благодаря ей, мы в нашей Фиваиде отлично едим; вы знаете, что это одна из моих многочисленных слабостей. Я много работаю и, кажется, довольно успешно [4]; к сожалению, моя комната слишком уж мала, и поэтому в ней чересчур жарко,—

---

[a] Думай плохое и ты верно угадаешь... «думать плохое» (*исп.*).

а у нас здесь великое множество жалящих мух, которые, право же, стоят краснощеек из Бри. Я думаю, нет, я уверен, что люблю и слепней, так как не могу не любить всего, что в той или иной степени связано с Куртавнелем. Там и застанет вас мое письмо: приветствуйте его, расцелуйте от меня, скажите, что я люблю его всей душой — его и всё, что в нем заключено. Я убежден, что Виардо вспоминает иногда о своем товарище по охоте, чья небрежность заставляла его браниться... он, со своей стороны, тоже может быть уверен, что я никогда не беру ружья в руки, не вздохнув тяжко о нем. С тех пор, что я здесь, я много раз был на охоте, но дичь решительно покинула эти края — приходится надрываться, бегать целыми днями для того только, чтоб обнаружить жалкий выводок глухарей. Не думаю также, чтоб и с дупелями дело обстояло благополучнее: уже десять дней, как у нас стоит ужасающе хорошая погода; на небе ни облака, изнуряющая жара, полная засуха — всё то, что им не очень нравится. Ну, посмотрим. Диана более чем когда-либо превосходна и неутомима. Она выследила мне глухарей в самый полдень, по такой жаре, о которой вы, французы, не имеете никакого понятия. Расплавленный свинец льется с тяжелого, темно-синего неба, по которому прогуливается нечто разъяренное, обжигающее и кусающее вас,— именуемое солнцем. А через месяц у нас, может быть, уже выпадет снег! Вот как у нас это делается.

Я должен всё же сказать, что в родном воздухе есть нечто неуловимое, трогающее вас и хватающее за сердце. Это невольное, скрытое тяготение тела к той земле, на которой оно родилось. И потом, детские воспоминания, эти люди, говорящие на вашем языке и сделанные из одного теста с вами, всё, вплоть до несовершенств окружающей вас природы, несовершенств, которые делаются вам дорогими, как недостатки любимого существа — всё вас волнует и захватывает. Хоть иной раз бывает и очень плохо — зато находишься в родной стихии. Может быть, говоря всё это, я хочу только выдать необходимость за добродетель. Тургеневские крестьяне очень довольны переменой, только что свершившейся в управлении ими; жена моего брата уже сумела завоевать любовь тем, что навещает крестьянок, лечит их детей. В первое же воскресенье после нашего приезда сюда все жители Тургенева, принарядившись, собрались перед домом брата; мы торжественно перед ними предстали (признаюсь, что моя особа чрезвычайно меня смущала — я решительно не «a public man»[6]) — и все перецеловались, по моим щекам прошлось больше трехсот бород. Мой брат обратился к ним с небольшим приветствием, велел раздать вино и пироги — представил им свою жену — и началось веселье. До самого вечера под нашими окнами пели и танцевали. Очень сожалею о том, что я не музыкант и не художник; мне так хотелось записать многие из их мелодий, очень оригинальных по складу,— или послать вам наброски с костюмов. Некоторые из женщин танцевали очень грациозно; одна из них была поистине очаровательна. Она всё время то немного приподнимала, то опускала свой передник — вы не поверите, как это было изящно. Их наряд показался мне и странным и знакомым; я ведь здесь родился, хоть и провел четыре года за границей. Вместо того, чтобы их тщательно описывать, попробую послать вам набросок с них. Если не найдется карандаша более опытного, чем мой, то я, право, возьмусь за дело сам. Мне так приятно делиться с вами

[6] общественный человек (*англ.*).

моими впечатлениями — как только я вижу что-нибудь, что меня поражает или мне нравится, то думаю о том, как бы я был счастлив сказать вам об этом. Увы! когда еще это счастье придет? Во всяком случае — не в будущем году; об этом нечего и думать, мой дорогой и добрый друг.

Сержусь на себя за то, что не веду для вас дневника; начну его с завтрашнего дня. Записывая ежедневно — верно передаешь свои жизненные впечатления, а если пишешь только время от времени, то лишь резюмируешь происшедшее и три четверти его ускользает. Я же смею надеяться, что вы интересуетесь мной достаточно для того, чтобы вам хотелось быть в курсе всех мелочей моей жизни. Через пять дней вы получите письмо, которым, ручаюсь, вы останетесь довольны. Теперь же прошу вас протянуть мне ваши руки, чтобы я мог пожать и поцеловать их со всей нежностью моего чувства. Да благословит вас бог, дорогое, доброе и благородное создание! Тысяча приветов Виардо, Гуно, которому я только что написал длинное письмо, леди Монсон (если она в Куртавнеле). м-ль Берте, г-же Гуно, г-ну и г-же Сичес, словом, всем. Г-жу Гарсиа я называю на закуску. Крепко поцелуйте ее за меня и радуйтесь тому, что вы все вместе, счастливые и веселые. Еще бы вы не были счастливы — вы слушаете «Сафо»! о ней вы мне сообщите, не правда ли? Прощайте, прощайте. Люблю вас и остаюсь навсегда ваш И. Тургенев.

NB. Свои письма я посылаю вам через контору Языкова; со времени моего приезда в Россию я писал вам 10 раз: 4 раза из Петербурга, 4 раза из Москвы и два раза отсюда.

149. Полине Виардо (с. 46)

С французского

Тургенево,
Понедельник, 9 сентября / 28 августа 1850.

Добрый день, дорогой, добрый, благородный, прекрасный друг, добрый день, о вы, лучше которой в мире нет ничего! Дайте мне ваши руки, чтоб я их расцеловал. Это мне очень поможет и приведет меня в хорошее настроение. Ну вот, так и сделано. Я употребил на это по меньшей мере пять минут. Теперь будем беседовать.

Итак, я должен вам сказать, что вы ангел доброты и что ваши письма сделали меня счастливейшим из людей [1]. Если б вы знали, что значит дружеская рука, которая издалека вас отыскивает, чтобы столь нежно вас коснуться! Чувство благодарности за это доходит до поклонения. Да благословит вас бог тысячу раз! Я неустанно прошу его хранить вашу жизнь — не на словах,— каждое мгновение я чувствую, как душа моя стремится к нему ради вас. Я так нуждаюсь сейчас в душевной привязанности, я здесь так одинок. И я не сумел бы вам сказать, как люблю тех, кого люблю... и кто ко мне расположен.

Четверг.

Я был вынужден прервать это письмо три дня тому назад и спешу вернуться к вам, как только могу это сделать. Семейные дела, или, вернее, семейные неурядицы, были тому причиной. Я начинаю думать, что всё это приближается к концу; а потому и не скажу вам больше ничего до тех пор, пока не смогу сообщить результат, хорош он будет или плох.

Я не уеду отсюда, пока мой брат не будет в хотя бы сносном положении. В то же время я совершил маленькое путешествие за 30 верст отсюда; я поехал повидать одну мою «прежнюю любовь», которая была именинницей [2]. Прежняя любовь чертовски изменилась и постарела (она вышла замуж и теперь уже мать троих детей). Ее супруг весьма угрюмый и крайне мелочный господин. Я прощаю моей прежней любви ее супруга, ее троих детей и даже красный цвет ее лица. Но чего я ей не прощаю, так это того, что она сделалась незначительной, сонной и пошлой; особенно же того, что она прицепила себе фальшивый хвост из *черных* волос, между тем как свои волосы у нее русые, почти белокурые, и притом сделала это до такой степени небрежно, что виден был узел, величиной с целый кулак, а концы его, один черный, другой белокурый, грациозно ниспадали справа и слева. Она села за фортепьяно, но злосчастный инструмент звучал фальшиво до ужаса, звучал с той слащавой фальшивостью, которая хуже всего, а она этого не замечала и играла страшно устаревшие музыкальные пьесы, и играла их весьма плохо... Увы! трижды увы! Пламя прежней любви в настоящее время даже не дым: немножко остывшей золы, вот и всё. Вот что с нами делается!

Я провел ночь в ее доме. Перед тем как лечь спать, я перечел ваши письма, которые я всегда ношу с собой; очень вам признателен за то, что вы пишете мне такие хорошие письма! Если бы вы знали, как это приятно и сладостно — письмо от вас! Что за прелестный, тонкий и верный ум, какое большое и благородное сердце раскрываются в каждой строчке! Для меня удовольствие говорить вам это, а вы читайте же с удовольствием, потому что то, что я вам говорю, совершенная правда, можете мне верить.

Относительно маленькой Полины, вы уже знаете, что я решил следовать вашим *приказаниям* и думаю лишь о средствах исполнить это быстро и хорошо. Кстати, помните, что настоящее имя м-ль Бартеневой, которую звали Полиной, было Пелагея. Из Москвы и Петербурга я изо дня в день буду писать вам, что буду делать для нее. Это долг, который я исполняю, и я счастлив исполнять его, раз вы этим интересуетесь. *Si Dios quiere* [a], она будет скоро в Париже [3].

Вы — мой добрый ангел. Слово *добрый ангел* заставляет меня думать о романсе из «Черного домино» [4], и вот я вижу вас идущей по траве в Куртавнеле с гитарой в руках и показывающей «прекрасную Инесу» [5] м-ль Антонии, и моя память тотчас же рисует мне небо, тамошние деревья, ваше платье с коричневым рисунком, вашу серую шляпу. Мне кажется, что я чувствую на своем лице дыхание легкого осеннего ветерка, который шептался в яблонях над нашими головами. Где оно, это прелестное время?.. Лучше поговорим о другом.

Весьма вероятно, что у меня сложилось бы о г-же Паста мнение, которое вы предполагаете, если бы я слышал ее в Петербурге в начале моего музыкального образования, но я не имел этого счастья [6]. Я ее и не видал и не слыхал, но теперь я точно знаю, что́ должен о ней думать. Вы меня спрашиваете, в чем заключается «Прекрасное». Если, вопреки разрушительному действию времени, уничтожающему форму, в которой оно выражается, оно по-прежнему существует... ведь Прекрасное — единственная бессмертная вещь, и пока продолжает еще существовать хоть малейший остаток его материаль-

---

[a] Если богу будет угодно (*исп.*).

ного проявления, бессмертие его сохраняется. Прекрасное разлито повсюду, оно торжествует даже над смертью. Но нигде оно не сияет с такой силой, как в душе, в человеческом существе; здесь оно более всего говорит уму, а потому, что касается меня, то я всегда предпочту несовершенный голос, способный выразить великую музыкальную силу, голосу красивому, но глупому, такому голосу, красота которого только материальна [7]. С каким нетерпением ожидаю я вашего отзыва о 2-м акте «Сафо»! Если Гуно не *великая* музыкальная *сила*, если в нем нет гения, то я отказываюсь от всякого суждения о людях и дарованиях [8]. Я не могу не завидовать вам; думайте обо мне, когда эта прекрасная музыка растрогает вашу душу, думайте обо мне, если можете. Музыка Гуно заставляет меня думать, что «Жидовка», особенно музыка, выпавшая на долю Рахили, не то что малозначительна, но находится лишь рядом с правдой и истинной красотой [9]. Вы имели большой успех, и тем не менее я уверен, что эта тяжелая и натянутая декламация должна была оставить у вас в душе большое утомление и большую пустоту. Можно сколько угодно говорить об учености, национальном колорите и т. д., божественной искры там нет. Это не бессмертно, как должна быть бессмертна всякая истинная красота, о нет! Вот «Долина» бессмертна [10].

Помните ли вы маленькую, весьма необычную пятилетнюю девочку, о которой я вам говорил в одном из моих писем? Я снова ее видел и продолжаю находить этого ребенка весьма странным маленьким существом. Представьте себе самое миловидное личико; черты лица невероятной тонкости, прелестную улыбку и глаза, каких я никогда не видывал, глаза взрослой женщины, то кроткие и ласкающие, то острые и наблюдательные, физиономию, ежеминутно меняющую выражение, и каждое выражение которой изумительно своей правдивостью и своеобразием. Она обладает здравым смыслом, удивительной правильностью ощущений и чувств; она много размышляет и никогда не хитрит; поразительно, с какой инстинктивной прямотой ее маленький мозг движется к истине. Она верно судит обо всем, что ее окружает, начиная с моей матери, и вместе с тем это ребенок, *настоящий* ребенок. Бывают минуты, когда ее взор принимает мечтательное и грустное выражение, от которого у вас сжимается сердце. Но в общем она весьма жизнерадостна и весьма спокойна. Она меня очень любит и порою смотрит на меня такими кроткими и нежными глазами, что я прихожу в умиление.

Ее зовут Анной; она побочная дочь моего дяди, брата моего отца, и одной крестьянки [11]. Моя мать взяла ее к себе и обращается с ней, как с куклой. Я обещал себе заняться со временем ее воспитанием. У меня будет целая семья на руках! Когда ей говорят что-нибудь, что ее поражает, она принимает важный вид и делает движения бровями, приводящие меня в восторг. Она как будто подвергает своему детскому разбору то, что слышит, а затем дает вам на редкость удачные ответы. Я расскажу вам об одной ее черточке. Это было еще в Москве. Она пробыла около часа в моей комнате; моя мать наказала ее за это, не подумав о том, что я сам увел ее, и в то же время запретила ей говорить мне, за что она наказана. Я вхожу в кабинет матери, вижу, что малютка стоит в углу очень грустная и безмолвная; спрашиваю о причине этого; мать рассказывает мне целую историю о непослушании и своеволии; я этому верю, подхожу к ней и говорю ей несколько укоризненных слов. Она отворачивает головку, ни слова не говоря. Я ухожу из дома и возвращаюсь лишь очень поздно. На другой день, ранним

утром, малышка приходит ко мне в комнату, спокойно садится на мой стул, некоторое время молча смотрит на меня и внезапно обращается ко мне с таким вопросом:

— Вы вчера поверили тому, что вам сказала обо мне маменька?

— Да.

— Ну, так вы были неправы, вот за что я была наказана... Я обещала этого вам не говорить, и *я бы вам не сказала, если бы вы не поверили* маменьке.

— Ты плакала, когда была наказана?

Она гордо подняла свою головку и, прищурив глазки, проговорила: «О! нет». Потом, после минутного молчания или размышления, что у нее одно и то же, она прибавила:— Но я плакала, когда вы подошли ко мне в кабинете.

— А! так ты потому отвернула головку?

— Это вы заметили, а того, что я плакала, вы не видели?

— Должен признаться, нет.

Она глубоко вздохнула, поцеловала меня и ушла.

Клянусь вам, я ни слова не прибавил к тому, что она сказала, но если бы вы видели ее личико во время всего этого объяснения! На нем читалась вся работа ее мысли, борьба ее чувств. Она — белокурая и очень беленькая; глаза у нее серо-синие, отливающие в черное; зубки у нее настоящие маленькие жемчужинки. Она очень любящее и очень чувствительное существо; наряду с этим у нее плохая память или же вовсе ее нет, так что она едва знает азбуку. Уверяю вас, это очень странное маленькое создание, и я с интересом ее изучаю. Ей еще нет пяти лет.

Суббота, 2/14 сентября.

Сегодня у нас почтовый день, дорогой и добрый друг; следовательно, я отошлю вам это письмо, хотя оно, невзирая на мое обещание, нисколько не похоже на целый *том*. Но ведь вы — сама снисходительность, и я пошлю вам другое письмо в будущий вторник, тем более что рассчитываю сообщить вам несколько хороших новостей. Здесь очень дурная погода, надеюсь, что у вас в Куртавнеле, напротив, прекрасная: дождя нет, но небо серое и холодное, ветер *idem*[б], а в промежутках между порывами ветра слышится пронзительное чириканье синиц на березах; появление синиц, подобно отлету журавлей и диких гусей, предвещает холод. Кстати о журавлях, мы каждый день видим, как они правильными стаями медленно движутся к югу. Вы помните стихи из «Фауста»:

Wenn über Flächen, über Senn
Der Kranich nach der Heimat strebt.[в,12]

Употребление слова *streben*[г] весьма удачно, попробуйте-ка перевести его на французский!.. Ach ja — man strebt nach der Heimath — meine Heimath ist nicht hier[д].

[б] такой же (*лат.*).

[в] Когда через равнины, через моря/Журавль стремится на родину (*нем.*).

[г] стремиться (*нем.*).

[д] К сожалению, да — на родину стремишься — моя родина не здесь (*нем.*).

Я не знаю ничего торжественнее журавлиного крика, который словно падает вам на голову с облаков. Этот крик раскатист, звучен, могуч и очень меланхоличен. Он словно говорит вам: «Прощайте, жалкие людишки, не способные передвигаться с места на место; мы летим на юг, туда, где теперь будет хорошо и тепло. Вы же оставайтесь среди снегов и невзгод!..» Терпение!

Я вам отправляю это письмо прямо отсюда; до сих пор я вам отсылал их через контору Языкова. Не знаю, исправно ли вы их получаете. Попробую. Нарочный ждет под окном. Это конюх моего брата, очень красивый парень, он весьма доволен, что исполняет это поручение, которое всегда приносит ему кое-что,— ступай, паренек, неси это письмо! А вы, дорогие мои друзья, будьте вполне уверены, что в тот день, когда я перестану нежно и глубоко любить вас, я перестану и существовать. Да благословит вас всех господь и да ниспошлет он вам счастье. С благоговением целую ваши руки. Будьте счастливы, благословенны и здоровы! Прощайте.

Ваш старый друг
И. Тургенев.

P. S. Прилагаю листок березы, под которой я часто думал о вас. Это по-прежнему самое любимое мое дерево.

150. Луи и Полине Виардо (с. 51)

С французского

Тургенево.
18/30 сентября 1850.

№ 1

Я только что получил ваше коллективное письмо из Куртавнеля [1], дорогие друзья мои, и начинаю с того, что прошу разрешения вас всех расцеловать. Давно уже я не бывал так живо тронут — право, вы слишком добры, все, сколько вас ни есть, и вы балуете меня, говоря мне столько милых вещей. Будьте уверены, что на вашу любовь я отвечаю обожанием и часто с волнением думаю о стольких добрых и благородных сердцах, которые оставил вдали. Спасибо за всё, что вы мне говорите, спасибо за каждое ваше письмецо, спасибо за ваши цветы, спасибо за всё! Обнимаю вас всех и прижимаю к своему сердцу! Да благословит вас бог тысячу раз! Я так рад был узнать, что вы собрались все вместе в общем гнезде, и стараюсь утешить себя в разлуке тем, что мысленно присоединяюсь к вашему счастью. Я вас очень люблю — и всё тут!

Итак, вы наконец слышали «Сафо» [2], дорогая и добрая госпожа Виардо! Мне доставило живейшее удовольствие то, что вы говорите об этом произведении,— значит, наш друг настоящий, большой художник. Тысячу благодарностей за подробности — мое воображение принялось работать над ними. Не можете ли вы прислать мне ноты к фразе: «Отнеси тело верной возлюбленной», клянусь вам, что буду петь ее лишь сам себе. О, счастливая женщина, я завидую вам — впрочем, нет: зависть — дурное чувство — я бы хотел только разделить с вами наслаждение. А милый Шарль еще извиняется, что не пишет мне чаще, тогда как настоящий лентяй — это я... Скажите ему, что я очень люблю его и часто вспоминаю; чуть не каждую неделю вижу его во сне — это у меня много значит. Жду с нетерпением первого представления. Вот роль, над которой вы будете работать с любовью! Я чувствую, как вы *создаете* ее, днем и ночью, и тогда, когда вы разговариваете, и тогда, когда вы

чем-либо заняты, и тогда, когда вы что-то слушаете — я видывал вас поглощенной подобным творчеством. Пусть ваша счастливая звезда ниспошлет вам высокое вдохновенье, пусть священный огонь вспыхнет в нужный момент! Надо, чтобы это было чем-то большим, нежели триумф — надо, чтобы это стало откровением и чтобы эта новая музыка явилась и стала известна миру благодаря смелому гению, которому сопутствует удача. Желаю вам всего этого; у меня есть предчувствие. что мои пожелания сбудутся. Не правда ли, вы будете сообщать мне о ходе вашей повседневной работы? Помните, что в этом — все мои музыкальные наслаждения и что в музыке всё то, что не *Гуно*, для меня сейчас совершенно безразлично.

Уже скоро месяц — да что я говорю! больше месяца, как вы живете в Куртавнеле — дней через десять вы покинете его — мы вернемся в город одновременно. Сейчас на моих часах восемь — у вас немногим больше шести — сегодня воскресенье. Что вы делаете в эту минуту? Я вижу вас всех за столом — вас много, вам весело, вы оживленно болтаете... Быть может, вы вспоминаете обо мне — даже произносите моя имя. Хорошо у вас. А я сижу один в моей маленькой комнатке и пишу вам это письмецо; на дворе очень холодно; брат с женой отправились в Мценск по делам; мать уехала сегодня в Москву. Я был на охоте сегодня утром; убил трех бекасов и одного глухаря... (кстати, я очень сожалею, что Сид обманул надежды Виардо, но видите ли: есть только одна единственная собака на свете, и это — Диана). Голова моя полна «Записками» г-жи Ролан [3], которые я перечитывал в постели прошлую ночь,— и я думаю о ней, о Куртавнеле, о вас в особенности — о Сафо, напевая: «Благодарю, о Венера-покровительница!» Я думаю также о маленькой Полине, о ее путешествии, а затем и о множестве других вещей. На сердце у меня тяжело. Воспоминания теснятся толпою, многочисленные, ясные — но мимолетные; я не могу остановиться ни на одном из них... «Guarda e passa» [а,4]. Время от времени встаю с места; хотелось бы «проехаться в Куртавнель», как вы это делали в Берлине, но не хватает решимости. Это так далеко, а [б] время моего возвращения так неопределенно... Ну, что ж, приходится терпеть; поговорим о другом.

Если у вас найдется лишнее время, прочтите «Записки» г-жи Ролан. Не пугайтесь ее фразеологии в духе Руссо (не литературного таланта, не стиля следует искать у нее — она не претендует на них, хотя у нее и попадаются прелестные страницы), но оцените высокую душу и сильный характер, слитые с великой эпохой и ее борьбой, мужественно и достойно пронесенные до конца своего пути. Последнее письмо ее к Робеспьеру (неотправленное) — настоящий шедевр [5]. Кажется, я вам говорил уже об этом. В нем чувствуется такая энергия, такое спокойное презрение к смерти, такой неистребимый, но без напыщенности, энтузиазм, которыми не устаешь восторгаться.

За исключением этих записок, я мало что прочитал за два месяца, проведенные в деревне. Немного было у меня времени и для работы, хотя работать я очень хотел. Приехав в Петербург и устроившись на всю зиму в какой-нибудь маленькой комнатке, я усердно примусь за дело. Намереваюсь мало где бывать; думаю

[а] «Взгляни и пройди мимо» (*итал.*).

[б] *Далее зачеркнуто*: момент

даже, что едва ли часто буду ходить слушать итальянцев. Они бы только разбудили во мне воспоминания — да и к тому же, повторяю, музыка Гуно всецело завладела мною.

Вы заметили, что я поставил номер на этом письме. Хочу делать это и дальше [6].

Скажите мамаше Гарсиа, что мне физически невозможно было заехать повидать ее в Брюсселе [7]; я располагал всего часом времени... Передайте ей вместе с тем, что я искренно к ней привязан и надеюсь, что она чувствует некоторую симпатию ко мне, что я с сыновним уважением целую ее руки. Боюсь, что мой испанский язык уйдет от меня мало-помалу; впрочем, ее письмо я совершенно понял. А испанский marinero [в] [8] — почему не написал он мне ни словечка? Я также очень люблю его, и его жену — и всех — всех.

Вспоминаю, что в одном из своих писем вы спрашивали меня, что представляет собою воспитанница моей матери [9], порядочную особу или интриганку? Она ни то, ни другое — она не глупа, не зла, но бессодержательна и избалована; манеры отвратительные: нечто вроде жеманной гризетки, ленивой и вульгарной. Она только и мечтает поскорее выйти замуж. Пошли ей бог эту удачу, и пусть она будет счастлива по-своему! Моя мать очень охладела к ней; однако мне кажется, что она, как говорится, устроила ее судьбу — тем лучше!

Хотите ли вы знать имя моей *прежней* любви, о которой я вам рассказывал три недели назад? — Ее зовут Лизой Шеншиной. Смешное имя, не правда ли? вроде Философова [10]. Говорю вам это, чтобы не было на свете ничего такого, чего бы вы не знали обо мне. И раз мы коснулись такой темы, я расскажу вам в двух словах о моей *истории* с матерью девочки [11]. Я был молод... это было девять лет назад — я скучал в деревне и обратил внимание на довольно хорошенькую швею, нанятую моей матерью — я ей шепнул два слова — она пришла ко мне — я дал ей денег — а затем уехал — вот и всё — как в сказке о волке. Впоследствии эта женщина жила как могла — остальное вы знаете. Всё, что я могу сделать для нее — это улучшить ее материальное положение — это мой долг, и я буду исполнять его — но даже увидеться с ней для меня было бы невозможно. Вы — ангел во всем, что говорите и думаете — но — повторяю: я могу только избавить ее от нужды. И я буду это делать. Что касается девочки, то надо, чтобы она совершенно забыла свою мать, но мы еще поговорим с вами обо всем этом. Боже мой! как вы добры! и какое доставляет облегчение исповедоваться вам! Дайте мне, прошу вас, ваши дорогие, благородные руки, чтобы я мог с благоговением их поцеловать.

Я начал свое письмо с того, что обнял всех вас; окончу его тем же. Придите ко мне все, милые, добрые друзья мои, чтобы я обнял вас изо всех сил. Госпожа Гуно, вы были очень добры, написав мне [12], — низко кланяюсь вам в знак моей признательности. Прощайте, дорогие, добрые мои; будьте счастливы и благословенны.

А что касается вас, милостивая государыня, то пусть всё, что есть на свете хорошего, будет вашим. Нежно целую ваши руки и остаюсь ваш

И. Т.

[в] моряк (*исп.*).

Tausend Dank für die lieben Nägel; ich schicke etwas von meinem Haar. Ich *bitte* um ein Blumenblatt, unter dem Fusse getragen.— Ich küsse die lieben theueren Füsse [г].

P. S. Адресую вам это письмо на улицу Дуэ; несколько дней назад я послал другое па имя В⟨иардо⟩ [13].

151. Полине Виардо (с. 56)

С французского:

№ 3 Тургенево.

Вторник, 26 сентября ст. ст. / 8 октября н. ст. 1850.

Дорогая и добрая госпожа Виардо,

Пишу вам второпях несколько слов, чтобы сообщить о своем завтрашнем отъезде (сегодня у нас почтовый день). Послезавтра, если всё будет благополучно, думаю быть в Москве — или, в крайнем случае, в пятницу. Я получил ваше второе письмо из Куртавнеля (с письмом Гуно), в ответ на которое я должен многое сказать. Сделаю это в Москве. Вы, вероятно, заметили по последовательности моих писем, что я получил все ваши, включая № 10, за исключением № 5, которое, к сожалению, пропало [1]. Я не ездил в Любовшу [2], хотя мне очень хотелось. Я был вынужден оставаться здесь, чтобы окончательно устроить дела моего брата, и только *вчера* с этим разделался. Слава богу, теперь он вполне независим и спокоен; я уступил ему свою половину Тургенева, и теперь он владелец небольшого прелестного имения, которое в удачный год может приносить ему до 20-ти тысяч франков. Временно я поручил ему управление Любовшей; зимой работы не бог весть сколько: недели через две поля уже оденутся в снежный саван; я послал тамошним крестьянам денег, чтобы они могли в течение целого дня пить за *свое* и за мое здоровье. Думаю поехать туда в мае будущего года — и пробыть там с месяц. Зиму же я целиком проведу в Петербурге, где буду через неделю, так как в Москве предполагаю остановиться только на два дня. Надо торопиться; последний пароход в Гавр отправляется 20-го октября *по старому стилю* [3]. Я проведу зиму в Петербурге, весну и лето в деревне и буду очень счастлив, если... ничего, ничего, молчание — как говорит гоголевский *сумасшедший* [4].

А теперь — прощайте до Москвы. Я покидаю деревню, где пробыл два месяца, так часто думая о вас. Вы знаете, что где бы я ни был, нет сердца более преданного вам, чем мое. Спасибо за все ваши дорогие, добрые, очаровательные письма — они мне очень, очень помогли; спасибо за все ваши добрые дела, за всё... С глубокой нежностью и почтением целую ваши руки, опускаюсь для этого на колени. Доброго Виардо целую в обе щеки, целую Шарля, целую всех. Да благословит всех вас бог!

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Мне надо вам на многое ответить. Сделаю это в Москве. Я рад, что Сид оказался хорош. Что касается Дианы, то она великолепна! Она едет со мной. Вчера у меня была самая удачная охота за весь год. Я убил 24 бекаса и 2-х зайцев!!

[г] Тысяча благодарностей за милые ногти; взамен посылаю вам свои волосы. Прошу вас прислать мне лепесток из-под вашей ноги. Целую милые, дорогие ноги (*нем.*).

152. Полине Виардо (с. 57)

С французского:

Воскресенье, 8 ноября[a] / 20 ноября 1850.
С.-Петербург.

Вот уже третий день как я в Петербурге, дорогая и добрая госпожа Виардо; на две недели ближе к вам. За 48 часов, которые я провел в Москве, у меня было столько дел, что написать вам хоть одно слово оказалось невозможным, и пришлось отложить это удовольствие до приезда сюда. Трудно сказать вам, как я был счастлив найти здесь второе большое письмо из Куртавнеля [1]; все вы ангелы, которых я нежно обнимаю. Мне надо вам столько сказать, а времени у меня так мало, что я немедленно перехожу к самому спешному — я взял с собой малышку и теперь выбиваюсь из сил, чтобы отправить ее самым надежным способом. Побегав и туда и сюда, я откопал, наконец, некую г-жу *Робер*, француженку, которая возвращается в Париж и соглашается взять на себя заботу о ней — но она, к несчастью, уезжает в будущую *субботу* пароходом в Штеттин — и я едва смею надеяться на то, что смогу окончить здесь все необходимые приготовления, выполнить все формальности. Однако если я не отправлю ее сейчас, то — давайте договоримся — она уедет на пять дней позже пароходом, идущим на Гавр, *если* только на такое путешествие согласятся [2]. В любом случае, на это письмо смотрите как на извещение о приезде этой г-жи Робер с малышкой. Эта дама не собирается делать остановок в пути — и будет в Париже через две недели. Я вручу ей письмо для вас, где сообщу о наших с ней условиях [3]. Вы будете так добры одолжить мне 2—3 сотни франков до Нового года — не правда ли? Сейчас у меня не слишком много денег. Перейдем теперь к характеру малышки. Об этом я поговорил бы с вами и не ожидая ваших вопросов. Но от всего сердца благодарю вас за вашу заботливость. Три дня я провел с ней в дилижансе с глазу на глаз — и вот что мне, кажется, удалось подметить: она необычайно смышлена, с твердым и уже сложившимся характером, в ней много лукавства и наблюдательности; боюсь только, что ей недостает сердечности. Я думал найти робкую и дурно воспитанную маленькую дикарку — а нашел спокойное и почти дерзкое существо, выросшее среди старух, баловавших ее не как собственного ребенка, а как некое создание низшего порядка, которым хотят позабавиться.— Она уже умеет нравиться — втираться в доверие; при своей замечательной смышлености, она очень скоро поняла и оценила свое положение; вы представляете себе все эти удобные и почти необходимые недостатки, которые она спокойно усвоила и которые развились в ее маленьком эгоистичном мозгу. Дай бог, чтобы новая жизнь, в которую ей предстоит окунуться,— *с ее условиями, столь отличными* от прежних,— оказалась бы возродившей ее купелью! Но не следовало бы ее баловать — это так легко сделать! Я открыл в ней настоящую страсть к музыке — это всегда хорошая гарантия многих хороших вещей. Но никогда еще так глубоко, как сейчас, не чувствовал я, как преступно сходиться с женщиной, тебе чуждой. Все эти дурные и неведомые свойства вдруг перемешиваются с иными... Словом, надо постараться искоренить зло, пока еще не поздно. Если чье-либо воспитание было когда-нибудь начато плохо — так

---

[a] *Так в подлиннике.*

это, конечно, воспитание этого бедного маленького существа; она видела только зло, и ее разум развился в ущерб ее сердцу. Я содрогнулся, услышав однажды, как она весьма хладнокровно сказала, что «ни к кому не чувствует жалости — потому что и ее никто не жалел».— «Ну, а если бы ты увидела, как кто-то страдает?» — «Ну и что же? Я жалею только себя». И потом добавила тоном, очень странным для 8-летней девочки: «Я мала́, но повидала свет, я всё знаю — я всё видела». Так что, признаюсь вам, я не думаю, чтобы ей можно было (без предварительного испытания) общаться с вашей Луизой; повторяю — это маленькое создание надо спасти — и я очень рассчитываю на тот полный переворот, что ей придется пережить. Там она, по крайней мере, перестанет дышать воздухом передней, в котором до сих пор жила... И, может быть, когда она увидит доброе отношение к себе, то ее смышленость, еще раз повторяю, *более* чем замечательная, подскажет ей, что надо быть тоже доброй, и ее иссушенное и сжавшееся в комок сердце воспрянет и разовьется именно в силу того, что до сих пор его сковывало — в силу ее ума.

Я распоряжусь изготовить ей скромное дорожное платье; в остальном уповаю на вас и добрую и дорогую г-жу Гарсиа. Кстати, г-жа Гарсиа весьма несправедлива, когда пишет мне, что я никогда не вспоминаю о ней в письмах к вам; не думаю, чтоб я послал вам хоть одно письмо, не передав ей привета. Однако *ей* лично я *должен* письмо на испанском языке — и на этой неделе надеюсь погасить этот долг. Буду снова писать вам в четверг. Малышка уезжает в субботу, si Dios quiere[б]. Что касается ее фамилии, то я, право, не знаю, какую выбрать: надо что-то простое и французское. Дюмон, Дюран. Найдите что-нибудь и дайте ей — будьте ее крестной матерью во всем. Я, кажется, сообщил вам ее возраст; она родилась 13 мая 1842[4]. Паспорт у нее будет русский, на имя Пелагеи Ивановой. Не буду говорить вам о моей *благодарности*: для нас с вами это слово не имеет значения; но вы знаете, что можете рассчитывать на мою полную, совершенную, вечную преданность, вы знаете, что можете потребовать у меня мою жизнь, и я буду счастлив вам ее отдать. Говорю вам так и знаю, что вы этому верите...

Приходится кончать письмо, не дойдя до низу 4-й страницы; отправляюсь к генерал-губернатору по паспортному делу. Я напишу вам еще раз в четверг и, если богу будет угодно — длинное письмо: поговорю с вами о «Сафо» и тех изменениях, которые, признаюсь, не слишком меня *убеждают*. А пока тысячу раз всех вас благословляю и благодарю. Я нанял две комнаты в 3-м этаже на Невском проспекте, у Аничкова моста, в доме Лопатина[5], над конторой Языкова. Продолжайте писать мне по прежнему адресу[6] — ваши письма исправно до меня доходят. Я собираюсь работать не покладая рук. Прощайте — до четверга; обнимаю вас всех, Виардо, м-ль Берту, Гуно, г-жу Гуно, г-жу Гарсиа, г-на и г-жу Сичес — как только я буду немного свободнее, напишу каждому в отдельности. Что же касается вас, то я падаю к вашим ногам и целую край вашего платья. Будьте счастливы и благословенны — до четверга.

Ваш

И. Т.

[б] если богу угодно (*исп.*).

154. Полине Виардо (с. 61)

С французского:

С.-Петербург.
Суббота, $\frac{\text{21 октября}}{\text{2 ноября}}$ 1850.

В последние дни я так занят, дорогая и добрая госпожа Виардо, что в моем распоряжении всего лишь несколько мгновений; я обещал редакторам «Современника» вручить то, над чем я сейчас работаю,— и должен сдержать слово [1]. Тем не менее, мне хочется сегодня пожать вам руку и сказать, что и сегодня, как всегда, вся моя жизнь принадлежит вам. Вы здоровы — не правда ли? Вы счастливы, веселы и довольны — да благословит вас небо тысячу раз!

Малышка уезжает послезавтра [2]. Все в порядке — г-же Робер уже заплачено вперед.

Во вторник я был у графа Михаила Виельгорского. Видел там графа Матвея, который едва протянул мне кончики пальцев — и едва осведомился о вас. С него, по-видимому, этого уже достаточно. Граф Михаил очарователен. Я встретил там также Степана Гедеонова, который совсем не изменился. Наш разговор длился лишь мгновение. Решительно — мы не симпатизируем друг другу. Вообще говоря, граф Михаил — личность ярко и щедро одаренная, которая могла бы сделаться совсем не тем, чем стала. Он очень учен, но не видно, чтобы придавал этому особое значение. Вот одно из его словечек: во вторник при нем говорили о великом множестве замечательно талантливых русских людей, умерших от пьянства — сожалели об их печальной участи,— граф Михаил поднимается и убежденно восклицает: «Ну что ж, господа, это прекрасная смерть!» Не правда ли, как это на него похоже?

Вторник.

У меня ужасно болит спина и ухудшилось зрение, потому что все эти дни я слишком много писал, мой дорогой и добрый друг, я едва могу сказать вам пару слов, но моя работа, слава богу, окончена и *отдана* по назначению. Это не письмо, а записка, набросанная второпях, чтобы сообщить вам о том, что маленькая Полина уехала вчера в 6 ч. вечера с г-жой Робер и ее дочерью. Я ее проводил. Расставаясь, она много плакала. Г-же Робер я передал письмо для вас [3], в котором прошу вас вручить ей 50 франков в качестве вознаграждения. Думаю, что этого достаточно, ведь я дал ей 400 франков на дорогу, а она не истратит из них и двух третей. У малышки почти нет платьев; однако благодаря заботам доброй г-жи Тютчевой она очень тепло одета. Я рассчитываю на вас. Вы любезно одолжите мне средства, нужные для начала, 500 франков я вышлю вам до Нового года. В следующем письме, то есть в субботу, я поговорю с вами о ее характере и т. д.— сейчас у меня нет на это времени. Поскольку почта движется скорее, чем путешествующие, то вы получите это письмо за два или три дня до приезда малышки в Париж. В субботу я пошлю вам послание на 6 страницах. Мне надо вам многое сказать. Сейчас у меня и у малышки есть только время упасть к вашим ногам — и горячо и нежно их облобызать. Бог да благословит вас тысячу раз, дорогой, дорогой друг, вас и всех ваших. До субботы.

Ваш
И. Тургенев.

155. Полине Виардо (с. 62)

С французского:

С.-Петербург.
Понедельник, 23 октября ст. ст. 1850.

Вот вам, дорогая госпожа Виардо, маленькая Полина [1]. Записку эту вам передаст г-жа Робер, которая любезно взяла на себя заботу о девочке. Я вручил ей 400 франков (100 руб. сер.) на путевые расходы и прошу вас дать ей от моего имени еще 50 в знак благодарности. Вы будете так добры сообщить мне об ее приезде. От глубины души заранее благодарю вас за доброе отношение к малышке; могу только снова повторить уверение в моей полной и совершенной преданности вам. Напишу вам завтра: это только записочка, которую я вручаю г-же Робер. Будьте счастливы; и да благословит небо каждое мгновение вашей жизни.

Ваш
И. Тургенев.

156. Полине Виардо (с. 63)

С французского:

Четверг, 26 октября / 7 ноября 1850.
С.-Петербург.

Моя дорогая и добрая госпожа Виардо, theuerste, liebste, beste Frau [a], как вы поживаете? Дебютировали ли вы уже? Часто ли думаете обо мне? Нет дня, чтобы ваш милый образ не возникал предо мной сотни раз; нет ночи, чтобы я не видел вас во сне. Теперь, в разлуке, я чувствую больше чем когда-либо силу уз, скрепляющих меня с вами и с вашей семьей; я счастлив тем, что пользуюсь вашим расположением, и грустен оттого, что я так далеко от вас! Прошу небо ниспослать мне терпение и не слишком отдалять тот тысячу раз благословляемый заранее момент, когда я вас снова увижу.

Работа моя для «Современника» окончена и удалась лучше, чем я ожидал. Это еще один рассказ в добавление к «Запискам охотника», где я изображаю, слегка его приукрасив, состязание двух певцов, на котором я присутствовал два месяца тому назад [1]. Детство всех народов сходно, и мои певцы напомнили мне Гомера. Потом я перестал думать об этом, так как иначе перо выпало бы у меня из рук. Состязание происходило в кабачке, и там было много своеобразных личностей, которые я пытался нарисовать в духе Тенирса... Чёрт побери! какие громкие имена я привожу каждую минуту! Дело, видите ли, в том, что нам, мелким грошовым литераторам, чтобы помочь нам двигаться, необходимы костыли. Одним словом, мой рассказ понравился — и слава богу! — Кстати, я разыскиваю музыканта, который бы мне положил на ноты голошенье, и, как только это будет сделано, я пошлю его *вам*.

Суббота, 28 октября.

Сегодня — день моего рождения, и вы легко поймете, что я не мог пропустить его, не протянув вам обе руки. Сегодня я вступаю в 32-й год [2]... Старею! Сегодня ровно семь лет, как я в первый раз встретил вашего мужа у майора Комарова [3] — помните ли вы это смешное существо? В будущий вторник исполнится 7 лет с тех пор,

---

[a] самая дорогая, самая любимая, лучшая из женщин (*нем.*).

как я в первый раз был у вас [4]. И вот, мы остались друзьями и, кажется, хорошими друзьями. И мне радостно сказать вам по истечении 7 лет, что я ничего не видел на свете лучше вас, что встретить вас на своем пути было величайшим счастьем моей жизни, что моя преданность, благодарность и привязанность к вам не имеют границ и умрут только вместе со мною. Да благословит вас бог тысячу раз! Прошу его об этом на коленях и молитвенно сложив руки. Вы — всё, что есть самого лучшего, благородного и милого мне на земле.

Сегодня вечером большое собрание друзей у Тютчева для празднования моего и его дня рождения: мы родились в один и тот же день. Это милейший человек, и я люблю его всем сердцем, равно как и его жену. Кстати, вы не забудете справиться, возможно ли устроить то, о чем я просил для них? [5]

Маленькая Полина, должно быть, находится в данный момент на пути из Варшавы в Берлин [6]. Надеюсь, что она приедет здоровой. О ее характере мне мало остается прибавить к тому, что я уже сказал: думаю только, что она более восприимчива, чем я считал раньше; за две недели своего пребывания у Тютчевых она, по-видимому, сильно изменилась к лучшему. Пока я не чувствую к ней большой нежности; может быть, это придет позднее. Но я твердо решил с этого времени делать для нее всё, что будет от меня зависеть.

Мне надо внести поправку в то, что я писал вам в последнем письме [7]: вчера утром я был у графа Михаила Виельгорского и видел там Матвея; оба они живо интересуются вами, засыпали меня вопросами о вас, о Фидес [8], о ваших намерениях и т. д. и т. д. Я много говорил о вас, а также о Гуно, который может теперь считать, что в России у него двумя друзьями и почитателями больше. Граф Михаил *просил* меня *умолить* его прислать им что-нибудь (например, «Sanctus» или «Requiem»); они берутся исполнить присланное при помощи всех тех огромных средств, которыми располагают [9]. Скажите об этом два слова Гуно — отчего бы ему не сделать этого? Он может быть уверен, что предпринято будет всё для достойного осуществления его замысла. Мне кажется, что в Англии ничего подобного не было — вы бы мне рассказали об этом. Петербург не стоит Лондона в музыкальном отношении, но тем не менее здешняя публика заслуживает внимания — вы об этом кое-что знаете...

Понедельник, 31 октября[б] / 12 ноября

Только что получил ваше письмо [10], дорогая и добрая госпожа Виардо. Как грустно мне стало от него! У вас болят глаза и невралгические боли в ухе снова вернулись, бедный дорогой друг, и за что вы страдаете? Если бы я только мог взять на себя ваши страдания, с каким удовольствием, с каким наслаждением я бы это сделал! Хочу надеяться, что это письмо застанет вас уже оправившейся; но я буду спокоен лишь тогда, когда вы сами сообщите мне об этом. Ну, успокойте же меня поскорее! С сегодняшнего утра я не могу думать ни о чем другом, кроме этого ужасного дня в Париже, когда вы так измучились... Я бы охотно дал себе отрезать руку, если б это могло помочь вам; право, я сердит на себя за то, что здоров, в то время как вы страдаете. Выздоравливайте скорее, бедный дорогой друг, и сообщите мне об этом немедля. То, что вы рассказываете в своем письме о приеме, который вам оказал оркестр, о г-же

[б] *Так в подлиннике.*

Унгер, доставило бы мне гораздо больше удовольствия, если бы дурные известия не испортили его. Они отнимают у меня мужество говорить о чем-либо другом. Все-таки скажу вам, что я занят сейчас сочинением одноактной комедии для одной талантливой актрисы, некоей г-жи Самойловой [11]. Я не видел еще ни одной своей комедии на сцене — бенефис следует за бенефисом, почти без перерыва, и потому появляются всё новые пьесы; но одна из моих комедий объявлена на послезавтра [12]. Я вам сообщу свое личное впечатление от нее. Другая комедия, в пяти действиях, посланная сюда и запрещенная цензурой, пользуется сейчас довольно большим успехом в салонах [13]. Завтра я начну новое письмо, № 1, и буду просить бога, чтобы число писем не дошло до 50. Но главное, выздоравливайте поскорее. Mein Gott, ich möchte mein ganzes Leben als Teppich unter Ihre lieben Füsse, die ich 1000 mal küsse, breiten [в]. Тысяча приветов всем, а что касается вас, Sie wissen dass ich Ihnen ganz und gar angehöre [г]. Обнимаю Гуно. Будьте все счастливы и довольны.

Ваш
И. Т.

160. Полине Виардо (с. 68)

С французского:

Вторник [а],
1/13 ноября 1850.
С.-Петербург.

№ 1

Willkommen, theuerste, liebste Frau — nach siebenjähriger Freundschaft — willkommen an diesem mir heiligen Tag [б]! Дай бог, чтобы следующую годовщину этого дня мы могли провести вместе и чтобы и через семь лет наша дружба оставалась прежней. Я ходил сегодня взглянуть на дом, где впервые семь лет тому назад я имел счастье говорить с вами. Дом этот находится на Невском проспекте, напротив Александринского театра [1]; ваша квартира была угловой,— помните ли вы? Во всей моей жизни нет воспоминаний столь же дорогих, как те, что связаны с вами... мне приятно ощущать в себе, спустя семь лет, всё то же искреннее, глубокое, неизменное чувство к вам; влияние его на меня благотворно и живительно, как яркий луч солнца; какой я счастливец, если заслужил, чтобы отблеск вашей жизни смешивался с моей! Пока живу, буду стараться стать достойным такого счастья; я начал уважать себя с тех пор, как ношу в себе это сокровище. Вы знаете — то, что я вам говорю, истинная правда, насколько может быть правдиво человеческое слово... надеюсь, что вам доставит некоторое удовольствие чтение этих строк... а теперь позвольте мне упасть к вашим ногам.

[в] Боже мой, я бы хотел всю мою жизнь расстелить, как ковер, под вашими милыми ногами, которые целую 1000 раз (*нем.*).

[г] Вы, знаете, что я принадлежу вам весь и навсегда (*нем.*).

[а] *Так в подлиннике.*

[б] Привет вам, самая дорогая, самая любимая женщина, в семилетнюю годовщину нашей дружбы, привет вам в этот священный для меня день! (*нем.*).

Вторник [в], 8/20 ноября.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, прошла целая неделя, в течение которой я не прибавил ни строки к этому письму; прошу у вас за это тысячу раз прощения. Ведь не извинение же в самом деле то обстоятельство, что я был, да и сейчас еще необычайно занят всё это время; все занятия в мире должны отступить на второй план, когда речь идет о письме к вам. Вновь падаю к вашим ногам, прошу простить меня und mir erlauben, diese lieben Füsse, diese Füsse denen meine ganze Seele angehört, als Zeichen der Verzeihung, auf das inbrünstigste zu küssen [г].

Надо сказать вам, что я взялся написать маленькую одноактную комедию для г-жи Самойловой [2]? Я должен сдать ее в будущий вторник, т. е. через неделю, и мне придется усиленно работать, чтобы успеть это сделать. Сюжет я расскажу вам, как только у меня будет немного больше свободного времени. Жду с нетерпением известий о возобновлении ваших выступлений в «Пророке»; молю небо избавить вас поскорее от боли в глазах и невралгии; ему бы следовало сделать вашу жизнь столь же приятной, как «травяной покров». Эта последняя фраза напомнила мне о Гуно, которого я сердечно обнимаю; скажите ему, чтобы он не забыл прислать сюда «Sanctus», а мне лично — сделанные его мелким почерком копии «Чокнемся», «Старого фрака», «Вечного жида» и «Венеции» [3]. Если он хочет, я оставлю их исключительно для себя; если нет, буду продолжать вербовать ему сторонников. Граф Виельгорский уже *без ума* от него благодаря «Долине» [4]. Если бы вы еще прислали мне копию «Худиты» и двух или трех других мексиканских песен [5], то я бы благодарил вас, целуя каждый хорошенький пальчик вашей прекрасной руки столько раз, сколько будет нот.

Маленькая Полина, должно быть, уже в Париже, если с ней ничего не случилось дорогой; заранее благодарю вас за ласки, которые вы подарили ей, и за все добрые дела, которые вы ради нее совершите. Повторяю вам: единственное, что я сказал ей при расставании, было то, что она должна поклоняться вам, как своему божеству. В этом она не будет одинока; но ей особенно следует думать о вас не иначе, нежели молитвенно сложив руки и преклонив колени. Ich bitte Sie, erlauben Sie ihr Ihre Hände recht oft zu küssen. Denken Sie, dass wenn es auch nicht meine Lippen sind, so sind es doch Lippen, die mir nahe stehen. Und seien Sie tausendmal gesegnet [д]

Суббота, 11/24 ноября [е].

Дорогая и добрая госпожа Виардо, meine theuerste, beste Freundinn [ж], только что получил ваше милое письмо, написанное на другой день после «Пророка» [6]. Вы не можете себе представить, в какое

[в] *Так в подлиннике.*

[г] и позволить мне в знак прощения горячо поцеловать эти милые ноги, эти ноги, которым принадлежит вся моя душа (*нем.*).

[д] Прошу вас, позволяйте ей очень часто целовать ваши руки. Думайте о том, что если это и не мои губы, то всё же губы близкие мне. И будьте тысячу раз благословенны (*нем.*).

[е] *Так в подлиннике.*

[ж] мой самый дорогой, лучший друг (*нем.*).

восхищение привело меня ваше триумфальное возвращение, браво, господа парижане! Ваш упрек, что я пишу вам недостаточно часто, заставил меня покраснеть, и я обещаю теперь не пропускать ни одной недели, не посылая известий о себе. Как! Неужели вашим бедным милым глазам еще не лучше? Напишите же мне поскорее, что они уже совсем поправились. Я очень рад, что вы подружились с г-жой Унгер; я часто говорил вам о ней как о единственной певице, которая произвела на меня глубокое впечатление — до вас. Спасибо также за все подробности о нашей любимой дочери Сафо [7] — да ниспошлет ей небо всяческое благополучие! Кстати, во вторник напишу Гуно, или пусть меня навсегда считают забывчивым и неблагодарным другом.

Надо сказать, что я никогда не был так занят, как теперь. Никогда до сих пор я не знал, что такое спешная, срочная работа. А между тем она должна быть исполнена: на меня рассчитывают. Последние два отрывка «Записок охотника», появившиеся только что в «Современнике», имеют большой успех [8]; говорю вам это, зная, что это вас интересует. Я не оставляю мысли собрать все эти рассказы и издать их в Москве [9]. Вы мне еще ничего не ответили на мою просьбу относительно посвящения; надеюсь, что вы не захотите отказать мне в этом счастье, тем более, что для публики будут стоять только три звездочки [10]. Я довольно часто встречаю графов Виельгорских, которые оба очень вас любят. Здешняя итальянская опера дышит на ладан. Марио капризничает и почти не поет; м-ль Персиани фальшивит больше обыкновенного. Тамберлик здесь не в голосе (кажется, причиной этому является почти постоянное расстройство желудка), Тамбурини *лает*, а другие — еще того хуже [11]. Я ходил слушать «Вильгельма Телля», которого они изуродовали. Особенно плох и малочислен хор. Но что за музыка! [12]

Вот я и дошел до конца страницы, а начинать новую некогда. Но как только вновь освобожусь, а это случится в начале будущей недели, клянусь послать вам огромное письмо. Пока же будьте все здоровы. Тысяча приветов всем. Und Ihnen küss ich die Füsse *stundenlang*. Tausend Dank für die lieben Nägel [в].

Ваш И. Тургенев.

Es ist schon lange her, dass Sie mir schriftlich Ihre Hände zu küssen nicht geben... Warum? Bitte, im nächsten Brief lassen Sie mich Ihre Füsse küssen [г].

161. Полине Виардо (с. 71)

С французского:

Четверг, 16/28 ноября 1850.

Дорогая и добрая госпожа Виардо!

Могу вам написать второпях лишь два слова: я только что получил письмо с известием, что моя мать при смерти, и сегодня же вечером еду в Москву [1]. Напишу вам в день приезда. Придется, вероятно, пережить очень тяжелые минуты и разрешить много труд-

---

[в] А вам я *бесконечно* целую ноги. Тысяча благодарностей за милые ногти (*нем.*).

[г] Давно уже в ваших письмах вы мне не давали рук для поцелуя... Почему? Пожалуйста, в ближайшем письме позвольте мне поцеловать ваши ноги (*нем.*).

ных вопросов. Дайте мне обе ваши руки, чтобы я мог почерпнуть бодрость в их крепком и дружеском пожатии. Прощайте, да благословит вас небо тысячу раз. Через три дня напишу вам из Москвы.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Пишите мне по тому же адресу, в Контору Языкова.

162. Полине Виардо (с. 71)

С французского:

Москва,
Среда, 22 ноября ст. ст. 1850.

Дорогая и добрая госпожа Виардо!

Я приехал сюда вчера вечером [1] и не застал уже мать в живых; она умерла в прошлый четверг, в тот самый день, когда меня известили о ее болезни. Мой брат здесь со своей женой. Напишу вам завтра — сегодня я слишком взволнован. Хотелось только сообщить вам это известие и пожать вам руку так крепко, как только могу. До завтра. Да хранит и благословит вас небо.

Ваш И. Тургенев.

163. Полине Виардо (с. 71)

С французского:

Москва.
Пятница, 24 ноября / 6 декабря 1850.

Вот уже три дня, как я здесь, дорогая и добрая госпожа Виардо, но едва нашел время, чтобы взяться за перо и наспех черкнуть вам несколько слов. Не то чтобы нам с братом много приходилось *делать* — печати будут сняты только через неделю [1],— но нам столько вещей надо обсудить, подготовить. На наши плечи свалилась ужасная ответственность.

Мать моя умерла, не оставив никаких распоряжений; множество существ, зависевших от нее, остались, можно сказать, на улице; мы должны сделать то, что она должна была бы сделать. Ее последние дни были очень печальны. Избави бог нас всех от такой смерти! Она старалась только оглушить себя — накануне смерти, когда уже начиналось предсмертное хрипение, в соседней комнате, по ее распоряжению, оркестр играл польки. К умершим подобает относиться только с уважением и сожалением — поэтому не скажу вам больше ничего. Всё же — так как я не могу не делиться с вами всем, что чувствую и что знаю,— прибавлю лишь еще одно слово: мать моя в последние свои минуты думала только о том, как бы — стыдно сказать — разорить нас — меня и брата, так что последнее письмо, написанное ею своему управляющему, содержало ясный и точный приказ продать всё за бесценок, поджечь всё, если бы это было нужно, чтобы ничто не — — Но делать нечего — всё надо забыть — и я сделаю это от души теперь, когда вы, мой исповедник, знаете всё. А между тем — я это чувствую — ей было бы так легко заставить нас любить ее и сожалеть о ней! Да, сохрани нас боже от подобной смерти! Избавляю вас от множества других подробностей; к чему? Мир ее праху [2].

Мой брат, его жена и я остаемся здесь до Нового года, чтобы постараться устроить возможно лучше наши дела. Поместья, остав-

ленные моей матерью, находятся в очень незавидном состоянии, а урожая в нынешнем году, к несчастью, почти не было. Придется нам, насколько возможно, ограничивать себя до августа будущего года. Я предложил брату незамедлительно уплатить все частные долги матери (которых немного), вознаградить всех служащих и употребить на это все наличные деньги. Сбросив с плеч эту обузу, мы будем действовать лучше и скорее. Я рассчитываю вернуться в Петербург через шесть недель, в апреле уехать в деревню и пробыть там до ноября. Потом — увидим [3]. Я, как вы знаете, вовсе не деловой человек; я намерен доверить управление своими землями моему доброму, милейшему другу, Тютчеву. Мой брат — человек, конечно, вполне достойный, и я был бы очень рад поручить ему всё это; но я боюсь недоразумений — он очень бережлив, почти скуп и стал бы скупиться ради меня — он никогда бы не согласился на продажу какого-либо имения, как бы необходима она ни была — вот всех этих-то семейных неурядиц мне хочется избежать. Я принял решение разделить наши поместья, т. е. производить раздел будет, конечно, он и сделает это, без сомнения, в тысячу раз лучше моего. У меня будет во всяком случае не меньше 25 000 франков дохода, а это уже *богатство* [4]. Я еще поговорю с вами обо всем этом; но скажите мне, что думаете вы и ваш муж о моем решении.

Дорогой и добрый друг, как часто я думаю о вас!

Воскресенье.

Здравствуйте, дорогой и добрый друг, meine theuerste, liebste Freundinn[a]. Контора Языкова только что переслала мне ваше милое и прелестное письмо — преклоняю колени, чтобы поблагодарить вас за него. Маленькая Полина приехала — и понравилась вам — и вы ее уже полюбили! Дорогой, дорогой друг, вы — ангел. Каждое слово вашего письма дышит неизъяснимой добротой, лаской и нежностью. Как же и мне, в конце концов, не полюбить эту девочку до безумия? — Вы так весело и просто делаете добро, что от благодарности к вам чувствуешь себя счастливым, словно ребенок. Как будто оказываешь вам большую услугу, доставляя вам случай сделать кому-нибудь одолжение. Не знаю, право, что и сказать, дабы заставить вас почувствовать, насколько взволновало и растрогало меня ваше дорогое письмо... Я ищу слов — мне ничего не остается, как повторить вам снова, что я с обожанием падаю перед вами ниц. Будьте тысячу раз благословенны! — Боги — как она счастлива, эта девочка! Ведь она в самом деле сейчас оказалась у Христа за пазухой — как говорит русская пословица об очень счастливых людях... Тем лучше, если она обладает не только умом: надо было бы иметь уж очень дурную природу, чтобы, живя возле вас, не заразиться немножко вашей добротой. Я все-таки надеюсь, что эта большая перемена в жизни спасет ее. Пожалуйста, поцелуйте ее от меня. Теперь, когда я стал богаче, я не боюсь дойти до тысячи франков в год: пусть она учится играть на рояле. Вышлю вам денег дней через десять.

Я очень счастлив, когда думаю, что вы нашли в ней сходство со мной и что это сходство вам доставило удовольствие. Набросайте карандашом и пришлите мне маленький ее портрет. Еще раз повторяю вам, что в конце концов я совершенно привяжусь к ней, если только буду знать, что вы ее любите... Ваш успех в «Гугенотах» бесконечно обрадовал меня; с нетерпением ожидаю подробностей... [5]

---

[a] мой самый дорогой, любимый друг (*нем.*).

Вторник.

Guten Morgen, theuerste, liebste, beste Freundinn. Ich küsse mit Anbetung Ihre schönen Hände [б]. Добрый день, дорогая госпожа Виардо. Мы начинаем понемногу разбираться в наших делах. Моя мать назначила 50 000 рублей молодой особе, которую она воспитала [6]. Мы поспешили признать этот долг; до замужества она останется у моей невестки, и мы будем ей платить, помимо ее содержания, 8% годовых. При выходе замуж она получит эти 50 тысяч. Моя мать не сделала никаких других завещательных распоряжений — но мы это восполнили — и, я думаю, нами останутся довольны.

Дорогой друг, всё это время я не переставал думать о вас — и о маленькой Полине. Чувствую, что она становится мне дорогой, потому что она в ваших руках. Не знаю, сколько раз я перечитывал ваше письмо. Не могу выразить всё, что я чувствую, когда ваш дорогой образ, не покидающий меня никогда, еще отчетливее возникает в моей памяти. Будьте благословенны тысячу раз! Напишите мне подробности о девочке. По-прежнему ли вы довольны ею — и что говорит г-жа Ренар? Вот уже скоро месяц, как она в Париже. Какую фамилию вы ей дали? [7] Благодарю от всего сердца добрую госпожу Гарсиа и mi querida [в] госпожу Сичес за их милое отношение к ней. Одним словом — вы все ангелы — и я вас всех люблю до безумия.

Здесь все принимают меня с распростертыми объятиями, особенно милейший папаша Щепкин. Я не могу много бывать в гостях; тем не менее за неделю моего пребывания здесь я уже был два или три раза у него и у некоей графини Салиас, прелестной женщины, с большим умом и талантом, которая, хоть она и писательница, всё же не синий чулок. К несчастью, она очень хворает.— Последняя вещь, которую я написал — «Певцы в кабачке» [8],— имеет здесь большой успех. Кончаю письмо, чтобы можно было его отправить сегодня. Завтра начну новое. Скажите Виардо, которого целую от всего сердца, что уже несколько дней я всё перечитываю томик Монтеня, который он мне подарил в Петербурге [9]. Поцелуйте от меня Гуно и не забудьте рассказать мне о «Сафо». Тысячу добрых пожеланий всем, а что касается вас — припадаю к вашим стопам. Bei Ihren lieben Füssen will ich leben und sterben. Ich küsse sie *stundenlang* und bleibe auf ewig Ihr Freund [г]

И. Тургенев.

164. Полине Виардо (с. 75)

С французского:

Москва.
Пятница 1/13 декабря 1850.

Добрый день, дорогая и добрая госпожа Виардо!

Воскресенье.

Никак не удавалось мне все эти дни продолжить это письмо. *Продолжить* — не то слово, но без преувеличения могу сказать,

---

[б] Доброе утро, самый дорогой, самый любимый, самый лучший друг! С благоговением целую ваши прекрасные руки (*нем.*).

[в] мою любимую (*исп.*).

[г] Я хочу жить и умереть у ваших милых ног. Я целую их *бесконечно* и остаюсь навсегда ваш друг (*нем.*).

что ни на единый миг я не переставал думать о вас, добрый, нежный и великодушный друг мой, и о маленькой Полине. Повторяю — сознание, что она находится на вашем попечении, делают ее дорогой для меня; она с полным основанием называет вас маменькой — ведь это вы сделаете из нее по-настоящему мою дочь. Жду с нетерпением следующего письма (в Москву они приходят с большим опозданием), чтобы узнать, сохранилось ли то благоприятное впечатление, которое она на вас, кажется, произвела. Лишь бы только скорее взрослело ее сердце... Я люблю представлять себе его на вашей ладони. Sie wissen, warum. Mein Leben und mein Herz sind auch da wie früher. Sie haben es nicht fallen lassen, nicht wahr? [a] Бог да благословит тысячу раз вашу дорогую голову. А как ваши глаза?

В этом году в Москве все по отношению ко мне очень любезны, и если бы я хотел, то мог бы бывать повсюду; но у меня нет никакой к тому охоты. Вижусь с немногими: прежде всего — с графиней Салиас, с Щепкиным и его сыном. Эта графиня — русская, замужем за французом, который после одной дуэли вынужден был вернуться к себе на родину. Она остроумна, добра, искренна; в ее манерах есть что-то напоминающее вас. Мы с ней большие друзья. Она вращалась в светском обществе, но потом отдалилась от него. Она немолода, нехороша собой, но располагает к себе, так как с нею сразу чувствуешь себя непринужденно. Это, как вы знаете, очень хороший признак; а к тому же у нее и вправду настоящий талант.

У нас еще не сняты печати, но это произойдет в скором времени. Рассчитываю вернуться в Петербург через три недели.

Чувствую настоящую музыкальную жажду, а утолить ее здесь невозможно. Чего бы я не отдал за вечер, проведенный с Гуно! Пожмите ему от меня руку и скажите, что я люблю его как брата. Сделает ли он то, о чем я его просил [1]? Кланяйтесь от меня его милой матери; передайте всем моим парижским друзьям, что я храню воспоминание о них в своем сердце; я уверен, что м-ль Берта очень добра к девочке, и я ей за это весьма благодарен. Но необходимо, чтобы Полина вас обожала; ее спасение — только в этом чувстве; оно ее возродит, и если только у нее — хорошие задатки, она не сможет не обожать вас. Прошу вас: когда вы получите это письмо, позовите ее к себе и дайте ей поцеловать обе ваши руки, слышите ли, обе ваши руки — и думайте, пожалуйста, обо мне, пока она будет наслаждаться этим счастьем. Затем напишите мне, что вы это сделали. Скажите мне, делает ли она успехи в французском языке? Надо, не теряя времени, начать учить ее игре на рояле. Господи, зачем я говорю всё это? Я знаю, что некий ангел сделает для нее всё; я говорю это только для того, чтобы иметь лишний повод упасть еще раз к вашим ногам...

Дорогой, дорогой, добрый друг мой, пусть всё, что есть хорошего на свете, будет вашим уделом! Не забывайте самого верного и преданного из ваших друзей.

Понедельник, 4/16 декабря.

Только что получил ваше дорогое письмо, theuerste, liebste, angebetete Freundinn [б], письмо, в котором вы мне сообщаете столько

---

[a] Вы знаете, почему. Моя жизнь и мое сердце тоже там, как и прежде. Вы ведь не потеряли их, не правда ли? (*нем.*).

[б] дорогой, милый, обожаемый друг (*нем.*).

подробностей о Полине. Боже, как вы добры, какой вы ангел! Это письмо взволновало меня до глубины души. Ну, что ж, тем лучше, если *наша* дочь — славная и любящая девочка, тем лучше. Видите, я ведь вам говорил,— она вас обожает. Да, она вас обожает — чувствую это всем сердцем. Иначе не могло и быть — думается мне теперь: sie ist ja meine Tochter [в]. Спешу ответить на ваши вопросы. Да, ей привита оспа, но у нее не было ни одной детской болезни. Метрическую выписку о крещении вышлю вам, как только получу ее. *Вы понимаете, конечно*, что она не может быть воспитана ни в какой другой религии, кроме нашей. Пожалуйста, пришлите мне ее портрет, сделанный вами, и пусть она внизу напишет: «Pauline. Мама рисовала». Поцелуйте ее от меня. Я чувствую, чувствую, что начинаю ее в самом деле любить. Тысячу добрых пожеланий милейшему Гуно за несколько его слов в вашем письме [2]. Он вполне прав, говоря о «влиянии ангельских рук, которым вверена девочка». О да, ангельских, и прелестных, и творящих добро, и любимых... Позвольте мне прильнуть к ним губами. Спасибо также за то, что вы мне говорите о «Гугенотах» и о «Сафо». А когда поставят «Сафо»? Вы ничего не пишете мне о фамилии, какую вы дали девочке; если это еще не сделано, дайте ей фамилию Мишель; у меня пристрастие к этому имени,— я говорил вам об этом, и вы знаете, о чем идет речь — D<õn>aMiguela[3]. Пришлите мне ее каракули. Я так доволен, я бы охотно расцеловал всех друзей с улицы Дуэ, начиная с маленького Лу [4], причем его — в обе щечки, надеюсь, полненькие и пухленькие.

Вы говорите, что Полина начала рыдать, увидев, что вы плачете после операции... Ей воздастся за эти слезы.

Вторник, 5/17 декабря.

Добрый день, дорогой, добрый и благородный друг!

Сегодня ровно шесть месяцев, как я видел вас в последний раз — полгода. Это было — помните ли вы? — 17 июня... Сколько еще пройдет времени, прежде чем я буду иметь счастье увидеть вас снова? Бог знает... Может быть, еще год, и должен сказать, что, как ни бесконечен будет этот год, это было бы так прекрасно, что я едва смею верить. Впрочем, увидим, увидим... Я перечел первое письмо, которое вы написали мне после моего отъезда...

Кстати, мои письма я опять забываю нумеровать. Ну, начну снова. Это будет № 1. Я помню наизусть ваше последнее письмо; не знаю, сколько раз я перечитал его! Наконец сняты печати. Мы нашли только маловажные бумаги, да и то в небольшом количестве, ни одного ценного документа — ничего, нет даже письма к нам — она всё сожгла перед смертью. Но всё же мы нашли дневник, писанный карандашом в последние месяцы ее жизни [5]. Я просмотрел его сегодня ночью. Все интриги не привели ни к чему. Но сколько их было! Досада, желание свалить вину на других мало-помалу развязали всем языки. Какой хор обвинений, какие обнаруживаются низости! Надо поскорее положить этому конец, щедро расплатившись со всеми этими жадными существами, и освободить от них дом. Благодаря всем этим неприятностям я сделал одно приобретение: нечто вроде Тартюфа в женском обличье, смесь почти детского добродушия и дьявольской хитрости, тип весьма своеобразный и весьма отталкивающий. Если мы с вами увидимся,— нет, я хочу сказать, *когда* мы с вами увидимся,— я многое смогу вам поведать,

---

[в] ведь она моя дочь (*нем.*).

Кстати, должен сообщить вам о своем огорчении: вообразите себе, маленькая Асенька — этот странный и прелестный ребенок, о котором я вам рассказывал,— вдруг сразу выросла, подурнела и поглупела. Природа вступила в свои права; если бы эта перемена не произошла, то она, вероятно, умерла бы, как все рано развившиеся дети; но все-таки жалко. Теперь она более здорова, более естественна, но гораздо менее интересна. Тем не менее жена моего брата будет воспитывать ее как дочь [6]. Моя невестка очень славная, хорошая женщина, и я ее очень люблю.

Полсвина первого ночи.

Только что вернулся от графини С⟨алиас⟩ и не хочу лечь спать, не пожелав вам спокойной ночи. Сегодня перед обедом я читал свою маленькую комедию, недавно написанную в Петербурге, у другой графини (чёрт возьми!) — у жены брата графа Соллогуба, того самого, с которым вы познакомились в Вене [7]. Вообразите, он сошел с ума, стал почти идиотом. Моя маленькая комедия имела большой успех, я уже читал ее графине Салиас и Щепкину. Да, кстати, я снова встретил Солового и его жену, которая приходится сестрой этой самой графине Салиас. Он стал расспрашивать меня о вас. Но он произвел на меня впечатление зайца, впавшего в меланхолию. Писал ли я вам, что за два дня до своего отъезда из Петербурга я у графа Виельгорского встретил Гулевича? Он горячо расцеловал меня и засыпал вопросами о вас; право, он славный малый и искренно вас любит. Зайду к нему, как только вернусь в С.-Петербург. Завтра я должен быть в театре. Дают мою пьесу в трех актах: «Холостяк», со Щепкиным. Я сяду в закрытой ложе: мне кажется, что я буду бояться. Второй акт холоден, как лед. Пьеса эта давалась уже неоднократно [8].

Доброй ночи — надо ложиться. Прежде чем заснуть, буду читать дневник моей матери, который только случайно избежал огня. Если б я мог увидеть вас во сне... Это случилось со мною четыре или пять дней тому назад. Мне казалось, будто я возвращаюсь в Куртавнель во время наводнения: во дворе, поверх травы, залитой водою, плавали огромные рыбы. Вхожу в переднюю, вижу вас, протягиваю вам руку; вы начинаете смеяться. От этого смеха мне стало больно... не знаю, зачем я вам рассказываю этот сон.

Доброй ночи. Да хранит вас бог... Кстати, по поводу смеха, всё тот же ли он у вас очаровательно искренний и милый — и лукавый? Как бы я хотел хоть на мгновение услышать его вновь, этот прелестный раскат, который обычно наступает в конце... Спокойной ночи, спокойной ночи.

Пятница, утро, 8/20 декабря.

С прошлого вторника у меня было много разных впечатлений. Самое сильное из них было вызвано чтением дневника моей матери... Какая женщина, друг мой, какая женщина! Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Да простит ей бог всё... но какая жизнь...

Право, я всё еще не могу прийти в себя. Да, да, мы должны быть правдивы и добры, хотя бы для того, чтобы не умереть так, как она... Когда-нибудь я вам покажу этот дневник; меня тяготит самая мысль скрыть от вас пусть тягостную, но важную для меня вещь. Вам известно всё, что было до сих пор; вы будете знать всё до конца, если только сами не предложите мне замолчать. Дорогой и добрый друг, одна мысль о вас в эту минуту действует на меня, как прозрачный луч мягкого света; простираю к вам руки и благословляю вас от всего сердца.

Третьего дня вечером я пережил ощущение совсем иного порядка. Я присутствовал в закрытой ложе на представлении моей комедии. Публика приняла ее очень горячо. Особенно большой успех имел третий акт. Сознаюсь, это приятно. Щепкин был восхитительно правдив, трогателен, воодушевлен; его вызвали 1 раз после 2-го акта, 2 раза в течение 3-го и два раза после него. Одна старая актриса была превосходна в роли кумушки; другой актер, некто Живокини, был очень хорош в роли доброго провинциала. Героиня была посредственна, немного неловка, но естественна; прочие актеры — плохи [9]. Но как поучительно для автора присутствовать на представлении своей пьесы! Хочешь не хочешь, но становишься, чувствуешь себя публикой, и малейшая длиннота, малейший ложный эффект поражают сразу, подобно электрической искре. 2-й акт решительно не удался, и я нашел, что публика была слишком снисходительна. Тем не менее, в общем — я очень доволен. Опыт этот показал мне, что у меня есть призвание к театру и что со временем я смогу писать хорошие вещи.— Послушайте, мы можем дойти и до 1200 франков в год для Полины. Перед отъездом из Москвы вышлю вам 800. Напишите мне, какого цвета ее самое красивое платье. Я ощущаю нежность к этому ребенку, который вас любит. Но вы не забудете дать ей целовать ваши руки, не правда ли? В течение целой минуты. Если она еще не понимает по-французски, скажите ей по-русски: «Еще». О, как она счастлива, эта маленькая соплячка! Как счастлива!

Пришлите мне прядь ее волос, у меня их нет. Да, ведь вы получите это письмо уже в 1851 году... Удастся ли нам вновь увидеться в этом году? Aber wenn ich es auch könnte, ich komme nur, wenn Sie mich rufen [г].

Писал ли я вам, что Полина родилась 13 мая 1842 года? Я всё возвращаюсь к этому ребенку. Но вы знаете, почему.

Пятница, вечером.

Этот дневник не выходит у меня из головы... Ну, да не стоит больше думать о нем. Я один в моей комнатке; уже очень поздно; чудесно светит луна; блеск снега смягчен, почти ласкает глаз. Диана со мною; она сильно растолстела, и, даст бог, меньше чем через месяц произведет на свет детенышей, похожих на нее, потому что я нашел ей здесь кавалера, в точности ее напоминающего и известного своими талантами. Я хочу положить основание новой породе великолепных собак; я хочу, чтобы со временем говорили: «Видите эту собаку? Это внук знаменитой Дианы». Я только что спросил у Дианы, помнит ли еще она Султана. Она слегка насторожилась и весьма многозначительно подмигнула.

Суббота, час дня.

Папаша Щепкин пришел ко мне с утра; мы много болтали; его приход доставил мне удовольствие, но он украл у меня одну страницу письма к вам: если я хочу, чтобы письмо ушло сегодня, его следует отправить сейчас же. У меня есть только время припасть к вашим ногам и пожелать вам всевозможного счастья. Тысяча поцелуев Луи, Гуно, всем. Будьте все счастливы и благословенны. Люблю, нежно люблю вас всех.

Целую ваши дорогие, добро творящие руки. До скорого свидания.

Ваш

И. Тургенев.

[г] Но если бы я и мог это сделать, я бы явился лишь по вашему зову (*нем.*).

165. Полине Виардо (с. 81)

С французского:

Москва.
Понедельник, 1/13 января 1851.

Добрый день, дорогая и добрая госпожа Виардо, theuerste, liebste Freundinn![a] Не хочу начинать новый год, не обратившись к моей кроткой и дорогой заступнице и не призвав на нее благословение неба. Увы! неужели пройдет весь этот год, а я так и не буду иметь счастья вас увидеть? Это весьма жестокая мысль, но всё же мне надо привыкать к ней...

Вчерашний вечер мы провели у одного из моих друзей, и когда пробило полночь — вы легко можете себе представить, к кому я мысленно обратил свой тост! Всё мое существо устремлялось к моим друзьям, к дорогим, далеким друзьям... Да хранит их небо!.. Мое сердце всегда с ними, я чувствую это. До завтра. Сейчас я должен сделать несколько визитов. Мне надо рассказать вам множество вещей. Я не без основания оставался так долго в Москве. Я привел к желанному концу одно довольно трудное и щекотливое дело. Обо всем этом расскажу вам завтра. Сегодня вечером на любительской сцене у графини Соллогуб будет разыграна одна моя рукописная комедия [1]. Меня пригласили присутствовать на представлении, но я, конечно, воздержусь от этого; я слишком боюсь, что буду играть там смешную роль. Каков будет результат — напишу вам. До завтра. А сейчас я хочу склониться к вашим ногам и поцеловать край вашего платья, дорогой, дорогой, добрый, благородный друг мой. Да хранит вас небо!

Среда, 3 января.

Кажется, моя комедия имела третьего дня очень большой успех; сегодня ее повторяют, и я получил настойчивое приглашение присутствовать. На сей раз я пойду; я не хочу иметь вид человека, который много *о себе воображает*. Вчера я давал прощальный обед своим друзьям. Всего нас было двадцать человек. Должен сознаться, что к концу вечера мы все были как нельзя более оживлены. Среди них был один комический актер, человек большого таланта, г. Садовский; мы умирали со смеху, слушая импровизированные сценки, диалоги из крестьянской жизни и пр. У него много воображения и столь совершенная правдивость игры, интонации и жеста, какой я почти никогда не встречал. Нет ничего более привлекательного, чем искусство, ставшее природой. Вчера я обещал вам рассказать, почему я оставался в Москве гораздо дольше, чем предполагал. Вот в нескольких словах причина: надо было удалить из нашего дома двух женщин, беспрестанно вносивших туда раздор. По отношению к одной из них это было не трудно (она — вдова лет сорока [2], которая была при матери в последние месяцы ее жизни). Ее мы щедро вознаградили и попросили найти себе иное местопребывание. Другая — та молодая девушка, которую моя мать удочерила [3]: настоящая г-жа Лафарж [4], лживая, злая, хитрая и бессердечная. Невозможно изобразить вам всё зло, которое наделала эта маленькая гадюка. Она опутала моего брата, который по своей наивной доброте принимал ее за ангела; она дошла до того, что гнусно оклеветала своего родного отца и потом, когда мне совершенно случайно удалось поймать нить всей этой интриги, созналась

---

[a] самый дорогой, любимый друг! (*нем.*).

во всем и при этом держала себя так вызывающе, с такой наглостью и самоуверенностью, что я не мог не вспомнить Тартюфа, когда он, со шляпой на голове, велит Оргону покинуть собственный дом [5]. Невозможно было оставлять ее дольше у нас, но всё же мы не могли и выгнать ее на улицу... Ее родной отец отказался взять ее к себе (он женат, у него большая семья) [6]. Наше положение было весьма затруднительно; но, к счастью, нашелся один человек, доктор [7], друг отца этой девицы, который согласился взять на себя заботу о ней, предупредив ее наперед, что она будет под постоянным надзором. Мы с братом выдали ей заемное письмо на 60 000 франков из 6%, с уплатою через три года, весь гардероб моей матери и пр. и пр. Она нам выдала расписку, и теперь мы от нее отделались! Ух, и трудная же это была задача! Не знаю, что вышло бы из ее пребывания у моего брата; но знаю только, что лишь теперь, когда здесь ее нет больше, мы вздохнули свободно. Что за дурная, извращенная натура в семнадцать лет! Можно ждать от нее многого. Правда, она получила отвратительное воспитание... Ну, не будем больше говорить о ней: теперь она довольна, и мы тоже. Признаюсь вам все-таки, что я не создан для подобных дел! Я вкладываю в них достаточно хладнокровия и решительности, но это ужасно расстраивает мне нервы. Я слишком привык жить с хорошими и порядочными людьми. Я не боюсь злобы и особенно коварства, но они возмущают мне душу. В течение этих двух последних недель я совершенно не мог работать... До завтра. Уезжаю я в пятницу, самое позднее — в субботу. Дайте же мне ваши дорогие, добрые и ласковые руки, я прижму их к глазам и губам, и пусть ваш благотворный и благородный образ отгонит прочь от меня все скверные и тягостные воспоминания...

Пятница, 5.

Да, в самом деле, я имел третьего дня очень большой успех. Актеры были отвратительны, особенно героиня (княгиня Черкасская), что, однако, не помешало ни публике аплодировать до чрезвычайности, ни мне пойти за кулисы горячо их благодарить. Тем не менее я был доволен, что побывал на этом представлении. Мне кажется, пьеса моя будет иметь успех на театральной сцене, раз она понравилась несмотря на то, что ее изуродовали *дилетанты*. (Ее дают в Петербурге 20-го, здесь — 18-го [8].) Я получил множество поздравлений, комплиментов и пр., и пр. А ведь это забавно — видеть свое произведение на сцене. Уезжаю завтра, но напишу вам еще раз до отъезда. Мне не терпится получить письмо от вас. В Москву их мне больше не пересылают, они ждут меня в Петербурге... До завтра. Tausend Küsse den lieben Füssen! [б]

Понедельник, 8.

Человек предполагает, а бог располагает, дорогая госпожа Виардо. Я должен был уехать в субботу, а вот еще до сих пор в Москве. Я схватил кашель, и пока он будет продолжаться, мне нельзя будет выходить из комнаты. Надеюсь, что он пройдет через несколько дней. Эта задержка мне довольно неприятна, но надо покориться.

Вчера Диана произвела на свет семь щенков, белых и желтых, как она сама: шесть кобельков и одну сучку. Ее материнская нежность доходит до свирепости: она делает страшные глаза, как толь-

---

[б] Тысячу раз целую дорогие ноги! (*нем.*).

ко я прикасаюсь к одному из ее детенышей. Кроме меня, никто не осмеливается даже приблизиться к ней. Отсылаю вам это письмо сегодня, напишу еще раз до отъезда. Надеюсь, что смогу сделать это в четверг. Вот уже больше двух месяцев, как маленькая Полина в Париже. Как она поживает, делает ли успехи?

Я убежден, что найду подробности о ней в ваших письмах, ожидающих меня в Петербурге; уверен, что их там не меньше двух. Люблю и обнимаю вас всех. Ах, вот мысль: если мне написать Гуно, вместо того чтобы писать вам перед отъездом? Так и сделаю. Итак, прощайте до Петербурга.

Ваш
И. Тургенев.

168. Полине Виардо (с. 85)

С французского:

Москва.
Среда, 17/29 января 1851.

Оправляюсь от болезни, как Жодле в «Смешных жеманницах» [1], дорогой и добрый друг; у меня был катар с довольно сильной лихорадкой, уложивший меня в постель на четыре дня. Мне особенно неприятно то, что из-за этой болезни пришлось отложить поездку, а что особенно неприятно в этой задержке, так это то, что она лишает меня ваших писем, ожидающих меня в Петербурге, так как я имел глупость распорядиться, чтобы их не высылали сюда; я всё надеялся, что смогу уехать. Очень возможно, что я останусь здесь еще на неделю; вы не поверите, какую пустоту вызывает во мне отсутствие ваших писем; я так давно уже лишен известий о вас, это меня приводит в полную растерянность! Я надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо, и что вы иногда думаете о человеке, который любит вас от всей души. Вы понимаете, кто это такой, не правда ли?

Завтра состоится представление комедии, которую я написал для петербургских актеров, но по просьбе Щепкина дал ему для его бенефиса [2]. Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному и достойному человеку. Если буду чувствовать себя не слишком плохо, пойду на первое представление. До сих пор не ощущаю ни малейшего волнения. Посмотрим, что будет завтра. По-видимому, героиня очень плоха; впрочем, увидим.

Прощайте до завтра, дорогой и добрый друг; призываю вас и отдаюсь под ваше покровительство, дорогая заступница.

Четверг,
1 ч. дня.

Итак, сегодня вечером. Это начинает несколько волновать меня. К несчастью, чувствую себя хуже вчерашнего, и доктор посоветовал мне не выходить нынче вечером. Но это было бы неприятно... Мой брат идет в театр со своей женой.— Это маленькая комедия в одном действии, под названием «Провинциалка». Построение ее весьма просто, всё зависит от игры двух главных актеров; один из них, как говорят, хорош, другой — или, вернее, другая — очень плоха [3]. Театр будет полон. Щепкин прислал мне билет в верхнюю ложу. Думаю, что я пойду, хотя чувствую себя скверно; лихорадит дьявольски.

7 часов вечера.

Пульс восемьдесят в минуту, а я иду в театр. Не могу оставаться дома. Крепко пожимаю вам обе руки и ухожу. Что-то напишу я вам, вернувшись?

11 часов.

Вот уж точно, я ожидал чего угодно, но только не такого успеха! Вообразите себе, меня вызывали с такими неистовыми криками, что я убежал совершенно растерянный, словно тысячи чертей гнались за мной, и мой брат сейчас рассказал мне, что шум продолжался добрую четверть часа и прекратился только тогда, когда Щепкин вышел и объявил, что меня нет в театре. Я очень жалею, что удрал, так как могли подумать, что я притворяюсь.

Пьеса была довольно хорошо разыграна всеми, за исключением героини, которая была невыносима; зато актер, игравший главную роль, был очарователен. Это молодой актер, по фамилии Шумский; он сегодня сильно выиграл в мнении публики, и я в восторге, что дал ему к тому случай. Когда поднимали занавес, я тихо произнес ваше имя и оно мне принесло счастье; но я должен лечь, у меня сильная лихорадка.

Пятница, 2 ч.

Мой вчерашний выход не особенно повредил мне; правда, я провел скверную ночь, но сегодня чувствую себя довольно хорошо. Несколько моих друзей пришли сегодня поздравить меня; говорят, успех мой был действительно очень велик; зал был переполнен, и было замечено, что некоторые из моих врагов (литературных) шумно аплодировали. Тем лучше, тем лучше. Милый Щепкин пришел обнять меня и побранить за бегство. Я намереваюсь послать Шумскому маленький подарок; это будет ему приятно. Завтра ту же пьесу ставят в Петербурге [4]. Все-таки приятно иметь успех. Надо только, чтобы он меня взбодрил.

Представьте себе, я только что узнал от одного господина, приехавшего из Петербурга, что в конторе Языкова лежит *несколько* писем на мое имя; их не посылают в Москву, так как с часу на час ждут моего приезда... не могу вам описать, как это мне досадно... Боже, боже, боже, как я глуп!

Позвольте мне поблагодарить вас за мой вчерашний успех. Мне кажется, что, не произнеси я вашего имени, дело приняло бы совсем другой оборот. Я так счастлив, что могу связывать всю свою жизнь с дорогим и милым воспоминанием о вас, с вашим влиянием. Целую ваши руки с благодарностью и нежностью. Да хранит вас небо! До завтра.

Понедельник.

Я не писал вам ни в субботу, ни в воскресенье; чувствовал себя *вялым*, чтобы не сказать глупым. Сегодня повторяют мою пьесу, здесь драматические спектакли ставятся только три раза в неделю. Рассчитываю сегодня выехать покататься; погода стоит прекрасная. У щенят Дианы глаза наконец открылись; они очень смешные, очень милые и очень здоровые. Это было бы чёрт знает что, если бы мне пришлось остаться здесь больше чем на неделю! У меня множество посетителей, со всех сторон нескончаемые комплименты, и пр., и пр. Говорю вам об этом, так как знаю, что это доставит вам удовольствие. Уверен, что в ваших письмах вы рассказываете мне о «Сафо» [5], о начавшихся репетициях (ибо, надеюсь,

они уже начались); и подумать только, что я ничего об этом не знаю по моей собственной вине! Но я буду их иметь, эти ваши письма, через 4 дня. Тогда я вам напишу целый том, также и для Гуно. Повторяю: я не уеду из Москвы, не написав ему большого письма. Что делает маленькая Полина? Послушна ли она? Учится ли по-французски и на рояле?

Прощайте; обнимаю вас всех с невыразимой нежностью; начинаю с вас; затем Виардо; затем Гуно; затем г-жу Гарсиа; затем г-жу Гуно; затем м-ль Берту; затем el Marinero Español y su mujer[б,6]; затем Мануэля; затем Луизу; затем всех вместе, всех друзей, и кончаю опять вами. Дорогие мои друзья, мое сердце с вами. Прощайте, будьте здоровы; будьте счастливы и довольны и не забывайте вашего верного друга

Ив. Тургенева.

Послушайте, я обнаружил, что в моем перечне пропущена маленькая Полина; скажите ей, что я целую ее дважды.— NB 1200 фр. я вышлю вам по приезде в Петербург[7].

174. Луи Виардо (с. 93)

С французского:

С.-Петербург.
20 февраля / 3[а] марта 1851.

Я очень долго не писал вам, мой дорогой друг, и не будь я самым большим лентяем на свете, никогда не простил бы себе этого, однако надеюсь, что мое молчание не заставило вас сомневаться в моих к вам чувствах? Во всяком случае, я никогда не писал вашей жене, одновременно не передавая вам тысячу добрых пожеланий. С признательностью и вниманием я прочел те несколько строчек, которые вы мне написали в последнем письме[1]; я сознаю всю ценность ваших советов и очень благодарен за интерес, который вы ко мне проявляете. Я хорошо понимаю, сколь рискованно решение доверить заботу о моих делах кому-либо постороннему, но учитывая мою полную неспособность к подобного рода предприятиям и не имея возможности, в силу причин, которые слишком долго объяснять, полностью положиться на моего брата (хотя у меня нет ни малейших сомнений в его безукоризненной порядочности) — полагаю, что для меня было большой удачей встретить человека, одно имя которого, для тех, кто его знает, является синонимом поистине рыцарского благородства. Кроме того, он сердечно привязан ко мне, и могу вас уверить, что найдется немного людей, для которых он был бы расположен сделать то, что собирается сделать для меня[2]. Другой ваш совет тоже совершенно превосходен и со временем я намерен им воспользоваться; но в данный момент у меня нет ни одного рубля свободного, а все деньги, которые мы сможем отложить в течение этого года (к слову сказать, очень неудачного), будут потрачены на раздел имения, что стоит в России очень дорого[3]. Если Пти-Пари остается до следующего года без покупателя, то я хорошо знаю одного человека, которому он наверняка придется по вкусу[4]. Как бы то ни было, но для меня воздух Бри хорош

[б] Испанского Моряка и его жену (*исп.*).

[а] *Так в подлиннике*.

и полезен — и остается узнать, когда мне будет позволено им дышать.

Прилагаю к письму 1200 франков, т. е. годовые расходы на воспитание Полины, которую отдаю под ваше благосклонное покровительство. Всё, что ваша жена и вы уже сделали для этой малышки, глубоко запечатлелось в моем сердце, а нет ничего нежнее признательности, которую испытываешь к тем, кого любишь и уважаешь; в долгу я не останусь — ручаюсь, что это так, и буду счастлив лишь тогда, когда смогу вам это доказать.

С нетерпением ожидаю ваших «Арабов»[5], я напишу о них в обоих журналах, где я сотрудничаю — посмотрим — может быть, я попрошу сделать их сокращенный перевод[6]. Сюжет очень интересный и у нас очень мало известный. Со своей стороны, я довольно усердно работаю — моя пьеса имела успех и в Петербурге, и в Москве[7]; в голове много иных замыслов, которые я постараюсь довести до конца, si Dios quiere[a].

Я получил приглашение поехать за 450 верст отсюда, в самый глухой район Новгородской г⟨убернии⟩ — мне обещают 30 медведей! Было бы хоть три[8]! Всё это напоминает мне о старых добрых временах, о наших охотах. Я без сомнения поеду и сообщу вам об этих трех десятках. Хорошо ли поживают Сид и Султан? Диана была опасно больна, как мне писали из Москвы, но, слава богу, теперь вне опасности. В этом году я собираюсь устраивать грандиозные охоты... Я предпочел бы обыкновенные в Бри — но!..

Терпение — я очень надеюсь вновь увидеть Куртавнель, рано или поздно.

Прощайте; будьте здоровы и помните обо мне. Братски жму вам руку. Поцелуйте за меня Луизу.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Известите меня, пожалуйста, о получении этого письма.

184. Полине Виардо (с. 107)

С французского: С.-Петербург, 26 ноября / 8 декабря 1851. Понедельник.

Добрый день, дорогая и добрая госпожа Виардо.

Начинаю с того, что я очень встревожен — вчера по телеграфу здесь стало известно о государственном перевороте в Париже[1], а так как я не могу себе представить, чтобы подобное событие могло обойтись без пролития крови и беспорядков, я очень беспокоюсь за вас и за малышку, тем более, что оба дома, в которых вы живете, т. е. ваш дом и ее пансион, находятся вблизи от самых беспокойных предместий Парижа[2]. Да поможет вам и да хранит вас бог! Сидите дома и не подходите к окнам! Смешно, что я даю такой совет, ибо, когда вы получите мое письмо, возможно, порядок будет так или иначе уже восстановлен. Но пусть этот совет хотя бы докажет вам мое волнение! А оно, признаюсь, велико, я совершенно потрясен... До скорого свидания, дорогой и добрый друг, тысяча добрых пожеланий вам и вашим близким. Напишу вам завтра и отправлю письмо в субботу. Что еще узнаем мы за это время!

---

[a] если богу угодно (*исп.*).

Пятница, $\frac{\text{30 ноября}}{\text{11[a] декабря}}$.

Добрый день, дорогой друг. В течение трех дней новости из Парижа были хотя и поразительными, но мирными — однако со вчерашнего дня стало известно, что разразился страшный бунт — один только бог знает, какой ужас меня охватил! Говорят о сражении на заставе Рошешуар — это в двух шагах от вас — и ваш дом на углу — не следует об этом думать слишком много, это вселяет в меня невыразимое волнение! Дорогой друг, да хранит вас небо!

Вторник, 14/6 декабря.

Я понимаю и разделяю ваши заботы, дорогая и добрая госпожа Виардо, однако не могу не признаться вам, что с вашей стороны очень нехорошо не подумать о том, чтобы успокоить меня хотя бы одним единственным словом! Один из моих друзей вчера получил письмо из Парижа от 7-го числа — кажется, залпами было убито много любопытных на бульварах, и на этот раз сражались не в предместье С.-Антуан, а прямо в центре города [3]. Одно слово от вас успокоило бы меня. Надеюсь, что я скоро получу это столь долгожданное слово!

У меня нет ни мужества, ни бодрости говорить с вами сегодня о чем-либо другом. Музыка, театр и т.д.— может ли это сейчас интересовать вас, да и сам я могу ли об этом говорить? Я вам напишу, как это было и раньше, только после того, как получу письмо от вас. С тех пор, как я здесь, я писал вам три раза — во вторник $\frac{\text{20 ноября}}{\text{2 декабря}}$, в субботу $\frac{\text{24 ноября}}{\text{6 декабря}}$ и сегодня. Я послал вам свой адрес, но так как возможно, что мое письмо не дошло до вас, вот где я сейчас живу:

«Угол Малой Морской и Гороховой, в доме Гиллерме, квартира № 9».

Прощайте, завтра будет ровно полтора года, как я видел вас в последний раз. Когда мы увидимся вновь? Прощайте, да хранит вас небо и всех, кто вам дорог! Жму ваши руки с нежностью и волнением.

Ваш

И. Тургенев.

191. Полине и Луи Виардо (с. 115)

С французского:

С.-Петербург,
8/20 января 1852.
Вторник.

Мои дорогие и добрые друзья, вот уже скоро три недели, как я болен (вы получили мое письмо, написанное 10 дней назад? [1]) и еще не выхожу — или, если говорить точнее, я вышел, но слишком рано, что вызвало рецидив, правда, легкий — но всё же достаточно сильный, чтобы снова заточить меня. В настоящее время я почти вылечился, но твердо решил на этот раз не высовывать носа, пока не почувствую себя совершенно здоровым. Всё это время я изрядно скучал, виделся мало с кем — мой доктор [2] запретил мне разговаривать — и поскольку друзья не могли курить у меня — мне

---

[a] *Так в подлиннике.*

приходилось приглашать их поиграть со мною в карты. Но надеюсь, что скоро жизнь войдет в привычную колею. Должен сказать вам, что накануне Нового года я получил столь долгожданное известие об окончательном разделе имений между мной и моим братом [3]. У меня больше земель — но и долгов гораздо больше — и притом мои владения очень разбросаны, доля моего брата устроила бы меня гораздо больше — его владения почти целиком свободны от долгов и все у него под рукой, но дело сделано — и я этим очень доволен. Я рассчитываю поехать посмотреть всё это в последние дни апреля и остаться там до зимы. При разделе мне достались земли и на самом севере Тамбовской губ⟨ернии⟩, в 300 верстах от Москвы; там, кажется, тьма дичи; оттуда я и начну свою поездку, надеюсь подстрелить там множество куликов — Виардо получит правдивый рассказ о моих подвигах. Оттуда я рассчитываю поехать в Спасское, где пробуду до 20 июля; затем поеду в Нижний Новгород на время ярмарки; совершу путешествие по Волге, проеду до Казани и вернусь к себе через Симбирск, где у меня есть друзья [4]. Найдите всё это на карте, если вам больше нечего делать, как я нашел Данс, расположенный в графстве Бервик между Белым и Черным Эддером [5]. Не исключено, что я проведу зиму в Москве, вместо того чтобы поехать сюда. У меня было намерение совершить в этом году путешествие гораздо более значительное — поехать в Одессу — может быть на Кавказ (по-моему, я даже писал вам об этом) [6]. Но положение моих дел этому препятствует. Мне нет необходимости говорить вам, что я был бы счастлив совершить совсем другое путешествие — но о нем так рано не приходится и мечтать. В моем воображении я отношу его к весне 1854 — через два года — как видите, это не скоро, полагаю, однако, что раньше оно не получится. Но только в самом крайнем случае я оставлю идею поохотиться с вами, мой славный Виардо, в вашем славном Бри — в сентябре 1854! — Это будет уже не так, как некогда с маленькой Дианой (которая, между прочим, чувствует себя хорошо и одарила меня новым семейством). Но, надеюсь, мы будем это делать с таким же удовольствием и хорошим настроением. А потом — Сид через два года будет еще превосходен!

Из моего заточения я почти ничего не могу сообщить вам — статья Берлиоза о «Сафо» поистине меня взволновала — я ее дал перевести и надеюсь напечатать в обоих журналах, куда я пишу [7]. Должен в то же время сознаться, что я не могу не сердиться на вас за то, что вы не присылаете мне мелодий Г⟨уно⟩ [8]. Это сильнее меня — и *я на вас сержусь*. Я работал кое-как — но больше скучал. Зима начинается для меня довольно уныло.

Пятница, 11/23 января.

Только что получил ваши два письма из замка Данс, мои дорогие друзья,— и новость, которую вы мне сообщаете, дорогая госпожа Виардо, так важна, что я должен тотчас же ответить вам. Могу сказать, что я не разделяю ваших мрачных предчувствий, у меня есть некая уверенность, что маленькое существо, о котором вы говорите и которое я уже люблю, благополучно появится на свет. Всё, чего я желаю — это познакомиться с ним до того, как оно начнет слишком бегло разговаривать. Но, во имя неба, берегите себя и следите за собой как только можете. Доверьте заботы о себе этому доброму семейству Хэй — а вы, Виардо, напишите мне, прошу вас, как только событие совершится — чтобы я не покинул Петербурга, не выпив за здоровье новорожденного и его родителей.

Будем надеяться, что появится мальчик — и мальчик здоровый и красивый [9].

Эта новость так поглотила меня, что у меня нет желания говорить о чем-либо другом. Здоровье мое день ото дня улучшается — но я еще не выхожу. Ваш сценарий, Виардо, заинтриговал меня [10] — а ваши охоты кажутся мне весьма приятными. Ну, прощайте,— я скоро напишу вам — но надо отправить это письмо.— Будьте счастливы, довольны и в особенности здоровы!

Совершенно преданный вам
И. Тургенев.

194. Полине Виардо (с. 119)

С французского:

С.-Петербург.
18 февраля / 1 марта 1852.

Поистине непростительно, дорогая госпожа Виардо, что я почти целый месяц не писал вам, столь же непростительно, сколь и необъяснимо для меня. Я рассчитываю на вашу доброту и обещаю в дальнейшем быть более исправным.

Я получил ваше второе письмо из Данс Касл [1] (а также то, в котором Виардо писал о своих охотах у л⟨орда⟩ Лэндердейла [2]) и с удовольствием отметил, что ваше здоровье всё улучшается. Я молюсь, чтобы оно оставалось таким же вплоть до решительного момента в мае месяце и чтобы этот момент прошел как можно скорее и лучше [3]. Здоровье мое было долгое время слабым, я вышел в первый раз не более 10 дней тому назад (во фланелевом жилете — скажите это В⟨иардо⟩) — сейчас я чувствую себя совсем хорошо. В целом я провел зиму довольно тоскливо; вот уже неделя, как у нас пост, и единственное, что я смог увидеть в театре до закрытия — «Сарданапал» Алари — был весьма плохим вознаграждением за то, чего я был лишен. Итальянское тра-ля-ля, пустое и бессодержательное, необычайно претенциозное и кишащее очевидными заимствованиями, сквозь которые тускло поблескивают две или три приятные мелодии. Либретто глупейшее, Сарданапал — просто мокрая курица. Они не сумели воспользоваться великолепным превращением сладострастника в героя — а именно в этом и заключается всё очарование драмы Байрона. *Решительные действия* поручены Мирре (м-ль Гризи). Можете себе представить, что она не упускала возможности воздевать руки наподобие Нормы. В общем, успеха не было — и Сарданапал мертв [4].

Теперь все уехали. Накануне отъезда я видел Тамберлика у гр. Виельгорского — я познакомился с ним — он мне очень понравился, он очень любит вас, и я попросил его передать вам от меня привет [5].

Репутация Гуно в Париже растет и укрепляется, судя по тому, что я читаю в газетах; я этому очень рад [6].

Кстати о Париже, не знаю, не должен ли я писать вам на улицу Дуэ... однако пошлю это письмо в Шотландию, а через несколько дней напишу другое письмо во Францию.

Я напишу также м-ль Ренар и малышке; как только узнаю, что вы в Париже, я вышлю вам 1200 франков на ее содержание [7].

Дорогая госпожа В⟨иардо⟩, прошу вас извинить незначительность моего письма после столь долгого молчания — я был очень мало расположен к тому, чтобы взяться за перо, но не хотел больше

откладывать. Если мой стиль утомителен, моя глубокая привязанность к вам и к вашей семье таковой не является и никогда не будет.

Правда ли, что Леонар собирается приехать сюда во время поста? Как я был бы рад его видеть! А его жена!.. Сколько воспоминаний [8]!

Я решительно глуп сегодня и едва ли чувствую себя достойным пожать вам руку. Тем не менее я делаю это со всем рвением старой и неизменной дружбы. Тысяча добрых пожеланий милому Виардо и Чорли, если вы видетесь с ним в Лондоне, ему я тоже хочу написать.

Прощайте, дорогая госпожа В⟨иардо⟩, да хранит вас бог!

Совершенно вам преданный

И. Тургенев.

196. Полине Виардо (с. 122)

С французского: С.-Петербург.

$\frac{\text{21 февраля}}{\text{4 марта}}$ 1852. Четверг.

Только что получил ваше письмо из Данс Касл, дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩, в котором вы просите меня писать вам отныне в Париж [1]. Не прошло и трех дней, как я послал вам письмо в Данс Касл, но мне хочется написать вам сегодня, хотя, по правде говоря, я не знаю до какой степени можно положиться на исправность почты. В то же время я хочу искупить свое долгое молчание.

Не могу скрыть от вас, что ваш кашель меня очень волнует. Я убежден, что среди семейства Хэй вам было так хорошо, как это только возможно, но я также уверен, что вам больше подошел бы климат, который был бы умереннее шотландского. Однако дело сделано — надо надеяться, что весна придет вам на помощь. Повторяю: ваш кашель меня беспокоит гораздо больше того, что вас ожидает в мае, не сомневаюсь, что с этим вы справитесь превосходно.

От ваших концертов в Данс Касл у меня потекли слюнки. С каким удовольствием я променял бы на один из них все эти громадные и наизусть известные оперы с их заслуженными певцами и певицами...

Среда, 27 февраля.

Я не могу продолжать это письмо так, как его начал. Нас поразило великое несчастье: Гоголь умер в Москве, умер, предав всё сожжению, всё — 2-й том «Мертвых душ», множество оконченных и начатых вещей,— одним словом, всё! Вам трудно оценить всю огромность этой столь жестокой, столь невосполнимой утраты [2]. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был не просто писатель: он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого. Быть может, эти слова покажутся вам преувеличенными, вызванными горем, но вы не знаете его; вы знаете только самые незначительные из его произведений [3], и если б даже вы знали их все, то и тогда вам трудно было бы понять, чем он был для нас, надо быть русским, чтобы это почувствовать. Самые проницательные и умные из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста английского типа [4], его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились!

Вторник, $\frac{4}{16}$ марта.

Все новости, пришедшие в эти дни из Москвы, лишь подтвердили зловещие слухи, распространившиеся с самого начала. Ничто, ничто не уцелело. За 10 дней до своей смерти он всё сжег и после совершения этого нравственного самоубийства слег, чтобы больше не подняться. Правда, мне невозможно объяснить вам причину этого ужасного решения; вам будет достаточно узнать, что смерть его была трагичной, почти добровольной; она — результат долгой и мучительной борьбы, которая давно *раздирала* его. Но какое право имел он унести все эти сокровища с собой? Разве они уже не стали нашим общим достоянием? Заметьте, Гоголь должен был вскоре выпустить в свет новое и полное издание своих сочинений.

Похороны его вызвали поистине всеобщую скорбь. Гроб не дали водрузить на катафалк. Толпа несла его на руках до самого кладбища, расположенного в 6 верстах от церкви.

Представьте себе, здешняя цензура запрещает уже самое упоминание его имени!!!

Извините, дорогая госпожа Виардо, но я не могу сейчас говорить о другом, хотя и чувствую, что письмо мое должно вас утомить. До следующего раза. Прощайте и тысяча приветов.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

202. Полине Виардо (с. 127)

С французского: С.-Петербург.
Пятница, 21 марта 1852.

Давно не писал я вам, дорогая и добрая госпожа Виардо (надобно также сказать, что сегодня исполнился ровно месяц, как я не получал писем от вас). Мне нечего особенно рассказать вам — в последнее время я виделся с множеством людей — из любопытства я даже совершил несколько экскурсий в высший свет — и даже — что гораздо хуже! — устроил там чтения, успех которых заставил меня вспомнить следующее стихотворение Гёте: «Bewunderung von Kindern und von Laffen...» [а,1] и несмотря ни на что, несмотря на весь этот успех, я испытываю грусть, печаль, глубокую тоску. Ни одного дня я не был действительно здоров, ни одного часа — по-настоящему деятелен — ничего... Я начинаю думать, что кончился — как говорят,— с нетерпением жду я весны — чтобы быстро-быстро зарыться в деревне — там меня ожидают долгие дни охоты — эти долгие дни, когда с наслаждением ощущаешь, что не задумываешься ни на мгновение. Я рассчитываю продлить мое пребывание в деревне как можно дольше — возможно, я проведу там всю зиму — в любом случае я возвращусь в Москву только к Новому году; что же касается Петербурга, то я им сыт по горло — и, конечно, впредь никогда не буду там останавливаться. У меня есть план путешествия следующим летом — путешествия грандиозного — по-прежнему в пределах cara patria [б] — любое другое путешествие было бы для меня запретным — может быть, я поеду в Сибирь посмотреть, действительно ли комары там больше, чем в Евро-

---

[а] «Восхищение детей и глупцов» (*нем.*).
[б] милой родины (*итал.*).

не, как утверждают натуралисты [2]. Хотел бы я знать, где я буду 1 января 1854? Возможно, на краю Камчатки, охотясь на белого медведя. Вы будете получать от меня письма со странными адресами, обещаю вам — но вы их будете получать — пока я смогу держать перо в руках — ибо окажись я на Северовосточном Мысу (посмотрите на карту северной части Сибири), я и там сохраню подлинные и глубокие привязанности моей жизни.

Я получил большое письмо от м-ль Берты, она сообщает об отправке портрета и мелодий — до сих пор я ничего не получил [3]. Ходил к г-ну Джеймсу Талю — ничего. Однако до меня дошло, что некий г-н Крузенштерн привез кое-что для меня — но я не знаю, как откопать этого г-на Крузенштерна.

Говорил ли я вам, что цензура наконец разрешила издание моих «Записок охотника», которые появятся в Москве в двух больших томах [4]? Я пришлю их вам, хотя это будет по-русски. Хорошенько поразмыслив, я решил не делать посвящения [5]. Но мне стыдно говорить об этом после смерти Гоголя. Ахилла нет — настал черед пигмеев.— Не могу вам передать, до какой степени эта смерть ранила меня — это как заноза, которую я ношу в сердце,— но поговорим о другом.

Я купил красивого английского сеттера совершенно черного цвета по кличке Даш — чтобы заменить бедняжку Диану, которая стареет.

Я не уеду отсюда, пока не пошлю Виардо содержание Полины.— Как только вы получите это письмо, начинайте мне, пожалуйста, писать на контору Языкова.— Я пришлю вам адрес моей подмосковной деревни — или же — знайте, что с 1-го мая старого стиля или 13 мая нов. стиля я — в Спасском и вот мой адрес: (через Санкт-Петербург)

Россия, Орловская губ⟨ерния⟩, город Мценск.

Г-ну Ивану Тургеневу.

⟨*по-русски*⟩: Орловской губернии в город Мценск.
Ивану Сергеевичу Тургеневу.

27 января [а] — четверг.

Дорогая госпожа Виардо, вчера вечером получил ваше письмо № 2 из Парижа (этот номер показывает, что письмо № 1 потерялось!) — и спешу поблагодарить вас и ответить.— Прежде всего, прошу вас не принимать близко к сердцу мрачный тон в начале этого письма — были мгновения, когда у меня мелькала мысль бросить его в огонь — но я слишком к вам привязан, чтобы [б] притворяться и не показывать того, что происходит во мне. Не следует, однако, допускать, чтобы моя привязанность и откровенность в конце концов доставили вам огорчение. Поэтому заклинаю вас не принимать этого всерьез — у кого не бывало приступов *blue devilry* [в]? То, что вы пишете о своем здоровье, не слишком хорошо, но и не слишком плохо — но ваша бессонница меня беспокоит — попробуйте не пить на ночь чаю — мне это иногда помогало.

[а] *Так в подлиннике.*

[б] *Далее зачеркнуто*: иметь право.

[в] черной меланхолии (*англ.*).

203. Полине Виардо (с. 129)

С французского:

С.-Петербург,
8/20 апреля 1852.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, пишу вам наспех несколько слов только для того, чтобы сообщить, что я наконец получил портрет малышки и мелодии Гуно [1] — портрет очень мил, если он не льстит — какое доброе и симпатичное личико! — мелодии доставили мне бесконечное удовольствие — право же, никакая другая музыка не *волнует* меня до такой степени — и потом все воспоминания, с этим связанные!.. Кстати, правда ли, что Гуно женится — если это так, то передайте, что я от души желаю ему счастья. Кажется, я встречал у вас м-ль Циммерман [2]. Когда я думаю, что мое письмо придет к вам накануне или, может быть, на другой день после ожидаемого большого события — сердце мое начинает трепетать [3]. Попросите В⟨иардо⟩ немедленно сообщить мне — на адрес конторы Языкова и К°. Передайте ему также, что я умоляю его (равно как и м-ль Ренар) простить меня за задержку в этом году содержания [4]. Я вышлю его сразу по приезде в Москву — я уезжаю отсюда 15-го, то есть через неделю [5]. Напишу вам еще до отъезда.

До свидания, дорогая и добрая госпожа Виардо. Целую Ваши руки с глубочайшей нежностью и остаюсь навсегда

совершенно вам преданный
И. Тургенев.

Передайте мою благодарность м-ле Берте.

209. Полине Виардо (с. 132)

С французского:

С.-Петербург,
24 апреля / 6 мая 1852.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, всё что я мог бы вам сказать, не передало бы, до какой степени я постоянно думаю о вас с некоторых пор. Это словно удвоение чувства беспокойства, которое переходит в страх. В то же время у меня есть твердое убеждение, что всё будет хорошо и вы легко и благополучно совершите этот трудный шаг, который вам предстоит, который будет еще предстоять вам, когда вы получите это письмо, если можно верить тому, что вы говорите мне в вашем письме о возможных сроках предстоящего события. Я умоляю Виардо на следующий же день сообщить мне о результатах [1].

Я получил письмо № 3 [2], посланное в контору Языкова. Различные непредвиденные дела задержали меня здесь и еще задержат меня дольше, чем я предполагал, до 15 мая ст. ст. [3] Продолжайте писать мне на контору Языкова. Теперь мы условились так, чтобы в дальнейшем не произошло какого-либо недоразумения.

Сообщение о женитьбе Гуно вызвало у меня какое-то тягостное удивление. Только бы мои «*misgivings*» [a] не осуществились! Думаю, что если бы он не был священником, то не женился бы так странно [4]. Он написал мне об этом с некоторым смущением, я отвечу ему как можно проще. В нем есть нечто, что трудно поддается определению и чего я не хотел бы видеть. Впрочем, это нечто, возможно, присуще

---

[a] предчувствия (*англ.*).

его натуре, которая в целом прекрасна, благородна и щедро одарена — und man bleibt am Ende was man ist[б, 5], как говорит Гёте. Его восхитительные романсы (особенно «Осень»[6]) вызвали во мне множество воспоминаний — Nachklänge einer Zeit und einer Welt, die für mich auf ewig verschwinden sind[в, 7] — поблагодарите его за них от моего имени. Вы правильно предположили, что мой отказ поехать повидать вас в Париже не зависит от моего желания. Повторяю, дорогой и добрый друг, надо и *думать перестать* о скором свидании. У *меня* имеются *основания*, чтобы вам это говорить.

Вы легко поймете, что это так грустно, что мне лучше поговорить о чем-нибудь другом.

Языков должен принести мне сегодня от Штиглица вексель на 1200 франков, который я отправлю послезавтра на имя Виардо в ответ на его письмо.

Побраните Полину от моего имени за ее новый недостаток. И однако осмелюсь ли сказать вам? Это плохое настроение, равно как и ее аппетит Гаргантюа[8] — еще одно доказательство, что она действительно моя дочь. Таким и я был в детстве, обижаясь по любому поводу и поглощая все подряд. Вы не представляете, как она похожа лицом на меня в ее возрасте. Существует мой портрет, где мне 10 лет, это поразительно! Тем не менее, побраните ее. Кстати, Полина спрашивает, сколько ей будет в мае — 11 или 12 лет: ни 11, ни 12, а 10, она родилась в 1842 году.

Вы спрашивали меня в предыдущих письмах[9], почему я вам ничего не рассказываю о своих литературных занятиях. Потому что я очень мало сделал с тех пор, как вернулся в Россию. Сейчас я тружусь над большим сочинением. Не знаю, доведу ли я его до конца — это большой роман, ряд глав которого уже написан. Я расскажу вам о нем, когда дело продвинется в большей мере. Необходимо сделать несколько зарисовок с натуры — это одна из причин, которые побуждают меня посетить Малороссию. Однако это не исторический роман[10].

Ваша собачонка на мосту — прелестна, животному свойственна некая правдивость в проявлении чувств, вследствие чего его приятно изучать. Человек неестественен и сложен, это более занятно, но в конце концов обнаруживаешь веревочки, приводящие его в движение, впрочем, все мы находимся за кулисами. У природы те же оттенки, но она рассеяла их по обширному своему пространству, они более естественны. Не знаю, понятно ли я говорю. Нет ничего общего между наивной мордой коровы и свирепой пастью тигра. Человеческое лицо может передать оба эти выражения, но неподвижность природы придает им большую естественность и проникновенность. Вот почему мне очень нравится ваша собачка. Она, должно быть, черная и с висящим хвостом, вы мне ее не описываете, но я ее себе представляю.

Я напишу вам *до конца* недели, даю слово. В⟨иардо⟩ получит письмо и деньги через три дня. Прощайте, дорогой и добрый друг, *будьте здоровы* — теперь, как никогда, это мое самое заветное желание. Тысяча приветов всем. Целую ваши дорогие руки с глубокой нежностью.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

[б] и человек остается в конце концов тем, что он есть (*нем.*).

[в] отзвук времен и событий, которые исчезли для меня навечно (*нем.*).

210. Луи и Полине Виардо (с. 134)

С французского:

С.-Петербург.
1/13 мая 1852.

Мои дорогие друзья,

Это письмо передаст вам одно лицо, которое выезжает отсюда через несколько дней или же оно отправит его в Париж, переехав через границу, так что я могу немного поговорить с вами откровенно и не опасаясь любопытства полиции [1]. Прежде всего скажу вам, что если я не уехал из С.-П⟨етербурга⟩ еще месяц тому назад, то уж конечно не по своей воле: я нахожусь под арестом в полицейской части — по высочайшему повелению — за то, что напечатал в одной московской газете статью, несколько строк о Гоголе. Это только послужило предлогом — статья сама по себе совершенно незначительна, но на меня уже давно смотрят косо, привязались к первому представившемуся случаю. Я вовсе не жалуюсь на государя: дело было ему представлено таким предательским образом, что он не мог бы поступить иначе. Хотели подвергнуть запрету всё, что говорилось по поводу смерти Гоголя,— и кстати обрадовались случаю одновременно наложить запрещение на мою литературную деятельность [2]. Через две недели меня отправят в деревню, где я обязан жить до нового распоряжения [3]. Всё это, как вы видите, невесело; тем не менее я должен сказать, что со мною обращаются вполне почеловечески; у меня хорошая комната, книги; я могу писать, в первые дни я мог видаться со знакомыми, потом это запретили, так как их приходило слишком много. Несчастье не обращает в бегство друзей, даже в России. Правду сказать, *несчастье* и не особенно велико: 1852 год будет для меня без весны; вот и всё; самое же грустное во всем этом то, что надо окончательно проститься со всякой надеждой выехать за границу; впрочем, я никогда не обманывал себя на этот счет. Покидая вас, я хорошо знал, что расстаюсь надолго, если не навсегда. Теперь у меня только одно желание: чтобы мне позволили свободно разъезжать внутри самой России. Надеюсь, что в этом мне не откажут! Наследник очень добр — я написал ему письмо, от которого ожидаю хорошего [4]. Вы знаете, что государь в отъезде. Наложили также печати на мои бумаги, или, вернее сказать, опечатали двери моей квартиры, а спустя десять дней сняли печати, ничего не осмотрев; вероятно, знали, что там нет ничего запрещенного.

Нужно признаться, что я порядком скучаю в своей дыре; пользуюсь этим вынужденным досугом для изучения польского языка, заниматься которым начал шесть недель тому назад. Мне остается еще четырнадцать дней заключения. И уж считаю же я их, поверьте!

Вот, мои дорогие друзья, не очень приятные новости, которые я могу сообщить вам. Надеюсь, что вы расскажете мне что-нибудь получше. Здоровье мое хорошо, но я постарел до смешного. Я мог бы послать вам целую прядь *седых* волос — без преувеличения. Однако я не теряю мужества. В деревне меня ожидает *охота*! Затем я постараюсь привести в порядок свои дела; буду продолжать мои очерки о русском народе, самом странном и самом удивительном народе, какой только есть на свете. Я стану работать над своим романом [5] тем более свободно, что не буду думать о прохождении его через когти цензуры. Мой арест, вероятно, сделает невозможным печатание моей книги в Москве — очень жаль, но что же делать [6]?

Я прошу вас почаще писать мне, мои дорогие друзья, ваши письма будут много способствовать поддержанию во мне мужества в эти дни испытаний. Ваши письма и воспоминания о прошедших днях Куртавнеля — вот всё мое богатство. Я долго не останавливаюсь на этом из боязни расчувствоваться. Вы хорошо знаете, что мое сердце всегда с вами, и сказать это я могу особенно теперь... Моя жизнь кончена, в ней нет больше очарования. Я съел весь свой белый хлеб; будем жевать оставшийся пеклеванный и просить небо, чтобы оно было «очень милостиво», как говорил Вивье.

Мне не для чего говорить вам, что всё это должно остаться в глубокой тайне; малейшего упоминания, малейшего намека в какой-нибудь газете будет достаточно, чтобы окончательно погубить меня [7].

Кстати, мой дорогой друг, получили ли вы 300 руб. сер., посланные через Штиглица; я хотел сказать: получили ли вы мое письмо, посланное четыре дня тому назад вместе с переводным векселем от Штиглица?

Прощайте, мои дорогие и добрые друзья; будьте счастливы, а я буду радоваться вашему счастью, насколько смогу. Будьте здоровы, не забывайте меня, пишите мне чаще и будьте уверены, что я мысленно всегда с вами. Целую вас *всех* и посылаю вам тысячу благословений. Милый Куртавнель, посылаю также привет и тебе! Прощайте, прощайте; пишите мне часто. Еще раз целую вас. Прощайте!

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Вскоре я напишу вам обычным путем. Я напишу вам из Москвы — и в самый день моего приезда в Спасское. Мой адрес по-прежнему: в контору Языкова.

⟨*В начале письма приписка*:⟩

Письмо мое я адресовал м-ль Берте, потому что не хотел ставить имя Виардо и опасался писать непосредственно г-же Виардо, не зная, в каком состоянии мое письмо ее застанет.

218. Полине Виардо (с. 141)

С французского:

№ 4

Спасское.
Воскресенье, 10/22 августа 52.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, я еще не уехал в тот маленький городок Епифань, о котором упоминал в письме вашему мужу [1]. Кое-какие дела задерживают меня здесь и задержат до среды — пользуюсь этим, чтобы вам написать. Начну с благодарности за письмо № 2 из Куртавнеля, давно я не получал такого хорошего письма [2]. Оно дышит безмятежностью, спокойным удовлетворением, которым я обязан маленькой Клоди — строчки сжимаются к концу страницы, а их пять! Словом, это письмо сделало меня счастливым. Тем более, что хотя вы и не говорите о своем здоровье, я чувствую, что оно в прекрасном состоянии, крепкое и цветущее благодаря свежему деревенскому воздуху. Дай бог, чтобы я не ошибался и чтобы так было и в туманной Англии, куда, возможно, последует за вами это письмо. (Я посылаю его на улицу Дуэ.) Кое-что в вашем письме, однако, меня огорчило — вы знаете, о чем я говорю. Я испытывал настоящие дружеские чувства к Г⟨у-

но〉, несмотря на некоторые черты его характера, которые не ускользнули от меня и которые я относил за счет его иезуитского воспитания [3], и несмотря... Но быть неблагодарным по отношению к вам! Действовать так, как он, это возмутительно — между нами всё кончено — я больше не хочу вспоминать о *нем*, сохраняя самый живой интерес к его таланту [4]. Жаль, что подобные открытия портят даже прошлое; я не хотел бы теперь думать о времени, когда я видел его сочиняющим первый акт «Сафо» [5]... Ну, не будем больше говорить об этом. Не забудьте о вашем обещании присылать мне всё, что появится о нем на контору Языкова. Подумайте немного о пустыне, в которой я нахожусь...

Если бы по крайней мере у нас была хорошая погода! Но лето было ужасным. Ни единого сносного дня — холод, ветер, дождь — сегодня настоящая зима. Северный ветер завывает вокруг моего домишки, с яростью клонит к земле еще зеленые деревья, срывает с них листья, будто спешит поскорее покончить с тем, что еще осталось от лета. Ледяной дождь хлещет по стеклам — небо то омерзительно тускло-белое, то свинцово-серое, а дождь всё сильнее! Это ужасно..., а барометр — ниже отметки, показывающей дождь. Какая перспектива! Но надо привыкать. Впереди шесть месяцев подобной погоды, да и почему шесть — все девять, до весны!

Сегодня я получил известие, что мои «Записки охотника» наконец появились в Москве. Следует надеяться, что их издание не причинит мне вреда — они были совершенно готовы в апреле, и если я ждал до настоящего времени, то для того, чтобы показать, что у меня не было ни малейшего намерения бросать вызов кому бы то ни было. Думаю даже, что все, кто их прочитает, воздадут должное моим патриотическим чувствам. Я поручил моему издателю послать вам экземпляр — держите его в своей библиотеке и знайте, что хотя там и нет посвящения [6], я отдал этот труд под вашу защиту, как и всё, что я думаю и делаю с давних пор.

Вторник.

Погода всё та же — это и впрямь неслыханно. Только к ней относите, прошу вас, *low spirits* [a] этого письма, да еще, быть может, к болезни бедной Дианы, которая всё еще продолжается, несмотря на пилюли, которые мне посоветовали ей давать. Увы, мне придется уехать без нее!

Вчера я прочитал в «Illustrated News», которые получает мой брат, известие о вашем ангажементе в Бирмингеме и Норидже [7]. Жду от вас подробностей, прошу, подумайте обо мне. Кстати, мой экземпляр — или, вернее, *ваш* экземпляр моей книги будет отослан на улицу Дуэ.

Прошу прощения, что не закончил эту страницу — нужно посылать письмо на почту. Дорогая госпожа В〈иардо〉, не проходит и ночи, чтобы я не видел во сне Парижа или Куртавнеля... Поверьте, что мой ум и сердце всегда полны вами и вашими близкими. Завтра я уезжаю в Епифань, напишу вам оттуда до конца недели...

Прощайте. Тысяча приветов всем, с нежностью целую вам руки.

Ваш
И. Тургенев.

---

[a] грустный тон (*англ.*).

221. Полине Виардо (с. 145)

С французского:

Вы пошлете его на контору Языкова, который получил мои указания. Не забудьте также о музыке Гуно.

Господи! Как быстро бежит время! Сегодня 21 сентября. Мое письмо не дойдет до вас раньше 15 числа следующего месяца — вряд ли оно застанет вас в Куртавнеле. Где вы проводите зиму? Полагаю, что не на улице Дуэ. Пока я пишу вам, мой брат с Тютчевым объезжают наши земли на предмет раздела. Его маленькая Ольга выздоровела, ибо в противном случае он должен был мне написать [1].

У г-на Панина одна барышня, немного похожая на вас, вздумала спеть молитву Марии де Роган [2] приятным, довольно обработанным контральто, хотя голос ее прерывался от страха на каждой ноте. Это произвело на меня впечатление и пробудило много воспоминаний. У таких стариков, как я, воспоминания заменяют надежды. Эта барышня довольно долго жила в Италии — я был бы очень рад познакомиться с нею — без ее матушки, одной из тех особ, выражение лиц которых представляет собою смесь сурового достоинства и обыкновенного любопытства — выражение, которое, к сожалению, часто встречается у матерей, имеющих дочерей на выданье. Вид надменный, осанка величественная, благородно-обвислые щеки — и взгляд сороки, ясный и пронизывающий! — когда он направлен прямо на вас. В целом это малоприятно. Панин (это были его именины) — в прошлом достаточно остроумный балагур, женат и отец пяти детей. Какой печальный конец для балагура! Впрочем, это добрый малый, который не разучился еще кусаться, когда представляется возможность, весьма редкое качество среди помещиков... Виват! прибыл порох. До завтра — до сегодняшнего вечера!

Понедельник утро.

В совершенной спешке добавляю несколько слов — вчерашняя охота была довольно успешной — мы убили 22 штуки — из них на моем счету 10. Мы потеряли много времени в болоте, высушенном хорошей погодой.

Через четверть часа я уезжаю снова с г-ном Андреевым, так как Ваксель подвел меня.

Прощайте, будьте здоровы. Будьте счастливы и веселы. Желаю вам и всем вашим всего самого лучшего. Обнимаю весь Куртавнель.

Ваш И. Тургенев.

224. Полине Виардо (с. 148)

С французского:

Спасское.
Понедельник, 13/25 октября 1852.

Вообразите себе ураган, снежный смерч, который не падает, но несется, кружится, *затемняет* воздух, хотя сам он и бел, и устилает землю до высоты человеческого роста. Вот какова у нас сейчас погода, дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩. Вы, европейцы, не можете себе представить, что́ такое русская *метель*. К счастью, не очень холодно, а не то сколько было бы жертв! Два года тому назад в одной Тульской губернии погибло 900 человек в такую же *метель*.

Но никто не запомнит, чтоб подобная метель случалась в такое время года! Зима точно поторопилась прийти раньше, чем обычно, чтобы утешить нас за скверное лето, только что перенесенное нами. Это похоже на историю человека, который женится на женщине некрасивой и бедной, *но* глупой! И все-таки я не грущу, несмотря ни на эту отвратительную погоду, ни на предвкушение шестимесячного полного уединения, ожидающего меня. Напротив, я чувствую радостное волнение: ведь передо мною ваше милое письмо, написанное после возвращения в Куртавнель из Англии [1].

Дорогой и добрый друг, умоляю вас писать мне часто; ваши письма всегда делали меня счастливым, а теперь они мне особенно необходимы; я сейчас прикован к деревне на неопределенное время и должен довольствоваться собственными средствами. Ни музыки, ни друзей; да что? нет даже соседей, чтобы скучать вместе! Тютчевы — превосходные люди, но мы с ними плаваем в слишком разных водах. Что же остается мне? Кажется, я вам говорил это не раз: работа и воспоминания. Но для того чтобы работа была легка, а воспоминания менее горьки, мне нужны ваши письма, с отголосками счастливой и деятельной жизни, с запахом солнца и поэзии, который они до меня доносят. Да, кстати, вкладывайте всегда в конверт несколько травинок или лепестков... Я чувствую, как жизнь моя уходит капля за каплей, словно вода из полузакрытого крана; я не сожалею о ней; пусть уходит... что мне с ней делать?.. Никому не дано вернуться на следы прошлого, но я люблю вспоминать о нем, об этом прелестном и неуловимом прошлом, в такой вечер, как сегодня, когда, слушая унылое завывание вьюги над снежными сугробами, я представляю себе... Нет, не хочу наводить тоску ни на себя, ни — отраженно — на вас... Всё, что со мной происходит, еще очень сносно, нужно напрячься под бременем, чтобы меньше его ощущать... Но пишите мне почаще.

Ах! мой дорогой друг, какая дрожь охватила меня при воспоминании об этих *сиестах* под тополями, листья которых легко отделялись от веток и мягко падали на нас! О, да! Какое синее было тогда небо, очень боюсь, что никогда уже не увижу такой красоты. Впечатление, оставшееся у меня от всего этого, так живо и глубоко, что сто́ит мне только закрыть глаза, как я слышу ясный и легкий шепот этих листьев, уже мертвых, но особенно ярких в синеве неба, их омывавшей! Известно ли вам, что в одном месте моей книги (получили ли вы ее?) я, как и вы, говорю о деревьях, которые словно *опускаются* в небо [2]? Не впервые нам приходят в голову одни и те же мысли...

И, увенчанная грустью,
Земля погружается в сон...

Эта фраза из «Осени» Гуно [3] звучит у меня в ушах с самого начала этой страницы... почему случилось так, что я не могу думать о Г⟨уно⟩, как прежде [4]? Ну, да всё равно. Его «Осень» великолепна. Я чувствую, что весь охвачен умилением, но надо освобождаться от него — к чему это?

Я сейчас открыл на мгновение дверь моего балкона... Брррр! Какая волна мрачного холода, ледяного ветра и снега... Диана вскочила и отшатнулась в ужасе... Ах, бедняжка! ты не привыкла к такому климату. Бедная ты француженка! Давай сядем рядышком и будем вспоминать о Куртавнеле. До завтра. Но я вас не покидаю.

Вторник.

Сегодня погода странная, но довольно приятная. Воздух наполнен туманом; ветра нет вовсе, всё бело — земля и небо; снег тает с легким шумом. Всюду слышен шёпот падающих капель; очень тепло. Я отправляюсь с моими двумя егерями в обход за несколько верст отсюда; надеемся убить немало зайцев.

Я начал, согласно вашему желанию, маленький очерк об «Игре крестьянина», который займет не меньше четырех страниц; я отошлю его вам в будущий вторник; я не думал, что он выйдет таким длинным [5]... Сейчас вошел мой егерь и сказал мне: «Надо ехать, барин; после вчерашней *метели* земля словно *моется в теплой бане*». Я велел запрячь двое саней: мы прокатимся по первопутку. Дорогой друг, я обожаю вашу маленькую Клоди — попросите ее от моего имени позволения поцеловать ей ручонки.

Скажите Виардо, что я прочел его письмо с большим удовольствием [6]; маленькая сказочка в конце очень забавно сочинена; но такого рода вещи похожи на фокусы пианистов, вся их трудность (и всё достоинство) заключается в *исполнении*. Но рано или поздно будет видно. В будущий вторник я напишу маленькой Полине. Известно ли вам, что вот уже два года, как она в Париже? Она приехала туда 5 ноября 1850 г.

Прощайте, дорогой и добрый друг; до следующего письма. Нежно жму вам руки и желаю всего возможного счастья. Тысяча приветов всем.

Ваш И. Тургенев.

P. S. Проведете ли вы всю зиму в Париже? Кажется, в Петербурге будут давать этой зимой «Пророка» с участием Крувелли [7]. Я был очень рад прочесть в «Athenaeum» то, что Чорли говорит о вас и вашем голосе [8].

228. Полине Тургеневой (с. 154)

С французского:

Для Полинетты.

Дорогая Полинетта, твое милое письмецо [1] заставило меня покраснеть от того, что я тебе так давно не писал. Ты не подумай из-за этого, что я тебя забываю или что я меньше люблю тебя; я действительно тебя люблю, и всё то, что мне пишут на твой счет, усиливает мою привязанность к тебе; но у меня была пропасть забот всякого рода, что, однако, не мешало мне думать очень часто о тебе.— Вот ты уже и большая девочка, как мне говорят; я буду очень рад тебя увидеть и надеюсь, что мы когда-нибудь увидимся, но всё это еще очень неопределенно [2]. А пока веди себя хорошо, работай, главное— люби обеих твоих мамочек [3] и не забывай меня [a]. Никогда не сомневайся в моей любви.— Твой дядя Николай здоров — он в Москве вместе со своей женой.— Я прошу госпожу Виардо послать мне твой дагерротип [4], попроси ее сделать это, если возможно. Прощай, дорогая малышка, будь здорова. Обнимаю тебя от всего сердца.

Твой отец
И. Тургенев.

---

[a] *Далее начато*: Поговор⟨им⟩

231. Полине Виардо (с. 158)

С французского:

Спасское, $\frac{28 \text{ октября}}{9 \text{ ноября}}$ 52.

Сегодня день моего рождения, дорогая и добрая госпожа Виардо; именно поэтому я вам и пишу. Во все сколько-нибудь примечательные периоды моей жизни я естественно и неизбежно думаю о вас. Мне тридцать четыре года. Я думал, что мне только 33, но на днях я обнаружил записную книжку моей матери, куда ею были вписаны, в самый день родов, дни *нашего* рождения, мой и моего брата. В ней я нашел следующую запись: «Сегодня, 28 октября 1818-го года, в полдень, в Орле, я родила сына, названного Иваном» [1]. Следовательно, мне стукнуло ровно тридцать четыре года... Чёрт, чёрт, чёрт! Вот я уже и не молод, вовсе, вовсе не молод... Но что делать!

Мне кажется, что в прошлом письме я говорил вам о русской *метели*; сегодня — настоящий ураган, до того грозный и ужасный, что становится даже прекрасным. Весь дом трясется и трещит, а за окнами кружится *белая мгла*... Бедняга брат должен был приехать сегодня ко мне прямо после довольно длительной поездки; надеюсь, что он где-нибудь нашел себе приют; Тютчев с женой вернулись вчера одновременно со мною: я ездил на два дня в Орел, город в 55 верстах отсюда. Попробовал немного провинциальной жизни губернского города: это изрядно грустно. Решил твердо не высовывать никуда носа и работать в своих четырех стенах. До завтра, дорогой и добрый друг — желаю вам здоровья, счастья и доброго настроения.

$\frac{1}{13}$ ноября.

Не писал я вам эти дни, но сегодня должен написать... Снова годовщина, и знаете, какая? Сегодня ровно девять лет, как я в первый раз был у вас, в Петербурге, в доме Демидова [2]. Я помню это первое посещение так, как будто оно произошло вчера. Это было утром. Пришел я не один; со мной был маленький майор — Комаров... И представьте, несмотря на совершенную смехотворность этой личности, я всегда с удовольствием думаю о нем; его фигура вызывает во мне множество мыслей и воспоминаний; случайно он оказался связан с тем временем, которое теперь так далеко от меня и которого мне так жаль; я чувствую, как оживают во мне впечатления того сезона, 1843/44 года... Девять лет! Увы, исполнится их и десять, а у меня будет так же мало надежды увидеть вас снова, как и сейчас... [3]

Чего мне особенно здесь не хватает, это — музыки. Вот уже шесть месяцев, как я совершенно лишен ее. Госпожа Тютчева, повидимому, намерена ее забросить; вчера мне стоило невероятного труда усадить ее за фортепиано. Я просил ее сыграть финал «Дон-Жуана» [4]. Она хорошо разбирает ноты и очень музыкальна; но она любит забираться в свою раковину, особенно после смерти дочери. К тому же она слишком любит своего мужа и счастлива только подле него; она мне напоминает иногда тех маленьких зеленых попугайчиков, которых называют неразлучниками и которые держатся всегда вместе. К сожалению, ее муж не очень любит музыку, или, вернее, любит ее, как многие, совсем не за то, что́ в ней является

собственно музыкой. Существуют, например, живописцы, музыкальные переживания которых сводятся к чувству колорита, гармонии линий и пр. Литераторы большей частью ищут в музыке только литературных впечатлений; это, вообще говоря, плохие слушатели и плохие судьи; Тютчев, не имеющий никакой специальности, любит в музыке лишь то, что смутно пробуждает в нем некоторые ощущения, некоторые мысли, т. е. он, в сущности, мало любит музыку, может отлично обходиться без нее и предпочитает то, что ему в ней уже *известно*. Никто здесь не ощущает музыкального *голода*, который меня терзает. Сестра госпожи Т‹ютчевой› [5], молодая особа, очень ограниченная, очень чувствительная и очень довольная собой, действует мне на нервы своими восторгами, которые неизменно появляются у нее после первой же ноты и которые она как будто раздает совсем готовыми и горячими, точно это лепешки в театре «Жимназ» [6]; ее сестра — натура гораздо более возвышенная и серьезная, но несколько суховатая... а затем, повторяю, она ужасно поглощена мужем! В общем, я совершенно лишен музыки... Рассчитываю, впрочем, в один из ближайших дней съездить к одному соседу (в 50 верстах отсюда), у которого есть целый оркестр с капельмейстером-немцем... Но я не могу себе представить, каков может быть оркестр... купленный, потому что этот сосед своих музыкантов купил гуртом [7]... Я вам расскажу об этом.

Дорогая и добрая госпожа В‹иардо›, сегодня, как и девять лет тому назад, как и еще через девять лет, я весь ваш сердцем и душою, и вы хорошо знаете это!

4/16 ноября, вторник.

Дорогая госпожа В‹иардо›, добрый день. Надеюсь скоро получить от вас письмо; сегодня три недели, как я получил последнее. Ничего нового не могу рассказать вам; погода по-прежнему ужасная. Я так преследовал госпожу Т‹ютчеву›, что она вчера села за рояль и вместе со своей сестрой несколько раз подряд сыграла мне увертюру к «Кориолану» Бетховена (в четыре руки) [8]. Какое совершенное произведение! Я не знаю другой подобной увертюры.

Вы, вероятно, уже вернулись на улицу Дуэ; расскажите, как вы проводите время. Продолжаются ли ваши субботы? Что вы читаете? Что касается меня, то я погрузился по шею в русские летописи [9]. Когда я не работаю, то не читаю ничего другого. Как вам понравится этот конец одной старинной русской песни (дело идет об убитом молодце, который лежит «под кустом»):

То не ласточка, не касаточка
Круг тепла гнезда увивается;
Увивается тут родная матушка.
Она плачет — как река течет;
А родна сестра плачет — как ручей бежит;
Молода жена плачет — как роса падет;
Красно солнышко взойдет, росу высушит [10]!

Вы не поверите, сколько прелести, поэзии и свежести в этих песнях; я пришлю вам некоторые из них в переводе. Это обещание напоминает мне о *другом* переводе... Да! А очерка об «Игре крестьянина» я вам до сих пор не послал [11]! Вы получите его через неделю, и это послужит для меня поводом написать вам еще раз. Пока же будьте счастливы и здоровы. Тысяча приветов всем вашим. Целую с нежностью ваши руки.

Ваш И. Т.

232. С. И. Мещерской (с. 161)

С французского:

Спасское,
8 ноября 52.

Дорогая и добрая княжна — ну вот, я начал по-французски, так и продолжу, в конце концов мне кажется, что по-русски вам читать довольно трудно — я получил ваше письмо, в котором, кстати замечу, не хватает страницы: ваша последняя фраза не окончена. «У господина было» — и неизвестно, что же у него было; итак, я получил ваше письмо и благодарю вас, хотя мне и следует немного вас побранить. Вы опять говорите, что «наводите на меня скуку» и т. д. Что это — кокетство? Я это воспринимаю именно так, но поскольку выраженное вами подозрение одновременно и огорчает меня, то я не выскажу вам все те сердечные слова, которые приходят мне на ум, когда я думаю о вас; приберегу их для ответа на письмо, в котором вы больше не станете говорить ни о г-же Дю Деффан, ни о Уолполе, ни о других исторических примерах, весьма правильных и весьма мало доказательных [1]. И еще — вот общее правило, которое я вам предлагаю: есть две вещи, которые, по крайней мере, совершенно бесполезно выяснять: 1). Как порядочный человек стал таковым и 2). В чем заключается привязанность, которую питаешь к кому-либо... Лишь бы эта привязанность существовала, а я надеюсь, что в моей вы не сомневаетесь.

Относительно упрека, будто я вам мало пишу — вот мой ответ: это девятое письмо, что я вам пишу со времени моего приезда сюда — и я написал р вно столько же г-же Виардо, с которой у меня во все времена была постоянная переписка.— Признаю, что я ленив — но не забывчив.

Из двух моих русских посланий вам уже известно мое мнение о поездке на Кавказ. Должен вам признаться, что с некоторых пор мое здоровье снова расшаталось; мой гастрит возобновился с новой силой, у меня озноб, сердцебиение, спазмы каждую ночь, несмотря на самую строгую диету; у меня головные боли, которые повторяются ежедневно в один и тот же час, и т. д. и т. д. Таблетки Виши не принесли мне ощутимой пользы — я стал принимать пилюли, прописанные мне парижским д-ром Рейе. Но довольно на эту тему — желудок мой расстроен не вчера — я к этому привык. Правда, некоторые врачи уверяли меня, что не в порядке мое сердце, и все очень плохого мнения о моих нервах... Признаюсь вам, что их наука всегда внушала мне весьма слабое доверие, и в этом деле, как и во всех других, я предпочитаю плыть по течению, даже не совершая тех «rare and great efforts» [a], которые подчеркнул чей-то карандаш в «Алой букве» [2].

Вам знаком этот карандаш?

Как это у вас случился вывих? Надеюсь, что, когда вы получите мое письмо, он уже пройдет. По газетам я вижу, что в Петербурге холера — будьте осторожны. Здесь у нас было два-три случая холеры, но никто не умер.

Итак, прелестная г-жа Калерджи в Петербурге. Вы ошибаетесь, если думаете, что я мог быть в числе тех, кто теснится у ее ног, как вы говорите; я много раз видел ее в Париже, в то время, когда она, между прочим, была совершенно влюблена «in-

---

[a] редких и энергичных усилий (*англ.*).

namorata morta»[б] в генерала Кавеньяка; правду сказать, эта любовь улетучилась вместе с шансами на выборы в президенты упомянутого генерала... Она никогда мне не нравилась. Ее ум словно отшлифован гранями наподобие маленького алмаза, которому хотят придать как можно больше блеска — а к тому же она вялая, томная, жеманная и избалованная — она томно поворачивает свою большую голову на пухлых плечах и едва шевелится... я люблю женщин стройных и подвижных телом и умом. Но я хорошо представляю себе, что она может нравиться и кружить головы — чего я от всей души ей и желаю.

В течение этой зимы я обязательно съезжу на несколько дней к Тютчевым[3], но мне было бы трудно указать точно время моего визита

Кстати, не могли бы вы спросит у гр. Толстого...— но это очень деликатный вопрос — адрес некоей г-жи Миллер, урожденной Бахметевой, которая, я думаю, живет в Рязанской губернии. Кажется, Толстой сильно влюблен в нее. Я хотел бы завязать с нею переписку — должно быть, я рассказывал вам, каким образом с нею познакомился — на маскараде. Если она так же остроумна на бумаге, как в разговоре, то ее письма должны быть очень интересными Но я согласен, что невозможно просить подобные сведения у графа — извините меня за столь странное предложение. А между тем я был бы рад получить ее адрес.

До сих пор я ни минуты не скучал в деревне; правда, я много работаю. Дней через десять я поеду в Орел справиться, что ответили из Петербурга, и сообщу вам об этом.

Прощайте, дорогая и добрая княжна; будьте здоровы, счастливы и верьте в искреннюю привязанность, которую питает к вам

совершенно вам преданный

И. Тургенев.

P. S. Чтобы адрес был полным, мне надо бы также знать имя и отчество особы, о которой шла речь.

233. Полине Виардо (с. 163)

С французского:

Спасское,
12/24 ноября 52.

Дорогая и добрая госпожа В‹иардо›. Вчера, после месячного молчания, я получил ваше письмо[1]. Дни, когда я получаю ваши письма, являются для меня праздниками. Вчерашнее сделало меня совершенно счастливым — я очень рад, что у маленькой Полины доброе сердце и она умеет заставить себя полюбить. Сразу по прочтении вашего письма я пошел в библиотеку взять Расина и прочитал сцену из «Гофолии»[2], о которой идет речь. Знаете ли вы, что она очень трудна — особенно для Гофолии? Не знаю, право, что бы я отдал, чтобы присутствовать на представлении в большой гостиной — неужели действительно может случиться, что я никогда вновь не увижу Куртавнель? Не хочу этому верить...

Комаров дурак — в этом нет ни тени сомнения — но он не мог бы вам рассказать ничего особенного обо мне — я с ним почти не виделся после моего возвращения в Россию[3]. Он теперь богат, так как его родители умерли, но глупее, чем когда-либо.

[б] смертельно влюблена (*итал.*).

Вы, должно быть, уже знаете, что Тамберлик, слава богу, не умер. Из Петербурга мне пишут, что опера там отвратительная [4]. Много думают о вас, и графы В⟨иельгорские⟩ много говорят о том, чтобы пригласить вас на остаток сезона [5]. Если вы поедете в Петербург, для меня это будет ужасно! Там ставят «Пророка» — с изменениями — для Лаблаша [6]. Холера в Петербурге не очень свирепствует; однако, похоже, что она возвращается; у нас здесь было несколько случаев — правда, ни одного смертельного.

Я получаю «Athenaeum» и узнаю статьи Чорли по некоему сочетанию здравого смысла, прямодушия и некоторой *quaintness* [а], присущих только ему. Единственное, в чем я могу его упрекнуть, так это в том, что время от времени он пишет стихотворения во вкусе Теннисона, к которому я испытываю отвращение — это Марини нашего времени. В поисках новизны и изящества выражения современные поэты становятся непонятными. Они производят на меня впечатление людей, которые спрашивают себя: где и когда я должен почесаться? и которые в конце концов чешут себе кончик носа *левой* рукой — через голову и *правое* ухо. Послушайте же:

Could you not drink her gaze like wine?
Yet, though their splendour swoon
Into the Camplight languidly
As a tune into a tune
Those eyes are wide and clear — as if
THEY SAW THE STARS AT NOON!! [б]
(«Athenaeum», N. 1304) [7]

О, Байрон! Где ты? Ты, смеявшийся над Китсом за то, что он сказал о чаше с вином, что она

«full of provençal song and sunburnt mirth» [в] —

что сказал бы ты об этих глазах, которые видят звезды средь бела дня [8]? Переведите всё это, пожалуйста, к радости вашего мужа. В нашей литературе тоже есть примеры подобной тенденции — с нею необходимо жестоко бороться — против всего этого нет лучшего противоядия, чем чтение древних — столь сильных, простых и прекрасных — или же восхитительного Сервантеса, которого я когда-нибудь надеюсь перевести, если не умру от всего этого [9].

Если вы хотите знать, каков мой здешний образ жизни — скажу вам в немногих словах: я обнаружил, что есть единственный способ победить скуку — это... что бы вы думали? это однообразие. Поясняю: я разделил свой день на несколько частей, каждая из которых предназначена для определенных занятий, всегда тех же самых — и никогда не нарушаю установленного порядка. Вследствие этого время не слишком тянется — это как если бы вы шли по известной вам дороге, конец которой намечен вами самими: когда

[а] вычурности (*англ.*).

[б] Разве ее взгляд не пьянит вас как вино?
И хотя сияние этих глаз
Теряется в мерцании фонаря,
Как мелодия в мелодии,
Они огромны и ясны,
Словно в полдень видят звезды!! (*англ.*).

[в] полна провансальской песни и загорелого веселья (*англ.*).

нет нетерпения и неуверенности — нет и скуки — по крайней мере той скуки, которая тяготит вас и волнует. В то же время я много работаю; только что окончил небольшой роман [10] страниц в сто — и очень много читаю. Но никуда не хожу — потому что заметил, что малейшее нарушение в порядке, о котором я только что говорил, становится особенно вредным для последующих дней, которые тогда гораздо труднее прожить до вечера. Впрочем, вот мое ежедневное расписание. Я встаю в 8 час. Завтракаю и т. д. до 9. Затем совершаю часовую прогулку. С 10 до 2-х час. читаю или же пишу письма и т. д. В 2 часа перекусываю — и еще одна маленькая прогулка. Потом до 4 час. с половиной работаю. Обед в 5 часов в доме со всем семейством Тютчевых (я живу в маленьком крыле, выходящем в сад). С ними я остаюсь до 10 час. Мы играем в карты или же я читаю вслух, и т. д. В 10 час. возвращаюсь к себе. Читаю до 11 и ложусь спать и так далее — день за днем. Это не слишком весело, как видите — но это и не так печально, как можно было бы подумать.

Ах! Я забыл три партии в биллиард, которые я играю каждое утро с доктором. В версте отсюда я основал лечебницу для крестьян.

Воскресенье, $\dfrac{\text{23 ноября}}{\text{5 декабря}}$.

Дорогая госпожа В⟨иардо⟩. Завтра я еду за 50 верст к одному богатому помещику [11] на бал, где будет музыка, большое собрание соседей и соседок и т. д. Вот отличное нарушение того однообразия, о котором я вам говорил. По приезде я вам сообщу все подробности этой поездки. У этого самого помещика есть довольно большой оркестр — по-моему, я вам говорил об этом. Попрошу его капельмейстера-немца [12] сыграть мне Бетховена — 7-ю симфонию, или же до-минор, или героическую, или пасторальную...

Дорогой и добрый друг, я желаю вам всего самого лучшего — тысяча приветов Луи В⟨иардо⟩ и всем добрым друзьям. Целую ваши руки и прошу поцеловать от меня Полину и Луизу.

Ваш И. Т.

247. Полине и Луи Виардо (с. 180)

С французского:

Спасское,
3 января 53.

Итак, вы уже в Петербурге, мои дорогие друзья [1], а меня там нет! Это тяжело, и мне надо привыкнуть к этой мысли, чтобы написать вам обстоятельное письмо. Всё же вы хорошо сделали, что приехали, дорогая г-жа В⟨иардо⟩. Иначе вы потеряли бы сезон, а я уверен, что петербургская публика примет вас с неистовой радостью. Пожалуйста, пишите мне часто и пришлите мне как можно скорее ваш адрес. На этот раз пишу вам через посредство графа Матвея. Я получил записочку, датированную кануном вашего отъезда из Парижа [2], но с петербургским штемпелем. Были ли вы уже тогда в Петербурге? Завтра почтовый день, и я буду знать, в чем дело. Сегодня не могу писать; напишу во вторник. Здоровье мое так себе; я много работал этой зимой [3]. Прощайте, будьте счастливы, здоровы и не забывайте

вашего друга
И. Т.

251. Луи Виардо (с. 185)

С французского:

Спасское,
12/24 января 53.

Для Виардо.

Ваше письмо, мой дорогой друг, было желанным гостем [1]; оно принесло только хорошие новости, и я поздравляю вас от всего сердца с этим первым успехом, который я предвидел заранее, но который всегда приятно отметить [2]. Я о нем говорю гораздо больше в письме к вашей жене. Спасибо за то, что вы мне пишете по случаю Нового года. Если я и сожалею о моем отсутствии в С.-П⟨етербур⟩ге, то главным образом потому, что оно мешает мне пожать руки таким превосходным и сердечным друзьям, каким являетесь вы. Терпение! Со временем это, может быть, изменится — post nubila Phoebus [а,3], говаривал мне когда-то мой учитель латыни [4], отодрав меня за уши: таким образом он меня утешал. Только бы этот Phoebus не слишком задержался.

Большое спасибо, что вы подумали обо мне по поводу ружья. Разумеется, я согласен и оставляю его за собой, но так как зимой я не охочусь, вам нет необходимости торопиться, отправьте мне его, когда будете уезжать. Сезон кончается 1-го марта ст. ст. Но, быть может, вы поедете в Москву на первые недели поста с концертами [5]. В любом случае ваше ружье мне понадобится лишь к середине апреля, времени, когда прилетают бекасы.

Всё, что вы говорите мне о г-не Булгарине и о его мнении на мой счет, могло бы удивить меня, если бы мне не была известна эта личность. Знайте же, что этот самый г. Булг⟨арин⟩, после того как он оскорбил меня, как только мог (я не говорю о его критических статьях), после того как он написал в «Северной пчеле» по поводу тех же «Записок охотника», что я не знаю грамматики (sic) [6] и что я ненавижу Россию — всего лишь! — в конце концов сочинил статейку (*после* моей ссылки), где пытается доказать как дважды два — четыре, что я скверный писатель, клеветник и человек, за свои убеждения достойный... виселицы [7]. Если всё это доставляет ему удовольствие, тем лучше; что касается меня, то я на это почти не сержусь — но вы согласитесь, что мне было трудно поверить тому, что он вам говорил. Он не принадлежит к моим друзьям, заявил он вам; очень надеюсь, что никогда этого не удостоюсь; ненависть его делает мне честь.

Мой дорогой друг, постарайтесь убить медведя, но настоящего, большого. Только будьте осторожны, не простудитесь. Вы ведь знаете, что петербургский климат не шутит ни с кем, а с вами — меньше, чем с кем-либо иным. Будьте осторожны в еде, ешьте побольше рябчиков, это очень полезно, и вы, если не ошибаюсь, их любите.

Вы назовете мне цену вашего ружья, и я тотчас же вышлю вам сотню с чем-то франков, которые вам должен. До отъезда вы получите полностью сумму на содержание Полины. Не знаете ли вы, получил ли Юманн деньги [8]? Одно из ваших писем — большое из Куртавнеля — затерялось по дороге; возможно, в нем и шла речь о Юманне. Прощайте, дорогой друг, тысяча приветов г-ну Гулевичу [9], уверен, что вы очень хорошо у него устроились. Дружески жму вам руку.

Ваш
И. Т.

[а] после ненастья — Феб (*лат.*).

255. Полине Виардо (с. 190)

С французского:

Спасское,
23 января 53.

Я получил ваше второе письмо [1], моя добрая и дорогая госпожа В⟨иардо⟩, и признаюсь, очень встревожен, эта холера, посетившая дом, где вы живете [2], и потом эта неосторожность В⟨иардо⟩... Да он просто помешался на своих медведях! Скажите же ему, что с нашей зимой шутки плохи. Я вспоминаю, что он с каждой поездкой на охоту чувствовал себя всё хуже. Пусть смирится с тем, что придется не выезжать из Петербурга, как я смирился с тем, что придется не въезжать в него.

Я получаю «Северную пчелу» и прочел там с истинным удовольствием две статьи Б⟨улгарина⟩ и Феоф⟨ила⟩ Толстого [3]. Почему обе эти личности мне так неприятны? Ф. Толстой, неудавшийся художник, неудавшийся литератор, злобный, вероломный и угодливый, полный прокисшей желчи, которая есть не что иное, как испорченный яд, полагаю, еще более отвратителен, чем Б⟨улгарин⟩. Я часто виделся с ним прошлой зимой, мы наговорили друг другу ворох нежных слов, но я знаю, что он меня терпеть не может: он приписывает моему влиянию на Краевского то, что его отвратительный роман, произведенный на свет с невероятными усилиями, был отвергнут — этого достаточно для ненависти на всю жизнь [4]. Вообще литераторы — довольно скверное племя; а те, что являются ими лишь наполовину, вовсе ничего не стоят. Понаблюдайте за движениями его губ и бровей, когда он расточает свои медоточивые слова, какие мерзкие движения кошачьего хвоста! Прошу вас, чтобы это осталось строго между нами. Г-н Феофил — человек опасный, а мне так легко повредить.

Маленькая табакерка, о которой я говорил вам в последнем письме [5], могла быть отправлена только в среду (позавчера). Вигоневый кружочек *под* крышкой порвался в трех местах, но его легко заменить. Говорю вам об этом, чтобы вы не подумали, что это случилось в дороге. Впрочем, что́ в этой коробочке действительно мило, так это маленькая мозаичная собачка.

Счастлив узнать, что голос ваш в хорошем состоянии, но только умоляю вас щадить себя и не сжечь свои корабли, как это случилось в 44 и 45 годах [6].

Собираетесь ли вы во время поста в Москву с концертами [7]?

Письма из Петербурга подтверждают то, что вы говорите о вашем «personal appearance» [a]. Все сходятся на том, что вы выглядите моложе и свежее, чем семь лет тому назад [8]. Это заставляет меня с еще большим нетерпением ждать вашего дагерротипа, хотя я и знаю, что это скорее карикатура, чем сходство. Тем не менее, глаза мои сумеют уловить перемену в ваших чертах. Прошу вас, не заставляйте меня долго ждать.

Здесь всё идет помаленьку. Вот уже 10 дней очень холодно — ничего другого сообщить вам не могу. Не знаю, говорил ли я вам о том, что с Нового года у меня гостит дядя со всей семьей. Нас довольно много, за столом собирается целая дюжина: Тютчев, его жена, сестра его жены (эта рослая и бесцветная девица, которая, впрочем, надо отдать ей должное, совершенно меня не *домогается*) [9], их мать [10], компаньонка, мой дядя, его жена [11], сестра его жены [12],

---

[a] внешнем виде (*англ.*).

две другие сестры, живущие по соседству, старая няня и я. Женщин, как видите, большинство, но среди них заслуживает внимания только г-жа Т⟨ютчева⟩. Остальные — «курицы». Это наводит меня на мысли о Куртавнеле и о кудахтанье, которое я только и слышал в ответ на протяжении целого дня... Увы! Эти воспоминания теперь не более чем тени.

Письма из П⟨етербур⟩га доходят сюда на пятый день, иногда на шестой.

Прощайте, дорогой и добрый друг, до скорого свидания. С нетерпением ожидаю продолжения вашего дневника. Тысяча приветов доброму Виардо. Нежно целую ваши руки и желаю вам здоровья и счастья.

Ваш

И. Тургенев.

256. Луи Виардо (с. 192)

С французского:

Спасское,
28 января 53.

Для В⟨иардо⟩.

Мой дорогой друг, если бы у меня была уверенность в том, что ваше здоровье окончательно восстановилось [1], я был бы готов почти благословить этот случай, который, доказав вам лишний раз всё коварство петербургского климата, сделает вас осторожным на будущее. Надеюсь, что вы на этот раз получили хороший урок и предоставите медведям спокойно сосать лапу.

Я сейчас торгуюсь с одним купцом, который дает мне за четверть зерна только по 7 р. 25 коп. (ассигнациями), а я хочу получить 8. Один из нас на этих днях одержит победу; тогда тотчас же вышлю вам деньги на содержание Полины [2] и стоимость ружья, которое вы можете послать мне за несколько дней до вашего отъезда через контору Языкова, или, если поедете в Москву, возьмите его с собой; у моего брата в Москве есть дом, там живет его жена; их человек придет к вам за ружьем — это будет самое простое. А пока примите мою благодарность за оказанное мне предпочтение и за пороховницу.

Мой дорогой друг, что вас особенно отличает от других, это — ваша рассудительность и здравый смысл. Говорите ли вы по-испански или по-французски — мнение ваше всегда справедливо. Увидимся мы с вами лишь тогда, когда это будет угодно богу — не раньше. Будем надеяться, что это случится в не слишком отдаленное время.

Один из моих лучших друзей, некий г-н Лев Ваксель, желает познакомиться с вами. Если он придет к вам, всячески его рекомендую. Это превосходный охотник и совершенный «gentleman» [a] в лучшем смысле слова. Уверен, что он вам понравится, его наружность располагает в его пользу, и я не очень ошибусь, предположив, что г-жа В⟨иардо⟩ пожелает иметь в своем альбоме набросок его энергической и красивой головы [3]. Кстати, я прошу ее выслать мне ее дагерротип. Если вы присоедините к нему ваш, я буду доволен еще больше.

Не забудьте поклониться от меня милому графу А. Толстому.

Итак, Степан Г⟨едеонов⟩ возвратился в П⟨етербур⟩г со *своим сочинением* [4]. Его спесь и высокомерие в сочетании с неизлечимой

---

[a] джентльмен (*англ.*).

страстью *заниматься* литературой (изображая полнейшее к ней презрение) вызывают у меня в памяти тех помпиньянов, которых столь удачно высмеивал Вольтер [5].

Тень Цезаря нигде покой не обретает. А г-н Г⟨едеоно⟩в еще на что-то уповает.

Прощайте, мой дорогой друг; берегите себя, живите спокойно в четырех стенах своей комнаты; гуляйте в хорошую погоду и не забывайте, что наступает самое скверное время года.

Тысяча приветов.

Ваш
И. Тургенев

261. Полине Виардо (с. 197)

С французского:

Спасское,
29 янв⟨аря⟩ 53.

Дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩. Я получил ваше третье письмо из П⟨етербур⟩га со всеми дурными и хорошими известиями, содержащимися в нем [1]. Надо надеяться, что дурные прекратятся, а хорошие будут лишь умножаться и улучшаться. Ради бога, будьте оба осторожны. Думаю, что вы не станете истощать себя пением по четыре раза в неделю, а В⟨иардо⟩ позволит медведям спокойно окончить зимнюю спячку. Не забудьте, что февраль в П⟨етербур⟩ге, как правило, хуже января и что в этом отношении хуже марта только апрель. Однако что-то подсказывает мне, что вы оба поедете в Москву и что у вас там дела пойдут отлично, если вы будете благоразумны [2]. Напоминаю вам русскую пословицу: «береженого бог бережет».

Мой дорогой и добрый друг, мне не хотелось бы напоминать вам о человеке, мысль о котором должна быть вам тягостна. Всё же не можете ли вы мне прислать арию из «Сафо»: «*Так будем же любить, сестры мои*», хотя бы с легким фортепианным сопровождением. Г⟨уно⟩ вычеркнут из числа моих друзей, но я не могу не любить его музыки; сделайте же это для меня — bitte [a] ! Кстати, Чорли написал мне по этому поводу длинное письмо [3], но я, кажется, вам об этом уже говорил. Не забудьте также о вашем портрете.

Итак, Степан в П⟨етербур⟩ге. Какое странное впечатление на меня всё это производит!.. [4]

Только что прочел в московских газетах, что Пиццолато дает там концерт!.. Так это правда, это всё тот же старый Пиццолато? Видели ли вы его в Петербурге? [5] Что значит возвращение всего этого прошлого? А я? где я? что я?

Г-жа Калерджи в П⟨етербур⟩ге, как говорят, производит там фурор, или, по крайней мере, так говорили до вашего приезда. Нравится ли она вам, как прежде? А ее «страсть» к генералу К⟨авенья⟩ку? [6] Всё это вздор!

Скажите мне, что вы думаете о княжне Мещерской. Боже мой, как много сказал бы я вам, если бы вас увидел! Ах! мне кажется, что если когда-нибудь я вас увижу вновь, то смогу только плакать от радости. Это мне напоминает слышанное мною замечание од-

---

[a] пожалуйста (*нем.*).

ного парижского мальчишки, не помню уж, по какому поводу «Старик плачет... ну и ну, похоже, что зимой будет гром». Тем не менее, такое бывало.

Не знаю, какова погода у вас; здесь очень холодно. С удовольствием вижу по газетам, что холера уменьшается.

Прощайте, дорогой и добрый друг, будьте здоровы и счастливы, как только возможно. С нежностью целую ваши руки.

Ваш
И. Тургенев.

263. Полине Виардо (с. 199)

С французского:

Спасское,
4/16 февраля 1853.

Дорогая и добрая госпожа В‹иардо›. Вчера по возвращении из небольшой поездки, которую я совершал в окрестностях с целью навестить некоторых соседей — я нашел ваше четвертое письмо из Петербурга [1]. К сожалению, плохие вести берут в нем верх над хорошими. Я не беспокоюсь за маленькую Луизу [2], но боюсь, как бы вашему мужу не пришлось уехать раньше вас. Если врачи советуют ему так поступить, пусть он сделает это без колебаний, не дожидаясь улучшения, которое может быть лишь кратковременным. Если он уедет, отправитесь ли вы в Москву [3]? Мне кажется, что ввиду триумфального успеха вашего *reappearance* [а] вам будут сделаны прекрасные предложения на следующий сезон — примете ли вы их [4]? Полагаю, что это было бы желательно с финансовой точки зрения — но с кем вы приедете? Меня, увы! это слишком мало касается, ибо, судя по тому, как идут дела, я не вижу ни малейшей возможности покинуть мое убежище раньше, чем через два или три года — мне только что отказали в разрешении посетить мои собственные владения, расположенные в губерниях, пограничных Орловской. Впрочем, мне кажется, что я вам уже об этом говорил. Признаюсь, что в целом я очень мало забочусь о своем будущем — оно меня почти не интересует — это всего лишь некий отрезок времени, который производит на меня впечатление степи.

Не знаю, говорил ли я вам о том, что у одного из моих соседей имеется довольно хороший и многочисленный оркестр под управлением превосходного капельмейстера — немца по фамилии Амтсберг [5]. Эти музыканты поистине хорошо играют — у них огромный репертуар, они исполняют *любую* классическую музыку, и, что особенно замечательно в их игре, так это слаженность, совпадение колорита и нюансов. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. Амтсберг обучил почти всех их сам. Среди всего, что я слышал, есть две вещи, от которых я без ума — фантазия до минор Моцарта [6], написанная для фортепьяно и аранжированная для оркестра одним из его учеников — третья часть этой фантазии — нечто невыразимо прекрасное — и адажио Девятой симфонии (An die Freude) [б] Бетховена [7]. Это адажио — как небо, которое приоткрывается и непреодолимо влечет вас в свои лазурные глубины. Первая часть тоже возвышенна, что же касается скерцо, то, признаюсь, я нахожу его одновременно тяжеловесным, грубым и незначительным, а там,

---

[а] нового появления (*англ.*).

[б] К радости (*нем.*).

где его счет на четыре четверти — пошлым. Не понимаю также начало финала — с его следами реминисценций и протяжными завываниями контрабаса. Но нет ничего более неотразимого, более величественного, чем взрыв, предваряющий вступление хора. Прошу вас, скажите, не ошибся ли я в том впечатлении, которое произвела на меня эта симфония, и заклинаю вас раздобыть фантазию Моцарта (вот ее название: Большая фантазия до минор, аранжированная для оркестра Зайфридом, без особого названия) и сказать мне, что вы о ней думаете. Третья часть, о которой я вам говорю (их всего три), словно передает в точности мое теперешнее душевное состояние — я не могу ее слышать и не почувствовать себя совершенно смятенным, растроганным, взволнованным,— словом, это восхитительно и потрясающе — гениальность бьет здесь мощной струей.

Передайте В⟨иардо⟩, что его анекдоты о Л⟨уи⟩-Н⟨аполеоне⟩ заставили меня смеяться, как сумасшедшего [8]. Самое прелестное в этом господине — то, что он пытается выставить себя *примером добродетели* для всей вселенной — он говорит об этом буквально в своей последней речи [9]. Слова правят миром — ограбьте кого-нибудь у всех на глазах, громко провозглашая при этом ваше глубочайшее уважение к собственности других — никто не усомнится в вашей честности.

Вы не забудете о вашем дагерротипе (или фототипе), не правда ли? Я ожидаю его с нетерпением. А если бы вы прислали мне несколько тактов «Сафо», я был бы вам очень признателен. Я понимаю, что всё ваше время должно быть занято либо работой, либо теми, кто желает вас видеть — и всё же, если бы это было возможно!

Окончу письмо завтра. А пока будьте счастливы и здоровы. Не утомляйтесь чрезмерно.

Пятница, 6/18 февраля.

Если В⟨иардо⟩ все-таки придется уехать прежде вас — попросите его передать ружье в контору Языкова — или же — если вы поедете в Москву, возьмите его с собой. Вы получите деньги до поста — то есть недели через две. Этот чертов хлеб совсем не желает продаваться!

Не забудьте сообщить мне в вашем первом же письме, намереваетесь ли вы поехать в Москву.

Прощайте — мои добрые друзья. Быть может, мы с вами и увидимся — но разлука бессильна перед такой дружбой, как наша. Жму вам руки и остаюсь

ваш И. Тургенев.

266. Полине Виардо (с. 205)

С французского:

Спасское,
20 февраля 1853.

Дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩ — я узнал из письма княжны Мещерской [1] об отъезде вашего мужа, а из «Северной пчелы» о дне вашего бенефиса [2]; признаюсь, хотя и без малейшего упрека, что я предпочел бы узнать всё это от вас самой. Но вы живете в вихре, отнимающем у вас всё время,— и лишь бы вы обо мне не забыли, мне больше ничего не нужно. Итак, ваш бедный муж был не в состоянии противостоять п⟨етербур⟩гскому климату; надо надеяться, что сейчас он уже совершенно поправился. Княжна М⟨ещерская⟩ пишет мне также, что вы намерены жить в Москве

в доме некоей княгини Голицыной [3]; так ли это? Деньги, которые я должен вашему мужу: 150 р. сер. за ружье, 400 — на содержание малышки до 1 марта 1854 года и 35 р. сер. (142 фр. 45 сант.), которые он перерасходовал против посланных мною,— всего 585 р. сер.— будут у меня через три дня; отошлю я их вам в будущий *вторник*, т. е. 24 февраля, а вы получите их в Петербурге перед отъездом в Москву [4]. Не забудьте, пожалуйста, сообщить мне ваш московский адрес и в особенности не забудьте моего фотографа!

Я очень рад, что вы познакомились с княжной М⟨ещерской⟩. Под оболочкой английской чопорности и набожности у нее скрывается весьма преданное и любящее сердце. Кроме того, у нее очень много ума, и ума тонкого. Вы решительно завоевали ее расположение, несмотря на некоторое предубеждение, которое ей внушали против вас и которое вы с первого же раза рассеяли. Она всегда была очень добра ко мне, и это, может быть, единственное лицо, на которое я могу серьезно рассчитывать в Петербурге.

О себе не могу сообщить вам ничего нового; здоровье мое посредственно, работаю много. Из-за оттепели прервано всякое сообщение, и я совершенно никого не вижу. К счастью, газеты всё же приходят, хотя и позже обыкновенного. Много занимаюсь также чтением.

Рассчитываю получить письмо в воскресенье и напишу вам немного подробнее во вторник. Завтра годовщина смерти Гоголя, и мысль о нем не выходит у меня из головы. Боюсь внести в мое письмо оттенок печали и предпочитаю его прервать. Прощайте, дорогой и добрый друг, нежно целую ваши руки и желаю вам всего мыслимого счастья.

Ваш
И. Тургенев.

P. S. Вернетесь ли вы в Петербург будущей зимой? Сообщите мне об этом тоже.

В Москве по моему поручению кто-нибудь зайдет к вам за ружьем, если вы его возьмете с собой — или же отправьте его через контору Языкова. Деньги вы получите таким же образом, как и мозаичную коробочку.

279. Полине Виардо (с. 219)

С французского:

Спасское,
17 апреля 53.

Дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩, только что получил вашу записку от 9 апреля [1]. Вы беспокоитесь, не имея от меня известий. Но сейчас вы уже знаете, что я вернулся домой из маленькой поездки лишь 1 апреля, в среду, и отправил письмо в субботу, 4-го (поскольку почта ходит только два раза в неделю, по вторникам и субботам). Так что 9-го вы еще не могли получить его, принимая во внимание плохое состояние дорог. Я написал вам еще одно письмо 11-го [2]. Не думал, что оно застанет вас еще в П⟨етербур⟩ге, но вижу теперь, что вы пробудете там дольше, чем я предполагал.

Оба ваши письма (из Москвы и из П⟨етербур⟩га) весьма лаконичны — в особенности второе, которое напоминает стремительный поток, в нем каждому слову не терпится быть последним. Надеюсь, что когда вы вырветесь из этого вихря, то расскажете

мне более подробно о том, чем вы заняты [3]. Ах, эти милые письма, которые я нашел здесь после своего возвращения: они были совсем другие. Да что уж!

Здоровье мое по-прежнему так себе, словно заяц, получивший заряд мелкой дроби в ту часть тела, которую охотники называют «мешком». Думается мне, что я поправлюсь вполне лишь с возвращением хорошей погоды, то есть настолько вполне, насколько это вообще возможно, потому что я сильно подозреваю, что болезнь моя — довольно скверная штука, носящая на медицинском языке звучное и величественное наименование «рак привратника» — «cancer au pylore». Одного из щенков Дианы я так и назвал Пилором, это будет слышно далеко.

Дорогой друг, прошу извинить краткость этого письма — у меня сегодня много дел — одно весьма важное для меня письмо можно отправить лишь сегодня [4].

Тысяча приветов всем добрым друзьям. Что же касается вас, то вам известны те чувства, которые я к вам питаю и которые иссякнут только вместе с моей жизнью. Нежно целую ваши руки.

Ваш

И. Тургенев.

284. Полине Виардо (с. 228)

С французского:

Спасское,
12/24 мая 1853.

Вот и снова приходится мне писать вам, дорогая и добрая госпожа Виардо, в Париж, в Лондон [1], куда письмо идет отсюда две недели, и проходит месяц, пока получишь ответ! Тяжело было знать, что вы в Петербурге, и не видеть вас, но было приятно получать ответ через десять дней. Ну что же! как говорит ваш муж, надо покориться судьбе. Я получил ваше письмо из Москвы [2]. Очень я удивился тому, что вы не получали от меня известий. Я ведь писал вам каждые десять дней. Чувствую себя в последнее время лучше и был даже в состоянии отправиться в охотничью поездку за 150 верст отсюда и убить изрядное количество дупелей. Как вы себя чувствуете после всех этих поездок по железной дороге? Ожидаю с нетерпением письма, которое вы, вероятно, написали мне перед отъездом в Варшаву. Надеюсь получить его завтра. Дай бог, чтобы театральное предприятие в Лондоне, в которое вы пускаетесь, увенчалось успехом! Весьма вероятно, что вас будут окружать только одни cani [a] и вся тяжесть борьбы ляжет на ваши плечи. Но надеюсь, скоро мы обо всем узнаем. Вы продолжаете хранить молчание о возобновлении вашего ангажемента в Петербурге. В газетах я только что прочел, что туда едет м-ль де Лагранж. Определенно, вы уже не вернетесь. Меня это известие очень бы огорчило, если бы я мог еще иметь хоть какую-нибудь надежду на возможность моего возвращения к зиме в Петербург; но я слишком уверен в том, что останусь здесь.

Не оставляйте своего намерения приехать в будущем году в Россию с концертами. Ваш последний триумф, особенно в Москве, должен вас к этому поощрить. Если вы приедете с В⟨иардо⟩ в Москву, то я очень надеюсь, что вы заедете и ко мне. Сад мой сейчас великолепен; зелень ослепительно ярка,— такая молодость,

---

[a] *Здесь*: статисты (*итал.*).

такая свежесть, такая мощь, что трудно себе представить; перед моими окнами тянется аллея больших берез, листья их слегка еще свернуты; они еще хранят форму своих футляров, тех почек, в которых они были заключены несколько дней тому назад; это им придает праздничный вид совершенно новых платьев, на которых заметны еще все складки материи. Весь мой сад наполнен соловьями, иволгами, кукушками, дроздами — прямо благодать! Если бы только я мог представить себе, что вы здесь когда-нибудь будете прогуливаться! В этом нет ничего невозможного... но это почти невероятно [3].

Вы получите мое письмо в Лондоне. Не забудьте спросить у Чорли, получил ли он от меня в феврале месяце письмо, в котором я прошу у него окончательных справок о некоем авторе, по имени *Ченстон* (он знает, в чем дело). Отчего он не сообщает мне своего мнения о Гоголе [4], и как его здоровье?

13.

Я назвал вам нынешнее число, как день рождения маленькой Полины; согласно полученному мною недавно документу, она родилась 26 апреля (8 мая) 1842 года. Она на две недели старше, чем я думал. Впрочем, я не считаю необходимым изменять дату. Расскажите мне о ней. Через четыре-пять дней напишу длинное письмо матушке Гарсиа. Пожалуйста, поцелуйте от меня ее руки. С некоторых пор глаза г-жи Тютчевой поправились, и мы много музицируем. Она очень хорошо разбирает ноты и очень верно чувствует всё истинно прекрасное. Ее сестра, наоборот, имеет *естественную* склонность ко всему приторному и пошлому, и слезы у нее появляются с легкостью, доводящей до отчаяния... К счастью, она играет вторую партию, басовую. У нее пальцы точно из ваты, а когда она запутывается, то старается придать первой попавшейся ноте чувствительное выражение. Это ужасно! В игре г-жи Т‹ютчевой› много твердости и ритма. Если заставить барышню несколько раз повторить свою партию, то некоторые пьесы получаются очень хорошо. Сейчас мы по горло ушли в Моцарта. Я говорю *мы*, потому что я обыкновенно стою за стульями этих дам, переворачиваю листы и изображаю капельмейстера. В моменты энтузиазма я не могу удержаться и, под видом пения, издаю некоторого рода звуки, ужасающе фальшивые, которые вызывают нервные судороги у всех присутствующих.

Я снова принялся за свой роман [5]. До настоящего открытия охоты в моем распоряжении еще шесть недель.

Прощайте, *theuerste Freundinn* [a]. Будьте счастливы. Тысяча приветов В‹иардо›. Нежно целую ваши милые руки и остаюсь навсегда

ваш
И. Тургенев,

P. S. Передали ли вы 2 экземпляра моей книги [6]?

---

[a] дорогой друг (*нем.*).

296. Полине Виардо (с. 244)

С французского:

Спасское,
9/21 июля 1853.

Дорогая и добрая госпожа В⟨иардо⟩ — beste Freundinn [а], сегодня я пишу вам в спешке лишь несколько слов — через час уезжаю на охоту, которая продлится недели две; по возвращении напишу вам большое письмо, но не хочу ждать до тех пор, чтобы послать вам дружеский привет и пожать руку. Английские газеты говорят о вас — все сходятся в том, что ваш голос прекрасен, как никогда, «and that you look very well» [б,1], это делает меня счастливым, и я прошу вас продолжать так же, как вы начали. Все эти концерты, должно быть, утомляют вас и чуть-чуть надоедают. Но вы отдохнете в Куртавнеле, в этом милом уголке земли, который я был бы так счастлив увидеть вновь! Что ж, ничего невозможного на земле нет, свидетель [2]... Но мне известно слишком много случаев, когда невозможное осуществлялось, и я не теряю надежды в один прекрасный день вновь увидеть Куртавнель — поистине этот день будет *прекрасным*. Здоровье мое по-прежнему хромает — желудок доставляет мне немало хлопот. Ну, да что делать! В последнем письме я говорил вам о сонате № 31 Бетховена [3] — я хотел сказать об одной из трех, известных под этим названием. Ах, theuere Freundinn [в], сколько раз я думаю о вас, занимаясь музыкой — и везде и всегда! Будьте счастливы и здоровы. Тысяча приветов В⟨иардо⟩ и друзьям (я напишу Чорли по возвращении); нежно целую вам руки и благословляю вас от всего сердца.

Ваш
И. Тург⟨енев⟩.

304. Полине Виардо (с. 253)

С французского:

Спасское,
8/20 сентября 1853.

Добрый день, theuerste Freundinn [а]. Я все еще по горло *в делах*. Будучи совершенно неподготовленным к такому роду занятий, я выпутываюсь из них с немалым трудом. Тем не менее, я начинаю в них разбираться. Два года, что управлял Т⟨ютчев⟩, будут мне дорого стоить! Было израсходовано 300 000 франков, из которых на себя я потратил лишь 40. Некоторые долги были оплачены. Но 100 000 фр. совершенно точно были выброшены на ветер... Т⟨ютчев⟩ не произвел никаких улучшений, напротив, он всем увеличил жалованье — из Спасского никуда не выезжал — и доходы с моих других земель понизились на треть — он не умел ни покупать, ни продавать, и т. д. Полагая, что я нашел в нем человека, способного управлять имением,— я совершил ошибку — надо постараться ее исправить. Буду заниматься этим всю зиму —

[а] лучший друг (*нем.*).
[б] «и что вы выглядите хорошо» (*англ.*).
[в] дорогой друг (*нем.*).
[а] самый дорогой друг (*нем.*).

не поеду в Орел, как собирался. Т⟨ютчев⟩ с семьей все еще здесь — они уедут не ранее, чем через две недели, мы остались добрыми друзьями — повторяю — его вины во всем этом нет.

Вы мне редко пишете, дорогой друг.

20 сентября.

Ваше доброе и дорогое письмо из Куртавнеля (вместе с письмом г-жи Гарсиа и малышки) пришло, чтобы опровергнуть последние слова, которые я написал двенадцать дней тому назад[1]. Спасибо, liebe Freundinn[б] — в это мгновение я мысленно с благодарностью и нежностью целую ваши дорогие руки. Более чем когда-либо я нуждаюсь сейчас в ваших письмах. Недавно я сделал первые шаги на пути, по которому никогда не предполагал пойти — и к скуке одиночества теперь добавится тягостное чувство, вызванное полной переменой в моих занятиях. Я должен оставить работу, которую любил, к которой привык и был подготовлен, чтобы обратиться к другой, к которой побуждает необходимость... Тем не менее я не теряю надежды когда-либо с этим покончить и даже извлечь из этого какую-то пользу. Первая зима будет трудной — позднее дела пойдут, быть может, лучше — и я смогу вернуться к моим привычным литературным и иным занятиям... Ну, а до тех пор, прощай, мой роман[2]!

Мое письмо будет поневоле коротким и незначительным — уверяю вас, что у меня нет и пятнадцати свободных минут в день. Осень — самое хлопотливое время года — да и дел у нас множество!

Прошу вас, поцелуйте от меня Полинетту и посоветуйте ей быть очень послушной. Посылаю ей прядь своих волос.

В этом году было очень мало дичи, и у меня не было времени ходить на охоту. Надеюсь, что случай, приключившийся с В⟨иардо⟩, не оставил никаких последствий — я пошлю ему, как и раньше, отчет о моих охотничьих подвигах — это было весьма ничтожно.

У нас была и все еще продолжается вокруг нас холера — но Спасское она пока пощадила. Она приближается к Франции — будьте осторожны!

Я напишу вам в следующую среду, потому что письмо это поистине смешное. Тысячи приветов всем, вам же — мои чувства — целиком, полностью и неизменно. Целую ваши милые и прекрасные руки. Будьте счастливы и благословенны.

Ваш

И. Т.

328. Полине Виардо (с. 286)

С французского:

С.-Петербург,
25 февраля / 8 марта[а] 1854.

Ваше письмо от 21 февраля[1] дошло до меня лишь вчера, дорогая и добрая госпожа Виардо — и вот, по размышлении зрелом, мой ответ. Я прошу вас вернуть Полину к м-ль Ренар. Я хорошо понимаю все неудобства, которые могут из этого проистекать, но я также знаю, что, если поступить иначе, всё, что было сделано до сих пор, будет безвозвратно утрачено. Положение ложное и,

---

[б] милый друг (*нем.*).

[а] *Так в подлиннике.*

я бы сказал, невозможное она сменила бы на положение хоть и мало завидное, но всё же естественное. К чему восстанавливать связь, которая разорвана и должна остаться таковой? Я прекрасно понимаю, что при всех треволнениях и делах, которые, думается мне, вам предстоят, при всей неопределенности вашего будущего, для вас было бы невозможно следить за ее воспитанием — но я знаю также, что, доверенная исключительно м-ль Ренар, Полина может еще стать тем, что ей суждено, тогда как здесь ее положение будет из самых тягостных. Словом — вот мое решение — ее следует вернуть к м-ль Ренар. Меньше, чем через две недели, вы получите 1200 франков на ее содержание и одновременно письмо для м-ль Ренар.

Вы ничего мне не пишете о себе — уже давно я не знаю почти ничего о том, что вы делаете. Я очень боюсь, что мы держим друг друга лишь за кончики пальцев — и, мне кажется, я их уже совсем не ощущаю... Впрочем, трудно сохранить мужество и стойкость чувств перед столь мрачным будущим, столь сомнительным — перед почти полной невозможностью увидеться до тех пор, как исчезнет последний луч молодости. Тем не менее, нужно бы найти силы это сделать! В любом случае, не я выпущу вашу руку — эту руку, которая была для меня столь нежной и благотворной — не забывайте меня, прошу вас, и доказывайте мне это — хотя бы изредка.

Что рассказать вам о себе? Личные интересы исчезают в эпохи великих потрясений. Страна наша решительно и смело готовится к борьбе, которая вот-вот начнется; весь народ, начиная от самых высоких сословий до самого жалкого крестьянина — вместе с правительством — наши 65 миллионов мужчин являют собою в данный момент одного человека, будьте в этом уверены, и это то, чего не знает Европа. Это единство действия, чувства, воли — нечто впечатляющее и мощное, оно заставляет нас противостоять целому миру, и — говорю это с убежденностью — что бы ни случилось — мы не отступим ни на один шаг — вот увидите. О нашей силе не подозревают, и мы сами о ней не подозреваем до тех пор, пока нам не бросят вызов. Россия поднимается сейчас, как в 1812 году [2].

Я рассчитываю остаться здесь до начала апреля (по старому стилю) — то есть еще на пять недель. Отсюда я поеду прямо в Спасское, остановлюсь только ненадолго в Москве. Мне нужно быть в Спасском на Пасху (которая будет 11/23 апреля). Пишите мне через посредство княжны М⟨ещерской⟩. Получили ли вы 2 моих письма, где я сообщал вам мой адрес — Большая Конюшенная, дом Вебера, квартира № 25? Напишите мне, как только получите это письмо.

Здоровье мое в порядке, дела также. В остальном — ничего нового.

Тысяча приветов В⟨ардо⟩ и всем добрым друзьям. Целую ваши дорогие руки и желаю вам всего мыслимого счастья. Повторяю, меньше чем через две недели вы получите деньги и письмо для м-ль Ренар. Прощайте, theuerste Freundinn [б].

Ваш

И. Тургенев.

[б] самый дорогой друг (*нем.*).

336. Редактору «Journal de St. Pétersbourg» (с. 293)

С французского:

Санкт-Петербург, 7/19 августа 1854 г.

М. г.

Позвольте обратиться к Вам с просьбою о напечатании прилагаемого письма [1].

Мне недавно попался в руки французский перевод одного из моих сочинений, напечатанного года два назад в Москве. Этот перевод, неизвестно почему-то названный «Записками русского барина» —«Mémoires d'un seigneur Russe», подал повод к нескольким статьям, помещенным в разных иностранных журналах [2]. Вы легко поймете, м. г., что мне не идет вступать в прения с моими критиками, слишком, впрочем, ко мне благосклонными, но я чувствую потребность протестовать против заключений, которые многие из них сочли возможным извлечь из моей книги. Я протестую против этих заключений и против всех выводов, которые можно из них сделать, протестую как писатель, как честный человек и как русский; смею думать, что те из моих соотечественников, которые меня читали, отдали справедливость моим намерениям, а я и не добивался никогда другой награды.

Что касается до перевода г. Е. Шарриера, по которому судили обо мне, то вряд ли найдется много примеров подобной литературной мистификации. Не говорю уже о бессмыслицах и ошибках, которыми он изобилует,— но, право, нельзя себе представить все изменения, вставки, прибавления, которые встречаются в нем на каждом шагу. Сам себя не узнаешь. Утверждаю, что во всех «Записках русского барина» нет четырех строк, правильно переведенных. Г-н Шарриер в особенности позаботился об украшении моего слога, который должен был показаться ему слишком ничтожным и бедным. У меня напечатано: «И я убежал», а у него эта простая фраза передана следующим образом: «Я убежал как сумасшедший (у г. Шарриера сказано «d'une fuite effarée, échevelée», но мы не в состоянии передать этой бессмыслицы русскими словами), как будто гонится по пятам моим целый легион ужей, предводимый колдуньями». Заяц, преследуемый собакою, превращается под игривым пером моего переводчика в «белку, которая взбегает на верхушку сосны и чешет себе нос». Падающее дерево превращается в «волосатого великана, который смеялся над вековыми нападениями тысячи насекомых и который торжественно и медленно склоняется к земле, своей старой кормилице, как бы для того, чтоб поцеловать ее, умирая под укушением (sous la morsure) острого железа, оправленного человеком в деревянное топорище, которое может быть доставлено самим деревом». Есть еще у г. Шарриера старая дама, «которая переходит из шоколадного цвета в шафранный, потом в цвет кофе с молоком, между тем как букеты желтой и курчавой шерсти шевелятся у нее на лбу, а глаза мигают с такою же быстротою, с какою бегает на часах стрелка, делающая шестьдесят движений в минуту», и пр. и пр. Понимаете ли вы мое удивление? Но вот и получше этого. В гл. XVII, на странице 280, г. Шарриер вводит новое лицо, которое он подробно и с любовию описывает, что-то вроде разносчика или продавца серных спичек... Представьте же себе, что из всего этого нет ни слова в моей книге, по той простой причине, что и лиц таких не существует в России. Но любопытнее всего, что, говоря в своем предисловии именно об этой главе, г. Шарриер предупреждает читателя, что «приготовления автора могут показаться француз-

скому нетерпению несколько длинными». Вы понимаете, м. г., что с такой системой перевода можно дать полный разгул своей фантазии, и г. Шарриер не преминул это сделать. Он кроит, режет, изменяет, заставляет меня, по произволу, плакать, смеяться, подсмеиваться, и за это-то я наиболее сердит на него; он имеет отвращение от выражений точных, он приделывает напыщенный конец к каждой фразе, импровизирует разного рода размышления, образы, описания и сравнения. Очень может быть, что все эти импровизации прекрасны и в особенности исполнены вкуса, но, я спрашиваю у самого г. Шарриера, как он не чувствует, что, прибавляя столько прекрасных вещей к тексту моего сочинения, он этим самым лишает его единственного достоинства, которое могло бы обратить на него внимание французских читателей, достоинства оригинальности? Я очень благодарен г. Шарриеру за все любезности, которыми наполнено его предисловие, но не странно ли хвалить ум того, кому придал столько своего ума?

Примите и пр.

И. Тургенев.

P. S. Извините, что я прибавляю post-scriptum к письму, и без того уже длинному, но между бессмыслицами, о которых я упомянул выше, есть две или три такие, что я не могу отказать себе в удовольствии привести их. На стр. 104 есть следующая фраза: «Les chiens faisaient tourner leurs queues... dans l'attente d'un ortolan» — «Собаки махали хвостами... в ожидании *ортоланов*» (то есть небольших птичек). Откуда взялись эти птички? У меня сказано *«овсянка»*, но словарь, с которым советовался г. Шарриер, вероятно, не объяснил ему, что овсянкой называют также *кашицу для собаки*. На стр. 380 вы с удивлением читаете (действие происходит в глубине России) о «беготне *черных* (т. е. невольников, des noirs), важно занятых своею службою». Черных невольников??! Вот объяснение загадки: г. Шарриер смешал слова *арапник* и *арап* и построил свою фразу на основании этой ошибки. На стр. 338 говорится о том, что какой-то сановник дает целовать свою руку генералу (!) ...Я подозреваю, впрочем, что в этом случае г. Шарриер ошибся умышленно. Пропускаю много других, не менее любопытных диковинок, но пора остановиться.

349. Полине Виардо (с. 305)

С французского:

Спасское,
18/30 октября 1854.

Только что получил ваше письмо, помеченное 12 октября [1], дорогая и добрая госпожа Виардо, и спешу поблагодарить вас и повиниться перед вами... Между тем, вот что я могу сказать в свою защиту: дело, о котором идет речь, было для меня всегда чем-то очень неясным, едва очерченным; внезапная неудача, которым оно окончилось, доказывает это гораздо лучше, чем всё, что я мог бы сказать. К чему тогда вам об этом рассказывать? Вот о чем я спрашиваю себя — и в чем состояла моя вина — все мои самые тайные мысли должны принадлежать вам. Заметьте, однако, что не от кого-либо другого, а от меня до вас дошла эта новость... Теперь всё это уже позади, и я могу сказать вам, и только вам, что молодая особа, о которой идет речь, носит ту же фамилию, что и я, что она белокурая, маленькая, хорошо сложена, красива и умна, что она вскружила мне голову на целый месяц,

но что довольно скоро все это прошло, и теперь, вполне отдавая должное ее достоинствам, я очень доволен, что нахожусь в Спасском, и был бы еще более доволен, если бы она сделала удачную партию. Это налетело и прошло, словно порыв ветра [2]. Y se acabó [a].

Если в последнем письме я говорил вам о своих заботах, то они не имели никакого отношения к тому делу; эти заботы, которые все еще продолжаются, я разделяю со всеми моими соотечественниками; признаюсь, что я отдал бы правую руку, чтобы ни один из захватчиков (извиняюсь!) не уцелел, и если я и жалею сейчас о чем-то, так это о том, что не пошел по военной части, тогда, быть может, я смог бы пролить кровь за мою родину... Но оставим политику.

Поговорим о Полине. Прежде всего знайте, что она свободна, как вы и я, и никогда не было иначе; удивляюсь, что она вам об этом ничего не сказала. Ее свидетельство о рождении (других документов у нее нет) находится у меня; я отошлю вам его, как только приеду в Петербург, что случится через месяц. Что касается ее будущего, то я ни на одно мгновение не могу подумать, повторяю это, о ее возвращении. Это было бы жестоко, это бы разрушило, просто так, то, что уже сделано. Не объясняюсь дальше, надеюсь, что вы меня понимаете. Но это будущее должно быть обеспечено, оно уже обеспечено, и будет обеспечено еще лучше. Вы знаете, что вексель на 60 000 франков находится у надежного друга, который, в случае моей смерти, востребует их у моего брата и перешлет вам эти деньги; но я надеюсь сделать еще больше. В течение этой зимы я продам небольшую часть моего имения и пошлю вам около пятнадцати тысяч франков; бог даст, я буду делать то же самое в последующие годы и не успокоюсь, пока сумма целиком не будет находиться в вашем распоряжении. К несчастью, времена сейчас тяжелые и мое положение довольно затруднительно: в этом году, например, я могу израсходовать на свои нужды лишь 9 000 франков (включая содержание малышки); будущее тоже не слишком радостное. Надеюсь, что в конце концов, с помощью дяди, мне удастся выполнить мои обязательства. Я был бы очень огорчен, если бы дал Полине повод думать, что моя любовь к ней уменьшилась; сегодня же напишу ей. Недавно я послал из Петербурга 700 франков, которые вы получите через несколько дней после этого письма — 640, составляющие остаток ее содержания, и 60, чтобы вы купили ей от меня какой-нибудь подарок. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы нашли возможность прислать мне ее дагерротип. Вы добры, как ангел, к этой малышке, как и г-жа Гарсиа; я не благодарю вас за это, так как за подобные проявления дружбы не благодарят, но я опускаюсь пред вами обеими на колени и горячо целую ваши руки.

Я очень счастлив узнать, что вы хорошо себя чувствуете и довольны вашим турне по Англии. Рассчитываете ли вы провести всю зиму в Париже? Или вы намерены совершить какие-либо поездки [3]? Ваше письмо добиралось сюда 17 дней — ответить на это письмо прошу вас по адресу княжны М‹ещерско›й, который я уже вам посылал, но повторяю здесь для большей надежности: Итальянская улица, дом Гау, напротив Михайловского манежа.

Что поделывает Виардо? Надеюсь, он здоров. Осень великолепная — должно быть, вы наслаждаетесь ею в Куртавнеле — бедный милый Куртавнель — увижу ли я его когда-нибудь?

---

[a] И окончилось (*исп.*).

Занимаетесь ли вы композицией? С нетерпением ожидаю, что вы мне скажете по поводу «Кровавой монахини» [4]. Признаться, я нахожу это название весьма скверным и за версту отдающим *медведем*. Но в конце концов надо надеяться, что музыкальные красоты возобладают надо всем.

Прощайте, милая и добрая госпожа В⟨иардо⟩. Будьте здоровы, счастливы и думайте иногда о вашем старом друге, преданность которого прекратится только вместе с его жизнью. Тысяча приветов всем. Tausend Küsse Ihren lieben, guten, schönen Händen [а].

Ваш

И. Тургенев.

P. S. Вот еще несколько подробностей о м-ль Ольге Тургеневой (так ее зовут), если это может вас заинтересовать. Отец ее — старый отставной генерал 82 лет — ей же лишь 19. Ее мать умерла спустя несколько дней после ее рождения. Ее воспитывала одна из теток, старая дева, которая живет с ее отцом. В ней много изящества, доброты, ум ее утончен и очарователен, но, как я сказал выше, ya se acabó [б].

[а] Тысяча поцелуев вашим дорогим, добрым, прекрасным рукам (*нем.*).

[б] с этим уже покончено (*исп.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

Второй том писем И. С. Тургенева содержит 239 писем за 1850—1854 годы и пять документов за тот же период, отнесенных в раздел «Официальных писем и деловых бумаг» — всего 244 эпистолярных текста, обращенных к 43 адресатам. 220 из них публикуются по автографам (либо фотокопиям), находящимся в различных советских и зарубежных архивохранилищах и частных собраниях коллекционеров. Два письма публикуются по черновым автографам, так как отправленные беловые тексты неизвестны (письмо 157 и Официальные письма и деловые бумаги № 16); 22 письма, автографы которых до нас не дошли, печатаются по авторитетным копиям (4) и публикациям (18).

22 письма, печатавшиеся в предыдущем издании Полного собрания писем И. С. Тургенева по неполным публикациям во французском оригинале (11) или в русском переводе (11), в настоящем томе публикуются по фотокопиям полностью.

Впервые включаются в Полное собрание писем И. С. Тургенева 32 письма, опубликованные во Франции уже после выхода в свет его первого издания.

Пятилетие, отраженное в письмах, входящих во второй том настоящего издания, представляет собою период наиболее длительного непрерывного пребывания Тургенева (кроме детских и студенческих лет) в России.

После возвращения из-за границы в середине 1850 г. Тургенев деятельно вошел в русскую литературно-общественную и журнальную жизнь, став одним из самых активных и постоянных сотрудников «Современника». Вместе с тем не прекращалось его участие и в «Отечественных записках».

В это время Тургенев приступил к завершению «Записок охотника». Итогом пятилетней работы над ними явилось подготовленное к весне 1852 г. первое отдельное их издание. С этим связано начало пересмотра писателем всей его художественной системы, всей «старой манеры», в которой он писал до тех пор. Тургенев ищет новых путей как в литературной тематике, так и в жанрах и стиле.

Спасская ссылка (1852—1853),— поводом к которой явилось напечатанное Тургеневым скорбное письмо о смерти Гоголя, а истинной причиной — обратившее на себя внимание властей «вредное» направление его творчества, выразившееся в «Записках охотника» и в трех пьесах, запрещенных цензурой,— была ознаменована необычайно напряженными творческими исканиями писателя. Еще находясь в заключении, он написал повесть «Муму», связанную с «Записками охотника», а вслед за тем, в деревне, повесть «Постоялый двор», в которой наметился переход от «старой» творческой манеры к новой. Одновременно Тургенев работал над большим романом «Два поколения» и повестями «Переписка» и «Два приятеля». Первый опыт создания широкого современного социально-психологического романа, каким должны были стать «Два поколе-

ния», был признан самим автором неудавшимся; роман не был завершен. Однако этот опыт подготовил Тургенева к осуществлению уже в 1855 г. произведения хотя и меньшего масштаба, но большого принципиального значения — его первого романа «Рудин».

Окончание ссылки в ноябре 1853 г. вернуло Тургенева к непосредственному участию в общественно-литературной жизни; начался период наибольшей близости его к Некрасову и кругу «Современника».

Крымская война 1854—1855 гг. заставила Тургенева на неопределенное время отложить мысль о поездке за границу, что осложнило его отношения с Полиной Виардо, в семье которой уже жила его дочь. Тургенев думает о возможности устройства в России собственного «гнезда». Однако его намерение жениться на молодой девушке О. А. Тургеневой, которой он был серьезно увлечен в 1854 г., не осуществилось.

Тексты писем второго тома подготовили к печати и примечания к ним составили: *А. И. Батюто* (131, 132, 138, 140, 179, 181, 183, 189, 206, 207, 211, 212, 215, 219, 222, 234, 242, 249, 250, 258, 267, 270, 273, 283, 286, 301, 309, 315, 321, 323, 335, 345, 355, 357, 361, 362, 365, 366); *К. Ф. Бикбулатова* и *А. В. Соболев* (239); *Т. П. Голованова* (170); *Т. Н. Ден* при участии *Л. Н. Назаровой* и *Т. Б. Трофимовой* (213, 216, 217, 228, 260, 288, 310, 312, 314, 317, 326, 347); *А. Звигильский* при участии *Р. М. Гороховой* (232); *А. Звигильский* и *А. С. Розанов* (133—137, 139, 141—152, 154—156, 160—164); *А. Звигильский* при участии *Н. П. Генераловой* — переводы — и *Е. В. Свиясова* — примечания (174, 184, 191, 194, 202, 203, 209, 218, 221, 224, 233, 251, 255, 256, 263, 296, 304, 328, 349); *А. Звигильский* — тексты, *Н. П. Генералова* — переводы, *Н. В. Измайлов* при участии *Е. В. Свиясова* — примечания (165, 168, 196, 210, 231, 247, 261, 266, 279, 284); *Н. В. Измайлов* при участии *Т. Б. Трофимовой* (199); *Л. И. Кузьмина* (313, 316); *Ю. Д. Левин* (353, 369); *Л. Н. Назарова* (153, 157—159, 166, 167, 169, 171—173, 175—178, 180, 182, 185—188, 190, 192, 193, 195, 197, 198, 200, 201, 204, 205, 208, 214, 220, 223, 225—227, 229, 230, 235—238, 240, 241, 243—246, 248, 252—254, 257, 259, 262, 264, 265, 268, 269, 271, 272, 274—278, 280—282, 285, 287, 289, 290—295, 297—300, 302, 303, 305—308, 311, 318—320, 322, 324—327, 330—334, 337—344, 346, 348, 350, 351—354, 356, 358—360, 364, 367, 368, Офиц. письма и деловые бумаги 16—20); *Н. С. Никитина* (336).

Указатель имен и названий составлен *Д. М. Климовой* и *Е. В. Свиясовым* при участии других составителей тома.

Немецкие тексты печатаются под наблюдением *Р. Ю. Данилевского*; испанские — *В. Е. Багно*.

В подготовке тома к печати принимали участие *Е. М. Лобковская* и *Г. А. Тиме*.

Редакторы второго тома — *Н. Р. Заборов* и *Н. С. Никитина*.

Редакция выражает глубокую признательность организациям и лицам, содействовавшим полноте и достоверности издания: парижской Национальной библиотеке, Центральному институту истории литературы Академии наук ГДР, президенту Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, доктору филологии А. Звигильскому (Франция), профессору П. Уоддингтону (Новая Зеландия), а также советским ученым — профессору музыковеду и литературоведу А. А. Гозенпуду и литературоведу Н. М. Чернову.

131. А. А. Краевскому (с. 7)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 167.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 14—15.

Стр. 7. бандеролью (*франц.*).
Стр. 7. Прощайте (*итал.*).

[1] «Дневник лишнего человека» появился в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1850 г.

[2] Просьба Тургенева была выполнена.

[3] Комедии «Гувернантка» и «Вечеринка» Тургеневым написаны не были. Набросок «Вечеринки» см.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 520—523. Об этих неосуществленных замыслах писателя см. там же, с. 691—695.

[4] См. письмо 132, примеч. 3.

132. А. А. Краевскому (с. 8)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 168.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 15—17.

Датируется 23 марта ст. ст., а не 24-м, как в подлиннике, потому, что Тургенев, будучи в Париже, мог скорее ошибиться в старом стиле, чем в новом (4 апреля н. ст. соответствует 23 марта ст. ст.).

Стр. 7. до востребования (*франц.*).

[1] Письмо, о котором говорит Тургенев, неизвестно; сообщенные им сведения о разрешении (очевидно, к постановке на сцене) «Нахлебника» были ошибочны.

[2] Незадолго до этого Н. А. Некрасов писал Тургеневу: «Ваш „Завтрак" игран и имел успех, но он не напечатан — ибо один из наших ц‹ензоров› заупрямился ‹...› „Завтрак" (если вы согласны) передам Краевскому и уверен, что те ц‹ензо›ра позв‹олят› его» (*Некрасов*, т. 10, с. 141). Однако «Завтрак у предводителя» вследствие цензурного запрещения не появился и в «Отечественных записках». Комедия была напечатана значительно позднее (*Совр*, 1856, № 8).

[3] Это обещание Тургенев исполнил с большим опозданием. «Переписка», как свидетельствует авторская помета на черновом автографе, была закончена 1 декабря 1854 г. Кроме того, как это видно из писем Некрасова к Тургеневу (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 180), еще до окончания «Переписки», в 1852 —1853 гг., Тургенев обещал отдать ее в «Современник». И лишь после того, как «Переписка» была запрещена к печати цензором «Современника» Бекетовым (см. письмо Тургенева к И. И. Панаеву от 13 (25) июня 1855 г.),

она была отдана Краевскому и появилась в первом номере «Отечественных записок» за 1856 г.

[4] Планы Тургенева изменились: вернувшись из Брюсселя в Париж в середине мая н. ст., он выехал из Парижа 12 (24) июня, а из Штеттина в Петербург — 17 (29) июня 1850 г. См. письма 137 и 141.

[5] На письме помета А. А. Краевского: «Отправлен вексель в 200 р. сер. (796 фр.) 7 апреля 1850».

133. Полине Виардо (с. 9 и 329)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 32—36.

[1] Это письмо П. Виардо из Берлина, обращенное, по-видимому, к Тургеневу и Ш. Гуно, неизвестно.

[2] Архитектор Юрбен Гуно, брат композитора, умер 6 (18) апреля 1850 г.

[3] Речь идет о матери Дж. Мейербера А. Беер и его младшем брате В. Беере, умершем в начале 1850 г.

[4] Т. е. подагра.

[5] «Андромаха», трагедия Ж. Расина (1667).

[6] Тургенев иронизирует. О своем отрицательном отношении к творчеству Ф. Понсара он писал П. Виардо еще в 1847 г. (см. наст. изд., Письма, т. 1, с. 246).

[7] Имеется в виду комическая опера А. Тома «Сон в летнюю ночь», поставленная в парижской Комической опере в 1850 г.

[8] На улице Дуэ, 16, Л. и П. Виардо жили с конца 1848 г.

[9] Речь идет о письме Луи и Полины Виардо из Берлина от 10 (22) апреля 1850 г. (*T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 108—109).

[10] Это письмо неизвестно.

[11] П. Виардо 10 (22) апреля 1850 г. писала Тургеневу по поводу Ш. Гуно: «Я его приглашаю, прошу, умоляю оставить свою квартиру и поселиться вместе с матерью у нас в доме. Будьте добры предупредить Берту. Скажите ей, что надо настойчиво просить г-жу Гуно (бедную достойную женщину) и приготовить для них комнаты. Г-же Гуно будет хорошо в моей спальне, а Шарль может занять комнату Луизы или мою маленькую гостиную ‹...› там им будет покойно, и они смогут пробыть там до отъезда в Куртавнель. Им нечего думать о возвращении в Со» (*T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 109; цит. в пер. с франц.). Переселиться в парижскую квартиру Виардо Гуно отказались, приняв лишь приглашение провести лето в Куртавнеле.

[12] Л. Виардо предложил Гуно денежную помощь (там же, с. 108).

[13] Гуно работал тогда над оперой «Сафо» на либретто Э. Ожье.

134. Полине Виардо (с. 12 и 331)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 175—176; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 19—21.

[1] 28 апреля н. ст. 1850 г. П. Виардо с большим успехом выступила в партии Фидес во время первого представления оперы «Пророк» Дж. Мейербера на сцене берлинского Королевского театра под управлением автора.

[2] По-видимому, речь идет о почтальоне Лежере (Légeret), упомянутом в письме П. Виардо к Тургеневу от 10 сентября н. ст. 1850 г. (*T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 377; *New Z Sl J*, 1976, № 2, p. 31).

[3] Как автор, музыкальный руководитель постановки и дирижер спектакля Дж. Мейербер отличался высокой требовательностью.

[4] Сид (или Блэк-Сид) — охотничья собака Л. Виардо, которую он взял с собой в Англию.

[5] Тургенев говорит о портрете Х. Гарсиа работы Леона Виардо.

[6] Речь идет о книге Вашингтона Ирвинга «History of Mahomet and his successors». Лондон, 1849—1850, в 2-х т.

[7] Таково название одной из гравюр Ф. Гойи в серии «Капричос».

[8] Флора и Кирасир — охотничьи собаки Л. Виардо в Куртавнеле.

[9] Тургенев несколько ревниво относился к тому вниманию, которое в те годы П. Виардо оказывала Ш. Гуно.

[10] Речь идет о Луизе Виардо (см. письмо Ж. Санд к П. Виардо.— *Marix-Spire*, p. 175).

135. **Полине Виардо** (с. 14 и 333)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в частном собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 36—39.

[1] Речь идет о вынужденном решении Тургенева покинуть Францию и возвратиться на родину, чтобы избежать риска навсегда быть изгнанным из России. См. также письмо 132, примеч. 4. О тяжелом душевном состоянии Тургенева в связи с его приближающимся отъездом сообщал П. Виардо 8—9 мая н. ст. 1850 г. живший с Тургеневым в Куртавнеле Ш. Гуно: «Куртавнель ничем, кажется, не сможет помочь в этом году постоянной болезни Тургенева: она доставляет ему теперь гораздо больше неприятностей, чем раньше, и я очень хорошо понимаю, что эта болезнь может оказаться верным спутником, которого придется нести с собой до конца дней. <...> Постоянство болезни Тургенева и его приближающийся отъезд очень огорчает меня. Утешите ли вы его в его горе? Мы оба знаем, насколько сильным это горе может быть! Я жалею вас обоих из-за отъезда в Берлин, который вас ожидает, потому будьте мужественной, мой друг, будьте мужественной: ибо я хорошо знаю, что испытываемые нами чувства не могут заменить нам отсутствующего человека» (*New Z Sl J*, 1976, № 2, p. 19, публикация П. Уоддингтона; цит. в пер. с английского; оригинал на французском языке. Хранится в *Bibl Nat*. См. там же, с. 31, примеч. 38). Очевидно, Тургенев стал задумываться об отъезде в Россию еще в начале апреля 1850 г. А. И. Герцен сообщал Г. Гервегу 7 (19) апреля 1850 г.: «Тургенев еще здесь, здоровье его все лучше и лучше. Он нас ежедневно предупреждает, что завтра уедет» (*Герцен*, т. 24, с. 27—28, пер. с франц.).

[2] Небольшая постройка невдалеке от Куртавнеля (см.: *T*, *Nouv corr inéd*. t. 1, p. 37).

[3] Диана — собака Тургенева в Куртавнеле. Писатель увез ее с собой в Россию. Упоминается в «Мемориале» (1850).— См. наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 200.

[4] Виртуозные скрипичные вариации П. Роде, аранжированные для певицы А. Каталани. П. Виардо неоднократно исполняла их в своих концертах.

[5] Поэт Алкей — одно из действующих лиц в опере «Сафо» Ш. Гуно.

[6] См. также письмо 136.

[7] «Жанна», роман Ж. Санд (1844).

[8] Героиня романа Ж. Санд «Маленькая Фадетта» (1848).

[9] «Графиня Рудольштадт», роман Ж. Санд (1843),— продолжение романа «Консуэло», (1842), прототипом главной героини которого писательнице послужила также П. Виардо.

[10] «Мопра́», роман Ж. Санд (1836).

[11] «Герман и Доротея», поэма Гёте (1797).

136. Полине и Луи Виардо (с. 16 и 334)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник (без конца) хранится в *Bibl Nat*. Конец письма, по-видимому находится в собрании Болье (Париж) и частично процитирован в книге: *Dulong*, *Viardot*, p. XI. По этому источнику он воспроизводится в настоящем издании (от слов: «Je suis sûr» до «excellente chanteuse»). Впервые опубликовано (без конца, процитированного Г. Дюлоном, и с пропуском фразы: «die schönen Tage ∽ vorüber) в русском переводе — Иностр. лит., 1971, № 1, с. 176—178; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 22—25.

[1] Т. е. от В. Н. Богданович-Лутовиновой.

[2] По всей вероятности, речь идет о неизвестном письме П. В. Анненкова, так как далее Тургенев пишет о том, что этот его друг имеет «высокопоставленных и хорошо осведомленных родственников»: брат же Анненкова И. В. Анненков был вице-директором Инспекторского департамента Военного министерства (см. письмо 359).

[3] Тургенев пишет о Ш. Гуно.

[4] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[5] Это письмо Н. С. Тургенева неизвестно.

[6] В Москву Тургенев приехал 2 (14) июля 1850 г.

[7] В своем письме А. А. Краевский, по-видимому, хвалил «Дневник лишнего человека», «Нахлебника» и «Завтрак у предводителя» (см. письмо 132).

[8] См. письмо 138, примеч. 4.

[9] См. письмо 138.

[10] Тургенев перефразирует начало драматической поэмы Шиллера «Дон Карлос».

137. Полине Виардо (с. 20 и 337)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, t. III, p. 140—141; в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 105—106, XXIV. Полностью во француз-

ском оригинале впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 39—42.

[1] Легкий двухколесный экипаж.

[2] Возможно, речь идет о портрете П. Виардо работы Теодора Сантьеса, висевшем в салоне дома Виардо в Куртавнеле (см. письмо 134).

[3] Ни одно из упомянутых писем до нас не дошло.

[4] По древнегреческому мифу, сфинкс представлял собою чудовище с крылатым туловищем льва, с головою и грудью девушки, обитавшее на скале у города Фивы. Это чудовище убивало всякого, кто не мог отгадать его загадку. Лишь Эдип разгадал ее и заставил тем самым броситься сфинкса со скалы. Позднее уподобление России сфинксу Тургенев развил в стихотворении в прозе «Сфинкс». См. наст. изд., Сочинения, т. 10, с. 157—158, 504.

[5] Гликера, куртизанка — действующее лицо оперы «Сафо».

[6] Перефразированная цитата из «Фауста» (ч. 1, сц. IV): «Du bist am Ende — was du bist» («Ты значишь то, что ты на самом деле...» — пер. Н. А. Холодковского).

138. **А. А. Краевскому** (с. 23)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 169.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 17.

Стр. 23. Нет бога, кроме аллаха, и Магомет — пророк аллаха!! (*арабская фраза в русской транскрипции*).

[1] Это письмо Краевского неизвестно.

[2] См. письмо 136.

[3] См. письмо 132, примеч. 4.

[4] «Дневник лишнего человека» был напечатан в «Отечественных записках» (1850, № 4) в крайне искаженном цензурой виде (см.: наст. изд., Сочинения, т. 4, с. 588—589). Известную мусульманскую религиозную формулу, приведенную далее в письме, Тургенев цитировал не раз и в разных редакциях (см. письма: к П. Виардо от 12 (24) июля 1857 г., к Л. Пичу от 23 февраля (7 марта) 1869 г. и др.).

139. **Полине Виардо** (с. 23 и 339)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — Литературная газета, 1972, № 25, 21 июня, с. 7; полностью во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 42—44.

В дате письма число не соответствует дню недели. 21 июня н. ст. в 1850 г. приходилось на пятницу, а не на среду. Можно было бы предположить, что Тургенев ошибся в указании числа и письмо было написано им в среду 7 (19) июня. Однако в неизданной книге Г. Дюлона (*Dulong*, *Viardot*, p. 200) упоминается находящееся в собрании Болье (Париж) неопубликованное письмо Тургенева к Полине и Луи Виардо от 20 июня н. ст., 1850 г., написанное накануне комментируемого (подробнее об этом см. в примечаниях А. Звигильского в кн.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 42—43). Поэтому настоящее письмо, по всей вероятности, следует датировать пятницей 9 (21) июня.

[1] Тургенев обещал это в письме от 8 (20) июня.

[2] Очевидно, решение вернуться в Россию было продиктовано прежде всего политическими соображениями. Тургенев не без основания опасался, что его длительное пребывание за границей и связи с русскими политическими эмигрантами могут вызвать недовольство и репрессии со стороны царского правительства.

[3] Сочинение М. Малибран с такими словами неизвестно.

[4] Тургенев вспомнил об этом в письме к В. П. Боткину от 12 (24) апреля 1859 г. Отголоски воспоминаний звучат в его стихотворении в прозе «Я встал ночью...» (1879).

[5] «Анжело, тиран Падуанский», драма В. Гюго (1835).

[6] Лондонские знакомые Виардо и Тургенева.

[7] С М. А. Бакуниным Тургенев познакомился в Берлине в июле 1840 г. и прожил там с ним в одной комнате, с перерывами, до начала 1841 г.— времени своего возвращения в Россию. После подавления прусскими войсками революционного восстания в Дрездене, участником которого был Бакунин, он был арестован в ночь с 9 на 10 мая 1848 г. и заключен в крепость Кенигштейн. В 1850 г. Саксонский военный трибунал приговорил его к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В июне того же года Бакунин был передан австрийскому правительству, которое, в свою очередь, выдало его России.

140. **А. И. Герцену** (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 110, л. 2—2 об.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену*, с. 89.

Стр. 26. но вино откупорено, нужно его пить (*франц.*).
Стр. 26. что г-н Луи Мориссе из Кана (*франц.*).

[1] В июне 1850 г. Герцен уехал из Парижа в Ниццу.

[2] См. письмо 132, примеч. 4.

[3] Намерение Герцена не возвращаться в Россию — вопреки требованию царского правительства — было, очевидно, известно Тургеневу. Герцен был политически скомпрометирован участием в событиях 1848—1849 гг., и открытая переписка с ним из России была невозможна.

[4] Н. П. Огарев в феврале 1850 г. был арестован в Симбирске. Одновременно с ним были арестованы А. А. Тучков, Н. М. Сатин, И. В. Селиванов. Главной причиной ареста была их связь с Герценом. В апреле все они были освобождены из-под ареста, о чем Герцену в мае сообщил Т. Н. Грановский, а затем — и сам Огарев (см.: *Герцен*, *Летопись*, *1812—1850*, с. 551, 562, 565).

141. **Луи Виардо** (с. 27 и 340)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На письме в верхнем левом углу помета рукой П. Виардо: «Oui. Copiée» («Да . Скопировано» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1899, № 10, 4 février, p. 44—45; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, № 176, 29 июня (11 июля).

[1] Письмо написано в день отъезда Тургенева из Парижа в Россию после трехлетнего пребывания за границей.

[2] Письмо Л. Виардо неизвестно.

142. Полине Виардо (с. 27 и 340)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T. Nouv corr inéd*, t. 1, p. 44—46.

[1] По-видимому, речь идет о недатированном письме П. Виардо с припиской Л. Виардо, опубликованном в кн.: *T*, *Lettres inéd*, p. 309.

[2] Свое письмо П. Виардо заканчивала словами: «Я вам напишу еще до вашего отъезда, чтобы напутствовать вас всеми благословениями моей души, души вашей преданной Полины».

[3] Имеется в виду басня Ж. де Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком». Героиня ее, Перетта, предавшись мечтам о выгодах, которые принесет ей продажа молока, спотыкается и разбивает кувшин.

[4] В письме от 25 апреля (7 мая) 1850 г. (№ 135) Тургенев также вспоминал об этом чтении поэмы Гёте.

143. Полине Виардо (с. 29 и 342)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 178—179; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 26—27.

[1] Во вторник 25 июня 1850 г., в 8 часов вечера, Тургенев выехал поездом из Парижа в Брюссель; затем, через Берлин, он направился в Штеттин, где сел на судно, доставившее его в Кронштадт.

[2] «Вечер», романс Ш. Гуно на слова А. де Ламартина (1840). «Плач» — видимо, предсмертная ария Сафо.

[3] С середины июня по конец августа 1850 г., по окончании гастролей в Берлине, П. Виардо с большим успехом снова пела на сцене театра Ковент-Гарден в Лондоне.

144. Полине Виардо (с. 31 и 343)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Первый лист письма утрачен.

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 48—51.

Датируется по содержанию: выехав из Парижа во вторник 13 (25) июня 1850 г., Тургенев прибыл в Петербург морем через неделю, во вторник 20 июня (2 июля). Письмо написано на борту судна, на котором Тургенев следовал из Штеттина в Кронштадт, в Финском заливе.

[1] См. письмо 143, примеч. 3.

[2] «Долина» — романс Ш. Гуно на слова А. де Ламартина (1840).

[3] Слова из романса П. Виардо на стихи Ж. де Ларенодьера «В море», вошедшего под № 6 во второй сборник ее вокальных сочинений: «10 mélodies par Pauline Viardot. Album de chant pour 1850».

145. Полине Виардо (с. 33 и 344)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 48—51.

[1] Недалеко от Крестцев Новгородской губернии находились поместья П. В. Зиновьева. Здесь Тургенев и Л. Виардо охотились. См.: наст. изд., Письма, т. I, с. 569—570; *Т сб*, вып. 4, с. 110.

[2] В гостинице «Дрезден» (на углу Тверской улицы и Столешникова переулка; ныне это здание не существует) Л. и П. Виардо останавливались во время первых гастролей певицы в Москве, между 11 (23) апреля и 25 апреля (7 мая) 1845 г.

[3] Имеется в виду дом на Пречистенке, рядом с пожарным депо, купленный В. П. Тургеневой для старшего сына (см.: *Житова*, с. 110—115).

[4] О тяжелой обстановке, создавшейся в доме В. П. Тургеневой в связи с женитьбой Н. С. Тургенева на ее камеристке А. Я. Шварц, подробно пишет в своих воспоминаниях В. Н. Богданович-Лутовинова, которую прежде всего и имеет в виду Тургенев, говоря о людях, влияющих на его мать, см.: *Житова*, с. 108—152. См. также письмо 163.

[5] П. Виардо снова гастролировала в России только в январе — апреле 1853 г.

146. Полине и Луи Виардо (с. 35 и 346)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 51—56.

[1] См. письмо 145, примеч. 4.

[2] Тургенев пишет о своей внебрачной дочери от А. Е. Ивановой Пелагее (Полине).

[3] Тургенев в письме к Марианне Виардо от 4 (16) марта 1880 г. по акварели 1824 года сделал набросок своего детского портрета таким образом, что он существенно отличался от выполненного неизвестным художником оригинала.

[4] П. И. Тургенева родилась 26 апреля (8 мая) 1842 г.

[5] Это письмо неизвестно.

[6] П. Виардо в ответ написала Тургеневу о своем согласии взять на себя заботу о воспитании его дочери. См. об этом в письме 149.

[7] В доме на Остоженке, где, очевидно, писались эти строки, Тургенев занимал две комнаты на антресолях с видом на церковь Успения и на Зачатьевский монастырь. См. письмо В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу от 26 сентября 1841 г. (*ГПБ*, ф. 795, № 98).

147. Полине Виардо (с. 40 и 350)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 179—180; во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 28—30.

[1] Тургенево — небольшое имение в Чернском уезде Тульской губернии, в 18 верстах от Спасского, принадлежавшее С. Н. Тургеневу, после смерти которого перешло к его сыновьям. Имение оставалось до 1850 г. в нераздельном владении двух братьев — Николая и Ивана, а затем И. С. Тургенев передал свою часть брату Николаю. Писатель, пробыв 10 дней в Москве, в середине июля ст. ст. приехал в Тургенево и поселился там, не желая жить в Спасском из-за плохих отношений с матерью.

[2] В дате письма допущена ошибка: в 1850 г. воскресенье приходилось не на 21-е, а на 23 июля ст. ст. Вероятнее предположить, что Тургенев ошибся в указании числа, а не дня недели.

[3] См. об этом: *Житова*, с. 133—142.

[4] В 1850 г. среда приходилась не на 4-е, а на 7-е августа н. ст.

[5] Одно из этих писем П. Виардо — от 29 июня, 1, 2 июля н. ст. 1850 г. с припиской Л. Виардо от 3 июля 1850 г. см.: *T, Lettres inéd*, p. 310—314.

148. Полине Виардо (с. 43 и 352)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Литературная Россия, 1972, № 32, 4 августа, с. 10; во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 31—34.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] См. письмо 144.

[3] Консуэло (по-исп.— утешение) — героиня одноименного романа Ж. Санд (1842), прототипом для которой послужила П. Виардо.

[4] Тургенев в это время работал над рассказом «Певцы» из «Записок охотника».

149. Полине Виардо (с. 46 и 354)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На письме в верхнем левом углу помета рукой П. Виардо: «Oui» («Да» — франц.).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Revue Hebdomadaire, 1899, № 10, 4 février, p. 45—52; в русском переводе — *Моск Вед*, 1899, 29 июня (11 июля), № 176. Перепечатано в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 108—115, XXV; *Письма к Виардо*, с. 239—252, XXV; во французском оригинале — *Halp.-Kam.*, *Viardot*, p. 133—143, XXVI.

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Речь идет о Е. Д. Шеншиной (см. письмо 150).

[3] См. письма 146, примеч. 2—4, 150, 152, 154.

[4] Речь идет о романсе Анжелы из комической оперы Ф. Обера «Черное домино» (1837): «Une fée, un bon ange» («Фея, добрый ангел»,— франц.), д. I, сц. 6.

[5] «Прекрасная Инеса» — по-видимому, название дерева в саду в Куртавнеле, подобное названиям других деревьев, перечисленным в письме 114 (наст. изд., Письма, т. 1); эти названия придумывались Тургеневым, П. Виардо и другими обитателями Куртавнеля.

[6] Дж. Паста пела в Петербурге в сезон 1840/41 г., когда Тургенев был за границей.

[7] Мысль о вечном и абсолютном значении красоты, сложившаяся под влиянием эстетики Гегеля, неоднократно высказывалась Тургеневым: см., например, рассказ «Довольно», написанный в 1860—1864 гг.

[8] Мнение Тургенева о Гуно разделяла и Полина Виардо. В письме к Матв. Ю. Виельгорскому от 4, 8 марта н. ст. 1850 г. она писала: «*Это великий композитор*, сейчас еще совершенно неизвестный, но которому суждена огромная будущность. Я буду петь в его опере („Сафо“.— *Ред.*) будущей зимой. Музыканты могут заранее радоваться и готовиться к высокому и благородному наслаждению...» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 88, пер. с франц.). С не меньшим восторгом писала она о Гуно Ж. Санд 16 февраля 1850 г.: «С некоторого времени я очень счастлива. Мы познакомились с одним молодым композитором, который будет великим человеком, как только музыка его станет известна. Он получил римскую премию лет десять тому назад и с того времени уединенно работал в своем кабинете, по-видимому не догадываясь о том, что каждая фраза, выходящая из-под его пера, несёт печать гениальности. Право, это утешительно для искусства любоваться большим музыкальным будущим без необходимости вывихнуть себе шею, оглядываясь на прошлое. Я много дала бы, чтоб вы послушали божественную музыку этого человека. Она была бы вам по сердцу. Мы твердим ее с утра до вечера и мечтаем о ней с вечера до утра. Он напишет оперу к будущей зиме, если я там (в Опере.— *Ред.*) буду, как это вероятно. Помимо гениальности, это человек очень приятный, благородный по природе, воспитанный и простой. Я уверена в том, что он очень вам понравился бы» (там же, с. 128, пер. с франц.). Сходное высказывание о Гуно и его опере «Сафо» содержится в письме Ж. Санд к П. Бокажу от 16 марта 1851 г.: «Гуно, новый Моцарт, первый композитор века, музыкальный гений, который откроет новую эру: я не шучу. Он еще малоизвестен ⟨...⟩. При первой репетиции певцы, трубачи, суфлеры, распорядители, слуги, стар и млад, все заливались слезами. Я жду эту оперу; он мне пропел ее всю целиком под фортепьяно у Полины. Это шедевр. Это великое, это единственное, самое прекрасное из того, что только может быть. Более того, это очаровательный молодой человек — сердцем, и характером, и взглядами» (*Sand*, *Corr*, t. 10, p. 147—148, пер. с франц.).

[9] «Жидовка» — опера Ж. Галеви. Главную партию Рахили пела П. Виардо.

[10] «Долина» — романс Гуно на слова Ламартина.

[11] О дальнейшей судьбе А. Н. Тургеневой см.: *Гутьяр*, с. 118—119. Образ этой девочки и ее происхождение дали материал для изображения детства Аси, героини одноименной повести, написанной в 1857 г. (см. рассказ Гагина в VIII главе повести).

[12] «Фауст», часть 1, сцена «Перед городскими воротами» (стихи 1098—1099); Тургенев цитирует не совсем точно: «Wenn über...» вместо «Und über...»

150. Луи и Полине Виардо (с. 51 и 358)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 35.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 175—178, во французском оригинале — *Т*, *ПСС* и *П*, *Письма*, т. 1, с. 393—398.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] С оперой Ш. Гуно «Сафо» П. Виардо познакомилась по возвращении в Куртавнель; первое представление ее на сцене состоялось в Париже 16 апреля н. ст. 1851 г.

[3] Мемуары г-жи Ролан, изданные впервые в 1794 г.,— выдающийся памятник эпохи французской революции.

[4] Цитата из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь III, терцина 17).

[5] Письмо к Робеспьеру, написанное г-жей Ролан перед казнью, помещено во втором томе ее мемуаров; оно помечено: «из тюрьмы Сент-Пелажи, в 23-й день 1-го месяца второго года», т. е. 15 октября 1793 г., и представляет собой патетическое обращение, направленное против революционного террора.

[6] В этом месте к письму приклеен сверточек папиросной бумаги с прядью волос Тургенева.

[7] Тургенев проезжал через Брюссель, где жила Х. Гарсиа, по дороге из Парижа в Штеттин, на пути в Россию, в середине (13 ст. ст.?) июня 1850 г.

[8] «Испанский моряк» — Пабло Сичес.

[9] Воспитанница В. П. Тургеневой — В. Н. Богданович (Лутовинова), в замужестве Житова. См. также письма 145 и 165.

[10] С генералом А. И. Философовым П. Виардо могла встречаться в 40-х годах в Петербурге. Тургенев проводит аналогию между фамилиями Философов и Шеншина, так как последняя может восприниматься как происходящая от французских слов chêne (дуб) и Chine (Китай).

[11] См. письма 146 и 149.

[12] Г-жа Гуно — мать композитора. Ее письмо, составлявшее, вероятно, часть коллективного письма из Куртавнеля, неизвестно.

[13] Это письмо неизвестно.

151. Полине Виардо (с. 56 и 361)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано в русском переводе (с неточностями) — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 178—179; во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, р. 35—36.

[1] Одно из этих писем, от 10—15 сентября н. ст. 1850 г. (№ 10), с припиской Л. Виардо опубликовано в кн.: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, р. 343—348.

[2] Любовша — малодоходное лутовиновское имение в Новосильском уезде, подаренное Тургеневу матерью в августе 1850 г. См.: Шапочка В. В., Богданов Б. В. Новые документы о И. С. Тургеневе.— Советские архивы, 1968, № 6, с. 98.

[3] Имеется в виду почтово-пассажирское сообщение с Францией на пароходах из Петербурга в Гавр, наиболее тогда быстрое и удобное. Тургенев пишет об этом в связи с предстоявшим отправлением во Францию его дочери Полины. Она поехала, однако, сухим путем, через Варшаву.

[4] «Ничего, ничего, молчание» — слова, неоднократно повторяющиеся в дневнике Поприщина, героя «Записок сумасшедшего» Гоголя.

152. **Полине Виардо** (с. 57 и 362)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 180—181; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 36—38.

Тургенев ошибочно пометил комментируемое письмо ноябрем вместо октября, о чем свидетельствует его содержание.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] См. письма 151, примеч. 3, и 156.

[3] См. письмо 155.

[4] Неверную дату рождения П. И. Тургеневой (см. письмо № 146, примеч. 4) Тургенев впоследствии исправил, указав точное число в письме к П. Виардо от 12 (24) мая 1853 г.

[5] В настоящее время Невский пр., д. 68/40. Дом сохранился в перестроенном виде.

[6] То есть на контору Языкова.

153. **Н. М. Щепкину** (с. 60)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 276, ед. хр. 33, л. 1—2 об.

Впервые опубликовано: Культура театра, 1921, № 7-8, с. 46—47.

[1] «Комета, учено-литературный альманах, изданный Николаем Щепкиным», вышел в Москве в начале 1851 г.

[2] Имеется в виду комедия «Месяц в деревне» (в первой редакции — «Студент»), которую Тургенев окончил 22 марта 1850 г. и 8 апреля того же года отправил Некрасову для опубликования в «Современнике». Пьеса была запрещена петербургской цензурой. Попытка Тургенева напечатать ее под новым заглавием («Две женщины») в альманахе Н. М. Щепкина также не увенчалась успехом. Московская цензура не разрешила комедию.

[3] «Разговор на большой дороге» был впервые напечатан в альманахе «Комета». Рассказ «Два помещика» в «Комете» опубликован не был и появился впервые в отдельном издании «Записок охотника» (1852).

[4] Тургенев был в Москве проездом (на пути из деревни Тургенево в Петербург) и пробыл там последние дни сентября 1850 г.

[5] Далее следует приписка Н. Н. Тютчева:

«К словам Тургенева, кажется, нечего прибавить, разве только о цене. „Современник" платил ему с листа прежде 50 р. сер., а теперь 75 р. сер. Впрочем, Тург⟨енев⟩ не привык барышничать. Напишите Вы сами, что Вы находите возможным и справедливым назначить за лист или за пьесу, и он всегда согласится.

Душевно вам преданный

Н. Т.

18 окт⟨ября⟩ 1850 ».

154. **Полине Виардо** (с. 61 и 364)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 39—40.

[1] Тургенев в это время заканчивал работу над рассказами из «Записок охотника» «Певцы» и «Свидание», появившимися в 11-й книжке «Современника» за 1850 г.
[2] См. письма 151, примеч. 3, и 152.
[3] См. письмо 155.

155. Полине Виардо (с. 62 и 365)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 181; во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 41.

[1] См. письма 151, 152, 154.

156. Полине Виардо (с. 63 и 365)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 181—184; полностью во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 41—44.

В дате последней части письма ошибка: в 1850 г. понедельник приходился на 30 октября (11 ноября), а не на 31 октября (12 ноября). Датируем предположительно по дню недели, а не по числу месяца.

[1] Имеется в виду рассказ «Певцы»; первоначально он назывался «Притынный кабачок»; напечатан в № 11 «Современника» 1850 г. Сцена, описанная в рассказе, происходила в конце августа, когда Тургенев жил в своей усадьбе Тургенево. См. статью М. К. Азадовского «„Певцы“ И. С. Тургенева» (А з а д о в с к и й М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М., 1960, с. 395—437, в особенности с. 421—422).
[2] Тургенев ошибался, когда писал, что вступает в «тридцать второй год» (ср. в письме к П. Виардо от 28 октября (9 ноября) 1852 г.). 28 октября ст. ст. 1850 г. ему уже исполнилось 32 года.
[3] Тургенев познакомился с Л. Виардо 28 октября ст. ст. 1843 г. в Петербурге у А. С. Комарова.
[4] Тургенев был представлен П. Виардо 1 ноября ст. ст. 1843 г. (см. в т. 1 письмо 54, примеч. 3).
[5] О чем просил Тургенев П. Виардо для Тютчевых — не установлено.
[6] См. письма 151 (примеч. 3), 152, 155.
[7] См. письмо 154.
[8] Партия Фидес — в опере Мейербера «Пророк».
[9] Ш. Гуно нашел в Тургеневе горячего поклонника и пропагандиста его музыки. «Санктус» и «Реквием» — два ранних произведения Гуно. Виельгорские исполнением музыки Гуно на своих домашних концертах могли способствовать ее известности в музыкальных кругах Петербурга (см.: Дневник А. С. Пушкина. — Труды Гос. Румянцевского музея, вып. I, М., 1923, с. 271—274).
[10] Это письмо неизвестно.
[11] Комедия «Провинциалка» была написана Тургеневым для бенефиса актрисы Александринского театра Н. В. Самойловой;

главную роль, Дарьи Ивановны, исполняла сестра бенефициантки, В. В. Самойлова (см. письмо 157).

[12] Сообщение Тургенева о том, что его комедия объявлена на послезавтра, т. е. на 1 ноября ст. ст.,— неточно или преждевременно: ни одна из его комедий в это и следующие числа не шла. Только в воскресенье 12 ноября, согласно объявлению в «Северной пчеле» (1850, № 255, 1 ноября), была поставлена в Александринском театре комедия «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ».

[13] Комедия «Месяц в деревне», написанная Тургеневым в Париже и оттуда посланная Некрасову для «Современника».

157. Н. В. Самойловой (с. 66)

Печатается по подлиннику: ГПБ, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 16, л. 5; текст, начатый как беловой и обращенный затем в черновик; оборот листа занят большой вставкой к рассказу «Свидание». Отправленный беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано: Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 76, сер. филол. наук, вып. 11, 1941, с. 118, с датировкой: «начало октября 1850 г. Петербург».

Датируется октябрем 1850 г. по содержанию. Р. Б. Заборова датирует это письмо «1850, конец сентября. Москва» (*ГПБ*, *Описание*, с. 83) на основании того, что неразборчиво написанное в конце письма слово читает как «Москва». Однако письмо не могло быть написано до возвращения писателя из Москвы в Петербург в первой половине октября 1850 г. Кроме того, в письме к П. Виардо из Петербурга от 26—30 октября (7—11) ноября Тургенев сообщал о работе над комедией в одном действии для Самойловой (см. письмо 156, примеч. 11).

[1] Речь идет о В. В. Самойлове.

[2] Комедия «Провинциалка». На обороте л. 6 рукописи рассказа «Свидание» набросан (в первоначальной редакции) список действующих лиц с распределением ролей (см.: Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 76, сер. филол. наук, вып. 11, 1941, с. 118—119).

[3] Бенефис Н. В. Самойловой состоялся 22 января (3 февраля) 1851 г. «Новая комедия И. С. Тургенева „Провинциалка“, — писал рецензент „Современника“,— весьма хорошо разыгранная гг. Самойловым и Мартыновым и В. В. Самойловой, доказывает давно известную истину: у г. Тургенева больше таланта к рассказу и повести, но он может, если пожелает, не без успеха пробовать свои силы и в драматическом роде. Однако ж „Провинциалка“ показалась нам слабее „Завтрака у предводителя“ и даже „Холостяка“ того же автора. Г. Самойлов был очень на месте в роли графа (столичного немолодого волокиты). В. В. Самойлова — в роли самой Провинциалки — была очень грациозна, играла безукоризненно хорошо» (*Совр*, 1851, № 2, отд. VI, Театральная хроника, с. 269—270). Что же касается Н. В. Самойловой, то она, как это видно из рецензии, исполняла в свой бенефис арию-попурри из переводного водевиля Н. Куликова «Бедовая девушка» («Une fille terrible») и затем выступала в пьесе «Елка» Ф. Корфа. Тургенев не был на первом представлении «Провинциалки», так как еще не вернулся к тому времени из поездки в Москву, но присутствовал на одном из следующих спектаклей. Отзыв его об игре В. В. Самойлова и В. В. Самойловой см. в письме к Е. М. Феоктистову от 16 (28) февраля 1851 г.

158. Н. М. Щепкину (с. 66)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 276, ед. хр. 33, л. 3-3 об. Впервые опубликовано: Культура театра, 1921, № 7-8, с. 47.

[1] Речь идет о комедии «Две женщины» (впоследствии названной «Месяц в деревне»), которая предназначалась для альманаха «Комета».

[2] «Разговор на большой дороге» и «Два помещика».

[3] Тургенев приехал в Москву 21 ноября (3 декабря) 1850 г. в связи с болезнью и смертью матери.

[4] Речь идет о комедии «Провинциалка», которую Тургенев написал для бенефиса Н. В. Самойловой.

[5] Во время пребывания в Москве с конца ноября 1850 г. по начало февраля 1851 г. Тургенев несколько раз встречался с М. С. Щепкиным, а также присутствовал на представлении «Холостяка» с его участием.

159. В. Н. Богданович-Лутовиновой (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 57, л. 1.

Впервые опубликовано: *Житова*, с. 153—154.

160. Полине Виардо (с. 68 и 367)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На подлиннике в верхнем левом углу помета рукой П. Виардо: «à revoir» («пересмотреть» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 185—188; во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 56—60.

В датировке письма Тургеневым допущен ряд ошибок: 1 (13) ноября 1850 г. приходилось на среду, а не на вторник, 8 (20) ноября — также среда, 12 (24) ноября — воскресенье, а не суббота. Датируем письмо по числам месяца, а не по дням недели, ввиду упоминания о годовщине знакомства Тургенева с П. Виардо — 1 (13) ноября.

[1] Дом Демидова на Невском проспекте, ныне не существующий (на его месте дом № 54 на углу Невского и Малой Садовой), был занят меблированными комнатами, известными под названием «Демидовской гостиницы» и сдававшимися приезжим артистам (см.: Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 316—319). Семейство Виардо жило у квартировавшего в этом доме тосканца Филиппо Мориччи (см.: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 57, примеч. 3).

[2] Комедия, предназначенная для бенефисного спектакля Н. В. Самойловой,— «Провинциалка».

[3] Музыкальные произведения Ш. Гуно для голоса, исполнявшиеся П. Виардо: «Санктус» — латинское церковное песнопение (см. письмо 156, примеч. 9); «Чокнемся», «Мой фрак» («Mon habit», а не «Старый фрак» — «Vieil habit», как пишет Тургенев) и «Вечный жид» — на слова Беранже, «Венеция» — на слова А. де Мюссе.

[4] Граф Виельгорский — вероятно, Матвей Юрьевич. «Le Vallon» («Долина») — романс Гуно на слова Ламартина.

[5] «Худита» и «Мексиканские песни» — вокальные произведения Гуно.

[6] Это письмо неизвестно.

[7] Оперу Гуно «Сафо» Тургенев называет «нашей любимой дочерью», потому что она создавалась при его и П. Виардо участии и поддержке и предназначалась для выступления П. Виардо в главной партии.

[8] Последние два рассказа из «Записок охотника» — «Певцы» и «Свидание», напечатанные в № 11 «Современника» 1850 г. Тургенев имеет в виду, очевидно, слышанные им устные рассказы.

[9] «Записки охотника» отдельной книгой вышли в Москве в августе 1852 г.

[10] Письмо, в котором Тургенев просил П. Виардо о позволении посвятить ей отдельное издание «Записок охотника», неизвестно. Книга вышла без посвящения.

[11] Итальянская опера в Петербурге в сезон 1850/51 г. имела второразрядный женский состав, и хотя в ней были очень хорошие мужские голоса (Марио, Тамбурини, Тамберлик), успех ее был посредствен. По словам А. Вольфа, «красавец Марио частенько бывал не в голосе... Вообще он порядочно неглижировал, часто сказывался больным и тем возбудил противу себя негодование некоторой части публики» (*Вольф*, *Хроника*, ч. I, с. 148). Персиани, как ее определяет Вольф,— «парижская экс-знаменитость, старуха, которая спа́ла уже с голоса и немилосердно фальшивила» (там же, с. 147—148). Тамберлик, имевший громадный успех в Италии, Испании, Англии, выступал в Петербурге впервые, будучи здесь «тогда еще совсем неизвестным» (там же, с. 148).

[12] «Вильгельм Телль» — опера Дж. Россини, шедшая в Петербурге под искаженным цензурой названием «Карл Смелый», чтобы не напоминать о предводителе народного восстания. В ней, кроме Тамберлика, выступали второстепенные исполнители, что и вызвало недовольство Тургенева, поклонника музыки Россини.

161. Полине Виардо (с. 71 и 369)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 188—189; во французском оригинале — *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 60.

[1] Это письмо было, вероятно, от Н. С. Тургенева или от воспитанницы В. П. Тургеневой — В. Н. Богданович-Лутовиновой; оно неизвестно. Мать Тургенева, Варвара Петровна, умерла в Москве 16 (28) ноября 1850 г.

162. Полине Виардо (с. 71 и 370)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422.

Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 189; во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 45.

[1] Тургенев выехал из Петербурга вечером 16 (28) ноября и приехал в Москву 21 ноября (3 декабря), пробыв в пути пять суток, что в осенний период было обычным — до открытия движения по железной дороге в 1851 г.

163. Полине Виардо (с. 71 и 370)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 35.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 180—192; во французском оригинале — *Т, ПСС и П, Письма*, т. I, с. 411—415.

[1] Печати были наложены после смерти В. П. Тургеневой на ее бумаги впредь до выполнения юридических формальностей по вводу сыновей-наследников во владение.

[2] Сложные, тяжелые отношения между Тургеневым и его матерью нашли отражение в этом и других письмах его к П. Виардо. Отношения их особенно ухудшились в последние годы жизни В. П. Тургеневой, несмотря на то, что писатель был ее любимым сыном. Этому способствовали как деспотический и тяжелый характер Варвары Петровны, так и денежные соображения, а главное — стремление В. П. Тургеневой, лишив сына материальной поддержки, заставить его порвать с П. Виардо и вернуться в Россию. Отношения ее со старшим сыном, Николаем, были осложнены его женитьбой на А. Я. Шварц; этот брак В. П. Тургенева долго не признавала, в связи с чем лишила и старшего сына материальной помощи.

[3] Тургенев пробыл в Москве до начала февраля ст. ст. 1851 г., задержавшись там из-за болезни (отъезд в Петербург был намечен сначала на 6 января ст. ст.); в середине апреля он выехал из Петербурга через Москву в Спасское, где прожил до середины октября, затем вернулся в Москву, а 7 ноября ст. ст. был уже в Петербурге.

[4] Раздел имений между И. С. и Н. С. Тургеневыми, вследствие запутанности дел в хозяйстве В. П. Тургеневой, затянулся до 1855 г.

[5] О своем успехе в Париже в опере Дж. Мейербера «Гугеноты», где она исполняла две партии — Валентины и пажа, П. Виардо, очевидно, писала в не дошедшем до нас письме. В письме к М. Виельгорскому от 1 февраля н. ст. 1851 г. П. Виардо писала: «Тургенев не преминул, вероятно, сообщить вам о том, что „Гугеноты“ имели большой успех» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 90, пер. с франц.).

[6] Речь идет о В. Н. Богданович-Лутовиновой.

[7] Вопрос о присвоении дочери Тургенева Полине фамилии отца был решен позднее по настоянию П. Виардо, опасавшейся для девочки неловкого положения «побочной дочери» в буржуазном французском обществе.

[8] Речь идет о рассказе «Певцы», первоначально носившем название «Притынный кабачок».

[9] Книга Монтеня «Опыты» («Les Essais», 1580) содержит размышления на всевозможные темы философии, религии, политики, культуры, общественной и личной жизни. В библиотеке Тургенева (Государственный музей И. С. Тургенева в Орле) сохранилась часть «Опытов» Монтеня в женевском издании 1779 г. (семь томов из десяти), но это едва ли то, подаренное ему Л. Виардо, издание, о котором идет речь в письме.

164. Полине Виардо (с. 75 и 372)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На подлиннике в верхнем левом углу помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 8, с. 192—198; во французском оригинале — *Т*, *Lettres inéd*, p. 45—51.

[1] Речь идет о присылке музыкальных произведений Гуно. См. письмо 160, примеч. 3—5.

[2] Это письмо П. Виардо с припиской Ш. Гуно неизвестно.

[3] Тургенев, желая по возможности отдалить девочку от русских воспоминаний и вообще от России (сохраняя ее, однако, в православии, чтобы не подвергать влиянию католической церкви), предполагал дать ей и фамилию, звучащую на французский лад — Мишель. Пристрастие писателя к этому имени объясняется тем, что оно было вторым именем Полины Виардо.

[4] Вероятно, речь идет о Луизе, старшей дочери П. Виардо, которой было в то время 9 лет.

[5] Дневник В. П. Тургеневой неизвестен.

[6] См. письмо 149, примеч. 11.

[7] Комедию «Провинциалка», законченную им в середине ноября, Тургенев читал у жены гр. Л. А. Соллогуба (брата В. А. Соллогуба) — М. Ф. Соллогуб. См.: Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1931, с. 262.

[8] Комедия Тургенева «Холостяк» была поставлена впервые в Петербурге, на сцене Александринского театра, 14 октября ст. ст. 1849 г., а затем в Москве, в Малом театре, 25 января ст. ст. 1850 г. в бенефис М. С. Щепкина, исполнявшего роль Мошкина. В сезон 1850/51 г. пьеса шла несколько раз в том же составе, что и на премьере.

[9] Представление комедии Тургенева «Холостяк», на котором он присутствовал, состоялось 6 (18) декабря 1850 г. М. С. Щепкин исполнял главную роль — Мошкина; «старая актриса» — А. Т. Сабурова, игравшая Пряжкину; В. И. Живокини играл помещика-провинциала Шпуньдика; роль Маши исполняла Л. П. Косицкая, поступившая в 1847 г. в труппу Малого театра.

165. **Полине Виардо** (с. 81 и 377)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма в верхнем левом углу помета рукой П. Виардо: «oui» («да» — франц.).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 24, 16 juin, p. 739—741 (с пропусками); в русском переводе — Новое время, 1906, № 10861, 10 (23) июня, иллюстрированное приложение.

[1] Комедия Тургенева, поставленная на домашней сцене графини М. Ф. Соллогуб,— «Провинциалка», незадолго до того оконченная и прочитанная автором 5 (17) декабря 1850 г. у той же гр. Соллогуб (см. письмо 164).

[2] А. М. Медведева.

[3] В. Н. Богданович-Лутовинова.

[4] Героиня нашумевшего в 1840—1841 гг. во Франции уголовного дела об отравлении мужа; была приговорена к бессрочной каторге и освобождена лишь незадолго до смерти; написала в тюрьме свои записки.

[5] Тартюф и Оргон — персонажи комедии Мольера «Тартюф» (1667). Тургенев имеет в виду сцену VII четвертого действия комедии.

[6] Вероятно, А. Е. Берс.

[7] Вероятно, Николай Богданович Анке (см.: Волкова Т. Н. В. Н. Житова и ее мемуары.— В кн.: *Житова*, с. 17).

[8] Речь идет о постановках комедии «Провинциалка» на сценах Малого театра в Москве и Александринского театра в Петербурге. Первая постановка состоялась в Петербурге 22 января ст. ст. 1851 г.

166. К. С. Аксакову (с. 84)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ГАИС/III, I. 32/2, л. 2.

Впервые опубликовано: *Труды ГБЛ*, вып. IV, с. 223, с предположительной датировкой — 1851 г.

Датировка письма может быть, однако, уточнена на основании его содержания. Тургенев собирался выехать из Москвы в Петербург в самом начале января 1851 г. (прощальный обед московским друзьям он устроил 2 (14) января), но вынужден был задержаться в Москве сначала для устройства домашних дел, а потом из-за болезни («Я схватил кашель»,— сообщал Тургенев П. Виардо 8 (20) января). А в письме от 17 (29) января он указывал, что уже поправляется после катара «с довольно сильной лихорадкой», которая уложила его в постель «на четыре дня» (письмо 168). Настоящее же письмо написано, судя по содержанию («мне что-то нездоровится»), в самом начале болезни. Так как понедельники приходились в январе этого года на 8, 15, 22 и 29 ст. ст., письмо можно предположительно датировать 8 (20) января 1851 г.

167. К. С. Аксакову (с. 84)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 625, л. 17.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 11.

Датируется предположительно 10 (22) января 1851 г. на основании сопоставления этого письма с письмами Тургенева к К. С. Аксакову от 8 (20) января и к П. Виардо от 8 (20) и 17 (29) января 1851 г., в которых он также сообщал о своей болезни (№ 165, 166, 168). Среды в январе 1851 г. приходились на 3, 10, 17, 24 и 31 ст. ст. Адресатом письма несомненно является К. С. Аксаков, так как с И. С. Аксаковым Тургенев в январе 1851 г. еще не был знаком (см.: *Рус Мысль*, 1915, № 8, с. 128).

[1] Тургенев выехал из Москвы в Петербург не ранее 3 (15) февраля (см. письмо 172, примеч. 2).

168. Полине Виардо (с. 85 и 379)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице письма в верхнем левом углу помета рукой П. Виардо: «oui — à revoir» («да — пересмотреть» — *франц.*).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 24, 16 juin, p. 741, и № 25, 23 juin, p. 773; в русском переводе — «Новое время», 1906, № 10861, 10 (23) июня и № 10872, 21 июня (4 июля), иллюстрированные приложения.

Полностью во французском оригинале — *Т*, *Quelques lettres*, p. 105—108.

[1] Жодле — персонаж комедии Мольера «Смешные жеманницы» (1659), слуга, который выдает себя за знатную особу. Слова, неточно приведенные Тургеневым (в подлиннике: «il ne fait que sortir d'une maladie» — «он только что избавился от болезни»), говорит

о Жодле в сцене XII его друг Маскариль, такой же слуга, разыгрывающий аристократа.

[2] Речь здесь и далее идет о комедии «Провинциалка». В Москве поставлена была впервые 18 января ст. ст. 1851 г. в бенефис М. С. Щепкина, игравшего роль Ступендьева. Роль Дарьи Ивановны исполняла молодая артистка, впоследствии очень известная, Н. В. Рыкалова.

[3] Тургенев говорит о С. В. Шумском и Н. В. Рыкаловой. Шумский в комедии «Провинциалка» исполнял роль графа Любина.

[4] «Провинциалка» была поставлена в Петербурге впервые 22 января (3 февраля) 1851 г., в составе исполнителей: В. В. Самойлова — Дарья Ивановна, В. В. Самойлов — граф Любин, А. Е. Мартынов — Ступендьев.

[5] «Сафо» — опера Ш. Гуно, написанная для П. Виардо как исполнительницы главной роли. Письма П. Виардо к Тургеневу, в которых шла бы речь о репетициях «Сафо», неизвестны. В письме к Матв. Ю. Виельгорскому от 1 февраля 1851 г. П. Виардо сообщала: «Завтра начинаются репетиции „Сафо", новой оперы г-на Шарля Гуно, о котором я, кажется, вам писала. Этот неизвестный композитор просто гениален. Он будет *нашим Моцартом*. Тургенев вам о нем, конечно, говорил, так как знает большую часть его сочинений и стал его горячим поклонником» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 90, пер. с франц.). Ср. с письмами Ж. Санд к П. Виардо и П. Бокажу от 16 марта и 4 апреля 1851 г., где она также называла Ш. Гуно Моцартом (*Sand, Corr*, *t.* 10, p. 144, 147, 187).

[6] Супруги Пабло и Марикита Сичес, дядя и тетка П. Виардо.

[7] Эти деньги — годовое содержание дочери Тургенева, которое он высылал Луи Виардо.

169. В. Н. Богданович-Лутовиновой (с. 88)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 57, л. 5.

Впервые опубликовано: *Житова*, с. 154, с ошибочной датой: 30 мая 1880 г.

Датируется предположительно концом 1850 г.— началом 1851 г. на основании содержания и по соотношению с письмами к П. Виардо того же времени. Следует также учесть, что почерк, которым написано письмо, близок к почерку Тургенева начала 50-х годов. Наконец, и обращение («...любезная Варвара Николаевна»), и весь тон письма довольно холодный, далеки от значительно более дружелюбного тона, который характерен для писем Тургенева к В. Н. Богданович-Лутовиновой (в замужестве Житовой) 1880 и 1882 гг.

Данное письмо касается денежных расчетов Тургенева с В. Н. Богданович-Лутовиновой после смерти В. П. Тургеневой (16 (28) ноября 1850 г.). Эти расчеты (см. письмо 163) не могли быть произведены раньше, чем были сняты печати, наложенные на комнаты В. П. Тургеневой, и ее сыновья, Н. С. и И. С. Тургеневы, введены во владение, т. е. раньше, чем в декабре 1850 г. Но настоящее письмо написано, очевидно, уже после того, как В. Н. Богданович-Лутовинова выехала из квартиры Тургенева и поселилась у доктора, друга своего отца, что должно было произойти лишь в конце декабря ст. ст. (см. письмо 165). С другой стороны, Тургенев около (не ранее) 3 (15) февраля 1851 г. выехал из Москвы в Петербург, следовательно, письмо, помеченное пятницей, не могло быть напи-

сано позднее последней пятницы перед этим числом, т. е. позднее 26 января (7 февраля) 1851 г.

170. А. А. Краевскому (с. 88)

Печатается по тексту первой публикации: *Отеч зап*, 1851, № 2, раздел «Опечатки». Письмо появилось со следующим примечанием редакции: «Мы получили из Москвы от И. С. Тургенева, автора „Провинциалки", напечатанной в той же ⟨январской⟩ книжке „Отеч. записок", следующее письмо».

Датируется 20-ми числами января ст. ст. 1851 г. на том основании, что узнать об опечатках, о которых идет речь в письме, и исправить их Тургенев мог только после выхода в свет январского номера «Отечественных записок» за 1851 г., где была опубликована комедия «Провинциалка». Извещение о выходе в свет этого номера появилось в «Московских ведомостях» 20 января ст. ст. 1851 г., а в начале февраля ст. ст. Тургенев выехал из Москвы в Петербург. С учетом примечания редакции о том, что письмо получено из Москвы, оно и датируется указанными числами января.

Стр. 88. с листа (*франц.*).

[1] Помещение в «Отечественных записках» списка опечаток, да еще такого большого, было действительно явлением необычным, вызвавшим удивление и даже неодобрение в журнальной среде. Г. П. Данилевский, сотрудник «Библиотеки для чтения», в неопубликованном письме к издателю этого журнала А. В. Старчевскому писал об опечатках в переводе «Цимбелина» (*Б-ка Чт*, 1851, № 8) и просил исправить их в следующем номере. «Я знаю,— добавлял при этом Данилевский,— что Е⟨лизавета⟩ Ник⟨олаевна⟩ ⟨Ахматова⟩ не одобрила бы этого, как она уже отзывалась о подобном письме Тургенева в „От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩" этого года касательно его драмы, напечатанной там же» (*ИРЛИ*, ф. 583, № 397, л. 48).

[2] Тургенев готовил «Провинциалку» для бенефиса артистки Н. В. Самойловой и должен был закончить работу к 14 ноября ст. ст. 1850 г. В письме к П. Виардо 8 ноября он сообщал из Петербурга о непривычной для него спешке и опасениях не завершить комедию в назначенный срок (см. письмо 160). 16 ноября умерла в Москве мать писателя. Тургенев уехал в Москву, где и прожил с 21 ноября 1850 г. до 3 февраля 1851 г.

[3] Оговорка Тургенева об «особом таланте или желании артистки» не случайна. Н. В. Самойлова, для которой писалась роль Дарьи Ивановны Ступендьевой в «Провинциалке», обладала вокальными способностями, в отличие от ее сестры В. В. Самойловой, фактически исполнявшей эту роль на премьере комедии в Петербурге 22 января 1851 г. Обратившись в самом начале своей работы над комедией с письмом к Н. В. Самойловой, Тургенев предложил ей познакомиться с планом будущего произведения и, если угодно, обсудить его (см. письмо 157). Весьма вероятно, что при этой беседе актриса и выразила желание, чтобы романс, исполняемый по ходу действия Любиным (или — в первоначальном варианте — Любавиным), был заменен дуэтом. Эти два варианта Тургенев и наметил в рукописи комедии, неправильно прочтенной переписчиком.

[4] Поправки, внесенные Тургеневым в текст «Провинциалки» настоящим письмом, носят в основном смысловой и стилистический

характер. Менее всего среди них собственно опечаток. Подробный анализ сделанных Тургеневым исправлений см. в статье Т. П. Головановой «История одного текста» (Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1957, т. XVI, вып. 4, с. 360—366).

171. **К. С. Аксакову** (с. 91)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ГАИС/III, 1.32/2, л. 3.

Впервые опубликовано: *Труды ГБЛ*, вып. IV, с. 223, с предположительной датировкой — 1851 г.

Может быть датировано более точно на основании содержания, так как в записке несомненно идет речь о предполагаемом чтении П. М. Садовским рукописи сцены «Разговор на большой дороге». В неопубликованном письме к И. С. Аксакову от 2 (14) февраля 1851 г. С. Т. Аксаков сообщал: «Сегодня перед обедом Тургенев читает мне отрывок из „Записок охотника", не пропущенный в журнал, а Садовский читает сцену, написанную Тургеневым для альманаха, выдаваемого Николаем Щепкиным: и то и другое должно быть интересно...» (*ИРЛИ*, ф. 3, он. 3, № 13, л. 77). В записке Тургенева говорится о том, что Садовский может читать в пятницу, которая как раз приходилась на 2(14) февраля. Предшествующая этой пятнице среда приходилась на 31 января (12 февраля) 1851 г.— этим числом и следует датировать настоящую записку Тургенева к К. С. Аксакову.

[1] Эта записка К. С. Аксакова к Тургеневу неизвестна.

[2] По-видимому, рассказ «Два помещика», который был написан в 1847 г., но опубликован впервые лишь в 1852 г. в отдельном издании «Записок охотника».

172. **С. Т. Аксакову** (с. 91)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 67.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 499, без даты.

Датируется 2 (14) февраля 1851 г. по сопоставлению с неопубликованным письмом С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 2 (14) февраля 1851 г., в котором прямо указывается, что чтение Садовского состоится «сегодня»,— см. обоснование датировки письма Тургенева к К. С. Аксакову от 31 января (12 февраля) 1851 г. (№ 171).

[1] Чтение П. М. Садовским «Разговора на большой дороге» состоялось у Аксаковых в отсутствие Тургенева. С. Т. Аксаков сообщал сыну (Ивану Сергеевичу) 6 (18) февраля 1851 г.: «Тургенев <...>уехал, не видавшись со мной; простился двумя нежными письмами. Садовский, однако, приехал в назначенный час, прочел нам сцену, написанную Тургеневым для альманаха; кажется, она называется: „Разговор на большой дороге"» (*Рус Мысль*, 1915, № 8, с. 129).

[2] Эта фраза позволяет уточнить дату отъезда Тургенева из Москвы в Петербург: не ранее 3 (15) февраля 1851 г.

[3] «Статья» — «Разговор на большой дороге», драматическая сцена, опубликованная в учено-литературном альманахе Н. М. Щепкина «Комета». Несмотря на то, что цензурное разрешение на издание этого сборника помечено 11 ноября 1850 г., разрешение на выпуск (его-то и имели в виду Н. М. Щепкин и Тургенев) было дано значительно позже, и «Комета» вышла в свет лишь в апреле 1851 г. (см.: *Моск Вед*, 1851, № 40, 3 апреля).

173. Е. М. Феоктистову (с. 91)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 1—2 об.
Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 136—138.

Стр. 92. Вниманию читателей! (*франц.*).

[1] Е. В. Салиас де Турнемир.

[2] Рассказ «Бежин луг» был опубликован в февральской книжке «Современника» за 1851 год с несколькими цензурными искажениями. Так, вместо слов: «Да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить» — в «Современнике» было: «Да как же это русалка могла душу его спортить?» Кроме того, в журнальном тексте было опущено всё предание о Тришке, а самое имя его заменено словом «леший» (подробнее см.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 464—465). Феоктистов сообщал Тургеневу 24 февраля ст. ст. 1851 г.: «...в эти дни тут только и толков (разумеется, в известных кружках), что об Вашем последнем рассказе. Я уже писал Вам, что он произвел на меня самое приятное впечатление» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 3).

[3] В цитированном выше (примеч. 2) письме Феоктистов отвечал Тургеневу: «Кетчер во фрейлины еще не произведен» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 5). Это шутка, вызванная грубоватыми манерами и внешностью Кетчера.

[4] «Провинциалка» в Петербурге на сцене Александринского театра впервые была поставлена 22 января ст. ст. 1851 г. Отзыв о постановке этой пьесы см.: *Сев Пчела*, 1851, № 22, 27 января. Затем «Провинциалка» шла еще несколько раз, в частности 11 февраля ст. ст., когда ее и видел Тургенев.

[5] Тургенев сравнивает некоторых из исполнителей «Провинциалки» на петербургской и московской сценах. В. В. Самойлова исполняла в Александринском театре в Петербурге роль Дарьи Ивановны, а ее брат В. В. Самойлов — роль графа Любина, которую в Москве, в Малом театре, исполнял С. В. Шумский. А. Е. Мартынов играл на петербургской сцене роль Ступендьева. Незнание им роли упомянуто также рецензентом «Отечественных записок» (1851, № 3, отд. VIII, с. 59). Впоследствии Тургенев высоко ценил дарование Мартынова, создавшего замечательные образы в его пьесах и, в частности, образ Мошкина в комедии «Холостяк».

[6] В Москве «Провинциалка» была поставлена на сцене Малого театра 18 января ст. ст. 1851 г. в бенефис М. С. Щепкина, причем последний играл роль Ступендьева. Графиня Салиас к письму Феоктистова Тургеневу от 21 февраля 1851 г. ст. ст. (написанному до получения настоящего письма Тургенева) сделала приписку: «...очень мне хочется на Святой или после сыграть „Провинциалку“! Увидев Рыкалову, я убедилась, что сыграю ее лучше, чем она, и летом непременно устрою это к своей и вашей славе — надеюсь» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 2 об.). Феоктистов в том же письме сообщал: «...после Вашего отъезда мы видели „Провинциалку“ в Малом театре. Она идет несравненно лучше,— даже Рыкалова была очень удовлетворительна и говорила тише; но Щепкин всё так же плох и портит роль. Напишите, кто Вам более нравится в роли Любина — Шумский или Самойлов» (там же, л. 2).

[7] Прозвище В. П. Боткина.

[8] «Две сестры» — повесть Евгении Тур (гр. Е. В. Салиас), напечатанная в февральской книжке «Отечественных записок» за 1851 г.

[9] Драшусов — вероятно, Александр Николаевич, одновременно с Тургеневым (в 1838—1840 гг.) находившийся в Германии, где он и задолжал Тургеневу (отсюда — счет на талеры). О долге Драшусова Тургенев сообщал еще в 1839 г. Грановскому (см. наст. изд., Письма, т. 1, № 145). О своих переговорах с Драшусовым и получении от него части денег в погашение этого долга Феоктистов писал Тургеневу 21 и 24 февраля ст. ст. 1851 г. (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 1 и 4 об.).

174. Луи Виардо (с. 93 и 381)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 11—13.

В дате письма Тургенев допустил ошибку: 20 февраля ст. ст. в 1851 г. соответствовало 4-му, а не 3-му марта н. ст.

[1] Имеется в виду приписка Л. Виардо к письму П. Виардо к Тургеневу от начала февраля н. ст. 1851 г., где он, в частности, писал: «Я попросил у Полины местечко, мой дорогой Тургенев, для того, чтобы поговорить с вами о двух вещах, имеющих отношение к вашим делам, и передать вам совет, подсказанный опытом: во-первых, теперь, когда вы собираетесь вручить другу управление вашим хозяйством, будьте осторожны, предусмотрительны, проницательны, поскольку это дело такого рода, которое труднее переделать, чем сделать, разрушить, чем связать, и которое, если оно обернется плохо, оставляет после себя большие огорчения и большие потери» (*T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 349; пер. с франц.).

[2] Речь идет о Н. Н. Тютчеве, управлявшем по просьбе Тургенева в 1852—1853 гг. Спасским.

[3] См. письмо 163, примеч. 4.

[4] В той же приписке (см. примеч. 1) Л. Виардо сообщал Тургеневу об ожидаемой продаже имения Пти-Пари, находившегося недалеко от Куртавнеля, и советовал Тургеневу подумать о возможности его приобретения. Более подробное описание этого имения содержится в неизданном письме Л. Виардо к Тургеневу от 4 ноября н. ст. 1851 г. Уговаривая Тургенева приобрести имение, Виардо писал: «Оно находится в миле от нас, и я всегда надеялся, что им будет владеть сосед, который станет нашим другом. Вот так вот!» (*T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 12; подлинник по-французски).

[5] Л. Виардо сообщал Тургеневу о предстоящем выходе своей книги «Histoire des Arabes et des Mores d'Espagne, traitant de la constitution du peuple arabe-espagnol, de sa civilisation, de ses mœurs et de son influence sur la civilisation moderne» 〈«История арабов и мавров в Испании, рассматривающая состав арабо-испанского народа, его цивилизацию, нравы и влияние на современную цивилизацию»〉 (Paris, 1851, 2 vol.) и обещал «тотчас» прислать ее Тургеневу. Сообщение о выходе книги содержится в неопубликованном письме Л. Виардо к Тургеневу от 11 марта н. ст. 1851 г. (*Bibl Nat*; упоминание см.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 349). В письме к Матв. Ю. Виельгорскому от 7 ноября н. ст. 1851 г. П. Виардо сообщала, что предназначенная ему книга Л. Виардо была отправлена Тургеневу весной 1851 г.: «Сообщите мне, получили ли вы 〈...〉 пакет с тремя экземплярами „Истории арабов и испанских мавров“, который Луи послал на его адрес через книжную торговлю Белизара в марте или самое позднее в апреле этого года? Один

экземпляр был для вашего дома, один для г⟨енерала⟩ Львова, один для Тургенева» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 93; подлинник по-французски). Вероятно, этот экземпляр книги Тургенев не получил. А. Звигильский ссылается на неопубликованное письмо Л. Виардо к Тургеневу от 18 (30) января 1853 г. (*Bibl Nat*), из которого следует, что книга была получена лишь в 1853 г. (*T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 12).

[6] «История арабов и мавров в Испании» Л. Виардо была запрещена для ввоза в Россию русской цензурой, поэтому Тургенев не смог выполнить обещания написать о ней статьи для «Современника» и «Отечественных записок», где он в то время сотрудничал, а также осуществить перевод книги на русский язык. 28 января 1852 г. Л. Виардо писал Тургеневу: «Носите шерстяную одежду, охотьтесь на медведей, волков, лис, пишите комедии, записки охотников, а чтобы засыпать по вечерам, попросите „Арабов" у графа Михаила ⟨Виельгорского⟩; они вам заменят несколько гранов опиума, помимо вкуса запретного плода» (*Bibl Nat*; цит. в кн.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. XVI—XVII, пер. с франц.).

[7] Речь идет о комедии «Провинциалка». См. письма 165 и 168.

[8] По-видимому, эта поездка не состоялась.

175. Е. М. Феоктистову (с. 94)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 3—4 об.
Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 140—142.

[1] Речь идет о герое рассказа «Касьян с Красивой Мечи», опубликованного в мартовской книжке «Современника» за 1851 г. Говоря о том, что в характере Касьяна «много поневоле недосказанного», Тургенев намекает на принадлежность Касьяна к секте так называемых «бегунов», о чем писать в рассказе с полной определенностью он не имел возможности (см. об этом: Бродский Н. Л. И. С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922, с. 3—25).

[2] Это — ответ на замечания, высказанные Феоктистовым по поводу «Бежина луга» в письме к Тургеневу от 24 февраля 1851 г.: «Во всем рассказе бездна удивительных подробностей... которых, смело можно сказать, нет даже у Гоголя, но целостная картина не рисуется, общего впечатления недостает... Мне кажется, надлежало бы, чтобы над всею этою картиною лежал какой-нибудь фантастический характер,— потому что в этом маленьком очерке вы взяли наш народ со всеми его таинственными поверьями, суеверьем и т. д.— и этого-то характера нет, да и, вообще сказать, рассказы мальчиков очень мало действуют на читателя» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 3 об., 4).

[3] По-видимому, речь идет об устном замечании С. С. Дудышкина относительно «Бежина луга», высказанном им в личном разговоре с Тургеневым.

[4] Тургенев упоминает об А. В. Станкевиче в связи с его повестью «Идеалист», опубликованной в сборнике «Комета», изданном в 1851 г. Н. М. Щепкиным. Феоктистов в письме к Тургеневу от 1 (13) марта 1851 г. сообщал: «Тут, как Вам известно, трубят о повести Станкевича, он читал ее мне. Повесть написана хорошо, но не более, и вообще для русской литературы нельзя ожидать от Станкевича решительно ничего.— Дело в том, что лицо, которое он вывел в этой повести... он сам, Станкевич. Повесть его — результат всей его жизни, оттого она хороша, оттого в ней много верного

анализу, много, что идет прямо от сердца,— но кроме этого Станкевич едва ли что-нибудь напишет, потому что у него нет решительно никакого знания действительности...» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 6).

[5] В письме от 21 февраля 1851 г. Феоктистов сообщал Тургеневу «Писемский написал комедию, под заглавием: „Ипохондрик“ — и она будет скоро напечатана в „Москвитянине“. Кто ни читал,— говорят, что комедия превосходная. Он хочет хлопотать, чтоб ее дали на театре» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 2). Говоря о «романе» Писемского, Тургенев имеет в виду его повесть «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицина, брак по страсти» (*Москв*, 1851, № 4—7).

[6] См. письмо 173, примеч. 8

[7] Записка Тургенева к Драшусову отсутствует в бумагах Феоктистова, так как, очевидно, она была передана им по назначению.

[8] Е. В. Салиас де Турнемир. Письмо к ней Тургенева, о котором идет речь, неизвестно.

[9] Это письмо Тургенева к Н. Х. Кетчеру неизвестно. Вероятно, в нем шла речь о первом отдельном издании «Записок охотника» (оно, однако, вышло в свет только в августе 1852 г., когда автор был уже выслан из столицы в Спасское-Лутовиново). См. также примеч. 11.

[10] Прозвище В. П. Боткина.

[11] Эта записка Тургенева к Кетчеру неизвестна. 18 марта 1851 г. Феоктистов отвечал Тургеневу: «Вчера у Грановских видел я Кетчера и передал ему Вашу записку. Он сам будет отвечать Вам, но мне сказал, что напрасно Вы так беспокоитесь о „Записках ‹охотника›“. В настоящее время их решительно невозможно отдавать в цензуру. Надо будет подождать» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 12).

[12] Список опечаток и пропусков (в журнальных текстах «Записок охотника»), посланный Тургеневым Кетчеру, не сохранился. О пропусках цензурного характера см.: Самочатова О. Я. Из истории создания «Записок охотника».— В сб.: «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Орел, 1955, с. 192—234; см. также: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 436—438.

176. Е. М. Феоктистову (с. 96).

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 5—6 об.
Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 143—145.

Стр. 96. с увлечением (*итал.*).
Стр. 96. задних мыслей (*франц.*).

[1] Речь идет о письме Феоктистова к Тургеневу от 17, 18 марта ст. ст. 1851 г. (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 10—12 об.).

[2] Графиня — Е. В. Салиас де Турнемир.

[3] Это ответ на слова Феоктистова в его письме от 30 марта ст. ст. 1851 г.: «...поговорим ‹...› об Ваших последних „рассказах охотника“, „Касьян“, всем понравился, „Бежин луг“ тоже, хотя менее „Касьяна“,— но сказать ли Вам общий голос об них в известных московских кружках? Все говорят: „довольно“. Рассказы очень хороши, последний всем ужасно понравился, но все находят, что вы уже слишком часто выпускаете их и что пора бы Вам переменить род. По правде Вам сказать, я сам не очень стою против

этого мнения, потому что мне ужасно хочется прочесть какую-нибудь большую повесть, написанную Вами» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 13).

[4] Рецензия Тургенева на «Поэтические эскизы, Альманах стихотворений, изданный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым» (М., 1850) была напечатана (без подписи) в мартовской книжке «Современника» за 1851 г. Феоктистов 17 марта 1851 г. сообщал Тургеневу о чтении его рецензии у А. Д. Галахова: «Как будто великолепная статья о Познякове могла обмануть кого-нибудь! Как будто достаточно не подписать своего имени, чтобы публика не увидела руки мастера!.. Статья произвела *фурор*. Сам Кудрявцев подпрыгнул от восторга на своем стуле. Право, никто не ожидал, чтобы можно было, по поводу Познякова, написать статью с таким тонким остроумием, живостью и, как выразился Кудрявцев, с таким „отличным умом". Но так как в этой же статье говорится неуважительно о гр. Ростопчиной, то положено было не говорить никому, что статья принадлежит Вам — об этом знают немногие из кружка» (Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы).— В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 163). Текст этой статьи не может быть восстановлен в его доцензурном виде, так как автограф не сохранился.

[5] Тургенев имеет в виду повесть Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицина, брак по страсти».

[6] Резкий отзыв Тургенева о В. П. Боткине, очевидно, вызван взаимоотношениями между Боткиным и Е. А. Хрущевой (см. письмо 178, а также следующими словами из письма Феоктистова от 30 марта 1851 г.: «Известно Вам, что этот господин ‹В. П. Боткин.— *Ред.*› ‹...› с давнего времени отказался от убеждений и прежнего образа мыслей в пользу какого-то мнимого сибаритства и утонченных манер французского маркиза XVIII столетия?» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 14). Далее Феоктистов с возмущением рассказывал о том, как на вечере у Грановского Боткин, несмотря па свою «утонченность», затеял грубый спор с Е. В. Салиас де Турнемир.

[7] Сестры Салиас де Турнемир — С. В. Сухово-Кобылина и Е. В. Петрово-Соловово.

[8] О неосуществленной комедии «Шарф» в других письмах Тургенева сведений не имеется (см.: *Клеман*, *Хронолог указ*, с. 349). В письме к Тургеневу от 30 марта 1851 г. Феоктистов сообщал: «М. С. Щепкин спрашивал, умерли ли Вы или влюбились,— потому что, по Вашим словам, только это могло бы Вам помешать написать комедию. Я отвечал, что, кажется, влюбились» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 15). 18 февраля 1852 г. Феоктистов снова писал Тургеневу: «...я обещал Шумскому попробовать дело несбыточное и трудное — заставить вас (другого слова не могу приискать — разве можно вашу лень об чем-нибудь просить) написать ему маленькую комедию для бенефиса — хоть ту, которая у вас сложилась в голове под названием „Шарфа"» (там же, л. 37 об.).

[9] Феоктистов писал Тургеневу 30 марта 1851 г.: «Ну, а что, поразило Вас известие о приближающемся браке m-elle Бодиско с Станкевичем? — Приезжайте на свадьбу — говорят, Вас будет звать Бодиско к себе шафером» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 15). См. также письма Грановского к А. В. и Е. К. Станкевичам в кн.: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2, с. 295—307.

[10] Е. В. Салиас де Турнемир собиралась в это время ехать в Крым.

177. К. Н. Леонтьеву (с. 97)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, 4855/1 л. 1—4.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 62—66, с неточностями и пропуском замечаний о метрических ошибках Леонтьева; исправления и дополнения к этой публикации даны в работе Е. Н. Дунаевой: *Т сб*, вып. 2, с. 261—263.

Стр. 101. В крайнем случае (*франц.*)

[1] В «Страницах воспоминаний» (СПб., 1922, с. 23) Леонтьев пишет: «...я послал Тургеневу ⟨...⟩ один отрывок — стихотворный,— начало небольшой поэмы, писанной плохими гекзаметрами».

[2] Тургенев приводит строку из стихотворного «Послания к С. С. Уварову» А. Ф. Воейкова (1819).

[3] Н. И. Гнедич работал над переводом «Илиады» Гомера более двадцати лет (1807—1829). Сперва он переводил ее рифмованным шестистопным ямбом, так называемым александрийским стихом, но вскоре заново начал переводить всю «Илиаду», начиная с первой книги, размером подлинника — гекзаметром, в его русской форме, применяя сочетание полных дактилических стоп со спондеями. В. А. Жуковский напечатал в 1849 г. свой перевод «Одиссеи» гекзаметром, построенным почти сплошь из правильных дактилей, среди которых спондеи являются редкими исключениями.

[4] Леонтьев не продолжил работы над этой поэмой; отрывок из нее опубликован не был.

[5] Речь идет о неопубликованной комедии «Женитьба по любви», которую Леонтьев послал Тургеневу одновременно со стихотворным отрывком (см. об этом: Л е о н т ь е в К. Страницы воспоминаний. Пг., 1922, с. 23). Содержание комедии автор кратко излагает в той же книге (с. 18—19), причем отмечает: «Комедия эта была написана не для сцены, а для чтения, она вся основана на тонком анализе болезненных чувств. В ней ⟨...⟩ было много лиризма, потому что она вырвалась у меня из жестоко настрадавшейся души» (там же, с. 19).

[6] См. письмо 179.

[7] Это письмо Тургенева к С. С. Дудышкину неизвестно. Последний с большим опозданием,— по его словам, лишь 26 августа 1851 г.,— получил посланную Тургеневым Краевскому еще 27 июля рукопись комедии Леонтьева «Женитьба по любви». В неопубликованном письме к Тургеневу от 13 (25) сентября 1851 г. Дудышкин дал подробный анализ комедии молодого автора. В общем он ее одобрил. «Если ее писал молодой человек 20-ти лет ⟨...⟩ я его поздравляю с умом тонким и смелым в выдержке задуманного характера. Я нахожу в этом драматическом очерке один характер: студента; хотя и он не нов, зато выдержан действительно очень хорошо, по моему мнению»,— писал Дудышкин Тургеневу (*ИРЛИ*, № 5805, л. 1). О том, что письмо это читал и Леонтьев, свидетельствует он сам: «Продолжая всячески ободрять и утешать меня, Тургенев привез с собою из деревни письмо, которое написал ему Дудышкин по прочтении моего первого произведения. Оно было в высшей степени лестно для начинающего» (Л е о н т ь е в К. Тургенев в Москве.— *Рус Вест*, 1888, № 3, с. 268).

[3] Это письмо Тургенева к К. Н. Леонтьеву неизвестно; вероятно, оно не было написано.

178. Е. М. Феоктистову (с. 104)

Печатается по копии, включенной в текст «Записок» Е. М. Феоктистова: *ИРЛИ*, № 9123, тетрадь 7, л. 8.

Впервые опубликовано: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Л.: Прибой, 1929, с. 16 (не полностью, без окончания).

Подлинник неизвестен.

Датируется второй половиной июня ст. ст. 1851 г. на основании того, что является ответом на письмо Е. М. Феоктистова к Тургеневу от 11 июня ст. ст. того же года.

Стр. 104. невестка (*франц.*).

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему Феоктистова от 11 июня ст. ст. 1851 г., в котором тот высказывал свое негодование по адресу невестки писателя, А. Я. Тургеневой, прочитавшей чужое письмо (В. П. Боткина к Е. А. Хрущевой). Феоктистов удивлялся позиции, которую Тургенев занимал в этой истории (см.: *ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 18—20 об.).

[2] Морбидная — болезненная (от *франц.*— morbide).

[3] В. П. Боткин находился в связи с Е. А. Хрущевой (см.: *Т и круг Совр*, с. 147—148; *Боткин и Т*, с. 343—348).

[4] А. Я. Тургенева.

179. А. А. Краевскому (с. 104)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 170.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 18—19.

[1] Речь идет о комедии К. Н. Леонтьева «Женитьба по любви», вскоре запрещенной цензурой.

[2] Из письма Дудышкина к Тургеневу от 13 (25) сентября 1851 г. видно, что упомянутое здесь и не дошедшее до нас письмо Тургенева с положительной характеристикой комедии Леонтьева датировано 24 июля (5 августа) 1851 г.

[3] Тургенев намеренно исказил названия двух произведений. Речь идет о романе В. Р. Зотова «Старый дом» и о романе Н. Н. Станицкого (А. Я. Панаевой) и Н. А. Некрасова «Мертвое озеро». «Старый дом» печатался в «Отечественных записках» (1850, № 10—12; 1851, № 1 — 8), «Мертвое озеро» — в «Современнике» (1851, № 1 — 10). Последний роман печатался только потому, что журнал в это время испытывал недостаток в литературном материале, особенно в материале, не вызывающем сомнений цензуры, очень придирчивой к «Современнику». В письме к Тургеневу от 15 (27) сентября 1851 г. Некрасов просил прислать хоть «что-нибудь», добавляя: «Верите ли, что на XI книжку у нас нет ни строки, ничего — ибо даже уже и „М⟨ертвое⟩ о⟨зеро⟩“ иссякло» (*Некрасов*, т. 10, с. 170).

[4] Тургенев выехал из Москвы в Петербург 6 ноября ст. ст. 1851 г. (см. письмо 182, примеч. 2).

180. Д. Д. Михневу (с. 105)

Печатается по подлиннику: Государственный музей И. С. Тургенева в Орле, инв. № 651.

Впервые опубликовано: *Рус Обозр*, 1894, № 5, с. 403—404.

[1] «В 1841 г. 〈...〉 мать 〈В. П. Тургенева〉, ожидая своего сына из-за границы, приготовила ему сюрприз: у Кривцовых (чернские помещики) купила пять свор борзых, девять смычков гончих и лошадей вместе с седлами. Много лет спустя после этого у Тургенева шла переписка с опекуном малолетних Кривцовых, Михневым, по поводу будто бы недоданных за собак денег» (Рында И. Ф. Черты из жизни И. С. Тургенева. СПб., 1903, с. 41).

[2] Н. Н. Тургенев.

[3] По-видимому, писатель имеет в виду свою мать — В. П. Тургеневу.

[4] Вероятно, речь идет об А. С. Кривцове.

181. И. Ф. Миницкому (с. 106)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека, инв. № 121 298, л. 1.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 628.

[1] См. письмо 182, примеч. 2. Тургенев подчеркивает то обстоятельство, что он выезжает «по железной дороге», потому что движение по Петербургско-Московской железной дороге тогда только что открылось — 16 (28) октября 1851 г.

182. М. П. Погодину (с. 106)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 231 (М. П. Погодина), раздел II, п. 33, ед. хр. 105.

Впервые опубликовано: *Барсуков, Погодин*, кн. 11, с. 419 (с пропусками и ошибочной датировкой — 5 ноября 1851 г.).

В действительности письмо следует датировать 4 (16) ноября 1851 г., несмотря на то, что подлинник имеет помету: «Воскресение, 5 ноября 51»,— потому что в этом году воскресенье приходилось на 4 ноября и более вероятна ошибка Тургенева в числе, чем в дне недели.

[1] «Древлехранилищем» М. П. Погодина называлось составленное им замечательное собрание старинных книг, рукописей, эстампов и пр., описание которого он опубликовал в № 16 «Московских ведомостей» 1849 г. В 1852 г. оно было приобретено Публичной библиотекой. О том, что Погодин выполнил просьбу писателя, свидетельствует запись его в дневнике: «Тургеневу показывал музей, а об участии (т. е. в „Москвитянине“) не промолвил» (*Барсуков, Погодин*, кн. 11, с. 419).

[2] Первоначально Тургенев собирался выехать из Москвы 4 ноября ст. ст. 1851 г., о чем сообщил И. Ф. Миницкому 31 октября того же года (письмо 181). Этим письмом к М. П. Погодину устанавливается иная дата отъезда Тургенева из Москвы — 6 ноября ст. ст. 1851 г.

[3] По утверждению Барсукова, Тургенев познакомился с Погодиным 9 декабря 1850 г. (*Барсуков. Погодин*, кн. 11, с. 108). Однако эти сведения неверны. Тургенев знал Погодина еще по Московскому университету, где в 1833—1834 гг. слушал его лекции.

Более близко они познакомились в Мариенбаде в 1842 г. См.: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. 2, с. 457, а также указатель Н. М. Чернова: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 430, с. 38.

183. А. А. Краевскому (с. 107)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 169.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 19—20, с предположительной датировкой — конец 1851 — начало 1852 г.

Датировка уточняется на основании следующих данных. Тургенев пишет: «Посылаю Вам комедию Леонтьева, которую проверил». Эта комедия — «Женитьба по любви» (см. письмо 177, примеч. 5). Безусловно, речь идет об окончательной проверке комедии перед напечатанием ее в «Отечественных записках» (возможно, «проверке» в связи с замечаниями о ней, изложенными в письме С. С. Дудышкина к Тургеневу от 13 (25) сентября 1851 г.— *ИРЛИ*, № 5805, л. 1 — 4). Однако через некоторое время цензура запретила комедию, о чем Тургенев и сообщил Леонтьеву (см. письмо 185, примеч. 1). Таким образом, настоящее письмо написано до цензурного запрета комедии Леонтьева, т. е. самое позднее — в ноябре 1851 г. (не ранее 7 числа этого месяца — даты возвращения Тургенева из Москвы в Петербург,— см. письмо 189, примеч. 2).

[1] Речь идет о разделе имений, унаследованных И. С. и Н. С. Тургеневыми после смерти их матери (16 ноября ст. ст. 1850 г.). Дела по управлению имениями оказались очень запутанными; может быть, поэтому раздел их между братьями был оформлен только в 1855 г. (см.: Орлов. вестн., 1899, № 76).

[2] По всей вероятности, А. С. Комаров.

[3] Это письмо Тургенева до нас не дошло.

[4] «Провинциалка» была напечатана в январском номере «Отечественных записок» за 1851 г. Ни одно произведение Тургенева в «Отечественных записках» за 1852 г. напечатано не было.

[5] Цитата из стихотворения М. В. Ломоносова «Ода IX, выбранная из Иова».

184. Полине Виардо (с. 107 и 382)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т*, *Lettres inéd.* p. 52—53.

Во второй дате письма Тургеневым допущена ошибка: 30 ноября ст. ст. соответствует не 11-му, а 12-му декабря н. ст.

[1] В ночь на 2 декабря 1851 г., в годовщину Аустерлицкого сражения, племянник Наполеона I, президент Французской республики (с 10 декабря 1848 г.) Луи Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот, а год спустя был официально провозглашен императором французов. Тургенев, как и Виардо, относился отрицательно как к личности Наполеона III и его системе правления, так и ко Второй империи в целом. См. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 10 (22) июня 1859 г. и А. А. Фету от 5, 7 (17, 19) ноября 1860 г. Не менее резко, хотя и в иносказательной форме, Тургенев отзывался об империи Наполеона III в «Призраках». Летая вместе с Эллис над Парижем, герой повести-фантазии, «минуя церковь св. Роха, на ступенях которой первый Наполеон

в первый раз пролил французскую кровь», останавливается «над Итальянским бульваром, где третий Наполеон сделал то же самое и с тем же успехом» (гл. XIX).

[2] Дом на улице Дуэ, в котором жили Виардо, находился недалеко от заставы Рошешуар и Монмартра, где проходили ожесточенные столкновения 4 декабря н. ст. (см. ниже примеч. 3). Дочь Тургенева Полина жила в пансионе Ренар на улице Менильмонтан, 14 (см.: *Т*, *Lettres inéd*, p. 53; *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 62).

[3] 4 декабря Национальная гвардия устроила в Париже настоящую бойню, в которой погибли не только республиканцы, противники будущего императора Наполеона III, но и парижане, случайно оказавшиеся на улицах. О событиях этого дня сообщали «С.-Петербургские ведомости» (1851, № 275, 8 декабря). Подробное описание их содержится в памфлетах В. Гюго «Наполеон Малый» (1852) и «История одного преступления» (1852, изд. в 1877 г.), где Гюго, в частности, утверждал: «События 4 декабря — самый жестокий удар, когда-либо нанесенный — скажем прямо — не одному народу, нет: всему человечеству — озверелым разбойником, с ножом в руке ринувшимся на цивилизацию» (Гюго В. Собр. соч. М., 1954. Т. 5, с. 511).

185. К. Н. Леонтьеву (с. 109)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4855/2, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 66—67.

[1] О возможности цензурного запрещения комедии «Женитьба по любви» говорится еще до ее цензурования в письме Дудышкина к Тургеневу от 13 (25) сентября 1851 г.: «Вы знаете, что поступающему в Университет дается книжечка, в которой подробно изложены все правила поведения студентов. В этой книжечке нет позволения студенту влюбляться, особенно во время экзаменов. Поэтому можете быть уверены, что в печати Киреев ⟨главный персонаж пьесы.— *Ред.*⟩ никогда не будет называться студентом... Затем могут сконфузить цензора бесцеремонное обращение гвардейца с невестой и нежная привязанность тетки к племяннику. Особенно первое: оно непременно будет стушевано» (*ИРЛИ*, № 5805, л. 2 об., 3 об.).

[2] Главы из романа «Булавинский завод», оставшегося незавершенным; см. письмо 193, примеч. 3.

186. И. С. Аксакову (с. 110)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 624, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 189—190.

[1] Имеется в виду письмо И. С. Аксакова от 26 ноября 1851 г., в котором он просил Тургенева принять участие в «Сборнике», подготовляемом к изданию им и его братом (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 458). Издание это вышло в 1852 г. под названием «Московский сборник» (т. I), но ни одно из произведений Тургенева в нем помещено не было.

[2] Отвечая на это письмо, И. С. Аксаков писал Тургеневу 27 декабря 1851 г.: «И не принуждайте себя писать, ⟨...⟩ ждите, пока послышите в себе „внутреннюю необходимость“. Это нежелание литературничать, мне кажется, служит верным ручательством

в пробуждении в вас лучших, искренних требований...» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 459).

[3] О «прошениях из записной книжки моего деда» (просьб Оленина) см. письмо 190, примеч. 5.

[4] По-видимому, речь идет о том «раскольническом стихе», который И. С. Аксаков позже переслал Тургеневу «с оказией», как он сообщал об этом в письме к нему от 4 января 1852 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 461). И. С. Аксаков узнал о нем, занимаясь в 1849 г. в Ярославле изучением секты «бегунов», привлекшей внимание властей своим антиправительственным характером (см.: Дунин А. А., И. С. Аксаков в Ярославле.— *Рус Мысль*, 1915, № 8, с. 107—131). Лишь спустя 15 лет И. С. Аксаков смог опубликовать «Краткую записку о странниках, или бегунах» — заключительную статью «особого сочинения», в свою очередь представляющего «часть обширной деловой записки (до 600 стр.), составленной ⟨...⟩ из подлинного дела, которое производилось ⟨...⟩ в Ярославской губернии» (*Рус Арх*, 1866, № 4, стлб. 627). В этой «Краткой записке...» И. С. Аксаков писал: «Укажем ⟨...⟩ в немногих словах, в чем состоит протест раскольников против современного гражданского порядка вещей. Раскольники говорят в одном из своих духовных стихов:

Не могу пребыть без рыдания!..
До конца тлеет благочестие;
Процветает ныне всё нечестие:
Духовный закон с корения ссечен,
Чин священническ сребром весь пленен,
Закон градской вконец истреблен.
Вместо законов водворилось беззаконие,
Лихоимцы вси грады содержат,
Немилосердые в градах первые,
На местах злые приставники!
Дух антихристов возвея на нас...
Не могу пребыть без рыдания!..

Предоставляю самому правительству судить,— в какой степени справедливы сетования раскольников...» (*Рус Арх*, 1866, № 4, стлб. 630). Вероятно, именно этим «раскольническим стихом» интересовался Тургенев и просил И. С. Аксакова прислать его.

[5] Первое издание «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова вышло в Москве весной 1852 г. Тургенев поместил заметку о нем (без подписи) в апрельской книжке «Современника» за этот год и большую рецензию (за подписью «И. Т.») в январской книжке того же журнала за 1853 г.

187. М. П. Погодину (с. 111)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 231 (М. П. Погодина), раздел II, п. 33, ед. хр. 105.

Впервые опубликовано: *Барсуков*, *Погодин*, кн. 11, с. 420—421.

[1] Пригласить Тургенева участвовать в «Москвитянине» советовали Погодину А. Ф. Писемский и И. Е. Забелин (см.: *Барсуков*, *Погодин*, кн. 11, с. 420).

[2] Убежденный «западник», в прогрессивном значении этого понятия, Тургенев во многом расходился с «Москвитянином».

[3] На титульном листе декабрьской книжки «Современника» за 1851 г. было напечатано сообщение о том, что для этого журнала на 1852 г. «изготовлены», наряду с произведениями других авторов, «рассказы И. С. Тургенева». Однако не ясно, о каких именно рассказах идет речь, так как в «Современнике» в течение 1852 г. появились следующие произведения Тургенева: статья о «Племяннице» Евг. Тур (№ 1), повесть «Три встречи» (№ 2), статья «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (№ 3) и заметка о «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова (№ 4).

[4] Вероятно, О. М. Новицкий. Какую именно справку собирался наводить о нем Тургенев — неизвестно. В 1843 г. об О. М. Новицком писал Погодину один из его корреспондентов как об авторе «Опытной психологии», в которой «ужасный натурализм и родной его материализм» (см.: *Барсуков*, *Погодин*, кн. 7, с. 240).

[5] 20 октября (1 ноября) 1851 г. Тургенев в Москве посетил Гоголя, а через два дня присутствовал на авторском чтении «Ревизора». Позже в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев упомянул, что в числе слушателей был Погодин.

[6] Тургенев имеет в виду второй том «Мертвых душ», который Гоголь писал с начала 40-х годов. В данном случае речь идет о второй редакции этого тома, так как первая была уничтожена автором еще в 1845 г.

188. **Е. М. Феоктистову** (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 7—8 об.
Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 148—150.

Стр. 112. показной добродетели (*франц.*).

[1] В письме от 24 декабря 1851 г. Феоктистов сообщал: «Я начал было много заниматься, дельно принялся за статью о М. Стюарт, но проклятая болезнь всё испортила. Будьте добры, возьмите на себя труд сказать И. И. Панаеву, что статья эта не может поспеть, как я хотел, к февр‹альской› книжке „Совр‹еменника›“. Что делать!» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 30). «Первая статья» Феоктистова о Марии Стюарт была напечатана только в июньской книжке «Современника» за 1852 г.

[2] Статья Тургенева «Племянница. Роман. Соч. Евгении Тур» появилась в январской книжке «Современника» за 1852 г. Графиня Е. В. Салиас по этому поводу писала Тургеневу в приписке к письму Феоктистова от 18 февраля 1852 г.: «Я слышала от Катк‹ова›, что вам неприятно то впечатление, которое произвела на меня ваша критика. На это я скажу вам одно: пора и вам и мне забыть ее. Ужели мы станем разыгрывать Монтекки и Капулетти (ваше любимое выражение) из-за журнальной статьи; я тем более не могу сердиться, что роман мой покупается, след‹овательно› критика не такова, чтобы повредить ему...» (*ИРЛИ*, ф. 166. ед. хр. 1539, л. 38 об.). Плетнеев и Ильменев — герои романа «Племянница». Тургенев в своем письме иронически искажает их фамилии.

[3] Феоктистов 24 декабря 1851 г. писал Тургеневу: «Молодой Леонтьев был несколько раз после Вас у графини. Он мне решительно не нравится: знаете ли, ведь это тоже губитель женских сердец, т. е. теперь сердец худосочных русских барышень, а потом провинциальных русских барынь. Признаюсь Вам, я не вижу даже в нем того ума, который Вы в нем находили» (там же, л. 31 об.).

[4] Речь идет о «Бедной невесте»; о ней Феоктистов в том же письме от 24 декабря 1851 г. сообщал Тургеневу: «Остр⟨овский⟩ написал ⟨...⟩ новую комедию, которую будет на этой неделе читать у графини» (там же, л. 31). Свои впечатления от чтения пьесы он позднее изложил в письме к Тургеневу от 18 февраля 1852 г.: «Комедия эта — одно из оригинальнейших явлений в нашей литературе, в которой, по моему мнению, никогда еще не было ничего в этом роде» (там же, л. 36). Мнение Тургенева было значительно более сдержанным, хотя он и отдавал должное таланту Островского. Об этом свидетельствует статья Тургенева «Несколько слов о новой комедии Островского „Бедная невеста"», опубликованная в мартовской книжке «Современника» за 1852 г.

[5] Тургенев имеет в виду «молодую редакцию» «Москвитянина», но трудно сказать, кого именно из ее состава — возможно, что Ап. А. Григорьева.

[6] Эраст Благонравов — псевдоним Б. Н. Алмазова, члена «молодой редакции» «Москвитянина». Феоктистов сообщал о нем Тургеневу 24 декабря 1851 г.: «Эраст Благонравов написал роман в 4 част⟨ях⟩. Он будет помещен в „Москвитянине", и юная партия говорит, что это верх искусства и прелести» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 31 об.). Роман этот, однако, не был опубликован в «Москвитянине» и вообще в печати неизвестен. По-видимому, именно о нем, как о произведении, не увидевшем света и впоследствии уничтоженном автором во время его предсмертной болезни, упоминается и в кратком биографическом очерке Алмазова (см.: А л м а з о в Б. Н. Сочинения. М., 1892. Т. 1, с. XX).

[7] Речь идет о петербургской итальянской опере. Феоктистов в том же письме от 24 декабря 1851 г. сообщал Тургеневу: «Один из членов юной редакции ездил в Петерб⟨ург⟩ и говорит, что итальянская опера у вас — мерзость!..» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр., 1539, л. 31 об.).

189. А. Н. Майкову (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 8907.

Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 113, с предположительной датой — конец 1862 г. Затем перепечатано: *Т сб* (*Кони*), с. 207, с другой предположительной датой — конец декабря 1859 — начало января 1860 г.

Обе эти даты неверны. В конце 1859 — начале 1860 г. Тургенев жил в доме Вебера на Большой Конюшенной, между тем как в доме Гиллерме, на углу Малой Морской и Гороховой, он жил в конце 1851 — начале 1852 г. (см. письма 185, 186); письма Феоктистова к Тургеневу от 27 февраля и 7 марта ст. ст. 1852 г. направлены по тому же адресу: «На углу Малой Морской и Гороховой, дом Гиллерме, квартира под № 9» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539). Слова «позвольте ⟨...⟩ пожелать Вам счастливый Новый год» могли быть написаны в самом конце декабря. Кроме того, письмо Тургенева к Е. М. Феоктистову от 29 декабря ст. ст. 1851 г. (№ 188) свидетельствует о том, что именно в это время Тургенев болел воспалением легких.

190. И. С. Аксакову (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 625, л. 1—2 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 191—192.

[1] Тургенев отвечает на письмо к нему И. С. Аксакова от 27 декабря ст. ст. 1851 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8).

[2] В письме от 27 декабря 1851 г. И. С. Аксаков писал Тургеневу «„Современник“ и „Отечественные записки“ объявляют о вашем сотрудничестве, а первый — о вашем романе. Сохрани вас бог подумать, что участие ваше в журналах, при неучастии в „Сборнике“, оскорбляя меня, внушает мне эти слова. Нет, это огорчит меня за вас; мне будет жаль этой невозможности нравственной писать что-нибудь „так“, от которой в будущем ожидал я столько добра» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 460).

[3] Речь идет о повести «Три встречи», которая была опубликована в февральской книжке «Современника», за 1852 г.

[4] Цензура не пропустила в печать некоторые места в статье Тургенева о романе Евгении Тур (Е. В. Салиас де Турнемир) «Племянница», в частности, начиная от слов: «Эти романы у нас возможны...» и кончая фразой: «„Мертвые души“ действительно поэма — пожалуй, эпическая, а мы говорим о романах». Впоследствии, подготовляя свою статью к переизданию в «Сочинениях» (М., 1880. Т. I, с. 308—327), Тургенев восстановил эти строки, которые, по его словам, «были выкинуты цензором, питавшим личное неблаговоление к Гоголю» (там же, с. 313).

[5] См. письмо 186. В письме от 4 января 1852 г. И. С. Аксаков сообщал Тургеневу: «„Просьбы Оленина“ я получил. Все советуют напечатать, но все сомневаются, пропустит ли цензура. Если отдел смеси устроится, то я отдам их цензору. А в самом деле, какой замечательный язык в этих „просьбах“!» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 461). В «Московском сборнике» «Просьбы Оленина» напечатаны не были, может быть, потому, что отдел «Смесь» в нем вообще отсутствовал. Впоследствии они появились в «Русском архиве» (1870, стлб. 1270—1280). Посылая эти «просьбы» П. И. Бартеневу, Тургенев 18 (30) ноября 1869 г. писал ему, что они «действительно любопытны как знамение того времени, как образчик чистейшего ябеднического слога, возвышающегося иногда до красноречия и не лишенного своеобразной юмористической окраски» (*Рус Арх*, 1870, № 1, стлб. 269). См. также наст. изд. Сочинения, т. 10, с. 589—592.

[6] В письме к издателю «Русского архива» Тургенев подчеркивал: «Особенно замечательна вторая 〈...〉 просьба, в которой проводится сравнение между тамбовским наместником и “нашим общим праотцем Адамом“. Что Аленин был крючкотвор первого сорта — это не подлежит сомнению; но накипевшее в нем негодование также несомненно и неподдельно» (*Рус Арх*, 1870, № 1, стлб. 269—270).

[7] Тургенев имеет в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова. См. письмо 186, примеч. 5.

191. **Полине и Луи Виардо** (с. 115 и 383)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *T, Lettres inéd*, p. 53—55.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] Речь идет о П. Д. Шипулинском.

[3] Окончательный раздел имений между братьями Н. С. и И. С. Тургеневыми был оформлен лишь в 1855 году. См. письмо 183, примеч. 1.

[4] Помещиками Симбирской губернии были друзья и знакомые Тургенева — А. В. Анненков (см. письмо 220), И. А. Гончаров, М. Н. Лонгинов. Вероятно, планируя поездку по Волге, Тургенев надеялся встретиться с кем-нибудь из них. Возможно, он имел в виду и Н. П. Огарева, который в то время находился в ссылке в с. Проломихе Симбирской губ.

[5] Речки недалеко от Данса в Шотландии, где в то время находилось семейство Виардо.

[6] Это письмо, если Тургенев действительно его написал, неизвестно.

[7] Статья Г. Берлиоза о постановке оперы Ш. Гуно «Сафо» на сцене парижской Большой оперы появилась в «Journal des Débats» 21—22 апреля 1851 г. В русском переводе эта статья неизвестна. Позднее, 15, 17 (27, 29) апреля 1851 г., П. Виардо сообщала об успехе этой оперы Тургеневу: «Вы, я думаю, прочитали статьи, помещенные во всех наших больших газетах о „Сафо". Берлиоз по этому поводу написал великолепную статью, в которой брань сочетается с восторженными похвалами, сразу же поставившими Гуно на первое место во мнениях музыкантов» (*Т*, *Lettres inéd*, р. 316, пер. с франц.). То же самое П. Виардо писала Ж. Санд 22 апреля: «Некоторые из статей, появившихся до последнего времени, великолепны. Утренние „Les Débats" добавили еще одну — Берлиоза, ею я очень довольна — за Гуно, так как рядом с резкой критикой содержатся не менее горячие похвалы» (The Musical Quarterly, 1945, v. 31, № 2, пер. с франц.). Сам Гуно так отозвался об этой статье: «Берлиоз написал о „Сафо" рецензию,— без сомнения одну из самых лестных и высоких оценок, какие я имел честь и счастье получить за всё время моей композиторской деятельности» (Г у н о Ш. Воспоминания артиста. М., 1962, с. 96—97).

[8] См. письма 156, примеч. 9, и 160, примеч. 3 и др.

[9] В семействе Виардо в то время ожидали ребенка. 21 мая н. ст. 1852 г. у П. Виардо родилась дочь Клоди.

[10] В письме от 11 января 1851 г. Л. Виардо сообщал Тургеневу о посылке Ш. Гуно своего сценария оперы в четырех действиях, основанного на мифе об Орфее, взятого из «Истории» Павсания. В том же письме Виардо информировал Тургенева о том, что он посоветовал Гуно предложить этот сценарий для стихотворной обработки Э. Ожье.

192. С. Т. Аксакову (с. 117)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 331—332.

[1] Имеется в виду письмо С. Т. Аксакова от 12 января 1852 г (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 462—463).

[2] «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» вышли в свет с подписью «С. А—в» в начале 1852 г. (ценз. разр. от 17 января). С. Т. Аксаков 12 января 1852 г. писал Тургеневу: «Ваше участие в моих „Охотничьих записках" и одобрительные слова для меня дороже всех других, и не мудрено: вы соединяете в себе ценителя по литературной и охотничьей части» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 463).

[3] Первое издание «Записок об уженье рыбы» С. Т. Аксакова появилось в 1847 г.

[4] См. письмо 186, примеч. 5.

[5] Планы Тургенева были нарушены его арестом и последовавшей за тем высылкой в Спасское в мае 1852 г. Аксаковы, к которым намеревался заехать Тургенев, жили в Абрамцеве.

[6] Тургенев имеет в виду К. С. и И. С. Аксаковых.

[7] Речь идет о «Московском сборнике», который собирались выпустить братья Аксаковы. Том 1 вышел в марте 1852 г.

[8] Повесть «Три встречи».

[9] С. Т. Аксаков сообщал об этом Тургеневу в письме от 12 января 1852 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 463).

193. К. Н. Леонтьеву (с. 118)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, 4855/3, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 67—68.

[1] «Женитьба по любви» была запрещена цензурой (см. письмо 185, примеч. 1).

[2] Речь идет о повести К. Леонтьева «Немцы», которую Тургенев впоследствии, 28 января 1853 г. (см. письмо 258), отправил Краевскому для напечатания в «Отечественных записках». По цензурным причинам она не была тогда напечатана (см.: Леонтьев К. Страницы воспоминаний. СПб., 1922, с. 30). В 1854 г. повесть была опубликована под названием «Благодарность», без подписи, в литературном отделе «Московских ведомостей» (№ 6—10).

[3] Впоследствии Леонтьев вспоминал: «Я принес ему ⟨Тургеневу⟩ две-три первые главы романа, который я начал почти в одно и то же время с комедией. Название романа было: „Булавинский завод“».

[4] Роман Писемского «Богатый жених» начал печататься в «Современнике» в 1851 г. (№ 10, 11 и 12), т. е. до окончания работы над ним, которое датируется апрелем 1852 г. Продолжение и окончание этого произведения публиковались в том же журнале в 1852 г. (№ 2, 3, 4 и 5).

[5] См. письмо 190, примеч. 4.

194. Полине Виардо (с. 119 и 385)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 61—62.

[1] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[2] Тургенев имеет в виду неизданное письмо Л. Виардо от 28 января н. ст. 1852 г., хранящееся в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Упоминание см.: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 61.

[3] См. письмо 191, примеч. 9.

[4] Премьера оперы Дж.-Э.-А. Алари в 5 действиях и 5 картинах «Сарданапал» на либретто Э. Пачини и Беретгони по одноименной поэме Байрона (1821) состоялась в Петербурге 26 января 1852 г. в бенефис Дж. Марио. Кроме него, в спектакле участвовали Ф. Ронкони, Д. Тальяфико; Дж. Гризи исполняла роль греческой невольницы Мирры. Подробный разбор этой постановки был дан в газетах: *СПб Вед*, 1852, № 49, 29 февраля; *Сев Пчела*, 1852, № 38, 18 февраля. «С.-Петербургские ведомости» большое место уделили недостаткам либретто. Газета, в частности, писала: «Г-ну Алари, новому итальянскому композитору, нужно было либретто для

оперы; он и обратился за этим к своим отечественным писателям а известно, как составляют итальянцы либретто ⟨...⟩. Одни романы Вальтера Скотта доставили на некоторое время огромный запас сюжетов для составителей итальянского либретто. Но вот этот запас мало-помалу истощился; а французские мелодрамы и трагедии не обещают много для оперных переделок, как всегда эфемерные, умирающие при самом рождении; и гг. Пачини и Береттони принялись для г. Алари переделывать байронова „Сарданапала“ ⟨...⟩. Перетасовывать сцены таким образом, чтобы в каждом действии пришлось нужное количество арий, дуэтов, трио и проч., чтобы к концу акта было поболе народа на сцене для приличных финалов! ⟨...⟩ наконец, вставить две-три сцены, которые нужны композитору для произведения каких-нибудь особенных эффектов — и дело в шляпе. Гг. Пачини и Береттони составили свое либретто как раз по этому рецепту». Отказывая опере Алари в оригинальности, газета, тем не менее, положительно отзывалась об исполнителях и в их числе о Гризи.

[5] П. Виардо высоко ценила этого итальянского певца. 7 ноября н. ст. 1851 г. она писала Матв. Ю. Виельгорскому: «Это превосходный малый, который кроме своего артистического таланта имеет еще один, столь же редкий дар („уж больше не лезет“, как говорят в Бургундии) — быть всеми любимым. В нем нет ничего, что отдавало бы театральным сбродом, никакого запаха кулис» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 93, пер. с франц.).

[6] Первые сообщения о Гуно появились в русских газетах еще весной 1851 г. Так, например, собственный корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» в Париже писал о Гуно в связи с представлением в парижской Большой опере «Сафо»: «Г. Гуно недюжинный артист. Он артист серьезный, мыслящий и не любит тех оперных поэм, в которых нет ни поэзии, ни возвышенного, ни слога, который можно слушать только с помощью музыки ⟨...⟩ Характер музыки г. Гуно более симфонический, нежели мелодический. Пение беспрестанно утихает в общей гармонии и очень редко снова всплывает на поверхность. Молодой композитор долго жил в Риме, но не принял, как видно, итальянских музыкальных верований. Он скорее метафизик, чем поэт, человек рассуждающий, а не чувствующий, более склонен к немецкой музыке, особенно же к музыке Мендельсона и Мейербера» (*СПб Вед*, 1851, № 99, 5 мая).

[7] См. письмо 184, примеч. 2.

[8] Бельгийский виолончелист Юбер Леонар был женат на двоюродной сестре П. Виардо Антонии Сичес ди Менди. Свадьба их состоялась летом 1849 г. См. наст. изд., Письма, т. 1, письма 83, 120.

195. К. Н. Леонтьеву (с. 121)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, 4855/4, л. 1.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 68.

[1] О возможности напечатания плана целого романа «Булавинский завод» вместе с его отрывками см. письмо 193. Впоследствии Леонтьев находил, что «цензура была бы совершенно права, если бы не пропустила „Булавинского завода“ в том виде ⟨...⟩ Содержание его было в высшей степени безнравственно, особенно со стороны эротической» (см.: Леонтьев К. Тургенев в Москве.—

Рус Вестн, 1888, № 3, с. 282). Роман этот не был окончен автором и в печати не появился.

[2] Тургенев имеет в виду повесть Леонтьева «Немцы» (см. письмо 193, примеч. 2).

[3] Леонтьев был в то время студентом медицинского факультета Московского университета (см.: Леонтьев К. Н. Страницы воспоминаний. СПб., 1922, с. 16).

196. **Полине Виардо** (с. 122 и 386)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 7, juillet, p. 141, II; в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 116, XXVI.

Полностью во французском оригинале впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 63—65; в русском переводе — Неделя, 1978, № 39.

[1] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[2] О смерти Гоголя и о сожжении им перед смертью 2-го тома «Мертвых душ» и других произведений Тургенев узнал (как он сам свидетельствует) от И. И. Панаева, с которым встретился 24 февраля на утреннем заседании Общества посещения бедных, в Дворянском собрании; впрочем, по другим сведениям, он уже получил до заседания письма из Москвы (очевидно, от В. П. Боткина и Е. М. Феоктистова) с сообщением о том же. См.: Литературные и житейские воспоминания. Гоголь; *Никитенко*, т. 1, с. 345—346, запись от 24 февраля; *Боткин и Т*, с. 18—21, письмо Боткина к Тургеневу от 21 февраля ст. ст.

[3] Полина Виардо могла знать, очевидно, лишь те из произведений Гоголя, которые были переведены Тургеневым и изданы в 1845 г. Луи Виардо: Gogol Nicolas. Nouvelles russes. Traduction française, publiée par Louis Viardot. Paris, 1845. Это «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий».

[4] П. Мериме поместил в журнале «Revue des Deux Mondes» (1851, т. 12, 15 декабря) большую статью «Николай Гоголь. Русские повести. „Мертвые души“. „Ревизор“», в которой утверждал, что Гоголь «наблюдатель тонкий до мелочности, искусный в схватывании смешного и смелый в его показе, но склонный доводить смешное до шутовства», что он дает лишь преувеличенно отрицательные, неправдоподобные или искаженные картины русской жизни, но что тем не менее как романист и драматург заслуживает большого внимания и, переведенный на распространенные в Европе языки, он может «получить известность, равную известности лучших английских юмористов». Эту поверхностную и неверную оценку Гоголя с радостью подхватил Ф. В. Булгарин, развив ее в двух статьях «Северной пчелы» (1851, № 277 и 283, 12 и 19 декабря), а также в статье, посвященной выходу «Московского сборника», где была помещена статья И. С. Аксакова, посвященная памяти Гоголя (*Сев Пчела*, 1852, № 99, 3 мая).

197. Е. М. Феоктистову (с. 123)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 109, оп. 1852, ед. хр. 92, дело «По письмам: от Никольского к Ивану Сергеевичу Аксакову, от Ивана Тургенева к нему же, Аксакову, и от Тургенева к Василию Боткину насчет смерти литератора Гоголя. Начато 15-го марта 1852 г.», на 126 листах, л. 35—36. Первая фраза письма (со словами «друзья мои») обращена не только к Феоктистову, но и к В. П. Боткину. Однако письмо в целом адресовано Феоктистову.

Впервые опубликовано: Всемирный вестник, 1907, № 3, Приложение, с. 43—45; *ИВ*, 1907, № 2, с. 561—562 (в статье Н. В. Дризена «Арест и ссылка И. С. Тургенева»).

[1] Н. В. Гоголь умер 21 февраля (4 марта) 1852 г. Письмо Тургенева является ответом на письмо к нему Феоктистова от 25 февраля 1852 г., содержащее описание похорон писателя (см.: *Лит Насл*, т. 58, с. 743), а также одновременно откликом на письмо Боткина от 21 февраля 1852 г. с известием о смерти Гоголя (см.: *Боткин и Т*, с. 17—21).

[2] Это письмо Тургенева к Боткину неизвестно.

[3] В ответном письме к Тургеневу от 3 марта ст. ст., ошибочно датированном 1851 г. самим Феоктистовым, он указывал: «Очень заинтересовали в вашем письме слова о тех обстоятельствах, которые вас подготовили к смерти Гоголя. До сих пор мы тут не имеем и понятия о этих обстоятельствах» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 8).

[4] Это образное выражение психологического состояния вновь возникает в главе XI «Рудина» при описании того, что чувствует Наталья Ласунская после прочтения прощального письма героя романа.

[5] К 10 апреля ст. ст. Тургенев в Москву не выехал, а 16 апреля он был арестован.

[6] В письмах Феоктистова и Боткина, о которых упоминалось выше (см. примеч. 1), никаких обращений к Тургеневу с просьбой написать статью о Гоголе для «Современника» не содержится. Однако впоследствии в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев снова указывал, говоря о смерти Гоголя: «Вскоре потом я получил от одного приятеля из Москвы письмо, наполненное упреками: „Как! — восклицал он;— Гоголь умер, и хоть бы один журнал у вас в Петербурге отозвался! Это молчание постыдно!“»

[7] Об отпевании Гоголя в университетской церкви сообщал Тургеневу Феоктистов в письме от 25 февраля 1852 г. (см.: *Лит Насл*, т. 58, с. 743). Там же Феоктистов писал: «Гроб не дали ставить на колесницу и на руках донесли его до могилы в Даниловом монастыре, вероятно, 6 верст. Я нес его до могилы и опускал в нее гроб».

[8] Это — ответ на слова Феоктистова: «Погодин не был тогда (в день похорон Гоголя.— *Ред.*) в Москве, а Шевыреву еще и теперь не говорят о смерти Гоголя, ибо он сам болен тифом. Но Аксаковы и Хомяков — великолепны; когда-нибудь вы услышите об их похождениях. Много рассказывать!» (*Лит Насл*, т. 58, с. 743).

[9] Стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт», опубликованное потом в третьей (мартовской) книжке «Современника» за 1852 г.

[10] Статья Тургенева о Гоголе была запрещена столичной цензурой и в газете «С.-Петербургские ведомости» не появилась; она была напечатана в «Московских ведомостях» (1852, № 32, 13 марта). См. об этом: Л е м к е М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. 2-е изд. СПб., 1909, с. 204—212; Д р и з е н Н. В. Арест и ссылка И. С. Тургенева.— *ИВ*, 1907, № 2, с. 559—569. Документы, использованные в этих работах, частично опубликованы во «Всемирном вестнике», 1907, № 4, с. 1—48. См. также: *Никитенко*, т. 1, с. 349—352; *Барсуков. Погодин*, кн. 12, с. 5—7.

[11] Е. В. Салиас де Турнемир.

[12] «Письмо из Петербурга» было помещено в «Московских ведомостях» с подписью: «Т...в».

[13] Это письмо Тургенева к Феоктистову неизвестно.

198. И. С. Аксакову (с. 125)

Печатается по копии: *ЦГИА*, ф. 109, оп. 1852, ед. хр. 92, л. 2—2 об.

Впервые опубликовано по той же копии: Всемирный вестник, 1907, № 1, Приложение, с. 9—10, в составе документов дела III отделения (см. примеч. к письму 197); частично — *ИВ*, 1907, № 2, с. 560.

Представляет собою выписку из перлюстрированного письма. На копии канцелярские надписи: перед текстом — «Выписка из частных сведений, полученных г. генерал-адъютантом графом Орловым»; после текста — «Выписка из письма Ив. Тургенева из С.-Петербурга от 3 марта 1852 г. к Ивану Сергеевичу Аксакову в Москву».

Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему И. С. Аксакова от 26 февраля 1852 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 464—465). Письмо является как бы черновым наброском статьи Аксакова «Несколько слов о Гоголе», помещенной в «Московском сборнике» (М., 1852, т. 1, с. VII—XII).

[2] И. С. Аксаков писал Тургеневу о том, что Гоголь «12 лет писал 〈...〉 2-й том „Мертвых душ“, писал, переписывал, переделывал и всё не считал оконченным, ни разу не мог удовлетвориться... И вот он сам сжигает их и, сжегши, умирает» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 464).

[3] Цензор А. В. Никитенко 20 апреля 1852 г. записал в своем дневнике: «...председатель цензурного комитета (Мусин-Пушкин.— *Ред.*) объявил, что не будет пропускать статей в похвалу Гоголя, „лакейского писателя“» (*Никитенко*, т. I, с. 351).

[4] См. письмо 197, примеч. 10.

199. В. П. Боткину (с. 126)

Печатается по копии: *ЦГИА*, ф. 109, оп. 1852, ед. хр. 92, л. 3.

Впервые опубликовано по той же копии: Всемирный вестник. 1907, № 1, Приложение, с. 11, в составе документов дела III отделения (см. примеч. к письму 197). В сборник *Боткин и Т* не вошло.

Представляет собою выписку из перлюстрированного письма. На копии канцелярские надписи: перед текстом — «Выписка из частных сведений, полученных г. генерал-адъютантом графом Орловым»; после текста — «Выписка из письма И. Тургенева из С.-

Петербурга от 3 марта 1852 г. к Василию Петровичу Боткину в Москву».

Подлинник неизвестен.

Стр. 126. Я хотел бы спасти честь порядочных людей, живущих здесь (*франц.*).

[1] Имеется в виду письмо Гоголя к В. В. Львову от 8 (20) марта 1847 г., написанное в ответ на письмо Львова от 13 (25) февраля 1847 г. В письме к Гоголю Львов спрашивал его: «Зачем напечатали вы „Выбранные места из переписки“ вашей с друзьями?» — и далее писал: «Издание писем ваших есть ошибка, есть шаг назад на пути, избранном вами, есть дань духу гордости... Что теряет публика в старом Гоголе? Любимого автора. Что приобретает она в обращенном?— Ничего!» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4, с. 526—528). В ответном письме, о котором говорит Тургенев, Гоголь объяснял Львову, что главной причиной издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» было желание уяснить себе самому, через вызванное книгой чувство стыда, свои недостатки (*Гоголь*, т. 13, с. 263—265).

[2] См. письмо 197, примеч. 10. Вызванный (уже в середине апреля) к московскому генерал-губернатору гр. А. А. Закревскому, Боткин дал следующее объяснение обстоятельств напечатания в Москве письма Тургенева: «Я получил от г. Тургенева письмо, в котором он писал, чтоб я передал г. Феоктистову, что он желает, чтобы присланная им г. Феоктистову статья о Гоголе была напечатана в „Московских ведомостях“. Когда я сказал это поручение г-ну Феоктистову, он отвечал мне, что уже сам вздумал ее напечатать и отдал несколько дней назад в редакцию „Московских ведомостей“. Впоследствии я узнал, когда статья была напечатана, что она не дозволена г. Мусиным-Пушкиным к печатанию в „С.-Петербургских ведомостях“. Василий Боткин» (Всемирный вестник, 1907, № 3, Приложение, с 46).

[3] Фраза эта, отрывочно включенная в полицейскую выписку, очевидно, обращена Тургеневым к умершему Гоголю.

[4] См. письмо 198, примеч. 3. М. Н. Мусин-Пушкин в письме к шефу жандармов гр. А. Ф. Орлову от 25 марта 1852 г. писал о статье Тургенева, представленной ему 29 февраля цензором для помещения в «С.-Петербургских ведомостях»: «Прочитав статью, я не дозволил оную печатать. Мне казалось неуместным писать о Гоголе в таких пышных выражениях, едва ли приличных, говоря о смерти Державина, Карамзина или некоторых других наших знаменитых писателей, и представлять смерть Гоголя как незаменимую потерю, а не разделяющих это мнение легкомысленными или близорукими. Мне казалось, что все эти возгласы, как выражение частного мнения, не должно дозволять представлять как чувства, впечатления и воззрения общие» (Всемирный вестник, 1907, № 1, Приложение, с. 20—21).

200. С. В. Шумскому (с. 126)

Печатается по тексту первой публикации: Советское искусство, 1939, № 10 (590), 20 января.

Подлинник неизвестен.

[1] В Петербурге на сцене Александринского театра комедия «Где тонко, там и рвется» впервые была поставлена 10 (22) декабря 1851 г.; «Безденежье» — 7 (19) января 1852 г.

[2] В письме от 18 февраля 1852 г. Е. М. Феоктистов сообщал Тургеневу: «Шумский был вчера также на чтении ⟨„Бедной невесты“ Островского у гр. Салиас⟩ и говорит, что в свой бенефис — в будущем сентябре — он ставит ваши две комедийки: „Безденежье“ и „Где тонко, там и рвется“. Милый Тургенев! Во-первых, „Где тонко, т⟨ам⟩ и рв⟨ется⟩“ — здесь не сыграют. Роль Веры отдадут опять Рыкаловой, и это будет ужас! Потом „Безденежье“ слишком незначительная сцена, чтоб иметь успех...» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 37 об.).

[3] А. И. Вольф отмечает: «Новые безделки Тургенева „Где тонко, там и рвется“ и „Безденежье“ прошли незаметными...» (*Вольф*, *Хроника*, ч. 1, с. 151).

201. **И. С. Аксакову** (с. 126)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 625, л. 3 — 3 об.

Впервые опубликовано: *BE*, 1894, № 1, с. 332—333.

Стр. 127. «Столько имею тебе сказать, что начать не смею» (*итал.*).

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему И. С. Аксакова от 17 марта 1852 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 466).

[2] Речь идет о книге С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[3] Заметка Тургенева о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова была напечатана: *Совр*, 1852, № 4, отд. VI, с. 325—331.

[4] Статья Тургенева о Гоголе, опубликованная в «Московских ведомостях» (1852, № 32) под заглавием «Письмо из Петербурга» была помещена рядом со статьей С. Т. Аксакова «Письмо к друзьям Гоголя».

[5] Тургенев цитирует не совсем точно заключительный стих 136-го сонета Петрарки:

Tanto le ho a dir, che incominciar non oso.

[6] См. письмо 197, примеч. 5.

202. **Полине Виардо** (с. 127 и 387)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 56—57. Конец письма утрачен.

Во второй дате письма ошибка; правильно — 27 марта.

[1] Тургенев цитирует Гёте неточно; у Гёте: «Bewunderung von Kindern und Affen» («Восхищение детей и обезьян».— «Фауст», ч. 1, сц. 1, стих 542).

[2] Своих планов Тургенев не осуществил. 1853 год он почти целиком провел в Спасском, затем, прожив несколько дней в Москве, переехал в Петербург, где оставался до апреля 1854 г.

[3] Речь идет о портрете П. Тургеневой и произведениях Гуно (см. письмо 203).

[4] Разрешение на печатание «Записок охотника» (в двух частях) было дано 5 и 6 марта 1852 г. Издание вышло в свет в начале августа того же года.

[5] Первоначально Тургенев хотел посвятить отдельное издание «Записок охотника» П. Виардо (см. письмо 160, примеч. 10). В цен-

зурной рукописи «Записок охотника» 1852 г. сохранился титульный лист с отметкою «Посвящается ***». Однако издание вышло без посвящения.

203. Полине Виардо (с. 129 и 389)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* Впервые опубликовано во французском оригинале: *T*, *Lettres inéd*, p. 58—59.

[1] См. письмо 202.

[2] Ш. Гуно женился на дочери профессора Парижской консерватории — Анне Циммерман. Эта женитьба повлекла за собой ссору и разрыв семейства Виардо и Тургенева с Гуно. См. также письмо 218, примеч. 4.

[3] См. письмо 191, примеч. 9.

[4] См. письмо 194.

[5] Это намерение Тургенева не было осуществлено, так как 16 (28) апреля он был арестован и после месяца, проведенного на «съезжей», отправлен в ссылку в Спасское. В Москве он пробыл несколько дней во второй половине мая по пути в Спасское.

204. И. С. Аксакову (с. 130)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 4, № 625, л. 5. Впервые опубликовано: *BE*, 1894, № 1, с. 333.

[1] См. письмо 186, примеч. 5.

[2] В «Отечественных записках» статья Тургенева о книге С. Т. Аксакова не появлялась.

[3] Свидание с С. Т. Аксаковым не состоялось и в конце мая, когда, в 20-х числах, по пути в ссылку, Тургенев провел несколько дней в Москве. В письме к Тургеневу от 29 мая ст. ст. 1852 г. С. Т. Аксаков сообщал: «Не умею пересказать вам 〈...〉 как был я огорчен, получив на днях известие, что вы проехали через Москву» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 468).

205. Н. А. Некрасову (с. 131)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 11, № 25, л. 9. Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 116.

Датируется предположительно на том основании, что в письме упоминается И. Ф. Миницкий, который, по-видимому, зимой 1851/52 г. помогал Тургеневу в его делах. Письмо Тургенева могло быть написано зимой или весной, до его ареста, т. е. до 16 апреля ст. ст. 1852 г.

206. И. Ф. Миницкому и Д. Я. Колбасину (с. 131)

Печатается по тексту первой публикации: *BE*, 1909, № 8, с. 629.

Подлинник неизвестен.

Адресатами письма являются И. Ф. Миницкий и, по всей вероятности, Д. Я. Колбасин, с которым Миницкий вместе учился и в один год закончил юридический факультет Петербургского университета по разряду камеральных наук (см.: Г р и г о р ь е в В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых

пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, приложение, XCVI). В письме 211, употребляя такое же обращение — «дети мои», Тургенев спрашивает об экзаменах, что является лишним подтверждением того, что вторым адресатом был Д. Я. Колбасин.

Письмо датируется по упоминанию книги «Вивлиофика Новикова», которую Миницкий мог по просьбе Тургенева захватить из Спасского. Тургенев приехал из Спасского в Москву 20 октября (1 ноября) 1851 г.; 7 (19) ноября 1851 г. он был в Петербурге (см. письма 181, 182), а 16 (28) апреля 1852 г. был посажен под арест за письмо о смерти Гоголя. Временем пребывания его в Петербурге до ареста и определяется дата письма.

[1] В библиотеке Тургенева (Государственный музей И. С. Тургенева, Орел) в настоящее время сохранились только две части этого издания (XI и XX). Полное его название: «Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей Российских, до Истории, Географии и Генеалогии Российския касающихся; изданная Николаем Новиковым, Членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете» (изд. 2-е, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. М., 1788—1791, ч. I—XX). Новиковскую «Вивлиофику» Тургенев, по-видимому, очень хорошо знал, о чем свидетельствует его ссылка на это издание в рецензии «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

207. **И. Ф. Миницкому** (с. 131)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 628—629.

Подлинник неизвестен.

Датируется по аналогии с письмом 206.

[1] В тексте публикации при слове «рассчитывать» стоит знак вопроса, означающий, по-видимому, предположительность чтения.

208. **Н. А. Некрасову** (с. 131)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 11, № 25, л. 11.

Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 116.

Датируется на основании упоминания Н. Н. Тютчева, который стал управляющим в Спасском-Лутовинове, насколько известно, весной 1852 г. Письмо не могло быть написано позже 16 (28) апреля 1852 г., когда Тургенев был арестован в связи с письмом о смерти Гоголя.

[1] Цитата из арии Рембо в опере Дж. Мейербера «Роберт-Дьявол». Тургенев сам раскрывает ее источник в письме к П. В. Анненкову от 28 февраля (12 марта) 1866 г.: «„О, мой спаси-и-тель, мой покрови-и-тель!“ — пою я, как Рембо в „Роберте-Дьяволе“...».

[2] Речь идет о крепостном поваре Степане.

209. **Полине Виардо** (с. 132 и 389)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 65—67.

[1] См. письмо 191, примеч. 9.

[2] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[3] Тургенев не сообщает о подлинной причине своей задержки в Петербурге: письмо написано им во время заключения на «съезжей» 2-й Адмиралтейской части в Петербурге (между Офицерской улицей — ныне ул. Декабристов — и Екатерининским каналом — ныне канал Грибоедова), где писатель находился с 16 (28) апреля до 16 (28) мая «по высочайшему повелению» за напечатание в «Московский ведомостях» статьи о Гоголе, запрещенной Петербургским цензурным комитетом. О своем аресте Тургенев рассказал в письме к Л. и П. Виардо от 1 (13) мая (№ 210).

[4] Тургенев намекает на службу Гуно в качестве органиста и регента парижской церкви Иностранной миссии в 1843 г., где, по словам самого Гуно, «он был кюре от музыки». Увлеченный богословскими науками и философией, Гуно одно время жил в Кармелитском монастыре и слушал курс богословия при церкви св. Сульпиция (1847—1848 гг.), носил сутану и подписывался: «l'Abbé Gounod». См.: Prod'homme J. and Dandelot A. Gounod, sa vie et ses œuvres d'après des documents inédits. Paris, 1911. V. 1, p. 102.

Толчком к повороту Гуно от церкви к театру было его знакомство с П. Виардо. Подробнее см.: Гуно Ш. Воспоминания артиста. М., 1962, с. 86—97.

[5] Перефразированная цитата из «Фауста» (ч. I, сц. IV): «Du bist am Ende — was du bist» («Ты значишь то, что ты на самом деле» — пер. Н. А. Холодковского).

[6] Тургенев говорит об «Осенней песне» («Chant d'automne») на слова неустановленного автора. См. также письмо 224.

[7] Герой сатирического романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533—1552).

[8] По-видимому, речь идет об акварельном портрете 1828 года, местонахождение которого ныне неизвестно. Портрет был представлен на юбилейной выставке 1909 года. См.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук. Март 1909 года 2-е изд., испр. СПб., 1909, с. 1.

[9] Эти письма П. Виардо неизвестны.

[10] Первое упоминание в письмах Тургенева о его незавершенном романе «Два поколения», позволяющее уточнить время начала работы над ним. Ранее предполагалось, что непосредственно к работе над этим романом писатель приступил, уже находясь в ссылке в Спасском.

210. Луи и Полине Виардо (с. 134 и 391)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*. На первой странице (в правом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «lettre autorisée» («письмо разрешено» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 7, juillet, p. 142—144, III; в русском переводе — *Гальп.-Кам.*, *Письма*, с. 117—119, XXVII.

[1] См. примеч. 3 к письму 209.

[2] Запрещение, наложенное, по словам Тургенева, на его литературную деятельность правительством Николая I, было вызвано как его «Записками охотника», уже в отдельных публикациях

«Современника» обратившими на себя внимание властей,— вследствие чего Тургенев не стал представлять их отдельное издание в петербургскую цензуру, а обратился в московскую,— так и недавним цензурным запретом комедий «Нахлебник», «Завтрак у предводителя» и «Месяц в деревне». См. статью Ю. Г. Оксмана «Секретное следствие о „Записках охотника"» в его книге «От „Капитанской дочки" А. С. Пушкина к „Запискам охотника" И. С. Тургенева» (Саратов, 1959).

[3] Срок ссылки Тургенева не был установлен.

[4] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 16.

[5] См. письмо 209, примеч. 10.

[6] Речь идет об издании в Москве отдельной книгой «Записок охотника». Арест Тургенева не остановил печатания книги, но вызвал к ней, после выхода ее в свет (в августе 1852 г.), сугубое внимание высших властей, увольнение пропустившего ее цензора В. В. Львова и ухудшение положения ссыльного Тургенева.

[7] Сообщений об аресте и ссылке Тургенева в иностранных газетах, насколько известно, не было.

211. И. Ф. Миницкому и Д. Я. Колбасину (с. 136)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека, инв. № 121298, л. 3.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 628, с пропуском пометы: «суббота».

Датируется на основании строк: «Еще 12 дней остается — о ужас!» Речь идет о «днях», оставшихся до окончания срока ареста на один месяц, истекавший 16 (28) мая 1852 г. Письмо помечено субботой, которая приходилась на 3 (15) мая 1852 г.; этим числом и следует датировать настоящее письмо.

[1] И. Ф. Миницкий и Д. Я. Колбасин в это время заканчивали юридический факультет Петербургского университета (см. примеч. к письму 206).

[2] Встреча — если она состоялась — могла иметь место 16 — 18 (28—30) мая 1852 г., т. е. после освобождения Тургенева из-под ареста, но до выезда его в ссылку через Москву в Спасское. Известно также, что у Тургенева еще до освобождения из-под ареста было свидание с Миницким и братьями Колбасиными. 6 (18) июля 1862 г. Е. Я. Колбасин писал Тургеневу: «Вчера, дорогой И⟨ван⟩ Сер⟨геевич⟩, я почему-то вспомнил наше первое знакомство, потом — Ваше сидение в полицейской части, в сибирке, посещение, или, лучше сказать, запрещенный визит к Вам мой. брата и Миницкого: разговор Ваш с нами через окно, на набережной Екатерининского канала, когда Вы выглядывали, подобно узнику, из своего высокого и непривлекательного заточения и т. д. и т. д. Многое вспомнилось мне» (*ИРЛИ*, 5800, № 25).

212. А. Я. Тургеневой (с. 137)

Печатается по тексту первой публикации: Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. 1, с. 178 (отдельный оттиск, под заглавием «Из прошлого», Тула, 1914, с. 32).

Подлинник неизвестен.

Датируется по содержанию. Тургенев спешит «успокоить» свою невестку, так как в это время он находился под арестом за статью

о Гоголе. Он предполагает увидеться с родственниками «около 20-го мая», исходя из того, что освобождение из-под ареста должно состояться 16 (28) мая, после чего он обязан незамедлительно выехать через Москву в Спасское. На самом деле, выехав из Петербурга 18 (30) мая, он останавливался в Москве на несколько дней и приехал в Спасское лишь около 1 июня.

[1] Брат — муж А. Я. Тургеневой, Н. С. Тургенев. Дядя Петр — Петр Николаевич Тургенев.

213. Л. Н. Ваксєлю (с. 137)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 2997, л. 1.

Впервые опубликовано: *Центрархив, Документы*, с. 44.

На конверте следы двух почтовых штемпелей: «... май» и «получено июнь 3 полдень».

Датируется по содержанию и по почтовым штемпелям: письмо, помеченное, очевидно, в Москве маем и полученное в Петербурге 3 июня, могло быть написано в последних числах мая ст. ст.

[1] «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова. Тургенев и Ваксель, оба страстные охотники, проявили большой интерес к этой книге. Тургенев написал о ней две рецензии (см. письмо 186, примеч. 5).

[2] Тургенев намекает на свое опальное положение. Некоторые его знакомые, опасаясь скомпрометировать себя, избегали встреч и переписки с ним во время его ссылки. Так, Фет рассказывает, что отец его, А. Н. Шеншин, услыхав, что он едет в Спасское, «нахмурил брови и сказал: „Ох, напрасно ты заводишь это знакомство; ведь ему запрещен въезд в столицы, и он под надзором полиции. Куда как неприглядно“» (*Фет*, ч. 1, с. 5). Приписка, сделанная Тургеневым, очевидно, на посланном Вакселю экземпляре книги С. Т. Аксакова, неизвестна.

214. С. Т., И. С. и К. С. Аксаковым (с. 137)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 72, л. 1—2 об.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 333—335.

Стр. 138. торжественно (*лат. Буквально*: округленными устами).
Стр. 138. и всех прочих (*итал.*).

[1] Тургенев отвечает на письма С. Т., И. С. и К.С. Аксаковых от 29 и 30 мая 1852 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 468—469, 471—472, 473—474).

[2] С. Т. Аксаков, имея в виду высылку Тургенева в Спасское, писал ему: «... примите искренное выражение моего сердечного участия во всем случившемся с вами» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 469).

[3] Речь идет о посланной Тургеневым в Москву и напечатанной в «Московских ведомостях» статье его о Гоголе, запрещенной к печати петербургской цензурой. Впоследствии Тургенев писал в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «... попечитель С.-Петербургского округа, теперь уже покойный Мусин-Пушкин, представил — из неизвестных мне видов — всё дело как явное неповиновение с моей стороны; он не поколебался заверить высшее начальство, что *он призывал меня лично и лично передал мне запре-*

щение цензурного комитета печатать мою статью (одно цензорское запрещение не могло помешать мне — в силу существовавших постановлений — подвергнуть статью мою суду другого цензора), *а я г. Мусина-Пушкина и в глаза не видал и никакого с ним объяснения не имел*».

[4] Статья Тургенева о «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии С. А-ва» появилась в первой книжке «Современника» за 1853 г.

[5] Речь идет о большой статье С. Т. Аксакова «Знакомство с Державиным», написанной им для второго тома «Московского сборника». После запрещения сборника цензурой статья эта вошла в состав книги Аксакова «Семейная хроника и Воспоминания» (М., 1856).

[6] Тургенев имеет в виду «Московский сборник» (М., 1852. Т. 1). В сборнике были помещены стихотворения: «Мы род избранный» А. С. Хомякова, «Могучим юности призывам» И. С. Аксакова, очерк в стихах «Бродяга» И. С. Аксакова (отрывки из 1-й части), а также русские народные песни (из приготовляемого к изданию собрания П. В. Киреевского): про Ваську Казимировича, разбойничья, про Илью Муромца и святочная.

[7] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд. М., 1818.

[8] Стихотворение Хомякова «Мы — род избранный» характерно славянофильской риторикой, чуждой Тургеневу.

[9] И. С. Аксаков в письме к Тургеневу от 4 октября 1852 г. отвечал: «С вашим мнением о „Бродяге“ я не только согласен, но едва ли найдется человек, менее меня довольный этим произведением» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 478).

[10] Под арестом Тургенев написал рассказ «Муму», который и предполагал послать Аксаковым для второго тома «Московского сборника». Последний, однако, был запрещен цензурой, и рассказ Тургенева появился в «Современнике» (1854, № 3).

[11] Тургенев считал, что ему надо некоторое время не выступать в печати в связи с арестом и высылкой из Петербурга. Об этом же он писал и другим лицам — Л. и П. Виардо (письмо 210), Некрасову (письмо 230) и пр.

[12] П. В. Анненков пишет: «Между прочим, он ⟨Тургенев⟩ подарил первое издание „Записок охотника“ в 1852 году Н. Х. Кетчеру, которому оно досталось не без труда, потому что сопровождалось увольнением цензора, допустившего книгу в обращение...» (*Анненков*, с. 393).

[13] Имеются в виду следующие издания: Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1841. Т. 1, кн. 1—4; СПб., 1849. Т. 2, кн. 5—8; Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1—7; Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. СПб., 1837—1839. Вып. 1—4; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым (см. примеч. 7). Говоря о том, что он, живя в Спасском, много времени уделял чтению подобного рода изданий, Тургенев, возможно, отвечал на недатированное письмо К. С. Аксакова. Последний сообщал в нем, что он собирается написать статью о древнем быте славян на основании песен, сказок и преданий (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 474).

[14] Василий Буслаев (или Буслаевич) — герой русских былин (см.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818, № IX и XVIII). Фраза о Василии Буслаеве

в письме Тургенева к К. С. Аксакову, по-видимому, является ответом на какие-то суждения последнего об этом богатыре. Однако в известных в печати письмах К. С. Аксакова к Тургеневу имя Василия Буслаева даже не упоминается. Ничего не говорится о нем и в статье К. С. Аксакова «О богатырях времен Владимира по русским песням», а также в «Заметке о значении Ильи Муромца». Тургенев много позже снова возвратился к образу Буслаева в XXV главе романа «Дым» (1867).

[15] Комедия в двух действиях с прологом «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» написана К. С. Аксаковым в 1851 г., но появилась в печати лишь в 1856 г. (в отдельном издании). Автор писал Тургеневу в недатированном письме: «Вы, может быть, слышали, что я написал небольшую комедию; жаль, что не удалось вам прочесть ее; она, кажется, нравится многим...» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 473—474). В пьесе К. С. Аксакова со славянофильских позиций сатирически изображен герой — князь Луповицкий, который возвращается из Парижа в свое поместье, рассчитывая облагодетельствовать крестьян плодами европейской цивилизации. Пребывание в деревне вскоре показывает князю всю несостоятельность его представлений о крестьянах, и он принужден признать мудрость решений крестьянского «мира».

215. **М. П. Ильину** (с. 139)

Печатается по тексту первой публикации — факсимиле: сб. «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая». СПб., 1901.

Подлинник неизвестен.

216. **Л. Н. Вакселю** (с. 140)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1274, л. 1. Конверт в *ГПБ*, собрание П. Л. Вакселя, № 4390.

Впервые опубликовано: *Атеней*, *3*, *1926*, с. 115.

[1] Тургенев намекает на вероятную перлюстрацию его писем полицейскими властями, что входило в условия надзора за ним во время ссылки.

[2] Л. Н. Ваксель, насколько известно, в Спасское не приезжал.

217. **А. Я. Тургеневой** (с. 140)

Печатается по подлиннику: Государственный музей И. С. Тургенева (Орел).

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и Т*, *Письма*, т. 2, с. 62.

Датируется на основании следующих данных: 1) Н. Н. Тютчев, упоминаемый в письме, был управляющим у И. С. Тургенева с 1852 г. по 7 (19) октября 1853 г., следовательно письмо могло быть написано в 1852—1853 гг. 2) В 1852 г. Тютчев уезжал с женой в Москву; дата его отъезда неизвестна, но, очевидно, определяется этим письмом; вернулся он в Спасское 18 (30) сентября 1852 г. (см. письмо 200). 3) Приписка Н. С. Тургенева, написанная на другой день после письма Тургенева и до 28 июля, должна датироваться 27 июля. В 1852 г. 28 июля падает на понедельник, а ближайшая предшествующая суббота (которой письмо Тургенева помечено) — 26 июля.

[1] Далее следует приписка Н. С. Тургенева на немецком языке, окончание которой отсутствует:

«Es heisst heute: wollte er bei mir essen — den 28-ten Juli. Sey auf deiner Huth mit ihm, spreche nicht von deinem Bruder, er kann an ihm alles wiedersagen, denn mein Freund, ich kenne deinen Charakter, wenn das Herz voll ist, geht der Mund über. Du weisst manchmal selbst nicht was du sprichst in der Hitze». (Это значит сегодня: он хотел у меня обедать 28 июля. Будь с ним осторожна, не говори о твоем брате, он может ему всё передать, потому что, мой друг, я знаю твой характер, что у кого болит, тот о том говорит. Иногда ты сама не знаешь, что говоришь сгоряча.— *Нем.*)

218. Полине Виардо (с. 141 и 392)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, т. 1, р. 67—69.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[3] См. письмо 209, примеч. 4.

[4] Тургенев намекает на ссору и разрыв отношений между супругами Виардо и Шарлем Гуно, происшедшие в июне 1852 г. Причиной разрыва послужила неожиданная для Виардо женитьба Гуно на Анне Циммерман, которая перед свадьбой проявила пренебрежительное и недоброжелательное отношение к Полине Виардо, вернув ей, через своего жениха, драгоценности, посланные П. Виардо в подарок. Супруги Виардо не были приглашены на свадьбу под предлогом замкнуто-семейного характера церемонии: за этим последовали письменные объяснения между Гуно и Луи Виардо, приведшие к разрыву. Тургенев был в курсе этих событий и также прекратил отношения с Гуно, сохраняя интерес к его музыке. Впоследствии, однако, их дружеские связи возобновились.

[5] Гуно работал над оперой «Сафо», которую он писал для П. Виардо как будущей исполнительницы главной партии, весной и летом 1850 г., живя вместе с Тургеневым у Виардо в Куртавнеле.

[6] См. письмо 202, примеч. 4 и 5.

[7] Об успешных гастролях П. Виардо в Англии писали и французские газеты. Так, музыкальный критик «L'Illustration» Ж. Буске, приводя восторженные отзывы о пении П. Виардо, содержавшиеся в английских газетах «Norwich Mercury» (от 25 сентября) и «Liverpool Courrier» (от 29 сентября), писал: «Чувства эти с давних пор разделяются теми, кто знает г-жу Виардо, и таких людей много, так как нет в Европе ни одного города, который бы ей не был готов аплодировать всегда» (L'Illustration, 1852, 9 октября, пер. с франц.). В письме к Матв. Ю. Виельгорскому от 11 ноября н. ст. 1852 г. П. Виардо также сообщала о своих успешных гастролях в Англии: «Вы знаете, что я пела в Англии и что прием публики был еще более горячим, еще более сердечным, чем обычно. Со времени моего возвращения я пою регулярно и удачно, так как голос мой совершенно оправился и я сильна, как целый полк турок» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 97, подлинник по-французски). См. также письмо 224, примеч. 6.

[8] Помимо охоты, поездки Тургенева в Епифанский уезд были связаны с семейными делами. Здесь находилось старинное тургеневское поместье Суходол, принадлежавшее А. Н. Тургеневу, старшему дяде писателя, а потом его сыновьям. Тургенев неоднократно навещал в Суходоле бабушку — Е. П. Тургеневу. См. указатель Н. М. Чернова: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 1430, с. 67, 74.

219. М. П. Ильину (с. 143)

Печатается по тексту первой публикации — факсимиле: сб. «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая». СПб., 1901.

Подлинник неизвестен.

¹ Условия, о которых пишет Тургенев, перечислены в следующей записке, написанной, вероятно, в конторе Спасского Н. Н. Тютчевым: «Памятная записка для Михаила Петровича Ильина, какие должно выполнить условия при делании кареты: Е⟨го⟩ в⟨ысоко⟩-б⟨лагородию⟩ Ивану Сергеевичу Тургеневу. I. Сделать для ног место так, как г-н Ильин назначил на рисунке, возвращенном от г. Тургенева, карандашом. Оно будет покойнее. 2. Сделать важу (чемодан) на верх для дороги — и сзади сундук, который бы принимался и привинчивался. 3. Сделать внутри карманы. 4. Материю употребить ту, которая прислана с рисунком.— Цвет наружный чтоб был темный ⟨*приписано*: зеленый⟩. 5. Ростом г. Тургенев 2 ар⟨шина⟩ 11 вер⟨шков⟩, с этим соображаться. 6. Чтоб к февралю была готова» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, ед. хр. 139, без даты).

220. П. В. Анненкову (с. 143)

Печатается по тексту первой публикации: Наша старина, 1914, № 8, с. 752—753.

Подлинник неизвестен.

Стр. 144. Люди, которые кажутся всегда упоенными своими талантами,
Богатые, взамен всякого иного достоинства, пустой болтовней,
Ни к чему не способные, лишенные здравого смысла (*франц.*).

¹ Дядя — Н. Н. Тургенев.

² Работа Анненкова над биографией Пушкина в это время еще далеко не была завершена. Впоследствии «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» составили 1 том «Сочинений Пушкина» под редакцией Анненкова, вышедший в свет в феврале 1855 г. (ценз. разр. — 22 октября 1854 г.).

³ Внимание Тургенева к роману Д. В. Григоровича (*Отеч Зап*, 1852, № 1—7) объясняется тем, что он сам обдумывал тогда свой первый роман («Два поколения»), оставшийся незавершенным. 29 ноября 1852 г. Григорович писал Некрасову: «...после „Проселоч⟨ных⟩ дорог“ я дал себе слово не писать сплеча, работать только тогда, когда есть расположение» (*Лит Насл*, т. 51—52, с. 224—225).

⁴ «Записки охотника» (ч. I и ч. II) вышли в свет в начале августа 1852 г. В «Московских ведомостях» (№ 95, 7 августа) сообщалось, что «в книжной лавке „Москвитянина“ ⟨...⟩ продаются ⟨...⟩ „Записки охотника“, соч. И. Тургенева, в 2-х част., М., 1852 г.»

⁵ Изданием «Записок охотника» Тургенев «отделывался» от «старой манеры», которая в это время, когда он обдумывал роман, уже не удовлетворяла его. В ответном письме от 12 (24) октября 1852 г. Анненков писал Тургеневу: «И вы могли думать ⟨...⟩ что я останусь без „Записок охотника“. Нет — я их еще захватил с собой в Москве и на досуге прочел со вниманием и утешно, как говорит П⟨ушкин⟩. Мне кажется, я бы в состоянии был написать

по их поводу статейку со смыслом. То, что вы говорите сами об них, весьма умно» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 1).

[6] «Господин де Пурсоньяк» («Monsieur de Poursognac») — комедия-фарс Мольера, высмеивающая провинциального «мещанина во дворянстве» и отчасти медиков.

[7] Не совсем точная цитата из комедии Мольера «Ученые женщины» («Les femmes savantes», акт IV, сцена III, слова Клитандра). В подлиннике в первом стихе цитаты говорится не о «талантах», а о «знании» (leur savoir), и имеются в виду не литераторы, а лжеученые педанты — Триссотен и ему подобные. Тургенев сознательно изменил цитату.

221. **Полине Виардо** (с. 145 и 394)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 59—60.

Начало письма отсутствует. Датируется по содержанию и указанным в самом письме числу и месяцу.

[1] Тургенев к тому времени еще не получил известия о смерти О. Н. Тютчевой (см. письмо 231).

[2] Речь идет об арии из 3 сцены 3 действия оперы Г. Доницетти «Мария ди Роган» (1843).

222. **И. Ф. Миницкому** (с. 146)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека, инв. № 121298, л. 4—5.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 629—630.

[1] Миницкий так и не приехал в Спасское.

[2] Намек на ссылку за статью о Гоголе, на неприятности в связи с отдельным изданием «Записок охотника», а также на цензурное запрещение трех пьес: «Нахлебник», «Месяц в деревне» и «Завтрак у предводителя». Очевидно именно эти пьесы предполагал Миницкий — с разрешения автора — напечатать, в обход цензуры, в Одессе.

[3] Далее следует приписка Д. И. Яздовской:

«Мне позволил Т⟨ургенев⟩ писать на одном листке своего письма, но я боюсь, может быть, Вы не будете довольны: что я осмелилась испортить знаменитый автограф. Я прошу Вас быть посурьезней в Ваших поступках, т. е. быть благоразумней и дельней: другими словами, приезжать в Спасское, а не затевать и не хлопотать о напечатании некоторых вещей. Право — пора бы Вам возвратиться и приняться работать с Т⟨ургеневым⟩. Тютчевы и тетеньки и все здоровы. Чего и Вам желают. Д. Яздовская».

223. **К. Н. Леонтьеву** (с. 146)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4885/5, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 69—70.

[1] Повесть «Немцы».

[2] Комедия «Женитьба по любви».

[3] Тургенев имеет в виду запрещение петербургской цензурой

его статьи о Гоголе и его ссылку из-за нее, увольнение цензора Львова за пропуск «Записок охотника», цензурные неприятности, постигшие И. С. Аксакова за 1 том «Московского сборника», и другие проявления усиления цензурного гнета.

224. Полине Виардо (с. 148 и 394)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в частном собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 25, 23 juin, p. 774—775, с некоторыми сокращениями; в русском переводе — Новое время, 1906, № 10872, 21 июня (4 июля), иллюстрированное приложение.

Полностью публикуется впервые.

[1] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[2] Книга, посланная Тургеневым Виардо,— «Записки охотника», отдельное издание которых вышло в Москве в начале августа ст. ст. 1852 г. Говоря о деревьях, которые «как будто опускаются в небо», Тургенев имеет в виду следующее место из рассказа «Касьян с Красивой Мечи»: «Удивительно приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх! Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается *под* вами, что деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, спускаются, отвесно падают в те стеклянно-ясные волны...» и т. д.

[3] См. примеч. 6 к письму 209.

[4] См. примеч. 4 к письму 218.

[5] Что имеет в виду Тургенев под «маленьким очерком» о «Jeu du paysan» ⟨Игре крестьянина⟩ — неясно. М. К. Азадовский считает, что «для Полины Виардо он (Тургенев.— *Ред.*) готовил специальный трактат о русских народных играх, не доведенный, видимо, им до конца» (Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960, с. 396). Во всяком случае, «трактат» этот до нас не дошел или неизвестен.

[6] Вероятно, речь идет о неопубликованном письме Л. Виардо от 5 октября н. ст. 1852 г. , находящемся в собрании Декюжи — Ле Сен (Париж). Указано А. Звигильским в кн.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 132.

[7] С. Крувелли сезон 1852—1853 г. пела в Париже, в Петербург не приезжала и партии Фидес в «Пророке» никогда не исполняла. «Пророк» был поставлен в Петербурге впервые, под измененным по требованию цензуры названием «Осада Гента, или Испанцы во Фландрии», 20 февраля 1853 г. при участии в партии Фидес Полины Виардо.

[8] П. Виардо гастролировала осенью 1852 г. в Англии, участвуя в концертах и музыкальных фестивалях в Лондоне, Бирмингаме. Норвиче и т. д. О ее выступлениях сообщалось в обзорах музыки и драмы, печатавшихся Г. Чорли (без подписи) из номера в номер в «Athenaeum» — например, в № 1298, 11 сентября, № 1299, 18 сентября, № 1300, 25 сентября, № 1301, 2 октября (п. ст.); в этих обзорах неизменно выделялась П. Виардо, ее голос, «вполне восстановившийся за время ее долгого отдыха», ее утонченная и благородная манера исполнения, вызывавшая восторг слушателей и т. д.

225. К. С. Аксакову (с. 150)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 9, № 84, л. 1. Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 335—336.

[1] Речь идет о письме К. С. Аксакова к Тургеневу, которое было написано, по-видимому, в начале октября ст. ст. 1852 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 481—483). В этом письме Аксаков высказал свое мнение о «Записках охотника» Тургенева.

[2] О «старой манере», определившейся в период создания «Записок охотника», см. также более подробно в письме к П. В. Анненкову 28 октября (9 ноября) 1852 г.

[3] Тургенев имеет в виду роман «Два поколения». О своей работе над этим произведением он извещал в январе-феврале 1853 г. многих друзей, в том числе Аксаковых, Анненкова, Панаева. Первое упоминание о начале работы над романом содержится в письме к П. Виардо от 24 апреля (6 мая) 1852 г. К началу марта этого года часть 1 («страниц около 500») была окончена и отправлена на отзыв приятелям. Затем Тургенев начал было переделку романа, но вскоре охладел к нему, о чем писал С. Т. Аксакову 14 (26) ноября 1853 г. В дальнейшем писатель собирался продолжить работу и сообщал об этом С. Т. Аксакову 2 (14) июня 1855 г., но роман так и остался незаконченным; он известен, главным образом, благодаря многим критическим отзывам, содержащимся в ответных письмах друзей Тургенева (Анненкова, Боткина и др.). Отрывок из этого произведения позже был напечатан в «Московском вестнике» (1859, № 1) под названием «Собственная господская контора». Автограф плана романа по главам хранится в Национальной библиотеке в Париже (см. *Mazon*, p. 54—55); опубликовано: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 351—359.

[4] Речь идет о романе Д. В. Григоровича «Проселочные дороги», который Тургенев и в письме к Анненкову от 14 (26) сентября 1852 г. расценивал как неудачу автора.

[5] К. С. Аксаков, противопоставляя народные массы интеллигенции, называл представителей последней «людьми-обезьянами» за подражание Западной Европе. Тургенев отвечает на следующие строки из его письма: «Вы увидите, что люди-обезьяны годятся только на посмех, что, как бы ни претендовал человек-обезьяна на страсти или на чувство, он смешон и не годится в дело для искусства, что, следовательно, вся сила духа в самостоятельности» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 482). С этим мнением Аксакова Тургенев согласиться, конечно, не мог. Гораздо ближе была ему точка зрения Белинского, который, признавая огромную роль национальной самобытности, представлял себе путь прогрессивного развития человечества через взаимное обогащение национальных культур.

[6] К. С. Аксаков писал Тургеневу: «Подвиг сознания предстоит нам, жалким людям без почвы; великая сила мысли должна вновь соединить нас с нашей Русью после того, как полтораста лет тому назад была волей и неволей порвана с нею наша непосредственная связь. А, каково! Полтораста лет разыгрывали мы — и надо правду сказать, очень недурно — роль обезьян Западной Европы». Далее он сообщал Тургеневу, что собирается писать новую статью «о быте славян вообще и русских в особенности, на основании преданий, обычаев, поверий и песен», и замечал: «А какие чудные вещи открываются!» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 483).

[7] Статья К. С. Аксакова «О древнем быте у славян вообще и

у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)» была опубликована в «Московском сборнике» (М., 1852. Т. 1, с. 51—139).

[8] К. С. Аксаков сообщал Тургеневу, что второй том «Московского сборника» уже сдан в цензуру; цензура, однако, запретила сборник.

[9] Речь идет о письме к С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым от 6 (18) июня 1852 г., отправленном на следующий день.

226. С. Т. Аксакову (с. 151)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 3—4. Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 336—337.

[1] Письмо С. Т. Аксакова к Тургеневу от 7 (19) октября 1852 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 479—480).

[2] Речь идет о письме к С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым, датированном 6 (18) июня 1852 г. и отправленном 7 (19) июня.

[3] С. Т. Аксаков в письме от 7 (19) октября 1852 г. сообщал Тургеневу: «„Охотничьи записки“ уже давно разошлись, и я принужден приступить ко второму изданию...» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 480).

[4] В письме к С. Т. Аксакову от 13 (25) декабря 1852 г. Тургенев вынужден был признаться, что только теперь отправляет свою рецензию в редакцию «Современника».

[5] Книга Э. Блаза «Охотник с подружейной собакой» вышла в 1836 г. в Париже.

[6] В письме С. Т. Аксакова от 7 (19) октября 1852 г. был весьма сочувственный отзыв о «Записках охотника» (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 479).

[7] См. письмо к К. С. Аксакову от 16 (28) октября 1852 г.

[8] Письмо И. С. Аксакова к Тургеневу было написано еще 4 (16) октября 1852 г., но Тургенев получил его с запозданием. В нем содержалось много критических замечаний о «Записках охотника», собранных в отдельном издании (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 475—478). Тургенев ответил на письмо И. С. Аксакова только 28 декабря 1852 г. (9 января 1853 г.).

[9] С. Т. Аксаков в письме от 7 (19) октября 1852 г. между прочим жаловался Тургеневу, что ему очень трудно писать биографию М. Н. Загоскина с оценкой его сочинений, так как «говорить о нем, искренно, как о человеке общественном и служебном, нельзя; в первом случае будет недовольно его семейство, а во втором, вероятно, встретится затруднение в цензурном отношении...» (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 480).

227. П. В. Анненкову (с. 153)

Печатается по тексту первой публикации: Наша старина, 1914, № 8, с. 753—754.

Подлинник неизвестен.

Стр. 153. предвкушение (*франц.*).
Стр. 154. до бесконечности (*лат.*).

[1] Это письмо Тургенева от 14, 18 (26, 30) сентября 1852 г. (№ 189) Анненков получил и ответил на него 4 (16) ноября 1852 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 4—5).

[2] Тургенев дает оценку IX из «Провинциальных писем» Анненкова, в котором рассказывается о знакомстве автора с Карашем Абдуловичем Бахтыевым («татарский банкир») и о переправе через реку Каму в обществе чувашанина Юры (см.: *Совр*, 1851, № 10, отд. VI, с. 73—97).

[3] Один из современников, В. А. Инсарский, в своих «Записках» дает резко отрицательную характеристику морального облика Арапетова и, в частности, утверждает, что Арапетов «всю жизнь только и делал, что злобствовал на всех и завидовал всем» (*Рус Ст*, 1907, № 1, с. 45).

[4] Речь идет о Н. И. Тютчеве, его жене А. П. Тютчевой, ее сестре, К. П. Де Додт и, вероятно, Д. И. Яздовской.

228. **Полине Тургеневой** (с. 154 и 396)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 44, л. 2.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1931, 15 ноября, p. 9—10. Перепечатано: *Séménoff*, p. 23—24.

Письмо, по-видимому, было вложено в письмо к П. Виардо и поэтому не датировано. Возможно, что оно написано во вторник 21 октября (2 ноября) 1852 г., потому что 14 (26) октября Тургенев писал П. Виардо: «... напишу в следующий вторник несколько слов маленькой Полине».

В письме к дочери Тургенев сообщает, что его брат Н. С. Тургенев в Москве, а в письме к П. Виардо 28 октября (9 ноября) пишет: «...брат должен был приехать сегодня ко мне прямо после большой поездки» (письмо 231). По-видимому, вскоре после отправки письма П. Виардо было получено письмо из Москвы о предстоящем приезде в Спасское Н. С. Тургенева.

[1] Письмо И. С. Тургенева является ответом на письмо П. Тургеневой, не дошедшее до нас.

[2] О сроке ссылки Тургенева не было официальных указаний. Только осенью 1853 г. писатель начал усиленно хлопотать о ее прекращении.

[3] Тургенев имеет в виду П. Виардо и ее мать Хоакину Гарсиа.

[4] Просьба прислать портрет Полинетты встречается неоднократно в письмах Тургенева к П. Виардо. В одном из альбомов, хранящихся ныне в семье наследников П. Виардо в Париже, находятся рисованные ею два портрета Полинетты, в печати не воспроизводившиеся.

229. **П. В. Анненкову** (с. 155)

Печатается по тексту первой публикации: Наша старина, 1914, № 8, с. 754—755.

Подлинник неизвестен.

Стр. 155. тройные экстракты (*франц.*).
Стр 156. без предварительной подготовки (*лат.*).

[1] См. письмо 220 от 14, 18 (26, 30) сентября 1852 г.

[2] Речь идет о неопубликованном письме Анненкова к Тургеневу от 12 (24) октября 1852 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 1—3 об.).

[3] В это время в творчестве Тургенева наступил кризис. «Записки охотника» были для него уже пройденным этапом — он мечтал

о создании романа. В письме от 12 октября 1852 г. Анненков подробно высказал свое мнение о книге Тургенева — отдельным издании «Записок охотника». В частности, он писал: «... в них слишком наружу выступает *сочинительство*: оно напирает грудью на лица, на происшествия, на природу и даже на фразы. Это немного еще дикая сила, но все-таки сила, и в некоторых местах развернулась она так, что говоришь невольно: „Ай да молодец! Вот как вынес мужика — на одной руке, да и повертывает еще...“ Вообще книга ваша, по моему мнению, останется в литературе, как и имя ваше — с почетной строкой: это без низости говоря» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 1).

[4] Ответ на следующее место из того же письма Анненкова: «Я решительно жду от вас романа с полною властью над всеми лицами и над событиями и без наслаждения самим собой (т. е. своим авторством), без внезапного появления оригиналов, которых вы уж чересчур любите... И такой роман вы напишите непременно...» (Эта часть письма опубликована: *Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 488, 489).

[5] В том же письме Анненков сообщал: «А к Вам, мой друг Иван Сергеевич, господь знает, когда попаду. Если это и случится, то уже из Москвы, куда по первому пути направлюсь» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 8). Приезд Анненкова в Спасское во время ссылки Тургенева, однако, не состоялся.

[6] Ответ на предположение Анненкова о том, что его совсем «забыли» Тютчевы. О дружеских отношениях Анненкова с этой семьей свидетельствуют письма к нему Н. Н. Тютчева за 1859—1878 гг. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 105).

[7] Тургенев отвечает на следующие строки письма Анненкова: «Третий месяц живу один-одинешенек в деревне и засел на 1832 годе биографии Пушкина. Решительно недоумеваю, что делать! Он в столице, он женат, он уважаем — и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так, и сяк обходишь, а всё в результате выходит одно: издавал „Современник“ и участвовал в „Библиотеке ⟨для чтения⟩“... Какая же это биография? Это уже не писанье, а просто влаченье по гололедице груза на клячонке, вчера некормленной. Только и поддержки ей, что убеждение (хорош корм), что по стечению обстоятельств никто так не поставлен к близким сведениям о человеке, как она... Нечего больно зариться на биографию. Есть кое-какие факты, но плавают они в пошлости». (Эта часть письма опубликована в кн.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Труды Пушкинского Дома АН СССР. Л., 1929, с. 292, в статье «Работы П. В. Анненкова о Пушкине».) Затруднения, возникшие у Анненкова в работе его над последней частью биографии Пушкина (после 1832 г.), заключались главным образом в том, что ему нужно было коснуться обстоятельств гибели поэта. А сделать это было не легко, так как были еще живы многие из родственников Пушкина, а также лица, в той или иной степени причастные к дуэли и смерти поэта. На все эти трудности и намекает Тургенев в ответе Анненкову. Выполняя совет Тургенева, Анненков в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (на с. 428) подчеркнул, что есть «трогательная драма его кончины, описание которой заключено в письме В. А. Жуковского к отцу поэта». Само письмо Анненков напечатал в приложении IV к «Материалам...» (с. 446—456). Возможно, что не только Анненков, но и Тургенев знали, что в письме Жуковского содержалась намеренная фальсификация действительности — утверждение о «примирении» умирающего поэта с Николаем I. Но

это была официальная версия, и, приводя ее, Анненков, лишенный возможности дать истинное изложение событий, был избавлен от необходимости самому их искажать. Нельзя сомневаться и в том, что Анненков, лично знакомый со многими свидетелями и участниками событий последних месяцев жизни Пушкина, знал о событиях, предшествовавших дуэли, много такого, о чем в то время было невозможно говорить в печати.

[8] Тургенев имеет в виду свое письмо к Анненкову от 19 (31) октября 1852 г. (№ 227).

230. Н. А. Некрасову (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 116—117.

Стр. 157. Прекрасная фламандка (*франц.*).
Стр. 157. увы, увы и горе мне (*греч.*).

[1] Письмо Некрасова к Тургеневу от 21 октября (2 ноября) 1852 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 178—180).

[2] Это письмо Тургенева к Некрасову неизвестно.

[3] В письме Некрасова была фраза: «Я скоро буду тебе еще писать и пришлю тебе свои стихи, которые думаю поместить в 1-ый № Совр⟨еменника⟩» (*Некрасов*, т. 10, с. 180). Некрасов послал Тургеневу не «Стариков», появившихся в этой книжке журнала, а стихотворение «Муза», которое он предназначал туда же, но не осуществил своего намерения (см. письмо 235, примеч. 16).

[4] «Второе» письмо Тургенева к Некрасову, о котором здесь идет речь, неизвестно.

[5] Некрасов в указанном письме к Тургеневу писал: «...обрати внимание на повесть „Детство" в IX № — это талант новый и, кажется, надежный» (*Некрасов*, т. 10, с. 179). В девятой книжке «Современника» за 1852 г. повесть была напечатана под заглавием «История моего детства» и с подписью «Л. Н.». Некрасов считал ее автором графа Николая Николаевича Толстого, на имя которого Л. Н. Толстой просил посылать ему письма.

[6] Тургенев имеет в виду главу XXVI «Детства», в которой рассказывается о появлении в доме Иртеньевых молодой девушки, прозванной отцом рассказчика «La belle Flamande»; в следующей части трилогии она становится женою овдовевшего Иртеньева-отца.

[7] Речь идет о повести А. Ф. Писемского «M-r Батманов» (*Москв*, 1852, № 17—18). Некрасов писал Тургеневу, что Писемский представляется ему «*литературным городовым*, разрешающим все вопросы жизни и сердца палкой!» (*Некрасов*, т. 10, с. 179).

[8] «История Ульяны Терентьевны» была напечатана в восьмой книжке «Современника» за 1852 г. за подписью «Николай М.». Автором этой повести был П. А. Кулиш.

[9] Повесть «Яков Яковлич» того же автора появилась в десятой книжке «Современника». Отзыв Тургенева о ней см. в письме 235.

[10] Н. Ф. Щербина напечатал в «Москвитянине» (№ 19 за 1852 г.) лирическую сцену «Ифигения в Тавриде», написанную на тот же древнегреческий сюжет, что и одноименная трагедия Гёте, высоко ценимая Тургеневым (см. наст. изд., Письма, т. 1, письмо 64). Некрасов в ответном письме к Тургеневу от середины ноября 1852 г. писал: «О Щербине я с тобой совершенно согласен» (*Некрасов*, т. 10; с. 184).

[11] «Ифигения в Тавриде» была напечатана с послесловием и примечаниями автора. В примечаниях 5 и 6 объяснялось, что Елена — «жена спартанского царя, за которую, по преданию, возгорелась троянская война», и «Ахеи — греки. Так они большею частью называются в Илиаде» (*Москв*, 1852, т. V, № 19, с. 145). В послесловии же автор, между прочим, писал: «Междометия φεῦ, φεῦ,—οἴμοι, и т. п. (увы, увы мне! и проч.), так часто встречающиеся в греческих трагедиях, которые иногда одни составляют целый стих, автор позволил и себе употребить, заменив их междометиями: о, горе мне! горе!» (там же, с. 143).

[12] Под псевдонимом «Новый поэт» выступал в «Современнике» в качестве фельетониста И. И. Панаев. Отклик на «Ифигению в Тавриде» Тургенев смог прочитать очень скоро в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики», где говорилось, что «в лирическом стихотворении г. Щербины виден большой труд, а поэзии в нем мало» (*Совр*, 1852, № 11, отд. VI, с. 129).

[13] Тургенев имеет в виду письмо к нему Анненкова от 12 (24) октября 1852 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 1—3 об.).

[15] См. письмо 229, примеч. 7. Об окончании работы над «Материалами для биографии А. С. Пушкина» Анненков сообщил Тургеневу 4 ноября 1852 г. (см.: М о д з а л е в с к и й Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине.— В его кн.: Пушкин. Л., 1929, с. 293).

[15] Ответ на просьбу Некрасова в его письме от 21 октября 1852 г.: «Присылай свою статью о книге Аксакова» (*Некрасов*, т. 10, с. 179). Рецензия Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» была напечатана в первой книжке «Современника» за 1853 г.

[16] Основная причина заключалась в том, что Тургенев находился в ссылке.

[17] Речь идет о «Постоялом дворе», работу над которым Тургенев закончил 14 (26) ноября 1852 г. (см.: *Mazon*, р. 55). Писатель не решился, однако, опубликовать эту повесть немедленно, опасаясь цензуры. Она была напечатана в одиннадцатой книжке «Современника» за 1855 г. и все-таки с большими искажениями цензурного характера.

[18] Имеется в виду роман Готорна «Дом о семи шпилях» («The House of the seven gables»), перевод которого был напечатан в виде приложения к девятой и десятой книжкам «Современника» за 1852 г.

231. **Полине Виардо** (с. 158 и 397)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422.

Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «Oui» («Да» — *франц.*).

Впервые опубликовано (с некоторыми сокращениями): во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 25, 23 juin, р. 775 — 776; в русском переводе — Новое время, 1908, № 10872, 21 июля (4 июля), иллюстрированное приложение. Полностью во французском оригинале впервые опубликовано: *T*, *Quelques lettres*, р. 111 — 113.

[1] Записная книжка В. П. Тургеневой в печати неизвестна и, по-видимому, не сохранилась.

[2] О первой встрече с П. Виардо 1 (13) ноября 1843 г. в Петербурге, в доме Демидова на Невском проспекте, см. наст. изд., Письма, т. 1, № 54, примеч. 3.

[3] Намек на неопределенность будущего, связанную со ссылкой, срок которой не был определен и зависел от усмотрения III отделения.

[4] Опера Моцарта, в которой П. Виардо исполняла две партии: Церлины и Эльвиры.

[5] Сестра А. П. Тютчевой — К. П. Де Додт.

[6] «Жимназ» — театр в Париже.

[7] Сосед — владелец крепостного оркестра — лицо невыясненное.

[8] «Кориолан» — увертюра Бетховена к драме Генриха Коллина, написанная в 1807 г.

[9] Ср. письмо № 214, примеч. 13.

[10] Песня, приведенная Тургеневым во французском переводе, известна в ряде вариантов, записанных в разных местах. Значительное их число собрано и напечатано в издании А. И. Соболевского «Великорусские народные песни». СПб., 1895, Т. 1, с. 444 — 456, № 358—370. Песня, как видно из данных, сообщенных Соболевским, бытовала в местах, окружавших Спасское и знакомых Тургеневу по охотничьим поездкам. Текст, сообщенный во французском переводе Тургеневым, ближе всего к варианту № 359. Возможно, что Тургенев взял песню из старинных песенников, но очень вероятно, что он записал ее текст непосредственно от крестьян-исполнителей.

[11] См. письмо № 224, примеч. 5.

232. **С. И. Мещерской** (с. 161 и 399)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник был продан на аукционе в Париже 23 июня 1980 г.; в настоящее время его местонахождение неизвестно.

Впервые опубликовано: Cahiers Ivan Tourguénev, Pauline Viardot, Maria Malibran. P., 1982, N 6, p. 70—71.

[1] Письмо С. И. Мещерской, на которое отвечает Тургенев, неизвестно. Однако в одном из своих писем к писателю, относящихся еще к весне 1852 г. (см.: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 43, л. 17 об), она упоминала о том, что читала переписку Хореса Уолпола с г-жой Дю Дефан. Возможно, речь шла об издании: Lettres de la Marquise Du Deffand à Horace Walpole, augmentée des extraits des lettres d'Horace Walpole et précédée d'une notice sur Mme Du Deffand par A. Thiers. P., Ponthieu, 1824, 4 vol.).

[2] Речь идет о романе Н. Готорна «Алая буква» («The Scarlet Letter», 1850). Тургенев цитирует слова из XVI главы романа, где Готорн сравнивает жизнь маленькой Перл с ручейком, вдоль которого она идет по лесу. Тургенев, вероятно, читал этот роман в лондонском издании 1851 г., присланном ему С. И. Мещерской.

[3] Тургенев имеет в виду семью Ф. И. Тютчева. В одном из своих писем к Тургеневу Мещерская сообщала о выходке младших дочерей поэта, Екатерины и Дарьи, которые, узнав об аресте Тургенева, сбросили портрет Николая I с почетного места в шкаф для нижних юбок. См. об этом в статье Н. В. Измайлова «Тургенев и С. И. Мещерская» (*Т сб*, вып. 2, с. 238).

233. **Полине Виардо** (с. 163 и 400)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422.
Подлинник хранится в *Bibl Nat.*
Впервые опубликовано: *T, Lettres inéd*, p. 61—63.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Произведений Расина в библиотеке Тургенева (Гос. музей И. С. Тургенева, Орел) в настоящее время нет.

[3] Речь идет об А. С. Комарове, у которого Тургенев познакомился с Л. Виардо 28 октября ст. ст. 1843 г. в Петербурге (см. письмо 156).

[4] Эти сведения противоречат газетным рецензиям того времени. Так, в частности, «С.-Петербургские ведомости» в обзоре «Итальянская опера» писали: «Как справлялись певцы нынешнего сезона со своими приобретениями, можно судить по тому, что пока еще ни одна опера у нас не упала. Напротив, всё шло кругло, ровно, везде ensemble, можно сказать, отличительные качества нашего настоящего сезона» (1853, № 12, 16 января).

[5] Инициатива поездки с гастролями в Россию в сезон 1852/53 г. принадлежала самой П. Виардо. 11 ноября 1852 г. она писала Матв. Ю. Виельгорскому: «Мне пришло в голову поехать приветствовать моих друзей в Санкт-Петербурге. Что вы об этом скажете? Как вы думаете, можно ли было бы что-нибудь сделать — или в конце сезона, или в великом посту?» (*Муз Насл*, т. 2, ч. 2, с. 97, пер. с франц.). В другом письме к нему же от 12 декабря 1852 г. П. Виардо благодарила его за содействие в заключении с ней контракта директором императорских театров А. М. Гедеоновым (там же, с. 98—99).

[6] «Пророк» был впервые поставлен на петербургской сцене 20 февраля 1853 г., по требованию цензуры — под названием «Осада Гента, или Испанцы во Фландрии». «С.-Петербургские ведомости» поместили подробный отчет о представлениях этой оперы (№ 74, 3 апреля), с восхищением отзываясь об исполнении П. Виардо партии Фидес. В письме к Матв. Ю. Виельгорскому от 11 ноября 1852 г. П. Виардо также интересовалась постановкой этой оперы в Петербурге: «Ответьте мне откровенно, будут ли ставить у вас „Пророка“?» (*Муз Насл*, т. 2, с. 97, пер. с франц.).

[7] Тургенев цитирует стихотворение Д. Г. Россетти «The Card-Dealer, or Vingt et-Un» (Картежник, или Двадцать одно»), напечатанное в «Athenaeum» (1852, № 1304) за подписью «Н. Н. Н.» См.: Waddington Patrick. Turgenev's relations with Henry Fothergill Chorley (with an unpublished letter). — *New Z Sl j*, 1978, № 2, p. 32.

[8] Тургенев цитирует по памяти строку из «Оды к соловью» («Ode to the Nightingale») Дж. Китса (1819). Суждение в этой связи Байрона было приведено Ли Хантом, см.: Hunt Lee. Lord Byron and somes of his contemporaries. Paris, 1828. V. 2, p. 161. О полемике Байрона с Китсом см.: Дьяконова Н. Я. Лондонские романтики и проблемы английского романтизма. Л.: ЛГУ, 1970, с. 206.

[9] Это первое дошедшее до нас сведение о планах писателя перевести «Дон-Кихота». Позднее о своем намерении приняться за перевод Сервантеса Тургенев сообщал также П. В. Анненкову (см. письмо 295). Перевод «Дон-Кихота» Тургенев не осуществил. В 1860 г. им была закончена статья «Гамлет и Дон-Кихот», задуманная еще в начале 1850-х гг.

[10] 14 (26) ноября 1852 г. была закончена работа над «Постоялым двором». См. также письмо 230, примеч. 17.

[11] Возможно, речь идет о В. В. Каратееве. В предисловии к собранию романов в издании 1880 г. Тургенев писал: «Каратеев был романтик, энтузиаст, большой любитель литературы и музыки». Каратеев — автор незавершенной и неопубликованной повести «Московское семейство», которая легла в основу сюжета романа Тургенева «Накануне» (см.: *Анненков*, с. 427—428). В письме к П. Виардо от 4 (16) февраля 1853 г. Тургенев подробно описывает впечатления от концерта в усадьбе Каратеева. См. письмо 263.

[12] См. письмо 263, примеч. 5.

234. А. А. Краевскому (с. 166)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 171.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 20—21.

[1] Письмо, за которое Тургенев благодарит Краевского, неизвестно.

[2] Речь идет о комедии К. Н. Леонтьева «Женитьба по любви» (см. письмо 177, примеч. 5).

[3] Первое письмо Тургенева к Л. Н. Толстому написано три года спустя, 3 (15) октября 1855 г. Личное их знакомство состоялось 19 ноября (1 декабря) 1855 г., в день приезда Толстого в Петербург из Крымской армии.

[4] Краевский давал Тургеневу на отзыв перевод «Лаокоона» Лессинга. Автор перевода неизвестен, так как в «Отечественных записках» он напечатан не был.

235. Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву (с. 167)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 3—4.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 117—118.

Стр. 167 обозреватель (*англ.*).

[1] Повесть Николая М. (псевдоним П. А. Кулиша). Ироническим упоминанием «смехов, смешанных со слезами», Тургенев причисляет автора «Якова Яковлича» к многочисленным эпигонам Гоголя.

[2] Тургенев высоко ценил первое произведение Толстого — «Историю моего детства» («Детство»), см. письмо 230.

[3] См. письмо 230, примеч. 8.

[4] «Дом о семи шпилях», см. письмо 230, примеч. 18.

[5] Статья Е. Ф. Корша «Япония и японцы» (*Совр*, 1852, № 9—12). Некрасов писал Тургеневу в середине ноября этого же года: «Читай в „Совр⟨еменнике⟩“ статью об Японии — я редко над чем так смеялся, как над некоторыми чертами этого милого народа» (*Некрасов*, т. 10, с. 185).

[6] Речь идет о критической статье А. Афанасьева «История России с древнейших времен. Соч. Сергея Соловьева. М., 1851. Т. 1» (*Совр*. 1852, № 10, отд. III, с 17—36), в которой автор ссылается на свою работу «Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк» (*Отеч Зап*, 1852, № 1).

[7] Раздел «Критика» (*Совр*, 1852, № 10) состоял из одной статьи А. Афанасьева. Тургенев, возможно, называет «критикой» отдел IV журнала — «новые книги», т. е. библиографический обзор, со-

стоявший в октябрьской книжке из 25 заметок смешанного содержания.

[8] Раздел «Современные заметки. Хроника петербургских новостей и увеселений» (*Совр*, 1852, № 10, отд. VI, с. 214—238).

[9] Новый поэт — И. И. Панаев. Имеются в виду «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русского фельетона» (*Совр*, 1852, № 10, отд. VI, с. 239—255).

[10] Имеются в виду письма Некрасова от 21 октября и середины ноября ст. ст. 1852 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 178—180, 182—185). Письма или письмо Панаева к Тургеневу неизвестны.

[11] См. письмо 230, примеч. 15.

[12] В это время И. Ф. Миницкий находился в Одессе, и Тургенев звал его оттуда в Спасское, предлагая ему быть своим секретарем (см. письмо 222).

[13] Рецензия на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова была послана Тургеневым Некрасову вместе с письмом от 16 (28) декабря 1852 г. (№ 240).

[14] Эти статьи не были написаны.

[15] Имеется в виду сообщенный Тургеневу Панаевым в не дошедшем до нас письме план фельетона «Канун нового, 1853 года. Кошемар, в стихах и прозе, Нового поэта», опубликованного позднее: *Совр*, 1853, № 1, отд. VI, с. 98—125.

[16] Речь идет о стихотворении Некрасова «Муза» (1851). Тургенев имеет в виду четыре стиха, бывшие в рукописи после стиха «И юношеских лет прекрасные мечты»:

По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которым никогда
Свершиться не дано — и верная беда...

При напечатании стихотворения в первой книжке «Современника» за 1854 г. Некрасов отбросил эти стихи, может быть, вследствие замечания Тургенева (см.: *Некрасов*, т. 1, с. 444; т. 10, с. 183).

[17] В письме от середины ноября ст. ст. 1852 г. Некрасов сообщал Тургеневу: «Здоровье мое необыкновенно скверно» (*Некрасов*, т. 10, с. 183).

236. К. Н. Леонтьеву (с. 168)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4855/6, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 70—71.
Стр. 168. ясность духа (*нем.*).

[1] Повесть Леонтьева «Немцы» не была пропущена петербургской цензурой и в «Отечественных записках» не появилась. См. письма 250, 258, 272.

[2] Тургенев не мог прямо написать Леонтьеву о том, что его жизнь в Спасском-Лутовинове является ссылкой.

[3] Имеется в виду Н. Х. Кетчер.

237. С. Т. Аксакову (с. 170)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 5.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 337—338.

[1] Это письмо С. Т. Аксакова к Тургеневу см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 433—485.

[2] Рецензия Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» была отправлена им в редакцию «Современника» лишь 16 (28) декабря 1852 г. (см. письмо 240).

[3] Речь идет об И. Ф. Миницком, которого Тургенев приглашал к себе в секретари: Миницкий, получив должность надзирателя в Одесской гимназии, предпочел остаться там. В течение октября-ноября 1852 г. Тургенев в Спасском-Лутовинове ожидал его приезда (см. письмо 235, примеч. 12).

[4] Речь идет о том письме К. С. Аксакова к Тургеневу, которое было отправлено, очевидно, одновременно с письмом С. Т. Аксакова от 29 октября (10 ноября) 1852 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 481—483). Тургенев ответил К. С. Аксакову лишь 16 (28) января 1853 г.

[5] Работа над повестью «Постоялый двор» была окончена Тургеневым, как это видно из пометки на рукописи, 14 (26) ноября 1852 г. (см.: *Mazon*, p. 55).

[6] С. Т. Аксаков ознакомился с повестью «Постоялый двор» очень нескоро. В письме к Тургеневу от 22 января (3 февраля) 1853 г. он сообщал: «Вашего „Муму" Кетчеру я отдал, но „Постоялого двора" от него не получил: он просил отсрочки на неделю». О безуспешной попытке достать повесть С. Т. Аксаков писал автору и 27 февраля (11 марта) того же года; лишь в письме от 10 (22) марта сказано, что «Постоялый двор» наконец получен. Свое вполне положительное мнение о «Постоялом дворе» С. Т. Аксаков изложил в письмах к Тургеневу от 10 и 14 марта ст. ст. 1853 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 8, 19, 26, 31—33).

[7] В ответном письме 1 (13) января 1853 г. С. Т. Аксаков сообщал Тургеневу о тех цензурных изъятиях, которым подверглась его «Биография М. Н. Загоскина», опубликованная в первой книжке «Москвитянина» за этот год (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 12).

238. Д. Я. Колбасину (с. 171)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6700, 23 октября (4 ноября).

[1] Д. Я. Колбасин незадолго до этого приезжал из Петербурга в Спасское. Поручение, данное ему писателем, касается музыкальных произведений Гуно, которые Тургенев выписывал из Парижа через П. Виардо для распространения в России. См. письма 156, примеч. 9, и 160, примеч. 3.

[2] Сцена «Вечер в Сорренте» была закончена в Петербурге 10 (22) января 1852 г. Где находится рукопись, о которой идет речь, в настоящее время неизвестно.

[3] Речь идет, очевидно, о рукописном экземпляре «Психологии» (или «Записок слепца»), автором которой был слепец-математик М. А. Серебряков. О Серебрякове Тургенев мог знать и раньше, так как в «Москвитянине» не раз появлялся материал об этом замечательном самоучке. В частности, в одной из заметок автор ее — С. Ш. (С. П. Шевырев),— рассказывая о встрече с М. А. Серебряковым, писал: «Он принес мне ⟨...⟩ отрывки из своей Психологии, которою занимался он уже давно...» (*Москв*, 1848, № 1, отд. «Науки», с. 39. См. также: Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Ч. I, с. 99; эта книга была в библиотеке Тургенева).

239. А. Я. Тургеневой (с. 172)

Печатается по подлиннику: Куйбышевский музей краеведения.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. II, с. 91—92.

[1] Упоминаемая записка к Н. Х. Кетчеру неизвестна.

[2] Речь идет о копии рассказа «Муму», которую Кетчер должен был вернуть Тургеневу (см. письмо 243). Рассказ «Муму» и повесть «Постоялый двор», написанные весной и осенью 1852 г., Тургенев пересылал до напечатания на прочтение своим друзьям — Аксаковым, Анненкову, Боткину, Феоктистову (см. письма 237, 243, 244).

[3] Очевидно, имеется в виду отъезд А. Я. Тургеневой в Москву па зимнее время.

240. Н. А. Некрасову (с. 172)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 5—6.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 118—119.

[1] Некрасов в ответном письме от 20 января (1 февраля) 1853 г. писал Тургеневу, что нашел эту рецензию (на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии») «легкою и живою, насколько подобает статейке такого рода, а другие находят даже прекрасною во всех отношениях...» (*Некрасов*, т. 10, с. 187).

[2] Предположения Тургенева оказались справедливыми. Цензура не пропустила в его рецензии довольно большой отрывок, содержащий рассуждения о природе. Позже текст его (от строки «Между тем такого рода воззрение» до строки «Если только „через любовь“ можно приблизиться» и далее: от «Автор перенес в изображение» — до «Если б тетерев») был послан Тургеневым С. Т. Аксакову в виде приложения к письму от 5, 9 (17, 21) февраля 1853 г. (№ 265). В статью этот отрывок включен был лишь в советское время (см.: *Т*, *Сочинения*, т. 12, с. 157—158).

[3] Рецензия была опубликована в январской книжке «Современника» за 1853 г. (№ 1, отд. III, с. 33—44) с подписью: И. Т.

[4] Тургенев имеет в виду рассказ А. В. Дружинина «История одной картины» (*Совр*, 1852, № 11, отд. I, с. 5—28).

[5] Тургенев говорит о комедии в одном действии, в стихах, А. М. Жемчужникова «Сумасшедший» (см.: *Совр*, 1852, № 11, отд. I, с. 29—60). Некрасов в письме от середины ноября 1852 г. рекомендовал ее Тургеневу как «недурную» (*Некрасов*, т. 10, с. 184).

[6] Перевод отрывка из «Книги снобов» («The Book of Snobs») Теккерея был опубликован под названием «Английские снобсы» в приложении к одиннадцатой книжке «Современника», без указания фамилии переводчика.

[7] Имеется в виду статья «Граф Альфред д'Орсэ» (пер. с англ.): *Совр*, 1852, № 11, отд. VI, с. 34—49. Здесь рассказывается о том, что Альфред д'Орсэ по возвращении на родину «вступил в службу и в 1822 году был с войском в Валенсии», где и повстречался с леди Блессингтон. Последняя же в своих записках, по словам переводчика статьи, «с удовольствием вспоминает, что в гарнизоне Валенсии был молодой артиллерийский офицер, по имени Наполеон Бонапарте, и что в нем она искала первых проблесков будущего императора». В действительности Наполеон был в Валенсии (Валанс) в 1785—1786 гг. (и недолго в 1788 г.), а в 1822 г. его уже

не было в живых. Тургенев говорит о неточностях перевода, в результате которых получилась эта хронологическая путаница.

[8] В статье цитируется письмо А. д'Орсэ, в котором он, говоря о «...статейке „Панча"» (имеется в виду лондонский сатирический журнал «Punch», который издавался при участии Теккерея), замечает: «...она мне показалась очень забавною, очень кстати, and very good natured to me» (и очень благожелательной по отношению ко мне — *англ.*) (*Совр*, 1852, № 11, отд. VI, с. 44).

[9] Речь идет об анонимных переводчиках «The Book of Snobs» Теккерея и статьи «Граф Альфред д'Орсэ».

[10] В «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» содержалась язвительная критика пьесы «Одаренная» («драматической фантазии» Е. П. Ростопчиной) (*Б-ка Чт*, 1852, т. 115, отд. 1, с. 101—206). Нина и студент — герои этого произведения. Новый поэт иронически передает содержание пятой картины «Одаренной», в частности сцену «воскрешения» умершей Нины:

«На кладбище приходят ваятель и студент. Они хотят овладеть трупом Нины... вдруг Нина воскресает и восклицает:

„— Кто я? где?"

Студент и ваятель берут ее под руку, а она, защищаясь, говорит:

„— Кто вы? Кто вы? Кто я? И где я?.."

„— Вы нездоровы?" — замечает студент.

„— Ах! я умерла!" — кричит Нина и бросается в реку» (*Совр*, 1852, № 11, отд. VI, с. 126).

[11] Тургенев имеет в виду статью «Бомарше. Его жизнь, произведения и время» (автором ее был Ломени), перевод которой появился в «Современнике» (№ 11, отд. VI, с. 50—97). В ней говорится о раннем периоде жизни и деятельности французского драматурга, когда он был часовщиком при королевском дворе, и приводится письмо Бомарше, в котором рассказывается о маленьких часах с двумя циферблатами, сделанными им для «его высочества» (т. е. сына Людовика XV, будущего короля Людовика XVI). «Часы эти он ⟨король⟩ хочет подарить г-же Виктуар»,— пишет переводчик, цитируя письмо Бомарше (с. 97). Так как речь идет о принцессе, то титул «Madame» (с именем) нельзя было перевести «г-жа» (т. е. «госпожа» Виктуар — как бы с фамилией), следовало — «принцессе Виктории», как и указывает Тургенев.

[12] Статья Е. Ф. Корша «Япония и японцы». См. письмо 235, примеч. 5.

[13] Этот отзыв Тургенева относится к статье А. Н. Майкова «Большая выставка в императорской Академии художеств» (*Совр*, 1852, № 11, отд. II, с. 77—86).

[14] В разделе «Критика» «Современника» (1852, № 11, отд. III, с. 1—18) была напечатана большая рецензия А. Георгиевского на «Пропилеи», сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым (М., 1852. Кн. 2).

[15] «Библиографией» был назван в оглавлении «Современника» раздел, в котором сообщались известия о вновь вышедших книгах (отд. IV, с. 1—24).

[16] Тургенев имеет в виду одно место в своей рецензии на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». Говоря здесь о пистонницах «английского изобретения», Тургенев заметил, что «это чрезвычайно удобно и очень просто, как... Паскалева тачка» (*Совр*, 1853, № 1, отд. III, с. 36). О том,

что Паскаль изобрел тачку, Тургенев мог узнать, например, из статьи И. Бутовского «О жизни Паскаля и его сочинениях», автор которой сообщал, что одна из машин, изобретенных Паскалем, «есть род движущегося стула об одном колесе, и в употреблении известна под названием тачки...» (см.: Мысли Паскаля. Пер. с франц. И. Бутовский. СПб., 1843, с. X).

[17] Имеется в виду, очевидно, вторая рецензия на книгу Аксакова в виде «письма к одному из издателей „Современника"», которую Тургенев не написал.

241. **Д. Я. Колбасину** (с. 173)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6700, 23 октября (4 ноября).

[1] Это письмо Д. Я. Колбасина к Тургеневу неизвестно.

[2] Речь идет о рукописи М. А. Серебрякова «Записки слепца» («Психология»), о которой см. также в письме 238, примеч. 3. К. Д. Кавелин 5 мая 1860 г. писал А. В. Дружинину: «Вся его ⟨М. А. Серебрякова⟩ претензия ограничивается тем, чтоб любимое его сочинение — записки слепца — род автобиографии, было напечатано...» (*Письма к Дружинину*, с. 136).

[3] Тургенев имеет в виду свое письмо к Д. Я. Колбасину от 13 (25) декабря 1852 г. (см. письмо № 238).

[4] «Вечер в Сорренте».

[5] Отвечая на это письмо, Д. Я. Колбасин сообщал Тургеневу 2 января 1853 г.: «Не могу не поделиться с Вами новостью, от которой весь Петербург пришел в восторг,— M-me Виардо приехала и завтра будет играть в роли Розины ⟨в „Севильском цирюльнике" Россини⟩ — а в бенефис ее будет дан „Профет" ⟨т. е. „Пророк" Мейербера⟩» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 1).

[6] В письме от 2 января 1853 г. Д. Я. Колбасин сообщал Тургеневу: «...теперь я кончаю диссертацию» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 1 об.).

[7] Е. Я. Колбасин впоследствии выступал в качестве прозаика, но не драматурга, как советовал ему Тургенев.

242. **И. Ф. Миницкому** (с. 174)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека, инв. № 121298, л. 6—7.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 630.

243. **Е. М. Феоктистову** (с. 175)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 154—156.

Стр. 176. устами младенцев глаголет истина (*франц.*).
Стр. 177. рукопожатие (*франц.*).
Стр. 177. Прощайте (*итал.*).

[1] Эта записка Тургенева к Феоктистову неизвестна.

[2] Это письмо Тургенева к Феоктистову неизвестно. Отвечая на настоящее письмо, Феоктистов писал 8 января ст. ст. 1853 г. из Симферополя: «Письмо Ваше застало меня в ту самую минуту,

когда я писал Вам возражения против неосновательно приписываемой Вами мне способности обижаться безобидными письмами» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 53).

[3] Тургенев имеет в виду письма к нему: Феоктистова от 5 декабря 1852 г. из Крыма (*ИРЛИ*, ф. 166. ед. хр. 1539, л. 49—52) и гр. Е. В. Салиас от декабря того же года (*ИРЛИ*, № 5850, л. 15—16).

[4] Письма Тургенева к гр. Е. В. Салиас де Турнемир неизвестны (за исключением отрывка одного из них, о котором и идет речь — см. № 245).

[5] Тургенев намекает на свое положение ссыльного.

[6] Феоктистов в письме к Тургеневу от 5 декабря 1852 г., сообщая о своей жизни в Крыму, между прочим писал: «Дикий хохот Кетчера, дешевое и бесполезное коварство Фролова, цинизм В. П. Б⟨откина⟩ — какая отрада быть далеко от всех этих прелестей!» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 50).

[7] В ответном письме от 8 января ст. ст. 1853 г. Феоктистов писал: «...„призвание“ свое я уже давно понял. Таланта литературного у меня нет; страсть к историческим занятиям большая. Собственно „ученого“ из меня никогда не выйдет, ибо во мне нет силы на кропотливый труд... но, несмотря на то, занятие историей и, след⟨овательно⟩, литературою (то есть, историею ее) я не оставляю...» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 54 об.— 55). Этот отрывок из письма приведен в статье Л. Н. Майкова «Е. М. Феоктистов» (некролог), опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» (1898, № 8, отд. 4, с. 31).

[8] Феоктистов лишь 15 июня 1853 г. сообщил Тургеневу: «Милый Иван Сергеевич — искренно благодарю Вас за удовольствие, которое Вы мне доставили присылкою вашей повести. Я прочел ее с большим вниманием и в целом был очень ею удовлетворен. Вообще об ней стоит много поговорить. Характеры в „П⟨остоялом⟩ д⟨воре⟩“ вышли очень определенны, ярки,— нет в изображении их ваших прежних несколько хитростных замашек...» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 72).

[9] Это ответ на сетования Феоктистова в письме от 5 (17) декабря 1852 г. о том, что он список «Муму» еще не получил (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 51 об.).

[10] 8 января ст. ст. 1853 г. Феоктистов писал Тургеневу: «Я еще сердит на вас за то, что в Москве вы не сказали мне, что написали первую часть вашего романа ⟨„Два поколения“⟩. Я не знаю, правда ли это, но Шумский мне говорил за верное...» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 51 об.).

[11] Ответ на следующее место из письма Феоктистова к Тургеневу от 8 января ст. ст. 1853 г.: «Ах! забыл совсем — еще в бытность мою в Калуге я видел там страшнейшего хлыща, как выражается И. И. Панаев, некоего г. Бокара, инженерного офицера, который говорит, что он был, кажется, воспитан вашей матерью, и уверял, что он первый ваш друг. Объясните эту загадку...» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 51 об.).

[12] Феоктистов в письме к Тургеневу от 8 января ст. ст. 1853 г. сообщал: «Прочел я, между прочим, всего (!) вашего другого любимца Юма,— и, по крайнему разумению моему, опять-таки убедился, что манера его далеко не может прельщать в наше время. Видно усилие сохранить тон древних, но неужели вы полагаете, что новый историк имеет ту же самую задачу, как древние. Без сомнения, в их руках исторический рассказ достиг до художественной обработки,

но надо обращать внимание на *область* истории в их время и в наше» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 52). Тургенев «хвалил» Юма, очевидно, в одном из не дошедших до нас писем к Феоктистову или в разговоре с ним.

[13] «Записки охотника» (см. письмо 245, примеч. 3).

[14] Тургенев имеет в виду недавно законченную им повесть «Постоялый двор» и роман «Два поколения», над которым он в это время усиленно работал.

[15] П. В. Анненков в Спасское-Лутовиново в 1852—1853 гг. не приезжал.

[16] Этот вопрос находится в связи с тем обстоятельством, что Феоктистов и гр. Е. В. Салиас, очевидно, уже в это время думали о возможной встрече с Тургеневым на пути из Крыма в Москву, в Орле. Подтверждением служит письмо Феоктистова, относящееся к более позднему времени, от 26 июля 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 74).

[17] «Между небом и землей» — первая строка стихотворения Н. В. Кукольника, на текст которого М. И. Глинка написал романс «Жаворонок». Приводя эти слова, Тургенев, вероятно, имел в виду свое положение ссыльного без срока и неопределенность будущего.

244. И. С. Аксакову (с. 177)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ГАИС/III, I. 31, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Труды ГБЛ*, вып. 4, с. 221—222.

[1] Это письмо И. С. Аксакова к Тургеневу напечатано: *Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 475—478.

[2] Любозвонов — один из персонажей рассказа «Однодворец Овсянников», славянофильствующий помещик; в лице его дано памфлетное изображение К. С. Аксакова. И. С. Аксаков сетовал, что эпизод с Любозвоновым не был выкинут писателем из текста рассказа при подготовке к печати отдельного издания «Записок охотника».

[3] См. письмо 214, примеч. 12.

[4] Тургенев имеет в виду следующее место из первопечатного текста рассказа «Хорь и Калиныч»: «В десяти верстах от усадьбы находилось дотла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владелец этого села ходил, вероятно, потехи ради, в мурмолке, и рубашку носил с косым воротником. Думаете ли вы, что Хорь промолчал об этой мурмолке, что эта мурмолка его ослепила? Как бы не так!...» (*Совр*, 1847, № 1, отд. IV, с. 62). При подготовке текста «Хоря и Калиныча» для первого издания «Записок охотника» (1852) Тургенев эти строки выбросил, так как в них содержался намек на К. С. Аксакова.

[5] Т. е. о К. С. Аксакове. Рассказы «Хорь и Калиныч» и «Однодворец Овсянников» писались в 1846 и 1847 гг., в период наибольшей близости Тургенева с Белинским и борьбы последнего со славянофилами, до сближения автора «Записок охотника» с семьей Аксаковых.

[6] Отзыв И. С. Аксакова о «Записках охотника», содержавшийся в его письме к Тургеневу от 4 октября 1852 г., был в общем положительным. В частности, он отмечал, что это «стройный ряд нападений, целый батальный огонь против помещичьего быта. Всё это дает книге огромное значение, независимо от ее литературного до-

стоинства». Но, с другой стороны, И. С. Аксакову казалось, что в «Записках охотника» встречаются очень часто «натянутые сравнения... претенциозные остроты... изысканная наблюдательность» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 476).

[7] Тургенев имеет в виду свое письмо к К. С. Аксакову от 16 (28) октября 1852 г.

[8] Повесть «Муму» Тургенев написал, когда находился под арестом (в конце апреля — мае 1852 г.), и послал ее И. С. Аксакову для II тома «Московского сборника», который был, однако, запрещен цензурой. В силу этого повесть была напечатана лишь в 1854 г., в третьей книжке «Современника». Недовольство Тургенева этим произведением вызвано тем, что он видел и здесь следы той самой «старой манеры», которая была характерна для него в период создания «Записок охотника». В конце 1852 г., когда Тургенев мечтал о создании романа, он склонен был преувеличивать недостатки своих более ранних вещей.

[9] Свое положительное мнение о «Постоялом дворе» И. С. Аксаков подробно высказал в письме к Тургеневу от 11 (23) марта 1853 г. К оценке этой повести И. С. Аксаков подошел, однако, со славянофильской точки зрения, с которой Тургенев не мог согласиться (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 27—28). О «Постоялом дворе» см. заметку «Цензурный экземпляр „Постоялого двора“ Тургенева» (Красная газета, 1927, № 200 (1518), 27 июля, веч. выпуск) и статью Л. Н. Назаровой «„Постоялый двор“ И. С. Тургенева. (К истории первой публикации повести)» (в сб.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 158—165).

[10] В письме к Анненкову от 10 (22) января 1853 г., касаясь «Постоялого двора», Тургенев снова указывал на то, что он не сомневается «в важности математической верности действительности — в подобных произведениях...» (письмо 248).

[11] См. письма № 237, примеч. 6, и № 254, примеч. 8.

[12] И. С. Аксаков писал Тургеневу 4 (16) октября 1852 г. по поводу «Муму»: «Мне нет нужды знать: вымысел ли это или факт, действительно ли существовал дворник Герасим или нет. Под дворником Герасимом разумеется иное. Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений... Он, разумеется, со временем заговорит, но теперь, конечно, может казаться и немым, и глухим...» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 475—476). Вряд ли Тургенев был согласен с первой частью этого отзыва своего корреспондента, так как не разделял его славянофильских взглядов. И если он писал И. С. Аксакову, что тот верно понял «мысль „Муму“», то имел в виду лишь те его суждения, в которых содержалась вера в будущее русского народа, который «со временем заговорит».

[13] Роман — «Два поколения».

[14] Рассказ «Переписка», задуманный еще в 1844 г., был закончен лишь 8 декабря 1854 г. (см. запись на черновом автографе — *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 1261) и опубликован в январской книжке «Отечественных записок» за 1856 г.

[15] Тургенев намекает на то, что он находится в ссылке. В «Ведомости о находящихся под надзором полиции в Орловской губернии», начатой 2 января 1853 г., под № 27 имеется следующая запись: «Мценский помещик, коллежский секретарь Иван Тургенев. По высочайшему повелению выдержан за ослушание ‹...› под арес-

том и выслан из С.-Петербурга, под надзором состоит со 2 июня 1852 года» (А л е к с и н а Р. Языком документа. — Орлов. правда, 1978, 30 декабря).

[16] Рецензия Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова была напечатана в январской книжке «Современника» за 1853 г.

[17] Никакой другой статьи о книге С. Т. Аксакова Тургенев не написал.

[18] Тургенев имеет в виду то место в своей рецензии на книгу С. Т. Аксакова, где идет речь об описаниях природы у разных писателей. Автора «Записок ружейного охотника», вместе с Пушкиным, Гоголем и Шекспиром, он относит к ряду писателей с «истинными и сильными талантами», которые «великими и простыми словами» передавали «простоту и величие» природы. Самого себя Тургенев, как это видно из данного письма, причислял к тем писателям, о которых писал в рецензии, что они способны подмечать лишь многие оттенки, частности, но «большие линии картины от них либо ускользают, либо они не имеют довольно силы, чтобы схватить и удержать их».

[19] См. письмо 252.

[20] И. С. Аксаков 4 (16) октября 1852 г. писал Тургеневу: «Григорович, желая вывести на сцену русского мужика *вообще*, заставляет его говорить рязанским наречием, вы — орловским, Даль — винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную...» (*Рус Обозр*, 1894, № 8, с. 477).

245. Е. В. Салиас де Турнемир (с. 179)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795 (И. С. Тургенева), № 60, л. 1. Начало письма отсутствует, так как верхняя половина листа отрезана.

Впервые опубликовано: *Сб ГПБ, 1955*, с. 70.

Датируется 28—31 декабря 1852 г. по сопоставлению с тем, что Тургенев писал Е. М. Феоктистову 27 декабря 1852 г. Он сообщал, что накануне получил два письма (от Феоктистова и от Е. В. Салиас) и что последняя на днях получит от него ответное письмо. Вместе с тем писатель подчеркивал, что будет «писать к графине» не «сегодня» (см. письмо 243).

[1] Тургенев намекает на свое положение человека, высланного из столицы в деревню.

[2] 5 (17) декабря 1852 г. Феоктистов сообщал Тургеневу: «Что сказать Вам о себе. Увы! главное дело моей жизни — уменьшение моей тучности — не подвигается ни на шаг вперед» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 49).

[3] Это — ответ на следующую фразу из письма Е. А. Салиас к Тургеневу: «Дети мои с ума сходят от „Записок охотника" и уже едва ли не в третий раз перечитывают их. Полагаю, что комплимент был бы не слишком мил — но вы сами знаете, что большие чаще и больше детей читают эту книгу...» (см.: *Т и круг Совр*, с. 158). У Е. В. Салиас де Турнемир было трое детей: сын — Евгений Андреевич и дочери — Ольга и Мария Андреевны.

246. Е. М. Феоктистову (с. 179)

Печатается по копии, включенной в текст «Записок» Е. М. Феоктистова: *ИРЛИ*, № 9123, тетрадь 7, л. 9.

Впервые опубликовано: *Т сб* (*Кони*), с. 179—180. Представляет собой отрывок из письма Тургенева к Феоктистову.

Подлинник неизвестен.

В «Записках» Феоктистова письмо датировано 6 марта 1853 г. Однако эта дата вызывает сомнение. По-видимому, письмо относится ко второй половине 1852 г. В марте 1853 г. Тургенев не мог писать Феоктистову: «...вы напрасно думаете, что я скучаю в деревне»,— так как последний в это время и не предполагал ничего подобного. Наоборот, уже в письме к Тургеневу от 8 января ст. ст. 1853 г. Феоктистов писал: «Я очень рад, что вы также примиряетесь с уединением,— *временами* — это превосходное дело и поднимает много человека» (*ИРЛИ*, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 54 об.). А 4 февраля того же года снова подчеркивал: «Я очень рад, что вы не скучаете собственно от деревенской жизни,— по крайней мере, хорошо, что вы много там делаете» (там же, л. 59).

247. Полине и Луи Виардо (с. 180 и 402)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма пометы рукой П. Виардо: «Peut-être» («может быть» — *франц.*, *зачеркнуто*), «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ*, 1911, № 9, с. 219—220; во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 70.

[1] П. Виардо вместе с мужем приехала на гастроли в Петербург 29 декабря 1852 г.; сообщение о прибытии «давно ожидаемой гостьи» напечатано в «Северной пчеле» 31 декабря 1852 г.

[2] Эта неопубликованная записка П. Виардо от 27 декабря 1852 г. хранится в *Bibl Nat* (см. об этом в примеч. А. Звигильского: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1. p. 70).

[3] В последние месяцы 1852 г. Тургенев написал повесть «Постоялый двор» и критическую статью о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова, работал над романом «Два поколения» и над несколькими статьями (об Андре Шенье, о Мерке, о русских романах), которые, однако, не закончил; эти статьи до нас не дошли.

248. П. В. Анненкову (с. 180)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 7, № 104а, л. 1—2 об.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 5, с. 267—269.

[1] Это письмо является ответом на письмо Анненкова от начала января 1853 г., в котором содержится разбор «Постоялого двора» (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л 8—11). Работа над повестью была окончена 14 (26) ноября 1852 г. (см.: *Mazon*, p. 55), но опубликована она была только в 1855 г. (*Совр*, № 11), с изменениями, которые Тургенев внес в текст по советам друзей, в том числе Анненкова, а также по требованию цензуры. См. заметку «Цензурный экземпляр „Постоялого двора“ Тургенева» (Красная газета, 1927, № 200 (1518), 27 июля, веч. выпуск) и статью Л. Н. Назаровой «„Постоялый

двор“ И. С. Тургенева. (К истории первой публикации повести)» (в сб.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 158—165).

[2] Речь идет об издании Анненковым «Сочинений Пушкина».

[3] Роман — «Два поколения».

[4] В указанном выше письме Анненков заметил Тургеневу: «Акима в одном месте везут к становому, а рассказ отнесен за 20 лет, когда, кажется, становых не было» (*ИРЛИ*, № 7, л. 9 об.). Писатель учел это замечание при подготовке «Постоялого двора» к опубликованию в «Современнике».

[5] Анненков, высоко оценивший «Постоялый двор», писал Тургеневу: «Это вещь зрелая, обдуманная, спокойно выполненная и потому весьма замечательная, гораздо более замечательная, чем „Муму“, да, по моему мнению, и все прежние ваши рассказы. Еще ни в одном из них не было столько *драмы*» (см. в сб.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков, с. 158—159). По мнению Анненкова, Тургеневу, который взял материал для своей повести из самой действительности, от «самого безобразного начала, от противоречий нестерпимых, нечеловеческих» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 34), удалось эти вещи нечеловеческие рассказать «по-человечески, просто и прилично...» (*ИРЛИ*. ф. 7, л. 8 об.).

[6] Тургенев говорит о своем «положении» ссыльного, особенно ухудшившемся с тех пор, как в декабре 1852 г. ему был запрещен выезд из Спасского даже в другие его имения, Тульской и Тамбовской губерний, для участия в дворянских выборах (*ИВ*, 1907, № 2, с. 566).

[7] Отзыв Анненкова о романе «Два поколения» см. в его письмах к Тургеневу от 12 (24) июня и 6 (18) июля 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 489—491; первое из этих писем опубликовано с ошибочной датой — 1 июня).

[8] Анненков в письме от начала января 1853 г. (см. примеч. 1 к наст. письму), сообщая Тургеневу, что он собирается в столицу, писал: «Я уведомлю вас о веселиях и занятиях Петербурга, о Виардо и Некрасове — двух личностях, которые, по моему мнению, наиболее занимательны теперь в столице» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 10об.—11).

[9] См. письмо 186, примеч. 5.

[10] Тургенев имеет в виду «Le Faux Démétrius, scènes dramatiques» (см.: Revue des Deux Mondes, 1852, 15 décembre, t. XVI, p. 1001—1047).

[11] Этот ответ на письмо Анненкова от 4 (16) ноября 1852 г., в котором Анненков писал о своей работе над изданием Пушкина: «*Ченстон* продолжает составлять мучение моей жизни. У меня есть просьба к вам. Напишите мне: 1) *к какому изданию* приложен список предшественников Шекспира, и *сколько их* числом (о современниках его я знаю), 2) между Шекспиром и классическим направлением английской литературы были ли трагики его школы, и *сколько их*. Вы понимаете, что, сказав это в биографии, мое полное убеждение, почерпнутое из соображений пушкинских рукописей, что Ченстон выдумка — будет иметь вид посерьезнее...» (см. статью Б. Л. Модзалевского «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» в его книге: Пушкин. Л., 1929, с. 293). Дело в том, что Пушкин дал одной из своих «маленьких трагедий» — «Скупому рыцарю» — подзаголовок: «Сцены из Ченстоновой трагикомедии „The Covetous Knight“». Между тем, как отмечает Анненков, писателя Ченстона в английской литературе не существует, а существует в ней «имя,

похожее на имя, выдуманное Пушкиным,— это Шенстон» (Материалы для биографии А. С. Пушкина, 1855, с. 286). Но у Шенстона нет «трагикомедии», названной Пушкиным, и ничего, напоминающего сюжет «Скупого рыцаря». Ссылка на Ченстона (Шенстона) была вымышленной, и причину этому, по словам Анненкова, «должно искать, как мы слышали, в боязни применений и неосновательных толков» (там же). Однако, прежде чем прийти к таким заключениям, Анненков долго и упорно разыскивал «загадочного Ченстона» и изучал творчество У. Шенстона, причем Тургенев помогал ему, обращаясь для этого к своему лондонскому знакомцу, критику журнала «Athenaeum» Г. Чорли (Чорлею), непосредственно и через П. Виардо (см. письмо 284). Переписка Тургенева с Чорли о Ченстоне остается неизвестной. Подробнее см. в комментариях Д. П. Якубовича к «Скупому рыцарю»: *Пушкин*, т. 7, с. 517—519 и след.

[12] О пребывании К. Н. Леонтьева в Спасском-Лутовинове в декабре 1852 г. или в начале 1853 г. см.: Леонтьев К. Тургенев в Москве. (Из моих воспоминаний).— *Рус Вестн*, 1888, № 3, с. 282; *Леонтьев*, т. 11, с. 123—124. Комедия К. Н. Леонтьева — «Женитьба по любви» (см. письмо 177, примеч. 5).

[13] Тургенев послал Краевскому повесть Леонтьева «Немцы» (см. письмо 250). «Другая» вещь Леонтьева, которая предназначалась для «Современника»,— повесть «Лето на хуторе», опубликованная, однако, лишь в 1855 г. в пятой книжке «Отечественных записок».

[14] В это время Ф. М. Достоевский отбывал наказание в Омской каторжной тюрьме, чем и объясняется эпитет «полупокойный», примененный к нему Тургеневым. О взаимоотношениях писателей см. в кн.: *Достоевский и Т*, Никольский Ю. Тургенев и Достоевский (история одной вражды). София, 1921. Сатирическое Послание Белинского к Достоевскому «Витязь горестной фигуры...», написанное Тургеневым и Некрасовым, см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 333.

[15] Аким и госпожа Кунце — персонажи повести «Постоялый двор». Тургенев отвечает на следующее место из письма Анненкова от начала января 1853 г.: «Аким купил постоялый двор либо на имя г-жи Кунце, либо на собственное свое. В последнем случае г-жа Кунце *не могла* его продать без предварительной *драмы* с Акимом, о чем вы умалчиваете... В первом же случае все документы были в ее руках, она *могла* продать дворик, но это уже не могло быть нечаянностью для Акима» (см.: Назарова Л. Н. К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов.— *Т сб*, вып. 1, с. 137).

249. **Н. Х. Кетчеру** (с. 182)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, М. 5185, 41.1.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 65—66.

[1] Повесть «Постоялый двор» была выслана Кетчеру с тем, чтобы он давал ее для прочтения и отзывов друзьям и хорошим знакомым Тургенева (см. письмо 239, примеч. 2). Ответ Тургенева Анненкову на его отзыв о «Постоялом дворе» см. в письме 248.

[2] Отдельное издание «Записок охотника», вышедшее в начале августа 1852 г.

[3] Во время Спасской ссылки Тургенев находился под полицейским надзором. См. письмо 244, примеч. 15.

[4] Очевидно, речь идет о сочинениях Иоганна Генриха Мерка, с которыми Тургенев хотел ознакомиться, так как собирался писать статью об этом немецком критике и писателе — друге Гёте.

250. А. А. Краевскому (с. 182)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 172—173.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 21—22.

[1] См. письмо 248, примеч. 12.

[2] Повесть К. Н. Леонтьева «Немцы» была отослана Тургеневым Краевскому 28 января (9 февраля) 1853 г. (см. письмо 258). Однако цензура запретила ее, мотивируя запрещение тем, что в ней отдается предпочтение немцам перед русскими и что она вообще безнравственна (см.: *Леонтьев*, т. 9, с. 130—131). Под названием «Благодарность» повесть была впервые опубликована в «Московских ведомостях» в 1854 г. (№ 6—10).

[3] См. письмо 234, примеч. 4.

[4] См. письмо 186, примеч. 5.

[5] См. письмо 301.

251. Луи Виардо (с. 185 и 403)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 13—15.

[1] Это письмо Виардо к Тургеневу неизвестно

[2] 3 (15) января 1853 г. начались гастроли П. Виардо в Петербурге. Как и при первом появлении на петербургской сцене, П. Виардо исполнила партию Розины в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник». Выступление актрисы прошло с триумфальным успехом (отзывы современников и печати об этом см.: *Розанов*, с. 85—87).

[3] Латинская пословица; употребляется в значении: после неудачи придет успех. Это выражение Тургенев употребляет также в письме к И. Ф. Миницкому от 5 (17) ноября 1853 г.

[4] Возможно, Тургенев имеет в виду своего домашнего учителя Щуровского.

[5] Поездка Л. Виардо в Москву не состоялась. В конце января 1853 г. больной Виардо покинул Россию и в начале февраля возвратился в Париж. П. Виардо продолжила гастроли. В Москву она прибыла 20 марта.

[6] Нападки на Тургенева и его творчество содержались в нескольких фельетонах Булгарина. См.: *Сев Пчела*, 1847, № 109, 17 мая; № 257, 12 ноября (без упоминания имени Тургенева).

[7] В 1852 году «Северная пчела» не поместила ни одной статьи, в которой бы упоминалось имя Тургенева. Очевидно, Тургенев отнес на свой счет клеветнические статьи Булгарина, написанные в связи с выходом некрологов и памятных статей, посвященных Н. В. Гоголю: *Сев. Пчела*, № 87, 19 апреля; № 99, 3 мая. В этих фельетонах Булгарин в крайне грубых выражениях критиковал творчество Гоголя, приверженцев «натуральной школы», а также друзей только что скончавшегося писателя. В связи с этим Булгарин писал: «Восторженность почитателей и подражателей Н. В. Гоголя происходит, во-первых, от того, что они худо знают Россию,

а во-вторых, что они плохо учились словесности, предполагая однако же, будто знают ее правила и историю. Некоторые известные литераторы пристали к ним» (*Сев Пчела*, 1852, № 87, 19 апреля). Злобные статьи Булгарина вызвали страстный аргументированный ответ в защиту Гоголя и гоголевского направления в литературе со стороны начинающего писателя, журналиста Г. П. Данилевского: «Отзыв провинциала на статью о Гоголе, помещенную в „Северной пчеле“, № 87, за подписью „Провинциал“» (*Моск Вед*, 1852, № 76, 24 июня). Об этом и о роли Данилевского в попытке опубликовать написанный Тургеневым некролог Гоголя в «С.-Петербургских ведомостях» см.: Свиясов Е. В. Эпизод полемики о Гоголе 1852 г.— Рус. лит., 1980, № 1, с. 127—134.

[8] В ответном письме от 18 (30) января 1853 г. Л. Виардо сообщал: «Что касается портного Юмана, *повторяю* вам, что я сам его видел и он мне сказал, что ваши деньги, или скорее его, давно получены и положены в карман. Итак, спите спокойно в связи с этим оплаченным долгом» (*Т*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 15).

[9] Во время гастролей Виардо жили в доме своего давнего знакомого, любителя оперы и почитателя П. Виардо А. М. Гулевича на Караванной улице.

252. К. С. Аксакову (с. 186)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 9, № 84, л. 2.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 339—340.

[1] Речь идет о статье К. С. Аксакова «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)», опубликованной в 1 томе «Московского сборника» (М., 1852).

[2] В статье Аксакова содержится полемика с С. М. Соловьевым по поводу его мыслей о родовом быте, высказанных в «Очерке нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие» (см.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым, М., 1850. Кн. 1, с. 3—54) и в 1 томе «Истории России с древнейших времен».

[3] К. С. Аксаков оспаривал взгляды К. Д. Кавелина, выраженные в большой рецензии его на книгу А. Терещенко «Быт русского народа» (СПб., 1848).— *Совр*, 1848, № 9, 10, 12.

[4] Процитировав слова Соловьева о том, что «славяне жили под формами родового быта», К. С. Аксаков заявил, что в древней Руси было «общественное, именно общинное устройство,— общинный быт», при котором «нет и места родовому быту» (Московский сборник. М., 1852. Т. 1, с. 55, 139). Тургенев соглашался с мнением Аксакова, основываясь на своих наблюдениях над современной русской деревней.

[5] Идеализируя допетровскую Русь, славянофилы ценили в народе его якобы консервативные черты, его «смирение», и старались найти подтверждение этим свойствам в народной поэзии. Тургенев не соглашался с ними и усматривал в русских песнях отражение тяжелой жизни народа.

[6] Васька (Василий) Буслаев — один из богатырей русского эпоса, буйный новогородец, герой былин, известных под названиями «Василий Буслаев» и «Василий Буслаев молиться ездил». В письме Тургенева речь идет о гибели богатыря, которой предшествует его встреча с мертвой головой:

И будет он в пол-горы,
А на пути лежит пуста голова, человечья кость,
Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василий Буслаевич!
К чему меня, голову, припинываешь
И к чему побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинския;
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове.

(С а х а р о в И. Сказания русского народа. 3-е изд. СПб., 1841. Т. 1, кн. 4, с. 21; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818, с. 176—177). Ту же мысль о Ваське Буслаеве в применении к славянофилам Тургенев вложил в уста Потугина в XXV главе романа «Дым».

[7] В библиотеке Спасского у Тургенева были только «Сказания русского народа» И. Сахарова, в четвертой книге 1 тома которых помещено всего семь былин из сборника Кирши Данилова. Среди них нет той былины, прочитать которую советовал Тургеневу К. С. Аксаков в письме от конца октября ст. ст. 1852 г.,— «Сорок калик со каликою» (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, с. 226—241).

[8] «Постоялый двор».

[9] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 17, письмо 248, примеч. 6.

[10] «Два поколения».

253. С. Т. Аксакову (с. 187)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 6.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 338—339.

Стр. 188. в духе Марлинского (*франц.*).

[1] Письмо С. Т. Аксакова к Тургеневу от 1 (13) января 1853 г. опубликовано: *Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 6—7.

[2] Рецензию Тургенева на «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова см.: *Совр*, 1853, № 1.

[3] С. Т. Аксаков писал Тургеневу о тех цензурных изъятиях, которым подверглось второе издание «Записок ружейного охотника».

[4] Из рецензии Тургенева на книгу С. Т. Аксакова по требованию цензуры были изъяты полторы страницы (см. письмо 264).

[5] Тургенев имеет в виду свое письмо к И. С. Аксакову от 28 декабря ст. ст. 1852 г. (№ 244). В ответном письме от 22 января ст. ст. 1853 г. И. С. Аксаков сообщал о том, что он еще не получил от Кетчера «последнюю вещь» Тургенева, т. е. «Постоялый двор» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 8).

[6] «Провинциальные письма» П. В. Анненкова печатались в «Современнике» (1849, № 8, 10, 12; 1850, № 1, 3, 5, 9; 1851, № 1 и 10). Об отзыве Анненкова о «Постоялом дворе» см. письмо 248, примеч. 1.

[7] Речь идет о «Материалах для биографии А. С. Пушкина», составивших 1 том «Сочинений Пушкина» в издании П. В. Анненкова (1855).

[8] Имеется в виду народная драма «Лодка» (см. о ней: Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка», ее генезис и литературная история. Краткие сообщения Института этнографии, III. М.; Л., 1947, с. 70—73). В письме идет речь не о ранней редакции «Лодки», а о позднейшей, осложненной (Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр от истоков до середины XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 75). Впечатления от этого представления позже отразились в XV и XVI главах «Призраков» Тургенева (см.: Русская народная драма XVIII—XX веков. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М.: Искусство, 1953, с. 4). Упоминая о рабочих «с бумажной фабрики брата», писатель, по-видимому, имел в виду фабрику, находившуюся в селе Тургеневе, у Н. С. Тургенева (о ней, без упоминания имени владельца, говорится в «Бежине луге»). А. А. Бестужев (Марлинский) назван Тургеневым как писатель, произведения которого отличались выспренним стилем, цветистостью языка, подобно народной драме, представленной в Спасском.

[9] «Дмитрий Донской» — трагедия В. А. Озерова (1807).

[10] См. письмо 252.

254. С. Т. Аксакову (с. 188)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 7—8.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 340—342.

[1] Аналогичный отзыв Тургенева о «Биографии М. Н. Загоскина» см. в письме 259.

[2] См. об этом в статье С. Т. Аксакова «Биография М. Н. Загоскина» (*Москв*, 1853, т. 1, № 1, с. 42).

[3] В «Биографии М. Н. Загоскина» Аксаков приводит выдержки из стихотворной комедии «Урок холостым, или Наследники» и из комедии-водевиля «Деревенский философ».

[4] Тургенев имеет в виду роман в 4-х частях М. Н. Загоскина «Кузьма Петрович Мирошев, русская быль времен Екатерины II-й» (1842).

[5] Исторический роман Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), как сообщает Аксаков, к 1853 г. выдержал 8 изданий. О своих детских впечатлениях от «Юрия Милославского» рассказывал Тургенев и Л. Н. Майкову (см.: *Рус Ст*, 1883, № 10, с. 204). Кирша, Омляш, боярин Шалонский — действующие лица романа.

[6] О том, что Загоскин бывал в доме отца Тургенева, Сергея Николаевича, см. в записи Л. Н. Майкова (*Рус Ст*, 1883, № 10, с. 205) и в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева (глава III, «Гоголь»).

[7] Свое мнение о рецензии Тургенева на книгу «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксаков изложил в январском письме к автору (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 10—12).

[8] Попытки Аксаковых получить от Н. Х. Кетчера повесть «Постоялый двор» были долгое время безуспешными. 30 января ст. ст. 1853 г. С. Т. Аксаков в письме из Абрамцева сообщал Тургеневу: «Вчера мой Иван уехал в Москву, и я надеюсь, что он добудет „Постоялый двор“, с которым познакомиться горю нетерпением». После этого прошел почти месяц, и 27 февраля ст. ст. 1853 г. С. Т. Аксаков снова писал Тургеневу с большим огорчением: «Увы, и третья попытка достать „Постоялый двор“ оказалась бе-

зуспешною! „Постоялого двора" нет дома, его переписывают; а как желающих, без сомнения, очень много, то я рискую получить его через год» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 18, 19).

[9] «Два поколения».

[10] «История о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушке» — бытовая повесть конца XVII в., типичный образец плутовской новеллы, напечатанная тогда впервые по рукописи в «Москвитянине» (1853, т. 1, № 1, отд. IV, с. 3—16). Аналогичный отзыв Тургенева об этом произведении древнерусской литературы см. в письме 259.

[11] В «Москвитянине» (1853, т. 1, № 1, отд. I, с. 1—16) были помещены 15 стихотворений Н. Ф. Щербины на античные, мифологические и т. п. темы, в том числе: «Сапфо», «К Венере Таврической» и др.

255. **Полине Виардо** (с. 190 и 404)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *T*, *Nouv corr inéd*, *t.* 1, p. 70—73.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] См. письмо 251, примеч. 9.

[3] Тургенев имеет в виду статьи Булгарина и Ф. М. Толстого, в которых содержались восторженные отзывы об исполнительском мастерстве П. Виардо (*Сев Пчела*, 1853, № 7, 10 января и № 8, 12 января). Касаясь слухов о потере П. Виардо голоса, Булгарин писал: «Теперь все удовлетворились, что слухи насчет ее голоса были совершенно ложные. Конечно, в течение семи лет, которые она провела во Франции, Англии и Германии, после последнего своего пребывания в Петербурге, звук ее голоса (timbre) должен был принять по законам природы другой характер, более определительный, но всё сладкозвучие голоса и вся его сила остались, а прибыло более искусства, более художественности в пении и игре». Ф. Толстой посвятил свою статью дебюту П. Виардо в «Севильском цирюльнике» в Петербурге 3 января 1853 г.

[4] Речь идет о сочинении Ф. М. Толстого — «Три возраста. Дневник, наблюдения и воспоминания музыканта-литератора». (*Совр*, 1853, № 10, 12).

[5] Это письмо неизвестно.

[6] Тургенев ошибается: П. Виардо серьезно заболела во время своих гастролей в России в сезон 1845/46 г. Эта болезнь заставила ее прервать гастроли и возвратиться в апреле 1846 г. в Париж.

[7] П. Виардо прибыла в Москву 20 марта и продолжила с большим успехом свои гастроли.

[8] Тургенев имеет в виду отзывы о пении П. Виардо, содержавшиеся в письмах его друзей. Так, И. И. Панаев писал Тургеневу 20 января 1853 г.: «Mme Viardot производит фурор в Петербурге, когда она поет — нет мест» (*Т и круг Совр*, с. 24). О пении П. Виардо сообщал Тургеневу также и П. В. Анненков 26 января 1853 г. См. письмо 262, примеч. 5, 6. В следующем своем письме к Тургеневу (февраль 1853 г.) Анненков писал: «Бенефис Виардо, „Сомнамбула", погрузил в слезы весь театр ⟨...⟩ Словом, бенефис состоялся как нельзя лучше — и певица была чудно хороша» (там же, л. 14).

[9] К. П. Де Додт.

[10] А. Б. Де Додт.

[11] Е. С. Тургенева.

[12] А. С. Белокопытова.

256. Луи Виардо (с. 192 и 405)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 423. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью, с пропуском отрывка, посвященного С. А. Гедеонову) — *ВЕ*, 1911, № 9, с. 220—221; полностью во французском оригинале — *T*, *Lettres inéd*, p. 233—234.

[1] В письме от 18 (30) января 1853 г. (*Bibl Nat*) Л. Виардо сообщал Тургеневу о своей болезни (см.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 13). См. также письмо 251, примеч. 5.

[2] См. письмо 168, примеч. 7.

[3] Альбомы, в которых П. Виардо делала зарисовки своих знакомых, находятся в настоящее время в частном собрании М. Мопуаль во Франции (см.: *T*, *Lettres inéd*, p. 234).

[4] Это — ответ на сообщение о С. А. Гедеонове, содержавшееся в приписке П. Виардо к письму Л. Виардо к Тургеневу от 18 (30) января 1853 г.: «Степан всё тот же, язвительный и малоприятный. Имейте в виду, что он высокопарно называет совсем маленькую брошюру по археологии *своим трудом* (бог весть о какой статуе, привезенной им из Италии...)» (*T*, *Lettres inéd*, p. 234, пер. с франц.). Речь идет о статье С. А. Гедеонова, написанной по случаю приобретения им в Италии для Эрмитажа античной скульптурной группы: Groupe de muses antiques décrit par E. Guédeonoff avec planches.— Annales de l'Institut archéologique, 1852 (вышла отдельным оттиском). Отрицательное отношение к литературной деятельности С. А. Гедеонова Тургенев высказывал и раньше — в рецензии на его историческую драму «Смерть Ляпунова» (наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 236—250). Об отношении Тургенева к Гедеонову см. также: Никитина Н. С. О реальной основе «стихотворения в прозе» И. С. Тургенева «*Мои* деревья».— Рус. лит., 1982, № 1, с. 176—180.

[5] Речь идет о Ж.-Ж. Лефран де Помпиньяне и других французских литераторах антипросветительного направления, писания которых вызывали негодование и резкую отповедь Вольтера.

257. Д. Я. Колбасину (с. 193)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6700, 23 октября (4 ноября).

[1] Д. Я. Колбасин к этому времени окончил университет со званием кандидата. Отвечая Тургеневу, он сообщал 3 февраля ст. ст. 1853 г., что, прочитав собственную кандидатскую диссертацию, нашел, что «глупее» ничего ‹...› не читывал». Это обстоятельство «...однако нимало не помешало ей произвести свое действие», т. е. быть «одобренной профессором» и дать ему «право на получение диплома» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 3 об.). Поступить на службу Колбасин тогда еще не успел.

[2] Е. Я. Колбасин. Д. Я. Колбасин писал Тургеневу 20 февраля 1853 г.: «Брат мой, имеющий сильную претензию на кандидатство и работающий довольно прилежно, кланяется Вам» (*ИРЛИ* ф. 7, № 143, л. 6 об.).

[3] Текст этой записки см. в примеч. 5 к письму 241.

[4] Очевидно, Колбасин не раз бывал в Итальянской опере, где слушал П. Виардо. 3 февраля ст. ст. 1853 г. он писал Тургеневу: «...нет денег для выкупа диплома; опера сокрушает всю мою финансовую систему» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 4).

[5] См. об этом в письме Тургенева к Д. Я. Колбасину от 13 (25) декабря 1852 г. (№ 238). Д. Я. Колбасин 20 февраля ст. ст. 1853 г. писал Тургеневу: «...за Гуно я не ручаюсь, тем более, что Якушкин так любезен, что считает даже лишним отвечать на мои письма, посылаемые к нему чуть ли не каждую неделю» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 6 об.).

[6] Д. Я. Колбасин в письме от 20 февраля ст. ст. спрашивал Тургенева: «Что Вам пишет Миницкий? Меня он извещает, что навряд ли будет у Вас» (там же).

[7] «Вечер в Сорренте». Эту просьбу Тургенева Д. Я. Колбасин выполнил очень нескоро. В письме от 8 июня ст. ст. 1853 г. он сообщал: „Вечер в Сорренто“ на днях вышлю» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 12 об.), и только 17 июля ст. ст. 1853 г. писал: «Недавно я Вам послал комедию „Вечер в Сорренто“, получили ли Вы ее?» (там же, л. 13).

258. А. А. Краевскому (с. 194)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 174—175.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 22—23.

[1] См. письмо 250, примеч. 2.

[2] См. письмо 234, примеч. 4.

259. П. В. Анненкову (с. 194)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 30, л. 1—2.

Впервые опубликовано: Наша старина, 1914, № 9—10, с. 846—847.

Стр. 195. Прощайте, дорогой (*итал.*).

[1] См. письмо 248.

[2] См. письмо 258.

[3] После ухода Белинского и смерти Вал. Майкова С. С. Дудышкин заведовал критическим отделом в «Отечественных записках» и был ближайшим помощником А. А. Краевского по изданию журнала.

[4] См. письмо 258.

[5] См. письмо 254, примеч. 10. Смысл сравнения Тургенева — в противопоставлении современной, искусственной, надуманной и утонченной литературы непосредственности и свежести повести XVII в.

[6] Анненков в ответном письме от февраля 1853 г., соглашаясь с Тургеневым, подчеркивал, что С. Т. Аксаков «принадлежит решительно к наилучшим писателям нашего времени», и далее сообщал: «Я зачитался его биографии Загоскина» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 14 об.).

[7] Тургенев имеет в виду работу Анненкова над «Материалами для биографии А. С. Пушкина».

[8] Особенный интерес Тургенева к опере объясняется тем, что в это время в Петербурге выступала П. Виардо.

[9] Анненков в ответном (февральском) письме делился с Тургеневым своими впечатлениями от «одного посмертного русского романа», т. е. второго тома «Мертвых душ» Гоголя, которую ему довелось слушать: «Довольно сказать, что первая часть „Мертвых душ" кажется перед ним незрелым произведением — впечатление, разделенное всеми слушателями со мной. Вот что сделала сосредоточенная мысль художника. Как природа, так и характеры уже не описываются, а выставляются весьма скудными чертами, но жизненными в такой степени, что глаза прожигают...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 15).

[10] Речь идет о романе «Два поколения».

[11] Вероятно — не Егулов, а Егупов (Александр Николаевич).

260. Л. Н. Вакселю (с. 196)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание П. Л. Вакселя, № 4390.

Впервые опубликовано: *Сб РПБ*, 1920, с. 193—194.

[1] Тургенев имеет в виду первое отдельное издание «Записок охотника» (М., 1852). Экземпляр, посланный Вакселю с авторской надписью, неизвестен.

[2] Л. Н. Ваксель — автор книги «Карманная книжка для начинающих охотиться с ружьем и легавой собакою» (СПб., 1856), в которой особая глава посвящена лечению чумы у собак.

[3] См. письмо 256.

[4] Племянником Тургенева Дюме считала, по-видимому, Д. Я. Колбасина, который обычно выполнял поручения писателя. О каком англичанине говорится в связи с этим — не установлено.

261. Полине Виардо (с. 197 и 406)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (не полностью) — *ВЕ*, 1911, № 9, с. 221—222; полностью во французском оригинале: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 73—74.

[1] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[2] См. письмо 251, примеч. 5.

[3] Письмо Г. Чорли к Тургеневу, упоминаемое здесь, в печати неизвестно, кроме небольшого отрывка, приведенного Тургеневым в письме к П. В. Анненкову (см. письмо 262).

[4] См. письмо 256, примеч. 4.

[5] В «Московских ведомостях» (1853, № 11, 24 января, Литературный отдел) было объявлено: «...в большом зале Благородного собрания, в воскресенье 25-го января, г. Евгений Пиццолато будет иметь честь дать большой вокальный и инструментальный концерт...». Среди участников концерта был молодой А. Г. Рубинштейн.

[6] См. письмо 232.

262. **П. В. Анненкову** (с. 198)

Печатается по тексту первой публикации: Наша старина, 1914, № 9-10, с. 847—848.

Подлинник неизвестен, за исключением одного листа, на котором написана последняя фраза: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 5.

[1] Речь идет о письме Анненкова от 26 января ст. ст. 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 12—13 об.); частично оно напечатано в статье Б. Л. Модзалевского «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» (см: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1959, с. 296—297).

[2] См. письмо 248, примеч. 11. Полный текст письма Г. Чорли (Чорлея, как пишет Тургенев) неизвестен. Сообщение Чорли было в пересказе приведено Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (Сочинения Пушкина. 1855, т. 1, примечания на с. 286 и 287).

[3] Говоря о том, что В. Шенстон был поэтом, который писал «идиллии во вкусе Гварини», Чорли имел в виду, что его элегии, баллады и пасторали имели сходство с произведениями итальянского поэта XVI в. Д. Б. Гварини (автора пасторальной драмы «Il pastor fido» — «Верный пастух»), отличавшимися лиризмом и изяществом стиля.

[4] Тургенев имеет в виду монолог Барона из «Скупого рыцаря» Пушкина (сцена II). Д. П. Якубович в комментариях к «Скупому рыцарю» пишет, что «подозревать не русскую природу пьесы» давал повод сам Пушкин не только подзаголовком, но и благодаря тому, что этой трагедии свойствен «яркий колорит западного средневековья» — результат глубокого знакомства поэта с иностранными литературами (*Пушкин*, т. 7, с. 520).

[5] «Севильский цирюльник» — опера Дж. Россини, в которой П. Виардо исполняла роль Розины. Анненков 26 января 1853 г. писал Тургеневу: «Видел я Виардо в „Цирюльнике“ и „Ченеренто-ле“... Скажу вам, что голос ее всё удивителен, но показался мне резче в верхних нотах, чем прежде, но зато низкие приобрели такую полноту и сладость, что чудо» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 12 об., 13).

[6] Опера Дж. Мейербера «Пророк» шла в Петербурге, по требованию цензуры, под названием «Осада Гента». Об исполнении П. Виардо партии Фидес в этой опере см.: *Сев Пчела*, 1853, № 59, 16 марта. Анненков в указанном выше письме сообщал: «С нетерпением жду ее ⟨П. Виардо⟩ на широкой манере, в „Пророке“, и тогда уже изолью перед вами восторг свой».

[7] Имеются в виду драматические сцены П. Мериме «Лжедимитрий». См. также письмо 248, примеч. 10.

[8] Анненков в указанном выше письме сообщал Тургеневу, что П. А. Катенин прислал ему записку о Пушкине, в которой, между прочим, он осуждал «Моцарта и Сальери» «потому, что на Сальери взведено даром преступление, в котором он неповинен». Анненков отвечал Катенину, что «никто не думает о настоящем Сальери, а что это только тип даровитой зависти». Катенин возразил: «Стыдитесь! Ведь вы, полагаю, честный человек и клевету одобрять не можете» (см.: *Лит Насл*, т. 16—18, 1934, с. 641). Возражение Анненкова, что «искусство имеет другую мораль, чем общество», не убедило бывшего приятеля Пушкина. Тургенев, как это видно из его письма, оказался солидарным с Анненковым, а не с Катениным. Между тем Пушкин, видимо, считал отравление Моцарта не «клеветой», а фактом, что подтверждают и некоторые современные исследования

(см.: Б э л з а И. Моцарт и Сальери. Трагедия Пушкина. Драматические сцены Римского-Корсакова. М., 1953).

[9] Речь идет о романе «Два поколения».

[10] См. письмо 248, примеч. 1.

[11] Тургенев преувеличивает значение поэзии А. Шенье как источника «почти всех» антологических стихотворений Пушкина. Прямыми переводами из Шенье являются стихотворения «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Покров, упитанный язвительною кровью...», отрывок «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...»

263. Полине Виардо (с. 199 и 407)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 64—65.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] В письме от 23 января (4 февраля) 1853 г. Л. Виардо сообщал Тургеневу о получении письма от X. Гарсиа, в котором она писала, что дочь Виардо — Луиза заболела воспалением легких (*T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 113).

[3] См. письмо 251, примеч. 5.

[4] Приезд П. Виардо в Петербург и Москву в 1854 г. не состоялся. Выступления певицы в сезон 1853 г. были ее последними гастролями в России.

[5] Возможно, что упоминаемый в письме Тургенева Амтсберг послужил прототипом Лемма из «Дворянского гнезда».

[6] Фантазия Моцарта до-минор (c-moll).

[7] Ср. с оценкой этой симфонии, данной Тургеневым в письме к П. Виардо от 15 (27) апреля 1856 г.

[8] Анекдот из интимной жизни Наполеона III содержится в письме Л. Виардо к Тургеневу от 23 января (4 февраля) 1853 г. (см.: *T*, *Nouv corr inéd*, t. 2, p. 114—115).

264. И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову (с. 202)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 1.

Впервые опубликовано: *Панаев*, т. 6, с. 397—398.

[1] Это — ответ Тургенева на письмо Некрасова от 20 января ст. ст. 1853 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 187).

[2] Тургенев имеет в виду фельетон И. И. Панаева «Канун нового, 1853 года, Кошемар, в стихах и прозе, Нового поэта» (*Совр*, 1853, № 1, отд. VI, с. 98—125), где были выведены представители всей современной литературы и критики.

[3] В «Кошемаре» Панаев высмеял Н. Г. Фролова в том месте фельетона, где рассказывается о «женитьбе Космоса» (Фролов был переводчиком «Космоса» А. Гумбольдта). См. также «Литературные воспоминания» И. И. Панаева (М., 1950, с. 218), где автор рассказывает: «Поселившись в Москве, Фролов скоро женился на больной сестре Станкевича, которая умерла через несколько месяцев после брака. Средства его после этого значительно расширились...»

[4] Речь идет о комедии Писемского «Раздел», которая была напечатана в «Современнике» (1853, № 1). Некрасов в письме к Тургеневу от 20 января ст. ст. 1853 г. спрашивал: «Что ты думаешь о комедии Писемского?» (*Некрасов*, т. 10, с. 187). Недостатки

ее сознавал и сам автор, значительно переработавший «Раздел» для 2 тома «Сочинений», вышедших в 1861 г.

[5] Имеется в виду роман «Алексей Однорог» Николая М. (псевдоним П. А. Кулиша).

[6] В первой книжке «Современника» за 1853 г. были напечатаны стихотворения «Пляска (из Шиллера)» Н. В. Гербеля; «Старики» и «Ах, были счастливые годы!..» Н. А. Некрасова; «Размен» А. Н. Майкова; «Оглядка на прошлое (из Гейне)» и «Радость и горе (из Гейне)» М. Л. Михайлова. Перевод стихотворения Байрона «To Mistress Augusta Leigh» («Миссис Августе Ли») с подписью Л. принадлежит А. В. Дружинину.

[7] Места, исключенные цензурой из рецензии Тургенева на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова, были посланы им автору книги вместе с письмом от 5, 9 (17, 21) февраля 1853 г.

[8] Тургенев имеет в виду следующую фразу из своей рецензии: «...стоит вспомнить то место в 11 песне „Одиссеи“, где Улисс, в числе теней старинных героев, вызванных им, по совету Цирцеи, из Аида, видит стоического (вместо: мифического.— *Ред.*) великана Ориона...» (*Совр*, 1853, № 1, отд. III, с. 38).

[9] Имеются в виду статьи А. Д. Галахова «Карамзин» и С. М. Соловьева «Русский город в XVII веке».

[10] Некрасов 20 января ст. ст. 1853 г. писал Тургеневу: «Давно не выпускали мы такой мрачной книги» (*Некрасов*, т. 10, с. 187).

[11] «Два поколения».

[12] См. письмо 248, примеч. 13.

265. С. Т. Аксакову (с. 203)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 1, с. 342—344.

[1] Речь идет о письмах С. Т. Аксакова к Тургеневу от 1 января ст. ст. и от конца января 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 6—7 и 10—12).

[2] См. письмо 254.

[3] Несмотря на то, что С. Т. Аксаков, по его словам, прочел рецензию Тургенева на «Записки ружейного охотника» «с истинным наслаждением», он все-таки был ею не совсем доволен, так как «ожидал и желал чего-то другого». «Ваше письмо к издателю „Современника“ — не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги»,— замечал он в письме от конца января 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 10, 11).

[4] К письму приложен листок с местами, вычеркнутыми цензурою из статьи Тургенева о книге С. Т. Аксакова. Места эти включены в текст в издании: *Т*, *Сочинения*, т. 12, с. 157—158.

[5] Никакой «другой» статьи о книге С. Т. Аксакова Тургенев не написал.

[6] И. С. Аксаков писал Тургеневу 22 января ст. ст. 1853 г. по поводу его рецензии на «Записки ружейного охотника»: «Всё, что вы пишете о способах описывания природы в вашей статье, помещенной в первом нумере „Современника“, вполне справедливо, выражено чрезвычайно метко и удачно и мне совершенно по сердцу...» Однако И. С. Аксаков находил, что Тургеневу еще «следовало бы распространиться теперь о том современном мастерстве описания

природы, которое <...> похоже на дагерротипный снимок и производит неприятное впечатление» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 8, 9). Обещанный ответ Тургенева И. С. Аксакову неизвестен. Возможно, что он и не был написан. Во всяком случае 27 февраля ст. ст. 1853 г. С. Т. Аксаков писал Тургеневу, что всё это время ожидал писем, обещанных его сыновьям, но теперь боится, не заболел ли их корреспондент (там же, с. 18).

[7] К. С. Аксаков писал Тургеневу о его рецензии па «Записки ружейного охотника» 30 января ст. ст. 1853 г.: «Много хорошего в вашей статье о батюшкиной книге, но собственно о книге можно было бы сказать больше — не в смысле похвалы, а в смысле определительной оценки, и я вполне согласен с тем, что пишет вам батюшка, который в то же время очень доволен статьей вашей» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 17). Обещанный ответ Тургенева К. С. Аксакову неизвестен.

[8] И. С. Аксаков в письме от 22 января ст. ст. 1853 г. сообщал Тургеневу, что собирается приехать к нему в Спасское «нынешнею же зимой» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 9).

[9] К. С. Аксаков писал Тургеневу о Ю. Ф. Самарине 30 января ст. ст. 1853 г.: «Самарин был у нас в деревне, просил вам кланяться и сказать, что он не знал о пребывании вашем в деревне, а то бы, возвращаясь из Киева, заехал к вам непременно. Он узнал об этом, уже приехав в Москву» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 17).

[10] См. выше, примеч. 4.

266. **Полине Виардо** (с. 205 и 408)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «heu, heu» («гм — гм» — *франц.*).

Впервые опубликовано (не полностью): во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 25, 23 juin; в русском переводе — Новое время, 1906, № 10872, 21 июня (4 июля): полностью во французском оригинале опубликовано: *Т*, *Quelques lettres*, р. 117—119.

[1] Письмо княжны С. И. Мещерской к Тургеневу от середины февраля 1853 г., из Петербурга в Спасское, в печати неизвестно и в собрании ее писем к Тургеневу (*ИРЛИ*) не сохранилось.

[2] В «Северной пчеле» (1853, № 31, 9 февраля) напечатано было в отделе «Телеграф» (среди объявлений о спектаклях на данный день): «На Большом театре: не в счет абонемента, в пользу г-жи Виардо-Гарции, итальянская опера: „Невеста-лунатик“». В том же номере «Северной пчелы» появилось начало большой статьи Д. Лисовского «Воспоминания о семействе Гарция. По поводу дебюта г-жи Полины Виардо-Гарции». Продолжение этой биографической статьи см. там же, № 32 (10 февраля) и № 33 (11 февраля). Рецензия Ростислава (Ф. М. Толстого) на бенефисный спектакль П. Виардо (оперу Беллини «Невеста-лунатик», т. е. «Сомнамбула») помещена в «Северной пчеле» (1853, № 46, 26 февраля).

[3] О доме какой именно княгини Голицыной говорит Тургенев — трудно сказать, так как в Москве было много домов, принадлежавших князьям Голицыным.

[4] П. Виардо выехала в Москву 16 марта ст. ст. Это видно из сообщения «Северной пчелы» от 14 марта 1853 г. (№ 58): «Г-жа Виардо уезжает в понедельник 16 <в тексте газеты опечатка: 14> марта в Москву на короткое время».

267. А. А. Краевскому (с. 206)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 176.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 24.

[1] Письмо Краевского к Тургеневу (если оно вообще было написано) с отзывом о творчестве Леонтьева неизвестно. Сам Леонтьев отношение к нему Краевского характеризует так: «Краевский писал мне из Петербурга чуть не почтительное письмо и говорил: „пишите больше! Вы не имеете права зарывать ваш талант в землю"» (*Леонтьев*, т. 9, с. 128).

[2] Насчет высылки «Отечественных записок» в Спасское.

[3] См. письмо 234, примеч. 4.

268. П. В. Анненкову (с. 207)

Печатается по подлиннику: музей Абрамцево.

Впервые опубликовано: Наша старина, 1914, № 9—10, с. 848—850.

Стр. 207. с глазу на глаз (*франц.*).
Стр. 207. а этим много сказано (*франц.*).
Стр. 207. будем заниматься своим ремеслом (*франц.*).
Стр. 208. занимаются любовью (*франц.*).
Стр. 208. «развлечения» (*франц.*).
Стр. 208. Кстати (*франц.*).

[1] Речь идет о письме, в котором Анненков сообщал, что слушал чтение двух глав второй части «Мертвых душ» Гоголя. Анненков писал, что «это колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики» (Вопр. лит. 1957, № 2, с. 181), т. е. творчество остальных писателей-современников (Писемского, Островского, Гончарова). См. об этом также письмо 259, примеч. 9.

[2] Высланный в Спасское-Лутовиново за письмо о Гоголе, помещенное в «Московских ведомостях», Тургенев в своей переписке избегает называть имя этого писателя и его поэму «Мертвые души».

[3] Слова Тургенева о «роковой связи» между жизнью и литературной деятельностью являются ответом на замечание Анненкова о «роковой связи, которая находится между талантом и жизнью». Расшифровывая свою мысль, Анненков указывал, что «Писемский, например, много хороших вещиц напишет, но бедность содержания в нем и его взгляда — ужасно поразительны. Они кажется, даже помельче, чем у Гончарова» (*ИРЛИ*, ф. 7, л. 14 об.).

[4] «Два поколения».

[5] Оценку В. П. Боткиным повести «Постоялый двор» см. в его письме к Тургеневу от 17 февраля ст. ст. 1853 г. (*Боткин и Т*, с. 36—37).

[6] Тургенева интересовали опубликованные в этом французском журнале драматические сцены П. Мериме «Лжедимитрий». См. письмо 248, примеч. 10.

[7] Речь идет о той справке относительно английского поэта Ченстона или Шенстона, которую Тургенев взялся получить из редакции лондонского журнала «Athenaeum» для Анненкова в связи с его работой над биографией Пушкина (см. письмо 262, примеч. 2).

[8] Имеется в виду повесть К. Н. Леонтьева «Немцы», которую Тургенев пытался устроить в «Отечественные записки».

[9] Постановка в Петербурге оперы «Пророк» Дж. Мейербера вызывала особый интерес Тургенева: партию Фидес исполняла в ней П. Виардо. Анненков в ответном письме, по-видимому в начале марта, писал об этой опере: «Разработка в „Пророке“ неимоверная и есть вещи гениальные — сон Марио в первом акте, финал второго, несколько мест в дуэте Фидес и Берты в третьем, но даже той степени творчества, какая есть в „Роберте“ и „Гугенотах“ — тут нет, а все-таки чудно и оторваться нельзя». Что же касается исполнения П. Виардо, то Анненков находил, что она «была хороша, но беспрестанно играла, не отдыхая ни на минуту, исключая только одного места в дуэте с Бертой, где она извещает ее о смерти своего сына. Минута и воспоминания — чудные» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 16). См. также письмо 262, примеч. 6.

[10] О завершении работы над подготовкой издания «Сочинений Пушкина» Анненков сообщил Тургеневу лишь 20 июля ст. ст. 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 31).

[11] Имеются в виду «Записки Современника. Дневник студента с 1805 по 1807 год», ч. 1; начало «Записок...» было опубликовано в «Москвитянине» (1853, № 3, февраль, кн. 1, отд. IV, с. 27—90). Автором их был С. П. Жихарев. На замечание Тургенева, что слог «подправлен», Анненков отвечал в письме от начала марта 1853 г.: «Действительно, в дневнике студента периоды и язык могут быть выправлены, но тон, но течение мыслей — что это за прелесть» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 17 об.).

[12] Комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» впервые была поставлена на сцене Малого театра в Москве 14 января ст. ст. 1853 г., а в Петербурге — 19 февраля ст. ст. 1853 г. Анненков сообщил Тургеневу, что комедия «имела огромный успех в обеих столицах — и совершенно заслуженный. В ней нет почти ничего. Не широка она и не глубока она, а только умна». Далее он замечал, что «пьеса с умом есть для него ⟨Островского⟩ падение» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 16 об.). Под «умом» комедии Анненков разумел ее надуманно-славянофильскую тенденциозность, сказывающуюся в идеализации патриархального быта. Е. М. Феоктистов 18 марта ст. ст. 1853 г. также сообщал Тургеневу об успехе комедии в Москве и Петербурге и о том, что он получил письма от Кудрявцева и Галахова, которые «не очень-то довольны ею в художественном отношении...» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 65).

[13] В. П. Боткин писал Тургеневу о своих впечатлениях от комедии Островского в письме от 17 февраля ст. ст. 1853 г. (см.: *Боткин и Т*, с. 34—35).

269. С. Т. Аксакову (с. 209)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 12.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 469—470.

[1] Обстоятельства, мешавшие переписке Тургенева,— это усиление надзора за ним, о чем он узнал в конце 1852 г.

[2] Усадьба П. В. Киреевского находилась неподалеку от Орла.

[3] Отзыв П. В. Киреевского о «Постоялом дворе» неизвестен.

[4] Повесть Е. И. Вельтман «Виктор» печаталась в «Москвитянине» в 1853 г. (№ 2, январь, кн. 2, с. 167—210; № 3, февраль, кн. 1, с. 211—248; № 4, февраль, кн. 2, с. 251—344). О ней и об ее авторе С. Т. Аксаков 27 февраля ст. ст. 1853 г. с негодованием писал Тургеневу: «Эта ⟨...⟩ женщина вздумала мимоходом попач-

кать славу Гоголя. Оба они с мужем (А. Ф. Вельтманом.— *Ред.*) всегда шипели около себя хулу и клевету на Гоголя, а теперь осмелились даже и печатно поплевать на его память» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 19). Аксаков был возмущен тем, что главный герой повести «Виктор», человек аморальный, изображен автором как поклонник Гоголя. Несомненно, что Е. И. Вельтман и это ее произведение имел в виду С. Т. Аксаков, когда в статье «Несколько слов о биографии Гоголя» писал: «Не заслуживает внимания недавно раздавшееся шипение, вероятно, давно сдерживаемой неприязни или зависти, скрытое под формою повести» (*Моск Вед*, 1853, № 35).

270. С. А. Миллер (с. 209)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1908, № 1, с. 207—208, где напечатано без заключения и подписи.

Подлинник неизвестен.

Стр. 210. красотами эпистолярного стиля (*франц.*).

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] Точных сведений о дате знакомства Тургенева с С. А. Миллер (впоследствии жена поэта А. К. Толстого) нет. Можно, однако, предполагать, что это знакомство произошло до ареста Тургенева, т. е. до 16 (28) апреля 1852 г. В своих воспоминаниях Л. М. Жемчужников пишет, что в июле 1852 г. у него были встречи с И. С. Аксаковым, рассказавшим ему «о знакомстве Софии Андреевны с Тургеневым» (Жемчужников Л. Мои воспоминания из прошлого. М., 1927. Вып. 2, с. 50).

[3] С. А. Миллер жила в это время в Смалькове (Саранского уезда Пензенской губернии) — имении своего брата, Петра Андреевича Бахметева (см.: Кондратьев А. А. Граф А. К. Толстой. СПб, 1912, с. 31, 32).

[4] Тургенев ездил в Орел на масленицу.

[5] О С. А. Миллер много злословили и сплетничали. См., например, рассказ Д. В. Григоровича в передаче А. С. Суворина (Дневник А. С. Суворина. М.; П., 1923, с. 32—33).

271. Д. Я. Колбасину (с. 211)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6700, 23 октября (4 ноября).

[1] Это письмо Тургенева к И. П. Арапетову неизвестно. В то время Арапетов занимал должность правителя канцелярии департамента уделов. Д. Я. Колбасин, желавший по окончании университета поступить на службу, в письме от 20 февраля ст. ст. 1853 г. просил Тургенева: «...пришлите и Вы письмецо к Арапетову, ведь говорят, попытка — не пытка, а спрос — не беда!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 5 об.). Позднее, 18 марта ст. ст. 1853 г., Д. Я. Колбасин сообщал Тургеневу о своем визите к Арапетову и о его предложении служить «в Москве или в Орле», чему Д. Я. Колбасин обрадовался, так как считал, что в «Орле служить, почти что в Спасском жить» (там же, л. 7 об., 8). Из последующих писем Д. Я. Колбасина к Тургеневу известно, однако, что с Арапетовым он не смог ни о чем договориться и принужден был поступить в одну семью в качестве воспитателя.

[2] См. письмо 274.

[3] В 1853 г. С. О. Таборовский был молодым начинающим музыкантом. Д. Я. Колбасин в письме от 20 февраля ст. ст. 1853 г. просил Тургенева от имени Таборовского о рекомендательном письме к П. Виардо, которую тот собирался просить участвовать в его концерте (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 5 об.—6). 18 марта 1853 г. Колбасин сообщал Тургеневу: «Таборовский еще до получения Вашего письма являлся к Виардо, но так как она отправлялась в Москву раньше дня его концерта, то и отказала ему» (там же, л. 8 об.).

[4] По-видимому, Тургенев неоднократно приглашал Колбасина снова приехать погостить в Спасское-Лутовиново. Это видно хотя бы из слов Колбасина в письме от 20 февраля ст. ст. 1853 г.: «Вы пишете, что хорошо бы было, если б я на лето опять приехал, я сам думаю, что это было б даже весьма хорошо, но бог весть, сбудется ли сей прекрасный план!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 5).

[5] Тургенев, по своему положению ссыльного, должен был иногда являться к губернскому начальству.

[6] См. письмо 238. 8 июня ст. ст. 1853 г. Колбасин снова писал Тургеневу: «Ноты Гуно я потерял надежду получить...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 12 об.).

272. К. Н. Леонтьеву (с. 212)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4855/7, л. 1.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1866, № 12, с. 71.

[1] См. письмо 267.

[2] Повесть «Немцы» не была напечатана в «Отечественных записках». Автор ее впоследствии рассказывал: «Краевский показал мне корректурные листы моей повести, помаранные двумя цензорами — Фрейгангом и Крыловым. У одного чернила были красные, у другого — синие. В чем же было дело? Во-1-х, что такое „Немцы“?.. Повесть нельзя пропустить, ибо смысл ее тот, что немцы честнее, лучше русских» (Л е о н т ь е в К. Страницы воспоминаний. СПб., 1922, с. 30). См. также письмо 236, примеч. 1.

[3] «Муму» и «Постоялый двор».

[4] Н. Х. Кетчер по поручению Тургенева отдавал в переписку его произведения для прочтения их московскими знакомыми.

273. И. Ф. Миницкому (с. 212)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 630—632.

Подлинник неизвестен.

[1] Разрешение покинуть Спасское, куда Тургенев был сослан без определения срока, последовало только в середине ноября ст. ст. 1853 г. Тургенев получил сообщение об этом 23 ноября (см. письмо 320).

[2] «Постоялый двор».

[3] Роман — «Два поколения».

[4] Речь идет об отдельном издании «Записок охотника» (М., 1852).

[5] Скептическое отношение Тургенева к «Запискам охотника» объясняется его стремлением в этот период перейти к произведению крупного жанра; первым опытом в этом жанре был роман «Два поколения».

274. И. П. Панаеву (с. 214)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3926, л. 3.
Впервые опубликовано: *Панаев*, т. 6, с. 398.

[1] См. письмо 271, примеч. 1.

[2] Тургенев приехал в Орел на масленицу 23 февраля (7 марта) 1853 г. (см. об этом в письме 271), а 6 (18) марта сообщил С. Т. Аксакову о возвращении своем в Спасское-Лутовиново (письмо 269).

[3] Статья А. В. Дружинина «Воспоминание о русском художнике Павле Андреиче Федотове» была написана в связи со смертью Федотова, который скончался 14 ноября 1852 г.

[4] Статьи В. П. Гаевского «Дельвиг» начали печататься в «Современнике» с февраля 1853 г. Некрасов сообщал о первой из них Тургеневу еще 20 января ст. ст. 1853 г.: «Гаевский написал прекрасную статью о Дельвиге» (*Некрасов*, т. 10, с. 187).

[5] См. письмо 264, примеч. 2 и 3. «Кошемаром», где под именем «Космоса» высмеивался Н. Г. Фролов, был очень недоволен, в частности, Анненков, который писал Тургеневу: «Панаев имеет успех великолепнейшего скандала фельетоном 1-го №, где говорится о женитьбах Космоса (гадкая вещь, по-моему, и стоило бы, чтоб близкие к нему люди, как Вы, например, не поддакивали ему в этих мелких и крайне неблаговидных мщениях...)» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 14). Возмущение вызвал фельетон Панаева и у Грановского, о чем он писал Е. Ф. Коршу (см.: Т. Н. Грановский и его переписка, М., 1897, Т. II, с. 468).

[6] «Два поколения».

[7] Речь идет о карточном выигрыше Некрасова, о чем он и сам позже сообщал в письме к Тургеневу от 9 июля ст. ст. 1853 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 193).

275. П. В. Анненкову (с. 214)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 104а, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 5, с. 273—274.

Стр. 215. «Отец семейства» (*франц.*).

[1] Речь идет о письме Анненкова к Тургеневу от начала марта 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 16—17 об.); отрывки из него приведены в примечаниях к письму 231.

[2] Комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» тогда еще не была напечатана, но уже исполнялась на сцене.

[3] М. С. Щепкин приехал в Спасское «в понедельник», т. е. 9 марта ст. ст. 1853 г. Об этом его приезде известно также со слов камердинера Тургенева — Захара Балашова, который рассказывает, как писатель «бросился... и начал обниматься с приезжим, которым был не кто иной, как Михаил Семенович Щепкин. Он первый приехал из Москвы за 300 верст навестить Тургенева. На почтовых тогда чего-нибудь да стоило такой путь проехать» (см.: Щепкин М. А. М. С. Щепкин. 1788—1863 гг. СПб., 1914, с. 354).

[4] Тургенев ошибся: следующим днем (днем отъезда М. С. Щепкина из Спасского) была не суббота, а воскресенье, 15 марта 1853 г.

[5] В пьесах «Побочный сын» (1757) и «Отец семейства» (1758) Дидро одним из первых в западноевропейской литературе изобразил добродетели и пороки буржуазного семейного быта в сентиментальной и морализующей манере, заметной и в таких пьесах Островского, как «Не в свои сани не садись».

[6] Славянофильские тенденции Островского в комедии «Не в свои сани не садись» вызвали у Анненкова следующие размышления в письме к Тургеневу: «Да как же быть без направления? Ведь оно дает и теплоту, и смысл сочинению, и участие автора к своим лицам и, наконец, нравственное значение. Поэтому вышло, что и романы Евг. Тур — прекрасны — разве это безделица — чудо немалое! С объективностью одной этого не сделаешь. Это правда, да всего этого лучше мужественный писатель, который теплоту и значение и смысл видит везде. К чёрту *направления*!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 17 об.).

[7] Если М. С. Щепкин приехал к Тургеневу в понедельник, 9 марта, а уехал из Спасского 15 марта, то, следовательно, он пробыл там не пять, а семь дней.

[8] «Два поколения».

[9] См. письмо 268, примеч. 11.

[10] Оценка Тургеневым «Москвитянина» является ответом на отзыв Анненкова, который писал: «Если бы этот журнал очистить от юношей, не подающих ни малейших надежд, и критики, разрабатывающей ученические тетрадки,— был бы журнал, какого еще не было» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 17 об.).

[11] У Тургенева был особый интерес к выступлениям П. Виардо именно в «Пророке» (см. письмо 268, примеч. 9). Еще в 1850 г. во второй книжке «Отечественных записок» была напечатана его статья «Несколько слов об опере Мейербера „Пророк“».

[12] См. письмо 268, примеч. 6.

[13] Тургенев имеет в виду «Сочинения Пушкина» и в особенности «Материалы для биографии А. С. Пушкина», составившие I том издания, подготовляемого Анненковым.

[14] См. письмо 248, примеч. 11.

[15] См. письмо 271, примеч. 1.

276. И. Е. Забелину (с. 216)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 440, ед. хр. 98, с. 104.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 2, с. 139 с предположительной датировкой 20-ми числами марта ст. ст. 1853 г., т. е. временем тайного приезда Тургенева в Москву с чужим паспортом для свидания с П. Виардо (см. письма 277 и 278). Некоторая конспиративность записки, не поддающаяся истолкованию, возможно, связана с этими обстоятельствами ее написания и в свою очередь служит подтверждением датировки.

Однако не менее вероятна связь этого письма с письмом к И. Е. Забелину А. А. Краевского от 9 (21) апреля 1854 г. Это письмо, как явствует из его содержания, Краевский посылал с уезжавшим в Москву Тургеневым и писал о нем Забелину, в частности, следующее: «...предлагаю вам свою покорнейшую просьбу: приказать хорошему писцу переписать на мой счет рукопись Радищева, которая, говорят, у вас имеется. Я давно дорываюсь до нее. Сделайте одолжение... Тургенев торопит меня. Прощайте». Возможно, в комментируемом письме и идет речь об этой рукописи Радищева, которую Забелин пересылал Краевскому с Тургеневым, уезжавшим из Москвы в Петербург 20 мая ст. ст. 1854 г. Подробнее см.: Б л и н ч е в с к а я М. Я. К истории отношений Тургенева с И. Е. Забелиным.— *Т сб*, вып. 1, с. 278—281.

277. С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым (с. 216)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 13, № 72, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 470—471.

[1] Говоря о своем возвращении из «10-дневной поездки», Тургенев имеет в виду тайное пребывание в Москве, куда он ездил для свидания с П. Виардо, прибывшей на гастроли. Далее речь идет о письмах С. Т. Аксакова от 9, 10, 11, 14 и 17 марта ст. ст. 1853 г., а также письмах И. С. Аксакова от 11 марта ст. ст. 1853 г. и К. С. Аксакова от 12 марта ст. ст. 1853 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 24—33).

[2] Общее впечатление от «Постоялого двора» сложилось у всех Аксаковых вполне положительное.

[3] Тургенев не мог согласиться с тем, как К. С. Аксаков толковал особенности русского народного характера в связи с образом Акима из «Постоялого двора». В письме к Тургеневу от 12 марта 1853 г. К. С. Аксаков высказал мысль, что «русский человек или, лучше, русский крестьянин есть, в существенных своих проявлениях, действиях и словах, такой великий наставник и проповедник истины и добра христианского учения, который убедит всякого, кто упрямо не заткнет ушей» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 29).

[4] С. Т. Аксаков в письмах к Тургеневу от 10 и 14 марта ст. ст. 1853 г. высказал ряд соображений по поводу «Постоялого двора» в целом (он называл эту повесть «превосходною»), а также об отдельных персонажах — Акиме, его жене, Науме и других (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 26, 31—32).

[5] В письме к Тургеневу от 14 марта ст. ст. С. Т. Аксаков сделал также несколько замечаний «насчет неточного употребления слов и даже выражений» в «Постоялом дворе» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 32).

[6] Имеется в виду В. Г. Белинский. В письме к Анненкову от 15 февраля ст. ст. 1848 г. он отметил, что автор «Записок охотника» «пересаливает в употреблении слов орловского языка...» (*Белинский*, т. 12, с. 467).

[7] Об этом предприятии сообщал Тургеневу С. Т. Аксаков в своем письме от 9 марта ст. ст. 1853 г.: «...я вздумал издавать ежегодно 〈...〉 „Охотничий сборник“» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 24) и далее кратко характеризовал программу его (см. также письма 281, примеч. 5, и 285, примеч. 4).

278. П. В. Анненкову (с. 217)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Вопр. лит.* 1957, № 2, с. 179—180.

Стр. 218. но... какой же может быть вопрос (*франц.*).
Стр. 218. в духе Гейне (*франц.*).
Стр. 218. Лекарство (*лат.*).

[1] Тургенев имеет в виду роман «Два поколения».

[2] Анненков писал Тургеневу 20 марта ст. ст. 1853 г.: «Я жду с замиранием сердца нового романа 〈...〉 Ужасно хочется видеть деревенскую литературу, особенно после ваших слов, что изображали виденное и слышанное. Это всегда выходит хорошо» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 18).

[3] Речь идет о «Лжедмитрии» П. Мериме.

[4] Анненков в цитированном выше письме спрашивал: «...что вы думаете о последних стихах Некрасова в „Совр⟨еменнике⟩“? Не кажется ли вам, что содержание лиризма его теперь уже почти антипоэтическое?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 18 об.—19). Стихотворения Некрасова, о которых идет речь, были опубликованы в февральской книжке «Современника»; это — «Старики» и «Ах, были счастливые годы».

[5] См. письмо 264.

[6] Отрывки из первых двух глав второй части «Мертвых душ» Гоголя Тургенев мог слышать в Москве, куда он ездил из Спасского-Лутовинова для встречи с П. Виардо во время ее гастролей. «Приехала сюда Mme Viardot прямо из Питера, рассказывала о Тург⟨еневе⟩,— он приезжал в Москву тайком»,— писал Герцен из Лондона М. К. Рейхель 4 июня 1853 г. (*Герцен*, т. 25, с. 69).

[7] Тургенев отрицательно относился к А. О. Смирновой; она послужила ему прототипом для создания образа Д. М. Ласунской в романе «Рудин».

[8] Тургенев имеет в виду то место в 1-й главе II тома «Мертвых душ», где рассказывается как Селифан, кучер Чичикова, живя в усадьбе Тентетникова, водил с крестьянскими девушками весенние хороводы: «Во сне и наяву, утром и в сумерки, всё мерещилось ему потом, что в обеих руках его белые руки и движется он в хороводе». В ответ на замечание Тургенева Анненков писал ему 12 апреля ст. ст. 1853 г.: «...почему Селифан не может видеть во сне хоровода с девками — не знаю ⟨...⟩ Селифан, пораженный хороводами, нисколько не делается от этого Линдором» (Вопр. лит., 1957, № 2, с. 181). Линдором называет себя граф Альмавива в «Севильском цирюльнике» Бомарше.

[9] См. примеч. 1 к письму 268.

[10] Отзывы Аксаковых о «Постоялом дворе» содержатся в их письмах к Тургеневу от 10, 11, 12 и 14 марта ст. ст. 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 26—32). Братья Аксаковы подходили к оценке образа Акима со славянофильских позиций. Тургенева не могли не смутить, например, такие слова И. С. Аксакова: «Этот оскорбленный, ограбленный и разоренный Аким, умевший из-под развалин своего земного благосостояния возрасти до такой недосягаемой для нас нравственной высоты, заставляет читателя даже стыдиться тех буйных выходок, которые возбуждаются в самом читателе в пользу Акима ⟨...⟩ Русский человек остался чистым и святым — и тем самым сильнее обвинения обвинил общество, поразил его таким неотразимым обвинением, которое ⟨...⟩ — вы думаете: погубит общество, низведет на него месть и кару? Нет! — которое, может быть, святостью и правотою своею смирит гордых, исправит злых и спасет общество» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 27).

[11] 17 февраля 1853 г. Боткин писал Тургеневу: «По мне — второстепенные лица удались гораздо лучше лиц переднего плана, хотя написанных и сильными красками. Герой так преувеличен, что сбивается на мелодраматического героя, и вообще вся повесть более походит на эскиз, нежели на дельную картину» (*Боткин и Т*, с. 36—37).

[12] См. письмо 248, примеч. 11.

[13] См. письмо 271, примеч. 1.

279. **Полине Виардо** (с. 219 и 409)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сеп (Париж). На первой странице письма (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «non» («нет» — *франц.*).

Впервые опубликовано: в русском переводе (с небольшим сокращением) — *ВЕ*, 1911, № 9, с. 223; полностью во французском оригинале — *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 74—75.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Письма Тургенева к П. Виардо от 4 (16) и 11 (23) апреля 1853 г. неизвестны.

[3] По сообщениям газет «Северной пчелы» и «Московских ведомостей», П. Виардо, выехав из Петербурга 16 марта (см. письмо 266, примеч. 4), через несколько дней дала в Москве первый концерт: краткая заметка о нем помещена в № 36 «Московских ведомостей» от 24 марта, а подробная рецензия — в № 38 от 28 марта. 3 апреля состоялся ее второй концерт и 5 апреля — третий (см.: *Моск Вед*, № 42, 7 апреля). Тотчас после этого П. Виардо уехала в Петербург, где 8 апреля дала, как видно из объявления в № 78 «Северной пчелы» от того же числа, «в зале Дворянского собрания большой вокальный и инструментальный концерт 〈...〉 перед своим отъездом». Рецензия на этот концерт Ростислава (Ф. М. Толстого) была помещена: *Сев Пчела*, № 82, 13 апреля. 9 апреля П. Виардо участвовала в концерте А. С. Даргомыжского. В московском концерте П. Виардо 3 апреля «2-я партия (т. е. отделение.— *Ред.*) состояла большею частью из русских песен», и рецензент «Московских ведомостей» жаловался на этот «плохой выбор» и находил, что публика «слишком снисходительна» к исполнительнице. Ср. в кн.: *Вольф*, *Хроника*, ч. I, с. 164—165.

[4] Речь идет, вероятно, о письме к вел. князю Александру Николаевичу (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 17).

280. **П. В. Анненкову** (с. 220)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 5—6.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 144—146.

[1] См. письмо 278, примеч. 8. Речь идет о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», проповедовавшей покорность крепостническому строю, церкви и самодержавию.

[2] Имеется в виду главный герой романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (русский перевод появился в 1853 г.). Анненков, сравнивая Акима из «Постоялого двора» с дядей Томом, в письме к Тургеневу от 12 апреля ст. ст. 1853 г. указывал: «Поглядите-ка, что делает теперь на свете другой Аким, дядя Том с своей хижиной; но по всем вероятиям, в седые наши головы не прибавится и лишнего седого волоса, когда дядя Том — забвен будет. А между тем всё очень благородно, очень тепло, и есть превосходные страницы. Но дядя Том и дядя Аким есть полемика, а не создание» (см.: Назарова Л. Н. К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов.— *Т*, *Сб* (*Алексеев*), с. 139—140). Чувствуя полемичность образов, созданных американской писательницей и Тургеневым, а также направлен-

ность произведений в целом против рабства, Анненков считал, что это вредит их художественности, и недооценивал их значения.

[3] Тургенев имеет в виду книгу «Briefe an und von J. H. Merck» (Дармштадт, 1838), включающую переписку Мерка с Гёте, Гердером, Виландом, Клаудиусом и др. Мнение о том, что Мерк послужил прототипом для Гёте при создании образа Мефистофеля, что Гёте «списал» его с Мерка, было широко распространено в литературе о Гёте и разделялось Тургеневым, который еще в рецензии на перевод «Фауста», сделанный М. Вронченко, писал, что Мерк «послужил Гёте типом Мефистофеля...» (*Отеч Зап*, 1845, № 2, отд. V, с. 59; наст. изд., Сочинения, т. I, с. 224).

[4] Сократ в диалоге Платона «Теэтет» говорит о том, что его мать была повивальной бабкой и что он сам помогает молодым людям разрешаться от бремени их мыслей.

[5] Роман Д. В. Григоровича «Рыбаки» печатался в «Современнике», начиная с мартовской книжки 1853 г. Отзыв Тургенева об этом произведении см. также в письме 282. Рассказ Л. Н. Толстого «Набег» был опубликован в мартовской книжке «Современника» за 1853 г. за подписью «Л. Н.».

[6] Об этой повести К. Н. Леонтьева Анненков писал Тургеневу 12 (24) апреля 1853 г.: «„Немцы“ — повесть, потребовали очищения и потому не скоро еще увидят свет. Мне говорили, что противупоставление их с типами русских особенно вышло ярко для печати, что может быть и весьма основательно» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 21).

[7] О «Дневнике студента» С. П. Жихарева см. в письме 268, примеч. 11.

[8] 12 (24) апреля 1853 г. Анненков писал Тургеневу: «Панаев с ним давно знаком, Жихарев к нему даже напрашивался со своими портфелями (весьма любопытными), а тот предпочитает рассказы Мухортова. Впрочем, кажется, и вы думаете, что есть какое-то достоинство издавать журнал из особой комнаты Дюссо» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 21 об.). Анненков намекает здесь на то, что И. И. Панаев иногда собирал материал для «Современника», находясь в известном ресторане Дюссо.

[9] В мартовской книжке «Современника» было напечатано без подписи стихотворение Некрасова без заглавия, начинающееся строкой «Душа мрачна, мечты мои унылы» (оно является первой из «Последних элегий», которые полностью были опубликованы в IV разделе стихотворений Некрасова, изд. 1856 г.).

[10] Анненков посылал Тургеневу номер «Revue des Deux Mondes» с «Лжедмитрием» П. Мериме и просил после прочтения возвратить его (см. письма 262, 268, 278).

[11] «Два поколения».

[12] В письме от 1 (13) мая 1853 г. Анненков сообщал Тургеневу: «Пушкин подвигается. Биография переписывается и теми, которые слышали ее, похваливается ⟨...⟩ А вышло биографии на могущественный том листов в 30» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 23).

281. С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым (с. 222)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 72, л. 5—6.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 471—472.

[1] Письмо 277.

[2] В письме от 14 (28) марта 1853 г. С. Т. Аксаков обещал сделать, при наличии хорошего списка «Постоялого двора», ряд замечаний

по поводу языка и стиля повести (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 32).

[3] «Два поколения».

[4] Тургенев имеет в виду продолжение «Московского сборника», т. е. выпуск его второго тома. С. Т. Аксаков 30 апреля ст. ст. 1853 г. отвечал ему: «Слухи, дошедшие до вас относительно издания „Московского сборника", совершенно справедливы, и Хомяков, Иван Киреевский, князь Черкасский и мои сыновья обязаны подпиской посылать свои сочинения, назначаемые для печати, в главное управление цензуры» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 36).

[5] Рассказы эти не были опубликованы в «Охотничьем сборнике», так как он был запрещен цензурой (см. об этом в письме 285, примеч. 4). Один из рассказов впоследствии (в 1855 г.) был опубликован в книге «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах Сергея Аксакова. С прибавлением статьи И. С. Тургенева: О соловьях». Второй из рассказов обработан Тургеневым значительно позже под названием «Поездка в Полесье» (*Б-ка Чт*, 1857, № 10).

282. П. В. Анненкову (с. 224)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 7—8.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 2, с. 149—151.

[1] Письмо Анненкова от 1 мая ст. ст. 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 22—23), в котором он сообщал Тургеневу: «Задавлен я теперь проверкой текстов ⟨Пушкина⟩. Это работа, над которой, с непривычки, я, ей-богу, погибал и теперь еще едва на поверхности, но надеюсь нынешним летом всё порешить».

[2] «Два поколения».

[3] В цитированном выше письме Анненков высказывал ряд соображений о романе (в связи с «Рыбаками» Д. В. Григоровича, к которым относился резко отрицательно) и в заключение писал: «Я убежден, что и в наше время можно сделать эпопею, что она возможна, но для нее уж надобно непременно историческое созерцание — верное и поэтическое. К такой эпопее способен был Пушкин перед смертию, и можно с убеждением, судя по многим вещам, сказать, что он бы ее сделал. Но уже просто взять à la Гомер нынешний естественный быт и переворачивать его и ставить его под разные освещения — всё будет скучно, хоть обливайся пóтом» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 22).

[4] В апрельской книжке «Современника» были напечатаны главы X—XV второй части «Рыбаков» Григоровича.

[5] Анненков в цитированном выше письме сообщал об увлечении петербургских жителей вертящимися столами, т. е. спиритизмом.

[6] Там же Анненков писал: «Кстати, вы мастер писать очерки. Не напишете ли вы, чему учится девочка у петербургской французской мадам, как она там растет и, потом, что с нею делается опять в деревне, у господ или, пожалуй, у родителей». Тургенев этим советом не воспользовался.

[7] Имеются в виду Н. А. Некрасов и И. И. Панаев. О том, что «Современник» часто опаздывает по сравнению с другими журналами, Тургенев писал и самим редакторам (см. письмо 264).

[8] «Немцы».

[9] Это письмо Тургенева к Арапетову неизвестно.

283. П. Ф. Миницкому (с. 226)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 70, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 632—633, с пропусками.

[1] Миницкий в этом году поступил на службу надзирателем пансиона при Первой одесской гимназии.

[2] Роман Ж. Санд «Консуэло» написан в 1842—1843 гг. Тургенев имеет в виду неоднократное изображение в этом романе сатаны как носителя положительных свойств. Так, в гл. LV читаем: «Вглядываясь, она узнает в нем сатану, самого прекрасного из всех бессмертных после бога, самого печального после Иисуса, самого гордого из всех гордых ‹...› Скорбно улыбаясь людям, оскверненным злодеяниями, он прижимает к своей груди маленьких детей». И далее, обращение сатаны к людям: «‹...› Христос, мой брат, не любил вас больше, чем я люблю. Пора вам узнать меня, пора вместо того, чтобы называть врагом рода человеческого, снова увидеть во мне друга, поддерживающего вас в борьбе. Я не демон, я — архангел, вождь законного восстания и покровитель великой борьбы ‹...› Я — бог бедных, слабых, угнетенных» (Ж о р ж С а н д. Консуэло. М.: Academia, 1936. Т. I, с. 377).

[3] Неточная цитата из «Песен западных славян» Пушкина («Похоронная песня Иакинфа Маглановича»). У Пушкина: «С богом, в дальнюю дорогу!»

[4] «Два поколения».

[5] Тургенево — имение отца писателя, С. Н. Тургенева, перешедшее к обоим его сыновьям — Н. С. и И. С., а впоследствии принадлежавшее одному Н. С. Тургеневу. Писатель в это время еще не знал, что расположенное поблизости от Тургенева Покровское принадлежало не Л. Н. Толстому, а В. П. и М. Н. Толстым. «Детство» напечатано в № 9 «Современника» за 1852 г. под заглавием «История моего детства» и за подписью «Л. Н.»

284. Полине Виардо (с. 228 и 410)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). На первой странице (в левом верхнем углу) помета рукой П. Виардо: «oui» («да» — *франц.*).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Revue Bleue, 1906, № 26, 30 juin, p. 801—802; в русском переводе (с неточностями) — Новое время, 1906, № 10879, 28 июня (11 июля).

[1] П. Виардо уехала из Петербурга по окончании гастролей, в последних числах апреля, через Варшаву в Париж и оттуда в Лондон (см. объявления об отъезжающих: *Сев Пчела*, 1853, № 86, 17 апреля). Рецензию Ростислава (Ф. М. Толстого) на прощальный ее концерт 26 апреля, с описанием «трогательных проводов» артистки публикой, см.: *Сев Пчела*, 1853, № 97, 4 мая.

[2] П. Виардо была в Москве, вероятно, проездом из Петербурга в Варшаву, в конце апреля ст. ст.

[3] См. письмо 263, примеч. 4.

[4] Мнение Г. Чорли о Гоголе неизвестно. Вероятно, вопрос Тургенева имел в виду сборник повестей Гоголя («Nouvelles russes») в переводе, сделанном Л. Виардо с помощью Тургенева (1845)

(Алексеев М. П. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе.— В кн.: Труды Отдела новой русской литературы Института литературы АН СССР, т. I. М.; Л., 1948, с. 48).

[5] «Два поколения».

[6] Речь идет о «Записках охотника» (1852). Один из двух экземпляров, посланных через посредство Виардо (вторая часть «Записок»), был доставлен ею проездом через Берлин К. А. Фарнгагену фон Энзе, о чем последний записал в своем дневнике под 23 мая 1853 г. (см.: Varnhagen von Ense. Tagebücher, Bd. X. Hamburg, 1868, p. 160—161). Другой экземпляр предназначался, быть может, Чорли.

285. С. Т. Аксакову (с. 230)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 14—15.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 472—473.

[1] Письмо С. Т. Аксакова от 29, 30 апреля ст. ст. 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 35—37).

[2] «Два поколения».

[3] Своего обещания послать С. Т. Аксакову «завтра», т. е. 13(25) мая, список «Постоялого двора» Тургенев не выполнил и отправил список повести лишь через два года. Это видно из письма к нему С. Т. Аксакова от 16 мая ст. ст. 1855 г., где говорится: «...только сегодня получил я <...> рукопись „Постоялого двора“ и увидел в конце рассказа вашу собственноручную подпись» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 25).

[4] Решая вопрос об «Охотничьем сборнике», Министерство народного просвещения 7 сентября 1853 г. запросило III отделение, нет ли у него компрометирующих С. Т. Аксакова сведений. Начальник штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт наложил на письмо резолюцию: «По неблагонамеренности г-на Аксакова, едва ли можно ему дозволить быть издателем какого бы то ни было журнала» (Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1955. Т. I, с. 46). Сам С. Т. Аксаков писал Тургеневу 30 апреля ст. ст. 1853 г.: «Здешний цензурный комитет не решился дозволить мне „Сборник“ как *периодическое* издание. Я послал просьбу в главное управление цензуры и употребил все зависящие от меня средства, чтобы иметь успех. В случае положительного отказа, я все-таки выдам большой том „Собрание статей о различных охотах разных сочинителей“» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 36).

[5] См. письмо 190, примеч. 7.

[6] «О соловьях», «Поездка в Полесье» — см. письмо 281, примеч. 5.

[7] Этим письмом подтверждается дата освобождения Тургенева после месячного ареста, которому он был подвергнут с 16 апреля по 16 мая ст. ст. 1852 г.

[8] Отрывок из данного письма (от слов «солнечные лучи...» и кончая «чуть обрумяненное зарей») почти дословно вошел позднее в начало XI главы романа «Отцы и дети». Что же касается швейцарского пейзажиста А. Калама, то в действительности он умер в 1864 г.

[9] С. Т. Аксаков в письме от 30 апреля ст. ст. 1853 г. сообщал Тургеневу: «<...> уженье отчасти наполняло пустоту, оставленную отсутствием ружейной охоты, и даже теперь, не чувствуя того страстного увлечения, с каким я удил даже лет 10 тому назад, я не

могу спокойно оставаться в комнате, если здоров» (*Рус Обозр*, 1894, № 9, с. 37).

[10] Имеется в виду Троице-Сергиевская лавра, находящаяся в 120 км от Москвы и недалеко от Абрамцева.

286. **С. А. Миллер** (с. 231)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1908, № 1, с. 208—209 в русском переводе с французского оригинала, кроме последнего абзаца, который в подлиннике был написан по-русски.

Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Тургенев и впоследствии принижал значение своих драматических произведений. Так, в заметке «Вместо предисловия» к «Сценам и комедиям» он не признавал за собой «драматического таланта», говоря, что его пьесы, «неудовлетворительные на сцене, могут представить некоторый интерес в чтении» (см. наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 481).

[3] Наиболее значительными вещами, написанными Тургеневым в «последнее время», были повесть «Постоялый двор» и первая часть романа «Два поколения».

[4] Деревня Смальково, Саранского уезда Пензенской губернии (см. письмо 270, примеч. 3).

[5] Намек на арест Тургенева в связи с опубликованием его статьи о Гоголе, когда А. К. Толстой принял близкое участие в его судьбе.

287. **П. В. Анненкову** (с. 232)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 159—160.

Стр. 233. подобно Онегину (*франц.*).
Стр. 233. это между нами (*франц.*).

[1] Письмо Анненкова от 17 (29) мая 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 24—25.

[2] В этом письме Анненков обещал Тургеневу: «Так или сяк, но я увижусь с вами в нынешний 1853-й год».

[3] «Два поколения».

[4] Тургенев имеет в виду следующие строки из «Евгения Онегина» (глава 7, строфа XXIII):

Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Анненков 17 (29) мая 1853 г. писал Тургеневу: «Арапетову передам сегодня же ваше письмо и попрошу о скорейшем ответе» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 25).

[6] М. А. Языков. В цитированном выше письме Анненков сообщал, что, работая над биографией Пушкина, он пользуется библиотекой, купленной Тургеневым у вдовы Белинского, и просил его: «Вы мне подтвердите право на вашу библиотеку, как на мою временную собственность,— это необходимо для меня».

[7] По-видимому, речь идет о делах «Комиссионерской конторы для провинциальных жителей», основанной М. А. Языковым и Н. Н. Тютчевым в 1847 г. (вероятно, в ее операциях принимал участие и П. В. Зиновьев). Контора прекратила свое существование в конце 50-х или в начале 60-х годов.

[8] Тургенев, вероятно, имеет в виду Н. С. Вяземского и его жену Е. П. Вяземскую. Анненков 27 ноября 1852 г. писал Тургеневу: «Я здесь часто говорю о вас с княгиней Вяземской, и всякий раз приказывает она мне не забывать вам кланяться, прибавляя: „от души". Она вас очень любит, и я ее очень люблю» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 6).

[9] Первая статья В. П. Гаевского о Дельвиге напечатана в февральской книжке «Современника» за 1853 г. Анненков в письме к Тургеневу от 17 (29) мая 1853 г., критикуя эту статью, отмечал в заключение: «Биография Дельвига удивительно любопытна как ученое, трудолюбивое и длинное свидетельство, что биографии Дельвига еще не существует» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 24 об.).

[10] 2-я и 3-я части повести Григоровича «Рыбаки» были опубликованы в апрельской и майской книжках «Современника» за 1853 г. В первой майской книжке «Москвитянина» появилась и «повесть из простонародного быта» А. А. Потехина — «Тит Софронов Козонок». Тургенев имеет в виду также произведения Д. В. Григоровича («Деревня», «Антон Горемыка»), И. Т. Кокорева и др. «Идиллический колорит», о котором упоминается в письме, был следствием цензурных условий того времени, когда нельзя было писать правду о крепостном праве. О том, что «пора мужичков в отставку», Тургенев пишет уже после выхода в свет своей книги «Записки охотника» и создания повестей «Муму» и «Постоялый двор».

[11] Тургенев читал М. С. Щепкину 9 и 10 главы своего романа «Два поколения» во время приезда артиста в Спасское в марте 1853 г. (см. письмо 275, примеч. 3).

288. Л. Н. Вакселю (с. 234)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание П. Л. Вакселя, № 4390.

Впервые опубликовано: *Сб РПБ*, 1920, с. 194—196.

[1] Тургенев имеет в виду свою статью о «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова. Письма Л. Н. Вакселя к Тургеневу до нас не дошли, его замечания нам неизвестны.

[2] Апраксинские места на Десне — лесные участки в Севском и Трубчевском уездах Орловской губернии, которые принадлежали Орловскому губернскому предводителю В. В. Апраксину (см.: Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары Пг., 1915. Т. III, с. 204).

[3] До Петрова дня, т. е. 29 июня (11 июля), охота на птиц была запрещена.

[4] Владимир Николаевич Ваксель умер в этом же году.

[5] В 1853 г. Тургенев работал над романом «Два поколения» и составил план двух статей для «Охотничьего сборника».

[6] По греческому сказанию, Андромеда, дочь эфиопского царя Цефея, была прикована к скале у моря и обречена на съедение морским чудовищем. Ее спасителем был Персей, прилетевший на крылатом коне Пегасе, Беллерофон, герой другого греческого сказа-

ния, умертвил чудовище Химеру, сражаясь с ним на том же Пегасе.

289. П. В. Анненкову (с. 235)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 11.

Впервые опубликовано: Вопр. лит., 1957, № 2, с. 182.

Тургенев ошибся в дате, так как суббота в 1853 г. приходилась на 30, а не на 29 или 31 мая.

[1] «Два поколения».

[2] Этим письмом устанавливается точная дата знакомства Тургенева с А. А. Фетом — 29 мая (10 июня) 1853 г. Фет в книге «Мои воспоминания» (ч. I, с. 5) пишет: «На следующее воскресенье мы уже застали Тургенева у Ш⟨еншины⟩х. Видевши его только мельком лет за пятнадцать тому назад, я конечно бы его не узнал. Несмотря на свежее и моложавое лицо, он за это время так поседел, что трудно было с точностью определить первоначальный цвет его волос. Мы встретились с самой искренней взаимной симпатией». По словам Фета (там же, с. 1—2), первая встреча их произошла в Москве у С. П. Шевырева, в начале 40-х годов: «Никогда в позднейшее время мне не случалось спросить Тургенева, помнит ли он эту нашу первую встречу». Очевидно, о первой встрече с Фетом, из-за того что она была мимолетной, Тургенев просто забыл.

[3] См. письмо 290, примеч. 5.

[4] Тургенев имеет в виду первую часть своего романа «Два поколения», которую он отправил Анненкову 27 мая 1853 г. (см. письмо 287).

[5] Неточная цитата из «Евгения Онегина» (глава 2, строфа XXXIX) у Пушкина:

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!

290. С. Т. Аксакову (с. 236)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 16—17 об.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 474—475.

[1] В письме от 24 мая ст. ст. 1853 г. С. Т. Аксаков сообщал, что оба его сына (Иван Сергеевич и Константин Сергеевич) болели лихорадкой (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 480).

[2] «Два поколения». С. Т. Аксаков 24 мая ст. ст. 1853 г. писал Тургеневу: «Пишите роман: я многого от вас ожидаю» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 480).

[3] В письме от 24 мая ст. ст. 1853 г. С. Т. Аксаков напоминал: «...ожидаю „Постоялого двора“» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 480). Речь идет о списке этой повести, который Тургенев обещал заказать специально для С. Т. Аксакова (см. письмо 281, примеч. 2).

[4] О статьях для «Охотничьего сборника», которые Тургенев обещал предоставить С. Т. Аксакову, см. в письме 281, примеч. 5.

[5] В этом письме, а также в письме 289 к П. В. Анненкову, Тургенев объединяет свои впечатления от двух встреч с А. А. Фетом: у Шеншиных и во время приезда поэта в Спасское. Фет позднее вспоминал: «Новых стихотворений в то время у меня почти не бы-

ло, но Тургенев не переставал восхищаться моими переводами од Горация, так что, по просьбе его, смотревшего в оригинал, я прочел ему почти все переведенные в то время две первые книги од... С вами ничего более нет? — спросил он.— Есть небольшая комедия.— Читайте, еще успеем до обеда. Когда я кончил, Тургенев дружелюбно посмотрел мне в глаза и сказал:— Не пишите ничего драматического. В вас этой жилки совершенно нет» (*Фет*, ч. I, с. 6—7).

[6] Под «первыми вещами» Фета Тургенев подразумевает, очевидно, его сборник «Лирический пантеон» (1840) и «Стихотворения А. Фета» (1850).

[7] Тургенев не совсем точно цитирует заключительные строки из стихотворения «Растут, растут причудливые тени». У Фета:

Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.

(опубликовано впервые: *Совр*, 1854, № 1, отд. I, с. 141).

[8] Фет был переведен из армейской кавалерии в лейб-гвардии уланский полк (см.: *Фет*, ч. I, с. 10), что давало ему надежду на скорейшее получение дворянства.

[9] И. С. Аксаков. Его отец сообщал Тургеневу в письме от 24 мая ст. ст. 1853 г.: «Послезавтра Иван едет в Москву, а потом в Пензенскую губернию. У него есть хозяйственные предприятия, о которых сообщу вам подробно тогда, когда они осуществятся, чего я никак не предвижу» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 480).

291. И. Е. Забелину (с. 238)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 440, ед. хр. 98, л. 102.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 165—166.

[1] Тургенев ошибается, называя И. Е. Забелина (Ивана Егоровича) «Иваном Ефремычем», что показывает малую степень их знакомства в то время.

[2] Тургенев имеет в виду письмо к нему Забелина от 18 мая ст. ст. 1853 г. См.: *Т сб*, вып. 1, с. 381.

[3] Речь идет о книге Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», вышедшей в свет значительно позже (в 1862 г.). Тем не менее 18 мая ст. ст. 1853 г. Забелин писал Тургеневу: «Не знаю, как и благодарить вас за предложение издать мой труд ⟨...⟩ Вы заставляете меня серьезно подумать о моей посильной работе, т. е. подумать о том, чтобы при новом ее издании придать ей возможные улучшения и главное возможную полноту. Но в настоящее время она доведена еще только до половины, и потому начать издание я не могу раньше зимы, когда, полагаю, она будет окончена совсем. Всего должно выйти листов тридцать» (там же, с. 381). По-видимому, Забелин не смог окончить работу над этой книгой так скоро, как он обещал в письме к Тургеневу. Это подтверждает и П. В. Анненков, который «сам слышал от почтенного историка нашего Ивана Ег. Забелина, как Тургенев умолял его дать свое согласие на напечатание какого-либо из его трудов»; он прибавляет далее, что «предложение было отклонено, по неимению готового труда ⟨...⟩» (*Анненков*, с. 394).

[4] Статья Забелина «О металлическом производстве в России до конца XVII века» была опубликована в «Записках императорского археологического общества» (т. V, 1853, с. 1—100). В письме от 18

мая ст. ст. 1853 г. Забелин писал Тургеневу: «Препровождаю вам также новый мой труд о металлическом производстве до Петра, за который я получил археологическую премию» (*Т сб*, вып. 1, с. 381).

[5] Статья Забелина «Домашний быт русских царей прежнего времени» (*Отеч Зап*, 1851, кн. 2, 3 и 9. 1852, кн. 1; 1853, кн. 1). 18 мая ст. ст. 1853 г. Забелин писал Тургеневу: «Я собрал всё, что до сих пор напечатал в „От‹ечественных› зап‹исках›", и препровождаю вам отдельные оттиски» (там же). Интерес к этому труду Забелина Тургенев проявлял и позже. Когда в 1862 г. вышла в свет первая часть книги «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (в нее вошли и статьи, ранее напечатанные в «Отечественных записках»), Тургенев просил Анненкова в письме от 19 (31) января 1863 г. прислать ее в Париж (она составила первый том большой работы Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.»).

[6] В течение зимы 1852 (53) г. Тургенев написал в Спасском повесть «Постоялый двор» и работал над романом «Два поколения». Мнение Забелина об этих произведениях неизвестно.

292. **К. Н. Леонтьеву** (с. 239)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4855/8, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 71—73.

[1] Это письмо К. Н. Леонтьева к Тургеневу неизвестно.

[2] «Лето на хуторе» Леонтьев закончил в 1854 г. Впоследствии он находил, что это произведение «не только внимания не стоит, но и заслуживало бы совершенного уничтожения» (Л е о н т ь е в К. Страницы воспоминаний. СПб., 1922, с. 34—35).

[3] «Лето на хуторе» было опубликовано лишь в 1855 г. (*Отеч Зап*, № 5).

[4] Тургенев, как известно, отрицательно относился к своим ранним стихотворным опытам. Леонтьев вспоминал впоследствии: «Тургенев ‹...› часто повторял мне, чтобы я *не спешил печатать*, что он за счастье счел бы уничтожить некоторые прежние свои повести и стихи» (Л е о н т ь е в К. Страницы воспоминаний, с. 28).

[5] В феврале 1853 г. генерал-адъютант князь А. С. Меншиков был направлен в Турцию с чрезвычайной дипломатической миссией. Однако он своим заносчивым поведением вызвал обострение отношений, приведшее к разрыву и сделавшее неизбежной войну России с Турцией: См.: Т а р л е Е. В. Крымская война. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. т. 1. с. 166—194.

293. **П. В. Анненкову** (с. 240)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 12—13.

Впервые опубликовано: *Т. ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 168—170.

Стр. 241. нравы и обычаи (*франц*.).
Стр. 241. «Де ла Рю и комп. клейкие коммерческие конверты» (*англ*.).

[1] Это письмо является ответом Тургенева на письмо Анненкова от 12(24) июня 1853 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 489—491. Л. Н. Майков, публикуя письмо Анненкова в примечаниях к пись-

мам Аксаковых Тургеневу, ошибочно датировал его 1 июня. Восстанавливаем истинную дату на основании подлинника — *ИРЛИ*, ф. 7, л. 26—27). В письме содержатся подробные замечания Анненкова о романе «Два поколения».

[2] По поводу «главы о лектрисе» (из романа «Два поколения») Анненков писал Тургеневу: «Знаете что? Откровенно скажу: мне всегда на душе неприятно, когда автор начинает биографию героини. Тут всегда больше литературного плутовства, чем дела, а потом тут натуга, усиливание, задобриванье читателя, себя оправдание ‹...› Как уже хотите, а из биографии лектрисы вам, рано или поздно, придется поубавить многое. Например: к чему все влюбляются в нее?» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 490).

[3] О главе, посвященной «воспитанию Мити», Анненков там же писал: «Ну, а молодца Митю вы, наоборот, кажется, не дописали. Я там не знаю, что он будет, хотя и догадываюсь маленько, но и теперь есть в романе одна пропущенная глава, и притом еще превосходнейшая во всех отношениях: воспитание Мити. Написанная без всяких применений к 26-летнему Мите и без всяких намеков на будущее, эта превосходная глава еще ярче выставит фигуру барыни и пояснит Митю. А то он охотится и дичится, всё, как будто, говоря про себя: „Посмотрите, какую штуку я выкину!“» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 490). Имеется в виду Дмитрий Петрович, который в «Списке главных действующих лиц», составленном Тургеневым, по-видимому, еще в конце 1840-х годов, был обозначен как поручик в отставке, сын богатой помещицы Глафиры Ивановны Гагиной (автограф плана романа по главам «Два поколения» хранится в Национальной библиотеке в Париже — см.: *Mazon*, p. 54; наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 351—359).

[4] В начале письма Анненков подчеркивал: «...есть превосходные места, каковы все, где является Чермак, какова прогулка на ферму, какова сама барыня — тип новый и который, будучи разработан впоследствии, что несомненно, сделается еще выпуклее и оригинальнее» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 489—490).

[5] Анненков указывал Тургеневу, что ему «надо писать для печати». А в письме от 6(18) июля 1853 г. он отвечал на вопрос Тургенева: «Вы спрашиваете: цензурна ли, или нет — ваша повесть ‹„Два поколения“›? И да, и нет,— смотря по тому, что будет в целом. Если выйдет частность, случай, исключение — нет; если похожее на дело общее, на возможность существования во многих углах — да, принимая уже, разумеется, осторожность изложения в обоих случаях главным делом» (*Рус Обозр*. 1894, № 10, с. 490, 491).

[6] Мнение Корша (очевидно, Е. Ф.) о романе «Два поколения» Анненков сформулировал в письме от 6(18) июля 1853 г. очень кратко: «Корш ‹...› заметил, что лицо Мити колеблется, а не стоит перед глазами. Он при этом и мысль выразил, по-моему, справедливую. Есть большая разница — подготовлять читателя к полному объяснению лица или оставлять его в недоумении. Последнее точно никогда не должно быть и есть ошибка» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 491).

[7] О работе Анненкова над «Материалами для биографии А. С. Пушкина» см. письмо 268, примеч. 10.

[8] О возможности своего приезда в Спасское в 1853 г. Анненков писал Тургеневу 17(29) мая этого года.

[9] О Ченстоне, названном Пушкиным в подзаголовке «Скупого рыцаря» как якобы авторе источника трагедии, Тургенев запра-

сывал Г. Чорли по просьбе Анненкова. Письмо Чорли к Тургеневу — «окончательное о Ченстопе» — неизвестно (см. письма 248, примеч. 11, и 262, примеч. 3).

[10] В письме к Тургеневу от 2 июня ст. ст. 1853 г. гр. Е. В. Салиас де Турнемир сообщила: «Я выезжаю из Симф‹ерополя› 15 августа — а 1 сентября сестра моя (С. В. Сухово-Кобылина.— *Ред.*) должна быть в Петербурге» (*ИРЛИ*, № 5850, л. 21 об.). Роман Евг. Тур — «Три поры жизни», отрывок из которого был напечатан в «Библиотеке для чтения» (1853, т. 116, ч. 2, февраль, отд. 1, с. 239—314). Отдельным изданием он вышел в Москве в 1854 г.

294. С. Т. Аксакову (с. 242)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 18—19.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 475—476.

[1] Цитата из IV главы 1 части «Мертвых душ» Гоголя.

[2] С. Т. Аксаков известил Тургенева о получении 1 части романа «Два поколения» только 4(16) августа 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 481).

[3] Тургенев имеет в виду письмо к нему Анненкова от 12(24) июня 1853 г., в котором содержится отзыв о романе «Два поколения» (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 489—491 и примечания к письму 293).

[4] Рассказ И. Т. Кокорева «Саввушка» был опубликован в «Москвитянине» (1852, № 15—16).

[5] Речь идет об «Охотничьем сборнике», задуманном С. Т. Аксаковым, и о двух статьях, которые Тургенев дал обещание написать для него. См. об этом подробно в письме 281, примеч. 5.

[6] В библиотеке Тургенева в Спасском имелось руководство по шахматной игре: Allgaier I. Anweisung zum Schachspiele. 7-te Auflage. Wien, 1841. В той части книги, где приводится запись шахматных партий, сделаны пометки карандашом и чернилами. Они свидетельствуют о внимательном разборе Тургеневым многих из партий Альгайера (его имя упоминается и в главе II повести «Несчастная»). Среди русских писателей Тургенев был одним из сильнейших шахматистов (см. об этом: Боканов М. И. С. Тургенев и шахматы. (По материалам Орловского Тургеневского музея).— Шахматный листок, 1925, № 3, с. 35—37). Сводка высказываний самого Тургенева и его современников, свидетельствующая об интересе его к шахматам, дана в книге: Коган М. С. Шахматы в жизни русских писателей. Л.; М., 1933, с. 23—35 (глава «И. С. Тургенев»). О большом интересе Тургенева к шахматам свидетельствует, между прочим, и то обстоятельство, что Д. Я. Колбасин в одном из писем к нему (от 20 апреля 1853 г.) счел нужным сообщить о том, что «27 марта открылся шахматный клуб ‹...›» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 10).

[7] А. И. Тютчева и ее сестра К. И. Де Додт.

295. П. В. Анненкову (с. 243)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 16—17.

Впервые опубликовано: Вопр. лит., 1957, № 2, с. 183.

[1] «Два поколения». 12(24) июня 1853 г. Анненков писал Тургеневу: «Я вам предрекаю, что первая часть романа не будет иметь успеха...» (*Рус Обозр*, 1894, № 10. с. 490).

[2] Письмо Н. X. Кетчера к Тургеневу с оценкой романа «Два поколения» неизвестно.

[3] Речь идет о романе Евг. Тур «Племянница», вызвавшем во многом ироническую оценку в статье Тургенева (*Совр*, 1852, № 1).

[4] Василий Васильевич Гагин (управляющий) и генеральша (Глафира Ивановна Гагина) — персонажи романа Тургенева «Два поколения».

[5] См. письмо 300, примеч. 2, 3.

[6] Перевод «Дон-Кихота» Сервантеса не был осуществлен Тургеневым. В 1860 г. он окончил статью «Гамлет и Дон-Кихот», задуманную еще в 1850—1851 гг.

[7] 20 июля (1 августа) 1853 г. Анненков, отвечая на вопрос Тургенева, сообщал ему: «Пушкин весь кончен, с биографией, с хронологическим порядком, с примечаниями» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 31).

[8] И. П. Арапетов. Это письмо его к Тургеневу неизвестно. О поездке на Валаам сообщал Тургеневу и сам Анненков 6(18) июля 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 28).

[9] См. письмо 287, примеч. 2.

[10] Отзыв об И. Т. Кокореве см. также в письме 294.

296. **Полине Виардо** (с. 244 и 412)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I. оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *Т*, *Lettres inéd*, р. 66.

[1] Как и во время английских гастролей П. Виардо осенью 1852 г., о ее выступлениях постоянно сообщал в своих обзорах Г. Чорли в «Athenaeum».

[2] Тургенев намекает на состоявшуюся между 22 и 31 марта (3—12 апреля) свою встречу с П. Виардо в Москве, куда он, находясь в ссылке, тайно выехал из Спасского с фальшивым паспортом.

[3] Это письмо неизвестно.

297. **П. В. Анненкову** (с. 245)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 14—15.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 173—175.

Стр. 245. меня подкосило (*франц.*).
Стр. 246. всё это неужели не правдоподобно? (*франц.*).

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему Анненкова от 6(18) июля 1853 г.; часть письма опубликована: *Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 491, подлинник — в *ИРЛИ*: ф. 7, № 7, л. 28—29.

[2] В письме от 6(18) июля 1853 г. Анненков сделал некоторые замечания по поводу Дмитрия Петровича (одного из главных героев романа «Два поколения») и советовал перенести в другое место главу о его воспитании.

[3] Речь идет о письме В. П. Боткина от 18(30) июня 1853 г.,

в котором содержался довольно резкий отзыв о первой части романа «Два поколения». По мнению Боткина, «повествование тянется всё биографически, обстоятельно, добросовестно, трудолюбиво и рутинно, и только изредка прерывают эту монотонность небольшие и всегда грациозные картины природы. Заключу советом: положи ее и через 6 месяцев — прочти» (*Боткин и Т*, с. 42—43).

[4] Эта поездка впоследствии нашла отражение в повести Тургенева «Поездка в Полесье», где в «первом дне» описывается «сосновый лес, постоянно одинаковый и почти бесшумный», лес, который был «чрезвычайно стар ⟨...⟩ В почтительном расстоянии друг от друга поднимались могучие сосны ⟨...⟩ Зеленоватый мох ⟨...⟩ покрывал землю; голубица росла сплошными кустами». Далее Тургенев приводит слова одного из своих спутников, Егора, о том, что на сосне след медведя, который «за медом лазил».

[5] В этом письме от 20 июля (1 августа) 1853 г. Анненков, защищая роман «Два поколения» от критики В. П. Боткина и Н. Х. Кетчера, указывал Тургеневу: «Но для разных толков оставлять развитие романа, все комбинации и сцены, которые уже более никуда не будут годиться, — это тоже непонятно для меня. Тут у вас и робость и тщеславие детские, смею молвить — робость погрешить в создании, тщеславие показаться перед людьми с прорухой. Господи, да как же это можно?» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 492; подлинник — в *ИРЛИ*: ф. 7, № 7, л. 30—31).

[6] «Прежняя», или «старая», манера Тургенева и им самим, и Анненковым связывалась с периодом создания «Записок охотника», как присущая именно рассказам этой книги; острота и лирическая подчеркнутость отдельных эпизодов и лиц, характерная для «старой манеры», противополагалась в сознании Тургенева широкому эпическому полотну, объективно и всесторонне изображающему жизнь, каким был задуман роман «Два поколения».

[7] Осада Трои, по мифологическим сказаниям, продолжалась десять лет.

[8] «Сочинения Пушкина» в шести томах, изданные П. В. Анненковым, вышли в начале 1855 г. (ценз. разр. 1 и 2 тт.— 22 октября; 3, 4, 5 и 6 тт.— 1 ноября 1854 г.). Седьмой том, дополнительный, вышел в 1857 г.

[9] Анненков в 1853 г. ни в Спасское-Лутовиново, ни в Орел не приезжал, хотя 14(28) августа 1853 г. в ответ на это письмо Тургенева сообщал ему: «Приглашение в Орел непременно буду иметь в виду» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 35 об.).

298. **Д. Я. Колбасину** (с. 247)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6700, 23 октября (4 ноября).

[1] Тургенев имеет в виду письмо к нему Д. Я. Колбасина от 17 июля ст. ст. 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143).

[2] В этом письме Колбасин вспоминал об охоте с Тургеневым летом 1852 г. и в заключение писал: «⟨...⟩ грустнее всего то, что после этих воспоминаний невольно приходила мысль в голову, что, быть может, во всю жизнь не случится провести с Вами такого приятного лета!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 14 об.).

[3] В том же письме Колбасин спрашивал Тургенева, как употре-

бить те 25 рублей, которые он был должен писателю и теперь имеет возможность возвратить ему.

[4] В библиотеке Тургенева сохранился комплект лондонского шахматного журнала «The Chess Player's Chronicle» за 1853 г. (переплетен в один том). Многие практические партии, помещенные в нем, отмечены крестиками — свидетельство того, что писатель разыгрывал их. Вообще на всем издании множество помет (см.: Боканов М. И. С. Тургенев и шахматы. (По материалам Орловского Тургеневского музея).— Шахматный листок, 1925, № 3, с. 36.

[5] Речь идет о Констанции Петровне Де Додт, сестре А. П. Тютчевой. О том, что его возмутило какое-то письмо К. П. Де Додт и потому он не хотел через нее узнавать что-либо о Тургеневе, Колбасин писал ему 8 июня ст. ст. 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 11).

[6] Колбасин еще в письме от 18 марта ст. ст. 1853 г. спрашивал Тургенева: «‹...› скажите, правда ли, что Николай Николаевич ‹Тютчев› приедет в Петербург, здесь все говорят об этом» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 8).

299. **Д. Я. Колбасину** (с. 248)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6700, 23 октября (4 ноября).

[1] В письме от 14(26) августа 1853 г. Д. Я. Колбасин писал: «Я человек холодный, другими словами, владеющий собою — и привязываюсь *исключительно* очень, очень к немногим, но зато для этих немногих я готов на всё, даже если б требовалась личная жертва — исполнил бы ее не заикнувшись. Вообще я не люблю высказывать моих чувств к другому, а особенно словами, но для меня сомнение хуже всего, тем более в таком человеке, как Вы, к которому я чувствую безграничную привязанность и уважение» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 15 об.).

[2] См. письмо 298.

[3] В письме к Тургеневу от 25 августа ст. ст. 1853 г. Колбасин спрашивал: «...кстати, что Т‹ютче›в сам отказывается или Вы ему отказываете?» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 18 об.).

[4] Колбасин согласился на это предложение (см. письмо 305). О своей хозяйственной деятельности (заключении контракта на мельницу с одним купцом, необходимости поездок в деревни, принадлежащие Тургеневу: Ситово, Медведки, Любовшу, и т. п.) Колбасин сообщал Тургеневу в Спасское 14, 19 октября ст. ст. 1853 г., находясь уже в Кадном (тоже деревня Тургенева) (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 19—20).

300. **С. Т. Аксакову** (с. 249)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 20—21.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 476—477.

[1] Тургенев имеет в виду письма к нему С. Т. Аксакова от 12 июля и 4 августа ст. ст., а также — К. С. Аксакова от начала августа 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 480—487).

[2] С. Т. Аксаков в письме от 4 августа ст. ст. 1853 г. сделал

Тургеневу ряд замечаний по поводу 1 части романа «Два поколения»; в заключение он писал: «Повторяю, что я с наслаждением выслушал начало вашего романа, несмотря на замеченные мною недостатки» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 483). Елизавета Михайловна (лектриса) и Дмитрий Петрович — герои романа «Два поколения». К. С. Аксакову не понравилось, что в 12 главе произведения слишком много места отведено любви, и он писал об этом Тургеневу в начале августа 1853 г. В свою очередь и С. Т. Аксаков в письме от 4 августа ст. ст. того же года также восклицал: «...что за любовная чума! Ведь кажется в нее ⟨Елизавету Михайловну⟩ все будут влюблены! Дмитрий Петрович как-то очень темен и несимпатичен. Объяснение в любви слишком обыкновенно, чтоб не сказать — пошло» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 483).

[3] Тогда же С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «Некоторые лица превосходны, как-то: Глафира Ивановна ⟨...⟩ сосед Чермак и Василий Васильевич: последнего я ставлю выше всех; это — истинный тип такого рода по преимуществу русских натур!» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 482). Речь идет о тех персонажах, которые в «Списке главных действующих лиц» романа были обозначены: «Глафира Ивановна Гагина, *52* лет. (Г.) вдова, богатая помещица», «Платон Егорыч Чермак — *40* лет. (Ч.) — отставной надв⟨орный⟩ советн⟨ик⟩, небог⟨атый⟩ помещик, сосед» и «Василий Васильевич Гагин, 44 года (В.), отстав⟨ной⟩ шт⟨аб⟩-ротм⟨истр⟩, двоюр⟨одный⟩ брат покойн⟨ого⟩ мужа Глаф⟨иры⟩ Ив⟨ановны⟩» (автограф плана романа «Два поколения» хранится в Национальной библиотеке в Париже — см.: *Mazon*, p. 54; наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 351).

[4] В ответном письме, от 3 ноября ст. ст. 1853 г., С. Т. Аксаков сообщал Тургеневу: «„Постоялого двора“ я еще не получал». О том, чтобы рукопись «Постоялого двора» была доставлена С. Т. Аксакову, Тургенев писал Е. М. Феоктистову 1(13) сентября 1853 г. (см. письмо 303).

301. А. А. Краевскому (с. 250)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 179.

Впервые опубликовано: *Письма к Краевскому*, с. 29, с опечаткой в дате (вместо 1853 г. напечатано: 1855).

[1] См. письмо 302, примеч. 2.
[2] См. письмо 234.

302. П. В. Анненкову (с. 251)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 18—19.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 180—181.

Стр. 252. с увлечением (*итал.*).
Стр. 252. мысленно, про себя (*итал.*).

[1] Речь идет о письме Анненкова к Тургеневу от 14(26) августа 1853 г., в котором тот, оспаривая мнения В. П. Боткина и Н. Х. Кетчера, отрицательно отнесшихся к 1 части романа «Два поколения», писал: «...хотя бы вам пришлось переделать всю первую часть, переделайте ее, но дальнейшего развития интриги и замысла ни под каким видом не оставляйте. В них слышится живое трепета-

ние жизни, а не звуки, испускаемые иногда и мертвым, верьте мне. Сделайте их цензурнее — и пустите в публичный оборот» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 497).

[2] С этим отзывом Тургенева о деятельности Н. Н. Тютчева в качестве управляющего ср. то, что пишет о нем Ф. Б-ъ (Ф. И. Бизюкин) в статье «Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове» (*Рус Вести*, 1885, № 1, с. 338—373). Анненков в связи с уходом Н. Н. Тютчева писал Тургеневу 8(20) октября 1853 г.: «Я изумлен был разрывом вашим с Тютчевым, но разрыв ничего — всего важнее procédés ⟨приемы⟩ при разрыве, и об них-то хотелось бы знать от вас. Если procédés были человечны, то и ничего...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 36).

[3] Тургенев неточно цитирует строку из стихотворения Пушкина «Зимний вечер» (1825). В подлиннике: «Выпьем, добрая подружка», и т. д.

[4] Под «восточными стихотворениями» Пушкина Тургенев разумеет «Подражания Корану» (1824). Аналогичный отзыв о них см. в письме 318. «Подражание» III начинается стихом «Смутясь, нахмурился пророк».

[5] К. С. Аксаков, отмечая, что от одиннадцати глав первой части романа у него «впечатление самое выгодное», критиковал затем 12-ю главу: «Зачем подпустили вы амура? Амур — мальчишка... и без него шагу не ступят сочинители. Но какой смысл лежит в том, что такой-то и такая-то влюбились друг в друга?» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 485).

[6] Речь идет о героях романа «Два поколения» — Елизавете Михайловне и Дмитрии Петровиче. См. письмо 300, примеч. 2, 3.

[7] См. примеч. 1 к письму 295.

303. **Е. М. Феоктистову** (с. 252)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 22600, л. 11.

Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 159.

[1] Тургенев должен был быть в Орле 24 августа 1853 г. для того, чтобы повидаться с возвращающимися из Крыма Е. В. Салиас де Турнемир и Феоктистовым.

[2] Е. В. Салиас де Турнемир.

[3] Речь идет о рукописи «Постоялого двора».

304. **Полине Виардо** (с. 253 и 412)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T, Lettres inéd*, p. 67—68.

[1] Эти письма к Тургеневу и письмо Тургенева неизвестны.

[2] См. письмо 225, примеч. 3.

305. **Д. Я. Колбасину** (с. 254)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6700, 23 октября (4 ноября).

[1] См. письмо 299, примеч. 4. Письмо Д. Я. Колбасина к Тургеневу, в котором он выразил согласие на предложение писателя, неизвестно.

[2] Речь идет о пяти главах второй части «Мертвых душ» Гоголя, тогда еще не напечатанных и известных в копиях с рукописи.

[3] Колбасин приехал в Спасское-Лутовиново не позднее первой половины октября 1853 г.

306. П. В. Анненкову (с. 255)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 20—21.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 183—184.

Стр. 255. в духе Тентетникова (*франц.*).

[1] Предшествующее письмо Анненкова к Тургеневу датировано 14(26) августа 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 32—35).

[2] В следующем письме, от 8 октября 1853 г., Анненков сообщал Тургеневу о «Сочинениях Пушкина»: «Издание мое в цензуре и притом у Фрейганга».

[3] Этим письмом, а также письмом к С. Т. Аксакову от 6—7 (18—19) октября 1853 г. устанавливается дата отъезда Н. Н. Тютчева из Спасского-Лутовинова.

[4] Тентетников — один из персонажей второго тома «Мертвых душ» Гоголя, пытавшийся заниматься сельским хозяйством, но по своей неопытности и незнанию практической жизни потерпевший неудачу.

[5] «Два поколения».

[6] О какой «небольшой вещи», над которой писатель работал в течение нескольких месяцев и о которой писал И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову 16(28) октября 1853 г. и Анненкову 2(14) ноября и 20 ноября (2 декабря) 1853 г., идет речь,— установить не удалось. По предположению М. К. Клемана, это рецензия в несколько строк на «Слобожан» Г. П. Данилевского, напечатанная без подписи в «Современнике», 1854, № 1 (*Клеман*, *Летопись*, с. 71). См. также: наст. изд., Сочинения, т. 5, с. 523—677.

[7] Предшествующее письмо к Анненкову датировано 1 (13) сентября 1853 г.

[8] Тургенев, не рассчитывая на облегчение своего положения, собирался провести в Орле всю зиму 1853/54 г.

[9] Анненков писал Тургеневу 8(20) октября 1853 г.: «18-го сего месяца сюда ⟨в Петербург⟩ будет Рашель ⟨...⟩ вероятно, всю зиму будем толковать об этом...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 37).

[10] Отзывы Тургенева о втором томе «Мертвых душ» см. также в письмах 312, 318.

[11] В попытках Гоголя дать во втором томе «Мертвых душ» положительные образы (например, откупщика Муразова) и в дидактическом тоне некоторых пассажей Тургенев видел отражение тех же идей, какими проникнуты «Выбранные места из переписки с друзьями», написанные отчасти под влиянием бесед с А. О. Смирновой. О ней же вспомнил Тургенев в главе XXV «Отцов и детей»; ср. слова Базарова: «С тех пор как я здесь,— я препакостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше».

307. С. Т. Аксакову (с. 256)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 22—23.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 477—478.

[1] Предшествующее письмо Тургенева к С. Т. Аксакову датировано 30 августа (11 сентября) 1853 г. (письмо 300).

[2] Под «большими письмами» С. Т. Аксакова Тургенев подразумевает его послания от 12 июля и 4 августа ст. ст. 1853 г., на которые он сам действительно отвечал коротко один раз (см. письмо 300).

[3] Тургенев имеет в виду стихи из «Евгения Онегина» (глава 7, строфа 29):

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

[4] Поправка Тургенева («принужден» вместо «намерен») намекает на его положение сосланного в деревню без срока.

[5] О том, что Тургенев собирался в Орел, в частности, для того, чтобы принять участие в дворянских выборах, он писал также П. В. Анненкову еще 31 июля ст. ст. 1853 г. (письмо 297).

[6] «Два поколения».

[7] Тургенев имеет в виду свое письмо от 30 августа ст. ст. 1853 г. (№ 300), в котором он отвечает на замечания, сделанные С. Т. Аксаковым по поводу романа «Два поколения».

[8] «О соловьях» и «Поездка в Полесье». С. Т. Аксаков 3 ноября ст. ст. в 1853 г. писал Тургеневу: «Я рад, что вы не забываете о статьях, обещанных вами „Охотничьему сборнику“. Я просил бы вас заняться ими немедленно: они послужили бы вам переходом к серьезному занятию романом» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 499).

[9] В том же письме С. Т. Аксаков сообщал Тургеневу: «Статью „Знакомство с Державиным“ я пришлю вам с Иваном: хотя эта тетрадь черновая, но Иван разберет и прочтет вам» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 500).

308. К. Н. Леонтьеву (с. 258)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4855/9, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 73—74.

[1] Это письмо Леонтьева к Тургеневу неизвестно.

[2] Н. Н. Тютчев и его семья уехали из Спасского 7(19) октября 1853 г. (см. письмо 306, примеч. 3).

[3] Очевидно, Леонтьев еще не терял надежды напечатать «Немцев» в «Отечественных записках». Однако после этого письма Тургенева он 14(26) октября 1853 г. просил Краевского: «Нельзя ли мне получить из Вашей редакции мою рукопись „Немцы“? Надеюсь, что Вы сделаете это для меня. Вы меня этим крайне обяжете» (*ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 80). В следующем письме к Краевскому, от 1(13) ноября 1853 г., Леонтьев подчеркивал: «Сделать же „Немцы“ цензурными по-петербургски нет никакой возможности» (там же, л. 82).

309. С. А. Миллер (с. 259)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1908, № 1, с. 209—211.

Подлинник неизвестен.

Стр. 260. «О несчастная Ифигения!» (*франц.*).

[1] Это письмо Тургенева к А. К. Толстому неизвестно.

[2] Тургенев пишет так, полагая, что спасская ссылка может затянуться на неопределенный срок.

[3] В связи с уходом Н. Н. Тютчева с должности управляющего.

[4] Возможно, речь здесь идет о Каратееве. В предисловии к собранию романов в издании 1880 г. Тургенев писал: «Каратеев был романтик, энтузиаст, большой любитель литературы и музыки. У Каратеева была сестра...»

[5] «Ифигения в Авлиде» — опера-трагедия Глюка, поставленная в Париже в 1774 г.; схождение в ад Орфея — из его же оперы «Орфей» (1762); обе оперы написаны на сюжеты античных мифов.

[6] «Армида» — опера-трагедия Глюка (1777) на сюжет, заимствованный из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим».

[7] Судя по этой фразе, Тургенев собирался взять Жан-Поля под свою защиту. Но заключительная часть письма этому противоречит, свидетельствуя о несомненно отрицательном отношении Тургенева по крайней мере к некоторым особенностям писательской манеры Жан-Поля. В чем здесь дело, трудно определить, так как письма С. А. Толстой к Тургеневу до нас не дошли.

310. П. В. Анненкову (с. 260)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 96, л. 1—3.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 189—194.

Стр. 262. Дух веет, где хочет (*лат.*).

[1] О малярных работах Федосеева (Градова) в Спасском упоминает вскользь В. Н. Житова (см.: *Житова*, с. 107).

[2] Анненков в ответном письме выразил сомнение в авторстве Н. Федосеева (Градова) и высказал предположение, что стихотворение написано самим Тургеневым. 22 октября (4 ноября) 1853 г. он писал Тургеневу: «Я сейчас получил Ваше письмо со стихами Николая Федосеева. Это точно удивительно. Судить об этом феномене я решительно отказываюсь до будущих изъяснений — отказываюсь так, как отказываюсь верить, что от воды сгорел дом, что стреляли ядрами из папиросок, etc. ...Но пьеса сама по себе — чудо! У меня сейчас был Некрасов и повторяет — чудо!.. Если это ваша пьеса, то она показывает, что на подделку вы не мастер,— и не так взялись, но что вы в минуту светлую написали вещь, замечательную по верности колорита и вообще по созданию. Мне бы хотелось думать, что вы ее написали, потому что если написал ее Николай Федосеев, то мне придется сознаться, что я дурак, а это неприятно, во всяком случае. Жду скорого ответа» (*ИРЛИ*, ф. 7, л. 40—41). К числу достоинств стихотворения Анненков относил перемены в метрах, «верный колорит и твердость кисти». В следующем письме к Анненкову (см. № 312) Тургенев сообщил, что Федосеев «надул» его и что это стихотворение написано малоархангельским попом. Анненков в письме от 31 октября (12 ноября)

1853 г. не возражал прямо против этой новой версии, но между строк его письма сквозит явное сомнение: «Если стихи, Иван Сергеевич, принадлежат малоархангельскому попу,— писал он,— то пусть будет так. Одно несомненно, что они столь же замечательны по благородству картины, сколько и по твердости кисти. В этом небольшом произведении есть то, что давно не встречал я в литературе,— стиль. Честь попу!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 42).

Стихотворение возбудило серьезный интерес и у Н. А. Некрасова. 17 ноября 1853 г. он писал Тургеневу: «Читал я „Чувства души в высокоторжественный праздник". Кому б ни принадлежали эти стихи — они превосходны. Это мое мнение после троекратного их прочтения, с значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали их, даже прошу об этом» (*Некрасов*, т. 10, с. 198).

Стихотворение, однако, в «Современнике» не появилось, вероятно, потому, что Тургенев не дал на это согласия. Дело в том, что «Восторг души...» (под заглавием «Христос воскресе!») уже был напечатан за 13 лет до того в «Литературной газете» (1840, № 30, 13 апреля) за подписью «Л.», и это должно было быть известно Тургеневу, так как в библиотеке Спасского находился полный комплект «Литературной газеты» за 1840 г. Следует отметить, что в альбоме знакомой Тургеневу и родственной ему семьи Шеншиных (*ИРЛИ*, № 4934, л. 46—47) это стихотворение записано неизвестной рукой, без даты, с припискою: «Стихи привезены И. С. Тургеневым — сочинитель неизвестный»; текст содержит немногие разночтения по сравнению с текстами в «Литературной газете» и в письме Тургенева.

Вопросу об авторе стихотворения, напечатанного в «Литературной газете» 1840 г., посвящена заметка библиографа Н. Юшкова (Волжский вестник, 1889, № 30, 9 апреля). На основании подписи «Л.» и качества стихов (о переписке Тургенева с Анненковым Юшков не знал) он высказал предположение, что автором стихотворения мог быть Тургенев, подписывавший некоторые свои стихотворения «Т. Л.». И. Ф. Масанов принял это определение и раскрыл подпись «Л.» под стихотворением, напечатанным в «Литературной газете», как подпись Тургенева (Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2, с. 89). Тем не менее вопрос об авторе стихотворения должен считаться открытым. К такому же выводу пришел и И. Г. Ямпольский, который включил эти стихи в раздел «Стихотворения, приписываемые И. С. Тургеневу» в издании: Т у р г е н е в И. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1970.

[3] В 1847 г. М. А. Языков совместно с Н. Н. Тютчевым открыл комиссионную контору и книжный склад. История крушения этого дела, главным образом по вине Языкова, описана в романе Некрасова (и А. Я. Панаевой) «Три страны света» (см. альманах «Огни». 1916. Кн. 1, с. 289).

[4] Речь идет о романе «Два поколения», рукопись которого Тургенев посылал друзьям на прочтение и отзыв.

[5] Тургенев мог слышать Лагранж в Париже в 1847 или 1848 г.

[6] Т. е. изданию сочинений Пушкина и его биографии.

[7] В начале октября 1853 г. Д. Я. Колбасин привез Тургеневу записку Панаева с письмом Некрасова от 26 сентября ст. ст. 1853 г., в котором поэт упрекал его за выбор критиков для романа «Два поколения»: «...меня удивил выбор судей с твоей стороны: как Боткин, так и Кетчер очень мало понимают в этом деле» (*Некрасов*, т. 10, с. 194).

311. **И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову** (с. 265)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 21173, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Гол Мин*, 1916, № 5-6, с. 30—31.

[1] Речь идет о письме Некрасова к Тургеневу от 26 сентября 1853 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 194—195). Перед этим письмом — записка Панаева от 22 сентября 1853 г. (*Т и круг Совр*, с. 30). Д. Я. Колбасин в первой половине октября 1853 г. приехал в Спасское для того, чтобы помогать Тургеневу в хозяйственных делах после ухода Н. Н. Тютчева с должности управляющего (см. письма 299, 305).

[2] Панаев писал Тургеневу 22 сентября ст. ст. 1853 г.: «Мы все смертельно соскучились по тебе» (*Т и круг Совр*, с. 30).

[3] См. письмо 306, примеч. 6.

[4] «Два поколения».

[5] О том, что Н. Х. Кетчер отрицательно высказывался о романе «Два поколения», Тургенев писал также Анненкову еще 9 июля ст. ст. 1853 г. (письмо 295). Мнение В. П. Боткина о «Двух поколениях» высказано им в письме к Тургеневу от 18 июня 1853 г.: (*Боткин и Т*, с. 39—43). Некрасов писал 26 сентября ст. ст. 1853 г. «...слышал я от В.Ботк⟨ина⟩ и Н. Кетч⟨ера⟩ ругательства твоему роману» (*Некрасов*, т. 10, с. 194).

[6] В «Северной пчеле» (1853, № 221, 7 октября) были помещены «Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б.», т. е. Фаддея Булгарина, в которых автор хвалил «Современник» за напечатанный в нем ранее роман И. И. Панаева «Львы из провинции» и за «Три возраста. Дневник, наблюдения и воспоминания музыканта-литератора» Ф. М. Толстого (начало было опубликовано в октябрьской книжке «Современника» за 1853 г.)

[7] Т. Ч.— псевдоним А. Я. Кирьяковой (Марченко). В январской, февральской и мартовской книжках «Отечественных записок» за 1853 г. был напечатан ее роман «Дина». Первая книга повестей Т. Ч. «Путевые заметки» была положительно оценена В. Г. Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

[8] В. Крестовский — псевдоним Н. Д. Хвощинской. В 1853 г. в «Отечественных записках» были напечатаны ее повесть «Несколько летних дней» (январь) и роман «Кто же остался доволен?» (апрель, май).

[9] Тургенев приводит два стиха из стихотворения Пушкина «Анчар».

[10] Николая Федосеевича Градова.

[11] О том, что автором стихотворения, которое Тургенев послал Анненкову в письме от 14 октября ст. ст. 1853 г., оказался не Н. Ф. Градов, Тургенев сообщил также и Анненкову (см. письма 312, 314).

312. **П. В. Анненкову** (с. 266)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 22—23.

Публикуется полностью впервые. Отрывок приведен в статье: Назарова Л. Тургенев о Гоголе.— Рус. лит., 1959, № 3, с. 157.

Стр. 267. мученик (*франц.*).
Стр. 267. доводите до конца (*франц.*).

[1] См. письмо 314. В Малоархангельском уезде Орловской губ. находилось имение Тургенева Тапки (см.: *Фет*, ч. I, с. 277).

[2] Анненков в письме к Тургеневу от 14 (26) октября 1853 г. писал: «Литературная критика раздвоилась по поводу г. Костанжогло. Одни говорят: это подлейший плантатор, которому автор сообщил идеализацию еще подлейшую по намерению. Другие (и я в том числе) говорят: это тип разумного эксплуататора, который любит свое ремесло и знает, что для богатства собственного надобно, чтобы и все окружающие были богаты,— и что в нем нет нисколько пошлой идеализации, а только есть необходимая художественность» (см.: Назарова Л. Тургенев о Гоголе, с. 157).

[3] Анненков писал Тургеневу 14 (26) октября 1853 г.: «И в „Люччи" — Делягранж превосходна. Страсть и грация — пение и голосные salto mortale — простота и выходки — трогательно и изумительно — чёрт знает что. Впечатление ново, жгуче, с примесью фальши и с увлечением из глубины сердца. Это феномен капризный и подавляющий вас» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 39).

[4] Анненков в цитированном письме к Тургеневу рекомендовал ему интересные статьи в «Revue des Deux Mondes» о Беранже, Болингброке, Руссо и др. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 39 об.).

[5] Статья Э. де Жирардена «Жан-Жак Руссо. Его жизнь и сочинения» («Jean-Jacques Rousseau. Sa vie et ses ouvrages») напечатана в Revue des Deux Mondes, 1852, XIII, p. 164—178, XIV, p. 502—521, XV, p. 483—507 и XVI, p. 756—780). В этой статье Жирарден критикует Руссо за то, что тот, констатируя общественное зло, не видит средств для его искоренения.

[6] См. письмо 306, примеч. 6.

313. А. П. Свечину (с. 267)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 2, № 18. Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 193—194. Датируется по содержанию и по связи с письмами 310 и 311.

[1] В № 1—3 за 1853 год в «Отечественных записках» под псевдонимом «Т. Ч.» печатался роман А. Я. Кирьяковой (Марченко) «Дина», в № 4 и 5 — роман В. Крестовского (Н. Д. Хвощинской) «Кто же остался доволен?» См. письмо 311, примеч. 7 и 8.

[2] Очевидно, имеется в виду князь Д. В. Друцкой-Соколинский, автор многих статей по крестьянскому вопросу; о какой его записке здесь идет речь, установить не удалось.

314. П. В. Анненкову (с. 268)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, ед. хр. 30, л. 24—26. Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 197—201.

Стр. 268. какого мнения вам держаться (*франц.*).
Стр. 271. всё это между нами (*франц.*).

[1] См. письмо 310, примеч. 2.

[2] «Оды» Горация в переводе А. А. Фета были напечатаны: *Отеч Зап*, 1856, № 1, 3, 5, 6, 7; в том же году вышли отдельной книгой.

[3] Впоследствии рецензенту «Русского вестника» С. Д. Шестакову, так же как и Тургеневу, понравилась идея Фета переводить

Горация рифмованными стихами, но он отмечал неверность в передаче эпитетов Горация и указывал на частое неверное понимание переводчиком подлинника (*Рус Вестн*, 1856, т. I, с. 562—578). Согласившись с некоторыми замечаниями Шестакова, Фет возражал ему в статье «Ответ на статью „Русского вестника" об одах Горация» (*Отеч Зап*, 1856, № 6, отд. II, с. 28—44). Высокую оценку фетовским переводам «Од» Горация дал Н. Г. Чернышевский (*Совр*, 1857, № 1, отд. IV, с. 7—9).

[4] В латинском подлиннике оды и послания Горация занумерованы, но не имеют заглавий. В переводах Фета им даны, кроме номеров, заглавия. Цитируемая Тургеневым ода в издании 1856 г. названа «К цезарю Августу».

[5] В латинском подлиннике — книга 1, ода XXXIII.

[6] В латинском подлиннике — книга 1, ода VI. В издании 1856 г.— книга 1. «К Випсанию Агриппе». Ода VI. В издании 1883 г.— книга 1. VI. «К Випсанию Агриппе».

[7] В латинском подлиннике — книга 1, ода XXIII.

[8] Это письмо не сохранилось (ср.: *Фет*, ч. I, с. 36).

[9] Замысел Тургенева не осуществился.

[10] В ответ на это письмо П. В. Анненков писал 11 ноября ст. ст. 1853 г. Тургеневу: «〈...〉 надо наоборот — посылать эрудицию не к чёрту, а напротив, притащить ее на аркане» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 45).

[11] Рашель гастролировала осенью 1853 г. в Петербурге, в начале 1854 г. в Москве. В «Северной пчеле» помещено несколько восторженных рецензий о ее выступлениях (см.: *Сев Пчела*, 1853, № 221, 236, 242, 246, 252, 258). В. Г. Бенедиктов посвятил ей стихи: «Первая европейская трагическая актриса» (там же, № 263).

[12] Что именно писал в это время Тургенев — не установлено (см. письмо 306, примеч. 6).

315. И. Ф. Миницкому (с. 271)

Печатается по тексту первой публикации: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 633—634.

Подлинник неизвестен.

Стр. 272. после ненастья солнце (*лат.*).

[1] Речь идет о Д. Я. Колбасине, жившем с конца октября в Спасском. Письмо его к Миницкому неизвестно.

[2] Н. Н. Тургеневу.

[3] Миницкий вскоре женился, в 1855 г. у него родился сын.

[4] «Маленькая Фадетта» — повесть Жорж Санд. Русский перевод этой повести печатался в «Отечественных записках» (1850, № 3, 4). Очевидно, речь идет о рукописи статьи, посланной Миницким Тургеневу, но не появившейся в печати вследствие отрицательного отзыва писателя.

[5] Тургенев не осуществил этого намерения, так как вскоре кончилась его спасская ссылка (см. письмо 320).

[6] Комедия «Нахлебник» была написана еще в 1848 г., но вследствие цензурных затруднений появилась в печати только через несколько лет (*Совр*, 1857, № 3). Этим и объясняется желание Миницкого получить переписанную пьесу. О каких нотах идет речь, неизвестно.

316. А. П. Свечину (с. 272)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 2, № 18.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 194—195.

[1] Очевидно, письмо А. П. Свечина от 22 апреля 1853 г. (*ИРЛИ*, № 5823).

[2] Д. Я. Колбасин был приглашен Тургеневым в Спасское как помощник в управлении имением. Однако планы Тургенева изменились, и он передал управление имением Н. Н. Тургеневу.

[3] См. письмо 315.

[4] О ком идет речь, установить не удалось.

[5] Н. Н. Тургенев в 30—40-х годах управлял имениями В. П. Тургеневой, но затем она, недовольная его действиями, отстранила его (см.: *Т сб*, вып. 3, с. 221—234).

[6] Ситово, Ефремовского уезда Тульской губернии — имение Свечиных.

317. П. В. Анненкову (с. 273)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 27—28.

Впервые полностью опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. I, с. 203—205.

Стр. 274. вещественное доказательство (*лат.*).
Стр. 274. в провинции и за границей (*франц.*).

[1] Тургенев отвечает на письмо Анненкова от 31 октября (12 ноября) 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 42—43).

[2] Речь идет о стихотворении «Восторг души...» См. письма 310, 312, 314.

[3] Говоря об «Атенеуме», Тургенев отвечает П. В. Анненкову на его письмо от 31 октября (12 ноября) 1853 г., где Анненков писал: «Кстати еще о стихах попа. Не скажет ли нам про них истину английский „Атенеум“ — так как недавно объяснил он нам, что Вы перевели „Дом о семи шпилях“. Подождем» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 43 об.). Поводом для этого иронического вопроса явилась, по-видимому, следующая заметка в «Athenaeum» (1852, № 1311, 11 декабря): «Возможно, следующее будет новостью для автора „Красной буквы“ и для его почитателей по обе стороны Атлантического океана. Письмо из глубин России сообщает, что один русский литератор, человек большого вкуса и таланта, привлеченный заметкой в „Атенеуме“ о романе „Дом о семи шпилях“, перевел „Дом о семи шпилях“ и напечатал его в одном русском журнале.— Это похоже на славу». Других заметок, упоминающих о Тургеневе и о русском переводе «Дома о семи шпилях», в этом журнале нет. Имя Тургенева в английской периодике начинает появляться с 1854 г. Заметка о русском переводе романа Н. Готорна «Дом о семи шпилях» написана критиком Г. Чорли (M a r c h a n d Leslie A. The Athenaeum. A mirror of Victorian culture. The university of North Carolina press, 1941, p. 186—189). Тургенев высоко ценил творчество Готорна и мог сообщить Чорли, с которым находился в переписке, о переводе «Дома о семи шпилях», появившемся в «Современнике» 1852 г. (в приложении к № 9 и 10). В своем сообщении Тургенев, очевидно, не назвал имени переводчика; редакция журнала могла на этом основании приписать перевод ему самому. В пись-

мах к Н. А. Некрасову Тургенев отзывался об этом переводе отрицательно (см. письма 231, 235). Кем был сделан перевод Готорна, выяснить не удалось. В 1853 г. в «Современнике» были напечатаны переводы двух рассказов Готорна: «Родимое пятнышко» и «Дочь Рапаччини»; в 1856 г.— роман «Красная буква». В 1860 г. в № 10 и 11 «Современника» была напечатана статья о Готорне М. Л. Михайлова.

[4] А. Н. Островский при участии Д. А. Горева-Тарасенкова написал несколько сцен — набросок будущей комедии «Банкрот». В 1847 г. эти сцены были напечатаны в «Московском городском листке» за подписью обоих авторов. В течение 1847, 1848 и половины 1849 г. Островский продолжал писать самостоятельно эту комедию по измененному плану и напечатал ее в «Москвитянине» (1850, № 6) под названием «Свои люди, сочтемся». Текст, написанный им совместно с Горевым, в эту редакцию не вошел. После появления пьесы в литературных кругах распространились слухи, что Горев-Тарасенков является соавтором комедии. 17 октября 1856 г. на сцене Александринского театра была поставлена комедия С. Р. Брянцева «Заблуждение», в которой под именем плагиатора Василевского выведен А. Н. Островский. На эту клевету Островский ответил «Литературным объяснением» (см.: Писарев М. И. К материалам для биографии.— В кн.: Островский А. Н. Полн. собр. соч. СПб.: Просвещение, б. г. Т. 10, с. XXXIX—XXXXV; Беляев М. Газетная травля.— В сб.: Памяти Островского. Пг., 1923, с. 70—88).

[5] Анненков писал Тургеневу 31 октября (12 ноября) 1853 г., что он не узнал Рашели на петербургской сцене, так как здесь она играла в другой манере, нежели в Париже. Стремясь к чрезмерной выпуклости образа, «она возвысила в тройную степень всё, что есть внешнего, риторического, громкого в трагедии Расина. Это уже Саксон — инструмент, а не прежняя Федра. Неимоверное искание поз, стремление за выпуклостью образа на каждом шагу, певучесть, доведенная до nec plus ultra ⟨крайнего предела⟩ — вот петерб⟨ургская⟩ Рашель. Так, говорят, виноделы прибавляют водки в то шампанское, которое назначают для Англии» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 42 об.—43).

[6] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 19, примеч. 3.

318. С. Т. Аксакову (с. 275)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 24—25 об.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 478—480.

[1] Речь идет о письме С. Т. Аксакова от 3(15) ноября 1853 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 499—500).

[2] В этом письме С. Т. Аксаков сообщал, что он болен с 25 августа (6 сентября) 1853 г.

[3] С. Т. Аксаков писал Тургеневу, что к нему в Спасское «в непродолжительном времени» заедет «неожиданный гость» — И. С. Аксаков (там же, с. 499). Посещение это состоялось 18 ноября ст. ст. 1853 г., когда И. С. Аксаков пробыл в Спасском несколько часов (см. письмо 320, примеч. 1).

[4] И. С. Аксаков ехал по поручению Географического общества «описывать важнейшие ярмарки на юге России» (*Рус Обозр*, 1894,

№ 10, с. 499—500). В 1858 г. в Петербурге вышла его книга «Исследование о торговле на украинских ярмарках».

[5] Речь идет об очерке «О соловьях».

[6] «Два поколения».

[7] Аналогичный отзыв Тургенева о III и V главах второго тома «Мертвых душ» Гоголя см. в письмах 306, 312.

[8] Тургенев имеет в виду библейскую легенду о Ное и его трех сыновьях.

[9] Статью С. Т. Аксакова «Знакомство с Державиным», а также сведения о труде К. С. Аксакова Тургенев думал услышать от И. С. Аксакова при посещении последним Спасского (см. письмо 320).

[10] С. Т. Аксаков сообщил Тургеневу, что его сын К. С. Аксаков «довольно работал, и первая часть „Грамматики“, кажется, готова». По мнению отца, этот «важный и... даровитый труд непременно будет встречен враждебно всею ученою кастой и не понят остальною публикой, ибо философскую грамматику трудно написать нефилософским языком» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 500). Часть I «Опыта русской грамматики» К. Аксакова вышла в свет только в 1860 г.

[11] Цитата из «Евгения Онегина» — глава восьмая, строфа LI.

[12] Тургенев имеет в виду «Подражания Корану». Такой же отзыв о них см. в письме 302.

[13] С. Т. Аксаков сообщал Тургеневу: «На днях отправил я в цензуру 2-е издание „Записок об уженье рыбы“» (*Рус Обозр*, 1894, № 10, с. 499). Книга вышла в Москве в 1854 г. значительно дополненная и впоследствии переиздавалась еще несколько раз.

319. П. В. Анненкову (с. 277)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 29—30.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, Письма, т. II, с. 207—209.

[1] В письме от 11(23) ноября 1853 г. Анненков сообщал Тургеневу о своей ссоре с И. П. Арапетовым, ибо « с годами и, надо сказать, с чинами резкие словеса у него усп⟨ли⟩лись, а вместе с тем явилось... запрещение отвечать на словеса! Выходит так, что он мог называть ворами, шпионами, лакеями кого хотел, на выбор, а вы должны были молчать» (*ИРЛИ*. ф. 7, № 7, л. 44).

[2] Тургенев цитирует два заключительных стиха из поэмы Пушкина «Цыганы».

[3] И. С. Аксаков проездом был у Тургенева в Спасском 18 ноября ст. ст. 1853 г.

[4] Стихи, которые Тургенев выдавал за сочинение Н. Федосеева (Градова) (см. письмо 310), были опубликованы не в «Северной пчеле», как указывается в данном письме, а в «Литературной газете» (1840, № 30, 13 апреля) под заглавием «Христос воскресе!» и с подписью «Л».

[5] Определить, о каком именно произведении идет здесь речь, затруднительно. См. о нем также в письмах 306, примеч. 6, и 314, примеч. 12.

[6] Повесть «Два приятеля» была опубликована в январской книжке «Современника» за 1854 г.

[7] Тургенев вспоминает стихи из «Евгения Онегина» (глава 8, строфа XXIV):

Тут был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

[8] «Два поколения».

[9] Согласно индийским «сказаниям о древности», одним из семи океанов является молочный океан (см.: Тулсидас. Рамаяна или Рамачаритаманаса/Пер. с инд. (хинди), комм. и вступ. статья акад. А. П. Баранникова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 116, 117).

[10] Глуздырь — «умник, разумник; внасмех дурень» (см.: Даль В. Толковый словарь. М., 1978. Т. 1, с. 357), т. е. умничающий мальчишка. В. Г. Белинский называл «глуздырем» А. А. Бакунина в письмах к нему.

[11] Война с Турцией формально была объявлена 20 октября (1 ноября) 1853 г., и уже 19 ноября (1 декабря) кавказские войска, приостановив движение турецкой армии, нанесли ей сильное поражение около Карса; 18 (30) ноября адмирал П. С. Нахимов уничтожил турецкий флот в Синопской бухте, несмотря на негласную помощь туркам со стороны англичан.

[12] Имеются в виду московские друзья Тургенева — Е. Ф. Корш, Н. Н. Тютчев, М. А. Языков.

[13] Повесть «Два приятеля».

[14] «Моисей в Египте» — опера Россини. В письме от 11 ноября ст. ст. 1853 г. Анненков, сообщая о гастролях в Петербурге известной певицы Лагранж, писал: «Теперь ждем ее 〈...〉 в „Моисее"» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 45 об.).

320. С. Т. Аксакову (с. 279)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 26.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 480—481.

[1] Речь идет о приезде в Спасское И. С. Аксакова.

[2] Аналогичный отзыв об И. С. Аксакове см. в письме 319.

[3] Это разрешение, подписанное 17 (29) ноября, Тургенев получил от гр. А. Ф. Орлова 23 ноября (5 декабря) 1853 г. (см. Офиц. письма и делов. бумаги, примеч. 1 к № 20).

[4] В Абрамцево Тургенев в эту свою поездку не заехал и побывал там лишь проездом из Спасского в Петербург в мае 1854 г.

[5] Статью С. Т. Аксакова «Знакомство с Державиным» привез Тургеневу И. С. Аксаков.

321. Н. Н. Тургеневу (с. 280)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 377, № 582, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т*, *Первое собрание писем*, с. 7.

[1] Очевидно, Тургенев имеет в виду письмо А. К. Толстого, сыгравшего столь важную роль в прекращении спасской ссылки. 17 ноября ст. ст. 1853 г. он писал Тургеневу. «По приезде в Петербург идите прямо ко мне и не видайтесь ни с кем, раньше чем не увидитесь со мной 〈...〉 Крайне важно, чтоб я посвятил Вас в некоторые обязательства вежливости, которые Вам следует выполнить по отношению к лицам, принимавшим в Вас участие» (*Лит Вестн*,

1901, кн. 3, с. 357). Среди этих «лиц» Толстой разумел, прежде всего, вел. князя Александра Николаевича, который был с ним лично близок.

[2] Дела по управлению имениями И. С. Тургенева. До этого ими управлял Н. Н. Тютчев.

[3] Сестра — Варенька, дочь Н. Н. Тургенева, двоюродная сестра писателя, о рождении которой идет речь в начале письма.

322. П. В. Анненкову (с. 281)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 104а, л. 5—6.
Впервые опубликовано: Былое, 1925, № 1 (29), с. 81—83.

[1] Анненков 18 ноября 1853 г. писал Тургеневу из Петербурга: «Вчера разнесся здесь слух, что Вы прощены» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 46). Ср. письмо 321.

[2] Рассказ — «Два приятеля». Как видно из приписки, сделанной 28 ноября (9 декабря) 1853 г., Тургенев не отправил рассказ по почте, а решил сам привезти его Анненкову.

[3] Это письмо А. А. Фета к Тургеневу неизвестно. О переводах Фета из Горация см. в письме 314. Анненков со своей стороны писал Тургеневу: «Стихи Фета — хороши, особливо 2-я ода, но как же вы хотите издавать Горация теперь? Разве вы надеетесь, что римские содержанки и мальчики, под прикрытием поэзии, пройдут, как будто они были мечта Полонского? Желаю от души, но верить не смею ⟨...⟩ Во 2 оде чувствуется легкая насмешка над чудесами мифическими, но как поэтически сказана она» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 44 об. — 45).

[4] Письмо А. Ф. Орлова от 16 ноября ст. ст. 1853 г.— см. о нем: Офиц. письма и делов. бумаги, примеч. 1 к № 20.

[5] Письмо Анненкова к Тургеневу от 18 (30) ноября 1853 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 46—47).

[6] Тургенев имеет в виду беллетристические произведения А. В. Дружинина. В 1847 г. в «Современнике» была напечатана его повесть «Полинька Сакс», в 1848 г.— «Рассказ Алексея Дмитрича» и «Фрейлейн Вильгельмина», в 1849 г.— «Шарлотта Ш-ц» и роман «Жюли», в 1851 г.— «История одной картины» и «Певица».

[7] В «Современнике» были опубликованы следующие произведения М. В. Авдеева: в 1849 г.— «Варенька», в 1850 г.— «Записки Тамарина» и «Ясные дни», в 1851 г.— «Иванов», в 1852 г.— «Нынешняя любовь». Авдеев печатался также в «Отечественных записках».

[8] Речь идет о статье «Заметки о русской литературе прошлого года», напечатанной Анненковым без подписи в «Современнике» (1849, № 1, отд. III, с. 1—23).

[9] Ланицкий — герой романа Дружинина «Жюли»,Radденский — герой его же рассказа «Фрейлейн Вильгельмина».

[10] Рассказ — «Два приятеля».

323. И. Ф. Миницкому (с. 283)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека, инв. № 121298, л. 8.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 634.

[1] Речь идет о прекращении спасской ссылки (см. письмо 320, примеч. 3).

324. С. Т. Аксакову (с. 283)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 28.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 481.

[1] С. Т. Аксаков, сообщая сыну Ивану 22 декабря ст. ст. 1853 г. о получении данного письма от Тургенева, писал: «...это было мне очень приятно, потому что в Петербурге верно было довольно разных свиданий, объяснений и впечатлений» (*ИРЛИ*, ф. 3, оп. 3, № 14, л. 5 об.).

[2] И. С. Аксаков находился в это время па юге России по поручению Географического общества (см. письмо 318, примеч. 4). В ответном письме, от 22 декабря ст. ст. 1853 г., С. Т. Аксаков сообщал Тургеневу: «Иван мой был на Сумской ярмарке и теперь живет в Харькове, в ожидании ярмарки крещенской; письма его очень интересны, и за дело принялся он с обычной своей энергией» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 9).

[3] С. Т. Аксаков в том же письме к Тургеневу от 22 декабря отвечал: «Мне кажется, что Рашель есть улучшенная Жорж, в которой было много искусства, много чудной пластики, много *страсти* — и ни капли *чувства*» (там же).

325. К. Н. Леонтьеву (с. 284)

Печатается по тексту первой публикации: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 74.
Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о статье К. Н. Леонтьева, посвященной «Рыбакам» Д. В. Григоровича. Леонтьев писал Краевскому 1 (13) ноября 1853 г.: «Причиною моего молчания было желание послать вместе с этим письмом другое письмо, назначенное для печати,— статью о „Рыбаках“. Не знаю, годится ли она Вам: в этом роде — я пробую себя в первый раз» (*ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 81). Письмо Краевского к Леонтьеву, о котором упоминает Тургенев, неизвестно. Но, видимо, Краевский не согласился напечатать статью Леонтьева и рекомендовал автору обратиться к М. Н. Каткову для опубликования этой работы в Москве; статья, однако, осталась неизданной.

326. С. Т. Аксакову (с. 285)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 30—31.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 481—482.

[1] Тургенев имеет в виду статью С. Т. Аксакова «Охота с ястребом за перепелками», которая впервые была опубликована в «Москвитянине» (1854, т. I, № 1—2, отд. VIII, с. 10—30), а позже вошла в сборник «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах, С. Аксакова, с прибавлением статьи „О соловьях“ И. С. Тургенева» (М., 1855).

[2] Цифру «3» в письме Тургенева (номер «Современника») С. Т. Аксаков неправильно прочитал как цифру «9», так как у Тургенева написание их очень сходно. В связи с этим С. Т. Аксаков 15 февраля 1854 г. спрашивал Тургенева: «Вы пишете, что в 9-м нумере „Современника“ будет напечатано ваше письмо ко мне. Не ошибка ли это? 9-й нумер выйдет в октябре. Я и не знал, что Берс переселился в Петербург; я сам с ним дружески знаком. Очень рад

буду отвечать, если хватит моих сведений в этом довольно темном деле» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 11). Берс — Александр Евстафьевич. Обещанное Тургеневым «Письмо» написано не было.

[3] И. С. Аксаков сообщает об этом так: «Наш известный писатель и ревностный тогда сотрудник журнала „Современник“, Иван Сергеевич Тургенев, познакомившись с поэтом ⟨Ф. И. Тютчевым⟩, испросил у него ⟨...⟩ право для редакции на издание его стихотворений, собрал, при помощи семьи Федора Ивановича, всё, что можно было собрать,— и таким образом состоялось в 1854 году ⟨...⟩ первое издание ⟨...⟩ в котором Тютчев сам, лично, не принимал никакого участия» (см.: Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886, с. 38). В мартовской и майской книжках «Современника» за 1854 г. было напечатано в общей сложности свыше 100 стихотворений Тютчева, а в апрельской книжке того же журнала появилась статья Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева». Затем вышло и отдельное издание: Стихотворения Ф. Тютчева. СПб., 1854 (ценз. разр. 30 мая 1854 г.). О подготовке к изданию текстов стихотворений Тютчева см.: Благой Д. Д. Тургенев — редактор Тютчева. — В сб.: *Т и его время*, с. 142—163. Ср.: Пигарев К. В. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева.— *Лит Насл*, т. 19—21, с. 371—418; см. его же примечания в кн.: Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М., 1957, с. 494—495.

[4] А. А. Фет свидетельствует в своих воспоминаниях: «Тургенев радовался окончанию перевода од Горация и сам вызвался проверить мой перевод вместе со мною из строки в строку» (*Фет*, ч. 1, с. 36; также см.: Благой Д. Д. Тургенев — редактор Фета.— Печать и революция, 1923, кн. 3, с. 45—64). С. Т. Аксаков в ответном письме к Тургеневу от 15 февраля ст. ст. 1854 г. писал: «Вы сделали два добрые дела, уговорив Тютчева издать свои стихотворения, а Фета — свои переводы Горация» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 11).

[5] В ответ па вопрос Тургенева С. Т. Аксаков отвечал 15 февраля 1854 г.: «Иван жил всё это время в Харькове и усердно занимался своим тягостным делом, 6-го февраля он должен был уехать в Полтаву, откуда писем от него я еще не имею» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 11).

[6] Речь идет об издании сочинений Пушкина, осуществляемом Анненковым. С. Т. Аксаков тогда же писал Тургеневу: «Нетерпеливо ожидаю издание Пушкина» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 11).

[7] Английский посол Г. Сеймур выехал из Петербурга в связи с манифестом 9 февраля 1854 г. о разрыве дипломатических отношений России с Англией и Францией (см.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, Т. I, с. 449—451). Это означало фактически объявление войны, о чем сообщал Тургенев С. Т. Аксакову в данном письме.

327. **А. В. Дружинину** (с. 286)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 167, оп. 4, ед. хр. 11, л. 10.

Впервые опубликовано: *Письма к Дружинину*, с. 315.

Датируется 24 февраля 1854 г. на основании записи Дружинина от 27 февраля того же года в его дневнике (см.: *Письма к Дружинину*, с. 316).

[1] Поэма М. Н. Лонгинова «Матвей Хотинский». Она предназ-

началась не для печати, а для помещения в рукописном альбоме «Чернокнижие», который Дружинин отводил для «стихов и прозы нелепого содержания». По словам Дружинина, вечером, когда вся компания (Тургенев, Панаев, Лонгинов и Ваксель) собиралась ехать к Языкову, он «не мог ехать по причине головной боли, кажется приключившейся от хохота во время чтения поэмы», которая еще больше «выиграла бы, если б она была грязнее» (*Письма к Дружинину*, с. 316).

328. Полине Виардо (с. 286 и 413)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I., оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *T*, *Lettres inéd*, p. 68—70.

В дате письма ошибка: 25 февраля ст. ст. соответствует не 8-му, а 9-му марта н. ст.

¹ Это письмо неизвестно.

² Тургенев имеет в виду события, связанные с началом Крымской войны. См. письмо 326, примеч. 7.

329. Л. Н. Вакселю (с. 288)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 357, оп. 2, № 379.

Впервые опубликовано: *T*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 217—218.

Письмо датируется 25 февраля ст. ст. 1854 г., так как в этом году 25 февраля падало на четверг и в этот день Тургенев находился в Петербурге; в письме упоминается пост, а 25 февраля ст. ст. 1854 г. приходилось на первую неделю поста. Наконец, в дневнике Дружинина под 27 февраля 1854 г. записано: «В четверг обедал я у Тургенева с Панаевым, Лонгиновым и некиим Вакселем» (*Письма к Дружинину*, с. 316).

330. С. Т. Аксакову (с. 288)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 32.

Впервые опубликовано: *BE*, 1894, № 2, с. 482—483.

¹ Письмо С. Т. Аксакова от 15 февраля 1854 г. см.: *Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 10—12.

² С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «〈...〉 мне сказали даже, что вы отправляетесь на Кавказ» (там же, с. 10).

³ Намерение провести лето 1854 г. в Спасском Тургенев не осуществил. В конце мая он поселился на даче близ Петербурга, в Петергофе, и прожил там до середины сентября, выехав в деревню лишь 18 (30) сентября 1854 г. (см. письмо 342).

⁴ Тургенев заезжал в Абрамцево в середине мая 1854 г., на обратном пути из Спасского в Петербург, и провел у Аксаковых несколько дней (см. письма 333, 334, 337).

⁵ Ю. А. Оболенский.

⁶ Речь идет о втором издании книги С. Т. Аксакова «Записки об уженье рыбы», которое вышло в 1854 г. В связи с этим С. Т. Аксаков писал Тургеневу 15 (27) февраля 1854 г.: «Я напечатал второе издание моих „Записок об уженье рыбы“, дополненное целою третью текста; я немедленно вам его пришлю и прошу вас написать о нем несколько строк, обратя внимание на добавлен-

ные места и особенно на вновь прибавленные, которые отмечу карандашом» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 11). Обещанной статьи об этом издании Тургенев не написал.

[7] См. письмо 326, примеч. 2.

[8] В действительности печатание сочинений Пушкина (под редакцией П. В. Анненкова) началось позже, летом 1854 г.

[9] Е. М. Феоктистов.

331. С. Т. Аксакову (с. 289)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 33. Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 483.

[1] См. письмо 330, примеч. 6.

[2] Рецензию для «Современника» на эту книгу С. Т. Аксакова Тургенев не написал.

[3] Отрывок из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова был опубликован в «Москвитянине» (1854, № 5, март, кн. 1, с. 18—48).

[4] Следовательно, Тургенев собирался пробыть в Москве, проездом из Петербурга в Спасское, один день — 11 апреля 1854 г.

[5] См. письмо 330, примеч. 4.

[6] Речь идет об известиях с театров военных действий против Англии, Франции и Турции.

332. К. Н. Леонтьеву (с. 290)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4855/10, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 74—75.

[1] Это письмо Леонтьева к Тургеневу неизвестно.

[2] В действительности Тургенев в это время был увлечен своей родственницей О. А. Тургеневой и даже собирался жениться на ней, но, по-видимому, Леонтьев в своем письме назвал не ее, а какое-то другое лицо.

[3] Возможно, что Тургенев намекает на свою встречу с великим князем Александром Николаевичем, устроенную А. К. Толстым для выражения признательности за его участие в судьбе Тургенева во время ареста и ссылки (см. примеч. 1 к письму 321).

[4] Леонтьев не решился тогда жениться, и любимая им девушка вышла замуж за другого (см.: Л е о н т ь е в К. Страницы воспоминаний. СПб., 1922, с. 36—37). Тургенев, видимо, знал об этом из письма к нему самого Леонтьева, о котором идет здесь речь.

[5] Леонтьев в связи с начавшейся войной не закончил курса медицинского факультета и 18 мая 1854 г. получил звание лекаря, как изъявивший желание поступить на военно-медицинскую службу. 1 августа того же года он был назначен младшим ординатором в Керчь-Еникальский военный госпиталь (см.: К о н о п л я н ц е в А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева, в связи с развитием его миросозерцания. — В сб.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911, с. 30—31; Л е о н т ь е в К. Страницы воспоминаний, с. 34—35).

[6] Лето 1854 г. Тургенев, желая быть постоянно в курсе всех сообщений о ходе войны, провел в Петергофе. Он поселился там в конце мая (см. письмо 334).

[7] В середине мая 1854 г. Тургенев, возвращаясь из Спасского в Петербург, был проездом в Москве, где встретился с Леонтьевым (см.: *Леонтьев*, т. 9, с. 138).

333. С. Т. Аксакову (с. 290)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 34. Впервые опубликовано: *BE*, 1894, № 2, с. 483—484.

[1] О поездке Тургенева в Абрамцево см. в письмах 334 и 337.

334. С. Т. Аксакову (с. 291)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 35—36. Впервые опубликовано: *BE*, 1894, № 2, с. 484—485.

[1] Тургенев считал, что имя Михаил имеет в его жизни какое-то особое значение (см. письмо 164, примеч. 3).

[2] Тургенев прожил на даче в Петергофе всё лето и лишь 18 (30) сентября 1854 г. выехал из Петербурга в Спасское.

[3] Тургенев вспоминает свое пребывание в усадьбе С. Т. Аксакова под Москвой в мае 1854 г.

[4] Поездку,— но не в Кронштадт, а на один из фортов — Красную Горку, очевидно, чтобы посмотреть английский военный флот,— Тургенев совершил несколько позже, о чем сообщал в письме 337. Английская эскадра адмирала Ч. Непира вошла в Финский залив в июне 1854 г., но долго не пыталась подойти к Кронштадту.

[5] Вдова Е. А. Баратынского — А. Л. Баратынская.

[6] Тургенев написал лишь предисловие к стихотворениям Баратынского, которое было напечатано в десятой книжке «Современника» за 1854 г. (в примечании к публикации «XV стихотворений Е. А. Баратынского»). Специальная статья об этом поэте, по-видимому, не была им окончена (см. о ней в письме 344).

[7] Повесть Л. Н. Толстого «Отрочество» была опубликована в десятой книжке «Современника» за 1854 г., с подписью «Л. Н. Т.».

[8] См. письмо 336 и примеч. к нему.

[9] В предисловии к стихотворениям Баратынского Тургенев назвал его одним «из лучших и благороднейших деятелей лучшей эпохи нашей литературы» (*Совр*, 1854, № 10, отд. 1, с. 147). С. Т Аксаков отвечал ему 11 июня ст. ст. 1854 г.: «Всё, что вы говорите о Баратынском, совершенно справедливо, но к этому надобно прибавить ⟨...⟩ что в основании он имел чисто поэтический талант и что свободному излиянию его именно мешали ум, взыскательный вкус, не всегда уместная проницательность и отделка стиха *подпилком*, как вы очень удачно выразились» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 16).

[10] Тургенев ошибочно назвал стихотворение Баратынского «На смерть Лермонтова» («Когда твой голос, о поэт») неизданным. Под названием «Когда твой голос» оно было впервые напечатано в 1843 г. в «Современнике» (т. 32, с. 354).

[11] Речь идет о стихотворении Н. А. Некрасова «В деревне», которое было опубликовано в 11-й книжке «Современника» за 1854 г. С. Т. Аксаков ответил: «Радуюсь, что Некрасов написал несколько хороших стихотворений» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 16).

335. Н. Н. Тургеневу (с. 292)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 90, л. 2.

Впервые опубликовано: *Центрархив, Документы*, с. 52—53.

[1] Тургенев выехал из Петербурга в Спасское 18 (30) сентября 1854 г. (см. письмо 340).

336. **Редактору «Journal de St. Pétersbourg»** (с. 293 и 415)

Печатается по тексту первой публикации: Journal de St. Pétersbourg, 1854, № 475, 10 (22) août; русский перевод — по тексту его первой публикации: *СПб Вед*, 1854, № 180, 15 (27) августа.
Подлинник неизвестен.

[1] Письмо написано в связи с появлением в 1854 г. французского перевода «Записок охотника», выполненного Э. Шаррьером: «Mémoires d'un seigneur russe ou tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes. Paris, Hachette, 1854 («Записки русского барина, или Картина современного состояния дворянства и крестьянства в русских провинциях». Париж, изд. Ашетта, 1854).

Недовольство Тургенева, которое он счел необходимым высказать в печати, было вызвано не только недостатками перевода, но и той политической тенденцией, которая определила самый характер перевода и время его появления в печати в условиях начинавшейся Крымской войны (см. об этом: К л е м а н М. К. «Записки охотника» и французская публицистика 1854 года.— В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 305—314; его же комментарии к письму Тургенева в изд.: *Т*, *Сочинения*, т. 12, с. 624—628; А л е к с е е в М. П. Мировое значение «Записок охотника».— *Орл сб*, *1955*, с. 56—63).

В 1858 г. вышел второй, новый перевод «Записок охотника» на французский язык, выполненный Ипполитом Делаво под наблюдением самого Тургенева, который работал над ним совместно с переводчиком около года (см.: П р и й м а Ф. Я. Новые данные о «Записках охотника» Тургенева во французской литературе.— *Орл сб*, *1955*, с. 331—351). В предисловии переводчика к этому изданию было перепечатано — очевидно, по желанию самого Тургенева — комментируемое письмо. См.: Récits d'un chasseur, par Ivan Tourguénef, traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. P., E. Dentu, 1858, p. III—V. Перепечатка эта объясняется тем, что перевод Делаво, принципиально отличавшийся от перевода Шаррьера и притом авторизованный, должен был аннулировать в глазах французских читателей и критики перевод 1854 года.

[2] Обзор и анализ статей, вызванных переводом Шаррьера, см. в указанных выше (примеч 1) работах М. П. Алексеева и М. К. Клемана. Отзывы критики — очень хвалебные по отношению к Тургеневу, художнику и автору «Записок охотника» — были проникнуты политическими тенденциями, враждебными к России, как и самый перевод Шаррьера — что могло поставить Тургенева, лишь недавно возвращенного из ссылки, в тяжелое положение.

337. С. Т. Аксакову (с. 295)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 37—38.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 485—487.

Стр. 296. «Я убежал, обезумевший, растерянный, растерзанный, словно за мною гналось по пятам огромное множество ужей, управляемых колдунами» (*франц.*).

[1] Письмо С. Т. Аксакова к Тургеневу от 11 июня ст. ст. 1854 г. (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 16—17).

[2] В Абрамцеве у С. Т. Аксакова Тургенев был в мае 1854 г.

в течение нескольких дней и, по-видимому, сообщил ему о своей возможной женитьбе на О. А. Тургеневой.

[3] См. письмо 336.

[4] С. Т. Аксаков еще 22 декабря 1853 г. сообщал Тургеневу: «Я начал писать статью из моих воспоминаний — об Я. Е. Шушерине, с которым был коротко знаком...» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 9). Статья его —«Я. Е. Шушерин и современные ему театральные знаменитости. Отрывок из воспоминаний»— была напечатана в «Москвитянине» (1854, № 10, май, кн. 2, отд. 1, с. 85—118 и № 11, июнь, кн. 1, отд. 1, с. 119—152).

[5] И. И. Панаев в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» отмечал «художественную простоту», свойственную статье С. Т. Аксакова о Шушерине,— то, что «личности Шушерина, Яковлева, Дмитревского и других тогдашних театральных знаменитостей, как живые перед вами в этой статье», и в заключение писал: «Когда „Воспоминания“ будут изданы вполне ⟨...⟩ русская литература приобретет такую книгу, которую, конечно, можно будет поставить наряду с немногими, но избранными произведениями...» (*Совр*, 1854, № 8, отд. V, с. 132, 142). С. Т. Аксаков писал Тургеневу 22 августа ст. ст. 1854 г.: «Отзыв ваш о моей статье „Шушерин“ был мне очень приятен: я верю вашему вкусу и вашей искренности, хотя в то же время признаю выражение, что вы *должны учиться у меня слогу*, преувеличенным выражением вашей дружбы. Я очень благодарен и Панаеву за все его похвалы, тоже нѐсколько излишние...» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 17—18).

[6] На предложение Тургенева напечатать в «Современнике» статью «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков отвечал решительным отказом, мотивируя его тем, что он не хочет «печатать более отдельных статей», а выпустит сразу «целый том „Хроники и Воспоминаний“» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 18). Действительно, эта статья впервые была опубликована в кн.: Аксаков С. Семейная хроника и Воспоминания. М., 1856, с. 519—546.

[7] Тургенев имеет в виду осаду Аландских островов (у входа в Финский залив), которую вели в это время французские и английские морские и сухопутные силы. 2 августа 1854 г. неприятель начал высаживаться в 12 верстах от форта Аланд; после двухнедельных бомбардировок и героического сопротивления его защитников форт был занят французами (см.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2, с. 68—73).

[8] О поездке с Тургеневым и Некрасовым на Красную Горку для того, чтобы видеть английский флот, блокировавший Кронштадт, писал также Панаев М. Н. Лонгинову 10 июля ст. ст. 1854 г. (см.: *Сб ПД 1923*, с. 214—215).

[9] И. С. Аксакову.

[10] См. письмо 336.

338. П. В. Анненкову (с. 297)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 97, л. 1.
Впервые опубликовано: Новый мир, 1927, № 9, с. 157.

[1] Имеется в виду письмо Анненкова от 21 сентября 1854 г., в котором он сообщал о выполнении поручений Тургенева (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 48).

[2] Более точно день приезда Тургенева и Некрасова в Спасское (22 сентября 1854 г.) указан в письме 340.

[3] Анненков, не бывший вообще игроком, в указанном выше письме сообщал Тургеневу о том, что он проиграл в карты 30 руб. сер., т. е. свыше 100 руб асс. (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 48 об.).

339. П. В. Анненкову (с. 297)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 404а, л. 7.
Впервые опубликовано: Былое, 1925, № 1 (29) с. 83.

[1] Некрасов выехал из Спасского в Москву 4 октября ст. ст. 1854 г. (см.: *Т и круг Совр*, с. 118). Из Москвы в Петербург он приехал 7 октября, о чем сообщал Тургеневу в письме от 9 октября (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 208).

[2] См. письмо 287, примеч. 6.

[3] Каталог библиотеки Белинского Тургенев вскоре нашел у себя в Спасском, о чем и сообщил Анненкову (см. письмо 346, примеч. 1).

[4] Имеются в виду О. А. Тургенева и ее отец А. М. Тургенев. Анненков 11 октября ст. ст. 1854 г. писал Тургеневу: «Я раза два был у Тургеневых... Не скрою от вас, что разговор об вас всегда выводит такое выражение, едва уловимое, удовольствия на лице барышни-идеала, что приятелю досадно становится, как и следует быть» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 50 об.).

[5] Речь идет об издании Анненковым сочинений Пушкина, первые тома которого проходили в это время цензуру.

340. С. Т. Аксакову (с. 298)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 39.
Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 487.

[1] Речь идет о статьях, обещанных Тургеневым для задуманного С. Т. Аксаковым «Охотничьего сборника» (см. в письме 281 примеч. 5).

[2] Тургенев приехал в Абрамцево значительно позже. В. С. Аксакова записала в дневнике, что он прибыл туда вместе с М. С. Щепкиным «через пять дней после возврата Константина из Москвы», т. е. 20 или 21 января ст. ст. 1855 г. (см.: Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913, с. 40, 37).

[3] И. С. Аксаков возвратился в Абрамцево после продолжительной поездки по югу России 18 ноября 1854 г. (см.: Аксакова В. С. Дневник, с. 7).

[4] То же самое писал И. И. Панаев М. Н. Лонгинову 29 сентября ст. ст. 1854 г.: «... „Отрочество“ гр. Толстого — великолепная вещь, но сильно тронутая ценсурою...» (*Сб ПД 1923*, с. 216).

341. Н. А. Некрасову (с. 299)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 11, № 25, л. 1—2.
Впервые опубликовано. *Т и круг Совр*, с. 117.

[1] Тургенев написал это письмо вскоре после отъезда Некрасова, гостившего в Спасском в течение нескольких дней. В понедельник, 4 (16) октября 1854 г., Некрасов выехал в Москву. О каком письме к нему идет речь — неизвестно.

[2] Афанасий — бывший крепостной Тургенева А. Т. Алифанов, изображенный в «Записках охотника», как об этом свидетельствует Е. Я Колбасин, под именем Ермолая (см.: *Т, ПСП*, с. 92).

[3] Речь идет о каталоге книг библиотеки В. Г. Белинского (см. письма 339, 343). Некрасов в ответном письме от 16 октября ст. ст. 1854 г. сообщал Тургеневу: «Видел нашего доброго ⟨Анненкова⟩: каталог у него был, да кто-то взял и проч., т. е. каталога нет» (*Некрасов*, т. 10, с. 209).

[4] Тургенев имеет в виду октябрьскую книжку «Современника».

[5] Порфирий — П. Т. Кудряшов; его жена — дочь бывшего управляющего одного из имений, расположенных по соседству со Спасским; занималась живописью (см. также письмо 348, примеч. 3). Некрасов 16 октября того же года писал Тургеневу: «Кланяюсь Порфирию и рад, что ему досталась хорошая жена» (*Некрасов*, т. 10, с. 210).

342. **К. Н. Леонтьеву** (с. 299)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ф. К. Н. Леонтьева, № 4855/11, л. 1.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1886, № 12, с. 75—76.

[1] Это письмо Леонтьева к Тургеневу неизвестно.

[2] Леонтьев еще 25 августа ст. ст. 1854 г. писал Краевскому: «Вчера послал я Вам „Лето на хуторе“. Не знаю наверное, насколько Вы будете им довольны и как поступит с ним цензура, но, кажется, что со стороны последней опасаться нечего. Самый план ее совершенно безобиден» (*ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 84). Посредником между Леонтьевым и Краевским был, как видно, Тургенев.

[3] Эта записка неизвестна.

[4] Имеются в виду издатели «Современника» — Н. А. Некрасов и И. И. Панаев. О том, что Леонтьев просил Тургенева обратиться в редакцию «Современника» с предложением напечатать «Лето на хуторе», известно из указанного выше его письма к Краевскому от 25 августа 1854 г.: «Если Вы не можете или не желаете прислать мне ту прибавку ⟨...⟩ прошу Вас, не стесняйтесь и не медлите отказом, потому что я просил уже Ив⟨ана⟩ Серг⟨еевича⟩ Тургенева в случае отказа с вашей стороны обратиться к редакторам „Современника“» (*ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), л. 85).

[5] Это — описка, что явствует из письма 380. В действительности Тургенев имел в виду другое произведение Леонтьева: «Ночь на пчельнике».

[6] Леонтьев приехал в Керчь 23 сентября 1854 г. (см.: К о н о п л я н ц е в А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева, в связи с развитием его миросозерцания.— В сб.: Памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911, с. 32).

[7] Тургенев послал, очевидно, другое, не дошедшее до нас, письмо в сельцо Кудиново, Мещовского уезда Калужской губернии, где жила мать Леонтьева — Феодосия Петровна (сб. «Памяти К. Н. Леонтьева», с. 5, 7).

343. **П. В. Анненкову** (с. 300)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 31.

Впервые опубликовано факсимиле: *Лит Насл*, т. 55, с. 439.

[1] В это время Тургенев еще не получил письма Анненкова от 11 октября 1854 г. (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 50—51).

[2] Каталог библиотеки В. Г. Белинского Тургенев позднее нашел у себя (см. письмо 346 и примеч. 1 к нему).

[3] Анненков в письме к Тургеневу от 11 октября ст. ст. 1854 г. описал свой визит к княжне С. И. Мещерской: «Зато уже у Мещерской — что за успехи. Она мне в глаза говорит, что она благодарит бога за знакомство со мной, и находит, что во всех моих движениях и в выражении лица — неописанная доброта. Это не то, что вы, злодей...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 50, об.— 51). Очевидно, и рукопись «Постоялого двора» была послана С. И. Мещерской на прочтение. Однако в письмах Анненкова к Тургеневу от 11 и 27 октября ст. ст 1854 г. нет никаких сведений о том, что Мещерская отдала ему эту рукопись.

[4] О большом успехе у читателей повести «Отрочество» Л. Н. Толстого сообщал Тургеневу Некрасов в письме от 6 (18) ноября 1854 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 213).

[5] Анненков 11 октября ст. ст. 1854 г. писал Тургеневу: «А в Крыму, говорят, союзникам не совсем ловко. На крошечном пространстве в треугольнике собралось теперь 80 т‹ысяч› против 80 т‹ысяч› человек. Союзники строят батареи, и когда дойдет до рук, полагаю, что бойня будет, и по малому пространству, и по отчаянному положению врага, и по point d'honneur'у ‹чувству чести› войска» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 51).

[6] Отвечая на вопрос Тургенева, Анненков писал ему 27 октября ст. ст. 1854 г.: «Наступили хлопоты для меня. Я печатаю Пушкина в двух типографиях — бумага, обертка, рисунки, шрифты, факторы, брошюровка,— сон даже потерял. Первого ноября надеюсь увидать первую корректуру — будет мне это впечатлительно» (см.: Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине.— В кн.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 304). Цензурное разрешение на I—II тома издания подписано 22 октября, на остальные — 1 ноября 1854 г.

[7] З. Н. Мухортов 6 ноября 1854 г. женился на Александре Николаевне Юханцевой, о чем сообщил И. И. Панаев М. Н. Лонгинову 13 января 1855 г. (см.: *Сб ПД 1923*, с. 218).

344. **Н. А. Некрасову** (с. 301)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 195 (Н. А. Некрасова), М. 4830. 21, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 119

[1] Это письмо является ответом на письма Некрасова от 6 (18) октября из Москвы и 9 (21) октября 1854 г. из Петербурга (*Некрасов*, т. 10, с. 206—207, 208—209).

[2] Некрасов приехал в Петербург 7 (19) октября 1854 г., так как в письме от 9 (21) октября он сообщил Тургеневу: «Я уже третий день дома» (*Некрасов*, т. 10, с. 208).

[3] Статью о Е. А. Баратынском Тургенев, очевидно, так и не окончил, ограничившись лишь примечанием к стихотворениям поэта, опубликованным в десятой книжке «Современника» за 1854 г.; письма Баратынского Тургеневым напечатаны не были.

[4] Некрасов писал Тургеневу 9 (21) октября 1854 г. о том, что проездом в Москве он «увидал ‹...› у Базунова толстейшую книжицу с названием „Песни разных народов", *перевод Берга* ‹...› книга хороша и может занять даже и не в дороге». Некрасов сообщал также, что он просил Базунова выслать экземпляр этой книги Тургеневу (*Некрасов*, т. 10, с. 208). Отзыв Тургенева о «Песнях разных народов» Н. В. Берга см. в письме 351. В одиннадцатой книжке

«Современника» за 1854 г. была напечатана пространная и в общем положительная рецензия Н. Г. Чернышевского на эту книгу.

[5] Некрасов 6 (18) ноября 1854 г. писал Тургеневу: «Ты хочешь знать об „Отрочестве“ — конечно, все его хвалят... но видят настоящую его цену немногие...» (*Некрасов*, т. 10, с. 213).

[6] В письмах от 6 (18) и 9 (21) октября 1854 г. Некрасов сообщал Тургеневу некоторые известия, касающиеся Крымской войны (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 206, 208).

[7] Письмо 343.

[8] Речь идет о рассказе Н. А. Основского «Петров день. Из воспоминаний охотника». Некрасов в ответном письме от 22 октября 1854 г. сообщал Тургеневу: «Получил рассказ Основского. Штука обыкновенная, но там есть черта (должно быть, услышанный анекдот) мольеровская ⟨...⟩ Напечатаю Основского в XII к⟨нижке⟩ и вышлю ему деньги (не более 25 р. сер. за лист)» (*Некрасов*, т. 10, с. 211).

345. В. П. Толстому (с. 302)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, ед. хр. 159. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 102.

[1] Речь идет о Л. Н. Толстом — брате Марии Николаевны Толстой, бывшей замужем за своим родственником.

[2] О состоявшемся знакомстве Тургенева с М. Н. и В. П. Толстыми см. в письме к П. В. Анненкову от 1(13) ноября 1853 г.

[3] Л. Н. Толстой в качестве артиллерийского офицера находился в то время в Дунайской армии, но вскоре перевелся оттуда в Севастополь.

346. П. В. Анненкову (с. 302)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 30, л. 32—33.

Впервые опубликовано (за исключением отрывков, напечатанных Л. Ланским в статье «Библиотека Белинского» — *Лит Насл*, т. 55, с. 432); *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 232—233.

[1] Тургенев отвечает на письмо Анненкова от 11 октября ст. ст. 1854 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 50—51). См. письма Тургенева к Анненкову от 1 и 15 октября ст. ст. 1854 г. (№ 339, 342). Анненков 11 октября ст. ст. 1854 г. писал Тургеневу: «... насчет библиотеки жалобы, кажется, преувеличены. Помните, у меня возле печки, на этажерке — связанные веревочкой книжки. Это всё ваши ⟨...⟩ Тут много „Современника“ и много №№ „Отечественных записок“ (старых), которые и дополнят вашу коллекцию. По приезде сюда также легко, спросив у Языкова, найдете, кто взял Гоголя и Пушкина, а в этих я уж неповинен. Реестр точно у меня был, возился в Москву и, вероятно, остался у меня в деревне, куда с этой же почтой пишу об отыскании его в бумагах» (*Лит Насл*, т. 55, с. 432).

[2] В том же письме Анненков сообщал Тургеневу: «На прошлой неделе получено последнее согласие на издание Пушкина, но с некоторыми ограничениями. Как бы то ни было,— в половине октября начнется печатание» (М о д з а л е в с к и й Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине.— В кн.: М о д з а л е в с к и й Б. Л. Пушкин, Л., 1929, с. 303).

[3] Тургенев имеет в виду известия о первой бомбардировке Се-

вастополя союзниками — англичанами, французами и турками — 5 (17) октября 1854 г. Многие форты его были разрушены, 1250 человек из гарнизона убито и ранено, погиб адмирал В. А. Корнилов, но крепость устояла, и это явилось первым успехом русских, повлиявшим на весь дальнейший ход войны.

[4] См. письмо 345, примеч. 1.

[5] В этой же книжке «Современника» Тургенев опубликовал «XV стихотворений Е. А. Баратынского» со своим примечанием. В письме говорится об опечатке в стихотворении Баратынского «Дядьке итальянцу». Анненков, исполнив просьбу Тургенева, переговорил с Некрасовым, о чем известил Тургенева 27 октября ст. ст. 1854 г. (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 52). В результате в одиннадцатой книжке «Современника» эта опечатка (в числе других) была исправлена (см. последнюю страницу).

[6] Некрасов 16 октября ст. ст. 1854 г. писал Тургеневу: «Смерть хотелось бы уехать за границу, да выросло новое препятствие» (*Некрасов*, т. 10, с. 210).

[7] Речь идет о книгах, недостававших в библиотеке Белинского, купленной Тургеневым.

347. Л. Н. Вакселю (с. 303).

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, собрание П. Л. Вакселя, № 4390.

Впервые опубликовано: Современник, 1913, № 8, с. 265—266.

[1] Н. А. Некрасов гостил у Тургенева в 1854 г. с 22 сентября (4 октября) по 4 (16) октября. Они много охотились, написали совместное послание М. Н. Лонгинову (*Сб ПД 1923*, с. 216—217).

[2] Тургенев намекает на события Крымской войны — битву на Альме, бомбардировку Севастополя и гибель адмирала В. А. Корнилова.

348. Д. Я. Колбасину (с. 304)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Речь идет о Е. Я. Колбасине. Д. Я. Колбасин 15 октября ст. ст. 1854 г. писал Тургеневу: «Брат держит экзамен превосходно, и ему осталось выдержать только из двух нефакультетских предметов» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 26 об.).

[2] Вероятно, Л. С. Шаламова.

[3] Это — ответ Д. Я. Колбасину, который в письме от 15 октября ст. ст. 1854 г. спрашивал: «На ком женился Порфирий Т‹имофеевич›? поздравляю!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 26 об.).

[4] Н. Н. и А. П. Тютчевы.

[5] В. С. Шаламова — вероятно, сестра названной выше Любови Степановны.

349. Полине Виардо (с. 305 и 416)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т*, *Nouv corr inéd*, t. 1, p. 76—78.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Тургенев пишет о своих взаимоотношениях с О. А. Тургеневой.

[3] В связи с рождением 15 марта 1854 г. третьей дочери, Марианны, П. Виардо на время приостановила свои выступления.

[4] Речь идет об опере Ш. Гуно на либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня по роману Г. Льюиса «Монах». Отзыв П. Виардо об этой опере неизвестен.

350. **Д. Я. Колбасину** (с. 307)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: Новое время, 1894, № 6706, 29 октября (10 ноября).

[1] Речь идет о письме Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 15 октября ст. ст. 1854 г. (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 25—26).

[2] Д. А. Оболенский в это время был директором провиантского департамента Морского министерства, где составил свод комиссариатского и провиантского уставов. Д. Я. Колбасин писал Тургеневу в упомянутом выше письме: «Вы знакомы с князем Оболенским, потому будьте так добры, напишите к нему письмо и просите, чтобы он принял участие в деле Миницкого, которое скоро поступит из Комиссии Черноморского флота в Адмиралтейств-совет, где оно будет окончательно решено. От этого решения будет зависеть судьба всего семейства Миницкого!» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 143, л. 25). Письмо Тургенева к Д. А. Оболенскому неизвестно.

[3] М. Н. Мусин-Пушкин — попечитель Петербургского учебного округа. По его распоряжению, все вольнослушатели университета, в том числе и Е. Я. Колбасин, не были допущены к последнему экзамену. По совету проф. К. А. Неволина, они обратились с жалобой к министру народного просвещения А. С. Норову, который распорядился немедленно допустить всех к экзаменам. После значительного сопротивления Мусин-Пушкин принужден был уступить. Экзамены прошли успешно (см.: *Т*, *ПСП*, с. 8).

[4] Письмо 348.

351. **Н. А. Некрасову** (с. 308)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, л. 7.

Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 120.

[1] Письмо Некрасова к Тургеневу от 16 октября ст. ст. 1854 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 209—210).

[2] Речь идет о книге «Песни разных народов», перевод Н. В. Берга (М., 1854). См. о ней также в письме 344, примеч. 4. Некрасов в своем письме спрашивал Тургенева: «Получил ли сборник песен? Не правда ли — стоит в нем порыться на досуге?» (*Некрасов*, т. 10, с. 210).

[3] «Досуги Кузьмы Пруткова», авторами которых были А. К. Толстой и братья Жемчужниковы, печатались в «Литературном ералаше» — особом приложении к «Современнику», посвященном юмору и сатире.

[4] Шурин В. П. Толстого — брат его жены М. Н. Толстой — Л. Н. Толстой; те и другие Толстые были между собою в очень дальнем родстве.

[5] Некрасов писал Тургеневу 16 октября ст. ст. 1854 г.: «Ни-

мало не раскаиваюсь, что съездил к тебе, хотя и плохо поохотился — это, кажется, укрепило меня» (*Некрасов*, т. 10, с. 210).

[6] Некрасов в это время собирался ехать за границу для лечения, что подтверждается ответным письмом его к Тургеневу от 6 ноября ст. ст. 1854 г. (см.: *Некрасов*, т. 10, с. 213); помехой путешествию могла быть война с союзниками.

[7] 22 октября ст. ст. 1854 г. Некрасов, сообщая Тургеневу о хлопотах Анненкова, касающихся выбора бумаги и формата для 1 тома собрания сочинений Пушкина, писал: «Издание скоро начнется» (*Некрасов*, т. 10, с. 211).

[8] См. письмо 348.

352. Е. Я. Колбасину (с. 309)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2303, оп. 1, ед. хр. 73.
Впервые опубликовано: *Т*, *ПСП*, с. 8—9.

[1] См. письма 348, 350.

[2] Л. Н. Толстой был в это время офицером в Дунайской армии и собирался перевестись в осажденный Севастополь, чем и объясняется пожелание ему Тургенева «пожить».

[3] Лето 1854 г. Тургенев жил на даче близ Петергофа. В примечании к этому письму Е. Я. Колбасин сообщает: «Тургенев был большой любитель шахматной игры и первостепенный игрок. Он постоянно следил за развитием этой игры, выписывая иностранные шахматные журналы. Часто после удачной партии он говаривал: „нет, положительно мое призвание быть не литератором, а полководцем“» (*Т*, *ПСП*, с. 9). См. также письма 294, примеч. 6, и 298, примеч. 4.

[4] В сборниках «Литературные вечера», издававшихся Н. М. Фумели (Одесса), были опубликованы первые произведения Е. Я. Колбасина: в Вечере первом, 1849 г. — повесть «Энтузиаст», в Вечере втором, 1850 г. — повесть «Практический человечек».

353. Н. А. Некрасову (с. 309)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2486, 1, л. 9.
Впервые опубликовано: *Рус Мысль*, 1902, № 1, с. 120—121.

[1] Имеется в виду статья о стихотворениях Е. А. Баратынского.

[2] Некрасов писал Тургеневу: «... я слезно тебя прошу написать на 1 или 2 книжку „Современника“ рассказ, хоть небольшой, или что ты хочешь, да чтоб было твое имя» (*Некрасов*, т. 10, с. 210—211). В первой книжке «Современника» за 1855 г. была напечатана комедия Тургенева «Месяц в деревне».

[3] В. В. Каратеев — автор повести «Московское семейство», которую Тургенев, как это видно из данного письма, вначале собирался опубликовать. Позднее сюжет этого произведения он развил в романе «Накануне» (см.: *Анненков*, с. 427—428; см. также предисловие к собранию романов в издании сочинений 1880 г.).

[4] В это время Л. Н. Толстой собирался покинуть Кишинев. Именно в конце октября он заявил о своем желании перевестись в Севастополь и 7 ноября 1854 г. был уже там (см.: *Толстой*, т. 47, с. 30).

[5] Речь идет об «Отрочестве». Мнение Некрасова см. в примеч. 5 к письму 344.

[6] Прозвище П. В. Анненкова.

[7] Некрасов писал Тургеневу 22 октября ст. ст. 1854 г. об издании сочинений Пушкина: «... не буду виноват, если формат нового Пушкина будет уродлив и шрифт гадок,— уж эти статьи он решил! Шрифт (тонкий и узкий), особенно для стихов, мне решительно не нравится» (*Некрасов*, т. 10, с. 211).

[8] См. примеч. 7 к письму 343.

[9] Речь идет о письмах Баратынского к А. А. Дельвигу.

354. П. В. Анненкову (с. 310)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 97, л. 3—4.

Впервые опубликовано: Новый мир, 1927, № 9, с. 157—158.

Стр. 311. «Естественная история птиц» (*франц.*).
Стр. 311. Возвращаюсь к предмету нашего разговора (*франц.*).
Стр. 311. Но довольно, но довольно, умоляю (*итал.*).

[1] Тургенев говорит об издании сочинений Пушкина (см. письмо 343, примеч. 6).

[2] В письме к Тургеневу от 27 октября ст. ст. 1854 г. Анненков посылал ему корректуру объявления об издании «Сочинений Пушкина» из календаря на 1855 г. и подчеркивал, что «такое же точно будет пропечатано и во всех газетах» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 53 об.).

[3] В отношении событий на Крымском театре войны Анненков был настроен довольно оптимистично. Он писал Тургеневу: «Ветер, батюшка, на нашей стороне. Даненберг соединился с Меншиковым, союзники сжаты у моря и до сих пор не причинили вреда Севастополю, между тем, их обходят с тыла. Дело, конечно, будет потное, но уже приезжие оттуда говорят не о спасении нашего порта, а о том, что было бы и несчастливо и стыдно выпустить кого-либо из союзников из Крыма» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 52об.— 53).

[4] Тургеневу исполнилось 36 лет 28 октября (9 ноября) 1854 г.

[5] В. П. и М. Н. Толстые провели зиму 1854/55 г. в Москве.

[6] Юбилей Московского университета — 100-летие со дня его открытия — праздновался 12—14 января 1855 г.

[7] Очевидно, речь идет о повести Тургенева «Яков Пасынков», которая была опубликована в четвертой книжке «Отечественных записок» за 1855 г.

[8] См. письмо Некрасова от 22 октября (2 ноября) 1854 г. (*Некрасов*, т. 10, с. 210).

[9] В письме от 27 октября 1854 г. Анненков писал Тургеневу: «Книги ваши я послал вам с вещами Тютчева в Москву, где их получит ваш комиссионер...» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 7, л. 52).

[10] В библиотеке Белинского, приобретенной Тургеневым, сохранились тома I, II и IV (третий том утрачен) четырехтомного издания Бюффона «Histoire naturelle des oiseaux», вышедшего в Париже в 1771—1777 гг. См.: *Лит Насл*, т. 55, с. 549.

[11] Фраза из комедии Д.-О. Брюэса (Brueys) и Ж. Палапра́ (Palaprat) «Адвокат Патлен» («L'avocat Patelin», 1706), почерпнутой из средневекового фарса. Фраза эта стала поговоркой.

[12] На Миллионной улице (ныне ул. Халтурина) жила О. А. Тургенева, которою писатель был увлечен в 1854 г.

[13] Л. Лаблаш в 1852 г. пел в Петербурге в Итальянской опере, где исполнял партию Бартоло в опере Россини «Севильский цирюльник» (см.: Серов А. Музыкальное утро.— В кн.: Серов А. Н. Критические статьи (1851—1856). СПб., 1892. Т. 1, с. 454). Приведенную Тургеневым фразу см. во II акте, явл. 11 (дуэтино графа Альмавивы и Бартоло).

355. П. Ф. Миницкому (с. 312)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 70, л. 3—4.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1909, № 8, с. 634—636, с пропусками слов и искажениями.

[1] Это письмо Миницкого неизвестно.

[2] Миницкий в то время жил в Одессе и мог раньше многих узнать об этих подробностях.

[3] Очевидно, Н. А. Некрасов сообщил свои замечания Тургеневу во время чтения «Затишья» в Петергофе летом 1854 г. Несколько позднее, в статье «О мысли в произведениях изящной словесности (заметки по поводу последних произведений г.г. Тургенева и Л. Н. Т.)» (*Совр*, 1855, № 1), П. В. Анненков упрекал Тургенева в том, «что он еще не вполне дописывает свои лица и образы», что «слишком много в них предоставлено отгадке читателя», что «большая часть его лиц написана не во весь рост». Учитывая все эти замечания, Тургенев при подготовке издания своих «Повестей и рассказов» (1856) вставил в «Затишье» новую, четвертую главу, в которой существенно дополнены характеристики Веретьева и Маши.

[4] Речь идет об Астахове, персонаже «Затишья».

[5] Повесть «Отрочество».

[6] 2 (14) ноября 1854 г. Некрасов писал Л. Н. Толстому: «„Отрочество" в печати подверглось значительным и обидным урезываньям. Случилось несколько цензурных историй, выговоров — и на цензора нашего, как и на других, напал панический страх, вследствие которого он вымарал более, чем бы следовало» (*Некрасов*, т. 10, с. 212). Сведения о цензурных искажениях в «Отрочестве» см.: *Толстой*, т. 2, с. 372—373.

[7] См. письмо 346, примеч. 1.

[8] «Оды» Горация в переводе А. А. Фета появились в «Отечественных записках» только в 1856 г. (№ 1, 3, 5, 6, 7).

356. С. Т. Аксакову (с. 313)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, Р. 2075, л. 1.

Впервые опубликовано: Аксаков С. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах... М., 1855, с. 181, как вступление к очерку Тургенева «О соловьях».

[1] Очерк «О соловьях» Тургенев отправил С. Т. Аксакову 11 (23) ноября 1854 г. (см. письмо 359, примеч. 3). Выражение «Посылаю Вам 〈...〉» в данном письме является литературным приемом.

[2] Е. Я. Колбасин писал: «Прелестный рассказ „О соловьях" не есть сочинение Тургенева, а буквально записан со слов Афанасия, великого специалиста во всех родах охоты, начиная с медведя и кончая гольцом» (*Т*, *ПСП*, с. 92). Но, возможно, речь идет и о другом охотнике.

357. В. П. Толстому (с. 313)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 29, л. 3.

Впервые опубликовано: *Звенья*. т. 1, с. 285—286.

Датируется на основании упоминания повести «Затишье», которая была напечатана в № 9 «Современника» за 1854 г. Кроме того, по крайней мере до 19 октября ст. ст. 1854 г. Тургенев не был официально знаком с Толстым. Воскресенье приходилось также на 24 октября ст. ст. 1854 г., но эта дата все-таки менее вероятна.

[1] Повесть «Два приятеля» была напечатана в № 1 «Современника» за 1854 г.

358. Н. А. Некрасову (с. 314)

Печататется по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 11, № 25, л. 3. Впервые опубликовано: *Т и круг Совр*, с. 118—119.

[1] Тургенев приехал в Петербург в 20-х числах ноября 1854 г. См. письмо 360, написанное уже из столицы.

359. С. Т. Аксакову (с. 314)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 41—42. Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 487—488.

[1] Тургенев смог побывать в Абрамцеве лишь в январе 1855 г. См. примеч. 2 к письму 340.

[2] См. письмо 354, примеч. 6.

[3] За статью «О соловьях» С. Т. Аксаков благодарил Тургенева в письме от 22 ноября ст. ст. 1854 г., отмечая, что она «прелесть по живости рассказа, по специальности языка и по горячему чувству охотника, которым проникнуто каждое слово» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 21). Другая статья — «Поездка в Полесье». В письме к Тургеневу от 18 (30) октября 1854 г. Аксаков писал: «Рукопись моя „Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах" должна была поступить в цензуру в самых первых числах ноября. Но я буду очень рад подождать ваших статеек хоть целый месяц; они украсят мою книжку и придадут ей разнообразие, которого именно ей недостает» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 19).

[4] Имеется в виду письмо С. Т. Аксакова к Тургеневу от 18 (30) октября 1854 г., к которому было приложено его стихотворение об охоте. Посылая это стихотворение, С. Т. Аксаков писал: «Мне пришла фантазия послать вам послание мое к брату, писанное около 37 лет тому назад, я отрубил ему голову и хвост. Стихи, конечно, несовременные, но иное схвачено верно и вам, как охотнику, может быть приятно» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 21).

[5] В том же письме С. Т. Аксаков сообщал Тургеневу: «Ко времени вашего приезда, вероятно, Иван (И. С. Аксаков.— *Ред.*) будет в Абрамцеве» (*Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 19). И. С. Аксаков приехал 18 ноября 1854 г. (см. примеч. 3 к письму 340).

[6] Вице-директором Инспекторского департамента Военного министерства был брат П. В. Анненкова — И. В. Анненков.

360. Н. М. Щепкину (с. 315)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 276, ед. хр. 33, л. 4. Впервые опубликовано: Культура театра, 1921, № 7-8, с. 47.

[1] См. письмо 153, примеч. 2. В 1854 г. Тургенев возобновил попытку добиться опубликования этой пьесы, и она, в искаженном цензурою виде, была напечатана в первой книжке «Современника» за 1855 г. под названием «Месяц в деревне». Позже, в предисловии к «Сценам и комедиям», Тургенев писал: «Позволяю себе заметить, что „Месяц в деревне" является теперь в первобытном виде. Я поставил было себе в этой комедии довольно сложную психологическую задачу; но тогдашняя цензура, принудив меня выкинуть мужа и превратить его жену во вдову,— совершенно исказила мои намерения».

[2] И. М. Снегирев в течение многих лет служил цензором в Московском цензурном комитете. Прочитав 9 ноября 1850 г. комедию «Две женщины» (см.: Дневник И. М. Снегирева, 1822—1852. М., 1904, Т. 1, с. 467), он, по-видимому, остался недоволен ею и убедил цензурный комитет запретить ее к печати.

[3] Тургенев собирался в Москву в январе 1855 г. в связи с празднованием юбилея Московского университета. Н. Г. Чернышевский в письме к своему отцу сообщал 11 (23) января 1855 г.: «Здесь чрезвычайно заняты все люди, имеющие соприкосновение с ученым миром, столетним юбилеем Московского университета ⟨...⟩ Едут ⟨...⟩ многие литераторы (в том числе из знакомых мне Краевский и Тургенев)» (*Чернышевский*, т. 14, с. 283).

361. **Н. Н. Тургеневу** (с. 315)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 377, № 582, л. 2.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 245—246.

[1] О причинах замены М. С. Воронцова Н. Н. Муравьевым см.: Т а р л е Е. В. Крымская война. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1, с. 523—524.

362. **М. Н. и В. П. Толстым** (с. 316)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, ед. хр. 154.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 102—103.

[1] Это письмо неизвестно. Варенька — дочь Толстых, В. В. Толстая.

[2] Речь идет о заключенном 2 (14) декабря 1854 г. договоре Австрии с Англией и Францией, по которому «в любой момент после 1 января 1855 г. Австрия могла заявить, что, так как мир не заключен, она обязана вступить в войну ⟨на стороне Англии и Франции⟩» (Т а р л е Е. В. Крымская война, т. 2, с. 328).

[3] Эти строки Тургенев пишет под впечатлением от Инкерманского сражения (5 (17) ноября 1854 г.), обескровившего и русскую и вражескую армии. Если не считать неудачной попытки наших войск овладеть Евпаторией 5 (17) февраля 1855 г., то до весны под Севастополем, действительно, ничего существенного не произошло.

[4] В письме к Л. Н. Толстому от 2 ноября ст. ст. 1854 г. Н. А. Некрасов следующим образом характеризовал отношение к «Отрочеству» писателей и читателей: «Вещь эта произвела в читающем мире то, что называется *эффект*, а что касается литераторов, разумеется, смыслящих, то они сознаются, что очень давно ничего подобного не было в русской литературе» (*Некрасов*, т. 10, с. 212).

[5] В первых книжках «Отечественных записок» за 1855 г. ни одной вещи Тургенева не появилось. В апрельской книжке «Отечественных записок» за 1855 г. напечатан «Яков Пасынков», а в январской «Современника» за 1855 г.— «Месяц в деревне».

[6] По свидетельству Т. А. Кузминской, Любовь Антоновна Дельвиг «была очень дружна с Марией Николаевной» (см.: К у з м и н с к а я Т. Мои воспоминания о графине Марии Николаевне Толстой. СПб., 1914, с. 22). Ее брат Ал. А. Дельвиг, в то время — штабс-капитан гвардии в отставке, жил в своем имении Хитрово, в двух верстах от Покровского, имения В. П. и М. Н. Толстых.

[7] Кума Тургенева — М. Н. Толстая.

[8] Речь идет о рукописи (списке) повести «Постоялый двор», еще не напечатанной.

363. М. Л. Михайлову (с. 317)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 45, л. 4. Впервые опубликовано: *Т сб.* вып. 1, с. 207.

Датируется 5 (17) декабря 1854 г. на основании сопоставления дат одновременного пребывания Тургенева и Михайлова в Петербурге, указанного дня недели (воскресенье) и упомянутого представления пьесы «Владимир Заревский».

[1] «Владимир Заревский» (1846) — драма К. Д. Яфимовича (см.: *Вольф, Хроника*, ч. 1, с. 118—119). Пьеса была впервые поставлена в Александринском театре в 1846 г. и пользовалась успехом; возобновление ее состоялось 5 (17) декабря 1854 г. Именно этот спектакль, главные роли в котором исполняли П. С. Степанов и Е. Н. Жулева, упоминает в своем письме Тургенев.

[2] О посещении Тургеневым маскарадов в середине 1850-х годов см.: Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого. СПб., 1901, с. 56.

364. С. Т. Аксакову (с. 317)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 43. Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 488.

[1] Письмо С. Т. Аксакова от 22 ноября 1854 г. (см.: *Рус Обозр*, 1894, № 11, с. 21—22).

[2] См. письмо 362, примеч. 5.

[3] О том, что Тургенев собирался быть в Абрамцеве 8 или 9 января 1855 г., записала в своем «Дневнике» и В. С. Аксакова, очевидно, на основании данного письма (см.: Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913, с. 29). В действительности Тургенев приехал к Аксаковым 20 или 21 января (см. письмо 340, примеч. 2).

[4] Речь идет о юбилее Московского университета (см. письмо 354, примеч. 6).

[5] Статью «О соловьях» Тургенев послал С. Т. Аксакову вместе с письмом от 11 (23) ноября 1854 г. (письмо 359, примеч. 3).

[6] Имеются в виду «Отрывки из рассказов и воспоминаний охотника. I. Охота с острогою; II. Ловля шатром тетеревов», опубликованные в «Москвитянине» (1854, ч. V, № 20, октябрь, кн. 2, отд. V, с. 159—176).

365. Н. Н. Тургеневу (с. 318)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 377, № 582, л. 4. Впервые опубликовано: *Т, ПСП*, с. 9—10.

[1] Парижский журнал для девиц (1844—1896).

[2] Трудно сказать, какой именно «Nouvelliste» имеет в виду Тургенев. Наиболее возможными хронологически являются популярные во второй половине XIX в. ежедневные газеты «Nouvelliste du Nord et du Pas-de-Calais» (1853—1934) и «Nouvelliste de Rouen» (1830—1908). Возможно также, что речь идет о музыкальном журнале «Нувеллист», издававшемся в Петербурге с 1840 г.

[3] Тургенев имеет в виду ежедневную газету «Indépendance Belge» (1829—1936), издававшуюся в Брюсселе, но охарактеризованную в ежегодниках французской прессы как издание вполне парижское по своей информации и с направлением, разделяемым «большей частью Франции».

[4] Колоритную характеристику повара Степана и его отношений с Тургеневым см.: *Т, ПСП*, с. 53, примечание Е. Я. Колбасина.

366. **М. Н. и В. П. Толстым** (с. 319)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 306, картон 2, ед. хр. 155. Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 103—104.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Тургенев выехал в Москву 8 (20) января 1855 г. и вернулся в Петербург через месяц (см.: наст. изд., Письма, т. 3, письма № 000 и 000). В течение этого времени он присутствовал на юбилейных торжествах Московского университета (см.: *Чернышевский*, т. 14. с. 283) и совершил поездку к Аксаковым в Абрамцево. В Москве Тургенев неоднократно встречался с приехавшими туда М. Н. и В. П. Толстыми (см.: наст. изд., Письма, т. 3, письмо № 000, а также письма-записки к Толстым, написанные в Москве).

[3] Ср. с замечанием Тургенева о жанре его комедии, появившимся в печати — в примечании к «Месяцу в деревне»,— несколько дней спустя после написания этого письма: «Это ⟨„Месяц в деревне"⟩ собственно не комедия, а повесть в драматической форме» (*Совр*, 1855, № 1, с. 29). Колебания в определении жанровых признаков собственных пьес и в особенности романов, которые он часто называл повестями, были очень характерными для Тургенева. Объяснялось это в основном тем обстоятельством, что писатель, под влиянием критики, нередко сомневался в идейно-художественной значимости своего творчества.

[4] См. письмо 360, примеч. 1.

[5] См. примеч. 5 к письму 362.

[6] Кума Тургенева — М. Н. Толстая.

[7] Рассказ Л. Н. Толстого «Записки маркера» был напечатан в январском номере «Современника» за 1855 г., но с значительными пропусками по требованию цензуры.

367. **С. Т. Аксакову** (с. 320)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 3, оп. 13, № 70, л. 45. Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1894, № 2, с. 489.

[1] Тургенев выехал из Петербурга в Москву лишь 8 (20) января 1855 г. (см. письмо 366, примеч. 2).

[2] См. письмо 364, примеч. 3.

368. **Д. Я. и Е. Я. Колбасиным** (с. 320)

Печатается по подлиннику: Научная библиотека МГУ, отдел редких книг, инв. № 264.

Впервые опубликовано: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 251.

Датируется предположительно январем — началом апреля или концом ноября-декабрем 1854 г. на основании пометы на подлиннике, сделанной рукой Д. Я. Колбасина: «кажется в 18[5]4 году». В этом году Тургенев в начале апреля отправился из Петербурга в Спасское, а на лето поселился в Петергофе, где пробыл до середины сентября, после чего снова выезжал в деревню и возвратился в столицу лишь во второй половине ноября.

369. **М. Л. Михайлову** (с. 320)

Печатается по подлиннику: Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), К. 238, № 271/270.

Впервые опубликовано: Русская литература, 1971, № 1, с. 93.

Датируется предположительно 1854 г. на основании близости письма по содержанию с письмом к М. Л. Михайлову от 5 (17) декабря 1854 г. (письмо № 363).

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

16. Вел. кн. Александру Николаевичу (с. 322)

Печатается по черновому подлиннику: *ИРЛИ*, № 14251, л. 1—2 об.

Впервые опубликовано по тому же черновику: *Рус Ст*, 1884, № 1, с. 173—174. Отправленный по назначению беловой текст неизвестен.

Это письмо написано, очевидно, по совету А. К. Толстого, принимавшего большое участие в судьбе Тургенева во время его ареста и последующей ссылки в Спасское-Лутовиново. В письме к Тургеневу от 24 апреля 1852 г. А. К. Толстой, между прочим, писал: «...я бы посоветовал Вам послать генералу Галахову также и то письмо, которое вы хотели написать его высочеству великому князю. Генерал берется доставить его высочеству» (Лит. вестн., 1901, т. 1, кн. 3, с. 353). О хлопотах А. К. Толстого и А. О. Смирновой, связанных с освобождением Тургенева из-под ареста, см. также: Кн. Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 3 (1881—1894). СПб., 1912, с. 128—129.

[1] С.-Петербургский военный генерал-губернатор Д. И. Шульгин позже уведомил генерала Л. В. Дубельта, что «проживавший в С.-Петербурге помещик Орловской губернии Иван Тургенев выдержан один месяц под арестом и выслан 18 мая на родину его» (см.: Дризен Н. В. Арест и ссылка И. С. Тургенева.— *ИВ*, 1907, № 2, с. 565).

[2] Значительно позже, 8 марта 1869 г., Тургенев в письме к К. К. Случевскому сообщал о себе: «В 1852 г. за напечатание статьи о Гоголе (в сущности за „Записки охотника“) отправлен на жительство в деревню...» Ю. Г. Оксман в статье «Секретное следствие о „Записках охотника“ в 1852 г.» также связывает арест и ссылку Тургенева не только с его письмом о смерти Гоголя. Исследователь указывает, что за границей летом 1851 г. появился перевод на французский язык книги Герцена «О развитии революционных идей в России» («Du développement des idées révolutionnaires en Russie»), в которой Герцен, характеризуя тематику новейших повестей и рассказов из крестьянского быта, обращал внимание на их «мрачный и трагический характер, угнетающий читателя», и добавлял: «Кто может читать, не содрогаясь от возмущения и стыда, замечательную повесть „Антон Горемыка“ или шедевр И. Тургенева „Записки охотника“?» (*Герцен*, т. 7, с. 228). Книга Герцена вскоре после своего выхода в свет была прислана Николаю I префектом парижской полиции и уже в октябре 1851 г. внесена в список изданий, «безусловно запрещенных». О содержании этой книги были хорошо осведомлены руководители III отделения, чем объясняется, в частности, самый факт установления надзора за Тургеневым и его перепиской, поскольку имя молодого писателя сочувственно упоминалось в книге «О развитии революционных идей в России» (см.: Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «За-

пискам охотника» И. С. Тургенева. Исследования и материалы. Саратов, 1959, с. 248). Вина Тургенева усугублялась в глазах III отделения еще и тем обстоятельством, что в его «Письме» говорилось о Гоголе — писателе, огромное революционизирующее значение которого Герцен особенно подчеркивал (там же). См. заявление о том же самого Тургенева в письме к Л. и П. Виардо от 1 (13) мая 1852 г. (№ 210).

[3] В Москве статья была разрешена к печати (см. об этом в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева).

17. **Н. И. Крузенштерну** (с. 323)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 180, л. 6, в деле канцелярии Орловского гражданского губернатора «О помещике Тургеневе, высланном из С.-Петербурга на родину в здешнюю губернию под присмотр».

Впервые опубликовано: Огонек, 1908, № 32; вторично — Минувшие годы, 1908, № 8, с. 34—36, с факсимиле, в статье А. Дунина «Ссылка И. С. Тургенева в Орловскую губ.».

[1] Большие имения В. П. Тургеневой были расположены в губерниях: Курской, Калужской, Орловской, Тульской и Тамбовской. И. С. Тургенев после смерти матери и раздела с братом Н. С. Тургеневым получил 1925 «душ» крестьян мужского пола (см.: Орловский вестник, 1899, № 76, 19 марта).

[2] Просьба Тургенева, представленная Крузенштерном в Петербург, удовлетворена не была. Д. Г. Бибиков, министр внутренних дел, в письме к военному губернатору г. Орла и орловскому гражданскому губернатору от 20 декабря 1852 г. сообщил, что «по недавнему удалению г. Тургенева из С.-Петербурга не представляется в настоящее время, впредь до удостоверения в хорошем поведении и совершенной благонадежности его, удобным ходатайствовать у государя императора об удовлетворении изъясненной просьбы...» (Минувшие годы, 1908, № 8, с. 34, 37).

18. **Вел. кн. Александру Николаевичу** (с. 324)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 109, оп. 1852, № 92, л. 55—56.

Впервые опубликовано: *ИВ*, 1907, № 2, с. 566—567 (в статье Н. В. Дризена «Арест и ссылка И. С. Тургенева»), с искажениями; более точно: Всемирный вестник, 1907, № 12, с. 49.

[1] 16 апреля 1852 г. Тургенев был арестован и посажен на «съезжую».

[2] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 17.

[3] Ответа на свое письмо Тургенев не получил, так как оно до адресата не дошло. Это подтверждается рапортом мценского исправника орловскому губернатору (Н. И. Крузенштерну) от 10 апреля 1853 г. В рапорте содержалось донесение о посылаемом Тургеневым письме к наследнику. Губернатор ответил на «представление» исправника отказом переслать письмо по назначению; данные об этом обнаружены в Гос. архиве Орловской области (ф. 580, ст. 1, д. 920, л. 108—109 и ст. 4, д. 1189, л. 91—92 об. См.: Шапочка В. В., Богданов Б. В. Новые документы о И. С. Тургеневе.— Советские архивы, 1968, № 6, с. 98: Алексина Р. Языком документа.— Орлов. правда, 1978, 30 декабря).

19. Л. В. Дубельту (с. 325)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 109, оп. 1852, № 92, л. 65.

Впервые опубликовано по тому же подлиннику: Всемирный вестник, 1907, № 12, с. 54.

[1] Тургенев был выслан на жительство в Спасское-Лутовиново по личному распоряжению Николая I, без указания срока.

[2] Речь идет о письме вел. кн. Александру Николаевичу (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 18).

[3] 31 октября 1853 г. Л. В. Дубельт сообщил Тургеневу, что его письмо было представлено «на усмотрение» графа Орлова, который «изволит находить ходатайства о сем (т. е. о приезде Тургенева в столицы.— *Ред.*) еще рановременным» (Всемирный вестник, 1907, № 12, с. 55).

20. А. Ф. Орлову (с. 326)

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 109, оп. 1852, № 92, л. 76.

Впервые опубликовано по тому же подлиннику: Всемирный вестник, 1907, № 12, с. 62.

[1] Письмо написано вследствие полученного Тургеневым письма от Л. В. Дубельта с извещением об отказе гр. А. Ф. Орлова в его просьбе (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 19, примеч. 3). Когда Тургенев писал, он, конечно, еще не мог знать о том, что буквально накануне, т. е. 16 ноября 1853 г., граф А. Ф. Орлов, побуждаемый просьбами влиятельных друзей Тургенева — гр. А. К. Толстого и других, а также, возможно, выполняя указание вел. кн. Александра Николаевича, подписал официальное письмо к писателю о разрешении выехать из Спасского и возвратиться в Петербург, т. е. об окончании ссылки. Тургеневу не было также известно и то обстоятельство, что Николай I приказал иметь за ним в столице «строжайший надзор» (Всемирный вестник, 1907, № 12, с. 60, 61).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА с 1850 по 1854 год

1850. Париж январь — 1 (13) апреля
Брюссель — первая половина апреля
Куртавнель 17 (25) апреля — 7 (19) мая
Париж 2 (14) мая
Париж 9 (21) мая — 13 (25) июня
Брюссель — Берлин — Штеттин 13 (25) — 17 (29) июня
Петербург 19 июня (1 июля)
Москва 4 (16) — 15 (27) июля
Тургенево 23 июля (4 августа) — 26 сентября (8 октября)
Москва 28-29 сентября (10-11 октября)
Петербург 8 (20) октября — 16 (28) ноября
Москва 22 ноября (4 декабря) — декабрь
1851. Москва — 1 (13) января — не ранее 3 (15) февраля
Петербург — первые числа февраля — 2 (14) апреля
Москва — середина апреля
Спасское — вторая половина апреля — середина октября
Москва — 20 октября (1 ноября) — 6 (18) ноября
Петербург — 7 (19) ноября — декабрь
1852. Петербург — январь — 18 (30) (?) мая
Москва — 20-е числа мая
Спасское — конец мая — декабрь
Юшково Карачевского уезда 14 (26) — 18 (30) сентября
Орел 26-27 октября — 7-8 ноября
1853. Спасское — январь — между 3 и 6—15 и 18 декабря
Орел 23 февраля — 7 марта — конец февраля или начало марта
Москва — 22—31 марта (3—12 апреля)
Москва — между 5 и 8 (17 и 20) декабря
Петербург 9 (21) декабря — конец декабря
1854. Петербург — январь — около 10 (22) апреля
Москва 11 (23) апреля
Спасское около 13 (25) апреля — 11 (23) мая
Москва 12 (24) мая — около 20 мая (1 июня)
Абрамцево — середина мая
Петербург — 20-е числа мая
Петергоф — конец мая — начало сентября
Петербург — начало сентября — 18 (30) сентября
Спасское — 29 сентября (4 октября) — начало 20-х чисел ноября
Петербург — около 26 ноября (8 декабря) — декабрь

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ И. С. ТУРГЕНЕВА [1]

---

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ [1]

---

[1] Имена лиц, являющихся адресатами писем Тургенева, напечатанных в настоящем томе, отмечены звездочками; отсылки на указатели других томов писем сокращены до указания лишь номера тома.

Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ *

Атеней	— Атеней. Историко-литературный временник./Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1926. Кн. 3.
Барсуков, Погодин	— Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. Кн. 1—22.
Б-ка Чт	— «Библиотека для чтения» (журнал).
Боткин и Т	— В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. По материалам Пушкинского дома и Толстовского музея. Подготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930.
ГПБ, Описание	— Рукописи И. С. Тургенева. Сост. Р. Б. Заборова./Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1953 (Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды отдела рукописей).
Гутьяр	— Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907.
Достоевский и Т	— Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка./ Под ред., с введ. и примеч. И. С. Зильберштейна. Предисловие Н. Ф. Бельчикова. Л., 1928.
ИВ	— «Исторический вестник» (журнал).
Клеман, Летопись	— Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева./Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1934.
Клеман, Хронолог указ	— Клеман М. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева.— В кн.: И. С. Тургенев. Сборник статей. Л.: ГИХЛ, 1934, с. 329—387.
Леонтьев	— Леонтьев К. Собр. соч. М.; СПб.: Изд. В. М. Саблина, 1912—1913. Т. 1—9.
Лит Вестн	— «Литературный вестник» (журнал).
Никитенко	— Никитенко А. В. Дневник в трех томах. Л.: Гослитиздат, 1955—1956. Т. 1—3.
Орл сб, 1955	— «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).
Орл сб, 1960	— И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы./Под ред. академика М. П. Алексеева. Орел, 1960.
Панаев	— Панаев И. И. Первое полное собрание сочинений. СПб.: изд. Н. Г. Мартынова, 1888—1889. Т. 1—6.

* В настоящем списке раскрываются условные сокращения, вводимые впервые. Сводный список условных сокращений, принятых в издании, см.: Письма, т. 18.

Писемский — Писемский А. Ф. Письма. / Подготовка текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936 (Литературный архив).

Письма к Дружинину — Письма к А. В. Дружинину. М.: Гос. литерат. музей, 1948 (Летописи, кн. 9).

Рус Обозр — «Русское обозрение» (журнал).

Сб ГБЛ — И. С. Тургенев. Сборник под редакцией Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб ГПБ — Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 3.

Сб ПД 1923 — Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922.

Сб РПБ — Сборник Российской Публичной Библиотеки. Пб.: ГИЗ, 1920—1924. Т. 1—2.

Т и круг Совр — Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861. М.; Л.: Academia, 1930.

Толстой — Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. (Юбилейное изд. 1828—1928) под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928—1958. Т. 1—90.

Толстой и Т — Толстой и Тургенев. Переписка./ Ред. и примеч. А. Е. Грузинского и М. А. Цявловского. М., 1928 (Записи прошлого).

Т, Первое собрание писем — Тургенев И. С. Первое собрание писем, 1840—1883. (Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). СПб., 1884 (на обложке 1885).

Труды ГБЛ — Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. М.: Academia, 1934—1939. Вып. 3—4.

Т сб — Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964—1969. Вып. 1—5.

Т сб (Кони) — Тургеневский сборник/Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых, 1921. (Тургеневское общество).

Фет — Фет А. А. Мои воспоминания (1848—1889). М., 1890. Ч. 1—2.

Чернышевский — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1939—1953. Т. I—XVI (доп.).

Dulong, Viardot — Dulong G. Pauline Viardot tragédienne lyrique. Bibliothèque de l'Institut de France, fonds Mazon, ms. 6527.

New Z Sl J — «New Zealand Slavonic Journal» (журнал).

Sand, Corr — Sand George. Correspondance. (Textes réunis, classés et annotés par Georges. Lubin). Paris, 1964—1981. T. 1—15.

Séménoff — Séménoff. La vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff avec des lettres inésdites de Tourguéneff à sa fille. Paris: Mercure de France, 1933.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1850

1851

1852